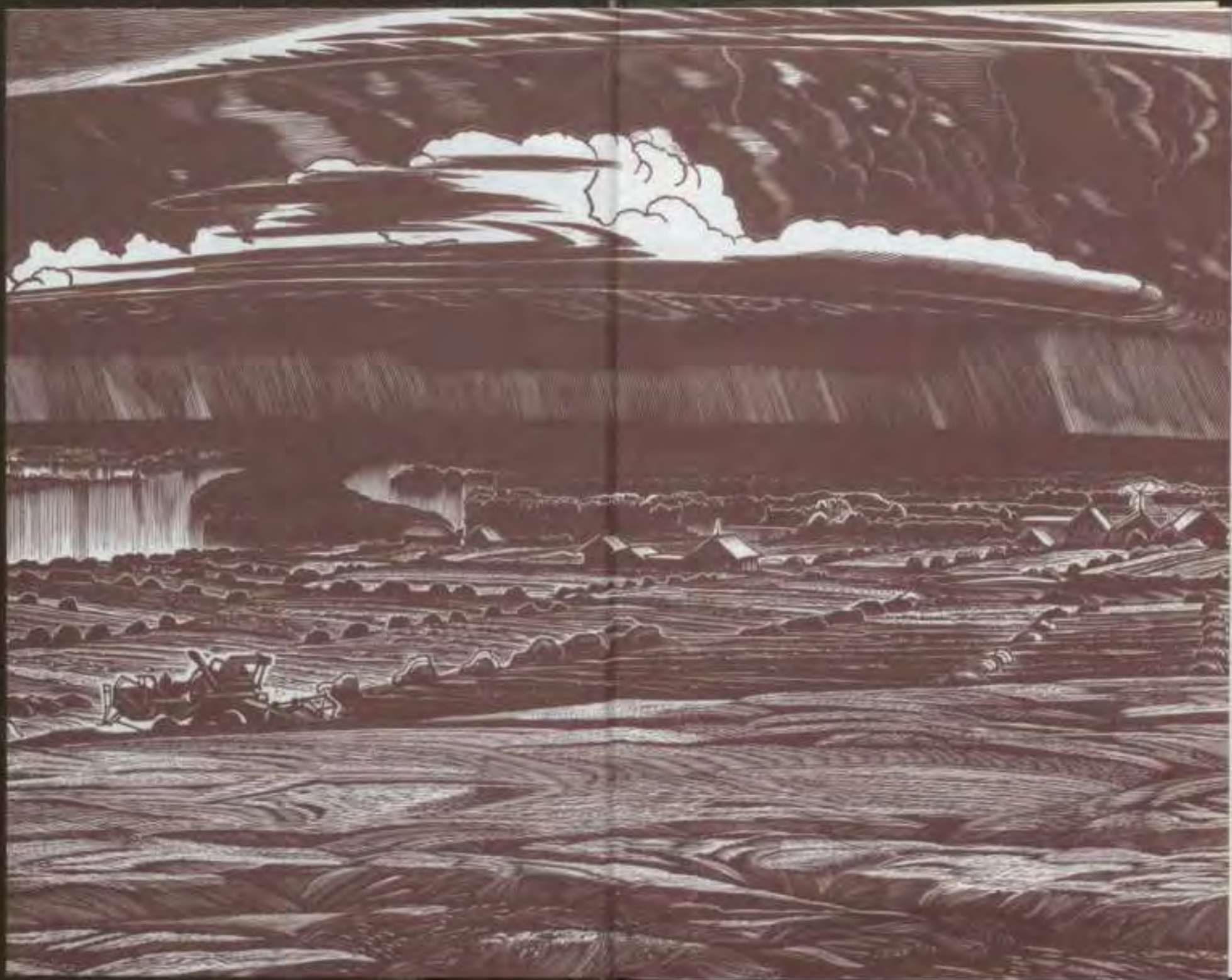
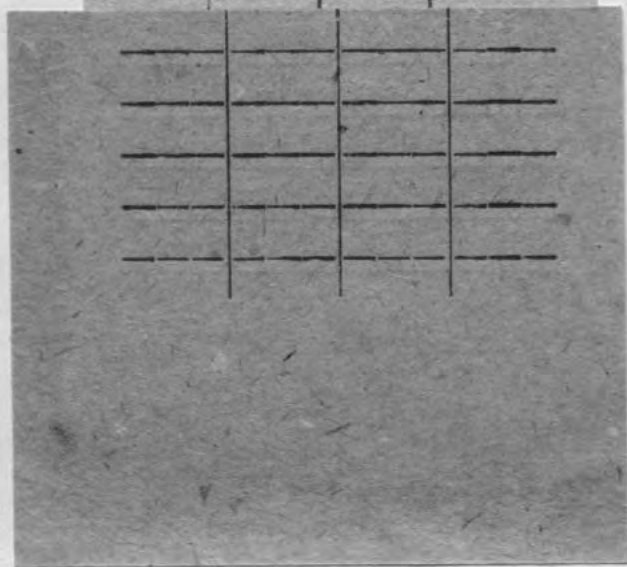
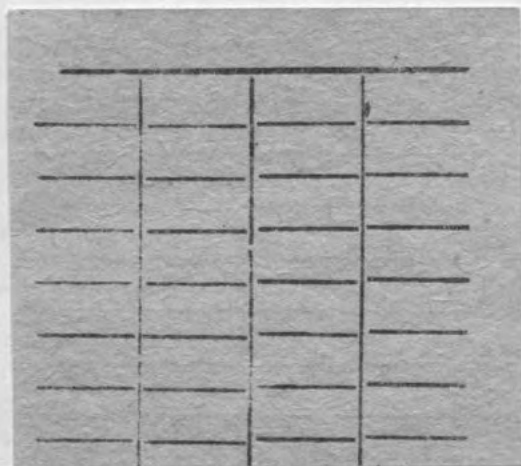

3B

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Откуда мы родом?

000000

кр

Крестьянство. XX век

ЭВ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

**том третий
книга вторая**

ПРАВИТЕЛЬСТВО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ, ИНФОРМАЦИИ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЛАСТНАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

2005

2005695

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ:
А. А. ГАЛИЦКИХ, В. А. МИКРЮКОВ, С. Ю. ГОРБАЧЕВ,
О. В. БАКИНА, В. А. СИТНИКОВ, Н. П. КИСЕЛЕВ,
Н. Г. ПРОТОПОПОВ, С. П. ЗИМОНИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
В. А. СИТНИКОВ (председатель),
Н. И. ПЕРМИНОВА (заместитель),
В. А. БЕРДИНСКИХ, Г. Г. КИСЕЛЕВА, С. П. КОКУРИНА,
В. А. ПОЗДЕЕВ, В. Ф. ПОНОМАРЕВ, В. К. СЕМИБРАТОВ,
А. Н. СОЛОВЬЕВ, А. Г. ТИНСКИЙ

Составитель С. П. КОКУРИНА
Редактор В. А. СИТНИКОВ
Художник А. М. КОЛЧАНОВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ
Том третий. Книга вторая. Крестьянство. XX век

ББК 92 + 85.11(2Рос—4Ки)

Кировская областная
научная библиотека
им. А.И.Герцена

ISBN 5-85271-222-1

- © Правительство Кировской области, 2005
- © Департамент культуры, информации
и общественных связей Кировской
области, 2005
- © Областная писательская
организация, 2005

О.М. ЛЮБОВИКОВ

ПАХАРЬ

Долгодневное зимовье,
Скоротечный летний свет.
Говорят: Нечерноземье.
Чернозему, правда, нет.
Нету в нашем крае точно
Почвы щедрости такой:
Кол воткни под вечер в почву,
А наутро он с листвою.
По буграм да по низинкам,
От реки и до реки
Самородные суглинки,
Беспородные пески.
Не до жиру, не до пышек,
Вез на рынок край лесной
Для застолья — острый рыжик,
Хлесткий веник для парной.
И ценил и цену знал.
Он во гневе и во страхе
Землю мачехой не звал.
Уважал ее натуру
И крутую прямогу:
Не рождает нива с дуру,
Воздаст за маету.
Умывался жарким потом,
Как приспееет страдный срок,
И шептал смиренно: «С богом!» —
Сам себе на пашне бог.
Суть земли, ее отрада, —
Матерели у межи
Не изнеженные чада,
Крепкокостные мужи.
Знали деда,
Помнят внуки
Назначение свое:
Землю уберечь от муки
И не посрамить ее.

Т.П. КОКУРИН

ДОЛЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ... ВРЯД ЛИ ТРУДНЕЕ СЫСКАТЬ

История крестьянства насыщена сложными и драматическими событиями, круто менявшими его быт и условия существования. Объективное освещение трудностей жизни и результатов действий поколения вчерашних единоличников в условиях коллективного хозяйствования и государственного руководства сельской экономикой на каждом переломном этапе социальных потрясений, позволяют полнее раскрывать смысл и закономерности преодоления невероятных испытаний, выпавших на долю сельского населения, нашедшего в себе силы выдержать тяжкое бремя одной из самых жестоких войн в истории человечества и в кратчайшие сроки восстановить довоенный уровень производства.

Прошедшие шестьдесят лет со времени окончания Великой Отечественной войны дают возможность с наибольшей достоверностью и объективностью оценить все предшествовавшие периоды развития как агропромышленного комплекса в целом, так и его социальной сферы. Правдивый анализ прошлого поможет решить и сегодняшние проблемы, в т.ч. и подъем сельской экономики. Проследим кратко тот путь, по которому подошло крестьянство Вятского края к началу войны 1941—1945 гг.

Характерной особенностью Вятской губернии в конце XIX и начале XX вв. явилось преобладание мелкого крестьянского хозяйства. Земли сельскохозяйственного пользования в основном находились в ведении общины, которая каждому двору выделяла надел. Пахотные угодья использовались главным образом под зерновыми культурами. Из хлебов сеяли рожь (52 % в структуре зерновых), овес (37 %), ячмень (8,7 %), пшеницу, горох, гречиху, полбу, ярицу, просо (2,3 %). Основной земледелия была трехполька. На парах многие хозяйства

пасли скот, что вело к сильному засорению полей. Совершенно запущенным оставалось семеноводство. По данным губернского земства в северных уездах удобрялось всего 18 % пашни, в южных до 4,1 %.

Значительно отставала губерния по техническому оснащению сельского хозяйства. По данным выборочной похозяйственной переписи в 1913 г. по 8 основным уездам на 100 дворов только 13 имели плуги, у 7 не было даже примитивных пахотных орудий, одна конная сеялка приходилась на 122 хозяйства.

Истощенные, плохо обрабатываемые почвы давали низкие урожаи. В Обзоре Вятской губернии за 1912 г. приводятся следующие данные: в среднем за пять лет (1907—1911) собрано озимой ржи по 5,6 ц с гектара, овса — 6,4 ц, ячменя — 6 ц, а по всем зерновым культурам — 5,5 ц с га. Если учесть, что расход на семена составлял 2,2 ... 2,4 ц на гектар, то на питание и фураж оставалось очень мало. До нового урожая большинству семейств своего хлеба не хватало.

Не лучше обстояло дело и с животноводством. Крестьянский скот под влиянием различных неблагоприятных факторов, в т.ч. и от бескормицы, был мелким, беспородным и низкопродуктивным. Более 15 % хозяйств вообще не имели коров, 26 % не имели лошадей.

Тяжелый труд земледельца не приносил дохода вятским крестьянам. Основную массу составляли бедняки — 64 %, середняков было 22 % и 14 % зажиточных хозяйств. Нужда заставляла крестьян идти за заработком в Поволжье, на Урал, в Сибирь, к местным богатым. В обзоре губернского земства за 1912 г. отмечалось: «Промыслы отхожие встречаются во всех уездах. Число всех документов, выданных на отлучку, доходило в отчетном году для 316,5 тыс. чел., в т.ч. мужскому населению для 275,1 тыс. чел. и женскому — 41,4 тыс. чел.». Некоторые семьи, не выдержав беспросветной нищеты, навсегда покидали свой родной край. Вятская губерния в то время занимала восьмое место в европейской части России по количеству переселенцев. С 1885 по 1900 г. из неё выехало 50,3 тыс. чел., причем переселение шло нарастающими темпами. В 1910 г. число их составило 8253 чел., а в 1913 — 9266 чел.

Попыткой найти выход из аграрного кризиса в стране была Столыпинская реформа, утвержденная Указом Правительства от 9 ноября 1906 г. Суть её состояла в предоставлении возможности крестьянам выхода из общины и орга-

низации хуторских и отрубных участков из земель Крестьянского банка. Но предпринятые меры по разрушению общинного образа жизни на селе лишь усилили сопротивление народа царствующему режиму. Несмотря на финансовую поддержку хуторян, экономический и административный нажим, в Вятском крае, выбранному в Указе в числе 33 губерний России для реализации реформы, она осуществлялась крайне вяло.

Крестьяне, наученные горьким жизненным опытом проживания в суровых природно-климатических условиях, как никто другой понимали, что в одиночку выжить на этой северной земле невозможно. По отчету губернатора Н.Н. Руднева, в 1914 г. из общины вышли всего 4,3 % крестьянских дворов, а к январю 1917 г. — 5 %. А вместе с подворниками, получившими удостоверительные акты по закону 14 июня 1910 г., реформированы 5,8 % дворов и 4,4 % общинных наделных земель, что значительно ниже общероссийских показателей. Еще медленнее шло выселение на хутора и отруба. Иными словами, Столыпинская реформа в Вятской губернии, как и во многих других, провалилась, не решив ни одной крупной проблемы в аграрном секторе.

Первая империалистическая война (1914—1918) еще более усилила разорение вятского крестьянства. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. в армию была мобилизована почти половина трудоспособных мужчин губернии, которая занимала в России четвертое место по числу призванных в воинские подразделения. Для нужд армии было изъято значительное количество тягловой силы. Только по обязательным поставкам 1915 г. реквизировано 11,4 тыс. лошадей. Резко увеличились налоги. В результате в губернии сократились относительно довоенного уровня посевные площади сельскохозяйственных культур и поголовье скота. Снизилось валовое производство продукции.

Таким образом, задавленное непосильными налогами, крайней нуждой и бесправием крестьянство губернии было лишено какой-либо возможности поднять экономику своего хозяйства и неспособно обеспечить выход из создавшегося тупика. У него остался один путь — включиться в открытую революционную борьбу. И крестьяне бунтовали. Особенно острыми были выступления селян в Яранском, Уржумском и ряде других уездов. Недовольство народных масс неуклонно нарастало. Коренным образом изменила политическую и экономическую обстановку на селе Октябрьская революция.

Одним из первых декретов советской власти был декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г. В феврале 1918 г. принят декрет о социализации земли, где указывалось как практически осуществить передачу её крестьянам. В апреле 1918 г. состоялся II губернский съезд Советов в Вятке. Большинством голосов он принял временную инструкцию уездным и волостным Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о порядке распределения земель сельскохозяйственного назначения.

К осени этого года крестьянство получило свыше 5 млн. десятин земли (5,45 млн. га). Около 3 тыс. десятин было выделено в запасной фонд для создания первых кооперативов. В это время в деревнях были созданы комитеты бедноты, призванные помогать сельским советам проводить в жизнь важнейшие меры по укреплению советской власти. Комитеты сыграли значительную роль в распределении земли, продовольственных и семенных ссуд, в борьбе с зажиточной верхушкой вятской деревни.

В 1918—1921 гг. опустошающим ураганом прошла по стране Гражданская война. В вятских селах к весне 1922 г. безлошадными стали почти треть дворов, общая численность лошадей в расчете на одно хозяйство сократилось на 27 % против 1916 г. Стадо крупного рогатого скота поредело еще значительнее, сократились посевы. Положение осложнила постигшая в 1921 г. страну страшная засуха, которая явилась завершением целой полосы неурожайных лет. В 1919 г. средний сбор ржи с одного гектара по губернии составил 3,8 ц, в 1920 — 3 ц, в 1921 — 2,5 ц. Против 1916 г. посевные площади зерновых сократились на 47,5 %, льна на 66,8 %, картофеля на 62,4 %, а валовые сборы зерна и других сельскохозяйственных культур уменьшились в два-три раза. В эти годы сильно пострадало и животноводство. поголовье лошадей уменьшилось против 1916 г. на 24,8 %, крупного рогатого скота на 45,8 %, овец на 73,2 %, свиней на 80,2 %. Вся валовая продукция этой отрасли сельского хозяйства, выраженная в деньгах, сократилась в три раза.

Все это усугублялось аграрной политикой правительства, которое носило форму «военного коммунизма». Шла Гражданская война и молодой советской республике требовался хлеб. Правительство ввело продразверстку. Зерно у крестьян забирали в массовом порядке и почти бесплатно, т.к.

платить было нечем. Всех, кто сопротивлялся, объявляли врагами народа. Виновные подвергались тюремному заключению на 10 лет, изгонялись из общины, имущество их конфисковывалось.

Весь ход событий того времени резко обострил обстановку в деревне, вызвал противопоставление крестьянства советской власти, крайнее озлобление которого до предела ожесточило его сопротивление политике «военного коммунизма». Вспыхнули восстания. В 1919—1921 гг. в Поволжье, на Дону, в Тамбовской губернии до 30 % жителей ушло в армию Антонова (Антоновщина). Регулярные войска Республики под командованием Тухачевского вели настоящую войну против мятежников. В марте 1921 г. восстали моряки Кронштадта, забастовали рабочие Петрограда, Москвы и других городов России. Естественно, что решить крестьянский вопрос военной силой было невозможно. Необходим был другой подход.

По предложению В.И. Ленина в марте 1921 г. X съезд партии заменил продразверстку продналогом, а через два месяца в мае было принято решение о переходе к новой экономической политике — всерьез и надолго. Суть НЭПа состояла в отмене элементов насилия и принуждения, разрешении свободной частной торговли при регулирующей роли государства. Предусматривалось создание необходимой правовой базы для реформирования. В 1922 г. были приняты уголовный, гражданский, земельный и трудовой кодексы. Исключительная особенность земельного кодекса 1922 г. состояла в том, что он предоставлял крестьянам право выбирать ту форму хозяйствования, которую они желали: индивидуальную, коллективную или общественную, основанную на общине.

Именно общественное землепользование стало в России абсолютно преобладающим. Штат государственных чиновников был сокращен с 5,7 млн. до 1,1 млн. человек. Численный состав армии доведен до 1,6 млн., т.е. уменьшен на 5 млн. человек. В обращение выпущены новые кредитные билеты государственного банка — червонцы. Страна получила твердую валюту и прочное денежное обращение. 35 % крестьян освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога. Была открыта дорога к кооперированию крестьянских дворов.

Результаты НЭПа сказались незамедлительно. Уже во второй половине 1921 г. крестьяне прекратили бунтовать,

оживилась торговля, стала восстанавливаться промышленность, заработали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. На следующий год сельские жители стали обзаводиться скотом, расширили посевы зерновых и льна. Заметим, что в годы НЭПа в стране был рекордный демографический подъем. В соответствии с декретом об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семей красноармейцев в деревнях стали создаваться крестьянские комитеты. В целом по стране в 1925 г. их было уже 100 тыс. Они имели 10 тыс. предприятий, 50 тыс. сельскохозяйственных машин, 6,5 млн. пудов семенного фонда.

Оживилась сельская жизнь и в Вятской губернии. Бедняки Малмыжского, Нолинского, Советского, Уржумского, Яранского уездов полностью освободились от продналога, в других он был значительно сокращен. Был открыт государственный кредит на обзаведение сельхозмашинами, семенами, скотом. Все эти меры позволили быстро преодолеть тяжелые последствия неурожая и уже в 1923 г. губерния демонстрировала первые успехи в восстановлении сельского хозяйства на Всероссийской выставке, куда было послано свыше 1600 экспонатов. Участники получили 29 почетных дипломов.

Последующая помощь государства позволила вятским крестьянам увеличить посевные площади зерновых и технических культур, картофеля, улучшить агротехнику. В 1925 г. на полях Обуховской коммуны Яранского уезда появился первый в губернии трактор «Фордзон», подаренный XI губернским съездом Советов. Второй купили в этом же году члены 2-й Блиновской артели Слободского уезда. К 1928 г. сельское хозяйство губернии получило уже около 1000 тракторов. Сохи, косули в это время были почти полностью заменены более сложными производительными орудиями. На территории губернии работало 260 прокатных и демонстрационных пунктов сельхозмашин и оборудования, тогда как до революции их было всего 6. Для ремонта техники были созданы 22 государственные мастерские губернских земельных органов, 5 мастерских сельмаша и 35 в первых коллективных хозяйствах. В районах развитого льноводства появились льноуборочные машины, открылись 246 пунктов по первичной обработке льна.

Улучшилось положение в животноводстве. поголовье крупного рогатого скота в 1927 г. составляло 104,2 % к

1916 г., коров — 111,7 %, овец — 120,2 %, лошадей — 104,8 %, свиней — 102,8 %. Так, преодолевая трудности, благодаря помощи рабочего класса, сельское хозяйство губернии в 1927 г. достигло уровня производства и размеров посевов 1916 г.

Однако в конце 20-х к началу 30-х гг. сельхозпроизводство оставалось низкотоварным, раздробленным и возможности его роста были весьма ограничены. Хозяйствование на мелких клочках земли с помощью примитивных орудий обрекало крестьян на тяжелый ручной труд, сдерживало начинающуюся индустриализацию, ставило серьезные преграды общему экономическому развитию страны. Преобразование сельского хозяйства на основе кооперации, коллективизации, коренной технической реконструкции, подъем общей культуры деревни — стало исторической необходимостью.

Теорию сельскохозяйственной кооперации глубоко и последовательно разрабатывал великий русский ученый Александр Чаянов, который считал её одним из основных путей развития сельского хозяйства в России. Активно поддерживали кооперативное движение и сторонники В.И. Ленина. Получив землю и став реальным хозяином производимых продуктов, крестьянин также ясно понял, что в одиночку развивать хозяйство трудно. Он сознавал необходимость кооперирования и, в первую очередь, в таких формах объединения как: сбыт продукции, получение кредитов, закупка промышленных товаров.

В Вятской губернии организация кооперативов проходила несколько медленнее, чем в других регионах. Кооперирование начиналось с простейших форм: снабженческо-сырьевых товариществ по совместной обработке земли (тозов) и производственных объединений. В 1920 г. имелось 233 коллективных и 20 советских хозяйств. В 1927 г. они объединяли 0,25 % крестьянских дворов, в 1928 — 1,23 %, в 1929 — 3,4 %. Простейшие формы производственного кооперирования явились пробой и местом для перехода к более высоким организационным объединениям. Опыт их работы сыграл большую роль в подготовке к массовой коллективизации, убеждал колеблющихся в преимуществах крупного хозяйства.

Одной из первых в губернии, весной 1919 г. была создана Обуховская сельскохозяйственная коммуна, названная в честь её организатора крестьянина И.И. Обухова. В 1924 г. крестьяне д. Чекоты Вожгальской волости (ныне Кумен. р-н) создали коллективное хозяйство, организатором которого

был П.А. Прозоров, впоследствии дважды Герой Социалистического Труда. Через два года хозяйство перешло на устав сельскохозяйственной коммуны «Красный Октябрь». В 1925 г. в губернии насчитывалось 58 коллективных хозяйств, в 1926 — 206 колхозов, которым государство оказывало финансовую, техническую, кадровую помощь. Им предоставлялись выгодные налоговые льготы, в то время как для единоличников ставки сельхозналога были увеличены.

Возросли масштабы технической реконструкции сельского хозяйства. В 1930 г. созданы первые 7 машинно-тракторных станций: Зуевская, Вятскополянская, Котельничская, Малмыжская, Фаленская, Шабалинская, Мурашинская, возросло количество сложных полевых машин. Весной 1930 г. в деревню в счет двадцатипяти тысячников из губернского аппарата управлений было послано 70 коммунистов, а также 300 рабочих и 100 комсомольцев. В постановлении Правительства «О народохозяйственном плане на 1931 год» указаны контрольные цифры по коллективизации для всех групп районов страны. По срокам организации колхозов Вятская губерния относилась к третьей очереди, ей предписывалось обеспечить 50 % коллективизации крестьянских хозяйств, при среднем по стране 77,5 %.

Коллективизация затрагивала интересы и судьбы всего крестьянства, различные социальные слои деревни по-разному восприняли переход к коллективным формам хозяйствования. По данным комиссии СНК СССР о тяжести налогового обложения в 1927 г. социальный состав крестьянства в губернии был следующим: бедняков и батраков — 52,7 %, середняков — 44,6 %, зажиточных — 2,7 %. Беднейшая часть сельского населения, даже имея землю, самостоятельно хозяйствовать не могла, находясь в зависимости от зажиточных слоев деревни. Собственный опыт «сидения вольными хозяевами на вольной земле» показал им, что нет реальной перспективы в одиночку вырваться из нищеты и кабалы. Эта часть деревни видела выход для себя в объединении. Она и стала той социальной силой, которая активно поддерживала сплошную коллективизацию.

Более сложным и противоречивым было отношение среднего крестьянства. Большинство из них понимало ограниченность возможностей мелкого хозяйства, но и переход к коллективным формам означал для них коренную ломку привычного уклада жизни. Они хотели без принуждения, в соответствии со своими привычными интересами строить

свою судьбу. Об этом предупреждал В.И. Ленин еще в 1919 г.: «Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их собственному почину и в выгоды коих проведены ими на практике».

Тем не менее, развернувшаяся борьба против кулачества затронула и интересы середняков. Конечно, нельзя отрицать ни объективных трудностей, ни грубых ошибок местных работников, которые подчас слишком усердно проявляли инициативу в проведении коллективизации. Но нельзя не учитывать, что тон этим перегибам был задан во время поездки Сталина в январе 1928 г. в районы Сибири, когда на места была разослана директива, требовавшая чрезвычайных мер по раскулачиванию. Летом 1929 г. провозглашается лозунг о «сплошной коллективизации». Теоретическим обоснованием его явилась статья Сталина «Год великого перелома», опубликованная 7 ноября. Стремление к перевыполнению спущенных сверху «норм», «контрольных цифр», «заданий» приобрело в 1930 г. повсеместное распространение.

Раскулачивать стали всех, кто не хотел идти в колхозы, причем это касалось не только зажиточных хозяйств, но и середняков, которых нередко объявляли подкулачниками и врагами народа. Взрыв крестьянского возмущения заставил сталинское руководство признать ошибочность курса на ускорение коллективизации и принять тактику исправления наиболее грубых актов произвола и насилия. 2 марта 1930 г. была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов». Были приняты меры по исправлению положения. Начался процесс выхода крестьян из колхозов.

В Вятской губернии число кооперированных крестьянских хозяйств в 1928 г. составляло 0,5 %. На 1 октября 1929 г. их стало 3,4 %. Поворот в сторону коллективизации произошел зимой 1929 г. На 1 февраля 1930 г. кооперировалось 10 % хозяйств, к марту процент кооперации достиг 52,1 %. «Вятская правда» 8 декабря 1929 г. писала, что «темпы и размах организации колхозов превзошли первые предположения, появились районы сплошной коллективизации». Первым в губернии коллективизацию завершил Фаленский район (1.02.1930 — 97 %), в феврале 1930 г. — Зуевский и Вожжальский. Это свидетельствовало об искусственном форсировании событий. Пришлось вернуться назад. На 20 марта 1930 г. процент коллективизации снизился до 34,7, а на 10 апреля даже до 11,2, и лишь к концу апреля 1930 г. падение приостановилось.

Но Сталин спешил с осуществлением коллективизации села. Положение страны в мире повелительно диктовало ускорение развития всех отраслей народного хозяйства, что требовало значительных средств. Особенно это касалось промышленности. Для выполнения заданий по индустриализации и закупке оборудования необходима была валюта. Получить её, с точки зрения правительства республики, можно было лишь в обмен на хлеб. Между тем, в мировой экономике разразился кризис, цены на зерно резко упали. Однако, сталинское руководство и не подумало пересматривать установку на непосильный для страны индустриальный «скачок». Вывоз хлеба за границу нарастал, в 1930 г. из валового сбора зерна в 835 млн. ц на внешний рынок было поставлено 48,4 млн., в 1931 г. из 695 млн. — 51,8 млн., в 1932 г. из 699 млн. вывезено 55 млн. ц. У многих колхозников изымался весь хлеб, включая семенной фонд.

В этой обстановке борьба с кулачеством продолжалась. Правда, правительство стало совершенствовать тактику и методы проведения коллективизации. В основе новой стратегии были использованы меры экономического воздействия на крестьянство. Давление шло по всем направлениям, прежде всего, демократические методы руководства сельским хозяйством были заменены административными. В 1931 г. ликвидирован Союз Союзов сельскохозяйственной кооперации, упразднен Колхозцентр СССР, свернул свою деятельность Всесоюзный совет колхозов, отменены съезды и конференции колхозников. Управление сельхозпредприятиями было возложено на Народный Комиссариат Земледелия Союза ССР. Договорная (контракционная) система заготовок сельхозпродукции заменена твердыми обязательствами по сдаче её государству по стабильным ценам. Невыполнившие задания хозяйства подвергались штрафу в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательств. Словом отвергалось все, что не укладывалось в рамки командно-административного режима. Так, на рубеже 1930-х гг. окончательно сформировалась централизованная управленческая система в аграрной структуре страны.

Одним из основных каналов выкачивания средств из деревни были всевозможные налоги, которые год от года росли. Если в 1931 г. сельхозналог с колхозников и единоличников составлял по Вятской губернии 381 млн. руб., то в 1934 — 564 млн. руб. При этом налоговые платежи резко дифференцировались между социальными группами населения в де-

ревне. В 1931 г. колхозники платили сельскохозяйственный налог в расчете на один двор по 2 руб. 94 коп., единоличные хозяйства по 30 руб. 80 коп., а хозяйства, отнесенные к кулацким по 313 руб. 64 коп. То есть единоличник платил сельхозналог в десять раз больше, чем колхозник, что было серьезным побуждением для вступления в колхоз. Кроме того, с каждого сельского подворья взимался культжилсбор. Его сумма в 1931 г. была 246 млн. руб., в 1934 — 762 млн. руб. Единоличные хозяйства помимо всего облагались единовременным налогом. Было введено также окладное страхование строений, животных, посевов.

Важным каналом изъятия у крестьян денежных средств являлось, как тогда говорили, «добровольно-принудительное» размещение различных займов. Существовало также самообложение сельского населения, по которому с каждого хозяйства колхозники уплачивали от 5 до 10 рублей, а единоличники 60 % оклада сельхозналога. Наряду с денежной повинностью колхозники и единоличники облагались натуральным налогом и несли трудовую повинность. Их в обязательном порядке привлекали к лесозаготовительным работам, дорожному строительству и т.д.

Оплата труда в те годы носила не прямую форму денежных и натуральных расчетов, а некую опосредованную в виде трудодня. Именно по количеству трудодней судили о колхознике и его вкладе в общественное производство. Денег на трудодень практически не давали, платили натурой. Лишенный экономического веса он служил нормой контроля трудовой повинности. В 1931 г. постановлением «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» установлен для каждого колхозника обязательный минимум трудодней в году от 60 до 100, а с 1 сентября 1931 г. введены средние нормы доходности с одной сотки приусадебного участка крестьянского двора. В среднем по РСФСР доходность от зерновых определялась 40 руб., картофеля — 120 руб., садов-ягодников — 160 руб. Доходность с коровы устанавливалась 3500 руб., свиньи — 1500 руб., овцы и козы — 350 руб. и так по всем статьям. Причем доходность по этим нормам исчислялась финагентом не фактическая, а теоретическая. С единоличников сумма налога увеличивалась на 100 %.

Не будем в полной мере раскрывать результаты последствий принудительной сплошной коллективизации, которые имели место в Вятской губернии на всем протяжении 30-х гг.

Приведем лишь для наглядности численность поголовья скота за 1928 г., предшествующий «году великого перелома» и 1932 г., когда «великий перелом» уже завершился. В 1928 г. в губернии было 872 тыс. голов крупного рогатого скота, 772 тыс. свиней, 2097 тыс. овец. В 1932 г. крупного скота осталось меньше на 130 тыс. голов, свиней в 5,6 раза, овец на одну треть. В целом по стране поголовье крупного рогатого скота сократилось на 45 %, свиней — в 2,2 раза, овец — в 3 раза. Таковы потери сплошной коллективизации села.

Валовые сборы зерна в начале 30-х гг. были примерно на одном уровне 68—70 млн. тонн, но заготовки зерна значительно возросли. Хлеб, минуя амбары хозяйств, шел сразу на заготовительные пункты, зерна не оставалось не только на фураж, но и на еду. Особенно сильно пострадало животноводство. Зимой 1932/33 г. в селах, особенно в зерновых районах страны, разразился массовый голод. Однако, государственные заготовки зерна продолжали увеличиваться, в 1933 г. они составили 23,3 млн. тонн, в 1934 — 26,8 млн. тонн. Деревня влачила полуголодное существование.

В декабре 1932 г. постановлением ЦИК и СНК СССР введена паспортная система. Однако на сельских жителей она не распространялась. Но даже при отсутствии паспортов, что лишало крестьян возможности свободного передвижения и юридически привязывало их к колхозу, люди снимались с места, уходили, иногда целыми семьями, в города и на стройки.

Преодоление кризисной ситуации потребовало огромных усилий и времени. В этих условиях положительную роль сыграл принятый в феврале 1935 г. новый Устав сельскохозяйственной артели. Он обобщил и оформил новые отношения в колхозной деревне, определил главные принципы организации производства и распределения в колхозах, гарантировал существование личного подсобного хозяйства колхозников. В этом же году проведена передача сельхозартелям всех обрабатываемых ими земель на вечное пользование. Первый в Кировском крае государственный акт на закрепление сельхозугодий вручен 5 октября 1935 г. Возжальской коммуне «Красный Октябрь».

Восстановление сельского хозяйства началось в 1935—1937 гг. Стали увеличиваться урожаи, росло поголовье скота, улучшилась оплата труда. Во многом на результаты роста производства сказалось техническое перевооружение села. В 1937 г. система МТС в Кировской области обслуживала

2'005695

Кировская областная
научная библиотека
им. А.И.Герцена

17

более 90 % колхозов, на полях которых работало 5 тыс. тракторов, 580 комбайнов. В этом году коллективизация в области практически завершилась. Процент её по числу дворов 93,8 %, по посевным площадям — 97,1 %. На базе 353,6 тыс. крестьянских дворов организовано 11392 колхоза.

Переход к коллективной форме ведения хозяйства имел важное агротехническое значение: ликвидирована чересполосица, улучшилась конфигурация полей, осуществлялся переход к многопольному севообороту, в широких масштабах стали вноситься в почву навоз, торф, известь. Большую помощь колхозам оказывали промышленные предприятия области в порядке шефской помощи. Организационно-хозяйственные мероприятия по подъему сельскохозяйственного производства позволили увеличить валовой доход колхозов.

Развернулось строительство производственных помещений. Одновременно стали возводиться клубы, детские сады, школы и другие культурно-бытовые учреждения. Успехи коллективных форм хозяйствования, растущая активность колхозных масс, усиление их технической оснащенности, вызвали к жизни трудовой энтузиазм сельских тружеников, показывающих высокие образцы производительности труда. Результаты работы кировских хлебобобов с 1936 г. регулярно демонстрировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В 1936 г. 52 передовика сельского хозяйства области были награждены орденами и медалями.

В 1940 г. орденом «Знак Почета» награждены Малмыжская МТС, колхозы «16 лет Октября» (Пижан. р-н) и «Культиватор» (Шаранг. р-н), также большая группа колхозников и работников управления.

В предвоенном 1940 г. 9883 колхоза и 17 совхозов области располагали более 3-х млн. га пахотных земель, содержали 289,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 107,1 тыс. свиней, 146 тыс. овец и коз, 195,6 тыс. лошадей, 237,7 тыс. голов птицы. В 92 МТС имелось 6236 тракторов в 15-ти сильном исчислении, 1167 зеновых комбайнов, кроме того, тракторы и комбайны были в колхозах и совхозах. Значительно вырос объем агротехнических мероприятий. На поля вывезено 11 млн. тонн навоза, 560 тыс. тонн торфа, 345 тыс. тонн минеральных удобрений. Для обеспечения хозяйств классными семенами районированных сортов, в области организовано 32 райсемехоза. В 1940 г. впервые в широких масштабах проведены мелиоративные работы. Наметился рост производства сельскохозяйственной продукции. По сравне-

нию с началом 30-х гг. в 1940 г. произведено больше зерна, картофеля, мяса, молока, яиц, шерсти.

Сравнительный анализ показателей за 1913 и 1916 гг. по уровню развития сельского хозяйства Вятской губернии свидетельствует, что в 1913 г. они были выше. Поэтому в своем сопоставлении с 1940 г. используем данные по всем категориям хозяйств за 1913 год. В предвоенном году сельскохозяйственные посевы в области были размещены на площади 2330,5 тыс. га, против 1984,4 тыс. га в 1913 г. Валовой сбор зерна получен в размере 1746,7 тыс. тонн или на 32 % выше, чем в самый урожайный дореволюционный год, когда было собрано 1324,4 тыс. тонн. Более медленными темпами шло восстановление животноводства. И хотя тенденция к росту поголовья и его продуктивности была явно выражена, к уровню 1913 г. численность крупного рогатого скота составляла 93,4 %, овец и коз — 87 %. И только свиней стало больше — 148,3 %. Производство мяса и молока было меньше на 15–20 %.

Вместе с тем, в предвоенные годы село начало возрождаться. Целый ряд колхозов стал получать от реализации своей продукции миллионные доходы. Появились неслыханные раньше в деревне специальности: трактористы, комбайнеры, механики. Было введено всеобщее начальное образование. Все дети получили возможность посещать школу. Широкий размах приняло создание сельских домов культуры, клубов, изб-читален. В 1940 г. трудящиеся области выписывали 25,5 млн. газет и журналов. Расцвела художественная самодеятельность, организовывались многочисленные хоровые, музыкальные, драматические кружки. Жизнь в деревнях налаживалась.

Говоря об предвоенной истории развития села и её уроках, нельзя забывать, что на этом пути Россия была первой и объективные трудности поисков не сбросишь со счетов. Но жизнь заставляет задуматься над опытом и сложностями развития деревни в этот период. Например, возникали вопросы — почему взлеты конца 20-х гг. сменились трагедиями крестьянства в 30-е гг., верен ли был тезис теории об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма, так ли был страшен миф о вредительстве кулаков, фатальной ли была необходимость ускорения сплошной коллективизации и др.?

В то же время нельзя не воздать должное крестьянству, которое в условиях полунищенского существования, посто-

янных поборов, тяжелейшего низкооплачиваемого труда землепашца, сумело преодолеть невзгоды, выстоять и так много сделать для индустриализации страны, для укрепления её экономической и оборонной мощи, что особенно проявилось в годы войны, обеспечив Победу над фашизмом.

* * *

Дальнейшее развитие сельского хозяйства области было приостановлено разбойничьим нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Война сломала привычный уклад общественных процессов, потребовала решительной перестройки жизни страны и народа на военный лад. В пламени войны возник призыв — «Всё для фронта, всё для Победы!» Он объединил всех советских людей в единый коллектив, подчинив смысл их жизни единой цели — к достижению победы.

Война нанесла сельскому хозяйству СССР ощутимый урон. Гитлеровцы разрушили 70 тыс. сел и деревень, разграбили более 100 тыс. колхозов и совхозов. Многие регионы вообще остались без трудоспособного населения, без техники и скота. В 1945 г. валовая продукция сельского хозяйства страны составила лишь 61 % к её объему в 1940 г.

В Кировской области в 1941—1945 гг. было призвано в армию 584 тыс. чел., включая лиц, находящихся на срочной службе. Число трудоспособных на селе сократилось на 43,2 %. На фронт ушла самая квалифицированная и работоспособная часть населения. На нужды войны из хозяйств было изъято значительное количество лошадей, автомашин и тракторов. Объем механизированных работ в переводе на мяскую пахоту уменьшился почти наполовину против довоенного уровня. Нехватало горючего, запасных частей. Опираясь только на свои собственные ослабленные ресурсы, испытывая острый недостаток рабочей силы и техники, сельское хозяйство области снизило объемы производства. Колхозы не могли обрабатывать всю имеющуюся пашню. В результате к концу 1944 г. посевные площади сократились на 21 %, урожайность зерновых снизилась с 10 ц в 1940 г. до 4,8 ц в 1943 г. и до 6,5 ц в 1944 г. валовой сбор зерна составил 48 % к довоенному уровню.

В тяжелом положении оказалось животноводство. Концентраты скоту почти не выделялись. Площадь под кормовыми культурами уменьшилась в два раза. В результате из-за недостатка кормов средний удой молока на корову в 1945 г. составил всего 986 кг, настриг шерсти на овцу — 1,9 кг,

яйценоскость кур-несушки — 34 штуки. поголовье крупного рогатого скота сократилось на одну треть, коров — на 42,5 %, свиней — на 74,0 %, птицы более чем в три раза.

Колхозно-совхозная система была еще молодой, неокрепшей, деформированной идеями коллективизации, лишена экономических методов хозяйствования, скованная командно-бюрократическими путями. В этих условиях организация перевода сельскохозяйственного производства на военные рельсы, снабжение фронта в период военных действий и на завершающем этапе войны проходила в постоянном преодолении военно-хозяйственных проблем.

Одной из самых болезненных и важнейших задач в условиях военных лет стала проблема кадров. По данным годовых отчетов колхозов и совхозов на фронт и в оборонную промышленность ушло почти 70 % хозяйственных руководителей. Сильно поредели штаты механизаторов. Система бронирования на сельских жителей распространялась мало, бронь имели ведущие специалисты районных земельных органов, МТС, совхозов, частично председатели колхозов. Некоторые механизаторы получали отсрочку на периоды сельхозкомпаний, для выполнения ремонтных работ. Главным источником формирования кадрового корпуса стали: женщины, подростки, престарелые и больные.

В ту суровую пору женщины стали основной силой на селе, в 1943 и 1944 гг. они составляли 82 % всех трудоспособных в колхозах области. В МТС трактористок было более 40 %, комбайнерок — 43,6 %. Советские органы имели планы подготовки механизаторов, но в первые годы войны они постоянно не выполнялись. Школы механизаторов находились далеко от деревни, а отрыв от семьи не всегда был возможен. Вопросы материально-бытового снабжения курсантов начали решаться только в 1943 г., когда учащимся стали начислять по 1 трудодню ежедневно, а курсы организовываться при МТС.

Напряженным оставалось положение и с руководящими кадрами областного звена, одной из причин которого были репрессии, осуществленные перед войной. Например, в 1937-1939 гг. в Кировской области был репрессирован практически весь руководящий состав обкома партии, включая его секретарей, заведующих отделами, секретарей районных комитетов партии, активистов города и области. По неполным данным арестам подверглись 2548 человек. Среди осужденных были секретарь обкома ВКП(б) А.Я. Столяр, председатель облисполкома П.К. Легконравов и другие.

Большую озабоченность вызвала текучесть руководящих кадров. Многие, вновь назначенные председатели колхозов, бригадиры, управляющие не справлялись со своими обязанностями, допускали различные злоупотребления. Имели место нарушения принципов колхозной демократии и Устава сельхозартели. В 1942 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О неправильном отношении Кировского областного комитета партии к подбору руководящих кадров колхозов». В постановлении было обращено внимание обкома на необходимость тщательного изучения людей, их деловых, моральных и политических качеств при выдвижении на руководящую работу. Рекомендовано активнее выдвигать передовых колхозников и особенно женщин.

В области были намечены меры по выполнению постановления ЦК партии. На село было направлено 356 коммунистов и 50 комсомольцев, знающих сельское хозяйство, на должность председателей колхозов выдвинуто 551 женщина, около 7 тыс. женщин стали бригадирами, зав. фермами и счетоводами. В 50 районах области повысили квалификацию 14518 руководящих колхозных работников. В городах Кирове, Уржуме и Яранске межрайонные колхозные школы за 1942—1944 гг. выпустили 5 тыс. председателей колхозов, тысячи других руководителей среднего звена сельского хозяйства. За годы войны была осуществлена целая программа повышения квалификации сельскохозяйственных кадров. В кружках, на курсах, путем стажировок в техникумах и вузах сельхозработники получали технические, агрономические, зоотехнические и экономические знания, осваивали передовой опыт и приемы труда. Но самым мудрым учителем был тяжелый крестьянский труд, постигая который, сельские кадры приобретали умение управлять людьми и производством, повышали свою профессиональную квалификацию.

Другой труднейшей проблемой перед советскими и хозяйственными органами стало — максимально использовать оставшиеся трудовые ресурсы, привлечь к работе всех жителей деревни. После проведения коллективизации отлив сельского населения в город за четыре предвоенных года составил 6 %. В результате свободного набора военных, трудовых и учебных мобилизаций военных лет трудоспособное население деревни в области уменьшилось на 34,2 %. Деревня стала испытывать недостаток в трудовых ресурсах. В период страды на сельхозработы привлекались школьники, сельская интеллигенция, жители городов и рабочих посёл-

ков, военнослужащие. Некоторым трудовым резервом были эвакуированные.

Серьезным средством пополнения кадрового голода мог стать управленческий аппарат, где была занята огромная масса людей. Например, в среднем по области штат МТС в 1942 г. содержал 34 управленца на 45 трактористов и 8 комбайнеров с 8 их помощниками. Но несмотря на многочисленные приказы центральных и местных органов, требовавших сокращения административного аппарата, обслуживающий персонал продолжал расти. Административная система боролась за свое существование. Эта борьба продолжается и по сей день.

Смягчение чрезвычайной ситуации, в связи с недостатком рабочих рук, всецело зависело от организации труда в колхозах и совхозах. Существовавшая до войны бригадная система стала заменяться звеньями, которые позволяли ликвидировать бригадную обезличку, лучше контролировать работу каждого работника, эффективнее применять материальное стимулирование.

В 1941 г. была введена дополнительная оплата труда и примитивная система, которые способствовали развитию индивидуальной сдельщины и втягивали трудящихся в интенсивный труд. Действенным способом усиления интенсификации сельскохозяйственного труда явилось повышение для колхозников обязательного минимума трудодней, установленного специальным постановлением правительства от 13 апреля 1942 г., со 100 до 150 трудодней в году. Впервые вводился минимум трудодней для подростков 12-16 лет. Им выдавались трудовые книжки и определялась норма выработки не менее 50 трудодней в год. Для невыполняющих обязательного минимума предусматривалась уголовная ответственность, при которой колхозник выбывал из артели, лишался приусадебного участка.

Основная масса колхозников встретила этот закон с пониманием. Общей традицией в годы войны являлся рост выработки трудодней. Колхозные годовые отчеты свидетельствуют, что в среднем по области один колхозник вырабатывал в 1943 г. по 230 трудодней, в 1944 — 245 трудодней в год. Активность тружеников деревни объясняется не столько принудительными мерами, сколько возросшей сознательностью, пониманием своего долга перед Родиной, улучшением организации труда и системы материального стимулирования.

Н.Н. Шукшин, руководивший в годы войны колхозом имени Ворошилова (Тужин. р-н), ныне доктор исторических наук вспоминает, что колхозницы их села на любой работе выполняли по 2—3 дневные нормы. Работали по ночам и в выходные дни. В одно из воскресений в период уборки урожая 1944 г., чтобы дать передышку лошадям, вручную сносили в скирды снопы сжатой ржи с площади более 10 га. По существу это типичная картина напряженного труда деревни. Её жителям присущи удивительное бескорыстие, глубокая убежденность в необходимости и правоте своего дела, поразительная самоотверженность и негибкая воля.

Таким образом, в годы войны существовала жесткая, но эффективная система организации и оплаты труда работников сельского хозяйства. Целесообразность и общественная поддержка этой системы нашли подтверждение в массовом характере социалистического соревнования тружеников села. Соревновались отдельные колхозники, звенья, бригады, МТС, колхозы, совхозы, сельсоветы, районы. Борьба шла за выполнение заданий года, планов заготовок, успешное проведение посева и уборки сельхозкультур, заготовки кормов, за экономию материально-технических средств и т.д.

В укреплении сельского хозяйства области следует отметить и вклад ученых. Сотрудники Кировской сельскохозяйственной опытной станции продолжали работу по выведению новых и размножению семян районированных сортов сельскохозяйственных культур. В 1943 г. на государственное сортоиспытание передано пять сортов зернобобовых культур. Активно шла работа над сортами озимой ржи Вятка-2 и картофеля северная Роза, которые были переданы на ГСИ в 1948 г. В эти годы завершена разработка агротехники возделывания гороха, проса, гречихи, сахарной свеклы, кок-сагыза в условиях области. Сортами, выведенными кировскими учеными в стране засевались: озимой рожью Вятка — 70 тыс. га, ячменем Винер — 91,4 тыс. га, овсом Мираж — 162,6 тыс. га. Станция ежегодно реализовывала колхозам и совхозам 30—40 тонн семян зерновых высших репродукций, 1 тонну семян овощных культур, 17 тыс. саженцев яблони, 51 тыс. малины, 19,7 тыс. смородины, 236 тыс. усов земляники. В годы войны коллектив станции выращивал на своих полях по 400—500 тонн овощей и 8—10 тонн ягод.

В 1942 г. Министерство сельского хозяйства СССР приняло решение о развертывании в Кировской области пле-

менной работы с новой породой свиней «Уржумская». Эта высокопродуктивная порода успешно откармливалась не только в области, но и в Марийской и Удмуртской республиках.

В Кировском сельхозинституте помимо напряженной работы по подготовке сельскохозяйственных кадров, было организовано консультационное бюро по вопросам земледелия и животноводства. Ученые выезжали в районы и хозяйства, проводили семинары, выставки, лекции, помогали крестьянам повышать плодородие полей и продуктивность скота, правильно использовать удобрения и корма, возделывать и убирать урожаи, заготавливать и хранить сельскохозяйственную продукцию. Бесценен труд ученых в подготовке и повышении квалификации сельских кадров, в пропаганде сельскохозяйственных знаний.

Рост военных расходов повлек за собой увеличение сбора средств с населения и предприятий. В начале войны были введены временные надбавки к подоходному и сельскохозяйственному налогам. Сельскохозяйственный налог с июня 1943 г. был увеличен в 5 раз, но не брался с хозяйств, в которых глава семьи или сын находились в армии, а в семье оставались нетрудоспособные, или жена с детьми до 8 лет, инвалиды I и II групп. Выросли также местные налоги и сборы. С 1942 г. установлен специализированный военный налог. Его платило все население, начиная с 18-летнего возраста, взимался он до 1 января 1946 г. От военного налога освобождались все военнослужащие действующей армии, члены их семей, инвалиды I и II групп. В целом по РСФСР в расчете на одно хозяйство колхозника военный налог составлял в 1942 г. 492 руб., а в 1943 г. — 803 руб. при общем доходе хозяйства, превышающем 11,5 тыс. руб.

Во время войны был введен дополнительный налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, который расходовался в основном на содержание детей, лишившихся родителей, и оказание помощи многодетным и одиноким матерям.

Трудящиеся области подписывались на государственные военные займы. Если в 1940 г. поступления по займам составляли 171 млн. руб., то в 1942 г. они превысили 210 млн., а в 1944 г. достигли 328 млн. руб.

29 июня 1941 г. в газете «Правда» опубликован обзор писем трудящихся о необходимости создания народного Фонда обороны страны, так родилось одно из самых мощных

движений по сбору средств для фронта. В этот фонд вносились денежные взносы, драгоценности и облигации, проводились воскресники и отчисления от зарплаты, гонорары, доноры сдавали кровь, колхозники — сельхозпродукты. Собирались теплые вещи и белье для армии.

В 1944 г. колхозники области сдали сверх плана в Фонд обороны 650 тыс. пудов (100 тыс. тонн) хлеба. По почину крестьян Яранского района в 1942 г. на добровольно собранные средства была построена эскадрилья боевых самолетов «Кировский колхозник» и передана в воинскую часть. В этом же году труженики полей Кировского и Куменского районов выступили с инициативой по досрочному выполнению военного налога, культжилсбора и самообложения. «Наши народные деньги, досрочно уплаченные государству, будут новым сильным ударом по ненавистным немецким захватчикам», — писали они в своем обращении.

В 1943 и 1944 гг. многие колхозы области испытывали недостаток в семенах. Ярким подтверждением высокой сознательности и решимости колхозников помочь Родине ускорить день победы, является славный поступок члена сельхозартела «Кустарь» (Санчур. р-н) И.С. Клементова. В 1944 г. он передал колхозу 45 пудов зерна (750 кг). Его почин подхватили другие колхозники и план сева по хозяйству был выполнен.

Большую помощь машинно-тракторным станциям оказывали промышленные предприятия области. В 1944 г. ими было изготовлено запасных частей на сумму 2,8 млн. руб., в т.ч. таких сложных деталей, как головка блока, цепи «Галло», магнето и др. Можно назвать и другие источники финансирования обороны страны: денежно-вещевые лотереи, специальные вклады за неиспользованные отпуска, самообложение. Народ сам отодвинул на второй план вопросы собственного благополучия ради спасения Родины. Народная война создала народные источники её обеспечения.

Важнейшее моральное значение имели в годы войны многосторонние связи коллективов тыла с воинскими подразделениями действующей армии. Например, промышленные и сельскохозяйственные предприятия области шефствовали над моряками Балтийского флота и защитниками Ленинграда. Фронтовиков посещали делегации с подарками и художественной самодеятельностью. Велика была морально-политическая значимость обмена письмами между тылом и фронтом. Письма согревали солдатские души, заряжали их

мужеством в боях за Родину, вдохновляли на самоотверженный труд работников полей и ферм.

Серьезным объектом поддержки государства в трудное военное время стала забота о детях. Несмотря на ограниченные возможности, осуществлялась огромная программа сохранения их жизни и здоровья. В результате эвакуации детей, расширения сети детских домов и других сиротских учреждений, всенародного движения по патронированию, усыновлению, опеке малышей и подростков удалось сохранить сотни тысяч жизней подрастающего поколения, будущего страны. Колхозы страны сдали на содержание детей и в Фонд помощи инвалидам свыше 1,1 млн. тонн зерна, 16 тыс. тонн мяса, 130 млн. литров молока. В Кировской области за годы войны было размещено более 70 тыс. эвакуированных детей, в т.ч. 26405 ленинградских ребят. В 1944 г. только колхозы области содержали 137 интернатов, в которых находилось 6 тыс. детей.

Беспрецедентной по масштабам организации проведения и размещения была эвакуация предприятий и населения, с территорий, которым грозила оккупация. Программой этой работы явилось постановление ЦК партии и СНК страны от 27 июня 1941 г. «о порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». В Кировскую область было перебазировано 117 промышленных предприятий, 9 наркоматов, главков и управлений. Труженики сельского хозяйства приняли и разместили эвакуированных из прифронтовой полосы 253 тыс. голов крупного рогатого скота, 14 тыс. лошадей, 117 тыс. овец. В 1943 г. кировские колхозники возвратили в сельхозартели, находящиеся на территории освобожденной Советской армией, более 50 тыс. голов скота, передали 250 тракторов.

Эвакуация, как вынужденная мера, сохранила жизнь многим людям, сберегла главное богатство любой нации — детей, позволила несколько смягчить проблему трудовых и производственных ресурсов страны.

Война принесла значительное ухудшение условий жизни сельского населения. Введенные с ноября 1941 г. продовольственные карточки колхозники не получали. Они обеспечивались продуктами по трудодням и за счет личного подворья. Однако, оплата труда от общественного производства была крайне незначительна. Колхозники имели на трудодень от 0,2 до 0,5 кг зерна, от 0,1 до 0,2 кг картофеля и до 0,8 рубля деньгами в зависимости от экономики колхоза. А мяса

и молока они практически не получали. Механизаторам МТС трудодень оплачивался выше — до 3 кг зерна и 2,5 рубля деньгами. Но даже при перевыполнении установленного минимума трудодней эти заработки были мизерными. С 1942 г. начала внедряться премиальная и дополнительная оплата труда за сверхнормативную выработку и лучшее качество производимой продукции. По этому поводу были приняты специальные постановления правительства в марте, мае и августе 1942 г. и в июле 1944 г.

Вместе с тем, социальная роль заработной платы для основной части жителей села значительно снизилась. Она не обеспечивала даже минимальные их потребности. Основным источником питания оставалось личное подсобное хозяйство. Но личное подворье крестьян было слабым. На первом этапе войны сказывались перегибы в аграрной политике государства. В целях развития общественного животноводства районные органы прибегали в принудительном порядке к закупкам личного скота для колхозных ферм, требовали не допускать раздувания личного подворья. Женщины-крестьянки большую часть времени вынуждены были посвящать общественному производству.

В 1943 г. вышло постановление правительства, в котором предусматривались меры, способствующие развитию крестьянского двора. Размеры приусадебных участков были увеличены. Если в 1940 г. на один двор приходилось в среднем 0,24 га земли, то в 1945 г. — 0,3 га. И хотя эти участки были мизерными, они позволяли крестьянину обеспечивать существование своей семьи.

По данным бюджетных обследований сельский житель ел не более 300 граммов хлеба в день, в полтора раза меньше, чем до войны. И без того недостаточное потребление мяса и яиц сократилось в два раза. За этими цифрами кроется бедность, граничащая с нищетой. Не меньше, чем в продовольствии, испытывала деревня недостаток и в промышленных товарах. Например, в 1943 г. потребление на один крестьянский двор мыла приходилось по 1 кг или меньше, чем до войны в 5 раз. На 1 члена семьи приобреталось 0,5 м хлопчатобумажной ткани, на двух — одна пара обуви.

Несмотря на введение карточной системы, в городах и рабочих посёлках положение с продовольственным снабжением также было крайне тяжелым. Весной 1942 г. на промышленных предприятиях начали создаваться отделы рабочего снабжения (ОРС). На заводах, фабриках, учреждени-

ях, учебных заведениях и др. службах организовывались подсобные хозяйства. Важнейшей формой трудовой самостоятельности рабочих и служащих стало коллективное и индивидуальное огородничество. В феврале 1943 г. при ВЦСПС создан комитет содействия огородничеству, а в июне этого года огородники были освобождены от налогов и поставок продукции государству.

Война до предела обострила продовольственную проблему в стране. Для преодоления её последствий была осуществлена целая система обеспечения трудящихся необходимым минимумом продуктов питания и промышленных товаров. В основе системы лежало государственное нормирование товарных фондов, использование местных возможностей, развитие личного хозяйства. Разумеется, что основным путем решения проблемы питания сельского населения являлись — расширение подворного участка, снятие ограничений с его использования, оказание помощи в его обработке, выделение семян, сенокосных и пастбищных участков. Таким образом, в стране была легализована индивидуальная сельскохозяйственная деятельность, которую незадолго до этого государство пыталось ограничить. Доля личных подсобных хозяйств в производстве сельхозпродукции в годы войны достигла 32 %.

В тыловых районах страны резко обострилась жилищная проблема. Эвакуация населения, перераспределение трудовых ресурсов в пользу оборонных отраслей ускорило прирост городского населения. Например, численность жителей г. Кирова за 1941—1943 гг. возросла с 146 до 200 тыс. чел. Это привело к скученности населения. Средняя жилая площадь на одного горожанина в 1944 г. составила 1,9 м. Развитие жилищного строительства сдерживалось малоэффективностью строймонтажных организаций, недостатком стройматериалов, механизмов, оборудования и квалифицированных кадров. По существу требовалось заново создавать местную строительную индустрию.

Массовая работа по улучшению жилищных условий началась с 1943 г. Стали строиться и благоустраиваться общежития, упрощенного типа кирпичные и блочные многоэтажки. В связи с введением 50 % государственного долговременного кредита и безвозвратной ссуды стала развиваться индивидуальная застройка. В то же время строительство и ремонт жилья на селе за счет колхозов почти прекратились. Если что и строилось, то в основном за счет сельских жителей.

Важнейшей составной частью быта является духовная культура людей, организация их досуга. Война повлияла на все стороны жизни человека, в т.ч. и на его досуг. За счет увеличения рабочего времени, отмены отпусков и выходных дней резко сократился главный фактор досуга — свободное время трудящихся. Военизация экономики серьёзно ослабила материальную базу культуры. По доступности и массовости охвата населения средства идейного воздействия в годы войны распределялись так: радио, газеты, кино, библиотеки, клубы, театры, музеи. На селе главным центром политической, культурно-массовой работы, развития художественного творчества явились клубные учреждения. Инициатором культурного обслуживания деревенских жителей выступил комсомол. Комсомольцы области в октябре 1942 г. отремонтировали 274 клуба, в 1943 г. создали в селах 480 помещений, где молодежь вечером отдыхала. В 1944 г. на должность избачей было направлено 300 комсомольцев, в деревнях работало 584 агитбригады. В 14 районах прошли кинофестивали.

Значительное влияние на развитие культурно-массовой работы имела художественная самодеятельность. Создавались кружки, ансамбли, самодеятельные театры. В феврале 1945 г. возник известный в стране и за рубежом ансамбль песни и пляски «Дымка» областного управления профтехобразования.

Конечно, этого было недостаточно. На 17 тыс. населенных пунктов области было всего 1727 клубных учреждений, 1178 библиотек, 980 киноустановок. Один клуб приходился на 1490 жителей вятской деревни. Война приостановила развитие культуры на селе, замедлила духовный рост крестьян, ограничила их доступ к искусству. Но она не смогла сломить дух борющегося народа, его несгибаемую волю, патристический оптимизм.

Дорогой ценой оплатил наш народ свою Победу. По исследованиям, проведенным в 1989 г. Генштабом, Госкомитетом и Академией наук СССР, прямые военные потери составили почти 27 млн. чел. Кроме того, были миллионы раненых, контуженых, обмороженных. Велико число граждан, потерявших в прифронтовых зонах, на оккупированной территории, в фашистских лагерях смерти. Не поддается учету количество людей, потерявших здоровье, получивших увечья при эвакуации, бомбежках, от голода, холода, эпидемий, от непомерно тяжелого труда. Серьезно по-

дорван материальный потенциал страны. Война унесла около 30 % национального богатства.

Но советский народ сумел одолеть военное лихолетье, выстоять и победить. Монолитность и единство общества в борьбе с агрессором стали той силой, о которую разбился враг, силой позволившей преодолеть невероятные трудности и лишения, поднять всю мощь и резервы государства, вдохновить народ на массовый героизм, подкрепленный высоким патриотическим и моральным духом. Рабочий класс выполнил объединяющую роль центрального звена в обществе. Его руками создавалась промышленность, военная техника, которой было произведено в два раза больше, чем фашистской Германией. В Кировской области за счет эвакуированных предприятий, работавших на нужды фронта, и перевода местных заводов на выпуск оборонной продукции, валовой объем промышленного производства в 1945 г. увеличился по сравнению с 1940 г. в 1,9 раза.

Значительный вклад в Победу внесло крестьянство. Подвиг его заключался в том, что оно являлось главным источником пополнения кадрами армии и рабочего класса; обеспечивало страну необходимым продовольствием по чисто символическим ценам, почти бесплатно.

За 1941—1945 гг. область поставила государству 1824,2 тыс. тонн зерна, 29,2 тыс. тонн льно-волокна, 420 тыс. тонн картофеля, 32,3 тыс. тонн овощей, 99,3 тыс. тонн мяса, 313,4 тыс. тонн молока, 1243 млн. штук яиц, 1574 тонны шерсти. Для сравнения можно отметить, что в 1945 г. госзакупки зерна, картофеля и мяса были больше, чем в довоенном 1940 г., и только молока и яиц сдано меньше из-за сокращения поголовья коров и птицы. Передовые колхозы области «Красный Октябрь» и «Вичевский» Возжальского (ныне Куменский) района, «Ударник» Нолинского, «Колос» Котельничского, «Красная смычка» Уржумского и многие другие сумели сохранить урожайность и посевные площади на уровне 1940 г., увеличить поголовье скота и его продуктивность. В большинстве МТС области получили распространение бригады и специализированные звенья.

Самоотверженный труд крестьян неоднократно отмечался правительством. В 1943 г. девять тракторных женских бригад были награждены грамотами ЦК ВЛКСМ. В 1944 г. Лальскому району вручено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона, а Вятскополянская и Салобелянская МТС получили переходящие Красные

знамена Наркомзема СССР за успехи в сельскохозяйственном производстве. Кировская область в числе других была отмечена в постановлении Правительства «О плане сельскохозяйственных работ на 1945 год».

* * *

Страна закончила войну с большими потерями. Сократилась площадь пахотных земель и урожайность сельскохозяйственных культур, на колхозных фермах стало меньше скота, снизилась его продуктивность. На селе преобладал женский труд. Но вышедшая из войны страна требовала продовольствия, а также сырья для легкой и пищевой промышленности. Население городов и рабочих поселков увеличилось, росла его заработная плата, повышалась покупательная способность. И крестьянская страда продолжалась не с меньшим напряжением, чем в военное время.

Преодолев засуху 1946 г., вятские крестьяне уже в следующий год сумели получить неплохой урожай, повысили продуктивность скота, вовремя рассчитались с государством. В 1948 г. большая группа передовиков сельского хозяйства области получила правительственные награды.

В 1953 г. руководством страны была разработана комплексная программа подъема сельскохозяйственного производства. Было предусмотрено увеличить колхозам и совхозам поставку техники, удобрений, повысить закупочные цены, снизить налоги, аннулировать недоимки. Возросли государственные капиталовложения. Более 4700 специалистов из городов и рабочих поселков Кировской области были направлены на работу в сельскую местность.

Осуществление всех этих мер позволило колхозам и совхозам области преодолеть трудности восстановительного периода и к 1960 г. увеличить производство зерна, картофеля, мяса, молока и яиц. В 1958 г. самоотверженный труд работников села вновь был отмечен высокими наградами, а в 1959 г. Кировская область, значительно перевыполнившая планы закупок сельскохозяйственных продуктов, получила высшую награду СССР — орден Ленина.

Но развитие сельского хозяйства проходило с большими трудностями. Нехватало техники, удобрений. В животноводстве преобладал ручной труд. Серьезно отставала кормовая база. Низка была заинтересованность колхозников в подъеме общественного производства. В значительной мере сказывался субъективизм в руководстве этой отраслью, что привело к

ошибкам в планировании, финансировании и кредитовании сельского хозяйства. Закупочные цены на продукцию села отстали от роста цен на промышленные товары.

В эти годы в стране был осуществлен ряд крупных мероприятий по реорганизации сельского хозяйства. В 1958 г. техника из МТС была передана колхозам и совхозам, проведено очередное их укрупнение, в результате численность их сократилась в четыре раза. Под жестоким режимом правительственных органов начала насаждаться южная, трудоемкая культура — кукуруза, которая в большинстве хозяйств области не дала ожидаемых результатов. Вновь стала проводиться линия на ограничение развития личных подсобных хозяйств.

Имелись недостатки и в практике планирования сельской экономики. Объемы поставок устанавливали только на один год, часто меняли их, выполнившие получали дополнительные задания. Хозяйства не могли сориентироваться на перспективу, определить свои силы. Завышение плана заданий приводило к росту задолженности хозяйств. В 1961-1964 гг. прошли сильнейшие засухи.

Сложившаяся на селе социально-экономическая обстановка требовала принятия координальных мер по подъему сельскохозяйственного производства. Состоявшийся в марте 1965 г. пленум ЦК партии принял широкую программу развития сельского хозяйства страны. Важнейшее место в ней занимали: совершенствование цен, системы планирования и заготовок сельхозпродуктов; укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов; усиление экономических методов руководства сельскохозяйственным производством, повышение роли науки и специалистов; широкое применение материального стимулирования тружеников села.

Значительная помощь была оказана Кировской области. Колхозам списана и отсрочена их задолженность по займам и кредитам, увеличена поставка техники, фондовых материалов, удобрений. Повышены закупочные цены на сельхозпродукцию. Усилилась механизация полевых работ и трудоемких процессов в животноводстве. Окрепла и специализировалась система «Сельхозтехники». Возросли работы по электрификации. Только за два последующих года на сельское хозяйство области было израсходовано почти 200 млн. рублей капиталовложений. Предприняты меры по развитию организационно-социальной сферы села.

В результате принятых мероприятий положение дел в сельском хозяйстве стало улучшаться. В колхозах и совхо-

зах области возросло производство зерна, мяса и молока, досрочно выполнены планы закупок, денежные доходы хозяйств увеличились в полтора раза. За достигнутые успехи в 1966 г. 2100 передовиков сельского хозяйства области получили правительственные награды, 13 из них присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Но намеченные мартовскими решениями мероприятия до конца не были выполнены. В начале 70-х гг. инвестиции в сельское хозяйство сократились, снизились объёмы поставок техники, удобрений, проведения мелиорации земель, строительства дорог, жилья, производственных объектов. Это привело к снижению плодородия почв, нарушению технологических процессов, сокращению производства основных видов сельскохозяйственных продуктов.

В марте 1974 г. было принято постановление Правительства СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечернозёмной зоны РСФСР». Кировской области, как одному из крупнейших регионов Нечерноземья, была оказана значительная материально-техническая помощь. Развернулось строительство производственных, мелиоративных, социально-бытовых объектов, жилья.

Подобные меры по реанимации финансового положения в агропромышленном комплексе проводились и прежде. Однако не подкрепленные комплексным решением других важных проблем, они не обеспечивали долговременного положительного эффекта и приводили, в конечном итоге, к ещё большему увеличению задолженности предприятий и их экономической отсталости. Так вышло и на этот раз. Во второй половине 70-х гг. внимание к развитию сельского хозяйства опять ослабло. Из-за резкого диспаритета цен на промышленные и сельскохозяйственные товары почти вся произведенная на селе продукция к 1980 г. стала убыточной. Возросла задолженность хозяйств, деятельность которых находилась на грани развала. Правительству пришлось вновь принимать срочные меры по подъёму этой отрасли.

В 1982 г. была разработана «Продовольственная программа», предусматривающая значительное увеличение поставок сельскому хозяйству техники, удобрений, строительных материалов, оборудования. Повышен уровень оплаты труда, стали широко внедряться хозрасчёт, арендный подряд, механизированные отряды и звенья, проведена аттестация рабочих мест. Был продолжен курс на интенсификацию производства. В результате восьмидесятые годы ха-

рактизовались определенным подъёмом в развитии сельского хозяйства. Если за 1975—1980 гг. её валовая продукция ежегодно сокращалась на 11 %, то в последующие две пятилетки её рост составил по 9,5 %. Стабильно повышалась урожайность сельскохозяйственных культур, поголовье скота и его продуктивность.

Село стало возрождаться. Появилась надежда на его дальнейшее развитие ускоренными темпами, при этом просматривалось последовательное усиление социальной направленности аграрной политики, поворот на удовлетворение интересов сельского труженика.

Но в начале 90-х гг. в политической жизни страны произошел крутой поворот. К власти пришли либеральные «энтузиасты» управления экономикой с помощью «невидимых рук рынка». Правительство официально провозгласило своей целью создание условий для быстрого первоначального накопления капитала у потенциальных предпринимателей. В результате была проведена приватизация промышленных предприятий.

Такая же политика применена по отношению и к агросектору. В 1989 г. принято постановление «о коренной перестройке экономических отношений и управления в агропромышленном комплексе», в котором утверждалось создание объектов частной собственности, переход к разнообразным формам хозяйствования, либерализация цен, прекращение государственной поддержки сельскохозяйственного производства, категорическое исключение вмешательства в хозяйственную деятельность сельхозпредприятий. Что означало полную безответственность властных структур к судьбам крестьянства.

В конце 1991 г. было объявлено о деколлективизации — быстрой ликвидации колхозов, совхозов и массовой организации крестьянских (фермерских) хозяйств. Но как показало время, историческая память сельских жителей не дала обмануть их. И политика либералов не нашла широкой социальной базы в этом вопросе. Произошла в основном формальная перерегистрация хозяйств, что касается фермеров, то в эти годы в Кировской области организовано всего 1410 хозяйств, т.е. из каждой тысячи работающих в фермеры пошел один человек.

Необдуманнные, хаотично проводимые реформаторские действия правительства, начиная с 1991 г., сопровождавшиеся множеством ошибок, и к тому же базировавшиеся на неверных мировоззренческих приоритетах — главная причи-

на бедственных экономических результатов в развитии агропромышленного комплекса. Ключевыми моментами этой разорительной политики явились: крайне низкий уровень государственной поддержки, непосильное налоговое бремя, наращивание колоссальных долгов, безудержное повышение цен на материально-технические ресурсы, при сдерживании цен на сельхозпродукцию, допуск в Россию значительных объемов импортного продовольствия.

Прошло более 13 лет с того времени, когда был определен новый социально-экономический курс аграрной реформы, который привел к самым отрицательным последствиям. Среди многочисленных процессов доминирующими на селе стали: обвальный спад объемов производства продовольствия, деиндустриализация, растущее обнищание населения, ведущее к демографической катастрофе.

Сельское хозяйство области по объемам производства оказалось отброшенным более чем на 45 лет назад. Потребление на душу населения снизилось за это время мяса на 30 %, молока на 12 %, яиц на 29 %. Общая калорийность питания в расчете на душу населения опустилась с 3350 ккал до 2200 ккал. Для сопоставления можно привести следующий пример. Если в 1990 г. по калорийности рациона на душу населения Россия находилась на 7-м месте в мире, то в 2001 г. она занимала 72-е место, оказавшись среди слаборазвитых стран. Массовым явлением на селе стала бедность.

Снижение уровня питания и доходов крестьян — основные причины неудовлетворительного демографического состояния их численности. Естественная убыль сельского населения за последние 10 лет увеличилась в 10 раз. Коэффициент смертности на селе на 1000 человек составил 18,1, или на 20 % выше по сравнению с городом.

Критическим стало финансовое состояние сельских товаропроизводителей всех форм собственности и хозяйствования.

Учитывая создавшееся положение в сельском хозяйстве области, президиум Аграрно-промышленного союза работодателей Кировской области и Совет регионального отделения Аграрной партии России в декабре 2004 г. обратились от имени Крестьянства Кировской области к Президенту России, Председателю Правительства РФ, ко всем, кому не безразлична судьба российской деревни, с призывом объединиться в защиту отечественных сельхозпроизводителей и остановить дальнейший разор агропромышленного комплекса.

ДОЛЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ

В.А. СИТНИКОВ

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Пожалуй, ни одно деяние советской власти и партии большевиков не вызывало столько бурных и долговременных разнотолков, споров и дискуссий, как коллективизация сельского хозяйства. Прошло более восьмидесяти лет со времени создания первых коммун и сельхозартелей, накопились веские и неопровержимые доказательства преимущества коллективного ведения хозяйства, но у самих, задетых раскулачиванием крестьян, потомков так называемых кулаков и «лишенцев» с трагически изломанными судьбами, до сих пор осталось неприязненное отношение к людям, осуществлявшим коллективизацию и самому принципу нового ведения сельского хозяйства. Архивы и память изобилуют разными фактами, в т.ч. картинами давления и произвола. Художественная литература и кинематограф советской поры отстаивали безоговорочную правоту коллективизации. Постсоветское время рисует негативные картины прошлого и доказывает обратное. Спор продолжается.

Многие историки, экономисты и политики, люди, возведшие себя в ранг знатоков крестьянской души, утверждают, что якобы у русского мужика искони не было тяги к коллективному труду и общественной собственности. Но уже сами условия существования, особенно в нашем северном суровом краю, где в одиночку человек обрекал себя на изнурительный труд и нищую жизнь, диктовали необходимость работы сообща. Прочно чувствовали себя многочисленные трехпоколенные семьи с крепким главой. Ну а вообще деревня не чуралась артельных, коллективистских начал. Возьмите те же помочи, которые были апофеозом дружного артельного труда. Их собирали, чтоб по очереди выжать и обмолотить зерновые, соорудить мост, возвести глинобитную печь. И на заготовку леса, изготовление сруба для дома звал мужик полдюжины или дюжину «топоров» на длительную работу.

Один писатель, занимающийся историей освоения Сибири, рассказал мне о своем открытии: бурный рост городов и сел за Уралом происходил в самые вроде бы неблагоприятные для России годы, которые названы смутным временем. Москва — под поляками, в стране раздраз и грабеж, а Сибирь процветает.

В это время вятчане, находившиеся в составе Сибирской губернии, платили особый «хлебный» налог, шедший на поддержку первопроходцев и мастерового люда, артелями уходившего на строительство сибирских городов. Занимаясь отхожим промыслом, «зимогорили» вятские мужики. Недаром так много в Сибири названий деревень с нашими именами: Уржум, Яранка, село Вятское.

Вятские соха и топор шли на Обь, Енисей, Лену, Дальний Восток. Истобенские лоцманы водили караваны судов по сибирским рекам. Освоение земель в тайге, создание пашни подсечным способом велось сообща, так что коллективистские начала, взаимовыручка всегда были в сознании, характерах и деяниях русского человека.

И еще одно деяние — результат артельного труда. С XVI в. Вятская земля стала одним из главных поставщиков хлеба на Русский Север через пристань Ношуль. И это несмотря на то, что получали крестьяне по 3,3-3,6 ц хлеба с гектара и из каждых десяти лет только четыре были относительно благополучными.

Грудно — не грудно. Эта пословица с давних времен.

А кооперативное движение?! Переработка и сбыт сельскохозяйственной продукции требовали объединения. Недаром еще до Октябрьской революции земство всячески способствовало созданию машинных товариществ, сбытовых и потребительских обществ. Были они и в наших местах. Участковые агрономы в уездах, пропагандируя многополье с клеверным севооборотом, опирались на пытливых, прогрессивно-мыслящих крестьян, участковые механики устраивали выставки сельскохозяйственной техники, показывая в деле достижения зарубежных машиностроителей. А учится кооперации ездили русские крестьяне за границу. В Швецию, Голландию, Австро-Венгрию, где кооперация была представлена нагляднее и результативнее, чем в России. Общество «Русское зерно», которое возглавлял родной брат покойного премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина Александр Аркадьевич, в 10-е гг. XX столетия организовало поездки крестьян на курсы. Мужики из разных губерний и области войска Донского направлялись на работу в хозяйства западно-европейских фермеров, чтобы постичь там и прогрессивные способы землевладения, и суть производственно-сбытовой кооперации.

Мой дед Василий Фаддеевич Ситников в д. Коваловице под Тиштином в хозяйстве моравского крестьянина Томаша Цоуфалика постигал весной 1914 г. азы применения мелиорации, использования минеральных удобрений, вникал в суть работы и организации кооперативного маслосыроваренного завода. Все это ложилось на «возделанную почву», потому что у себя в д. Мало-Кабаново с помощью участкового агронома Ивана

Меркурьевича Жуйкова дед создал товарищество по совместной обработке земли, внедрил клеверный севооборот, закупил первые машины. Энтузиастов вроде деда было не так уж мало на Вятской земле. Благодаря заботам земства быстро росло производство льна. В 1913 г. губерния держала первое место среди нечерноземных губерний России.

Первая империалистическая война подорвала экономику крестьянских хозяйств. В 1914 г. половина мужчин трудоспособного возраста была мобилизована. К 1915 г. 11,4 тыс. лошадей было реквизировано для нужд войны. Снизилась урожай зерновых, упало производство другой продукции. О состоянии сельского хозяйства после первой империалистической и Гражданской войн говорит и тот факт, что в 1925 г. только пятая часть крестьян имела свой плуг и свою сортировку. Одна сеялка приходилась на сто хозяйств, плуг имел лишь один из пяти середняков и семь из ста бедняков. Значит, в ответе были за все соха Андреева да косуля, и опять бушевала трехполка на крестьянских полосах.

Статистический сборник «Вятский край на рубеже тысячелетий» (Киров, 2002) так характеризует состояние деревенской экономики: «Специфика Вятской губернии заключалась не только в сложных условиях, неблагоприятных для сельского хозяйства природно-климатических условиях, но и в том, что здесь не сложилось частное землевладение. Свыше 90 % земельных угодий принадлежало казне, церкви, земельному ведомству, городским и сельским обществам. В дореволюционный период в губернии были сильны традиционные способы ведения хозяйства — экстенсивный характер земледелия, трехполье, примитивные орудия труда. К началу XX столетия свыше половины местных крестьян имели нерентабельные хозяйства с одной лошадейю».

И хотя в 1923—1926 гг. наметился подъем сельского хозяйства, связанный с введением НЭПа, увеличилось поголовье скота, началось освоение казенных, залежных земель, переселение молодых крестьянских семей на отруба, свое будущее передовые грамотные крестьяне связывали с организацией кооперативных форм хозяйствования, широким применением машин, прогрессивных методов земледелия. Ну и, конечно, мечты эти о коллективном труде рисовались в радужных, утопических тонах. Отношения между людьми в коллективном хозяйстве, между крестьянством и властью должны были в их представлении основываться на согласии и добровольности.

Первые коммуны, появившиеся в стране и у нас в Вятской губернии, основывались на таких началах. Та же Обуховская коммуна, которую возглавил энтузиаст коллективизации Иван Иванович Обухов, или «Огнестойкое товарищество», созданное Пет-

ром Алексеевичем Прозоровым и его единомышленниками, прежде всего ставили цель создать идеальное коллективное хозяйство, показать преимущества общего труда и единой собственности. Начали появляться ТОЗы, сельхозартели.

Большое значение имело то, что страна, вступившая в эпоху индустриализации, поставила в деревню первые тракторы. В 1925 г. появились в вятских коммунах три трактора. Молва о них, конечно, волновала и вдохновляла сторонников коллективного ведения хозяйства. Год от года машин становилось все больше. В 1932 г. было уже 658 тракторов, в 1936 г. — 865. В 1930 г. появились машинно-тракторные станции, которые работали по договору с колхозами, поднимали значительную часть пашни. С каждым годом число МТС увеличивалось. В 1937 г. числилось 74 МТС, в 1938 г. — 87.

Забегая вперед, скажу, что десятилетие бурного коллективизирования хозяйства 1930—1940 гг. сделало деревню механизированной. Севшая за руль трактора молодежь, отдала свои симпатии уже не лошади, с которой были связаны чаяния дедов и отцов, романтика Гражданской войны, воспетая в первых советских фильмах, демонстрировавшихся в деревенской ограде с помощью движка, который надо было крутить вручную. К Великой Отечественной войне сотни механизаторов, пройдя школу овладения техникой, стали танкистами, летчиками, шоферами. Конечно, это было переворотом в сознании крестьян, сменой идеалов, хотя лошадь все еще была основным и главным тяглом на пахоте и перевозках.

Во многом благодаря механизации сельского хозяйства и городского транспорта, городская молодежь и крестьяне, защитники Отечества, смогли к середине войны наравных сражаться против оснащенных передовой современной военной техникой фашистских солдат и офицеров, а потом и превзойти их. Это аксиома не требующая доказательств. Всеобщее семилетнее образование и индустриализация, осуществленные советской властью, за короткий срок сделали страну технически вооруженной. В условиях единоличного хозяйства так быстро вряд ли удалось бы провести техническое вооружение села.

Поскольку глобальные заботы, связанные с коллективизацией деревни стали на уровень партийных задач и политики государства, в 1927 г. XV съезд ВКП(б) вынес решение о развертывании работы по созданию коммун и колхозов. Народ в массе своей был непрочь обрести новые методы ведения хозяйства. Он рассуждал: будут тракторы, машины — это хорошо. Но как это, сообщая жить и работать? Добрых примеров ведения коллективного хозяйства не хватало. Многие из коммун, проев запасы, оставшиеся от помещичьих владений, хлеб и скот, рас-

пались. А тут усиленная агитация. Крестьянин верить на слово не любил. Ему бы воочию убедиться, что будет в этих колхозах?

Политически активная часть деревни, особенно комсомольцы и молодые большевики, крестьянские сыны, отслужившие в Красной Армии, беднота, которой нечего было терять, проявляя юношескую нетерпеливость, торопили с коллективизацией. Они безоговорочно верили в правоту политики партии, в то, что единственный путь в дальнейшем развитии деревни — коллективизация.

В те годы была в ходу притча об отце, который благословляя сыновей на дружную работу, попросил принести веники. Один, разобрав по прутику, переломал, второй, неразобранный переломить не сумел, даже самый сильный из сыновей, потому что прутья были связаны воедино. Как веник переломишь?! Вроде бы и эта притча, и разговоры о тракторах, заменяющих два, а то и три десятка лошадей, убеждали, но были и большие сомнения.

Люди постарше, благодаря экономии на себе и семье заведшие лошадь и плуг, с болью и тревогой думали о том, что придется расстаться со своим имуществом, передать лошадушку в чужие, может быть, нерадивые руки. Этим крестьянам не хотелось, чтоб его торопили с вступлением в колхоз. Сомневались, что жизнь будет легкой, что государство за здорово живешь, даст тракторы и сельхозтехнику.

По впечатлениям первых тревожно-беспокойных дней коллективизации появился роман Федора Панферова «Бруски». Один из его героев Никита Гурьянов, не имея сил избавиться от частнособственнических инстинктов единоличника, устремился на поиски земли обетованной, где бы пока еще сохранялось свое собственное, не обобществленное имущество. Колесания крестьянина привлекли внимание писателей. Об этом говорил на первом съезде Союза писателей СССР Александр Фадеев. А замечательный поэт Александр Твардовский написал поэму «Страна Муравия», герой которой Никита Моргунок мечтается в тревогах, ища такую форму, где «посеешь бубочку одну — и та твоя». Подобно героям поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» колесит Моргунок по округе в поисках земли обетованной, ищет совета у людей, куда ему податься. Та же мука у героя «Поднятой целины» Михаила Шолохова Кондрата Майданникова. В книгах естественно и логично герои приходят к выводу, что только в колхозе обретут они достаток и счастье мужицкое. В этих талантливых произведениях литераторы правдиво и психологически достоверно отразили сомнения крестьян. В жизни же ломка частнособственнической психологии была еще жестче, решительнее и трагичнее.

В конце 20-х гг. в стране сложился партийный, советский, комсомольский, профсоюзный, милицкий аппарат, органы госбезопасности, суд и прокуратура. Он был не безучастен к деревенскому переустройству. Напористый командно-приказной стиль вовлечения в колхозы почти не давал времени на сомнения и раздумия. День и ночь шла неотступная агитация за коммуны и колхозы. В 1929 г. на вятской территории появились первые 208 колхозов и коммун.

Создание коллективных хозяйств проходило в условиях территориальной реорганизации. В 1929 г. в Вятской губернии было 8 уездов: Вятский, Котельничский, Малмыжский, Нолинский, Омутнинский, Слободской, Халтуринский, Яранский. В том же 1929 г. уезды и волости были упразднены, вместо губерний созданы края, области, вместо уездов — округа и районы. Вятская губерния вошла в Нижегородскую область, преобразованную в Нижегородский край (в 1932 г. Горьковский) в составе округов: Вятского, Котельничского, Нолинского. Округа просуществовали один год и были упразднены. На 1 октября 1930 г. на территории Вятской губернии было 42 района.

Курс на ускоренную коллективизацию деревни не ослабевал. Число колхозов, коммун, совхозов росло с каждым днем. В Вятском уезде энергичный деятельный П.А. Прозоров вместе с моим дедом В.Ф. Ситниковым создали гигантскую коммуну имени Тимирязева на базе Ардашевского совхоза. Дед вспоминал об этих беспокойных шумных днях, когда приходилось постоянно убеждать соседей и крестьян окрестных деревень вступить в коммуну.

Статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930 г.) вроде бы отменяла нажим, давала временный «отбой». Многие коммуны распались, мужики разобрали по дворам свой инвентарь и лошадей. В книге Виктора Бердинских «Россия и русские» (Киров, 1994. С. 207) приводится признание активиста А.Ф. Каманина о тех днях: «Тогда ведь коллективизацию сплошную жали. Из укома посылали в село и говорили: «Пока 100 % не дашь, не возвращайся в уком, нечего тебе тут делать!» А потом как Сталин-то ловко вывернулся, все выступления на нас свалил. «Головокружение, дескать, от успехов». У моих же друзей в укоме головы полетели — называли их перегибщиками. А мы же сами ничего не придумывали, нам все с центра спускали».

В основу нового витка коллективизации был положен жесткий классовый принцип, так сказать, деление на «чистых» и «нечистых», уничтожение кулачества, как класса. Раскулачивание было сопряжено с трагическими для деревни событиями, когда безжалостно рвались родственные кровные связи, брат

шел на брата, сын отказывался от отца, сосед подсиживал соседа, чтоб сохраниться самому. В наших местах, где имущественная разница была не столь велика, это проходило без таких кровавых столкновений как на Дону или Украине, но «классовые враги» были выявлены, выселены на Север, в Сибирь, на Соловки. По мнению осуществлявших коллективизацию активистов были созданы благоприятные, почти стерильные условия для молодых колхозов. Имущество зажиточных попало в колхозы или было продано по мизерным ценам. С собой ссылаемым разрешалось брать, сколько могли унести. Опять же по художественной литературе и многосерийным фильмам мы можем судить о трагичности тех событий. Однако архивные документы, где сведены воедино и обобщены цифры, свидетельствуют о том, как проходило раскулачивание, были перегибы, перекосы, несправедливое выселение умных, башковитых крестьян, в т.ч. и тех, кто учился кооперированию за границей.

Обострялись отношения, проявлялись низменные чувства: отомстить, донести, проголосовать за выдворение из села в 24 часа, без продажи всякого недвижимого имущества и скота. Вседозволенность кружила голову активистам, проводившим коллективизацию. Верность идее и власти стала важнее былых деревенских родственных связей. Старики и осторожные осмотрительные мужики были записаны в несознательные, отсталые, а порой и в число «враждебно настроенных элементов». Это было чревато последствиями.

Тот же А.Ф. Каманин вспоминает: «Вот, говорят, сопротивление не было. Да как же? Борьба была... Вот провожу я собрание, в колхоз агитирую. Бабы в первых рядах, мужики на последних сидят, сигарки смолят. Я говорю: «Всем вам будет лучше жить, ведь машинами ваши узкие полоски не вспашешь». Мужики молчат, а Анисим Иванович Барабанов, был такой крепкий хозяин, мне и выкрикнул с места: «Да откуда ты знаешь, что лучше-то будет?» Дескать, молокосос ты. А я ему: мол, в центре-то не дураки сидят. Он в спор. У меня говорит, боевых наград больше, чем тут на стене жестянок навешено. А он и впрямь был полный Георгиевский кавалер, после мировой-то войны пол-Польшы домой привез. Голова-то у него хорошо варила. Я на другой день записку в волость — в милицию. Забрали его, отправили на Беломорский канал. Так что ты думаешь? Он через несколько лет, когда канал-то построили, с орденом Ленина оттуда вернулся в деревню». (Там же. С. 205—206).

Благополучно сложилась судьба у Барабанова, а сколько погубило людей на строительстве того же Беломорканала да и в других местах, куда семьями изгоняли зажиточных крестьян. Разве могли они с восторгом говорить о коллективизации?!

Вятский край миновала горькая чаша других регионов страны. Массовый, искусственно устроенный голод 1932-1933 гг., поразивший зерновые районы Украины, Северного Кавказа, Урала, Казахстана унес по приблизительным подсчетам три миллиона жизней. Свидетели этих трагических событий вспоминают о том, что такое устраивалось для того, чтобы сломить волю людей, противящихся коллективизации, сделать их покорными. Хлеб был изъят. Даже при обысках забирали активисты все съестное: кукурузу, фасоль, картофель, жмых. «Весной падали как снопы и вымирали семьями,» — вспоминает очевидец.

Как-то в 60-е годы привез меня мой друг, председатель сельского колхоза им. Кирова (Фален. р-н) Николай Андреевич Селюнин к так называемому «отшельнику» Кириллу Кирилловичу Тетенькину, который поселился на пустоши после того, как отбыл срок в лагерях. Он был арестован за то, что в годы коллективизации спалил свою собственную мельницу, чтобы она не досталась «голодранцам». Кирилл Кириллович был обижен и люто ненавидел весь сложившийся уклад колхозной жизни. Тем более, что жил в одиночестве на территории слабенького овцеводческого совхоза «Рябовский» и было у него немало фактов, чтоб посмеяться над результатами коллективизации, «достижениями» тогдашней сельской жизни. Кирилл Кириллович не принимал во внимание то, что по соседству были очень сильные колхозы «Победа», имени Свердлова, имени Кирова. Его волновали потери и утраты, произошедшие в коллективизацию.

Большинство раскулаченных и сосланных крестьян так и не вернулись в родные места. Кто-то погиб в снегах и льдах, кто-то не захотел возвращаться на родную землю, обиженный на соседей и местную власть.

В пору коллективизации произошла невиданная сброска скота. Боясь, что начнут обобществлять не только лошадей и коров, но и скотину помельче, крестьяне пустили под нож овец, свиней, телят. Наученный горьким опытом, боялся селянин, что обманут, заберут скотину. «Зима 1930 прошла в колебаниях, — записал в своих дневниках мой дед Василий Фадеевич, — как создать свою сельхозартель. Нас подталкивали. Весной 1931 г. повалили в деревню одна за другой вербовочные бригады, инициативные группы. Собрания за собранием до третьих петухов. Уполномоченные требовали срочно создавать колхоз со стопроцентным охватом. Создали и мы заново сельхозартель в нашей маленькой деревне в одиннадцать дворов. Мне приходилось работать за четверых: председателем, счетоводом, бригадиром-нарядчиком и рабочим. Сунув тетрадку учета трудодней за голеном сапога, вместе со всеми правил обычную крестьянскую работу: пахал, возил навоз, косил сено. Одолевали «буксирные

бригады», которые требовали то сверхплановый лен, то приставали с подпиской на государственный заем, то с дорожной, то с лесной повинностью».

В 1931 г. более половины крестьян вступили в колхозы, в 1934 г. число вступивших достигло 71,4 %, 1937 — 93 %, 1940 — 96,9 %. В 1932 г., у нас было 7.573 колхоза, в 1933 — 9.939. Что ни деревня, то колхоз.

Постановлениями ВЦИК СССР 1934 г. 5 декабря Вятка была переименована в г. Киров, а 7 декабря из Горьковского края был выделен самостоятельный Кировский край в составе Удмуртской автономной области и 39 районов. В это время в Кировском крае жили 3,3 млн. чел., в 14 городах и поселках насчитывалось 43,2 тыс., а в 24.344 деревнях и селах — 2,9 млн. человек. 28 декабря 1934 г. Постановлением ВЦИК Удмуртия в существующих границах преобразована в Удмуртскую Автономную ССР, а в декабре 1936 г. — выделена из состава Кировской области.

Молодежи колхозная жизнь нравилась. Широкое общение — не то, что было в единоличном житье. Обстановка настороженности, ощущавшаяся в пору раскулачивания, смягчилась в 1935–1936 гг. Тогда многие люди постарше приняли колхозы как неизбежность. Эта перемена в настроении пожилых колхозников была связана с принятием постановлений, выработанных партией и советской властью в связи с подготовкой новой конституции страны Советов.

По конституции 1918 г. были ограничены права крестьянства. 1 июля 1936 г. открылся пленум партии, посвященный новой конституции. На нем Сталин заявил, что наше советское крестьянство является совершенно новым классом. Жители деревни, по его словам, перестали считаться «порождающими капитализм». За год до этого 26 июля 1935 г. ЦК партии утвердил решение «О снятии судимости с колхозников», согласно которому освобождались из заключения или ссылки все осужденные на срок менее пяти лет. Были освобождены от любых форм наказания без малого 770 тыс. граждан. Со всех были сняты судимость и ограничения в правах.

Отмена жестких «классовых ограничений», раскалывавших общество, сказалась в постановлении правительства «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы», позволявшие детям «бывших» учиться: «Отменить ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения». Касалось это и крестьянских детей.

21 апреля 1936 г. появилось постановление коренным образом изменяющее жизнь еще одной категории граждан. «Учитывая преданность казачества советской власти, — говорилось в нем, — отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в

отношении их службы в рядах Красной Армии,». С казаков снимались все прочие ограничения в гражданских правах.

При обсуждении конституции кое-кто требовал законодательно «закрепить отправление религиозных обрядов». Сталин отвечая, сказал: «Я думаю, что такая поправка должна быть отведена: во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны советской власти. Во-вторых, если народ кое-где изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена плохо». Понятия «лишенцы», «пораженные в правах», казалось, навсегда исчезли из жизни государства.

Отлегло от сердца у людей, пострадавших от ограничений и репрессий в городе и в деревне. Если добавить к этому, что в октябре 1935 г. была отменена карточная система в городах и поселках, открыта свободная продажа продуктами, станет ясно, что это было воспринято, как возвращение к естественной, нормальной жизни. К 1 января 1936 г. все население страны получило разрешение праздновать Новый год с рождественской елкой, которая перестала считаться религиозным предрасудком. Это было воспринято с ликованием.

Оживилась, повеселела и сельская жизнь. То и дело в деревню наезжали лекторы, кинопередвижки. Вся агитационно-пропагандистская система сулила богатое, изобильное будущее. Между прочим, в хозяйствах, во главе которых стояли талантливые, разворотливые руководители типа Петра Прозорова, Ивана Обухова, других энергичных и пробивных людей, дела шли хорошо. Бесплатная столовая, дом отдыха. Чего только не задумывал и не осуществлял П.А. Прозоров.

В колхоз «Красный Октябрь» (Вожгал., ныне Кумен. р-н), ехали со всей области, чтобы посмотреть, как можно создать изобильную культурную жизнь. Здесь была осуществлена мечта об электричестве. В 1924 г. построена кредитным товариществом первая сельская электростанция на реке Быстрице в с. Вожгалы, а в 1928 г. при слиянии товарищества с колхозом «Красный Октябрь», гидростанция перешла в собственность колхоза. В 1931 г. колхоз электрифицировал столярную и слесарную мастерские, построил водопровод с насосами, работающими от электромоторов, а потом электрифицировал обмолот зерна и другие операции. «Осуществленная мечта», — так называли люди всё, что видели в этом хозяйстве. «Красный Октябрь» заражал своим примером другие хозяйства области, также строившие свои колхозные и межколхозные тепловые и гидроэлектростанции, клубы, школы.

В числе первых появились электростанции в колхозах: «Вичевщина» (Вожгал., ныне Кумен. р-н), «Красная Талица»

(Шестаков., ныне Слобод. р-н), «Красная заря» (Уржум. р-н) на реке Байса, имени Калинина (Верховин., ныне Юрьян. р-н).

Наверное, семь-восемь предвоенных лет стали самыми результативными и счастливыми в жизни колхозного крестьянства. Плата по трудодням в то время в большинстве хозяйств была весомой. В качестве натурплаты выдавали не только зерно, но и не очень большие деньги, мед, льняное масло, все что выращивал и перерабатывал колхоз. Велось в то время усиленное строительство конных дворов, коровников, свиноводческих, других животноводческих помещений.

Воистину героической эпопеей можно назвать мелиорацию земель, создание лугов и пастбищ, которая началась в 1936 г. За четыре года только колхозы Халтуринского, Оричевского и Кировского районов освоили 16.300 гектаров болот. «Там, где в урожайные годы, получали с гектара по 10-20 ц сена из грубой осоки, колхозы стали получать по 60 ц высококачественного сена», — писал секретарь обкома ВКП(б) М.Я. Канунников. В число объектов входили Бахтинская лугоболотная дача площадью 13,3 тыс. га, Халтуринская — 8,9 тыс. га, Спасо-Быстрицкая — 6,2 тыс. га, а также Чашково болото площадью 3,9 тыс. га. По подсчетам специалистов осушение этих земель позволило получить такое количество сена, которое обеспечивало увеличение поголовья скота на 35 тыс. голов.

490 колхозов вели мелиоративные работы на своих землях, 204 соседних хозяйства помогали им. Несмотря на то, что работы велись вручную — лопатой, топором да вагой при корчевке пней, народ трудился с подъемом. Одновременно мелиорация развернулась, правда, в меньших масштабах в Котельничском, Зуевском, Нагорском, Даровском и Просницком (ныне Кирово-Чепецкий) районах — согревало желание жить зажиточнее, с перспективой.

О том, что деревня с коллективизацией оживилась, достигла высоких результатов в животноводстве и полеводстве, свидетельствует Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, участниками которой стали колхоз «Красный Октябрь» (Вожгал. р-н), льноводческие колхозы Шабалинского, Свечинского, Котельничского, Шарангского (передан в 1960 г. в состав Горьков. обл.) районов, колхоз «Пахарь» (Абаз. р-н) Кировской области. Представлены были овцеводы Молотовского (ныне Нолинский), свиноводы Котельничского и Уржумского районов. Восхищали высокими удоями коровы с. Истобенское (колхоз «Ленинская искра», Оричев. р-н), где велась работа по выведению высокоудойной породы животных. Насколько помню, знаменитая корова Фара давала до девяти тыс. кг молока в год. Колхоз был участником ВСХВ.

Особая страница в жизни тех лет — начало дружбы колхозов с учеными-селекционерами, много делавшими для создания новых сортов зерновых. Триумфальное шествие ржи Вятка, выведенной академиком Н.В. Рудницким, началось с осуществлением коллективизации. С большим подъемом работали ученые Фаленской селекционной станции, зонального института во главе с Н.В. Рудницким, удостоенным позднее Сталинской премии за создание ржи Вятка.

Складывалась картина полного благополучия и процветания деревни, особенно в богатых хлебных южных колхозах, где значительно поднялась урожайность полей благодаря механизированной обработке земли, минеральным и органическим удобрениям, повысившейся культуре земледелия. В деревне появились специалисты со средним образованием: агрономы, зоотехники, ветеринары, окончившие сельхозтехникумы.

Следует упомянуть, что поднялась культура. Полным ходом шла радиофикация в городе и на селе. В это время были созданы народные хоры в крупных певучих селах, работал свой Уржумский колхозный театр, выезжавший во многие районы области. А какими многолюдными веселыми были предвоенные вечорки. Молодежь под гармонь ходила из деревни в деревню. Многолюдное крестьянское веселье. Люди справляли новые советские праздники и приходские. Работа в радость и веселье в удовольствие. Кое у кого, правда редко, появлялись в колхозных семьях патефоны, разносившие новые сельские песни в исполнении Ольги Ковалевой, оптимистические припевки «Вдоль деревни от избы до избы зашагали торопливые столбы». Всем хотелось такой веселой, светлой, обеспеченной жизни.

Признак богатства — велосипед и патефон, новая гармонь — все это было не только в тогдашних знаменитых и любимых фильмах: «Трактористы», «Богатая невеста», «Учитель», но и кое у кого из колхозников. Немало хорошего нового появилось в деревне. РАЙЗО организовали в колхозах пасеки для опыления сельскохозяйственных культур, некоторые разрослись до крупных размеров. Стали обычным явлением избы-читальни, клубы, библиотеки. Образование и медицина продвигались на село. Однако среди новаций были и такие, которые несли чисто идеологическую нагрузку и вызывали только иронические усмешки. К примеру, были признаны морально устаревшими, позорящими социалистическую деревню коса-горбуша (в наклон надо работать), мотыга, хотя как обойдешься без этих орудий труда на осырке да на болотистой луговине.

К сожалению, послабление 1935—1936 гг. оказались временными. И не только потому, что впереди был репрессивный 1937 год. Проявились серьезные негативные тенденции, кото-

рые повлияли на снижение заинтересованности колхозника в труде. Он был ограничен в праве вести свое личное подсобное хозяйство.

Основываясь на предвзятом представлении о крестьянстве, которое-де постоянно порождает буржуазную тягу к обогащению, государство начало усиленно сокращать личные одворницы и покосы колхозника. Они-де отвлекают труженика от общественно полезного труда. Сколько раз отрезал плуг от семейного осырка новые полосы, которые зарастали дурниной, не принося пользы ни колхозу, ни крестьянину.

Если бы производил крестьянин на полной одворнице овощей, побольше запасал сена для коровы, овец, телят, поросенка, сеял ячмень для птицы, имел выпасы, горожанину был бы только прибыль, продукты на рынке стали бы дешевле. Но вот считалось, что только одна забота о колхозном поле и скотном дворе должна радовать и печалить крестьянина.

А между тем объективная статистика показывала, что в условиях сплошной коллективизации подсобное хозяйство колхозника давало стране большой процент картофеля, овощей, молока, яиц. За счет них держалось поголовье овец. К примеру, только в одном Верхошижемском районе в 1933 г. было 28 тыс. овец. Крестьянин ценил овцу. Ведь это и шуба, и тулуп, и шапка, и валенки, вязанные шерстяные носки и рукавицы. Разве меньше было этих животных на родине вятской породной овцы в Молотовском (ныне Нолинском) районе. Или в Афанасьевском?! Вроде паслись они на неудобьях, в мелколесье, а прибыток давали большой. Мясо-то тоже не сбрасывайте со счетов. В общем, покос, огород — аграрный цех колхозника давал очень много. В иных отраслях больше, чем колхозы.

Между тем считавшийся первым знатоком крестьянской психологии товарищ Сталин писал в статье «К вопросам аграрной политики в СССР»: «Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества». И выправляли.

Личный двор колхозника, отдавшего лошадь и лишившегося тягла для обработки приусадебного участка-одворницы, перестал быть притягательным. Колхозное начальство не позволяло обрабатывать личные участки, пока колхоз не заканчивал работы на общественных полях. А ведь свой осырок давал крестьянину возможность продать продукцию, чтоб купить необходимое для житья: керосин, спички, сахарный песок, мануфактуру.

Долгое время скрывался государством и не проникал в средства массовой информации еще один конфликт — крестья-

нин не имел права на получение паспорта и свободное передвижение по стране. Кроме того, он долгое время был лишен пенсии в старости. Считалось, что людей преклонного возраста должны были содержать и кормить колхозы, многие из которых не имели на это финансовых возможностей.

В отличие от единоличника колхозник перестал быть хозяином своего времени. Пора бы колхозу заниматься севом озимых, но приехал уполномоченный из района и требует выполнить первую заповедь — сдать хлеб государству. Тем, кто был вблизи от заготпункта сделать это было нетрудно. А если колхоз в 40 км от элеватора? Молоти да вези, отложив на неопределенные сроки первостепенные дела: озимый сев, теребление льна. А разве нельзя эту сдачу провести, когда наступят холода?

Били по экономике хозяйств мизерные цены на сельхозпродукцию. В 30-е годы государство платило колхозам по 4-5 руб. за центнер ржи, за центнер овса — 4 руб., за центнер пшеницы — 6 руб. По рублю за пуд, 4-5 копеек за килограмм. И в то же время коробка спичек стоила 5 копеек. Попробуй при такой выручке купи колхоз какую-нибудь машину. Государство же продавало печеный черный хлеб по 85 коп. за килограмм, пеклеванный и белый по 1 руб. 70 коп. за кг.

Если колхозник был обеспечен в хороший год по трудодням хлебом в достатке, то денег он получал копейки. Изворачивайся как знаешь. Раньше уходил мужик на зиму на заработки: плотничать, катать валенки, портняжить, но тут время его было передано в распоряжение колхоза, у которого на зиму были свои неотложные работы: заготовка леса, строительство, посылка людей на государственные лесозаготовки, добычу торфа, исполнение дорожной повинности. Удары, нанесенные по личной заинтересованности, привели к тому, что перестал крестьянин ощущать себя хозяином на земле. На смену интересу пришло равнодушие. Трещала и рвалась пуповина, связывающая мужика с землей. Пораскинув умом, грамотные, много повидавшие и понявшие крестьяне, начинали сомневаться в том, что колхоз сможет обеспечить их семью и детей тем, что имеют горожане, рабочие на предприятиях. И несмотря на ограничения в выдаче паспортов, многие крестьяне из слабых, бесперспективных хозяйств двинулись на заводы, в леспромхозы, на стройки, туда, где была гарантированная зарплата. Началась первая, вернее вторая после побега от раскулачивания, волна миграции из деревни.

Произошло в предвоенные годы великое переселение сельского народа в быстро растущие города, на заводы-гиганты, где требовалась рабочая сила. Покидая с тоской родные места, с трудом приживались крестьяне в немилом им городе. Таких в 30-е годы были сотни тысяч семей. Деревенские люди первые

дни в городе выглядят растерянными, прибитыми. Не на своем месте. В деревне, дома вроде и топор веселее летает и гвоздь легче в дерево идет, а здесь все как-то не так, но для детей городская жизнь была веселее деревенской, возможности учиться куда богаче. В конце концов смирились и с квартирой тесной, другими неудобствами и взрослые.

Тогда сельское население области составляло около двух миллионов человек, и обе волны миграции, хоть и сократили число деревенских жителей, но пока заметно не повлияли на демографию и на дела. В довоенной деревне ощущался недостаток рабочей силы.

На основании Указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 января и 22 марта 1941 г. к Кировской области присоединили Опаринский, Лальский и Подосиновский районы Архангельской области. Своеобразие вновь включенных в состав области районов заключалось в том, что считавшиеся в Архангельской области самыми южными житницами, у нас они переходили в число самых северных с рискованным земледелием. Однако эти районы занимались и льном, и зерном, и овцой, и молочным животноводством.

В низменных опаринских местах с полями-«лепетушками», затерявшимися в тайге, нашли люди свой способ хозяйствования. Приехавшие сюда по Столыпинской реформе крестьяне из Эстонии и Латвии занялись молочным животноводством. И небезуспешно. Так называемые Эстонские хутора получали немало продукции, хоть доставалась она большим трудом. Укрупнение селений и хозяйств в результате коллективизации подорвало хуторскую систему и привело к её исчезновению. Теперь эти места вновь взяла тайга.

И так, в расширенном составе (область с присоединением трех северных территорий стала насчитывать 50 районов) пришлось входить в Великую Отечественную войну, трудиться до упаду, бедовать и одолевая тяготы военного времени.

К началу июня 1941 г. колхозы и совхозы Кировской области имели 5 млн. га земли, 3,1 млн. пахатной, 554,7 тыс. га — составляли выгоны и пастбища, 188,8 тыс. га находились под приусадебными участками. В 1940 г. в области насчитывалось 10.259 колхозов, 17 совхозов, 98 МТС, 34 крестьянских дворов на один колхоз.

Усиленная забота о пашне не пропала даром. В 1941 и 1942 гг. урожайность зерновых в области составила: в 1941 — 10,3 ц с га, в 1942 — 10,0 ц с га. Это позволило труженикам села легче перенести тяжкие военные годы, когда зерно из колхозных закромов порой все, под метелку, сдавалось государству на нужды фронта.

Б.В. САДЫРИН

«МУЖИЦКИЙ ФОТОГРАФ» — С.А. ЛОБОВИКОВ

Мы не первый раз видим работы кировчан и давно уже заметили особый почерк, если хотите, особую школу видения и мастерства. Вспомните Лобовикова, Шишкиных, Скурихина, Перевощикова, Шилова... Кировчане! Пожалуй, никто лучше их в фотографии не увидел березовую Россию, поэзию деревень, льняных полей, копен и тихой воды. Думаю, было бы полезно поговорить о школе «вятичей» особо, многим было бы полезно и поучиться у них...

В.М. Песков,
лауреат Ленинской премии

...Люди с фотокамерами каждый по-своему остановили для нас время, мгновения, показали характеры и судьбы. Среди прочего они оставили нам зримый образ русского поля с деревней-кормилицей, с крестьянами XIX—XX вв. ...Хочу прикоснуться к крестьянской теме в творчестве Сергея Александровича Лобовикова (1870—1941) — признанного в фотографическом мире мастера...

Ему «мужицкому фотографу» (так он себя с гордостью называл), обладателю многих дипломов и медалей, при жизни выпала честь за заслуги в деле художественной фотографии быть избранным в члены-корреспонденты Дрезденского общества развития любительской фотографии (1909), почетным членом Лондонского общества изящных искусств (1910), почетным членом Русского Фотографического Общества (1913).

В начале века, получив первое признание на конкурсе Петербургского фотографического общества и на Всемирной Парижской выставке (1899—1900), Сергей Александрович писал: «Мне фотография нужна как средство передачи моих идей. Я люблю русскую природу, люблю деревню с ее обитателями. Я хочу передать характерное русское».

Действительно, лобовиковские картины (именно так называли современники его художественные снимки) «Вдовья думушка», «За корминкой», «Печаль», «Домовница», «Думы», «Крестьянка девушка», «Труд», «Учительницы», «Учительница» — всех не назвать! — дышат любовью и глубочайшим сочувствием к крестьянам, к подъяремному русскому мужику, скром-

ной сельской интеллигенции, к крестьянским детям. К слову, Лобовиков явился первым русским фотографом, отразившим в фотоискусстве тему «Дети». Смотришь на эти и другие снимки Лобовикова и невольно думаешь: да, нелегкая жизнь-то в те времена была у вятских крестьян...

Далекий от всяких политических движений и партий, Сергей Александрович был в жизни и творчестве истинным демократом-реалистом. Он скорбел и тревожился за судьбу нищавшей русской деревни и ее обитателей. Но и верил в них.

Многие исследователи лобовиковского творчества отмечали, что самые сильные снимки мастера жанровой фотографии — это снимки из быта деревни. Что равного ему фотографа, который столь последовательно разрабатывал бы тему из жизни крестьянства, не было в ту пору ни в одной из стран Европы, ни в России.

— Правда жизни — вот она. Я ее не украшаю и не придумываю ничего. Всмотритесь-ка в нее и помогите крестьянам — своим кормильцам! Мне думается к этому призывал своих современников Лобовиков. Это было замечено и на Западе. В 1913 г. английский журнал «Годовое обозрение мировых художественно-фотографических работ», характеризуя художественную фотографию в России, отмечал: «Лобовиков из Вятки выделяется из всех их. Показывает серии народной жизни русских крестьян, полные чувства и драматической силы, толкования природы».

Если мы заговорили о лобовиковских картинах, пейзажах уместно вспомнить еще и такие факты. Художник-земляк А.А. Рылов, встречаясь с Сергеем Александровичем, находил очень хорошими картинами его «Облака», «Вечер», «Рыбаки», «Разлив», «Прачки». Говоря об «Облаках», замечал: «Не всякий художник решится писать такую вещь».

Высоко и уважительно ценили С.А. Лобовикова, признавали его тоже художником В.М. и А.М. Васнецовы. Художник, историк искусства И.Э. Грабарь, посетив как-то дом и павильон Лобовикова, долго и внимательно рассматривал художественные работы Сергея Александровича, называл их «настоящими, подлинными картинами».

Зная жизнь селян не понаслышке, сын сельского дьякона, он очень уважительно относился к простому народу, к крестьянам. Набирался у них сил, неустанно искал в них и в жизни красоту. Живя и работая в Вятке, 29 мая 1902 г. он сделал в своем «Лабораторном дневнике» такую запись: «Для того нужно чувствовать красоту, чтобы снимать изящно, красиво. Нужно искать красоту. Это своего рода эстетическое кредо. «ИСКАТЬ КРАСОТУ» у Лобовикова было неотделимо от понятия «ПРАВДА». И когда мастер находил это «самое-самое» сокро-

венное, он радовался и делился щедро, по-любовниковски с людьми, в первую очередь с увлеченными фотоискусством.

Известно, что к нему в лабораторию и павильон проторили в свое время дорогу студенты вятских учебных заведений и служащие некоторых государственных учреждений. Он учил их азам фотографического дела.

С трепетом душевным переступали порог его дома, в будущем ставшие признанными фотографами, А.В. Шишкин, А.В. Скурихин, А.М. Перовищев. Вот это, в частности, были и преемственность и следование традициям, что и позволило В.М. Пескову высказать суждение о вятской школе фотографического видения мира.

Век позади: Спецвыпуск газеты
«Мастерская». Киров, 1995. С. 12.

В.М. КАШИНА

ПЕРВЫЕ АГРАРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

(глазами очевидцев)

Осознание того, что изучение истории будет неполным, если в центр исторического процесса не поставить человека, повернуло вектор исторических исследований в русло социальной истории. Такой подход позволяет воссоздать историю глазами очевидцев.

Первые аграрные мероприятия, проводимые большевиками, явились переломными, определившими дальнейшее развитие российской, а также вятской деревни на целые десятилетия. В этой связи важно проанализировать, как эти мероприятия отражались в сознании обыкновенного вятского крестьянина, какова была реакция на них, и как власть учитывала в своей деятельности человеческий фактор.

Из многообразия исторических источников, освещающих данную проблему, важнейшими являются крестьянские письма, аппелирующие к власти. Эта традиция, берущая начало в далеком прошлом нашего народа, основана на вере людей во всемогущество власти. Возможно, что сама власть была заинтересована в письмах «снизу» как своего рода мониторинге общественного настроения. Кроме того, письма — своеобразные «сигналы с мест», позволяющие держать под контролем местную бюрократию. Крестьянство в отличие от других социальных групп предпочитало обращаться не в определенные государственные струк-

туры, а к конкретным деятелям руководства, которым оно склонно было доверять. С ростом грамотности сельского населения и появлением специализированных изданий возрастает поток крестьянских писем и в газеты.

Кроме писем, важными источниками являются также резолюции крестьянских сходов, ходатайства и жалобы-обращения, исходящие непосредственно от крестьян, а не от официальных органов.

Первый опыт взаимоотношения новой власти и крестьян, как в целом по России, так и в Вятской губернии, выявил поддержку бедняцко-середняцкой массы. С мест поступали подтверждающие сообщения: «... за последнее время значительно улучшилось отношение к советской власти» (Орлов. и Глазов. уезды), принимались резолюции, отражающие «решимость бороться с контрреволюционной буржуазией». (ГАКО. Ф.Р-876. Оп. 3. Д. 2. Л. 62, 55).

Принятые властью декреты удовлетворяли самые насущные требования деревенских тружеников — мира и земли. Однако начавшийся в вятской деревне уравнилельный передел земли и принятые властью аграрные законы и положения по «фаворитизации» бедноты, в соответствии с которыми приоритет отдавался «общей обработке» и провозглашалась национализация земли, привели к усилению напряжения между различными слоями крестьянства. Это нашло отражение в воспоминаниях председателя Вятского губисполкома тех лет большевика Ивана Попова: «... мы имеем резкое размежевание деревенской бедноты, середняков и кулацкой группы», «уже более наглядно начали прощупываться кулацкие настроения по отдельным волостям, в особенности, в южных уездах губернии, наиболее хлебородных и зажиточных». (ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 103. Л. 14, 22).

Противоречивое, неустойчивое отношение вятского крестьянства к новой власти, правящей партии складывалось, главным образом, в результате мер, принимаемых местной властью. В сознании людей верховная власть, как правило, идеализировалась или, по крайней мере, на неё не возлагалась ответственность за неэффективность действий. В своих ежедневных обидах вятский крестьянин склонен был винить прежде всего местную власть.

Советская власть, предоставив крестьянам законодательную своеобразный «плюрализм» организационно-хозяйственных форм (подворная, хуторская, общинная, артельная), на практике проводила «политику наибольшего благоприятствования» в отношении государственных и коллективных форм хозяйства в деревне. Об этом говорит письмо крестьянина В.А. Бякова ху-

тора Бяковских Сезеневской волости (Слобод. уезд, ныне Зуев. р-н) в «Крестьянскую газету». Он рассуждает о том, что при царской власти «было больше помощи на поднятие сельского хозяйства»: земство давало ссуды, семена без возврата, долгосрочные кредиты. «Теперь помощь можно получить только языком, ...ссуду единоличникам не разрешают... И вот Советская власть имеет сынков и пасынков... Я бы просил Советскую власть, все же побольше обратить внимание на крестьянина как фундамент Государства». Автор письма сетует также на то, что по Земельному кодексу «можно сделать любой выбор землепользования... А теперь не дают... Как например хутора и отруба никак не получить». (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 30. Ч. 1. Л. 82—83).

Письмо живо раскрывает круг интересов крестьянина с практической жилкой, чувством хозяина, уверенного в том, что именно он является фундаментом государства, что именно из непосредственных крестьянских нужд должна исходить его политика. Однако вряд ли мнение таких крестьян было преобладающим. Старая общинная психология давала себя знать в определенных нормах поведения, отношении к труду. Общинное крестьянство сохраняло устойчивую приверженность к гибкому сочетанию общественного владения землей и индивидуального пользования на основе уравнительных пределов.

Но управление экономикой, часто малосведущими и неподготовленными людьми, привело к ее развалу. Резко встал вопрос о снабжении городов продовольствием и, прежде всего, хлебом. Необходимо было организовать товарообмен, чтобы извлечь из деревни хлеб. Однако по существу товарообмена не было. В поход за хлебом направлялись продотряды, а в помощь им в деревне организовывались комбеды. Взамен изъятых «излишков» в деревню должны были направляться промышленные товары: ткань, соль, сахар, керосин и т.д. Ввиду милитаризации экономики товаров было поставлено очень мало, и распределялись они по классовому принципу. Товар часто служил не средством обмена, а премией за содействие в выкачке хлеба у более крепких хозяйств.

О том, как строился продуктообмен в Вятской губернии, дает представление письмо В.И. Ленину неизвестного крестьянина Глазовского уезда. Он говорит «о ненормальностях в области продовольствия». Вопреки установленным «нормам питания для земледельческого населения» и «потребного количества семян» на деле не считаются ни с какими нормами, «отбирают все». Крестьянин отказывался понимать, почему у него продотряды «сначала отбирали, мучили мужика, свозили зерно на ссыпной пункт, а затем взятое за 41 руб. отдавали за 100 руб.». Обращаясь к вождю, он выражает свое несогласие с проводимой по-

литикой и настаивает на том, что «нужно... крестьянину дать человеческие условия для жизни!.. Ведь этот несчастный мужик несет все тяжести на своих плечах, как безответное животное». (РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 693. Л. 32, 33 (об.).)

Новая власть в Вятке, еще слабая, проходила настоящее испытание на прочность в условиях кризисных весны-лета 1918 г. В этот период между центральной и местной властями обострились противоречия. В основе их — сопротивление реквизициям центра и разрешение свободной торговли, что более соответствовало действиям крестьянских по своей сути Советов губернии.

Производителями основной массы товарного зерна были южные уезды (Елабужский, Малмыжский, Сарапульский, Уржумский). По подсчетам губернского продкомитета здесь сосредоточились основные излишки хлеба. При строгом соблюдении закона о государственной хлебной монополии запасов хлеба в губернии было достаточно не только для обеспечения собственных потребностей, но и для отправки значительного количества в голодающие районы страны. (ГАКО. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 204. Л. 16). Этим объясняется усиленное внимание центра к Вятской губернии.

Значительная часть населения оказала решительное сопротивление продовольственной политике центральной власти. В Уржумском уезде сопротивление тактике твердых цен на хлеб оказали 18 волостных советов из 21. В Малмыжском уезде не удалось наладить снабжение голодающих волостей, в то время как мешочники вывезли около 300 тыс. пудов хлеба. Твердые цены отменялись многими волостными Советами Малмыжского, Орловского, Нолинского уездов. Это движение было поддержано II губернским съездом Советов: он повысил закупочные цены в 2—3 раза против существующих. (Изв. Вят. губисполкома. 1918. 19, 25 апр.). Реакция центра последовала незамедлительно. В Советах были организованы перевыборы и произведена чистка.

Губернская власть не имела ни сил, ни средств для организации самостоятельной заготовки хлеба по линии Наркомпрода. Из центра в губернию были направлены многочисленные продотряды. На пристани Русский Турек (Уржум. уезд) был создан штаб всех продотрядов. Формально он подчинялся губпродкому, но из-за плохой связи с Вяткой действовал фактически автономно. Это приводило к несогласованности и бесконтрольности в действиях продотрядов. Население относилось к их деятельности крайне негативно. Предпочитая уберечь хлеб от изъятия, крестьяне пускали зерно на самогон. В Елабужском уезде ежедневно перерабатывали на самогон до 5000 пудов зерна. (Вят. правда. 1918. 2 апр.). Рабфаковец П. Кандаков, побывав на летних каникулах в с. Корляки Юкшумской волости (Яран. уезд), написал в «Крестьянскую газету» обширный отчет о своем пре-

бывании, особое внимание обратил на распространение самогона и указывал, что «пережитки старого еще до сего времени не изжиты и очень туго поддаются исправлению». (РГАЭ. Ф. 396, Оп. 3. Д. 212. Л. 145—146).

Отношение различных слоев деревни к первым аграрным мероприятиям советской власти отличалось определенными колебаниями. Многие в политике большевиков противоречило интересам крестьян. Мероприятия новой власти крестьяне оценивали не с точки зрения политической целесообразности, а в первую очередь с точки зрения хозяйственной. Мнение сельских жителей большевистская партия вынуждена была принимать во внимание, т.к. в противном случае недовольство крестьян грозило привести к падению существующего режима. Это заставило большевиков перейти от политики «военного коммунизма» к НЭПу.

От «военного коммунизма» к НЭПу

К 1917 г. Вятская губерния представляла аграрный северо-восточный район страны, где 95,7 % населения проживало в сельской местности. Индустриальное развитие делало лишь первые шаги. В значительной мере продолжало господствовать традиционное общество, слабо втянутое в систему рыночных отношений при сильных позициях общины и господстве общинных форм мировоззрения.

Аграрные отношения здесь отличались особенностями, выделявшими ее из числа губерний Европейской России. Прежде всего, незначительная распространенность дворянского землевладения, которое наблюдалось преимущественно в южных районах, где земля была плодородной. Значительная часть земли находилась в руках государства, а поэтому основная масса крестьянства губернии не испытала на себе помещичьего гнета. Средний надел вятского крестьянина был выше, чем в центральных губерниях. Но за средними показателями — значительная неравномерность земельного обеспечения, существенная разница в посевах, еще больше неравномерность в распределении скота. Несмотря на относительную зажиточность вятского крестьянина по сравнению с положением крестьян центра России, здесь шел процесс углубления социальной дифференциации. При этом некоторые исследователи сравнивали середняка земледельческих уездов Вятской губернии с зажиточным крестьянином, подчеркивая, что он не имел резких антагонистических противоречий с кулачеством. (Вят. хоз-во. 1919. № 10. С. 26).

При такой социальной структуре большевики не могли иметь серьезной поддержки вятского населения. Это показали

события периода «военного коммунизма». Социальную базу волнений составляли крестьяне-середняки, основная масса вятского крестьянства. В ходе аграрной революции был ликвидирован класс помещиков, подверглась ограничению экономическая мощь сельской буржуазии, большинство земель оказалось в общинном пользовании. Крестьяне не знали точно, на какой срок, какие земли и в каком размере находятся в их пользовании. Последовал процесс ежегодных переделов земли внутри общины. Крестьяне оставались в плену своих представлений о возможности всеобщего справедливого поравнения.

В ходе землеустроительных работ происходило административное разрушение крестьянских общин. Следствием этой работы явилось осереднячивание деревни. Экономические трудности и война обусловили активность государства в регулировании социально-экономических процессов в деревне. После гражданской войны вся посевная площадь губернии составляла 64,4 % довоенного уровня (РГАЭ Ф. 478. Оп. 2. Д. 675. Л. 38). Сокращение произошло, главным образом, за счет уменьшения посевов основных хлебных культур и льна, занимавшего ранее важное место. Упала урожайность основной продовольственной культуры — ржи с 45 пудов с десятины до 20, т. е. более чем на 50 %. Снизилось поголовье скота по сравнению с 1913 г. на 48,5 %. (Статистический ежегодник. Вятская губерния за 1922 г. — Вятка, 1924. — С. 126—127). Особенно тяжелыми оказались голодные 1920—1921 годы. Исправить положение дел в деревне призван был НЭП.

Годы НЭПа — годы больших перемен. НЭП начался в деревне и в ней же нашел свое завершение. Проводя новую экономическую политику, советское руководство продолжало ломку старой, традиционной России для построения нового общества, хотя и иными методами по сравнению с «военным коммунизмом». Происходили изменения и в самой личности крестьянина. Ему давалась возможность проявить хозяйственную смекалку и стать хозяином положения, улучшить свое благосостояние. Об этом свидетельствует письмо крестьянина П.А. Буркова из д. Крутенка Красавской волости (Котельнич. уезд) в «Крестьянскую газету». Он выражает надежду, что крестьянин станет «сельским хозяином», будет «умело вести хозяйство по-новому». Пока же крестьяне «живут по-старому без травосеянья и не принимают культуры в своих хозяйствах и учета нет над своим хозяйством». По его мнению, рачительное ведение хозяйства: хорошая обработка и удобрение земли, умелый уход за скотом способны сделать крестьянское хозяйство зажиточным, а сам крестьянин «увидит жизнь новую», «будет мужик думать о тех машинах, которые облегчат труд лошади и

человека». (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 7. Д. 14. Л. 74—75). Но такая психология была далеко не у всех.

Введение нового курса сопровождалось агитационно-массовой работой. В первой половине 1921 г. повсеместно проводились митинги, собрания, конференции, агитнедели и месячники пропаганды. С 17 по 19 июня в губернии находился агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция». Агитация за продналог и его выгоды для крестьянства в условиях постигшего губернию неурожая и голода 1921 г. успеха не имела.

Особенностью вятской деревни того периода явилась ситуация, что продналог здесь оказался выше продразверстки в 1,5 раза. (ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 284. Л. 56). Это потребовало при проведении пропаганды упор делать не на размер налога, а на свободу распоряжаться излишками. Кстати, о размере налога вятские крестьяне узнали не до весеннего сева, как это предусматривалось, а во время уборки урожая. Поэтому воспользоваться преимуществом продналога — свободно распоряжаться излишками — не представлялось возможным.

Начало НЭПа вятский крестьянин встретил настороженно. Основания для этого были: низкая квалификация работников налоговых служб, их недостаток и отсутствие опыта, несовершенство налогового законодательства и его непонятность для крестьянина (бедные хозяйства иногда облагались более высоким налогом, чем зажиточные, т.к. учитывались не фактически засеянные земли, а причитающаяся за хозяйством пахотная земля, которую бедняк не всегда был в состоянии обработать). вели к потоку жалоб. Подтверждение тому — письма крестьян во властные структуры. Крестьяне д. Вязовой (Котельнич. уезд) обращались во ВЦИК: «У нас берут все, а нам не дают ничего. Никто не разъясняет, к чему собирают хлеб и кому раздают». (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 206. Л. 4—5).

О том, что не устраивало крестьян-бедняков говорится в письме крестьянина П.И. Бажина из д. Старые Копки (Малмыж. уезд) от 13 июня 1925 г.: «Когда пришел 1922 год и 1923—1924 годы, то пришлось платить, опять-таки бедному мужику больше... В настоящее время в нашем крае есть организации как сельхозтоварищество, также Кулътсельсоюз, которые торгуют всеми производимыми продуктами крестьянства, продукт у крестьян скупают дешево, а фабричное производство продают дорого... А сейчас мелкие кузницы... обкладываются патентом и т.д., также и вододействующие мельницы тоже обкладываются патентом, уравнильным сбором и государственной рентой, а ведь это все падает на шею крестьянам. Когда дождется бедный человек правды?» (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 212. Л. 77). Крестьяне указывали на непосильность, неправильность начисленного на-

лога и просили о его сложении. (ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1724. Л. 18, 143. Д. 1709. Л. 226, 245. Д. 1710. Л. 534, 554).

Своеобразной оказалась реакция властей на эти ходатайства: «...В целях устранения срыва налоговой кампании ...не рассматривать никаких ходатайств... о сложении и понижении налогов вследствие неурожая... (Вят. правда. 1921. 2 сент.). К уклоняющимся от налога принимались жесткие меры, определяемые центральными органами: арест до двух недель, наложение налоговой пени в размере до 1/5 причитающейся доли налога в данный срок, запрет на торговлю на местных рынках продуктами, подлежащими налоговому обложению, а иногда и закрытие местных рынков. (ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1655. Л. 264; 332).

Особые сессии губернского ревтрибунала получили из центра полномочия взимать налог в двухкратном размере, вплоть до конфискации имущества полностью или частично, лишать земельных наделов. (Правит. газ. 1921. 16 июня). В селения, уклоняющиеся от выполнения налога (Омутнинский, Нолинский, Вятский, Котельничский, Слободской уезды), вводили военные отряды, их содержали за счет крестьян. (ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1676. Л. 31). В пяти северных уездах в 1921—1922 гг. со стороны местных властей зафиксировано 21898 случаев административного воздействия на крестьян. (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 100. Д. 194. Л. 40).

Неприятие первых шагов НЭПа на Вятской земле вылилось в утаивание объектов обложения, коллективные протесты, отказ от уплаты налогов. В докладной записке Вятского губисполкома в Президиум ВЦИК указывалось: «Все чаще поступают сведения о полном разорении сотен хозяйств, истреблении скота, распродаже инвентаря и построек, массовых выездах из пределов губернии». (Там же. Оп. 99. Д. 206. Л. 24—25). Продналог 1921 г. губерния выполнила на 64 %. (ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1655. Л. 259).

Ситуация с налогом заставила центральную власть изменить тактику следующего хозяйственного года (декрет ВЦИК от 17 марта 1922 г.): на 1922—23 гг. устраняли многочисленные виды натуральной оплаты и предусматривалась возможность замены налога на хлеб другими продуктами; сняты недоимки за 1921 г., предоставлены льготы маломощным хозяйствам; при поступлении налога в срок общий размер его снижался на 10 %. После неоднократных обращений в центральные органы ставка единого натурального налога была понижена для всей губернии на 50%. (Там же). Для многих крестьянских хозяйств налог оставался неподъемным.

Немаловажную роль в этом сыграла непоследовательная политика местных органов власти. Имели место случаи недостаточного использования льготного фонда. В 1924 г. губернской

комиссией РКИ было установлено, что Вятскополянский вол-исполком не рассмотрел 150 заявлений по поводу скидок мало-имущим хозяйствам, несмотря на наличие неизрасходованного льготного фонда в размере 30 тыс. руб. Несвоевременное предоставление скидок населению, задержка с рассмотрением жалоб в волостных и уездных комитетах по два-три месяца приводили к тому, что значительное число лиц попадало в списки недоимщиков и к ним применялись штрафы, описи имущества. На 1 января 1925 г. сельсоветами губернии было составлено 2214 описей имущества, подвергнуто штрафу 4306 человек и 169 дел передано в суд. (Совещ. по вопр. сов. правительства. Вятка, 1925. С. 104). Все это дестабилизировало социальную обстановку в деревне, вызывало негативное отношение крестьян к советской власти и правящей партии. (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 15. Д. 10. Л. 1, 25, 36, 54, 127, 147, 177). Насильственное изъятие продуктов труда приходило в противоречие с крестьянским представлением о справедливости.

На 1925—26 гг. сельхозналог в целом по стране был снижен на 40 %. (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1040. Л. 49). В губернии размер налога составил 66 % от предыдущего года. (ГАКО. Ф. 1373. Д. 61. Л. 341). Проводилась разъяснительная работа о едином сельхозналоге. Выпущены специальные номера «Вятской правды», листовки «Как самому крестьянину вычислить, сколько платить сельхозналога». Это дало свои плоды. Так общее собрание крестьян Яранской волости, отметив справедливость новых налогов, единогласно постановило, что налог «надо внести в срок, полностью и принять меры к тому, чтобы не было утайки». (ГАКО. Ф. 3802. Оп. 1. Д. 6. Л. 17).

К концу 1925 г. валовая продукция сельского хозяйства достигла 87 % довоенного уровня, увеличивались поступления в казну, улучшалась ситуация с продналогом (в 1924 г. выполнение его составило 98 %). Но во второй половине 20-х гг. в деревне, как и в городе, начали нарастать хозяйственные трудности. Одна из проблем того времени — это не отвечающий потребностям страны рост сельхозпроизводства в условиях начавшейся форсированной индустриализации и отсталость деревни. На практике решение этой проблемы обернулось событиями, известными как «великий перелом».

«Великий перелом»

В результате аграрной политики «сплошной коллективизации» конец 20-х гг. XX века был ознаменован начавшимся в деревне «великим переломом» всего уклада крестьянской жизни. Точка отсчета — хлебозаготовительный кризис в стране 1927/28 гг. В ос-

нове его — рыночное колебание цен (высокие цены на промышленные товары и низкие закупочные цены на сельхозпродукцию) в условиях начавшейся с принятием первого пятилетнего плана форсированной индустриализации, средства для которой правительство видело в сельском хозяйстве.

Вятская губерния и в конце 20-х гг. занимала значительное место в хлебном балансе страны. В феврале 1928 г. II пленум губкома партии отмечал, что утвержденный Наркомторгом план заготовок в 2,5 млн. пудов при наличии товарных излишков всех сельскохозяйственных культур в губернии на 1927/28 гг. почти в 5 млн. пудов выполним. Поэтому признавалось неудовлетворительным, что на 1 января 1928 г. план заготовок выполнен только на 17,2 %. (ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 16. Д. 5. Л. 73, 78, 81). Для выкачивания хлеба, как и повсеместно, применялись чрезвычайные меры. Телеграмма И. Сталина, полученная в Вятке в январе 1928 г., предупреждала, что если в недельный срок не будут обеспечены решительные успехи в хлебозаготовках, то руководители Вятского губкома будут заменены. (Мельников Е. Киров. правда. 1989. 4 янв. С. 3).

В губернии шла работа по претворению в жизнь первого пятилетнего плана. К концу пятилетки намечалось объединить в колхозы 15 % крестьянских хозяйств (по стране около 20 %). В дальнейшем, после включения Вятской губернии в состав Нижегородского края, принятый план подвергался изменениям. I краевая партконференция (август 1929 г.) поставила задачу — к концу пятилетки довести уровень коллективизации до 31 %. (Коллективизация с.х. в Нижегород. — Горьков. крае. Киров, 1985. С. 115).

В конце 20-х гг. Вятская губерния оставалась преимущественно аграрной: на 1927 г. удельный вес сельского хозяйства в общем валовом производстве губернии составлял 55,5 %. В деревне царили отсталые формы землепользования. Сельское хозяйство страдало от чересполосицы и дальнотемелья. Хотя к концу 1927 г. оно по отдельным показателям и превзошло уровень 1916 г., товарная продукция росла очень медленно и составляла всего 56 % к уровню 1916 г., техническая оснащенность была очень низкой. Аграрный сектор губернии нуждался в преобразовании, тем более, что его товарность не отвечала начавшемуся курсу форсированной индустриализации. Но это не значило, что преобразование сельского хозяйства должно строиться на основе коллективизации.

Центральное звено «великого перелома» — сплошная коллективизация, т.е. массовое объединение мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные — колхозы.

Начало создания коллективных хозяйств относится к 1918 г. В Орловском уезде уже в конце 1918 — начале 1919 гг. было 4 коммуны по 3—8 семей и 4 артели по 5—11 семей. Среди них выделялись достаточно эффективной (по тем меркам) работой Мутницкая и Верхне-Булычевская сельхозкоммуны. В первой состояло 33 человека: кроме крестьян входили фельдшер и сельский учитель. Община имела 6 лошадей, 10 коров, 1 свинью, 8 овец, 8 кур; 6 плугов, 3 бороны, 1 жатку, веялку и косилку. Во вторую объединились 3 семьи из 17 человек. В их хозяйстве было 2 лошади, 6 коров, 2 свиньи, 6 овец и 18 кур, а также 2 сохи, 3 бороны и 2 молотилки. (Карачаров Ю. Все равно буду жить. Киров, 1990. С. 14—15). Подобные коммуны и артели существовали и в других уездах.

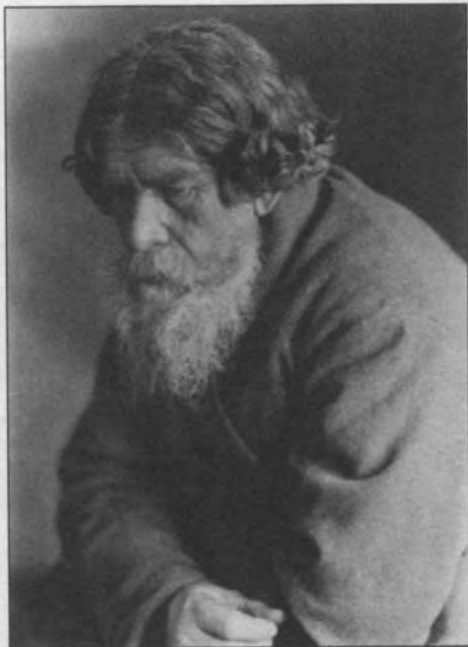
Первые колхозы 1918—1920-х гг. были очень мелкими и представляли простую кооперацию с минимальным набором сельхозинвентаря и скота. Они помогали выжить беднейшим крестьянам, которым в одиночку не выбраться бы из нужды. Именно они были первыми, кто поддержал идею коллективизации. Для многих из них колхозы-коммуны остались в памяти радостным эпизодом жизни. Вот откровение одной из первых колхозниц: «Мне сразу понравилось, что работать будем сообща — и пахать, и сеять, и жать. И что хозяйство будет одно на всех — лошади, и волы, и плуги-бороны... Наконец, перестанем мытариться, где брать лошадку, чтоб сenna, допустим, привести или дровишек из лесу? ...Для бедняка и впрямь выходило, что лучше колхоза ничего не придумать». (Козлов В., Хлевнюк О. Начинается с человека. М., 1988. С. 89).

На 1 октября 1927 г. в губернии насчитывалось 124 колхоза, объединявших 0,25 % всех крестьянских хозяйств. Через год, на 1 октября 1928 г., количество колхозов увеличилось почти в 4 раза. По состоянию на 1927 г. социальная структура вятской деревни выглядела так: бедняцкие хозяйства составляли 27,75 %; середняцкие — 68,7 %; кулацкие — 3,55 %. (ГАКО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 53. Л. 64—65; Материалы к отчету Вятского губкома XIX губернской конференции. — Вятка, 1929. — С. 8—11).

Центральной фигурой в губернии был середняк — основной поставщик товарного хлеба. Осереднячивание деревни — результат политики НЭПа. НЭП способствовал развитию различных форм кооперации и позволил значительной части бедняков выбиться в середняки. По замыслу власти кооперация была призвана всемерно содействовать перерастанию простейших производственных объединений в более крупные и сложные формы кооперирования — в колхозы.

Наращивание темпов коллективизации началось в 1928 г. в условиях кризиса хлебозаготовок. Эта тенденция продолжа-

Сергей ЛОБОВИКОВ

Портрет крестьянина.

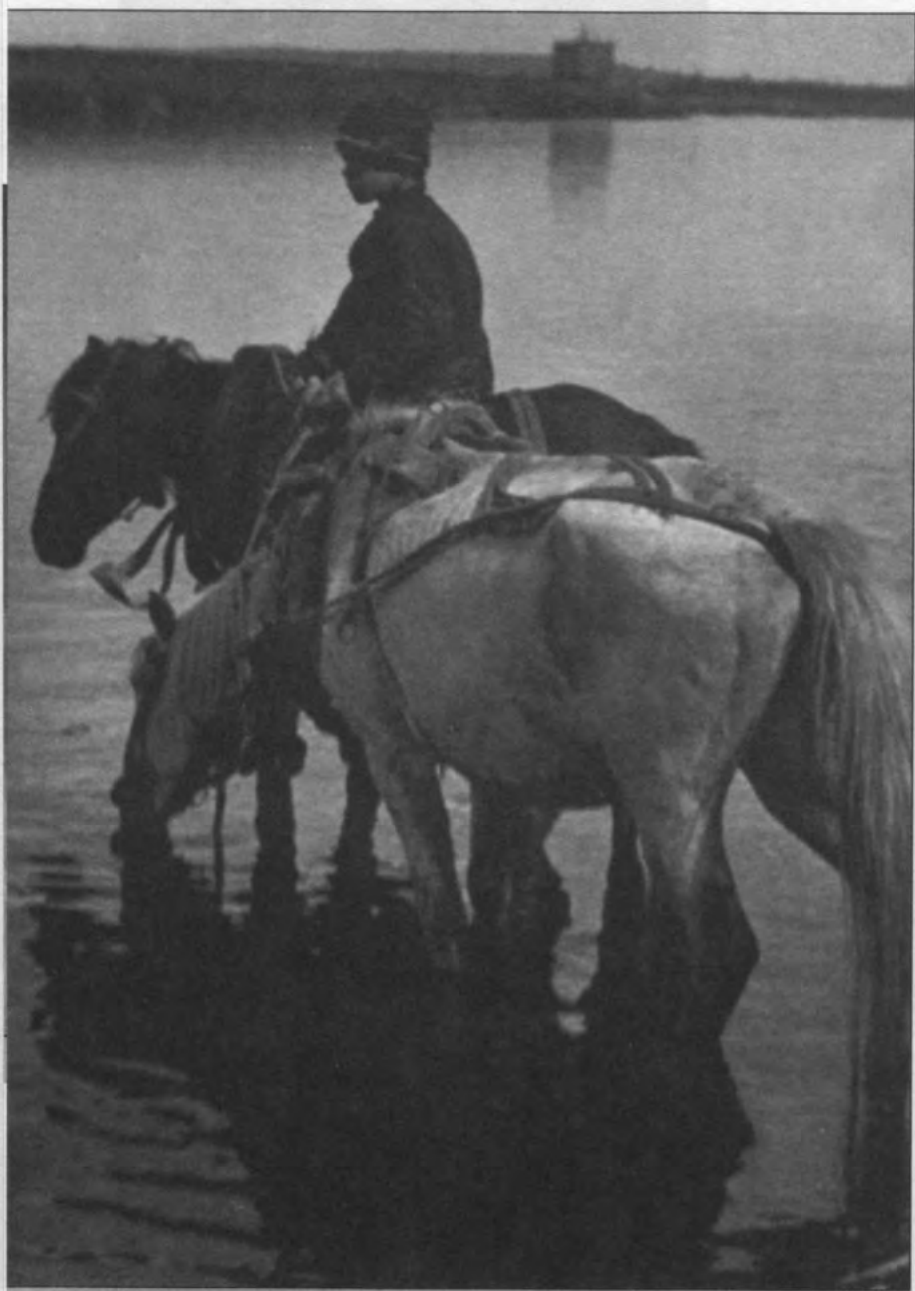
*Жница.
1914–1916 гг.*

Учительницы. 1911—1914 гг.

Мать.
1907—1908 гг.

На водопое.
1903—1905 гг.

Домовница. 1909–1910 гг.

Бабушкина ласка. 1926–1927 гг.

В 1914 году. Вести с войны. 1914—1916 гг.

Аркадий ШИШКИН

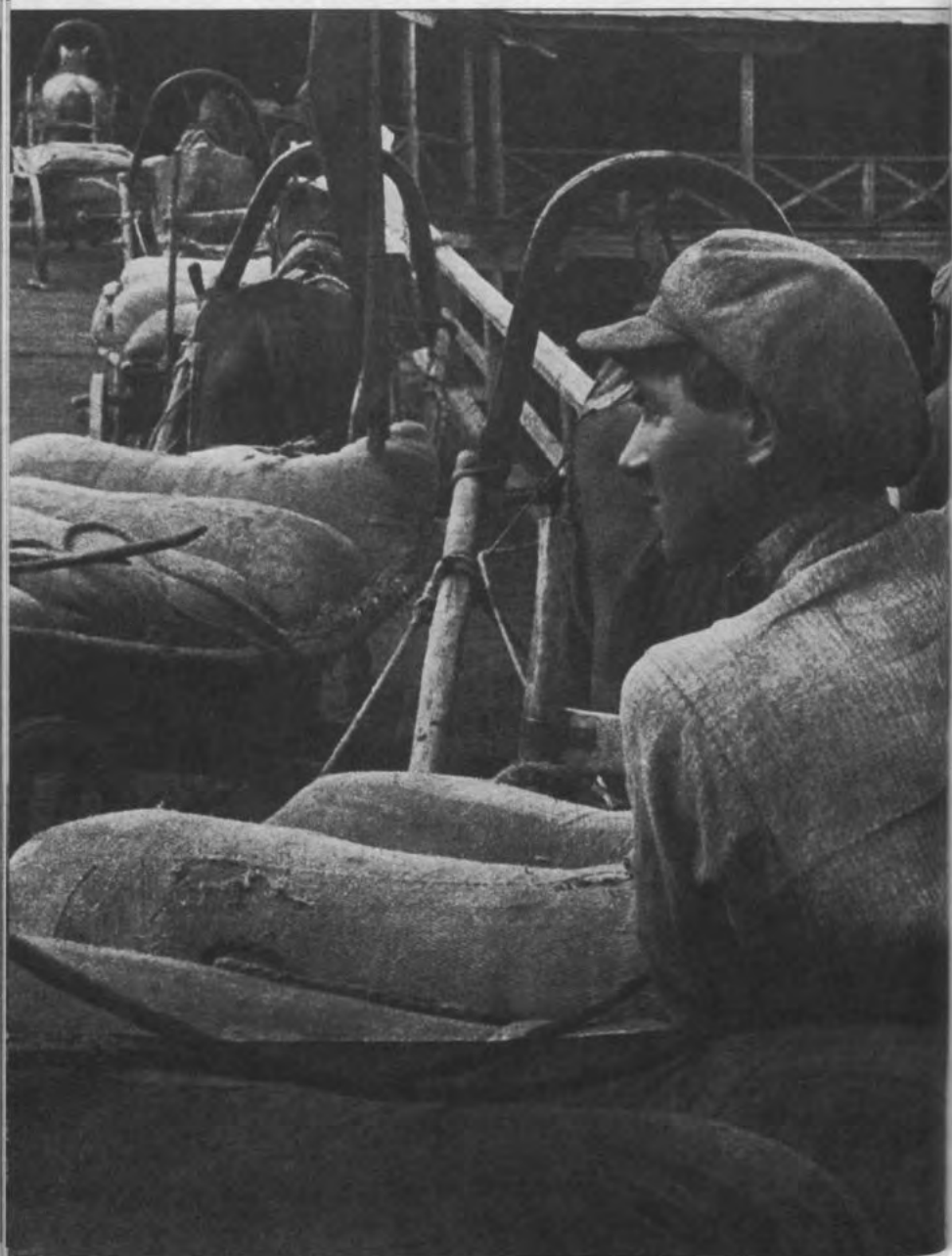
«Мы - за колхоз!»
Деревня Родиино Советского района. 1929.

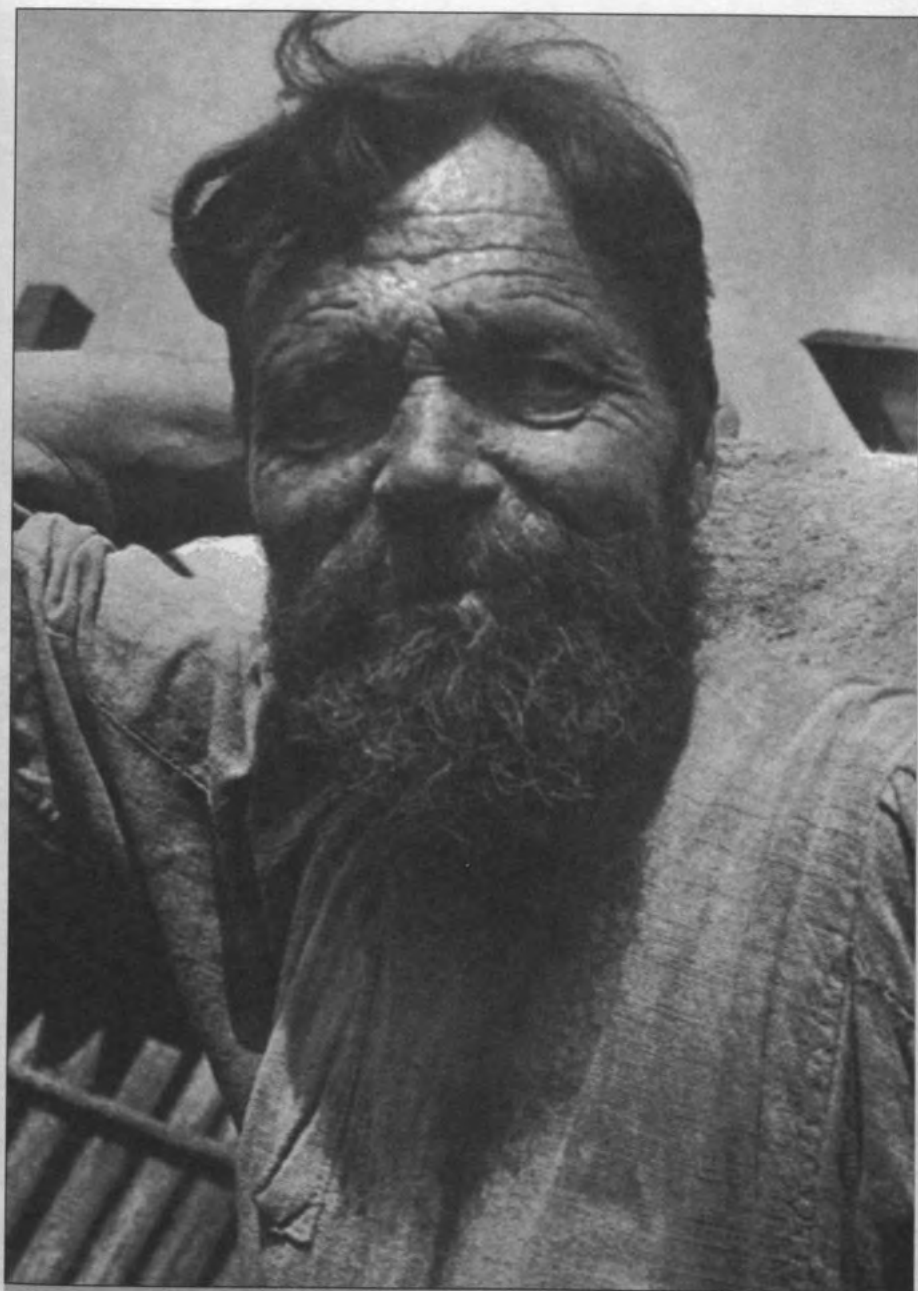
*Сеятель И. Е. Окунев.
Деревня Харино Яранского уезда. 1924.*

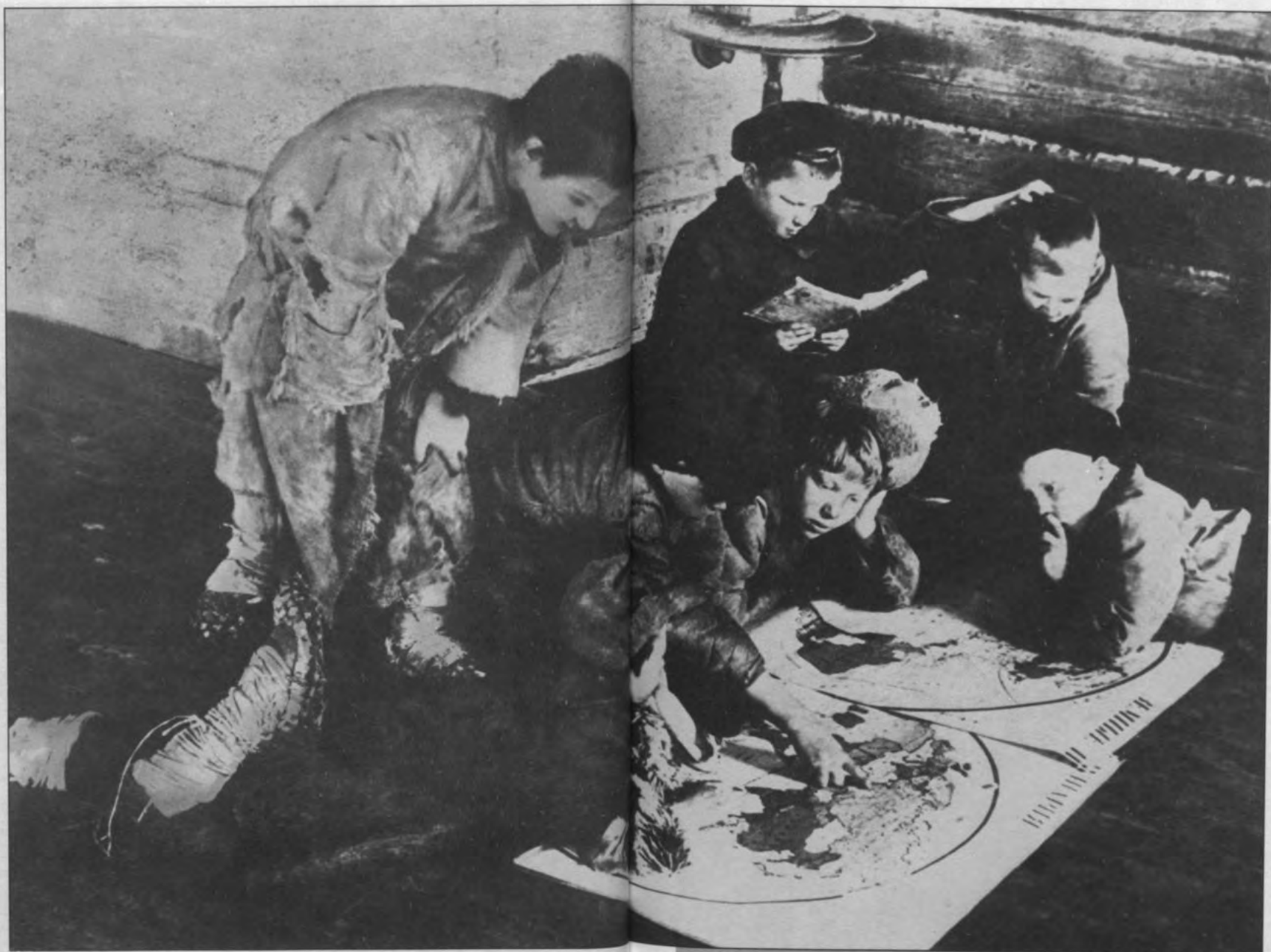
Единоличник.
Деревня Печенкино Яранского уезда. 1923.

*Красный обоз с хлебом.
Деревня Яснур Пижанской волости.*

«Вступать или не вступать?»
Советский район. 1929.

Мечтатели.
Село Макаровка Яранского уезда.

Молотьба цепами. 1929.

лась и тогда, когда Вятская губерния в составе 3 округов: Вятского (17 районов), Котельничского (13 районов) и Нолинского (11 районов) вошла в состав Нижегородского края. В декабре 1929 г. крайком партии определил для этих округов срок коллективизации в 2—2,5 года. (Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. II. 1918—1969. — Горький, 1969. — С. 185).

Для проведения коллективизации в деревню было направлено 227 двадцатипяти тысячников. Многие из них, не связанные до этого с сельским хозяйством, тем не менее стали верными проводниками политики партии в деревне. Письма двадцатипяти тысячников в партийные органы, на свои предприятия рисуют сложности, с которыми им пришлось столкнуться. «...Не имеем ни одного счетного работника, из-за чего тормоз в работе», — писал двадцатипяти тысячник Ш. Арасланов из с. Карино (Слобод. р-н). (Там же. С. 189). Это ярко характеризует неподготовленность взятого курса на сплошную коллективизацию.

Коллективизация стала ассоциироваться с раскулачиванием. Этому в немалой мере способствовало выступление И. Сталина на конференции аграрников (дек. 1929 г.), в котором он потребовал ликвидировать кулачество как класс.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» Нижегородский край, в состав которого входили вятские земли, был отнесен к третьей группе районов, и коллективизацию намечалось завершить к концу первой пятилетки, т.е. к 1933 г.

Проводилась коллективизация добровольно-принудительно. Из воспоминаний очевидца тех событий А. Калиногорского (п. Речной Кумен. р-на) в письме писателю Василию Белову: «...Сходы проводились в нашей избе весь 1929 г.» Ничего не решив, мужиков собирали снова до тех пор, «пока не приехали двое в военной форме ОГПУ. Мужики дрогнули и стали записываться в коммуну». В воспоминаниях очевидца, как в калейдоскопе, проходят, сменяя друг друга, типичные для российской деревни того времени картины-события. После статьи И. Сталина «Головокружение от успехов», осудившей «перегибы», «за одну ночь скот был поставлен по своим домам... Мужики более сообразительные и малосемейные и молодые парни ... используя эту передышку, уехали из деревни в город, леспромхозы, на железную дорогу». Отец автора этого повествования был лишен избирательных прав за то, что его отец одно время занимался частной торговлей, когда в поисках счастья уехал в город. Хотя вернулся с пустыми руками, был арестован «якобы за агитацию... Старик был совершенно неграмотный... какой из него агитатор... Не менее варварски обошлись с отцом... Он был мо-

билизован на лесозаготовки. Ночами приезжал за хлебом и сеном, в ту же ночь возвращался к месту работы, однако задание выполнить не мог... За невыполнение плана... его судила тройка, и было дано десять лет. Срок отбывал он в Архангельске, там и умер». А семью затем выслали. (Наш современник. 1989. № 11. С. 125—130).

Кампания по коллективизации и раскулачиванию вылилась в соревнование. За февраль 1930 г. процент коллективизации увеличился в Нолинском округе с 15,3 до 54,5; в Котельничском — с 7,2 до 48,9; в Вятском — с 7,5 до 53 %. (Очерки истории Кировской обл. — Киров, 1972. — С. 316). Вопреки указаниям центра о том, что основным звеном колхозного движения должна стать сельхозартель, на практике в Вятском и Котельничском округах ставка в основном была сделана на создание коммун. Сельхозартель предполагалась как форма перехода к коммунам. Масштабы обобществления при этом не указывались, что привело к неразберихе. Имела место и гигантомания при организации колхозов. Весь Фаленский район, например, объединился в одну коммуны, состоящую из 5500 крестьянских хозяйств с 35 тыс. едоками. В Вожгальском районе коммуна охватила 13 тыс. хозяйств с 71 тыс. едоками. Весь Нолинский район был в двух коммунах (Мельников Е. Киров. правда. 1989. 4 янв.).

Высокий темп коллективизации сопровождался нарушением принципа добровольности. К крестьянам, которые не хотели вступать в колхоз, применялись такие меры, как увеличение твердых заданий по поставкам, перевод середняцких хозяйств по налогообложению в кулацкие, лишение избирательных прав и т.д.

Фаленские руководители дали установку: всех кулаков, лишенцев и тех, кто не желает идти в коммуны или колхоз, высласть в мурашинские леса. Председатель кустового объединения колхозов Вожгальского (ныне Кумен.) района Тюлькин заявил крестьянам д. Мячи и Толстобровы: «Если не будете переходить на устав коммуны, то лишим вас земли и нажмём как следует». Избач Тупицын, проводя собрание в д. Тобольской (Халтурин. ныне Орлов. р-н), угрожал: «Кто не пойдет в коммуны, того лишим права голоса». Это по тем временам означало — быть первым кандидатом на высылку. Поэтому вся деревня записалась в колхоз. Неслучайно верхошижемские крестьяне говорили о подобной «агитации»: «В газетах пишут, что в коммуны вступают добровольно, а нас на верёвке тащат. Не хочешь, да пойдешь, а то всё опишут, отберут, раз у них власть». (Там же).

Крестьяне — народ практичный. Они желали сначала убедиться на опыте других, что колхоз для них будет лучше. Мно-

гих крестьян интересовали не только вопросы производства, но и быта колхозной жизни. Однако проводившие агитацию «за колхоз» и сами не могли многого объяснить и на все вопросы крестьян отвечали: «Вступите — узнаете!» Все это вызывало сопротивление, протесты крестьян, начался их выход из подобного рода образованных колхозов. Так, из 580 хозяйств коммуны с. Адышево (Оричев. р-н) к марту 1930 г. вышли 200. Деревни Топоровщина и Музгазельщина (Халтурин. ныне Орлов. р-н) вышли из коммуны целиком. (Там же).

Одновременно с коллективизацией шло и раскулачивание. Часто раскулачивание было реальной угрозой, заставлявшей крестьян вступать в колхоз. Зависть, недоброжелательство были мощным стимулом к раскулачиванию. Достаточно было чем-то выделиться среди остальных. Многие крестьяне не понимали, за что их раскулачивали. Подтверждение этому — письмо крестьянина Смердова из с. Даровского в газету «Беднота». Он выражает обеспокоенность в связи с тем, что «трудолюбивого крестьянина» называют «буржуем». Крестьянин недоумевает, почему в «деревне теперь мало-мальски мощным хозяевам нет никуда выхода...». «А где искать защиты, — вопрошает автор письма, — ведь его зовут буржуем, а их говорят, и советская власть не любит...». В заключении письма Смердов ставит конкретные вопросы, характер которых показывает противоречивость действий власти в отношении крестьянина: то, что приветствовалось при НЭПе сейчас ставится в вину крестьянину. Ему вторит письмо крестьянина И. Пахмутова из д. Новый поселок Яранской волости в «Крестьянскую газету». (Документы свидетельствуют. М., 1989. С. 55—56, 209).

Раскулачивание приобретало все более страшные формы. Могли забрать все, а семью вывести из дома, разрушить печь. В Вожгальском районе отбирали даже самовары, чайную посуду, столовые ложки, весь хлеб, оставляя пищи на 2-3 дня. Бригадам по раскулачиванию давались указания менять свои худые шубы, валенки, шапки на отобранные новые. Раздавались за бесценок знакомым конфискованные вещи и продукты. (Мельников Е. Киров. правда. 1989. 4 янв.). Многие семьи выслались в лагеря. Места ссылки были созданы и на Вятской земле. За период с 1930 по 1935 г. на территории области подверглись раскулачиванию около 8 тыс. семей крестьян с общей численностью 40 тыс. человек. (Семенов А. Осуществление политики раскулачивания... Автореферат дис. — Киров, 2003. — С. 20).

С началом сплошной коллективизации наблюдался резкий поворот в отношении кулаков. Если до этого они имели право вступать в колхозы, но только не могли избираться в их правления, то сейчас запрещалось принимать в колхоз кулац-

кие семьи, т.е. перед ними и их детьми закрывалась дорога в новое общество. Особенно остро воспринимали такую несправедливость дети. Отказывали в приеме в пионеры, комсомол, поступлении в учебные заведения. Память о подобных примерах сохранилась, хотя люди давно стали взрослыми, и многое из детства забылось.

Реакция кулаков была адекватной: от активных форм сопротивления (поджоги, убийства) до пассивных (агитация против колхоза, убой скота). В Вятском районе кулаки подожгли коммуны «Сельский пролетарий» и всячески мешали тушить пожар, пытались бросить в огонь председателя и других членов коммуны. В колхозе Ново-Рошинском (Кикнур. р-н) происходила борьба между бедняцкой частью колхоза и кулаком, имевшим маслобойный завод. В Нолинском районе в колхозе «Пахарь» (д. Безводное) кулаки вели агитацию среди бедноты о выходе из колхоза. Она оказалась безуспешной. Тогда кулаки стали вырубать лес, отведенный колхозникам. А кулак Байбородов в д. Гришата, имевший 10 сельскохозяйственных машин, при организации колхоза созвал бедняков и агитировал их войти с ним в пай, заявляя: «Чем не колхоз». (ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 57. Л. 177).

Массовой формой протеста можно считать убой скота в крестьянских хозяйствах перед вступлением в колхоз. Этому во многом способствовала Директива Колхозцентра СССР от 10 декабря 1929 г., которая требовала добиться в районах сплошной коллективизации обобществления рабочего скота — 100 %, свиней — 80 %, овец — 60 %. Крестьяне предпочитали идти в колхоз с пустыми руками. Особенно тяжело они расставались со своими кормильцами — лошадью и коровой, сводимых на общий двор. Из воспоминаний Н. Семенищева, которому довелось жить в коммуне недалеко от Вятки: «Как-то мать... жаловалась отцу, что скотница Авдотья была кнутом «нашу Бурёнку». А отец частенько по вечерам уходил на конюшню, чтобы проверить, как там «наша Зорька», не голодная ли стоит». (Вят. край. 1995. 11 янв. С. 9).

Снять напряженность в деревне призваны были опубликованные в газете «Правда» от 2 марта 1930 г. статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и Примерный Устав сельхозартели. Вся вина за преступления при коллективизации, называемые «перегибами», возлагалась на местные органы власти. После публикации этих материалов начался массовый выход из колхозов. Стремительно снижался процент коллективизации. Так, на 1 мая 1930 г. он снизился в Нолинском округе до 14,9 %, в Вятском и Котельничском до 8,8 %. (Очерки ист. Киров. обл. Киров, 1972. С. 316). Но поскольку массовый выход из колхозов и ликвидация

многих из них нарушали план ускорения коллективизации, то власть снова начинает наступление на крестьянство.

Вместе с тем, энтузиазм первых колхозов, задор совместного труда — это тоже реальность. В памяти сохранилась «дружная работа от зари до зари», «с шутками-прибаутками, которые поднимали настроение». Крестьяне-колхозники довольствовались немногим, их радовали малейшие признаки внимания за хороший труд. Были и благополучные колхозы.

О состоянии дел в вятской деревне на конец первой пятилетки на территории районов, впоследствии образовавших Кировскую область, можно судить по данным на конец 1934 г. Как зафиксировал первый краевой съезд Советов (декабрь 1934), 77 % крестьянских хозяйств края объединились в колхозы, посевные площади по сравнению с 1928 г. расширились на 18 %, но значительный урон понесло животноводство. Были определены задачи укрепления колхозов и завершения коллективизации на вторую пятилетку. Колхозы в большинстве своем были мелкими и экономически слабыми. Было признано необходимым развернуть в колхозах строительство животноводческих помещений, расширить сеть ветеринарных пунктов, организовать зоотехническую подготовку, требовалась механизация труда на фермах и подготовка кадров специалистов. (Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. 1918—1968. — Горький, 1969. — С. 232—233).

Итогом второй пятилетки явилось завершение в области коллективизации. К концу 1937 г. колхозами было охвачено 94,3 % крестьянских хозяйств. Они засеивали вместе с совхозами 99 % всех посевных площадей. (Там же. С. 246). С образованием колхозов партия и государство взяли под свой контроль и опеку деревню и развитие сельского хозяйства. Аграрный сектор превратился в органическую составную часть директивной экономики. Сельское хозяйство вятской деревни явилось каналом перекачки финансовых, материальных, трудовых ресурсов в индустриальный сектор экономики. В результате раскулачивания, массового бегства крестьян в города из деревни были выброшены наиболее трудолюбивые, опытные хозяева. Вместе с тем создание крупных хозяйств открыло дорогу для применения современной техники, позволило повысить уровень механизации сельского труда. Применение машин и новых аграрных технологий способствовало образовательному и культурному развитию села. Организованное таким образом сельское хозяйство оказалось способным вынести лихолетье Великой Отечественной войны.

Е.И. КИРЮХИНА

НА ПЕРВЫХ КОЛХОЗНЫХ СЪЕЗДАХ

Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников состоялся 15—19 февраля 1933 г. Из 1513 его делегатов более половины (58,8 %) составляли рядовые колхозники, свыше четверти — бригадиры и одну восьмую часть — председатели правлений колхозов, 79,2 % делегатов вступили в колхозы до 1930 г., включительно. На съезде были представители 45 национальностей.

Горьковский край послал на I Всесоюзный съезд 79 делегатов. Это была большая группа передовиков сельского хозяйства. В их числе — русские, марийцы, татары, удмурты, чуваш.

Съезд заслушал и обсудил доклады народного комиссара земледелия Я.А. Яковлева «Об укреплении колхозов и задачах весеннего сева» и секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева «Об укреплении колхозов, весеннем севе и задачах комсомола»...

В работе II Всесоюзного съезда колхозников-ударников, состоявшегося 11—17 февраля 1936 г., от Горьковского края участвовали 39 делегатов и от созданного в декабре 1934 г. Кировского края 35 делегатов. Среди них были рядовые колхозники, бригадиры, председатели колхозов, работники животноводческих ферм...

В обсуждении Примерного Устава сельскохозяйственной артели участвовало 80 делегатов, в т.ч. два из Горьковского края и два из Кировского. Они рассказывали съезду о достижениях своих колхозов, о борьбе за высокие урожаи, за развитие животноводства, внесли немало ценных предложений...

14 февраля съезд избрал комиссию для более подробного рассмотрения проекта Примерного Устава сельхозартели. От делегатов Кировского края в состав комиссии вошло два человека: А.Я. Лаптев — председатель артели «Восток» Черновского (ныне Шабалинский) района; С.К. Скрябин — заведующий МТФ артели «Новый путь» Унинского района.

Выступая на съезде, А.Я. Лаптев доложил об успехах своего колхоза. С 1932 по 1934 г. урожайность зерновых культур поднялась с 7 до 13 центнеров с гектара. Раньше в этой северной полосе не имели понятия о пшенице. В 1933-1934 гг. здесь посеяли сортовую пшеницу и добились урожая до 17 центнеров с гектара. В 1935 г. намечалось дальнейшее расширение посевов пшеницы. В 1932 г. колхоз «Восток» имел 40 голов рогатого скота, а в конце 1934 г. — 180 голов. Колхоз продал государству по хлебозакупкам 48 тонн, получил автомашину, полусложные молотилки, жатки. Колхозники перешли от ручного труда к машинному. А.Я. Лаптев призвал делегатов к обмену лучшим опы-

том областей и районов и широкому его использованию для дальнейшего развития земледелия и животноводства.

Алексей Яковлевич принял активное участие в обсуждении проекта Устава сельскохозяйственной артели. Он высказал свои соображения по таким важным вопросам, как сохранение колхозной собственности, о дальнейшем организационно-хозяйственном укреплении колхозов — не допускать никакой обезлички и уравниловки в работе, в том числе в уходе за скотом, иметь подготовленные кадры животноводов. А.Я. Лаптев одобрил пункт проекта Устава о количестве скота, которое может иметь колхозник в личном хозяйстве. Алексей Яковлевич предложил включить пункт о создании фондов для стариков и инвалидов, горячо поддержал заявления других делегатов об усилении заботы о женщинах-колхозницах и детях. Он высказался за укрепление состава ревизионных комиссий. Сообщил также, что группа кировских делегатов обменивалась мнениями о размерах приусадебных участков. Они бывали разные — 3 га и 0,5 га.

А.Я. Лаптев заявил: «Мнение колхозников такое: нужно, чтобы усадьбы были небольшие, чтобы они не отражались на колхозном производстве, в то же время нужно, чтобы и не были такими маленькими, чтоб отражались на самом колхознике».

Таким образом, делегаты проявили большую активность при обсуждении проекта нового Примерного Устава сельхозартели. Они внесли немало поправок и дополнений, рассчитанных на закрепление в Уставе права колхозников на личное подсобное хозяйство, на четкое и справедливое определение его размеров (количество приусадебной земли, скота и т.д.). Колхозники могли продавать свою продукцию на рынке. Новый Примерный Устав расширил их права в управлении колхозами, при решении вопросов об исключении из колхоза и т.д. Съезд имел большое значение в нормализации обстановки в деревне, регулировании взаимоотношений государства с колхозами и их членами.

Вятская земля в прошлом и настоящем:
Материалы III науч. конф. Т. I. Киров,
1995. С. 136—141.

ЖИТНИЦА ОБЛАСТИ

Сельское хозяйство, как древнейшая отрасль производства, зародилось в недрах родового строя и никогда не прекращало своего развития и не меняло своей сути. Зато формы и методы ведения сельского хозяйства менялись неоднократно. На территории Вятскополянского района не было частной собственности на землю. Она всегда находилась в ведении сельской об-

щины, которая и наделяла землей, а при необходимости и лишала. Существовал подушный надел земли. За душу считалось только мужское население, женщина за душу не считалась, и на нее земли не выделялось. Несчастной была та семья, в которой преобладали женщины. (Такое явление существовало до революции, после революции земля стала выделяться на едока). Передел земли происходил через каждые одиннадцать лет, но начиная с 1887 г. вплоть до революции передела не было. За этот период произошло глубокое расслоение крестьянства. Кулачество прибирало землю у бедняков, которые не могли ее обрабатывать, так что, у некоторых земля оставалась только под постройкой дома. Многие безземельные работали у кулаков по найму батраками.

В последние годы много разговоров идет о столыпинской реформе сельского хозяйства, в ходе которой оно начало бурно развиваться и что в 1913 г. было вывезено за границу 3 млн. тонн зерна. Другие источники говорят, что в том же году 3 млн. крестьян России голодали. Лишний хлеб был у крупных землевладельцев, которых интересы собственного народа не волновали, а интересовала цена хлеба, которая за границей была выше, чем в России, поэтому и много хлеба вывозилось за пределы своего государства.

Столыпинская реформа нашего района почти не коснулась. Земля в частную собственность не была передана, но часть крестьян были переселены на левый берег Вятки, где после расчистки лесов и зарослей была освоена земля и появились населенные пункты Новый Пинигерь, Новая Сосновка, Новая Малиновка, Новое Куршино, Новые Кулыги... В районе населения было много, а земли — мало. Так, на 6945 крестьянских хозяйств приходилось 37 847 десятин пашни. Это в среднем 5,4 десятины на хозяйство, на которых много не разбежишься и богатство особого не наживешь. По рассказам старожилов, даже у середняков собственного хлеба хватало до Рождества Христова.

Расслоение крестьянства было большое. Пять процентов крестьянских хозяйств не имели никакого скота, 12 % было безлошадных, 54 % бедняцких хозяйств, середняцких — 22 %, зажиточных — 9 %. Имелось 8880 лошадей, 16 071 голова крупного рогатого скота, 6270 свиней. Так что мясом и молоком торговать возможности почти не было. Да и продавать особенно было некому: район был сельскохозяйственный, промышленности почти не было.

1913 год по урожайности считался самым благополучным, но по теперешним меркам — очень низким. Рожь составляла 30, овес — 25 пудов с десятины (4,3 ц/га). Да и большего выращивать было неоткуда. Урожай складывается из многих факторов.

Возьмем обработку почвы. Она должна вспахиваться на определенную глубину и вовремя. Но как это сделать, если основным орудием вспашки была соха. Всего в 1913 г. имелось 6200 сох, 325 конных плугов, 7 сеялок, 15 жаток, 210 конных молотилок. Сев вели вручную, и заделка семян была мелкой, поэтому и всхожесть семян была невысокой. К тому же в наших условиях май часто бывает засушливым, и поверхностный слой земли быстро высыхает. (Даже в наше время при заделке семян на глубину в 4 сантиметра всходы появляются в начале июня при условии, если выпадут дожди). Основным удобрением был навоз, которого, к сожалению, было не так уж много — еле хватало на озимое поле.

Из основных зерновых культур возделывалась озимая рожь, как продовольственная культура. На фураж много выращивалось овса, который шел в основном на корм лошадям, использовался и как продовольственная культура в виде крупы и муки, из которой заваривали кисель, пекли лепешки и другие изделия. Сеяли полбу, которая шла в основном на выпечку хлеба. Мука из нее получалась белее ржаной, но чернее пшеничной. Пшеница в нашей местности не возделывалась. Сортovou пшеничную муку, которую называли крупчаткой, население покупало на рынке. Хлеб из нее пекли только по большим праздникам. Выращивались крупяные культуры — просо и гречиха. В этих культурах была некоторая специализация: просо сеяли на правобережье Вятки, гречу — на левом берегу. Сеяли бобовые культуры — горох и чечевицу. Выращивались картофель и овощные культуры. Из технических культур сеяли лен и коноплю, которые шли для производства растительного масла, а из стеблей делалось волокно.

Крестьянин в основном вел натуральное хозяйство. Продукты питания большей частью производил сам. Из волокна льна и конопли прялась вручную или на прялках пряжа, из которой на ткацких станках (имелись в каждой семье) ткалась ткань. Из льняной шилось нательное и постельное белье, штаны, рубахи, из конопляной — мешки, делались онучи, а из пряжи шерсти и конопли производилось сукно, которое шло на пошив верхней одежды. Из коры липы, вяза плели лапти. Таким образом, вся рабочая одежда и обувь производилась самим крестьянином. Сапоги, ботинки покупались на рынке и надевались по большим праздникам и для выхода в церковь.

Из волокна конопли делались различного вида канаты, вожжи, воровины. Излишнее волокно продавалось на канатные фабрики, которые находились в Сушах или в Сосновке. Платились крестьянином различные налоги. В государственную казну платилось 2 рубля с десятины, в размере одного рубля с десяти-

ны платились земские, страховые и мирские налоги. Рожь на рынке стоила 35 коп. за пуд, овес — 22 коп. Чтобы заплатить налог, надо было продать 7 пудов ржи с десятины.

Постоянная нехватка денег вынуждала крестьян заниматься отходничеством. Много крестьян работало на заготовке и сплаве древесины у лесопромышленников Зайцева и братьев Санниковых. Зимой древесина заготавливалась и вывозилась к рекам, а весной сплавлялась к Вятке. После сплава крестьяне уходили на весенний сев. А после снова отправлялись на формирование плотов, которые потом сплавлялись самосплавом вплоть до Астрахани. Успевали это сделать до уборочных работ.

Первая мировая война, а за ней и Гражданская значительно подорвали экономику сельского хозяйства, и нестабильная обстановка длилась до 1922 года.

С приходом к власти большевиков в крупных городах, особенно в Петрограде и Москве, сложилась тяжелейшая обстановка с продовольствием. Правительство вынуждено было ввести продразверстку. Из городов в деревню направляли специальные продовольственные отряды. Порой у крестьян забирался весь хлеб, не оставлялось даже на собственное пропитание. В 1921 г. продразверстка была заменена продналогом, что дало возможность крестьянину оставлять часть хлеба себе, а избыток вывозить на рынок. В 1922 г. разразилась сильная засуха, особенно в Поволжье, и от голода умерло около 3 млн. человек. На территории нашего района обстановка была также тяжелая, но с голода не умирали.

Определенное развитие сельское хозяйство района получило после революции. Произошел новый передел земли. Избыточная земля (особенно у кулаков) была передана в руки бедняцких хозяйств. После введения НЭПа трудолюбивые крестьяне, получив землю у советской власти, зажили зажиточно. Появились новые кулаки, даже среди тех, кто воевал на стороне советской власти. А лодыри были и есть при любом строе, и, как правило, они остаются всегда батраками. Из них и были созданы бедняцкие комитеты, которые впоследствии занимались ракулачиванием.

Мелкие крестьянские хозяйства без применения высокопроизводительных машин и внедрения научно-обоснованной системы земледелия не могли дальше развиваться... В стране началась коллективизация. В Вятскополянском районе по-настоящему коллективизация начала развиваться в 1930 г. и в основном закончилась в 1933 г. Было организовано 73 колхоза. Некоторые из них были очень малы. Так, например, в Красных Панках имелось всего семь гектаров земли. Колхоз «Шипицино» имел 87 га земли, одну лошадь, одного быка и одну свиноматку.

В 1930 г. была организована МТС, сначала в ней было всего 3 колесных трактора «Фордзон», 48 плугов, 12 молотилок. С тех пор на долгие годы МТС стала центром экономической и культурной жизни села. При них были созданы политотдел, курсы трактористов, на которых обучались те же колхозники. После окончания курсов они становились рабочими МТС и одновременно являлись членами колхозов и жили в тех же деревнях, где работали. В крупных селах были созданы тракторные отряды. Некоторая часть отрядов обслуживала несколько деревень. Часть бригадиров оставила о себе добрую память. Например, в Кулыгах (колхоз «Пятилетка») Федор Иванович Санников. В Нижних Шунях (колхоз «Красный шахтер») долгое время работал Шагап Шарафутдинов, в Ершовке — Иван Морозов, в Слудке — Павел Орехов, Иван Филимонов — в Нижней Тойме, Шведчиков — в Средней Тойме.

В 1935 г. был принят примерный Устав колхозов... Земля передавалась на вечное пользование колхозам. Акты вручались на общих собраниях колхозников. Как писала газета «Вятско-Полянская правда», в колхозе «Пятилетка» (с. Кулыги) 8 Марта 1936 года состоялось сразу три праздника: вручение акта на вечное пользование 2147 гектаров земли, Международный женский день и чествование награжденного орденом Ленина коневода Алексея Алексеевича Кузнецова.

Кулыжская конеферма славилась на всю округу. В свое время было завезено несколько кобыл тяжеловесной породы. Колхоз выращивал племенной молодняк не только для себя, но и для других колхозов. Алексей Алексеевич несколько лет был председателем колхоза, потом долгие годы — заведующим животноводческим комплексом. Он много рассказывал, как ему был вручен орден на Всесоюзном съезде колхозников, и тов. Сталин лично пожал ему руку.

В то же время орденом Ленина был награжден механизатор из деревни Куршино (колхоз имени Ленина) Гавриил Семенович Зимин. Он работал на сложной молотилке и добился высоких показателей. В 1937 г. был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Колхоз «Пятилетка» в 30-е гг. был передовым в районе. Здесь получали самые высокие урожаи. Так, в 1937 г. было собрано более двадцати центнеров с гектара. За высокие показатели колхоз участвовал в сельхозвыставке и был удостоен Диплома I степени. Впервые в районе и области сюда были завезены семена люцерны, и полевод Михаил Ефимович Санников посеял их на 20 гектарах. Так колхоз стал семеноводческим по выращиванию семян люцерны. А по выращиванию семян клевера семеноводческим стал колхоз «Правда» (Малиновка).

Колхоз «Пятилетка» первым в районе начал завозить и племенной скот. Были завезены коровы холмогорской породы. И здесь первыми перешагнули 2000-й рубеж в надоях молока на корову. А передовая доярка Мария Степановна Суханова получила по 3,5 тысячи литров на корову. Она была дважды участником сельхозвыставки и отмечена правительственной наградой.

В 1935 г. в колхозах района стало внедряться сортовое семеноводство и предъявлялся строгий спрос к выращиванию сортовых семян. Так, за выдачу неправильной документации (подмена сорта, излишки сортовой чистоты) к нарушителям принимались меры, вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

На сортовых полях стали применять минеральные удобрения. Районными властями принимались решения о проведении весеннего сева за 10—15 дней, но в эти сроки не укладывалось ни одно хозяйство. А перед уборкой урожая принималось специальное постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров, где определялись меры, кому и что сделать. Такая практика существовала вплоть до 90-х гг.

Уборка обычно начиналась с заготовки сена. Большей частью ручную траву косили косами, гребли деревянными граблями и ручную же сено метали в стога. Во второй половине 30-х гг. появились конные косилки. Как правило, для них подбирались ровная площадь и запрягались самые сильные и выносливые лошади. Начали применяться конные грабли. Массовая уборка трав на лугах начиналась обычно с 1 июля, а многолетних трав — в июне. Трактора на уборке лугов появились лишь в 60-х годах.

Уборка хлебов велась конными жатками, лобогрейками, ручную вязались снопы из ржи, их ставили в суслоны, а яровые культуры — в груды, где зерно сохло и созревало. Потом их на телегах подвозили и складывали в большие скирды или к сложным молотилкам, установленным прямо в поле. Молотилось зерно и на конных молотилках. Так что молотьба велась долго и после уборки, даже в зимнее время. Очистка зерна велась ручную, а для получения семян применялись ручные триера. (Жали хлеба и серпами передовые жнецы, особенно женщины, выжинали по 17-18 соток в день).

В 1936 г. впервые в районе была применена уборка хлеба комбайнами. Было принято решение использовать комбайны в уборке хлебов в колхозах имени Ворошилова, «Победа», «Знамя труда». Комбайны прицеплялись обычно к гусеничному трактору. Поля же для них подбирались чистые от сорняков, ровные по спелости. Было в диковинку наблюдать, как комбайн косил и молотил хлеба, поэтому колхозы стремились вести комбайновую уборку.

Для общественного скота колхозы начали выращивать кормовые культуры. Была завезена вика. Обычно ее сеяли в смеси с овсом. Много ее шло на зеленый корм, особенно лошадям (а их в тот период было много), и на зерно. Государство закупало ее как зерновую культуру и засчитывало в план заготовки хлеба. (На нее, особенно в 60-е гг., была самая высокая закупочная цена, в 1962 г. колхоз «Победа» от продажи вики получил выручку 500 тыс. рублей).

В предвоенные годы колхозы начали заготавливать силос. Прямо на полях копалась яма и закладывались луговые травы. В тот период начали завозиться семена подсолнечника для выращивания зеленой массы под закладку силоса, пробовали закладывать на силос картофельную ботву. Вся работа по закладке силоса велась примитивным способом: измельчалась масса вручную, трамбовалась ручными трамбовками.

На специально отведенных площадях колхозы выращивали овощи. Для этого были созданы овощеводческие бригады, в которых в основном работали женщины. Выращивали не только овощеводческие культуры, но и бахчевые: дыни, арбузы. Так, по сводкам 1940 г., было заготовлено 200 тонн дынь. Колхоз «Пятилетка» был специализирован по выращиванию семян огурцов. На огородах выращивались семена капусты, свеклы, моркови и других культур. Овощи в основном заготавливала потребкооперация. Например, огурцы продавались свежими в магазинах, и велась их засолка на зиму. Обычно они солились в бочках, потом закладывались в специальные водоемы, где и хранились всю зиму. Весной вынимались и шли в торговлю. Вкусовые качества таких огурцов были отменными.

Многие овощеводческие бригады добивались высоких показателей. Как писала районная газета в 1935 г., в Слудке бригада Кормилая Ивановича Дресвянникова получила урожай кормовой свеклы 500 ц/га и 100 ц/га лука. От 100 до 200 центнеров (в зависимости от погодных условий) колхозы получали картофеля, заготовкой которого занималась заготовительно-сбытовая база потребкооперации (отгружала вагонами во многие республики СССР). Заготавливалась и капуста, и ряд других овощей.

Оплата труда колхозников была мизерной. Лучше других оплачивался труд механизаторов, последних было мало. В 1937 г. был получен самый высокий урожай за весь довоенный период — по 13,8 ц/га, и колхозники получили на трудодень до 7 кг зерна. С этого года крестьянин не стал задумываться только о хлебе насущном. На трудодень начали выдавать не только зерно, но и деньги. У некоторых колхозников появились велосипеды и патефоны... Правда, одежда и обувь выглядели бедной, поскольку

ку, даже имея деньги, их не всегда можно было купить: промтоварные магазины были бедны.

Апогея в своем развитии колхозы достигли к 1940 году. Средний урожай зерновых составил 11,7 ц/га. До 70 % пахотной площади обрабатывалось тракторами. В почву начали вносить минеральные удобрения. Крупные колхозы имели по одной-две автомашины. Легковые автомашины в районе были только у первого секретаря райкома и предрика, да и те на них ездили только в летний период и в сухую погоду...

Нехватки рабочей силы колхозы не испытывали. Так, в 1936 г., когда еще Кизнерский район входил в состав Вятско-полянского, населения насчитывалось 66 983 человека, из них 45 176 колхозников. К 1940 г. процентное отношение почти не изменилось. Некоторые мелкие колхозы, чтобы не платить натурплату, отказывались от услуг МТС и всю работу вели своими силами.

Острый недостаток испытывался в специалистах сельского хозяйства. На весь район их были единицы, и те работали в МТС и РАЙЗО, но не в колхозах. Даже большинство председателей колхозов были с начальным образованием. Иначе и быть не могло. Эта категория людей родилась и училась в дореволюционный период, когда детям крестьян больше трех классов образования не давали, их не принимали на учебу даже в гимназии, и 70 % населения в России было неграмотным.

После революции дорога к знаниям молодежи была открыта, в 30-е гг. в некоторых селах были открыты семилетние школы, так называемые ШКМы, но их было мало. Так, в Кулыжской семилетней школе учились ребята из Киняуса, Чекашево, Куршино и со всех других ближайших деревень. Что бы дать какое-то сельскохозяйственное образование, в Вятских Полянах была организована РКШ (районная колхозная школа), в которой учились бригадиры колхозов, некоторые председатели и перспективная молодежь, которые потом назначались агротехниками, бригадирами и т.д. В техникумы поступали мало. Так что научного подхода к ведению сельского хозяйства не было, он только-только начал зарождаться.

К началу Великой Отечественной войны колхозный строй на селе окончательно утвердился. Люди села привыкли к коллективному труду, особенно во время уборочных работ, да и на севе люди трудились с большой отдачей. Трактора работали в две смены. В течение суток было две пересменки: с 7 утра до 8 и вечером — с 19 до 20 часов. На животноводческих фермах был свой распорядок дня. Остальные колхозники начинали свой рабочий день в семь утра, заканчивали в семь вечера. Труд большей частью был ручной. Но у людей был какой-то веселый за-

дор. К примеру, на сенокос в луга люди уходили и возвращались с песней. Никто не жаловался на тяготы жизни. А она из года в год налаживалась, и люди верили в лучшее будущее, и молодежь не стремилась уезжать из села. Мирная жизнь народа была нарушена войной...

Край родной неповторимый:
Вятскополянский район — 70 лет.
Вятские Поляны, 1999. С. 52—69.

С АРХИВНОЙ ПОЛКИ

О КОМИССИИ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ НАСТРОЕНИЯ И БЫТА ДЕРЕВНИ

XIII съезд РКП(б), проходивший в мае 1924 года, в центре внимания поставил вопрос о работе в деревне. Основная линия партии в этом вопросе была намечена в статье В.И. Ленина «О кооперации», где была развернута программа развития кооперирования сельского населения, что и намечено было проводить в жизнь.

В связи с этим «для разработки поставленных партсъездом вопросов губернским комитетом РКП(б) была создана особая губернская комиссия по работе в деревне из представителей всех заинтересованных организаций и учреждений», куда вошли представители Коммунистической партии, Советов, профсоюзов, потребкооперации, редакции газеты «Вятская правда» и др.¹ Эта комиссия должна была стать «особым консультационным органом по вопросам работы в деревне..., «всемерно помогать организациям и отдельным товарищам, ведущим работу в деревне, советами, справками, заключениями и т.п. мероприятиями»¹.

Но, прежде чем давать советы другим, необходимо было самым внимательным образом познакомиться с жизнью вятской деревни. Для этой цели 8 октября 1924 года Вятским губкомом РКП(б) принято решение: произвести обследование типичной сельскохозяйственной деревни... Для обследования создать комиссию из представителей ГИК (губернского исполнительного комитета), губкома РКП(б) и губземуправления, пригласив в нее, как специалистов, работников губстатбюро, губфина, сельхозкооперации и губОНО»². Созданная комиссия называлась Комиссией по обследованию настроения и быта деревни. 8 декабря 1924 года представители ее выехали в Яранский уезд³.

Деревню за деревней, хозяйство за хозяйством внимательно обследовала комиссия. В сфере ее внимания были все грани жизни дерев-

¹ ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 762. Л. 17—19.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 28.

ни, от сельскохозяйственного производства и до деревенских посиделок. В ходе проверки писались заметки и информации, которые затем целый год обрабатывались. В результате было составлено довольно объемное исследование на 210 листах «О положении крестьян в Вятской губернии и работе кооперации», выдержки из которого и предлагаем Вашему вниманию.

О ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН КИКНУРСКОЙ ВОЛОСТИ

Глава 1. СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Хозяйственный облик

Вятский крестьянин не отличался большой зажиточностью и до войны. Правда, были хозяева, у которых по 10-15 лет кладухи в полях стояли, но таких хозяйств было немного. Большинство же хозяйств хотя и не голодало, но и запасов на черный день больших не имело.

Война и революция пошатнули крестьянское хозяйство. Кладухи с полей исчезли. Количество скота резко уменьшилось. С начала войны и до 1922 года состояние крестьянского хозяйства катилось вниз. Особенно тяжелыми были голодные 1920 и 1921 годы. Рассказывая про свое хозяйство, ни один крестьянин не мог обойти их молчанием. «Как лебедой да корой с дерева питались, — этого ни в жизнь не забудем», — говорили крестьяне.

По-разному прошли крестьянские хозяйства этот тяжелый путь, несмотря на то, что советская власть всеми силами старалась и старается оказывать поддержку маломощным хозяйствам.

Кто жил по-справнее в мирное время, тот, конечно, больше мог сохранить кое-что на черный день. Да к тому же наиболее зажиточные хозяева в большинстве случаев и наиболее изворотливые.

Пестрой вступила деревня в последнее десятилетие.

Бурные дни революции и хозяйственная разруха еще более испестрили ее хозяйственный облик. Хозяйства рушились, поднимались, снова падали. Выявить хозяйственную жизнь деревни за последнее десятилетие, объяснить, что от чего произошло, является задачей очень трудной. Здесь необходимо будет коснуться, прежде всего, основных хозяйственных условий жизни деревни.

Кикнурская волость расположена в юго-западном углу губернии, на границе с Костромской губернией. От железнодорожных и водных путей волость отстоит довольно далеко. Ближе всего к волости проходит вновь строящаяся железная дорога Нижний-Котельнич (она проходит в 60 верстах). Но на хозяйстве волости покуда малая железная дорога не отражается.

Другая ближайшая железнодорожная станция — Котельнич; и до нее верст 150. Водные пристани: Советск — 120 верст и столько же до Козьмодемьянска.

Леса занимают третью часть всей территории волости; всего их 51.000 десятин. Население в лесном материале недостатка не ощущает. Новые дома и надворные постройки попадают в деревнях довольно часто.

В среднем на двор приходится пашни 8 десятин и сенокоса 0,7 дес. Соотношение пашни и сенокоса весьма неблагоприятное: на 1 дес. пашни приходится 0,1 дес. сенокоса. Средний посев на двор — 5,2 дес., что при трехпольной системе дает как раз $\frac{2}{3}$ от всей пашни, следовательно посевность уже доведена до своего предела. На едока посева приходится, приблизительно, 1 десятина.

По посевности к 1925 г. хозяйства распределялись следующим образом:

Групп по посеву	Всех хоз-в	На 100 хоз-в
С пос. до 1 дес.	245	2,4
—»— от 1 до 3	1,590	16,3
—»— от 3 до 8	6,743	69,8
—»— от 8 до 13	1,073	11,0
—»— от 13 и выше	50	0,5
ВСЕГО:	9,701	100

Преобладающей группой по посевности являются хозяйства с посевом от 3 до 8 дес.: они составляют почти три четверти всех хозяйств.

В среднем на 10 дворов приходится 6—7 лошадей, 11 коров, 17 свиней, 32 овцы. По обеспеченности крупным скотом все хозяйства волости располагаются следующим образом:

По обеспеч. лошадыми	По обеспеч. коровами	Безкоровных	С 1-й коровой	С 2-мя коровами	С 3-мя коровами	Всего	На 100 коров
Безлошадных		1.028	2.208	77	1	3.314	34,1
С 1 лошадыю		292	4.048	1.770	194	6.304	65,0
С 2 лошадыми		—	13	40	27	80	0,9
С 3 и больше лош.		—	1	1	1	3	
ВСЕГО:		1.320	6.270	1.888	223	9.701	100
На 100 хоз-в		13,6	64,7	94,4	2,3	100	

Безлошадных хозяйств в волости немного, больше третьей части, остальная масса — однолошадники. Около двух третей хозяйств имеют по одной корове, почти пятая часть — по две, коров не имеет одна восьмая часть хозяйств.

На одну голову всего скота в переводе на крупный приходится посева 2 дес. и сенокоса 0,3 дес. При среднем урожае на каждую голову получается 100 пудов соломы ржаной и яровой и 25 пудов сена. Обеспеченность скота кормами крайне ничтожная.

На каждую рабочую лошадь приходится в среднем 12 десятин пашни, что указывает на большой недостаток в лошадях, так как по данным 1914 г. на каждую лошадь приходилось только 8,5 десятин пашни.

На каждого работника приходится 4 дес. пашни. Трепольная десятина требует приблизительно 20 рабочих дней за лето. Следовательно, 4 десятины потребуют 80 дней. Считая пять летних месяцев по 24 дня каждый, работник мог бы отработать за лето 120 дней. Следовательно, 1/3 часть летнего рабочего времени остается неиспользованной.

Чем болеет деревня

«Сколько полосок во всех полях?» — С этим вопросом мы обращались к каждому крестьянину, хозяйство которого мы обследовали. Недоумевал крестьянин, а некоторые даже спрашивали: «Шутя или всерьез спрашиваешь ты меня?» И когда убеждались, что вопрос задается «всерьез», обыкновенно, отвечали: «В жизнь свою не считал», и начинали по пальцам считать полосы, называя каждую по ее названию. Когда хозяин путался, а это было почти с каждым, его подправляла хозяйка. В некоторых домах счет производился хором всей семьей.

В дер. Б. Лыжня такой вопрос был задан одному хозяину из мари. Долго бился он над этим вопросом, но так и не ответил. «Не могу сосчитать, башка моя не кватит», — с черемисским выговором заявил он. И, действительно, подсчитать полосы не так-то легко. Об их числе дают представление следующие данные:

Наименование деревень	Наибольшее количество полос на двор	Среднее количество полос на двор	Средний посев на двор в десятинах
Знаменское	66	35	5,5
Забенское	52	30	5,5
Шапта	50	27	4,0
Сандалово	50	26	6,0
Коржавино	45	24	5,0
Б. Лыжня	44	23	4,5
Вязовка	38	23	5,5

К этому нужно еще добавить, что ширина некоторых полос не превышает полутора аршин. Эти цифры лишь в слабой степени характеризуют громадный вред, приносимый нашему сельскому хозяйству узко и черезполосицей. Эти недостатки отлично сознает и сама деревня.

Про себя каждый крестьянин стремится устроить свою землю, а на деле — ни с места. По этому поводу приходилось говорить с отдельными хозяевами. На вопрос: «Почему не провели землеустройства?» —

более зажиточные, обыкновенно, отвечали: «Уж больно дорого это стоит, сил наших не хватит». Понимать это нужно так: «Полосы своей жалко, ведь получишь такую, которую разве только синичка удобряла». А когда говорили с бедняком, который, обыкновенно, больше всего страдает от земельного неустройства, получаешь ответ: «Ну, где же тут согласишься наших живодеров. Они лучше повесятся, чем согласятся перемерять землю». И некоторые прибавляют: «Дорого стоит вызывать землемера».

Когда вопрос о землеустройстве поднимался на сходах, преобладал первый ответ: «Дорого стоит». Но все же здесь дело не в деньгах, так как перейти на широкие полосы можно и без землемера, лишь бы был и руководил переходом агроном, который бесплатно должен помочь крестьянству. Весь вопрос в том, что это связано с общим переделом земли и ее уравниванием по едокам, да и жаль потерять насыщенную полосу.

Во всех деревнях ждут какого-то «общего передела земли» и даже называют год 1927. «Что, мол, ломать межи и путать землю раз все равно будет скоро общий передел». Это приходилось слышать неоднократно. Откуда-то этот слух вырос, кем то он распространяется и укрепляется. Должно быть это тоже один из способов тормозить землеустройство и даже внутриселенное разверстание. Этот нелепый слух сильно вошел в крестьянскую массу и в результате одни ждут, другие жнут.

Семь лет прошло со дня революции, давшей возможность уравнивания земли и передела ее по едокам, но до некоторых деревень это еще не дошло. Таких деревень мы нашли 4 из пятнадцати обследованных. Но и там, где передел был произведен, зажиточные разными способами обходили бедноту. Поравнение по едокам делались не путем передела «на палку» (местное название разверсточной единицы вместо прежней «души»), а путем свалки и навалки, а затем, каким-то странным образом, выполнение постановления общества передавалось тем, от кого отходила земля. Эти многоземельные в первую очередь отдавали землю самую неудобную, разбросанную по всему полю клочками. Если таких «лоскутков» не хватало, тогда отдавали самые дальние концы остающихся полос, при чем старались опять таки отрезать не от одной полосы, а от каждой по кусочку. Достанется такая земля бедняку — что он с ней будет делать. И, конечно, он от такой «земли» в конце-концов отказывается, а землю преспокойно обсевают прежние домохозяева: «Землю поравняли, а что малоземельные не берут, так это их вольная воля».

Во многих деревнях, когда приходилось разговаривать с крестьянином один на один, частенько можно было слышать вопрос: «А что, землю арендовать можно?» Отвечаешь, что можно. «И ничего за это не будет?» — уже более пытливо спрашивает крестьянин. Объясняешь ему, что существует определенный закон, который в известных случаях разрешает и сдавать, и арендовать землю. «А для чего обязательно требуют, чтобы в волостях записывали все это?» — продолжает крестьянин свои вопросы. Разъясняешь, почему требуется запись. Слушает, но видно, что думает другое. Задаешь крестьянину встречный вопрос:

— А в чем дело-то?

— Да вот, насчет записи. У нас думают, что тут только заманивают, а потом и нахлобучат налогом.

— Да ведь сельхозналог-то единый, — объясняешь ему, — с этой земли ты заплатишь, как, вообще, платишь за землю.

— Да, этот-то налог что, пустяки, — отвечает крестьянин. — А вот еще бы не нахлобучили.

Необходимо отметить, что и работники мест не очень уяснили себе значение аренды. Некоторые определенно смотрят на аренду очень косо и не прочь всех арендаторов огулом причислить к кулакам.

Не мудрено, что деревня смотрит на аренду, как на явление полузаконное, которое существует только до тех пор, пока не видит «начальство». Аренду стараются скрыть не только арендующие, но и сдающие. В подтверждение этого приведем несколько цифр. Из 860 обследованных нами хозяйств, арендующих землю, нашлось только 38 хозяйств, т.е. 4 %, сдающих землю — 48 хозяйств, т.е. 5 %. Цифры совершенно не отвечают действительности. Как общее правило аренда нигде не регистрируется. Кто арендует?

	На 100 хозяйств приходится				
	едоков	работников	посева	лошадей	коров
В среднем по всем хозяйствам	53	27	52	7	11
Только в арендующих хозяйствах	61	32	71	13	23

Таким образом, хозяйства арендаторов — более обеспеченные, чем в среднем все обследованные хозяйства. Если, как правило, молчали об аренде, то об условиях аренды сообщали еще меньше. Из 38 арендующих хозяйств только 19 дали такие ответы, из которых можно вывести хоть какое-нибудь заключение. Из числа сдатчиков более или менее ясные ответы дали 34 хозяйства. По этим ответам мы получаем такие данные:

	Ответ арендатора		Ответ сдатчика	
	кол-во показаний	плата за десятину средн.	кол-во показаний	плата за десятину средн.
1. За хлеб ... колебания	7 —	12 пуд. от 6 до 16	9 —	7 пуд. от 0 до 15
2. Исполу, конная раб. арендатора, налог, семена сдатчика	7	1/2 урожае	12	1/2 урожае
3. Работа на лошади	3	условия не определены	13	условия не определены
4. За деньги	2	5 руб.	—	—

Однако, вряд ли эти показания, точно отражают действительное положение. В частных разговорах с отдельными хозяевами, особенно, когда разговоры велись без карандаша и бумаги в руках, выявлялась гораздо худшая обстановка.

В одной очень бедной марийской деревушке, где особенно сильно практикуется сдача земли, на вопрос: «Не приходится-ли сдавать землю в аренду?» — один крестьянин довольно неохотно сообщил: «Полоски две отдавал» (приблизительно, около десятины). — «А что получил за это?» — «Да ничего не получил; мы договорились так, чтобы он обработал мне столько же пахоты. А он выехал на один уповод, да и тот не весь работал, а больше не показывался».

Как общее правило, по обложению налогом вся земля числится за сдатчиком. Арендующие вполне открыто на сходах заявляют: «С чего мы будем платить налог, ведь земля-то ихняя».

Деревня еще не восприняла полностью закона об аренде.

За саму аренду она ухватилась, что называется, обеими руками, но регистрации боится. Скрывая аренду, бедняки зачастую ничего за землю не получают. При таком положении некоторые из бедняков предпочитают, чтобы земля пустовала: тогда земля отдохнет и сколько-нибудь травы получится.

Страдает от такой аренды и государство, так как сдающее землю в аренду хозяйство обычно как маломощное целиком или частично освобождается от налога. Арендующий же посевы свои на арендованной земле не регистрирует и налога не платит. Следовательно, государство не получает налога.

Но это еще не все. Пущенная по чужим рукам земля не получает достаточного удобрения, надлежащего ухода, особенно при аренде на один посев. И без того истощенная земля еще более истощается. Такой арендой подрываются основы сельского хозяйства и расхищаются земельные богатства государства.

Регистрация договоров об аренде имеет в виду уничтожить уродливость в арендных взаимоотношениях, но в этой части закон еще не понят деревней. «Что-то тут не просто?» — думает крестьянин. В результате: кабальные условия аренды и ее укрывательство.

Безлошадность — вот главная причина, уродующая аренду. Со временем, когда количество безлошадников уменьшится, тогда закон об аренде полностью будет воспринят деревней.

Торговое село

Село Русские Краи — испокон веков отличалось своей широкой торговлей. В мирное время это село служило крупным перевалочным пунктом, через который яранский хлеб продавался в рядом лежащую Костромскую губернию. Это село и сейчас еще известно своими базами на всю округу.

Жители села и ближайших деревень настолько свыклись с этой шумной торговой обстановкой, что жизнь настоящего времени кажется им «пресной». Деревня Ивановка (в двух верстах от Русских Краев) так-таки не удержалась, чтоб не спекулировать. И чем? — Землей. Целых 49

десятин «уступила» бывшим купцам. А чтобы это не вызвало больших толков, приписала их к своему обществу.

На наш вопрос: почему так сделали? — отвечали: «Земля не под руками, она нам совсем не подходяща». Но это только отговорка. Это видно хотя бы из того, что сначала был передан участок меньше. Остальная земля находилась в ведении лесного управления и только еще предназначалась к передаче обществу, как лес местного значения. Ивановцы обещали своим «примакам», что они передадут эту землю, которую не сегодня-завтра получают от лесного ведомства.

Начались усиленные хлопоты о прирезке «землицы». В 1924 году ивановцы добились своего — землю получили и немедленно передали «по принадлежности». «Передали землю совершенно бесплатно, — говорят ивановцы, — только за изгородь взяли 300 рублей». Когда этот вопрос был поднят на сходе вспыхнула крупная перебранка. «Да что, мы то при чем? Продали и общество не спросили». В разговоре с отдельными гражданами выяснилось, что тут действовала небольшая кучка, и общество лишь «при сем присутствовало».

Одна старушка этого же села очень жаловалась на то, что ей не дают «осырок». На вопрос: для чего ей нужен осырок? — она даже удивилась: «Как для чего? Продам, деньги будут. Жить будет на что. Ведь я сорок лет им владела, а теперь отобрали». Старушка до сих пор не усвоила, что времена частной собственности на землю прошли безвозвратно. Гораздо хуже, когда этого не всегда понимает и более молодое поколение.

В этом же селе имеются довольно крупные «тузы дореволюционного времени». Делать им сейчас стало нечего, и они решили заняться «мирным» трудом. Бывший владелец крупной паровой мельницы ухитрился получить хутор в 25 десятин. Хутор этот уже отрезан. Окружные крестьяне говорят: «Вот нам землемера нет, а тут — так сразу». Бывший владелец серповой фабрики каким-то образом умудрился сохранить в своих руках землю, расположенную при национализированной у него фабрике.

И в то же время имеющееся в селе кредитное сельскохозяйственное товарищество (являющееся одним из лучших в волости) «с ног сбилося» в поисках земельного участка для устройства на нем образцового хозяйства. В другом селе Шапта тоже «не знают», куда деваться с землей, и подарили ее церковному приходу, обрезами, обмежевали отдельным хутором. Когда спрашивали крестьян, зачем им это понадобилось, они недоуменно отвечали: «Так мы что. Ведь она и раньше была церковной. Мы только обменялись. Ихняя земля была близко к селению, мы ее взяли, а им дали подальше».

По дороге идет слепой старик. Поравнявшись с нами, остановился.

— Это вы, комиссия? — спрашивает.

— Да, комиссия.

— А я целый день ждал вас дома, так вы никто и не пришли, а у меня к вам дело есть.

— А в чем у тебя дело?

— Да вот общество земли мне мало дало, а я человек старый, где я смогу добыть себе пропитание?

На наш вопрос, что он будет делать с землей отвечает:

— Палку палка кормит: половину отдам, а другую половину мне вспашут.

Арендовать землю открыто боятся. Но под видом платы за работу лошадаики охотно берут землю. Другой вид скрытой аренды — расплата землей за лошадиную работу. Такой способ применяют почти все безлошадники. Правда об этом они мало рассказали. Почти невозможно было выяснить, за какую работу сколько приходится платить земли. Чаще всего встречаются такие условия, что за взятую землю пахарь должен вспахать такую же площадь сдатчику. Но так как все это делается «на слово», то арендатор пользуется этим и нередко принятых на себя условий не выполняет.

«Добрососедское житье»

Весна в разгаре. Все кругом живет, торжествует. Только безлошадник один мрачнее темной ночи. С утра до вечера его грызет одна забота — как землю вспахать, где лошадь нанять. Перебирает он в своей памяти всех соседей, но все они на одно лицо, все готовы в любой момент проглотить его — маломощного. Идет он к одному, другому, третьему соседу. За ним такой же безлошадник тащится. Куда торопиться лошадаику. Ведь «над ним не каплет». Не один, так другой безлошадник заплатит ему столько, сколько он захочет взять.

Настала горячая пора. Солнце еще не успеет взойти, а уже в поле кипит работа. Всяк спешит скорей вспахать, чтоб во время посеять. Безлошадник ночами не спит. Одна за другой поднимаются полосы в поле, только его полоски продолжают оставаться не вспаханними. Долго мечется безлошадник в поиске пахаря. Не один раз спину согнет, прежде чем своего «благодетеля» найдет. Но и после этого еще долго полоске бедняка приходится ждать — когда ее удосужатся вспахать. Но плохо-ли, хорошо-ли работа начата. Казалось бы, можно бедняку свободнее вздохнуть и хотя б на время с себя заботу стряхнуть. Но...

Ведь пахарь берется только на отдельную работу; всю летнюю — работать не берет. Снова безлошадник по пахарям идет. Снова без усталости пороги у соседей обивает. И так все время — от весны и до весны. «Не знаю, что тошнее — землю пахать или с голоду помирать?» — заявил один безлошадник деревни Забенской. Мы немало встретили безлошадников, которые на вопрос:

— Сколько вы заплатили за пахоту? — отвечали нам:

— А я не знаю. Еще не рассчитывались.

— Как-так? — ведь приближается вторая пахота, а вы еще за старое не рассчитались?

— Да, оно, как вам сказать, — отвечает безлошадный. — Он мне работал, а я ему. Может, мы и рассчитались. Только вот окончательно то расчета не было.

Обойди в начале полевых работ всех безлошадников и спроси их: за что они сдали свою пахоту, едва-ли кто из них ответит на этот вопрос. Многие отдают работы без окончательной «ряды». «Ну, что говорить. Больше людей не возьму», — так обыкновенно отвечают лошадаики, когда их спрашивают о стоимости работы. Окончательная ряда происходит больше

в том случае, когда лошадаик хогет что-нибуа получить тотчас же. Но и в этом случае условия держатся обоими сторонами в строгой тайне. А вдруг мир сделает другую цену. Засмеют тогда пахаря, если он дешево взял, а если дорого — засмеют тогда безлошадника...

Главный вид расплаты — натурой. Сеют исполу, т.е. когда семена им людская работа нанимающего, а пахарь несет только конную работу. Урожай делят пополам. Рядятся и на части урожая. Если рядятся за хлеб, тогда плата назначается, приблизительно, от 5 до 10 пудов за десятину. В одном безлошадном хозяйстве, где хозяин давал ответы очень откровенно..., он прикинул и говорит: «А вот верь — не верь, а если нам со старухой хватит хлеба прокормиться, да сохраним еще семена, так было бы больно хорошо». Земли у них всего около 3 1/2 десятин. Из скота одна корова, которая едва-ли видит хлеб.

Второй вид расплаты — отработки. Часто случается, что безлошадник конца не знает этим отработкам и все-таки к осени остается в долгу у лошадаика, отработка производится в самое горячее время. «Когда позовут», — так, обыкновенно, ставит условие лошадаик, а зовут он чаще на жниву. В это время все спешат. «День год кормит» — говорят про это время. Хорошо, если безлошадник большесемейный и есть кому жать. А если мало работников, то частенько получается, что «в людях прожнешь, а своего не соберешь». Разные бывают размеры отработок. Но чаще всего встречаются 3-4 людских дня за одну конную поденщину. Людская сила ценится дешево. В самое горячее время плата редко доходит до 30 коп. В обыкновенное время поденная плата спускается до 15 коп. Это еще больше ухудшает положение безлошадника, который может дать в люди только людскую силу.

Глава 2. ПОЛИТПРОСВЕДУЧРЕЖДЕНИЯ И ИХ РАБОТА В ДЕРЕВНЕ

Кикнурский волполитпросветком — руководитель всей политпросветработы в волости. В Кикнуре: Нардом, библиотека, изба-читальня, Липпункт. В Русских Краях тоже Нардом и изба-читальня (библиотека). В Знаменском изба-читальня и Липпункт.

Приехали мы в Кикнур в середине декабря (16), т.е. тогда, когда работа должна быть в разгаре. Но этого в самом деле не было.

Избы-читальни

В волостной Центральной избе-читальне не добьешься узнать, когда она открыта, кто отвечает. Собственно избы-читальни никакой не было, а приходила девица «ничего не знающая» (так она отвечала на наши вопросы) и выдавала школьникам книжки.

Изба эта похожа была на старый неуютный сарай, куда не только крестьянин, а волк не заглянет. Она открылась только в январе 1925 года. Была только библиотека. Подбор книг, техническая постановка дела, внешний вид книг, состав читателей и общие приемы работы говорили о том, что работа их из рук вон плоха.

Как сказать хорошее о избачке Русско-Краинской, если вы приходя, можете застать молодежь с беззаботностью лускающей семечки. На полу шелухи хоть очищай лопатой. Подшивки газет нет, рекомендательных списков никогда не видели стены библиотеки (избы-читальни). Крестьянская нога туда и не захаживала, если не считать крестьянского парня-комсомольца, сидящего там по вечерам.

Спросят фактов, конкретностей и т.д. Конкретность та, что в большом торговом селе Р. Краи хоть изба-читальня есть, избачка т. Халтурина считает библиотекой, о которой крестьяне не знают и туда не заглядывают. Изба-читальня абсолютно не проявила себя ничем как культурный центр района. «Только книги выдаем» и только. Комсомол собрания устраивает, да школьники за книгами ходят. Я ничуть не преувеличиваю, но и не хочу писать в розовых тонах: действительность печальна, «хозяина» нет. Комсомолка ни одного плаката не дала стенам, ни одного списочка читателям, не умеющим выбирать книги... Как комсомолец, библиотекарь участвует и в компаниях, и в общей работе, но забывает, что изба-читальня должна больше делать во сто крат...

Подписчиков-читателей в библиотеке 268, из них 173 чел. муж., а 80 жен. Крестьян — 98, рабочих — 2, а прочих — 158 чел. Что такое прочие для большого торгового села: это сельские горожане, жившие раньше торговлишкой и торговлей в с. Краях. По возрасту делятся так: до 17 лет — 162, а свыше — 96 чел. ...

Сколько книг и какие они. Мало и старые. Всего 4386 книг. Потерянных книг старым библиотекарем было около 800 шт., есть акт. Новой литературы нет. Из старой есть ценные, но деревне мало нужные. Периодических изданий и газет выписывается достаточно. Инвентарь в избе есть. Работать можно. Совета при избе-читальне нет никакого, хотя открыли официально избу в октябре 1924 года. Поэтому вывод мой такой: есть изба и нет избы. Ячейка РКП давно сделала вывод...

Ругать то вы можете, а укажите, что сделать — так скажет работник волости. Ячейка РКП, богатая кооперация, есть хорошие ребята в комсомоле, есть учительство, помещение для вечеров, книги, газеты, большие базары — все есть для широкой работы. Использовать все нужно. Каждое учреждение, чтобы о тебе каждый крестьянин знал, приходящий в больницу, на почту, даже в церковь, если хотите. Вы это не используете. К вам идут случайные — по нужде, когда заявление написать, да и то кто уже знает. Ведь 16 чел. ячейка комсомола, а не одной справки вы не дали крестьянам. Ни один не использовали. Что еще сказать? Ведь меньше сил в Цекеевской избе-читальне, а т. Алтышев лучше работает. Почему? Потому что он думает как-бы избу-читальню сделать массовым культурным учреждением. Халтурина об этом не задумывалась даже. Там рекомендательные списки, а тут голые стены. Стенная газета 8 месяцев подготавливается и все в стадии обсуждения, а Токарев только приехал с курсов в Кикинскую избу-читальню и уже издал.

Цекеевскую избу-читальню мы застали при переезде ее из одного помещения в другое, поэтому судить трудно о работе в такое время. Но опросы, количество имеющихся передвижек, связь с дальними деревнями через книгонош-библиотекарей, и вообще здоровые и пра-

вильные мысли, хотя еще малоопытного Алтышева, говорят, что работа развернется. Марийское и русское население относятся к избы-читальне хорошо. Совета тоже нет, но организация его имеется в виду после устройства на новом месте. Идеино руководит избой местный учитель Шарпатов. Книг всего 5379. Техническая сторона поставлена не важно. Состав книг как и во всякой земской библиотеке старый. Новой литературы мало. Больше всего старая беллетристика. Общественно-просветительский отдел имеет 659 книг. Несмотря на Марийский район и менее бойкий чем Р. Край, подписчиков в библиотеке больше и по возрасту они старше. Абсолютная цифра читателей на 1 января 1925 г. — 664. В %% делятся они так: детей до 14 лет — 40 %, от 14 до 22 лет — 35 %, а взрослых старше 22 лет — 25 %. Хотя из взрослых только 1/4 часть берет литературу сельскохозяйственную, остальные из разных отделов и больше всего из беллетристики.

Мы были бы не справедливы если не отметили бы громадного сдвига в работе Кикнурской избы-читальни и библиотеки. Мы были первый раз в Кикнуре 13-16 декабря, вернулись обратно в Кикнур после объезда 14 деревень — 20 января. Внешний облик читальни настолько переменялся, что узнать было трудно. Читателей в библиотеке увеличилось за это время с 237 до 504 чел. Появились рекомендательные списки, библиотека стала целый день кишеть читателями. Правда читатель все более молодой и детского возраста. Взрослых очень мало. Тов. Токарев прослушал в Яранске двухнедельные курсы-съезд, стал развешивать дело очень хорошо. Недостаток опять тот, что библиотечные функции являются преобладающими. То что мы понимаем под работой избы-читальни тоже отсутствовало. Оживилась отчасти изба-читальня переведенным из Народного дома справочным столом. Для полноты картины состояния и работы библиотеки мы сообщаем это словами тов. Токарева как работника библиотеки.

Отчет о работе Кикнурской районной библиотеки

Руководит библиотекой Токарев А.Н. Окончил школу II ст. Член РЛКСМ из крестьян. Район обслуживаемый библиотекой имеет в радиусе 12 верст. Сколько деревень и населения не знает. В Кикнуре Школа II ст., которая тоже берет книги в библиотеке... Всего книг — 4754. Всего подписчиков 660: крестьян — 34 % (из них взрослых — 22 %), учащихся — 56 %, рабочих — 0,5 %, умев. трудом — 8 %, прочих — 1,5 %.

Взрослые подписчики-крестьяне на 60 % берут сельскохозяйств. литературу. Остальные больше всего беллетристику. Задержка книг у читателей более у крестьян и не более 4 недель. При библиотеке имеется своих 8 передвижек, из Яранска 7, из которых уже 12 находятся в избах-читальнях по деревням (уголки). Повседневная и общая работа библиотекаря (он же избач запомните) протекает в библиотеке, в читальне, работа с книгой, передвижкой, отчетность, беседы и одиночками крестьянами, по хозяйственной части б-ки и читальни и участие в общественно-политической жизни страны.

Читальный зал имеется. Изба-читальня открыта с 1 января 1925 г. Зал оборудован плакатами, лозунгами, имеются географические карты, портреты, рекомендательные списки. В зале имеется 7 стульев,

3 стола и 4 скамейки. Читальня открыта днем с 9 до 3 часов. Вечером с 5 до 8 не ежедневно (должно быть керосину нет, т.к. ВИК дал только 15 фунт. на всю зиму К.С.).

Б-ка получает 15 названий разных газет по одному экземпляру (что совсем не выгодно К.С.). Один журнал «Крестьянка». Газеты идут не аккуратно. Средства согласно сметы отпускаются ВИКом. Потребобщество выписало один экземпляр Известий ЦИК СССР и дало 30 руб. Сельскохоз. Кредитное Товарищество обещало выписать с.х. передвижку (улита едет, когда-то будет). Нарсудья обещается давать юридические справки по субботам и воскресеньям с 12 до 3 часов.

В своей работе в январе отчитывался ВИКу. Затруднения и препятствия в работе зависят от плохой технической постановки дела в библиотеке, которая запущена еще была до меня. Техника в библиотеке самое главное. Кроме того, очень большая посещаемость библиотеки, доходящая от 30 до 118 чел. Сам я помимо выдачи книг уделяю ежедневно 4 часа на техническую постановку дела. Совета при избе-читальни нет, его заменят Волполитпросветком (мифический) и создавать его едва-ли будет целесообразно (вот это пилуля нашему Госполитпросвету). Идеиное руководство со стороны партийной организации выражается в том, что следит за работой библиотеки и меня вызывает на заседания Волполитпросветкома. А больше в чем ...

Так буквально и заканчивается отчет Кикнурской избе-читальни, сиричь-библиотеки. Последнее особенно характерно, когда Волполитпросветком смешивается с партийной организацией. В волости есть два Волкома РКИ и РЛКСМ. Видно потому, что т. Ведерников был секретарь Волкома РЛКСМ и пред. Волполитпросветкома, тов. Токарев последний считает за партийную организацию. Политпросветкомы делайте выводы сами. Мы сказали, что в общем ... организационной неразберихи сколько хотите. Совет избе-читальни, Волполитпросветком, Волком и есть еще местный Культкружок. Как тут понять Токаревым и др. Поэтому Совет не целесообразен по его мнению — это значит оставить избе-читальню без души...

Справочное бюро

Мы уже говорили, что Кикнурской избе-читальне хорошую услугу оказывает стол справок для крестьян, который переведен из Нардома. Возник он по инициативе ячеек РКП и РЛКСМ и в средствах кое-как перебивается с хлеба на воду. Необходимость его в деревне очевидна для всех. Дело только за упорядочением работы и оповещении об этом населения. В Кикнуре много было «свободных» адвокатов, которые только и промышляли этим. Стол справок стал грозным конкурентом для доморощенных юристов. Что это так — можно судить по работе стола.

С 18 октября по 1 января выдано справок крестьянам — 105, написано заявлений — 481... За январь справок — 75, заявлений — 126.

Средства у ячейки РЛКСМ иссякают. Работник стола получал 5 руб., с октября по сее время — 15 руб. Дело грозит срывом за отсутствием средств. Поддержать стол всячески надо. Р. Краинская ячейка и избы у себя это дело должны поставить образцово. Что хорошо, то хорошо.

Нардома

Постараемся меньше распространяться о них, а запишем те выводы, которые напрашивались, когда приходили мы в Нардома.

Кикнурский нардом в бывшем доме попа, а Р-Краинский в доме вдовы Изергиной. Как тот, так и другой находятся в данное время в ведении ячеек РЛКСМ. Оба на одну ногу сделаны. Разница то, что Краинский находится на втором этаже. Для зрительного зала выложены перегородки бывших комнат. Вообще-то здания мало пригодны, но для деревни и это находка, есть где собраться. Внутреннего уюта никакого. Каждый угол, окно, лестница, пол, стены и все говорит о том, что нет хозяйской руки. Плакаты на стенах есть, но развешены наспех и теперь забыты. Работа в Нардомах заключается в собраниях по разным поводам и спектаклях. При чем спектакли ставятся, например, в Кикнуре то учащимися II ст., то любителями. Любители и в Р. Краях есть. Волполитпросветком мало руководил этим делом. Кикнурские любители чуть ли не «Фигаро» ставят обывателям Кикнура. Чаше всего выезжают на Островском. Новая революционная пьеса еще мало известна деревне (ее правда еще не написали). В общем от народных домов впечатление не утешительное. Хозяйка (бывшая Изергина) в Краях плачет, что ее дом разрушается, ей никто не платит ничего и никто не ремонтирует, а крыша скоро пропадет. С этой стороны она права. О том, что мы не умеем беречь, всегда деревенский кулак нам колет глаза. Каких-либо краеных уголков, изб-читален деревенских, стихийно возникших по почину самих крестьян мы не видали. Скажем несколько слов о Ликпунках.

Ликпункты

Комиссия посетила два Кикнурский и Цекеевский. Цекеевский находится в Марийском районе (хотя учатся почти все русские) и дело там поставлено несравненно лучше.

Кикнурский Ликпункт Яранского уезда рассчитан на 30 чел. Обслуживает десять деревень, причем самая близкая деревня на расстоянии 3, а дальняя — 25 верст. Учатся в данное время на пункте 15 чел. Ликвидатор Галицкая Ольга Михайловна, кончившая Вятское семилетнее классное епархиальное училище. Педагогического стажа имеет 7 лет. Дочь священника.

Ликпункт оборудован плохо: не имеет даже отдельной комнаты для занятий и вынужден помещаться в пионерском клубе (комната). Учебных пособий нет. Учебников и канцелярских принадлежностей достаточно. Отношение учащихся к работе не вполне серьезно. Посещаемость в ноябре 1924 г. 39 %, в декабре — 45 %, в январе 1925 г. — 49 %. Усвоение грамотности среднее. Отношение крестьян к Ликпункту доброжелательное. О недостатках его крестьяне не высказывались. Внимание к Ликпункту было оказано только ВИКом и с/советом. Выражалось оно в агитации и привлечении неграмотных. До сих пор, кроме агитации и вызова в Ликпункт повестками никаких мер привлечения неграмотных не применяется. Но в будущем предполагается, допризывников не явившихся в Ликпункт, привлекать к судебной ответственности. Население о

работе Липпункта не осведомлено. Работником Липпункта был сделан устный доклад о работе на собрании Волполитпросвета и ВИКу.

В Цекеевском пункте обучается 26 человек. Деревень обслуживает десять. Расстояние минимум 3, а максимум 12 верст. Мы были на занятиях, которые проходят очень живо. При нас присутствовали почти все. Бойко решают все четыре действия арифметики. Сносно читают, исключая мариийцев, которым трудно дается грамота. Ликвидатор т. Эссаулова работает первый год. Опыта нет, но уже умеет держать класс в своих руках, несмотря на то, что возрастной состав ее слушателей выше, чем у Галицкой. Начала Эссаулова по посещению с таким количеством — 3, 4, 7, 12, 15, 20 и 26. Теперь этот состав не меняется. Занимаются в Цекеевской школе I ст. Впечатление отрадное. Вот вам две картины. 7 лет педагогического стажа и первый год, а работа далеко не одинакова. Почему это?

Тов. Эссаулова подала заявление в ячейку РЛКСМ о вступлении в члены. Условия [работы] одни и те же, даже в Кикнуре более благоприятствуют чем в Цекеево. Мы отвечаем — дело в работниках. Вопрос об организаторах самый серьезный вопрос для деревни...

Глава 3. БЫТ НАШЕЙ ДЕРЕВНИ

Когда мы думаем рассуждать о быте, да еще о быте крестьянина, то тут нужно быть очень снисходительным ко всем его проявлениям. Наш объезд четырнадцати деревень Кикнурской волости дал нам очень мало, чтобы писать страницы нового быта. Масса крестьянства все еще живет в «старине». Прежде всего это проявляется в семейной патриархальности. Значение главы семьи еще велико. Нам редко, правда, попадались большие семьи, — этого уже нет в деревне, — но по преемственности это значение главы семьи передалось и на маленькие семьи.

С хозяйственной стороны для семьи нужно признать это явление как положительное, если бы оно не принимало уродливые формы, которые вступают в грубое противоречие со всем нашим деревенским укладом.

Я уже не привожу примера в доказательство власти отца над сыном, желающим вступить в комсомол, доходящей до издевки: это явление повсеместное. Больше терпящими от произвола отца являются, конечно, девушки (дочери). Сказывается это на желании иметь мужем любимого человека, а не того, кого ей навязывает отец. В самом Кикнуре такая борьба между отцом и дочерью (дочь была тоже настоящей) кончилась тем, что дочь ушла из дому. Случаи ухода дочерей или увоза их женихами — явление теперь нередкое. Обычная же рядовая девушка мирится с этим. Проявляют себя более решительные натуры...

Дело заключается в преувеличении главой семьи своих прав к остальным членам. Например, в с. Цекеево младший холостой брат не вступает в комсомол, боясь угрозы старшего лишить его части имущества. Он знает, что общество, конечно, будет не на его стороне. Отсюда он смиряется, ибо в защиту ему пока закон не пришел (он его не знает). Те, кто мирится с этим, только внутренне страдают (девушки) и выражают эту боль или в грустной песне, или в частушке:

*Поживите вы, подружки,
У мово у тяти,
Попросилась на вечерку,
Послал на полати.*

(д. Коржавино)

Грустить девушке тут есть о чем. В этой же деревне Коржавино в беседе с крестьянкой выяснилось, что ее муж выдал замуж дочь за 12 верст, когда невеста совершенно жениха не знала.

Особенно нужно отметить рабское подчинение или вернее варварское отношение мужей к женам, которое целиком корнями связано с патриархальностью, экономически ставящей в силу старых законов женщину в подчинение мужчине. Передовые женщины знают уже, что этому положен конец, но таких мало. Остановившись в д. Коржавино у крестьянина, два наши члена Комиссии были свидетелями побоев мужем жены, зачем она пустила их в его дом. Женщина с плачем просила перейти, ибо она боялась, — «Вы уедете, а он меня убьет»... Недаром на наши призывы, чтобы на собрание являлись все члены семьи, мы только в некоторых деревнях добивались незначительного успеха. Такое же отношение, но много резче, проявляют мужья к привлечению женщин на Ликпункты...

Начинается подражание городским обычаям. Девушки стали к отцам больше требовательны. «Горе, — говорят отцы, — ничего не было, то и всем ладно, а теперь давай галоши, юбку покупай шерстяную, али суконное пальто справляй. Цены дорогие, да и где взять денег». Девушка, дочь бедняка об этом мечтать не может.

*Попросила я у тятеньки
Резиновых галош,
Он принес лаптей полсотни, —
Выбирай, какие хошь.*

Принадлежности дамского туалета городской женщины стали присущи крестьянкам. Даже цвета материи, которые запрашивает деревня, говорят о некотором городском вкусе. Теперь запрос на ровные цвета (не ярко-пестрые), кубовый, темно-коричневый, в полосу, матовый, черный.

Наряду с такими заимствованиями молодой деревни привычек города, еще остались обычаи вывозить на показ невест. По старому стилю в праздник крещения мы были свидетелями настоящего своза девушек со всего района в центр волости с. Кикнур. Пришли не на праздник, а найти жениха. По всей улице в два ряда стоят 200—400 невест, по середине ходят уже знакомые парочки или молодые парни. Сзади, точно маклеры черной биржи, снуют свахи. «Товар» тут же продают. Хлопают по рукам, и если дело кончается сговором, то жених уже может узнать прелести невесты, погуляв с ней или покатав ее на лошади, запряженной в сибирку (маленькие двухместные саночки, ярко окрашенные в какой-нибудь цвет). Картина достойная художника. Рядом идут сотни девушек и парней, смотрят других, показывают себя и без конца лущат семечки. После этого идет

торг. Выбор невест огромный, а желающих мало. Невесты-то загляденье, кровь с молоком, красные, ядреные, как говорят старики. Но факт тот, что на добрую половину или больше преобладали девушки. Причем нацменьшинства, мари, так же участвуют в этом празднике невест, имея свою несколько обособленную часть улицы.

Уезжая из Кикнура, мы с моим возницей обогнали девушек, дочерей безлошадных крестьян, уныло бредших домой. Такой ярмарке обычно предшествуют вечерки по деревням. Они устраиваются в декабре то в той, то в другой деревне, куда съезжается молодежь. В годы революции, говорят, это замирало, теперь же вновь начинает оживать. Это и понятно, для северного района, при таких разбросанных деревнях: как же покажешь себя, как увидишь других и найдешь мил-дружка, как не на вечерках.

Если в некоторой части деревня возвращается к старым обычаям, то взаимоотношения чисто соседские поражают своей замкнутостью. Мелкобуржуазная собственность, индивидуализм и т.д. — все это понятно. Но то, что раньше считалось соседским, теперь отсутствует. Попросить займы, дать, помочь просто по-соседски — этого уже нет. Замкнутость, голый расчет, а если помочь, то за лихву — вот как живет деревня. «Теперь никто не помогает, как раньше», — говорят бедняки. Деревня Тунимер, все староверы. Строгость и обрядность. Старики в центре. На собрание явились все с большими бородами. Это поразило нас. Нет молодежи, нет женщин, как в православных деревнях. Это понятно при господствующей в семейных отношениях патриархальности. Но стоило только покататься с их хозяйствами — картина крайнего индивидуализма на фоне общедеревенской сытости и зажиточности староверов (деревня года два назад горела). В деревне живет Вожегов Ефим Иванович, был на войне, в плену, теперь в батраках у богатого мужика на маслобойном заводе. Получает — в дни работ — 2 п. муки и 1 1/2 ф. масла (мука в цене 75 к.) за неделю. Семья Вожегова (жена прядет, и прядет не двигаясь с места, ибо у нее отекающие от простуды ноги, дочь 2 года, опухшая, бледная от водянки) прошлый год всю зиму жили в землянке — Ефим видно научился на фронте делать землянки. Осенью 1924 г. он топором нарубил 2 1/2 — 3 вершковых елок и что-то вроде птичьей конуры из этих сырых кольев сделал для своей семьи. Одна избушка, ничего больше. Ветер гуляет за дверью. Дрова то есть, изнутри ее греет глинобитная печь, а с улицы морозит. Сырые бревешки (бревна, срубленные топором и принесенные за две версты на плече Ефима) поросли и с них течет вода. Просидев 10-15 минут мы почувствовали, как начинает кружиться голова и сознание темнеет от чего-то давящего. Вожаки же деревни и один из них, считающий себя культурным человеком, даже сидевший в тюрьме в годы царизма за свой анархо-эсеровские убеждения, теперь заявляет: «Хорошо, что он в лесу (колья) нашем нарубил». Ефим не имеет земли, ибо жадность староверов настолько велика, что они хотят видеть умирающей семью Вожегова, но не дать ему. «Дитя не плачет, мать не разумеет. Мы ему отказали, он должен на нас в суд подать. Теперь каждый сам за себя...», — так рассуждали в этой деревне на последней нашей сходке. А Ефим... Он добрейший и душа-человек. Служил царю. Теперь готов служить. Он сми-

рен. Он готов на жертвы... «Немного ведь вот и нужно, а нет сил подняться. Лошадь нам бы. А то вот теперь все время на людей работаем, а у себя ничего нет». Ефим борется, он хочет подняться, но сил нет...

Такие картины присущи в той или другой форме каждой деревне. Одни, правда, бросают деревню, едут в Сибирь или ждут спроса на их рабочие руки со стороны города. Другие тут же в деревне эксплуатируются зажиточной частью крестьян. Некоторые, потеряв надежду, махнули на все рукой. Торгуют из года в год своей землишкой, не платят налога и являются предметом того, что зажиточные переносят на всю бедноту: «Лодыри. Им власть только потакает, давая им льготы или совсем слагая налог».

ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 129. Лл. 9—41, 45—47, 54—60.

ИЗ ОТЧЕТА ОБ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАБОТЫ ЭСТОНСКОЙ СЕКЦИИ СЕВЕРО-ДВИНСКОГО ГУБКОМА [РКП(б)] ЗА 1922 ГОД

22 января 1923 года
ст. Опарино

1. Прошлое Опаринского района 2. Весьма запутанные поземельные отношения в начале XX века создали особенно острый недостаток свободных земель в Прибалтийском краю. Эта причина была, безусловно, одной из самых важных в революции 1905 года. После неудавшейся попытки разрешить земельный кризис путем революции, широкие трудовые массы эстонского населения, в особенности безземельные крестьяне, вынуждены были покинуть Прибалтийский край и переселиться в свободные области Сибири, Кавказа и на Север России 3. Уже в конце 1907 года в Опаринском районе из Верровского уезда Лифляндской губернии появились первые переселенцы (семейство Пилля). Приехавшие сюда на ст. Опарино переселенцы стали расселяться в малопроезжимые леса по бассейнам рек Моломы и Лузы, стали приспособляться совершенно примитивными способами и обрабатывать землю. Свобода, простор лесов и обилие свободных земель было всем по душе, и, несмотря на невероятные трудности и страдания, они стали созывать своих родственников и знакомых. Прирост переселенцев ежегодно увеличивался до империалистической войны. К этому времени число эстонского населения в Опаринском районе доходило до 8—10 тыс. человек. Сюда небольшими партиями стали приезжать переселенцы и других национальностей — латыши, поляки. Но империалистическая война и ее разрушительные последствия, тяжелые климатические, природные и почвенные условия не дали еще возможности приехавшим сюда крестьянам подняться на ноги. С 1917 года масса переселенцев возвратилась обратно в Эстонию, а многие убыли в другие районы переселения. Эта убыль не прекращалась до последнего времени...

**Количественный состав эстонского населения по сведениям губстатбюро,
собранным в 1920 году по народной переписи**

Название местности	Эстонского населения					Русского населения					Латышского населения				
	число хозяйств	мужчин		женщин		число хозяйств	мужчин		женщин		число хозяйств	мужчин		женщин	
		грамотных	неграмотных	грамотных	неграмотных		грамотных	неграмотных	грамотных	неграмотных		грамотных	неграмотных	грамотных	неграмотных
Опаринская волость	643	886	299	893	347	469	462	451	221	685	58	62	20	66	21
Моломская волость	111	150	50	154	50	57	68	90	27	106	94	112	29	130	25
Переселенческая волость	161	194	91	162	127	144	133	252	35	353	3	7	2	5	3
Пермасская волость	40	54	24	73	22	988	896	1454	196	2579	3	2	5	1	3
Итого	955	1284	464	1282	546	1658	1553	2257	479	3723	158	183	56	202	52

Примечание. В число грамотных и неграмотных входят также дети и старики.

Безземельных хозяйств в Опаринской волости — 18, в Моломской — 1, в Переселенческой нет, в Пермасской — 16...

3. Хозяйственная деятельность местного населения составляет земледелие, скотоводство и работы по лесозаготовке. Некоторые крестьяне имеют свои пасеки, но пчеловодство, давая великолепные результаты, слабо развито. Рыбная ловля и охота на зверя носят случайный характер и промыслами не являются. В более отдаленных волостях от железной дороги, все внимание населения сосредоточено на земледелии, но в Опаринской волости и по району, прилегающему к железной дороге, ввиду упадка крестьянского хозяйства, наблюдается всемерное стремление к лесозаготовке. Применяются обычные сельскохозяйственные орудия, в большинстве случаев изготовляемые на месте. Скот мелкой русской породы. У переселенцев — овцы и свиньи английской породы. Усовершенствования сельскохозяйственных орудий, а также искусственного удобрения нигде не применяется. Коллективной хозяйственной жизни нет. Все переселенческие хозяйства разбросаны, имеют хуторские формы землепользования.

Мощность крестьянских хозяйств и условия хозяйственной деятельности характеризуются следующими цифрами:

Наименование волостей	Общее кол-во земли в дес.	Под пахотой	Под сенокосом	Число елоков	Круп. рогатый скот	Овец	Свиней	Молодняка
Опаринская	71416	1531	1432	4841	1305	1198	164	265
Моломская и Переселенческая	74136	1028	666	2475	814	714	96	210

Примечание. Сведения по данным 1922 г.

Особенностями хозяйственных условий являются:

а) хуторское хозяйство; б) преобладающая у переселенцев система многопольного хозяйства; в) малоземелье — пахоты и луговых земель, несмотря на обилие свободных земель и лесов; г) редкое население; д) сильная разбросанность населения; е) отсутствие дорог и связи между отдельными хозяйствами. Причины, тормозящие развитие хозяйственной жизни в 1922 году: 1) неосознанность и хозяйственная неграмотность широких масс; 2) слабая самостоятельность населения, отсутствие местной инициативы и коллективных форм борьбы с природою и спекулянтами, вообще отсутствие кооперативной мысли; 3) отсутствие местных средств, постоянного семенного, денежного и дровяного запаса; 4) отсутствие пособия и материальной помощи для беднейшего населения и недостаточная защита их жизненных; 5) причины, связанные с налогами, как, например, определение налогов не по платежеспособности; 6) незнание русского языка на 85-90 %; 7) невозможность развить при малоземелье систему многопольного хозяйства; 8) недостаток сельскохозяйственного инвентаря, хлеба, семян,

скота; 9) отсутствие искусственных туков; 10) незаконченность построек у переселенцев; 11) отсутствие более усовершенствованных приемов сельскохозяйственной техники, экономических, кооперативных и других элементарных познаний; 12) неудачная кампания под лозунгом «Сей в грязь — будешь князь!» вследствие обильных осадков; 13) борьба с вредителями (червем); 14) недостаток трезвых, честных, дисциплинированных государственных людей; 15) малая квалификация хозяйственных работников, материальная необеспеченность их, порождающая бюрократизм и взяточничество; 16) пьянство среди служащих, а также среди населения («самогонщики»); 17) плохие условия связи с высшими инстанциями и местами; 18) отсутствие учета материальных ценностей; 19) неустойчивость курса рубля; 20) отсутствие рынка и слабая развитость потребкооперации.

Все эти недостатки имеют общегосударственное и местное значение... В особенности тяжелым бременем была налоговая тяжесть для бюджета части населения...

В начале года мы видим крестьянина на заготовке дров для железной дороги. Порядок работ в большинстве случаев носит принудительный характер. Заработки не дают никакого реального дохода... Проводится налоговая кампания: опись и арест имущества неплательщиков. Чувствуется недовольство, разочарование. Некоторые крестьяне уезжают в Эстонию. На место убиавших прибывают из голодающих Вятской губернии новые семейства. С наступлением весны начинается всемерное стремление к земле, всяческое стремление к увеличению пахоты, к закреплению земли за собою. У многих не хватает семян. Посеву мешают частые дожди. Многие поля вследствие этого остаются пустыми. Летом появляются вредители (насекомые и червячки), уничтожая яровые, лен и горох, а озимую рожь во многих местах до 50-80 %. Вследствие обильных дождей картофель, посаженный на низменных местах, гниет и пропадает вовсе. К осени урожай совершенно ничтожный. Здесь проводится продналог и денежные налоги. За отсутствием денег, крестьяне, чтобы заплатить своевременно налоги, продают сельхозпродукты кому попало, но в большинстве случаев спекулянтам по заниженной цене... Никаких льгот по освобождению от налогов переселенцам не было предоставлено. Здесь ищут выхода на лесных разработках. Масса свободных участков и хуторов пустует... Настроение массы к концу года, несмотря на все недостатки, трудности и стихийные бедствия, к советской власти и партии остается вполне лояльным. Из опитовавших в эстонское подданство почти все подали заявления переоптации в гражданство РСФСР

4...

Задачи и перспективы: основной задачей является восстановление сельского хозяйства, устранение всех недостатков... Для этой цели необходимо в первую очередь создать условия лесной, сельскохозяйственной и кредитной кооперации. Эти условия могут быть осуществлены у нас в полосе горелого леса 5, в первую очередь, укреплением материального положения, созданием прожиточного минимума у местного крестьянина через лесную кооперацию... Далее открывается широкая перспектива для земледелия, скотоводства и сельскохозяйствен-

ной кооперации... Необходимо на 1923 год увеличить вдвое число курсантов-эстонцев из Северо-Двинской губернии. Необходимо провести кратко-срочные сельскохозяйственные курсы при участии одного или двух агрономов. Все это может быть проведено при энергичном участии губернских и центральных органов.

Секретарь эстонской секции: подпись неразборчива.

ГАСПИКО. Ф. 1920. Оп. 1. Д. 2. Лл. 567—575 об.

Подлинник. К публикации подготовила: Е.Н. Чудиновских.

1. В 1920-х годах при ЦК Российской Коммунистической партии (большевиков) РКП(б) и на местах при губернских комитетах действовали эстонские секции (а также латышские, еврейские и др. национальные секции).

2. Ст. Опарино в начале века относилась к Вологодской губернии, затем — к Северо-Двинской губернии, Северному краю, Вологодской области; с 1941 г. — это Опаринский район Кировской области.

3. Территория Эстонии в начале XX века входила в состав Российской Империи. Очень многие безземельные крестьяне из Прибалтики в ходе проведения Столыпинской реформы переселились тогда в свободные области Кавказа, Сибири и на Север России. Всего к 1914 году из Эстонии выехали в другие губернии России и за границу около 200 тысяч человек.

4. Оптация — выбор гражданства.

5. После пожара 1920 года в Опаринском районе на всем протяжении по бассейнам рек Лузы и Моломы простиралась огромная территория горелого леса.

ИЗ ГАЗЕТЫ «ЮНЫЙ ПАХАРЬ» (1926—1928 гг.)

Комсомольцы деревни Ходыри Богородской волости ведут упорную борьбу за новую жизнь. В каждый праздник они устраивают спектакли, а также вечера вопросов и ответов. В своей деревне организовали девятиполье, приобрели необходимые сельскохозяйственные машины. В деревне ведет постоянную работу сельхозкружок. Крестьяне такими комсомольцами довольны.

* * *

Знаменская ячейка комсомола Яранского уезда устраивает выходы в деревню с открытыми собраниями. Например, в апреле они делали выход в деревню Б. Груздовик с докладом «О крестьянской кооперации». Было много молодежи и взрослых крестьян, доклад слушали очень внимательно.

* * *

Молодые зачинщики

В деревне Товольдыре Уржумского уезда организовалось машинное товарищество. В товариществе много молодежи. Товарищество развешивает свою деятельность: купили сеялку, отсортировали семена.

* * *

Всю зиму работал спортивный кружок в деревне Лагуново Яранского уезда. При кружке были две футбольные команды и баскетбольная. Думаем большую работу развернуть летом. Кружок поставил спектакль и на вырученные деньги купил спортивные снаряды.

7 марта 1926 г.

Первые тракторы

Недавно в нашу губернию прибыло 10 тракторов, выписанных Вятским кредитсельсоюзом. Прибывшие трактора немедленно отослааны на места.

Теперь в нашей губернии будет работать уже 13 тракторов, из них 5 в Слободском уезде, по два в Яранском, Нолинском и Вятском уездах, по одному в Уржумском и Малмыжском уездах.

Для подготовки руководителей тракторов в кустселькредитсоюзах были проведены курсы, которые окончили 30 человек.

16 мая 1926 г.

Живая газета

По примеру городских коллективов живой газеты «Синяя блуза», в вятской деревне комсомольцы стали создавать коллективы живой газеты «Красная рубашка». Такие живые газеты успешно выступают в селе Уни Нолинского уезда, селе Шурма Уржумского уезда, селе Фаленки Слободского уезда.

5 апреля 1927 г.

Покончим с неграмотностью

С 1-го сентября 1928 года губернский комсомол объявил поход за полную ликвидацию неграмотности. Лозунг похода:

«Каждый грамотный комсомолец — обучи неграмотного!»

Более 1000 комсомольцев выделено на постоянную работу на пунктах ликбеза. В губернии в 1928 году еще было 216 тыс. неграмотных.

28 августа 1928 г.

ИЗ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ» (1935—1940 гг.)

Делегат съезда колхозников-ударников

Только начинает светать, а Гриша уже на ногах, его бригада с рассветом выезжала в поле. Крепко нажимал Ивонин на сев, присматривал за конями, с колхозниками обращается вежливо, каждый день с ними беседует, сам лично читает на поле газеты.

Ивонин наладил учет трудовой, поднялась дисциплина. А главное на личном примере показал колхозникам, как надо добросовестно относиться к труду. Развернул соревнование. Никто не верил, что этот юнец 19 лет вытянет разваленную бригаду из прорыва.

Посевную бригадир закончил за 6 дней. Дружно он работал с колхозниками, душой болел за дело. Уборочную Григорий провел так же хорошо, как и сев. В результате колхозники получили на трудодень по 6 килограммов зерна.

За успешное руководство колхозной бригадой Ивонина премировали велосипедом и выдвинули делегатом на съезд колхозников.

— Сейчас я переведен на прорыв в другую бригаду. Приложу все усилия, но в грязь лицом не упаду. И на этот раз моя бригада будет лучшей, — говорит Григорий Ивонин. — На втором съезде колхозников-ударников я расскажу делегатам о том, как наш колхоз стал лучшим в районе.

Лучший конюх Роман Еговкин до колхоза был бедняком, никогда не хватало у него хлеба до нового урожая. В 1934 году он получил 35 центнеров зерна.

С. Зубарев, колхоз «Прогресс» (Зуев. р-н)
10 февраля 1935 г.

Катя — лучшая трактористка

Комсомолка Катя Корепанова с первым набором в 1932 году поступила на курсы трактористов при Вожгальской МТС; окончила их на «хорошо». С весеннего сева 1933 года она работает на Бельтюговском участке. Установленные нормы перевыполняет. За 8-часовой рабочий день вспахивает 5 га, вместо нормы 4,5 га. Качество работы всегда хорошее. Ее трактор ни разу не имел аварии и за весенний сев был награжден Красным вымпелом имени политотдела.

В 1934 году Катя сэкономила 112 кг горючего, выработала 326 трудодней, за которые получила 10,7 центнера зерна и 815 рублей.

Честный труд, усердная работа сделали Катю Корепанову знатной комсомолкой района. Она — лучшая трактористка в МТС.

18 марта 1935 г.

Первый орденосец

Комсомолец тракторист из Вятскополянской МТС Иван Николаевич Бабушкин за стахановскую работу награжден орденом «Знак Почета». Он за лето 1935 года на тракторе «ХТЗ» вспахал 1020 гектаров, сэкономил горючего 419 кг. Бабушкин немного отстал от известной по стране трактористки Паши Ангелиной, выработавшей 1225 гектаров.

Орденосец Иван Бабушкин дал обязательство в 1936 г. давать выработку на своем тракторе до 1400 гектаров.

12 января 1936 г.

Стопудовый урожай

В комсомольской организации области, в связи с подготовкой к весеннему севу, развернулось движение за получение с каждого гектара посева 100-пудового урожая.

Комсомольцы взяли под контроль ремонт тракторов и сельхозмашин, подготовку семян, заготовку и вывозку удобрений. Организуется во всех бригадах и звеньях агроучеба, изучается опыт стахановцев.

30 января 1940 г. Юность моя: Сб. Киров, 1968.
С. 124, 125—127, 129—130.

ЛЕОНИД АНК

(Л.В. Дьяконов)

ДВА ПИСЬМА

I

Расскажу, сынок, о жизни нашей,
главное, как крепнет наш колхоз.
На просторах обновленных пашен
рожь какая! — в человеческий рост.

И стоит заснувшая в поклоне,
колос свой поставив под лучи.
Мы хотели первое в районе
по работе место получить.

Сев весенний кончили успешно.
Был у нас великим делом — труд.
Никакие казусы, конечно,
достижений наших не сотрут.

Сытые, накормленные кони.
Недостатка не было в овсе.
Думали коммуну перегоним
мы в борьбе за большевистский сев.

Точно рассчитали все и верно,
каждый шаг, кто должен где ступить.
Верх взяла коммуна «Коминтерна»,
Нам второе место уступив.

Все у нас подвергнуто учету.
Не гляди, что я годами стар:
трудодней за честную работу
уж теперь имею больше ста.

Как ударник был командирован
делегатом на колхозный съезд.
Вася, знай, что нынче премирован
как один из лучших твой отец.

Сил моих потребовалось вдвое,
ты мне верь, родному старику.
Бьется сердце ровно молодое,
хлеб колхозный видя на току.

Знали мы, работали не даром,
ждет колхоз хороший урожай.
Охранять же хлебные амбары
поручаем лучшим сторожам.

Скоро новый наш амбар украсит
молодое спелое зерно.
Да, в борьбе за жизнь иную, Вася,
мы идем с тобою заодно.

Ты учись! Тебе дано ведь право.
Сила в наших собственных руках!..
Ну прости, что писано коряво,
Не учили раньше старика.

II

Не забыть, ведь нынешней весны нам
не за что тебя мне порицать.
Ты, отец, вполне достоин сына —
рядового красного бойца.

Знаю, рожь не отстает от роста.
Ты гляди — уборка на носу.
Будешь спать, так всякие прохвосты
половину хлеба унесут.

Помнишь? Это было в прошлом годе
(да рассказывать бы вам не мне),
Как в такую ж жаркую погоду
кулаки, заядлые от роду,
хлеб чуть не спалили на гумне.

Пишешь ты: — Полям моим широким
не мешает ни одна межа.
Я добавлю, — как зеницу ока,
береги колхозный урожай.

Думаю, вы справитесь с задачей,
что на вас возложила страна —
самой первой сделаете сдачу
государству спелого зарна...

Я учусь. Плохого нет за мною.
Как стрелок, беру любую цель!
Выполняя долг перед страной,
Помню в то же время об отце.

Июль 1933 г.

Т.П. КОКУРИН

ИЗ ИСТОРИИ ВЯТСКОЙ СЕЛЕКЦИИ

Вятский крестьянин всегда отличался сметкой и трудолюбием. Суровые условия постоянно заставляли его пытливый ум не ждать милостей от природы, а противопоставлять ей свое умение и опыт в борьбе за существование. Губерния одной из первых в России (1890 г.) стала вводить в севооборот клевер, ее представители участвовали во многих российских, губернских сельхозвыставках, регулярно проходили уездные выставки. Вятское масло, лен, семена клевера были широко известны в центральных районах России и вывозились за границу.

В 1872 г. в г. Вятке открыто училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей, которому было передано 30 десятин земли, фермы крупного рогатого скота, свиней и конеферма. Здесь занималось до 100 учащихся. Возглавлял училище кандидат сельского хозяйства П.А. Герман.

В 1891 г. прошел I губернский агрономический съезд, обсудивший вопросы улучшения состояния крестьянских хозяйств. На нем было принято решение об устройстве доказательных (опытных) полей, с целью использования в них семян улучшенных сортов, ознакомления с более совершенными обработками почвы и пахотными орудиями, приготовлением и применением разных удобрительных средств. Первое такое опытное поле было организовано в д. Белоусовой (Яран. уезд).

Вятское земство в нескольких уездах входило в соглашение с крестьянскими хозяйствами, которые получали от него денежную помощь (по 10-15 руб. в год), семена, пахотные орудия и др., обязывались следовать указаниям губернских агрономов, как вести хозяйство.

Активность Вятского земства была отмечена. За сельскохозяйственные мероприятия оно было награждено Золотой медалью Московской сельскохозяйственной выставки и Золотой медалью Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. В октябре 1889 г. Губернская управа получила извещение о том, что Министр финансов изъявил желание выделять ежегодно земству денежное пособие в сумме 5,5 тыс. рублей (по 500 руб. на 11 уездов) на устройство и ведение сельскохозяйственных опытных работ.

Земская управа на специальном заседании рассмотрела предложения об использовании выделенных средств. В результате обсуждения было решено опытные поля в уездах организовать за счет земства, а за счет ассигнований министерства со-

здавать более крупные опытные учреждения — земские фермы. Одновременно были утверждены задачи опытных полей и ферм: обучение крестьян технологии земледелия, рациональному использованию удобрений, сельскохозяйственных орудий, испытание и размножение улучшенных сортов зерновых, овощных и кормовых культур, картофеля, травосеянию, ведению севооборотов и др. агротехническим приемам, технологии ведения, содержания и кормления скота.

В последующие годы в губернии было создано несколько таких ферм. В декабре 1891 г. была открыта Верхосунская ферма в д. Филейка (Лушница) Глазовского уезда (ныне Фален. р-н). Заведующими фермой работали кандидаты сельского хозяйства сначала В.Ф. Баудер, затем Э.А. Дидрихиль. В этом же году в с. Окунево Уржумского уезда (ныне Лебяж. р-н) организуется Окуневская ферма, заведующим которой назначается ученый агроном I разряда Г.Н. Мещеряков. В 1893 г. в западной части г. Вятки создается Вятская ферма, которую возглавил кандидат сельского хозяйства С.Н. Косарев.

Для организации ферм выделены земли, построены жилые дома, животноводческие помещения, мастерские, общежития, хранилища и другие хозяйственные и бытовые объекты. На этих опытных фермах осваивались севообороты, испытывались сорта сельскохозяйственных культур, породы животных, демонстрировались основы агротехники и кормления скота, некоторые орудия: железные бороны, различные виды сеялок.

Наряду с демонстрационными опытными полями фермы имели семенные рассадники для выращивания сортовых семян, высеваемых в губернии культур. Здесь впервые на квалифицированной основе занимались вопросами совершенствования сортов и агротехникой их возделывания, травосеянием, использованием удобрений и укреплением кормовой базы.

На фермах обучались крестьянские мальчики в возрасте от 13 до 18 лет, учение было трехгодичным, бесплатным. Ученики жалования не получали, а были обеспечены питанием. Учитывая положительный опыт работы этих трех губернских ферм Вятское земство за счет своих средств организовало еще несколько подобных сельскохозяйственных учреждений в Орловском, Уржумском, Нолинском и в ряде других уездов. Уездные фермы возглавляли специалисты с высшим сельскохозяйственным образованием.

Деятельность губернских и уездных ферм показала, что для дальнейшего развития сельхозпроизводства требуется более детальное и квалифицированное его изучение, базирующееся на научно-методической основе. Для этого необходимо создание сети научных учреждений. Поэтому, когда на III губернс-

ком агрономическом съезде (1893 г.) С.Н. Косарев внес предложение об организации опытной станции в г. Вятке, губернское земство его активно поддержало и обратилось к Министру земледелия и государственных имуществ с просьбой выделить для этих целей необходимую сумму средств. Министр удовлетворил просьбу Вятского земства и разрешил открыть кредит на содержание станции в сумме 2916 рублей.

Губернская управа сразу же приступила к организации станции, заведующим был приглашен С.Н. Косарев, который обладал исключительной энергией и организаторскими способностями. Вятская земская сельскохозяйственная станция образована 30 августа 1895 года.

Сотрудники станции активно взялись за изучение и улучшение местных сортов культивируемых в губернии культур. В этих условиях начался сбор коллекции этих растений. Особое внимание было обращено на улучшение озимой ржи. В отчете станции за 1902 г. созданная популяция этой культуры впервые была названа — Вятка. Она отличалась от других сортов высокой, по тому времени, урожайностью, крупностью зерна, мощностью колоса и зимостойкостью. Впоследствии сорт озимой ржи Вятка был признан лучшим в России.

Наряду с селекционной работой на станции изучалось действие различных удобрений на урожайность сельскохозяйственных культур, расширились опыты по поверхностному улучшению лугов и травосеянию, различных приемов агротехники возделывания зерновых и кормовых культур. С 1907 по 1912 г. станцию возглавлял М.А. Дернов, а с 1913 г. руководителем станции стал помощник земского агронома, впоследствии академик ВАСХНИЛ, Н.В. Рудницкий.

Станции не суждено было находиться на одном месте. В 1916/1917 гг. она была переведена в п. Соколовка (Зуев. р-н), в 1922 — п. Подоплеки (Фален. р-н). В 1937 г. на ее базе создана Фаленская государственная селекционная станция.

На территории губернии, а затем области, кроме Вятской сельскохозяйственной опытной станции, были организованы: Зональная станция по свиноводству (1930), Вятская селекционная по овощным и ягодным культурам (1933), Котельничская колхозная сельскохозяйственная опытная станция (1936), Кировская областная опытная станция животноводства и кормопроизводства (1961), Кировская лугоболотная опытная станция (1918).

В 1948 г. создан Научно-исследовательский институт сельского хозяйства земледелия Северо-Востока Европейской части СССР, ведущий свое начало с Вятской земской сельскохозяйственной опытной станции. О Зональном научно-исследователь-

ском институте сельского хозяйства Северо-Востока имени Н.В. Рудницкого — одном из старейших сельскохозяйственных учреждений России, и сельскохозяйственной науке в области в конце XX в. см.: ЭЗВ. Т. 9. С. 158—172.

Все эти научные учреждения принимали активное участие в испытании, совершенствовании и создании новых сортов сельскохозяйственных культур для условий северо-востока России.

Наряду с расширением объемов селекционных работ в научных учреждениях области совершенствовались методы выведения новых сортов. В первоначальные годы зарождения методических основ в селекционном процессе успешно применялся массовый, а затем индивидуальный отбор из местных популяций, что привело к созданию распространенных пластичных сортов озимой ржи Вятка, ячменя Винер, ряда сортов овса, пелюшки, клевера. В конце 1920 — начале 1930 гг. стал использоваться метод внутривидовой и межвидовой гибридизации, являющийся основным в создании всех селективируемых культур.

В последние годы в селекционной практике применяется метод сельскохозяйственной биотехнологии. Начаты исследования по разработке иммунологических и генетических основ создания исходного материала, устойчивого к болезням озимой ржи, ячменя, овса, клевера (совместно с ВНИИФ). Разработаны и используются в селекционном процессе методики ускоренной оценки на прорастаемость зерна в колосе озимой ржи, оценки селекционного материала на устойчивость к полосатой пятнистости в условиях теплиц и другие.

За 110 лет селекционеры Вятского края вывели более 85 сортов различных сельскохозяйственных культур, из которых 48 включены в Государственный реестр селекционных достижений. В настоящий период на полях России возделывается 46 сортов селекции института и Фаленской селекционной станции, площадь под которыми в последние годы достигла более 3-х млн. га. Государственное испытание проходят 20 сортов сельскохозяйственных культур.

В процессе развития селекционных работ возникла необходимость координации деятельности ученых в направлении создания сортов с определенными признаками и особенностями. Приказом Министерства сельского хозяйства СССР от 18 декабря 1969 года был утвержден Северо-Восточный селекционный центр по зерновым культурам. Зоной деятельности его определен Волго-Вятский экономический район, а впоследствии Северо-Восточный регион Европейской части России.

В 1970—1980 гг. была создана основная материально-техническая база селекции. Построено 5 арочных складов, послеуборочный комплекс с 7 поточными линиями по очистке, сушке

и сортированию семян, помещения для обмолота снопового материала, картофелехранилище, ангар для хранения малогабаритной техники и др. С 1982 г. начал функционировать селекционный комплекс с теплицами площадью 1500 кв. м, вегетационным домиком, залом климатических камер. Были построены: гараж, 5 жилых домов, общежитие, детский сад, квартальная котельная.

Селекционный центр ЗНИИСХ Северо-Востока ведет селекцию и первичное семеноводство по 17 культурам и 63 сортам. Осуществляет большую работу по координации и объединению усилий селекционеров в зоне его деятельности, а также по укреплению научных связей с головными институтами России и зарубежных стран. В его составе 4 отдела, 16 лабораторий, где трудятся 170 человек, в т.ч. 90 научных работников.

Более подробно вопросы селекции сельскохозяйственных культур Кировской области см. в кн.: Сельскохозяйственная наука Северо-Востока Европейской части России: В 3 т. Т. 1. Киров, 1995. 213 с.: табл.

И.Н. БАЛАБАНОВ

БОГОРОДСКАЯ ЛЬНОДЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

Льноводство играло видную роль в крестьянском хозяйстве Вятской губернии. Лен одевал, кормил, лечил. К началу XX столетия он занимал около 5 % посевных площадей. Но обработка льна была на очень низком уровне, отчего русский лен сильно проигрывал по качеству на международных рынках. Так, бельгийский лен среднего качества шел на международных ярмарках по 10—12 руб., а российское волокно по 4—6 руб. за пуд. Учитывая эти факты, Министерство земледелия основало в России четыре льнодельные станции, целью которых было обучение крестьян усовершенствованным способам льноводства. В 1896 г. было предложено Вятскому губернскому земству устроить подобную льнообделочную станцию в одном из уездов губернии. Станция должна была решить задачи:

Стать специальным промышленным училищем для практикантов. Знакомить с улучшенной техникой обработки льна, со всеми инструментами, применяемыми при обработке в Западной Европе и, вместе с тем, способствовать развитию кустарного производства этих инструментов и машин.

Стать пунктом, где крестьяне могли получить лучшие семена, для чего при ней устраивалось семенное хозяйство. На

станции должно было производиться сортирование крестьянских семян с очисткой на триерах...

При станции планировалось строительство метеорологической станции второго разряда... За счет Министерства земледелия должны быть построены: мочила, ящики, водопровод; мяльно-трепальное заведение, которое снабжается оборудованием.; фабричное заведение, которое снабжается паровым двигателем; сарай для складывания обделанной и необделанной тресты. Вятское земство должно было устроить: жилое помещение из 2-х половин (одна предназначалась для заведующего, другая для приезжающих, практикантов); сборную избу для сдельных рабочих и поденщиков...

На станции должны были обучаться практиканты в количестве до 15 чел., из которых 2/3 планировалось содержать за счет земства и 1/3 за счет Министерства. Практиканты по окончании обучения должны были получить соответствующие удостоверения. В условиях обучения оговаривалось, что те практиканты, которые выдержат экзамен и пробудут при мочке и трепании льна, по крайней мере, две полных смены, получают свидетельство на звание мастера-льновода.

Министерство земледелия намеревалось заключить с земством контракт на 12 лет, по истечении которых все постройки становились собственностью земства, а паровик и инвентарь переносились на другую станцию. На подобных условиях уже были открыты две станции в Псковской и Костромской губерниях и предполагалось открытие еще одной в Вятской или Московской губернии. В заявлении Министерства говорилось, что если Вятское губернское земское собрание «согласится на расходы, с которыми сопряжено устройство станции, то много шансов на то, что в 1897 году станция будет устроена в Вятской губернии».

Размер безвозвратных расходов земства определялся приблизительно в 3000 руб., оборотные средства в сумме 4500 руб., не считая содержания стипендиатов.

Вопрос об устройстве льнообделочной станции в одном из уездов был вынесен на Вятское губернское агрономическое собрание 1896 г. При рассмотрении вопросов о льноводстве агрономический съезд признал необходимым продолжать дело улучшения льноводства, согласившись с предложением Министерства земледелия. Раскладочная комиссия, рассмотрев и внимательно обсудив доклад по льноводству, согласилась с суммами на льноразведение, прибавив к кредитам на льнообделочную станцию, указанным в докладе, 1000 руб. на содержание десяти стипендиатов.

Вопрос о выборе места и строительстве станции решался четыре года с 1897 по 1901. Ежегодно раскладочная комиссия

выделяла и списывала 3000 руб., неизрасходованные на нужды строительства льнодельной станции. На предложение губернского земства о строительстве станции одним из первых отозвалось Нолинское земство. Нолинский уезд был одним из первых крупных в Вятской губернии по выращиванию льна. Поэтому в уезде целесообразно было иметь льнодельную станцию, демонстрирующую передовые способы обработки льна. Окончательно вопрос об открытии льнодельной станции решился лишь в 1901 г. Задержка состояла в переводе в казну участка под станцию. Перевод состоялся 30 июня 1900 г.

Место под строительство было выбрано не случайно — в пойме реки Белая Лебедь, на площади чуть более 3 га. С трех сторон место окружено водой, т.к. расположено в меандре (изгибе) реки. Кроме того, учитывалось, вероятно, положение относительно населенных пунктов и дорог. Выбранное место было всего в 3-х верстах от Нолинско-Глазовского коммерческого тракта (восточное разветвление Казанского губернского тракта), в 9-ти верстах от с. Богородское, известного в Нолинском уезде своими ярмарками и базарами, в 2-х верстах от с. Хороши. Напротив на высоком правом берегу, в полверсте от места, стоит починок Ковалевский (позднее д. Пустограи), связанный сетью полевых дорог с соседними деревнями и починками.

Вятское губернское собрание на очередной XXXV сессии (1901), рассмотрев доклад губернской управы по устройству льнообделочной станции, решило выделить средства по смете на постройку двухэтажного главного дома 5486 руб. 27 коп., на сборную избу — 1237 руб. 45 коп., на конюшню, каретник, коровник — 803 руб. 07 коп., на навесы, забор вокруг усадебного места — 194 руб. 71 коп. Всего 7721 руб. 51 коп.

Строительство перечисленных зданий было осуществлено в 1901 г. В 1902—1903 гг. при станции была построена сушилка, на которую земством в 1902 г. было ассигновано 200 руб., а в 1903 г. добавлено еще 50 руб. Размеры сушилки были 12 х 6 м. Это пространство разделяла капитальная стена на два равных отделения. Под одним отделением были выведены стены в два кирпича, оно предназначалось для сушки льна: снизу от печки шло тепло, пронизывающее снопы, помещенные на колосниках в деревянном струбе. Вторая половина предназначалась для мытья и трепания льна машинами. Строительством сушилки было закончено устройство льнодельной станции. Все здания были застрахованы губернской управой.

Дальнейшая деятельность льнодельной станции прослеживается по отчетам Вятской губернской и Нолинской уездной земских управ за 1904—1916 гг. При станции губернским земством содержался инструктор-льновод Богатырев, обязанности

которого заключались в демонстрации механической обработки льняного волокна на базарах и ярмарках губернии, а также на практических курсах льнообработки, которые устраивались ежегодно при льнодельной станции.

Мочка льна осуществлялась в основном по бельгийскому способу, в пруду мельницы, принадлежавшей крестьянам соседних со станцией д. Пустограи и Малые Коряки, за что они получали ежегодную плату от земства. Лен загружали в особые баллоны, которые опускали и доставали из пруда при помощи рычагов, мочили лен и в так называемых плотинах-жердях.

Кроме ознакомления с различными способами мочки льна, на станции проводились показ льнообрабатывающих машин в действии, продажа усовершенствованных орудий и улучшенных сортов льняного семени по сниженной цене против заготовительной. На курсах по льнообработке ежегодно обучались от 10 до 15 стипендиатов от уездных земств, иногда приезжали желающие и из других губерний.

До какого года существовала станция, установить не удалось (журналы Вятского губернского собрания за 1917-1918 гг. не были изданы). Вероятно, станция существовала до упразднения земств в 1918 г. В первые послереволюционные годы молодой республике было, скорее всего, не до демонстрации улучшенных способов обработки льна. Станция, как учебное заведение, прекратила своё существование, но здания разрушены не были. В дальнейшем они были использованы для нужд социального хозяйства.

Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт:
Материалы науч. конф. Киров, 2002. С. 66—68.

Т.П. КОКУРИН

ВЯТСКИЕ ПОРОДЫ СКОТА

Впервые научный интерес к состоянию животноводства в Вятской губернии нашел отражение в материалах экспедиционного обследования крестьянских хозяйств, проведенного в 1883 г. под руководством академика А.Ф. Миддендорфа. В отчете его экспедиции дан обзор численности домашнего скота, породности, продуктивности, рекомендации по использованию. В 1885 г. по инициативе Вятского губернского земства в с. Источенское построена первая учебно-показательная маслодельня. С 1912 г. здесь стали ежегодно проходить выставки скота, его показательное кормление, открылись курсы животноводов, крестьянам продавали племенной молодняк.

Затем стали организовываться сельскохозяйственные опытные фермы и станции, где уже на научной основе проводилась оценка существующих в губернии пород скота, делались попытки их совершенствования.

За прошедший период плодотворная работа ученых-животноводов Вятского края на основе тщательного селекционного отбора и скрещивания местных популяций позволила создать новые породы скота: крупного рогатого — «истобенская» (утверждена в 1943), свиней — «уржумская» (1957), овец — Вятская тонкорунная (1956) и опаринская породная группа (1972), лошадей «Вятская», а также «Кировская породная группа пухо-вых кроликов» (1952).

Истобенская порода крупного рогатого скота

Еще в 1883 г. экспедиция А.Ф. Миддендорфа отметила, что в Орловском, Слободском и Глазовском уездах Вятской губернии встречается рослый, белохребетный, с черной головой и белыми ногами скот, отличающийся высокими хозяйственными качествами. С созданием сельскохозяйственных опытных ферм, станций, племенных рассадников, стала проводиться оценка пород, отбор наиболее ценных животных. Открытый в 1914 г. Истобенский контрольный союз начал учитывать продуктивность коров — удой и жирность молока.

В 1926 г. на его базе создается Истобенский кооперативный рассадник молочного скота. В этом же году он получает первую премию на всесоюзном конкурсе молочных артелей. В 1935 г. Истобенский рассадник преобразуется в Оричевский государственный племенной рассадник, где была заведена первая госплемкнига, составлен план отбора и скрещивания скота, проводился индивидуальный и массовый раздой коров.

В 1940 г. в Москве на ВСХВ были представлены: корова Белуга с удоем 8127 кг молока, жирностью 4,08 %, Дочка II с удоем 5551 кг молока, с жирностью 4,17 % и Дымка с удоем 5048 кг, жирностью 4,2 %. Так было подготовлено признание истобенской породы скота — самостоятельной отечественной породы. Она была утверждена приказом Наркомзема РСФСР от 9 февраля 1943 года.

У истоков породы стояли ученые Н.Л. Иволгина, В.Б. Веселовский, Г.С. Лаптев, А.Б. Ружевский, З.Н. Першина и другие. На протяжении многих лет ученые и специалисты сельского хозяйства области ведут большую работу по совершенствованию и поддержке истобенской породы в «чистоте». Однако в связи с широким распространением черно-пестрой породы и массовой голштинизацией скота «истобенка» теряет свои позиции и численность ее стада в области сокращается.

Уржумская порода свиней

Изучение и совершенствование существующих пород свиней в Вятской губернии началось еще на земских сельскохозяйственных опытных станциях. Специалисты-животноводы проводили анализ продуктивности, имеющихся пород, делали попытки их усовершенствования путем скрещивания, отбора лучшего молодняка для закрепления полезных качеств. Разрабатывали специальные рационы для свиней разных возрастов.

Более планомерная работа по изучению возможностей повышения продуктивности маточного поголовья свиней и методов откорма началась с 1930 г., с периода организации Зональной станции свиноводства в п. Соколовка (Зуев. р-н). К тому времени стали создаваться первые колхозные свинофермы, что потребовало в свою очередь, подбора более продуктивных пород, разработки технологии группового содержания свиней.

В результате сравнительного анализа продуктивности пород, распространенных в Вятском крае, особое внимание селекционеров привлекли разводимые в Уржумском районе крупные, длинноухие свиньи, отличающиеся быстрым развитием, высокой продуктивностью и неприхотливостью к кормам.

Высокую оценку получили уржумские свиньи при показе их на ВСХВ в 1940—1941 гг. Среди представленных на выставке животных свиноматка Рада имела живой вес 350 кг, длину туловища 190 см и среднюю плодовитость 14 поросят за опорос. В 1942 г. Министерство сельского хозяйства СССР принимает решение об организации плановой племенной работы по выведению новой отечественной породы свиней — уржумской, под руководством и непосредственным участием ученого ВИЖа, кандидата сельскохозяйственных наук Д.И. Грудева. В результате труда коллектива ученых областной сельскохозяйственной опытной станции (ж.д. ст. Просница) и НИИСХ Северо-Востока С.А. Ярмоленко, Н.М. Небольсина, Н.Н. Небольсина, М.Н. Лапшина, Ф.А. Афанасьевой, специалистов Уржумского госплемрассадника, зоотехников-селекционеров Н.В. Черемных, М.Т. Полякова, С.Н. Юдина, Н.К. Лалюновой и других на колхозных племенных фермах были созданы стада уржумских свиней с высокой продуктивностью и определенным типом сложения. В 1952 г. Государственная комиссия обследовала состояние племенного стада уржумских свиней в области. На основании материалов этой комиссии в январе 1957 г. коллегия МСХ СССР утвердила новую отечественную уржумскую породу свиней с целью распространения ее в Северо-Восточных районах страны.

Работа по поддержанию уржумской породы свиней в чистоте и по дальнейшему совершенствованию ее породных качеств, продолжается и в настоящее время. Порода широко распространена в соседних областях и республиках.

Вятская тонкорунная порода овец

По данным статистики крестьяне Вятской губернии в 1916 г. содержали 1723 тыс. голов овец. Овцы были в основном овчинно-шубного направления: так называемые «северные короткохвостые».

Несмотря на низкую продуктивность (живой вес 1 головы 24—32 кг, настриг шерсти 1,2—1,4 кг), они в какой-то степени удовлетворяли требованиям крестьян. В суровых условиях Северного края обходиться без теплой шубы и валенок было просто не возможно. К 1925 г. численность овец в губернии выросла до 1979 тыс. голов.

Но в связи с коллективизацией, укрупнением колхозов, животноводческих ферм, а также с повышением спроса промышленных предприятий на шерсть более высокого качества, в начале 30-х гг. встал вопрос о замене грубошерстных местных пород тонкорунными и полутонкорунными овцами. В область стали завозить цигейскую, асканийскую, прекос и другие породы овец.

В 1936 г. в области организован Нолинский государственный племенной рассадник овец, а в 1945 г. Опаринский госплемирассадник. В колхозы зоны деятельности Нолинского ГПР завозились бараны и матки тонкорунных пород, а в зону деятельности Опаринского ГПР — бараны английских мясных пород. Кировское госживплемобъединение стало ежегодно заготавливать и реализовывать внутри области от 2500 до 4000 ярок и от 300 до 400 племенных баранчиков.

В результате успешно проведенной селекционной работы по скрещиванию и отбору высокопродуктивных овец в Нолинском ГНР под руководством заслуженного зоотехника РСФСР И.Н. Панагушина средние показатели на племенных фермах значительно улучшились. Живой вес овцематок по племяду составил 55—60 кг, баранов-производителей 80—100 кг, а баранов в возрасте 1 года 50—55 кг. Годовой настриг шерсти у овцематок был 3,9—5,2 кг, у баранов 7—8 кг при выходе чистой шерсти 48—54 %.

Достигнутые результаты в повышении продуктивности овец в племенных фермах зоны деятельности Нолинского ГПР позволили беспрепятственно оформить документы на представление в Министерство сельского хозяйства РСФСР предложения об утверждении новой отечественной породы. Министер-

ство поддержало предложение области и в октябре 1956 г. Вятская тонкорунная порода овец была утверждена.

Опаринский госплемрассадник представил результаты своей работы по селекции мясо-шерстных овец в 1971 г. В следующем 1972 г. по представлению областных организаций опаринская породная группа овец была утверждена.

Но в дальнейшем судьба овцеводства в области трагична. В связи со специализацией колхозов и совхозов в 1965—1980 гг. на производстве говядины, молока и свинины ряд районов были освобождены от овцеводства, в результате численность хозяйств разводящих овец значительно сократилась. В 1965 г. овец в области осталось 331,2 тыс. голов, в т.ч. в общественном секторе 135,7 тыс. голов.

В 1967 г. в области был создан Кировский мясо-овцеводческий трест в составе 36 совхозов. Через несколько лет в хозяйствах треста численность овец возросла в 3,5 раза. Была проведена большая работа по строительству овцекомплексов и укреплению материально-технической базы отрасли, комплектованию стада племенными животными, улучшению кормовой базы, подготовке кадров специалистов-овцеводов. Однако с 1990 г. новая аграрная политика привела к полному краху овцеводства. Из-за низких закупочных цен на продукцию отрасли она стала убыточной и к 2004 г. поголовье овец в сельхозпредприятии области почти полностью ликвидировано. На 01.01.2005 г. осталось всего 434 овцы. В личных подсобных хозяйствах населения еще имеется 85 тыс. овец, но их численность из года в год сокращается.

Кировская породная группа пуховых кроликов

Кролиководством в Вятской губернии крестьяне-любители начали заниматься с давних времен. Меха кролика красивый, теплый, пух мягкий, эластичный, мясо отличается приятным вкусом, хорошо усваивается. За год от кроликоматки можно получить 1 кг пуха, 30 кг мяса, 30 шкур. Разведение их происходит без больших затрат, им не надо капитальных помещений, они не прихотливы к кормам.

С организацией колхозного производства кролиководство становится самостоятельной отраслью, дающей ценное сырье для легкой промышленности и повышающей доходность хозяйства. Первая в области крупная кроличья ферма была создана в 1932 г. в колхозе «Ленинский путь» (Киров. р-н). К 1935 г. на ферме содержалось 50 кроликоматок. Но животные имели низкие продуктивные качества. Средний живой вес взрослого кролика был 2,77 кг, сбор пуха на самку с приплодом 280 г, деловой выход — 1,5 крольчонка. В целях организации направлен-

ной племенной работы по совершенствованию стада и созданию новой породы на базе кроликофермы колхоза «Ленинский путь» был открыт опорный пункт. Здесь проводились: отбор лучших животных, бонитировка взрослых кроликов и молодняка, совершенствование условий содержания и кормления, другие элементы селекционной работы, сформирована племенная группа. За достижения высоких показателей по пуховой продуктивности ферма колхоза «Ленинский путь» была участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939—1940 гг.

Учитывая ценность разводимых в колхозах области пуховых кроликов, Министерство сельского хозяйства РСФСР организовало в 1945 г. Кировский государственный племенной рассадник кроликов. А в 1952 г. Министерство утвердило Кировскую породную группу кроликов. К тому времени в среднем по породе живой вес 1 головы взрослого кролика составлял 3,52 кг, сбор пуха с кроликоматки — 299,7 г, площадь шкурки 1842 см, что значительно выше, чем по ангорской породе кроликов.

За последние годы произошло необоснованное сокращение численности кроликоферм. При более благоприятных условиях кролиководство найдет свое достойное место в сельхозпроизводстве.

Лошадь Вятской породы

По отчету Министерства Уделов России (1838 г.), а также по ряду других источников Вятская порода произошла от лошадей, выписанных из Лифляндии Петром I, который направил часть табунов в Вятскую (тогда Казанскую) и Пермскую губернии. Существуют еще версии, что эта порода развелась от эзельских клепперов, которых привезли с собой новгородцы, когда заселяли местность Вятской губернии в XIV столетии.

Факт отправки клепперов из Прибалтийского края подтверждается сообщениями о постоянных торговых отношениях Ганзейского союза новгородцев с Вятской и Пермской губерниями. Экспорт лошадей, очевидно, был так значителен, что в 1414 г. ливонским орденом издается приказ, воспрещающий продавать балтийских лошадей новгородцам.

Маленькая, крепкая, неприхотливая к местным условиям кормления и содержания, саврасой окраски лошадь, быстро распространилась по Вятской губернии. Вскоре она получила известность по всей России. Знали о ней и за границей. Однако, работа с Вятской лошастью на предмет сохранения и улучшения породы не велась и она постепенно начала исчезать.

В 1847 г. Комитет Государственного казначейства выделил средства на закупку 30 обвинских (название р. Обви Перм. губернии) жеребцов и завоз их на Вятку. Но они были распро-

делены по частным хозяйствам и не смогли поправить дело. Через 30 лет Вятская губернская земская управа через своих представителей вновь закупает в Пермской губернии 30 обвинских жеребцов и рассылает их по губернии для случки с крестьянскими конематками. Но путного опять ничего не получилось. Использование завезенных жеребцов было бессистемным.

В 1900 г. профессор М.И. Придорогин, исследуя коневодство Вятской губернии, выявил, что многие осмотренные им экземпляры животных имели разительное сходство с Вятской породой и пришел к заключению, что Вятская порода жива. В 1912 г. Губернская земская управа устроила выставку в Илявском заводе Сарапульского уезда, где были признаны 8 типичных Вятков конематок и 10 малотиличных. В 1918 г. на I Всероссийской выставке рабочих лошадей были показаны 12 особей Вятской породы. Интересны были проведенные там результаты испытаний по возке тяжестей. Вятская порода показала себя с самой лучшей стороны. Выставочный комитет присудил ей 1 первую, 2 вторых и 1 третью денежные премии, а также серебряный кубок и большую серебряную медаль.

В последующие годы систематическая селекционная работа с Вятской породой лошадей не велась, поэтому данных государственных учреждений о численности этой породы не имеется. Но если официальная статистика исключила из своих сборников информацию о породах лошадей, то любители-коневоды бережно сохранили в своих конюшнях лохматых, выносливых и неприхотливых «саврасок». Следят за их родословной и стараются поддержать в чистоте эту породу. По сообщениям специалистов вятских лошадей еще можно найти на конефермах совхозов «Адашевский» (Оричев. р-н) и «Гординский» (Афанасьев. р-н) Кировской области, колхоза «Колос» (Дебет. р-н) Республики Удмуртия и в ряде других.

С АРХИВНОЙ ПОЛКИ

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

Постановление об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки было принято Советом Народных Комиссаров и Центральным Комитетом ВКП(б) 17 февраля 1935 г. согласно предложению второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников 1935 г. В том же году создан Главный выставочный комитет, который получил около 250 тысяч заявок от желающих стать ее участниками. Для устройства

этого грандиозного мероприятия были отведены 140 га под Москвой, близ села Пушкинского (бывшее Останкино). Там вырос целый выставочный город с 250 павильонами, оранжереями и теплицами, с прудами, парками и опытными участками. Павильоны должны были создать впечатление от путешествия по СССР. При их строительстве использовались природные материалы, характерные для каждой из республик.

Выставка была призвана показать достижения социалистического сельского хозяйства и способствовать распространению передового опыта. Чтобы получить право участия на выставке, колхозы и совхозы, машинно-тракторные станции и колхозные животноводческие фермы, сельскохозяйственные научные учреждения должны были иметь утвержденные Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1939 г. показатели за 1937-1938 гг., а передовики и организаторы сельского хозяйства — только за 1938 г.

Сначала выставка задумывалась как разовое мероприятие подобно Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г. в Москве. Но интерес к выставке был настолько велик (с 1 авг. 1939 г., дня открытия выставки, и до 25 окт. ее посетило свыше 3,5 млн. человек), что было принято решение продлить ее работу. В 1940 г. выставка работала пять месяцев, в 1941 — всего месяц и пять дней. Выставка возобновила свою работу только в 1954 г. уже как постоянно действующая. С 1959 г. ВСХВ вошла в состав Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ), с 1992 г. это — Всероссийский выставочный центр.

Работу Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939—1940 гг. увенчала Почетная книга из 47 томов — подробный перечень всех участников выставки с указанием достигнутых ими успехов. Ее победителям было присуждено 1000 дипломов 1-й степени и 4000 дипломов 2-й степени, 1000 больших и 2000 малых золотых медалей, 3000 больших и 15000 малых серебряных медалей. При этом награжденные дипломом 1-й степени получали одновременно премию в размере 10000 руб. и легковую автомашину, дипломом 2-й степени — премию 5000 руб. и мотоцикл. Передовикам сельского хозяйства, награжденным золотыми и серебряными медалями, также полагалась денежная премия. Кроме того, по представлению Главного выставочного комитета правительство наградило орденами и медалями тех участников выставки, которые своей деятельностью и инициативой особенно активно способствовали подъему сельскохозяйственного производства и науки, укреплению колхозов.

Кировская область демонстрировала в Северо-Восточном павильоне выставки местные сорта зерновых культур — озимую рожь Вятка и Белозерная, ячмень Винер, овес Мираж, клевер, лен, истобенский молочный скот. Президиум Кировского областного выставочного комитета еще в сентябре 1938 г. определил количество участников ВСХВ: по зерновым культурам — 200 колхозов, по льноводству — 30—40 колхозов, 150 передовиков-звеньевых, по клеверному семеноводству — от 1—2 до 15 колхозов, по картофелю — от 1—2 до 10 колхозов, по машинно-тракторным станциям — 5 МТС, 50 бригад, 110 трактористов, 15 комбайнеров, 50 льнотеребильщиков, по крупному рогатому скоту —

22 молочно-товарные фермы, 40 доярок и 5 телятниц, по свиноводству — 15 ферм, 40 передовиков, по овцеводству — до 5 ферм и 5 чабанов по выходу ягнят от северных короткохвостых овец, по коневодству — 10 конюхов. Участником выставки была и Кировская областная комплексная станция по растениеводству им. академика Н.В. Рудницкого. Всего по состоянию на 10 марта 1939 г. по области было подано 1764 заявки на участие в выставке, в т.ч. от колхозов — 678, совхозов — 14, МТС — 7, колхозных товарных ферм — 88, передовиков, специалистов и организаторов сельского хозяйства — 977.

Зал Кировской области украшал лепной фриз, выполненный в стиле дымковской игрушки. Центральная стена зала была оформлена барельефами с изображениями И.В. Сталина, Ф.Э. Дзержинского, В.М. Молотова, С.М. Кирова работы скульптора А.В. Винокуровой.

Публикуемый ниже документ — своего рода Почетная книга Кировской области, демонстрирующая успехи сельского хозяйства накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и людей, трудом которых они были достигнуты.

СПИСОК

участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939—1940 гг., награжденных орденами и медалями

Наименование района	Дипломы		МЕДАЛИ				ОРДЕНА		
	1 ст.	2 ст.	М. сереб.	Б. сереб.	М. золот.	Б. золот.	Красн. Знам.	Ленина	Знак Почета
Арбажский	—	3	5	—	—	—	—	—	—
Белохолуницкий	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Бельский	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Бисеровский	—	2	—	1	—	—	—	—	—
Богородский	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Буйский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Верховинский	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Верхошижемский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вожгальский	1	—	4	—	—	1	—	—	1
В.-Полянский	1	3	6	—	1	—	—	2	1
Даровской	—	—	3	—	—	—	—	—	—
Зуевский	—	4	[10]	—	—	—	—	—	—
Зюдинский	2	7	—	3	—	—	—	—	—
Кайский	—	2	1	—	—	—	—	—	—
Кикнурский	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Кильмезский	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Кировский	—	2	9	1	—	—	—	—	—
Кичминский	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Корляковский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Котельничский	1	5	6	—	—	—	—	—	1
Куменский	—	2	1	—	—	—	—	—	—

Наименование района	Дипломы		МЕДАЛИ				ОРДЕНА		
	1 ст.	2 ст.	М. сереб.	Б. сереб.	М. золот.	Б. золот.	Красн. Знам.	Ленина	Знак Почета
Кырчанский	1	3	4	1	—	—	—	—	1
Лальский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лебяжский	1	2	1	—	1	—	—	—	—
Макарьевский	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Малмыжский	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Медянский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Молотовский	—	3	—	1	1	—	—	—	—
Мурашинский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мухинский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нагорский	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Немский	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Новотроицкий	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Омутнинский	—	—	1	—	—	—	—	1	—
Опаринский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Оричевский	1	2	10	2	1	—	—	—	2
Пижанский	1	4	5	3	—	—	1	—	—
Подосиновский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Поломский	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Порезский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Просницкий	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рожкинский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Салобелякский	—	1	1	—	—	—	1	—	—
Санчурский	—	3	—	2	—	—	—	1	—
Свечинский	—	2	3	—	1	—	—	—	—
Слободской	—	2	2	—	1	—	—	—	—
Советский	—	1	2	1	—	—	—	—	—
Сунской	—	3	—	—	1	—	—	—	—
Татауровский	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Тужинский	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Унинский	—	2	1	—	—	—	—	—	—
Уржумский	1	1	2	—	—	—	—	—	—
Фаленский	—	3	6	—	1	1	—	—	1
Халтуринский	—	3	3	1	—	—	—	—	2
Черновской	—	—	3	—	1	—	—	—	—
Шабалинский	—	5	—	1	1	1	—	2	5
Шарангский	1	1	3	—	—	1	—	—	—
Шестаковский	—	1	3	1	—	1	—	—	1
Шурминский	—	1	6	2	—	—	—	—	—
Яранский	—	2	2	—	—	—	—	—	—
г. Киров	—	—	6	1	2	1	—	—	—
ВСЕГО	11	85	[122]	12	12	6	2	6	16

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
г. Киров				
Вершинин А.И.	зоотехник	Трест пригород. хозяйств	малая серебряная медаль	По совхозам Треста получен удой молока 2485 л (безпород. скот). 15,3 поросенка на свиноматку при поголовье 90 свиноматок
Новоселова А.П.	телятница	опыт. х-во обл. зоо- техн. стан.	—»—	891 г на голову при полном сохранении молодняка истобенской и метисов остфризской пород
Рудницкий Н.В.	директор	опытная ст.	большая золотая медаль	Новые вывед. сорта зерновых культур, имеющих союзное значение: рожь Вятка, ячмень Винер, овес Мираж
Шарабрин И.Г.	доцент	зоовет- институт	малая золотая медаль	Сконструировал несколько специальных аппаратов
Рогавская Е.А.	ст. науч. сотрудник	станция им. Руд- ницкого	малая серебряная медаль	Урожай озимой пшеницы 21 ц/га, с площ. 5,50 га и с Семеновского 23,8 ц/га с площади 3,70
Лебедев М.Н.	научный работник	—»—	—»—	Урожай лука 20,3 т, лука-севка 11,5 т/га
Андреев Ф.М.	агроном	Облзо	малая золотая медаль	Произведен посев сорт. семян льна на площ. 85,500 га, вне сено удобр. на 29,800 га, обобщил опыт стахановцев
Малыгин С.А.	директор	обл. бак. лаборатории	малая серебряная медаль	Создан гельминтологический музей, подготовил для области 27 гельминтологов

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Мерзляков С.Л.	ст. агроном	Кир. облзо	малая серебряная медаль	Проявляет большую инициативу в продвижении новых селекционных зерновых культур
Снигирев П.И.	препода- ватель	школа ФЗУ металлистов	большая серебряная медаль	Сконструировал три распылительных прибора для дождевальных аппаратов и пожарных машин
Арбажский район				
Бурдина Н.С.	пред. колхоза	«13 Октябрь»	малая серебряная медаль	Урожай ячменя 25 ц/га с площади 3 га
Береснев И.Г.	комбайнер	МТС	—»—	Убрал на северном комбайне 212 га
Лобастова П.И.	свинарка	«За урожай»	—»—	Добилась выхода и сохранила 23,3 поросенка на свиноматку
Решетников П.К.	ст. агроном	ЛССТ	—»—	13 льновод. к-зов получили урожай льносемян от 3,5 до 5 ц/га с площади 370 га
Суворов С.А.	ст. агроном	райзем- отдела	—»—	83 стаханов. звена получили урожай льноволокна от 7 до 8,4 ц/га
к-з «Динамо»			диплом 2 ст.	В среднем сдал государству льноволокна 3,51 ц/га с площади 79 га
к-з «Пахарь»			—»—	В среднем за 1937—39 гг. получил урожай льноволокна 426 ц/га с площади 50 га
к-з «13-й Октябрь»			—»—	В среднем за 1937—39 гг. сдал государству семян льна 5,11 ц/га с площ. 29,30 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Белохолуницкий район				
Девятых С.Г.	звеньевой	«Красный Партизан»	большая серебряная медаль	Добылся урожая льноволокна 12,5 ц/га, с площ. 4 га
Бельский район				
Девятьярова П.П.	звеньевая	«Красный Октябрь»	малая серебряная медаль	Добылась урожая льноволокна сред. № 13 по 10,5 ц/га с площади 5 га
Злобин А.Я.	ст. конюх	к-з «Совет»	—»—	Вырастил в 1938—39 гг. от 11 конематок 11 жеребят, всего 22 жеребенка
Бисеровский район				
Ершов Д.К.	бригадир	к-з «Горнорабочий»	большая серебряная медаль	Средний за два года урожай: озимой ржи 23,1 ц/га с площ. 11,87 га; овса 23,75 ц/га с площади 8,11 га
к-з им. Дзержинского			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 17,30 ц/га с площ. 94,20 га
Богородский район				
к-з им. Ильича			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 15,79 ц/га с площ. в 1937—38 гг. 74,80 га
Верховинский район				
Макарова П.Ф.	дойрка	«Трактор»	малая серебряная медаль	Добылась удоя молока 3038,1 л на одну фуражную корову метисов истобенской породы

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Васенин И.М.	комбайнер	МТС	малая серебряная медаль	За 34 календарных дня убрал на север. комбайне 211 га при среднем урожае 10 ц/га
Вожгальский район				
Ертин В.И.	зав. кузницей, слесарь маслоб.	«Красный Октябрь»	малая серебряная медаль	Выполнил производственный, досрочно отремонтировал все с/х машины
Прозоров П.А.	пред. колхоза	—»—	большая золотая медаль	В среднем колхоз получил урожай зерновых 15,04 ц/га с площади 625 га
Коробейников И.П.	звеньевой	—»—	малая серебряная медаль	Добылся урожай овса 21 ц/га с площади 5 га
Лагунова М.И.	ст. свинарка	—»—	—»—	Добылась выхода и сохранила 19,9 поросят на свиноматку, при поголовье 14 маток
Прозорова В.А.	техник-свиновод	—»—	—»—	Колхоз получил 19,1 поросенка на свиноматку
Коробицин В.С.	тракторист	Вожгальская МТС	орден «Знак Почета»	
к-з «Красный Октябрь»			диплом 2 ст.	В среднем за два года получил урожай зерновых 14,99 ц/га с площади в 1937—39 гг. 623,08 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Вятскополянский район				
Кузнецов А.А.	зав. конефермой	«Пятилетка»	орден Ленина	
Понамарев С.А.	ст. механик	В.-Полян- ская МТС	малая серебряная медаль	Добился выработки на тракторе ЧТЗ 2637 га на 15-сильный колес. трактор 1027 га
Чернышев И.Г.	машинист	—»—	—»—	Намолотил на молот. МК-1100 2050 тонн
Чехонин И.И.	бригадир	—»—	—»—	Добился выработки на тракторе СТЗ 897 га
Шмыков С.В.	зав. агро- химлаборат.	—»—	—»—	Почвенное обследование 26.500 га, сост. для 19 к-зов поч. карты на пл. 21500 га
Бабушкин А.И.	бригадир	—»—	—»—	В сред. выработка на трактор СТЗ 7656 га
Баев А.И.	—»—	—»—	—»—	
Зимин Г.С.	машинист	—»—	орден Ленина	
Шевнин А.И.	бригадир	—»—	«Знак Почета»	Добился выработки на тракторе СТЗ 986 га
Оношкин А.П.	директор	В.-Полян- ская МТС	малая золотая медаль	Выработка по МТС составила: ЧТЗ 1,783 га, ХТЗ 771, на 15 футовый комб. 190 га, сред. урожай в к-зах 11,52 ц/га
Санников М.С.	агро- техник	к-з «Пятилетка»	малая серебряная медаль	Добился урожая зерновых на семенных участках 22,5 ц/га с площади 83,5 га
МТФ к-за «Красный Шахтер»			диплом 2 ст.	Средний за два года удой молока 1806 л на фуражную корову при поголовье в 1937 г. 62, в 1938 г. — 70 коров

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
к-з «Пятилетка»			диплом 1 ст.	Средний за два года урожай зерновых 15,38 ц/га с площ. в 1937—38 гг. 1005,87 га
к-з «Власть Советов»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай: ячменя 17,21 ц/га с площади, 1937—38 гг. 23 га, огурцов 420 ц/га, с пл. 0,90 га, яблок 24,33 ц/га с площади 1 га молодого сада
В.-Полянская МТС			диплом 2 ст.	Средний за два года получила по обслужив. ею к-зам урожай зерновых 11,58 ц/га, довела годовую выработку на трактор ЧТЗ 1640 га, СТЗ 763 га, 15-футовый комбайн 243,30 га
Даровской район				
Двинских Т.Г.	машинист	Кобрская МТС	малая серебряная медаль	Выработка на льнотрепальной «МТС» 17,79 ц волокна
Карманов П.П.	—»—	—»—	—»—	Выработка на льнопрядильной машине «МТС» 16,35 т волокна
Краева Е.Ф.	комбайнер	—»—	—»—	За 25 рабочих дней выработала на северном комбайне 210 га
Зуевский район				
Бурков П.А.	бригадир	Зуевская МТС	малая серебряная медаль	Добился средней выработки на трактор СТЗ 867 га
Катаев М.	тракторист	—»—	—»—	Выработ. на тракт. СТЗ 700 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Кашеева М.А.	телятница	«Свободный труд»	малая серебряная медаль	Среднесуточный привес телят до 6-месячного возраста 791 г на голову при полном сохран.
Наговицына А.А.	дойрка	«Ленинская искра»	—»—	—»—
Чебуранкина П.А.	телятница	совхоз им. Ворошилова	—»—	Среднесуточный привес телят холмогор. породы до 6-месяч. возраста 800 г на голову
Чупракова Ф.С.	дойрка	—»—	—»—	3323 лит. на фуражную корову холмогорской породы
Матанцева А.В.	свинарка	—»—	??	Добилась выхода, сохр. в ср. 18 поросят на свиноматку
Алферова Г.А.	бригадир свинарка	—»—	??	В сред. вырастила 15,3 поросенка на свиноматку
Дубровский И.С.	счетовод	Посохи	—»—	Добился досрочного составл. год. отчетов, своевр. расчета колхозников по трудодням
Сакерин А.Г.	ст. агроном	Зуевская МТС	—»—	Сред. урожайн. по обслужив. к-зам зерновых 11,5 ц/га
к-з «Моряк»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 20,5 ц/га с площ. в 1937—38 гг. 47,30 га
к-з «Семеновский»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 19,1 ц/га с площади в 1937—38 гг. 54,50 га
к-з «Чепца»			—»—	Средний за два года урожай зерновых 18,59 ц/га с пл. в 1939—79,66 га, в 1938—80,10 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Зуевская МТС				
Бузмаков М.И.	пред. колхоза	«Ленинский путь»	большая серебряная медаль	Средний за два года по обслуж. к-зам урожай зерновых 11,5 ц/га, довела годовую выработку на 15-сильный колес. трактор до 637 га, на трактор ЧТЗ 1386 га, на 15-футовый комбайн 200,50 га
Бузмаков Р.П.	заведующий	Райзо	—»—	Урожай зерновых 16 ц/га
Родыгин П.А.	участковый агроном	—»—	—»—	К-зы р-на получили урожай зерн. 14,8 ц/га с площ. 19520 га
к-з им. Буденного	Гординский с/с		диплом 1 ст.	По участку получен урожай зерн. 15 ц/га с площ. 750 га
к-з «Ленинский путь»	Пахомятский с/с		—»—	Получив. в сред. за 1937—39 гг. урожай зерновых 15,16 ц/га, льноволокна 4,05 ц/га
к-з «Аверинский»	Харинский с/с		диплом 2 ст.	Получив. в сред. за 1937—39 гг. урожай зерновых 16 ц/га
к-з «Кустарь»			—»—	Получив. в сред. за 1937—38 гг. урожай зерновых 18,3 ц/га
к-з им. Стаханова			диплом 2 ст.	Средний за два года получил урожай зерновых 17,05 ц/га с площ. 260,50 га, в 1938 г. 293,20 га
				Средний за два года получил урожай зерновых 16,76 ц/га, с площ. в 1937—407,67 га, в 1938—466,45 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
к-з им. Кагановича			диплом 2 ст.	Средний за два года 1937—38 гг. урожай зерновых 16,36 ц/га с площ. 356 га
к-з им. Кирова			—»—	Средний за два года урожай зерновых 16,95 ц/га с площ. 273,34 га
к-з им. Сталина			—»—	Сред. за два года урожай зерн. 17,11 ц/га с площ. 552,03 га
к-з «Первомайский»			—»—	Сред. за два года урожай зерн. 17,08 ц/га с площ. в 1937—146 га, 1938—161,33 га
Кайский район				
Гонцов В.И.	конюх	к-з «13 годовщина Октября»	малая серебряная медаль	Вырастил 15 жеребят от 15 конематок
к-з «Герой Труда»			диплом 2 ст.	Средний урожай зерновых 16 ц/га с площ. в 1937—38 гг. 204,25 га
Кикнурский район				
Ошув А.П.	тракторист	МТС	малая серебряная медаль	Выработал на тракторе СТЗ 694 га
Коровин Н.К.	бригадир	МТС	большая серебряная медаль	Добился выработки на тракторе СТЗ 713 га
Кильмезский район				
Степанов Г.И.	бригадир	МТС	малая серебряная медаль	Добился выработки на тракторе СТЗ 800 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Поляков Е.И.	тракторист	МТС	малая серебряная медаль	Выработал на тракторе СТЗ 686 га
Кировский район				
Бряндин М.С.	директор	совхоз «Бахта»	большая серебряная медаль	Урожай овса 16 ц, удой на фуражную корову 3080 л молока
Амосова А.Д.	дойрка	—»—	малая серебряная медаль	Добилась удоя молока 3232 л молока на фуражную корову мест. скота
Бротухина С.Д.	крольчат- ница	к-з «Ленин- ский путь»	—»—	Добилась выхода и сохранения в сред. 18,9 крольчонка на кроликоматку, 3493 л на фураж. корову мест. скота
Братухин М.Я.	опытник	—»—	—»—	Внедрил бахчевые культуры в посевные площади колхоза
Булатова А.К.	дойрка	совхоз «Бахта»	—»—	3493 л на фуражную корову мест. скота
Вепрева А.Н.	—»—	Подсоб. х-во «Раковка»	—»—	3424,4 л на фураж. корову метисов, голландской, ярославской и шведской пород
Козлова А.А.	—»—	совхоз «Бахта»	—»—	3127 л на фуражную корову мест. скота
Кротова А.М.	—»—	—»—	—»—	3495 л на фуражную корову мест. скота
Урванцева Т.С.	—»—	—»—	—»—	3042 л на фуражную корову мест. скота

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Сопова Ф.Я.	дойрка	совхоз № 4	малая серебряная медаль	Удой молока 3703,5 л на фураж. корову мест. скота
к-з «Стрела»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 22,99 ц/га с площ. 47,20 га
МТФ с-за «Бахта»			—	Средний за два года удой молока 2894 л на фураж. корову мест. скота, при поголовье 130 коров
Кичминский район				
к-з «Заячевский»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 20,8 ц/га с площ. 54,05 га
к-з «Челюскин»			—	Средний за два года урожай зерновых 15,68 ц/га с площ. 25 га
Котельничский район				
Щенникова А.Н.	звеньевая	к-з «Путь к социализму»	орден «Знак Почета» малая серебряная медаль	Тресты льна 50,3 ц/га, льносемян 9,2 ц/га с площ. 270 га
Татаурова А.С.	участковый зоотехник	Райзо	малая серебряная медаль	Выполнен план по участку развития животноводства
Предеина В.И.	птичница	им. Максима Горького	—	

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Селезнев М.Д.	звеньевой	Заветы Ильича	малая серебряная медаль	Яровой пшеницы 28,41 ц с площ. 3 га, ячменя 35 ц с площ. 3 га
Шабалин В.Ф.	бригадир	«Коммунист»	—	Урожай зерновых 20,46 ц/га с площ. 66 га
Шабалина О.Ф.	свинарка	им. Ленина	—	Добилась выхода и сохранила в среднем 18,1 поросенка на свиноматку
к-з им. Ленина Карпушин- ского с/с			диплом 1 ст.	Сдал гос-ву в среднем за 1937—38 гг. льнотресты 13,26 ц/га, вырастил 16,8 поросенка на свиноматку, получил в 1939 г. урожай семян льна 4,38 ц/га
к-з «Мининский» Захаровского с/с			диплом 2 ст.	Получил в сред. за 1937—39 гг. урожай зерновых 18,5 ц/га, удой молока 1800 л на фур. корову мест. скота, привес с телят до 6 месяцев 564 г в сутки на 1 голову
к-з «Коммунист»			—	Средний за два года урожай зерновых 21,37 ц/га с площ. 148,47 га
к-з «Путь к социализму»			—	Средний за два года урожай тресты льна 126 ц/га с площ. 200,86 га
к-з «Красный Октябрь»			—	Средний за два года урожай зерновых 21,05 ц/га с площ. 48 га
к-з «Красная Молома»			—	Средний за два года урожай зерновых 17,27 ц/га с площ. 105,57 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Куменский район				
Молокова Д.Я.	зав. СТФ	к-з «Шура- винский»	малая серебряная медаль	Добилась выхода и сохранила в среднем 16,3 поросенка на свиноматку
к-з «Ульяновский»			диплом 2 ст.	Средний в 1937—39 гг. урожай льноволокна 4,53 ц/га, с площ. 33 га
к-з «Новый путь»			—»—	Сред. за два года в 1937—38 гг. урожай: льноволокна 5 ц/га с площ. 25 га и семян тимopheевки 3,04 ц/га с площ. 2 га
Кырчанский район				
Кобелева Т.А.	свинарка	«Начало»	орден «Знак Почета»	
Губина М.М.	чабан	«Первомай- ский»	малая серебряная медаль	224,3 ягненка к отбивке на 100 мат. и покр. ярк
Мальцева М.Ф.	—»—	—»—	—»—	—»— север. короткохвостой породы
Кулемина А.К.	зав. ОТФ	Воя	—»—	216 ягнят к отбивке на 100 мат. и покр. ярк север. короткохвостой породы от 53 овцематок
Меркушева Е.К.	свинарка	«Начало»	большая серебряная медаль	25,14 поросенка на свиноматку
Рыболовлева Е.Е.	зав. СТФ	—»—	малая серебряная медаль	24,7 поросенка на свиноматку

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
СТФ к-за «Начало»			диплом 1 ст.	В среднем за два года 1937—38 гг. получила и сохр. 20,9 поросенка на свиноматку при поголовье 30 свиноматок
к-з «Индустрия»			диплом 2 ст.	Средний за 1937—39 гг. урожай зерновых 17,53 ц/га с площ. 126 га
к-з «Двигатель»			—»—	Средний за два года урожай зерновых 16,57 ц/га с площ. 207,42 га в 1937—38 гг.
к-з «Перво- майский»			—»—	В среднем за два года получил 190,9 ягненка к отбивке на 100 мат. и покр. ярк север. короткохвост. породы от 62 гол.
Лебяжский район				
Косолапов Н.Н.	звеньевой	к-з «Кре- стьянин»	малая серебряная медаль	Урожай овса 28,5 ц/га с площ. 3 га, ячменя 23 ц/га с площ. 2 га
Попов А.А.	комбайнер	МТС	малая золотая медаль	За 25 дней на 15-футовом комбайне убрал 344,50 га при сред. урожае 8,6 ц
к-з «Мировой Октябрь»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 17,4 ц/га с площ. 196 га в 1937—38 гг.
к-з «Приверх- ский»			—»—	Средний за два года урожай зерновых 17,6 ц/га с площ. 181,91 га; льноволокна 4,76 ц/га с площ. 9,23 га
Макарьевский район				
Суманеева Н.С.	колхозница	к-з им. Розы Люксембург	орден «Знак Почета»	Льноволокна сред. получено № 12 по 8,4 ц/га с площ. 5 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Фукалова М.В.	звеньевая депутат Облсовета	к-з им. Розы Люксембург	орден Знак Почета малая серебр. медаль неоднокр. премии	Льноволокна сред. № 12,3 по 8,5 ц/га с площ. 5 га
Малмыжский район				
Толстобоков П.К.	тракторист	МТС	малая серебр. медаль	Выработал на тракторе СТЗ 692 га
Малмыжская МТС			диплом 1 ст.	В сред. за два года получила по обслужив. ею к-зам урожайность зерновых 12,77 ц/га и довела выработку: на трактор ЧТЗ 1784 га, ХТЗ 771 га, У-2 552 га, 15-футовый комбайн 247 га
к-з «Пахотинец»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай ячменя 21,21 ц/га с площ. 25,60 га
Молотовский район				
Кошечев И.А.	председа- тель к-за	«Ударник»	больш. серебр. медаль	Зерновых в сред. 16,23 ц/га с площ. 346 га
Малышев Н.В.	бригадир	к-з им. Политотдела	малая золотая медаль	Льноволокна 7,33 ц/га с площ. 7,62 га
к-з «Ударник»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай 17,21 ц/га с площ. 356,50 га, корнеплодов 330,45 ц/га с площ. 3,55 га, сдал гос. льноволокна по 2,62 ц/га с площ. 12,73 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
СТФ к-за им. Кирова			диплом 2 ст.	В среднем за два года получила и сохранила 18,4 поросенка на свиноматку, при поголовье в 1937—38 гг. 31 свиноматка
СТФ к-за «Сереговский»			—»—	В среднем за два года получила и сохранила 17,4 поросенка на свиноматку, при поголовье в 1937—38 гг. 22 свиноматки
Нагорский район				
Исупова А.А.	свинарка	к-з «Смена»	малая серебр. медаль	20,4 поросенка на свиноматку
к-з «Искра Революции»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 16,3 ц/га с площ. 174 га
Немский район				
Якимов А.П.	тракторист	МТС	малая серебр. медаль	Выработал на тракторе ХТЗ 660 га
к-з «Путиловец»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 17,6 ц/га с площ. 175 га
Омутнинский район				
Власов Р.С.	конюх	к-з «Восток»	малая серебр. медаль	Вырастил 16 жеребят от 17 конематок
Смагин А.Ф.	—»—	к-з «Большевик»	орден Ленина	

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Оричевский район				
Жаворонкова А.Ф.	зав. животнов.	им. Кирова	орден «Знак Почета» большая серебр. медаль	4427,2 л на фуражную корову истобенской породы
Стойлов И.К.	зоотехник- директор	Госплем- рассадник	орден «Знак Почета» большая серебр. медаль	По обслужив. к-зам получен удой 2867,2 л, средний суточный привес телят 863 г на голову
Доровских А.Н.	доярка	«Ленинская искра»	малая серебр. медаль	4067,4 л на фуражную корову истобенской породы
Зубарева М.С.	—»—	—»—	—»—	3288,6 л —»—»— —»—
Мошкина Н.И.	—»—	—»—	—»—	3283,5 л —»—»— —»—
Наймушина А.А.	—»—	—»—	—»—	3317,4 л —»—»— —»—
Тупицына А.М.	—»—	—»—	—»—	3578,8 л —»—»— —»—
Помаскина Н.И.	телятница	им. Кирова	малая золотая медаль	Привес телят 830 г на голову при полном сохранении истоб. породы до 6 мес. возр.
Головина О.Н.	доярка	Оричев. зоотехн. опыт. ст.	малая серебр. медаль	3296 л на фуражную корову истобенской и метисов остфризской пород
Новоселова А.П.	телятница	—»—	—»—	Привес телят истобен. и метисов остфризской до 6 мес. 891 г на голову при полном сохранении

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Решетникова А.В.	старший зоотехник	Госплем- рассадник	малая серебр. медаль	2678 л на фуражную корову и привес телят 755,5 г по рассаднику
Дуркина А.П.	доярка	«Ленинская искра»	малая серебр. медаль	3913,6 л на фуражную корову истобенской породы
Синцов Н.Ф.	зав. МТФ	к-з «Кор- жавинский»	—»—	3211,7 л на фуражную корову истоб. породы при поголовье 28 коров; среднесуточный привес телят до 6-месяч. возраста 612 г
ПМФ к-за «Коржавинский»			диплом 2 ст.	В среднем за два года удой молока 3029,9 л на фуражную корову истобенской породы, при поголовье 28 коров; вырастила 82 теленка со среднесуточным привесом до 6-месячного возраста 612 г на голову, при сохранении 98,5 % молодняка
МТФ к-за «Ленинская искра»			диплом 1 ст.	В среднем за два года удой молока 3382,2 л на фуражную корову истобенской породы, при поголовье 85 коров; вырастила 164 теленка со среднесуточным привесом до 6-месячного возраста 793,3 г на голову
МТФ к-за им. Кирова			диплом 2 ст.	В среднем за два года удой молока 2566,3 л на фуражную корову истобенской породы, при поголовье 54 коровы вырастила 42 теленка со среднесуточным привесом до 6-месячного возраста 788 г на голову

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Пижанский район				
Захарова М.Д.	зав. СТФ	«Красный сокол»	орден Трудового Красного Знамени большая серебряная медаль	Добилась выхода и сохранила в среднем 27 поросят на свиноматку
Протасов И.С.	бригадир	Колянурская МТС	большая серебряная медаль	Добился выработки на трактор ЧТЗ 2813,25 га, СТЗ — 1256 га
Елькин А.С.	—»—	—»—	малая серебряная медаль	ЧТЗ 1326,80 га, на трактор СТЗ — 904,95 га
Ефремов И.Ф.	комбайнер	—»—	—»—	Убрал на 15-футовом комбайне 537,3 га при урожае от 8 до 10 ц/га
Конов П.Д.	председатель колхоза	им. XVI лет Октября	—»—	Урожай зерновых 12,96 ц/га с площади 611,50 га
Кропотов Ф.А.	бригадир	Колянурская МТС	—»—	Добился выработки на тракторе СТЗ 904 га
Чепайкин Г.И.	—»—	—»—	—»—	Добился выработки на тракторе ЧТЗ 1185,4 га
Крохов А.Ф.	ст. агроном	Пижанский райземотдел	большая серебряная медаль	С площ. 1086 га льноволокна от 3,5 до 5 ц; с площ. 668 га зерновых 16,27 ц/га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Поломский район				
Колянурская МТС				
СТФ к-за «Красный сокол»			диплом 2 ст.	В среднем за два года по обслужив. ею к-зам урожайность зерновых 11,5 ц/га и правильной организацией труда довела годовую выработку на трактор ЧТЗ до 1683,21 га, на тракторе СТЗ 796,79 га, на 15-футовом комбайне за 25 календарных дней 237,40 га
СТФ к-за «Красный сокол»			диплом 2 ст.	В среднем за два года получила и сохранила 17,45 поросенка на свиноматку при поголовье в 1937—38 гг. 21 свиноматка
к-з «16 лет Октября»			диплом 1 ст.	Средний за два года урожай зерновых 16,27 ц/га с площ. 668,74 га
к-з «Чуманевский»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 17,82 ц/га с площ. в 1937 г. 123,62 га, в 1938 — 132,35 га
СТФ к-за «17 лет Октября»			—»—	В среднем за два года получила и сохранила 20,4 поросенка на свиноматку, при поголовье в 1937—38 гг. 22—30 свиноматок
Поломский район				
Рябова К.С.	участковый зоотехник	Райзо	малая серебряная медаль	100 % выполнения развития животноводства по обслужив. участку. Получен приплод от 100 голов: телят 90,8; жеребят 84; 12,9 поросят на свиноматку

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
к-з «Красный колос»			диплом 2 ст.	Средний за 1937—39 гг. урожай зерновых 15 ц/га, укомплект. к 1/1 1940 г. живот. товар фермы: молочная, овцеводческая, свиноводческая с маточ. поголовьем выше установлен. минимума на конец 1940 г.
Просницкий район				
к-з «Исаковский»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 19,7 ц/га с площ. 211,48 га, льноволокна 3,45 ц/га с площ. 15 га
к-з «Искра»			—»—	Средний за два года урожай зерновых 18,51 ц/га с площ. 144,63 га
Салобелякский район				
Васенев Г.Е.	механик	Сердеж- ская МТС	малая серебр. медаль	Сцепом двух 15-футовых комбайнов убрал 1043 га
Головин И.Ф.	тракторист	Салобеляк- ская МТС	орден Трудового Красного Знамени	Добился выработки на тракторе СТЗ 741,23 га
СТФ к-за «Верхне Услино»			диплом 2 ст.	В среднем за два года получила и сохранила 18,65 поросят на свиноматку, при поголовье в 1937 г. — 17 свиноматок, в 1938 — 18 свиноматок
Санчурский район				
Сафонова В. Л.	зав. СТФ	к-з «Пионер»	орден Ленина	Добилась выхода и сохранила в среднем 14 поросят на свиноматку

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Ермолина П.И.	зав. СТФ	к-з «Саватеевский»	большая серебр. медаль	Получила выход и сохранила 28 поросят на свиноматку
Метелева А.Г.	зав. ОТФ	к-з «Макары»	—»—	Добилась получения 215 ягнят к отбивке на 100 маток и покрытых ярков северной короткохвост. породы от 39 голов
ОТФ к-за «Макары»			диплом 2 ст.	В среднем за два года получила 215 ягнят к отбивке на 100 маток и покрытых ярков северной короткохвостой породы от 39 голов
МТФ к-за «Пробуждение»			—»—	Средний за два года удой молока 2242 литра на фуражную корову местного скота при поголовье 14 коров; средне-суточный привес телят до 6-месяч. возраста 643,5 г на голову при полном сохранении молодняка
СТФ к-за «Саватеевский»			—»—	В среднем за два года получила и сохранила 28 поросят на свиноматку при поголовье 8 свиноматок
Свечинский район				
Бусыгин Д.А.	льнотере- бильщик	Свечинская МТС	малая серебр. медаль	За 20 календарных дней выработал на льнотеребилке «Вымпел-5» 203,86 га
Герасимов П.Н.	счетовод	«Рыбокониин»	—»—	Правильно поставил учет и отчетность в к-зе, способств. получению больш. денеж. фондов
Поспелов Г.И.	председа- тель к-за	«Красная заря»	малая золотая медаль	Выполнение плана по развитию, укомплект. живот. ферм на 100%

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Фукалов К.А.	конюх	к-з «Парфено-Фукалов»	малая серебряная медаль	Вырастил 16 жеребцов от 17 конематок
к-з «Красная заря»			диплом 2 ст.	Укомплектовал две животновод. товарные фермы: молочную, свиновод. Средний за 1937—39 гг. удой молока 1675 л на фураж корову. Сдал гос-ву в 1939 г. льноволокна 3,37 ц/га
СТФ к-з «Красная заря»			—»—	В среднем за два года получила и сохранила 17,47 поросят на свиноматку при поголовье 25 свиноматок
Слободской район				
Борцов Д.В.	звеньевой	«Студовский»	малая серебряная медаль	С одного гектара площади получил урожай: 27 ц ячменя, 25 ц яч. пшеницы, 30 ц овса
Катаева Е.С.	доярка	пригородное хоз-во	—»—	2916 л на фуражную корову местного улучшенного скота
Кашина Л.Е.	зоотехник	совхоз	малая золотая медаль	2782 л на фуражную корову при поголовье 100 коров. Сохранение молодняка до 6-месяч. возраста 96 %, средний привес 588 г, 15,4 поросят на свиноматку
МТФ пригород. хоз.			диплом 2 ст.	Средний за два года удой молока 2412 л на фуражную корову мест. улучш. скота при поголовье 100 коров
к-з «Шуковский»			—»—	Средний урожай зерновых 18,18 ц/га с площ. 23,64 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Советский район				
Татаринцев С.А.	ст. конюх	Б. Лужки	большая серебряная медаль	Вырастил 15 жеребят от 15 конематок
Патрушев М.И.	машинист	МТС	малая серебряная медаль	Намолотил за 75 календарных дней на молотилке БДО-34 1025 тонн зерна
Ефремов И.Ф.	комбайнер	Колянурская МТС	—»—	Убрал на 15-футовом комбайне 537,3 га при урожае от 8 до 10 ц/га
к-з им. XVII партсъезда			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 16,21 ц/га с площ. 208,99 га
Сунской район				
Романов Д.В.	председатель к-з	к-з «Новый путь»	малая золотая медаль	Средний урожай зерновых с 21,07 ц/га с площ. 115,60 га
к-з «Новый путь»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 23,9 ц/га с площ. 115,90 га
к-з «Ударник»			—»—	Средний за два года урожай зерновых 18 ц/га с площади 119,50 га
к-з им. Ленина			—»—	Средний за два года урожай зерновых 16,85 ц/га с площ. 143,42 га
Татауровский район				
Емшанов И.А.	опытник	к-з «Красный Октябрь»	малая серебряная медаль	Получил урожай на опытных участках: овса 30 ц/га, яч. пшеницы 20 ц/га. Проводил опыты с пшенично-ржаными гибридами

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
к-з «Север»			диплом 2 ст.	Средний 1937—39 гг. урожай зерновых 19,95 ц/га, льноволокна 37 ц/га, вырастил 17,3 поросенка на свиноматку
Тужинский район				
Ворожцова Е.В.	депутат облсовета			
Гребнев П.И.	председа- тель к-за	к-з им. К. Маркса	орден «Знак Почета»	
Уржумский район				
Жуйков А.Л.	председа- тель к-за	к-з «Садовод»	малая серебр. медаль	Урожай зерновых 21,63 ц/га с площ. 104,75
Гневышев Н.К.	бригадир	Уржумская МТС	—»—	Добился выработки на тракторе СТЗ 798 га
Уржумская МТС			диплом 1 ст.	В среднем за два года получила по обслужив. ею к-зам урожайность зерновых 11,75 ц/га и довела годовую выработку на тракторе ЧТЗ 1770 га, СТЗ 846,4 га, У-2 534 га на 15-футовый комбайн 206 га
к-з «Садовод»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 21,41 ц/га с площ. 107,03 га
Унинский район				
Калинин Н.М.	звеньевой	«Восточный Сурвай»	малая серебр. медаль	Добился урожая овса 31,87 ц/га с площади 8 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
к-з «Яранский»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай льноволокна 3,5 ц/га с площ. 20 га
СТФ к-за «Сушник»			—»—	В среднем за два года получила и сохранила 18,45 поросенка на свиноматку при поголовье 15 свиноматок
Фаленский район				
Возжаева Е.М.	звеньевая	к-з им. «Кагановича»	малая серебр. медаль	Добилась урожая льноволокна среднего номера 13,8 по 12,83 ц/га с площ. 1,50 га
Рякин И.А.	председа- тель к-за	—»—	орден «Знак Почета»	Урожай льноволокна по к-зу 5 ц/га
Кузнецов В.Я.	бригадир	Фаленская МТС	малая серебр. медаль	Добился выработки на трактор СТЗ 914 га
Лопатина В.Д.	дойрка	к-з им. Сталина	—»—	3050 л на фуражную корову местного скота
Махнев В.Г.	звеньевой	к-з им. Жданова	—»—	Добился урожая пшеницы 25,25 ц/га с площ. 2 га
Лекомцева А.С.	свинарка	к-з им. Сталина	большая золотая медаль	Добилась выхода и сохранила 30,3 поросенка на свиноматку
Кузнецова К.В.	—»—	к-з «12 годовщина Октября»	малая золотая медаль	Добилась выхода и сохранила в среднем 27 поросят на свиноматку
Кутепов В.М.	научный сотрудник	селекцион- ная станция	малая серебр. медаль	Вывел два сорта овса: «рекорд 09186», «фаленский 08115»
Акулов П.И.	директор	МТС	—»—	

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
СТФ к-за им. Сталина			диплом 2 ст.	В среднем за два года получила и сохранила 19 поросят на свиноматку при поголовье 21 свиноматка
СТФ к-за «12 годовщина Октября»			—»—	В среднем за два года получила и сохранила 20,2 поросенка на свиноматку при поголовье 30 свиноматок
к-з им. Кагановича			—»—	Средний за два года урожай льноволокна 5 ц/га с площ. 32,50 га
Халтуринский район				
Ершова Е. С.	доярка	к-з им. Степана Халтурина	орден «Знак Почета» малая серебряная медаль	4008 л на фуражную корову истобенской породы
Батракова А.И.	—»—	—»—	малая серебряная медаль	3057,7 л на фуражную корову истобенской породы
Позолотин Н.А.	зав. МТФ	—»—	—»—	2540 л на фуражную корову истобен. породы при поголовье 80 коров. Среднесуточ. привес телят 748,5 г
Демшина А.А.	доярка	—»—	большая серебряная медаль	3148,5 л на фуражную корову
Ситников Л.Д.	бригадир	к-з им. 8 Марта	орден «Знак Почета»	
к-з им. 8 Марта			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 16,87 ц/га с площ. 141,53 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
МТФ к-за «Гребеневский»			—»—	В среднем за два года удой молока 2360,9 л на фуражную корову истобен. породы при поголовье 19 коров
МТФ к-за им. Степана Халтурина			—»—	В среднем за два года получила удой молока 2540 на фуражную корову истобенской породы при поголовье 80 коров, добила среднесуточ. привеса телят до 6-месяч, возраста 748,5 г на голову
Черновский район				
Бусыгина А.Т.	звеньевая	к-з «Красный Трудовик»	малая серебряная медаль	Добила урожай льноволокна 11,2 ц/га с площ. 1,75 га
Паршакова А.Ф.	—»—	к-за им. Кирова	—»—	Добила урожай льноволокна средн. номера 11,7 по 0,5 ц/га с площ. 2 га
Сарпова А.А.	—»—	—»—	—»—	Добила урожай льноволокна 12,1 ц/га с площ. 2 га
Верхорубов М.А.	льнотеребишник	Черновская МТС	малая золотая медаль	Выработал на льнотеребилках ВНИИЛ-5 и ЛТ-7 207,35 га
Шабалинский район				
Демин Т.М.	председатель к-за	к-з «Мир»	орден «Знак Почета»	
Мосеев Н.Г.	председатель к-за	к-з «Страна Советов»	орден «Знак Почета»	
Смертина А.П.	бригадир	к-з «Новый строй»	малая золотая медаль	Урожай льноволокна 6,4 ц/га с площ. 9 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Юферева С.Д.	зав. МТФ	к-з «Наука»	орден «Знак Почета»	Добился урожая семян клевера 3,5 ц/га с площ. семян 4 га, льноволокна 3,66 ц/га с площ. 19 га
Юферева А.С.	колхозница	к-з «Серп и молот»	орден «Знак Почета»	
Петров А.И.	льготере-бильщик	Ключевская МТС	большая золотая медаль	За 22 календарных дня на льнотеребилке ВИСХОМ 251,45 га; обеспечил выработку на 15-сил. тракторе 734 га
Шильников С.А.	комбайнер	МТС	—»—	За 25 календарных дней убрал на северном комбайне 222,50 га
Козлова П.П.	—»—	—»—	большая серебр. медаль	За 25 календарных дней убрала на северном комбайне 217 га
Селезенева Е.И.	льготере-бильщик	—»—	—»—	За 20 календарных дней выработала на льнотеребилке ВНИИЛ-5 204 га
Юферева Е.О.	колхозница	к-з «Якорь»	орден Ленина	
Одогов С.П.	машинист на Антоновке	к-з им. Жданова	орден Ленина	
Мосеев М.Г.	—»—	к-з «Страна Советов»	орден «Знак Почета»	
к-з «Наука»			диплом 2 ст.	В среднем в 1937—1939 гг. урожай льноволокна 4,63 ц/га
к-з «Красный дом»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 20,05 ц/га с площ. 65,50 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
к-з «Новогуляевский»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай: зерновых 19,4 ц/га с площ. 69,54 га; клевера 2,92 ц/га с площ. 4 га
к-з «Полянский»			—»—	Средний за два года урожай зерновых 19,17 ц/га с площ. 67,40 га
к-з «Новый строй»			—»—	Средний за два года урожай льноволокна 4,7 ц/га с площ. 28,25 га
Шарангский район				
Куклина Н.П.	председатель к-за	к-з «Культиватор»	большая золотая медаль	Урожай льноволокна среднего номера 16,65 по 18 ц/га и 3,78 ц/га с площ. 3 га
Лоптева В.С.	звеньевая	к-з «Красное Знамя»	—»—	Урожай льноволокна 7,2 ц/га с площадью 3 га
Подоплелова В.В.	—»—	к-з «Луч»	малая серебр. медаль	Урожай льноволокна 10,26 ц/га с площ. 2 га
к-з «Культиватор»			диплом 1 ст.	Средний за два года урожай льноволокна 5,56 ц/га с площадью 39,5 га
к-з «Победа Октября»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай семян клевера 4,73 ц/га с площ. семенников в 1937 г. 7 га, 1938 г. 18,6 га
Шестаковский район				
Елькин Н.И.	бригадир	к-з «Красная Талица»	орден «Знак Почета» малая серебр. медаль	Урожай зерновых 19,87 ц/га с площадью 90,67 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Лопаткин Я.Ф.	бригадир	к-з «Башарский»	малая серебр. медаль	Урожай яровой пшеницы 22,04 ц/га с площ. 6,34 га
Ракитин А.Ф.	комбайнер	МТС	большая золотая медаль	Убрал за 23 календарных дня северным комбайном 219,50 га
Швецов В.Н.	зав. участком агроном	Госсорт-участок	большая серебр. медаль	Сортучасток получил урожай зерновых 21 ц/га
Мозгунов Н.А.	звеньевой	к-з «Красная Талица»	малая серебр. медаль	Урожай семян клевера 4,85 ц/га с площ. 2,25 га
к-з «Красная Талица»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 16,49 ц/га с площ. 270,78 га
Шурминский район				
Попов А.Г.	директор	Аджимская МТС	большая серебр. медаль	По обслужив. к-зам урожай зерновых 10,42 ц/га выработано на 15-сил. колесном тракторе 710 га, на 15-футовом комбайне-315 га
Грехов П.И.	агроном	—»—	—»—	Получено на участках льноволкна от 3 до 5 ц/га, льносемян от 3,8 до 7 ц/га, зерновых 11,04 ц/га
Бяков В.И.	механик	Шурминская МТС	малая серебр. медаль	Выработка на 15-футовый комбайн 344,50 га при урожайности 10 ц/га
Напольских И.Е.	тракторист	Аджимская МТС	—»—	Выработал на тракторах ХТЗ 748 га
Решетникова Е.Ф.	бригадир	Шурминская МТС	—»—	Добилась выработки на тракторе СТЗ 803 га, на тракторе У-2 723 га

Фамилия, имя, отчество	Выполняемая работа	Место работы	Чем награжден	Показатели
Матрохин В.П.	ст. механик	Аджимская МТС	—»—	Выработал по МТС на 15-сил. тракторе 710 га, на 15-фун. комбайне 315 га
Теленков И.В.	бригадир	—»—	—»—	Выработано на тракторе ЧТЗ 2387 га
Четвериков А.Г.	тракторист	Шурминская МТС	—»—	Выработал на тракторе СТЗ 613 га
Аджимская МТС			диплом 2 ст.	В среднем за два года получила по обслужив. ею к-зам урожайность зерновых 10,42 ц/га; довела год. выработку на трактор ЧТЗ до 2176,20 га, СТЗ до 797,85 га, на 15-фут. комбайн до 573,50 га
Яранский район				
Веретенников И.И.	чабан	к-з «Красный Маяк»	малая серебр. медаль	Получил 230 ягнят к отбивке на 100 маток и покр. ярок; настриг шерсти 2,12 кг со взрослой овцы северной короткохвостой породы
Двинянина А.П.	—»—	к-з «Пепенический»	—»—	От северной короткохвостой породы 190 ягнят к отбивке на 100 маток и покр. ярок
к-з «Тарасовский»			диплом 2 ст.	Средний за два года урожай зерновых 16,25 ц/га с площ. 97 га
МТФ Яранского опытного поля			—»—	В среднем за два года удой молока 2003,1 л на фуражную корову метисов холмогорской породы при поголовье 28 гол.

С. КОКУРИНА, Т. КОЖЕВНИКОВА

ФИЛИППОВСКАЯ БОЛЬНИЦА: ВЕК МИЛОСЕРДИЯ

2001 г.

Сто лет в центре села Филиппово Кирово-Чепецкого района стоит величественное здание больницы. Торжественное открытие Филипповской земской больницы состоялось 15 октября 1903 г.

Почему земская управа решила строить лечебницу в этом селе? Объясняется это удобным его географическим положением. В приходе Троицкой церкви на начало века насчитывалось 50 населенных пунктов, население составляло 2981 чел. мужского и 3287 — женского пола, среди которых было 980 детей. Мелкие села и деревни со всех сторон окружали Филиппово, были расположены густо и удалены незначительно.

До строительства больницы местное население за медицинской помощью почти не обращалось, так как ездить в уездный центр было накладно. Ближайший фельдшерский пункт находился в с. Ржаной Полом, где оказывался очень узкий круг услуг. Работал там талантливый фельдшер Николай Григорьевич Лютиков. С появлением в Филиппово лечебницы Поломский медпункт был закрыт, а фельдшер Лютиков стал помощником первого в земской больнице врача Людвиг Константинovich Звержховского (до 1930 г. больница на территории этого округа оставалась единственной).

Место для больницы было выбрано в конце главной улицы села, где находился пустырь и где можно было разместить все больничное хозяйство. Что представляла собой земская лечебница на момент открытия? Двухэтажное здание из красного кирпича с железной крышей. Парадное крыльцо выходило не на дорогу, а на внутренний двор. На нижнем этаже были помещены амбулатория, аптека, приемная врача и кухня, на верхнем этаже — палаты для больных. Коечный фонд больницы составлял 15 кроватей.

Рядом стоял похожей планировки дом для медицинского персонала. На верхнем этаже располагалась квартира заведующего больницей, на нижнем проживали фельдшер и акушерка. Еще одно здание для служащих находилось по другую сторону от главного корпуса, одноэтажное деревянное, мало отличающееся от соседних крестьянских изб. Здесь жили медсестры и другие работники лечебницы.

Началась работа больницы в трудных условиях. Деньги поступали только из земства, их едва хватало на закупку белья и мебели, сложился острый дефицит медикаментов и медицинских инструментов. Была еще проблема — отсутствие барака для зараз-

ных больных. Об этом писала «Вятская газета» (1903. 6 окт. С. 105). Заразных больных не принимали, и крестьяне крайне удивлялись, что им отказывают в помощи с их серьезной болезнью, а лечат менее серьезные заболевания. Появилось разочарование местного населения в пользу врачей. Земская управа еще до открытия больницы указывала на необходимость постройки барака для заразных больных, но ответа так и не получила.

Новый врач Николай Андреевич Мартынов к 1905 г. добился 20 штатных, 4 запасных кроватей, появились смотритель, новые хозяйственные постройки: прачечная, усыпальница, сушилка и две бани. Было освобождено помещение для устройства родильного отделения. Проведены работы по внутренней отделке главного корпуса и каменного дома для служащих. Начинается расширение квартир для служащих. В 1906 г. вступил в действие барак для заразных больных с тремя отделениями и коечным фондом в 20 кроватей. Все постройки производились крестьянами из местных, их труд был оплачен земством.

Теперь больница располагала всем необходимым для борьбы с болезнями населения, постепенно доверие крестьян к врачам и медицинской помощи возрастало. Нужно было решить другую проблему — высокую степень заболеваемости детей золотухой и рахитом. Большинство крестьянских семей жили в нужде. Условия проживания детей и взрослых в крестьянских избах были тяжелыми. Медицинскому персоналу приходилось много заниматься санитарно-просветительской работой.

Число посещений лечебницы становилось все больше: 1904 год — 4871 чел., в 1912 — 410135, в среднем на прием в день приходило 110 человек. Значительные успехи были сделаны в борьбе с оспой. Оспопрививатели Савиных, Степанова и Куршакова делали прививки около 2,5 тыс. детей. Смертность составляла 6,5 % — для того времени очень неплохой показатель. Земская больница располагала 35 штатными и 14 запасными койками. Усилился спрос на лекарства — появился помощник провизора.

Третий врачебный участок, который обслуживала Филипповская больница, имел 536 населенных пунктов (число жителей 48223 чел.). За каждым выездным медпунктом был закреплен фельдшер.

Началась Первая мировая война. Взрослое мужское население было призвано на фронт. Вятская губерния, небогатая квалифицированными медицинскими кадрами, отдала на фронт лучших своих представителей. В годы революционных событий были закрыты земства. Несколько лет для медицинских учреждений прошли почти при полном отсутствии финансирования, ощущался дефицит лекарств. К счастью, 3-й врачебный участок финансировался, хотя и недостаточно, хватало для оказания элементарной помощи больным.

В 1934 г. Филипповскую больницу возглавил врач Н.П. Спиридонов. Для улучшения содержания больных и их питания он начал с реорганизации больничного хозяйства — строительства коровника и свинарника (на земельном участке выращивались овощи), теперь столовая была обеспечена мясом. В колхозе на содержание больницы были поставлены две лошади, на которых доставлялась вода из речки Филипповки (другого источника не было), осуществлялась вспашка земельного участка и другие работы. На лошадях выезжали по вызову в окрестные деревни фельдшера, медсестры, делающие прививки и ведущие разъяснительную работу среди крестьян. Для ухода за коровами, свиньями и лошадьми местный колхоз выделил трех человек. Лошади оказались незаменимы для сельской больницы, даже с появлением санитарной машины, лошади продолжали нести свою службу вплоть до 70-х гг.

Нелегко доставалось врачам уважение населения к их труду. Еще в начале XX в. крестьянин смотрел на больницу, «занимавшую много земли», как на что-то не нужное и для него, земледельца, бесполезное, в то время как есть знахарки, у которых еще бабушки лечились. «Снимать хворь ведуньям дано от природы, да и лечат они травами и настоями, а что там намешено в бутылочках, которые прописывает врач, одному богу известно», — рассуждал крестьянин.

Прогрессивные перемены в обществе не могли не затронуть самый консервативный слой населения — крестьянство. Медицинские работники отстаивали научные идеи, одержали победу над народным невежеством.

По материалам дипломной работы слушателя областной очно-заочной краеведческой школы.

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.В. СЕРГЕЕВ

Вятское крестьянство на рубеже XIX—XX веков

Представители интеллигенции в Вятской губернии, как и во всей России, всегда проявляли повышенный интерес к народу со свойственным им стремлением к «народознанию». Кроме идеалистически завышенных оценок крестьянства существовали и реальные, лишенные «греха народолюбия».

А.П. Батуев, ставший председателем Вятской губернской земской управы, в юные годы размышлял: «Многие упрекают меня

за ...идеализацию простого народа. Они указывают примеры, в которых ясно, как день, показывается недобросовестность, неблагодарность, глупость и тупость простого народа. Но ведь эти примеры показывают только одно, что если простой народ так не хорош в разных отношениях, то надо стараться всячески изменить в нем эти нехорошие черты воспитанием и возвышением его нравственного достоинства, тогда он будет и добросовестен, и благодарен, и умен». (Батуев А. Исповедь. Киров, 2000. С. 49).

Интеллигенция отмечала особенности самосознания народа. «Любимое мое занятие, — записал Д.К. Зеленин в «Дневнике семинарских лет», — это наблюдать расстилающиеся передо мной картины жизни, характеров и т.п., нахожусь ли я на парте в классе или на пароходе, все равно». (Зеленин Д. Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 94).

Ценным источником для изучения менталитета крестьян является словарь вятского говора Н.М. Васнецова, зафиксировавший различные стороны народной жизни. (Материалы областного объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907). Составитель говорит о народной педагогике, исполненной уважением к крестьянскому труду: «Борноволок. Тот, кто боронит. Борноволоками большей частью бывают ребята, — и в этом отношении они необходимые своего рода работники в семье. «Он у меня уже борноволок» — ласкает дед своего внука».

К учителям отношение проявлялось неоднозначно, что зависело от качества их работы (по представлению самих крестьян): «Какие учительники! Только ребят балуют». Однако способный ученик заслуживает уважения: «Цыфарь». «Паренек хорошо уж ходит и по цыфарю». Грамотность уважалась крестьянами: «Вострограмотный. «Ой, парень, учитель у нас вострограмотный!» К обучению детей у крестьян наблюдалось двойственное отношение. Первоначально существовало представление, что достаточно минимального образования, которое не позволяло бы подрастающему поколению отходить от традиционных устоев.

Все же васнецовский словарь отмечал слабый уровень грамотности многих крестьян, даже вообще неумение читать и писать. «Бирка. Для безграмотных своего рода служит записью. На бирке безграмотного деревенского старосты нарезываются тамги домохозяев при отбывании каких-либо натуральных деревенских повинностей, ночного караула, подводной очереди и др.». Случалось, что крестьяне, получавшие начальное образование, впоследствии забывали грамоту, поскольку некоторым она просто не пригождалась. Высказывания народа иногда приводили интеллигенцию в умиление их первозданной «простотой». На ярмарке в Орлове крестьянка говорила купившему гипсовую «оригинальную рожицу негра вятского мастера И.П. Каравае-

ва»: «Что ты, батюшка, зачем берешь такого черномазого дьявола. ... возьми-ка лучше эту телушку». (Вят. вест. 1905. 7 июля (№ 146). Объяснения, кто такие негры, оказались напрасны.

Однако со временем нарастало стремление дать детям знания, чтобы они преуспели в жизни. Подобные настроения подогревались отходничеством, уходом молодежи в город на заработки, где происходило знакомство с иными ценностями.

П.М. Богаевский замечал: «Семейное начало с каждым годом слабеет все более и более, правовые воззрения, выработанные и проверенные веками, забываются, свое родное мировоззрение заменяется чужим, наносным. Лишь малейшее облегчение сношений глухого уголка с центром — сейчас же замечается падение нравов, падение всякого уважения к старине и стремление, хотя бы внешним образом походит на носителей так называемой культуры». (Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 1—2).

Н.М. Васнецов отмечал появление новых слов: «Как затменье было, приезжали вострономы». Обычное слово «Дейсва» (действия) объяснялось через восприятие довольно нового явления: «Загляделся на дейсва на пороходе». (Тем не менее, крестьяне не сразу привыкали к новшествам. Житель Пинюжанской волости Орловского уезда, пожелавший «высмотреть локомотив», рассказывал односельчанам в 1899 г.: «Ходил я сейчас смотреть машину... Она и идет. Глаза зеленые у ней, большие. Как увидела меня, запрыскала, запыскала!.. Я бежать...». (ВГВ. 1899. 6 марта).

Многое в деревне еще сохраняло элементы архаичности, хотя приметы нового неизбежно наступали. Комментируя слово «подел», при котором размежевание полевых угодий происходило на традиционных началах, Н.М. Васнецов отметил, что это уже остаток старины. В «Словаре» запечатлелись новшества, проникавшие в крестьянскую жизнь. «Надо заплатить арент» (аренду), «Ему барыш от арент». Новые отношения часты в объяснении слов. «Вкупиться». Войти с кем-нибудь в известную сделку. «Вкупиться в землю — войти в товарищество при снятии аренды у кого-либо земли». «Вкупиться в пчёл» — пользоваться медом, при нежелании самолично ухаживать за пчелами, вкупиться у пчеляка в треть и т.п.

Новации неизбежно влекли за собой тенденцию к непослушанию. «Ребята начали вольничать, старики им пригрозили на сходке». Но «вольничают» не только на деревне. «По ночам вольничают тут на дороге». В «Словаре» ощутимы мотивы нарастающего неспокойствия в деревне. Слову «взбаламутить» составитель придает даже социальный мотив: «Возмутить, взбудоражить общество с целью сопротивления чему-либо или кому-либо». «Стали делать разверстку, а богатые мужики взбаламутили все общество».

Васнецов отмечал неоднозначное, в целом недоброжелательное отношение к сельскому выборному начальству: «Волосной. Волостной старшина, сельский писарь». «На деревню наехали волосные», «Надо утешить волосных». Нейтральное слово «вороньё» объясняется в данном случае с оттенком бранного для выражения нахальства, жадности: «Настоящее вороньё, все обобрали». Социальные мотивы в деревне нашли отражение в комментарии слова «горлохват» — «Живодер, хопужник, как бы хватающий за горло», «Мужик, горлохват, сдерет последнюю одежду». В словесный обиход входили не только названия новой одежды вроде «спинжака», но и такое выражение — «сполитично». «Это нам, крестьянам, несполитично, барину сполитично».

В 1906 г. Д.К. Зеленин рекомендовал: «...приводить... свидетельство самих крестьян об особенностях в быте и говоре их соседей». (ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 665. Л. 4). Он сообщил секретарю Вятского губернского статистического комитета Н.А. Спасскому о необходимости типографского издания «Программы для этнографического описания русских жителей Вятского края», о ее рассылке «для членов статистического комитета, директору народных училищ для учителей, благочинным для священников». (Там же. Л. 1 об.). Важную задачу ученый видел в изучении современного состояния крестьянской жизни: «Сотрудники должны также помнить, что они описывают состояние вятского крестьянина в начале XX века, т.е. в определенный момент времени. Народная жизнь идет вперед, и каких-нибудь полвека назад она была иною, а не такою, какой мы ее видим в настоящее время. Обычное мнение, будто этнографа должна интересовать только старина народной жизни имеет не меньшее право на внимание этнографа. Мы же своей задачею ставим именно сравнение современного народного быта с прежним». (Там же. Л. 7).

Наряду с изучением материальной стороны жизни крестьян Зеленин предполагал исследование их общественной жизни: «Юридические обычаи. Порядки на крестьянских сходах; волостной суд; выборные должностные лица. Ход выборов в Государственную Думу и отношение к ним крестьян. Толки народа во время и после войны с Японией, а также во время беспорядков. Описание волнений, где они были». (Там же. Л. 6 об.).

Ученый обращал внимание корреспондентов на «старые» («медвежь») углы и на более «образованные», на отношение крестьян к школе, в частности, к женским школам, к числу грамотных крестьян и крестьянок, есть ли среди них люди со средним и специальным образованием (такие могли появляться в сельской местности — интеллигенты в первом поколении), какие книги и газеты читают деревенские жители. Он советовал информаторам интересоваться поведением молодежи, выяснять

улучшаются или ухудшаются нравы на деревне, попытаться найти этому причины.

Д.К. Зеленин создавал, что традиционный быт неизбежно уходит из деревни. Он был благодарен записям от сельских учителей, приходских священников, крестьян: «Случайные заметки этих авторов, пишущих о своей родной деревне, часто очень драгоценны, свою деревню, приход или даже угол уезда, в котором они родились или воспитались, или же целые десятилетия провели на службе, эти авторы знают превосходно. И в этом их сила и достоинство». (Вят. вестн. 1905. (№ 100). 7 мая С. 2—3). Зеленин высказывал признательность Н.А. Спасскому, священникам Н. Кибардину, Я.Ф. Мултановскому, Вл. Покровскому, А. Попову, поэту-крестьянину А. Грудцыну, земским учителям. Рукописи учителей объемом в 13, 19, 23 листа иногда сопровождалась фотографиями жителей деревень и построек, карандашными зарисовками сельскохозяйственных орудий. Один из корреспондентов-крестьян М. Сунцов посылал описание своей волости, а также «Крестьянские сказки», записанные в 1904 г. Взятый в военную службу он из казармы беспокоился о материалах, присланных Зеленину через статистический комитет. (ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 655. Л. 31, 32 об.).

Зеленин давал уважительные характеристики крестьянам, бескорыстно помогавшим ему в сборе фольклора. В с. Лом Яранского уезда в начале 1900 г. некий «сказочник» помимо сказок пересказывал крестьянам роман «А.К. Толстого «Князь Серебряный», со всеми подробностями, «не перевирая и не перемешивая имен». Ученый узнал, что этот крестьянин начитался «хороших книжек в городе». Также он рассказывал «сказку о принце и нищем» (повесть Марка Твена) и некоторые другие повести и романы». Эти новые явления Зеленин оценил: «Вот что идет на смену народной сказке». И хотя в круг чтения (и в пересказ книг) примешивалась «лубочная литература», он отметил, что «...на месте сказов мы видим произведения мировой литературы, которые с народными сказаниями никакой связи не имеют». (Зеленин Д. Великорусские сказки Вятской губернии. СПб., 2002. С. 12—13).

Признаком новых явлений стал уход молодежи из деревни. Крестьянский труд для некоторых становился в тягость. Уход на заработки оказывался привлекателен, что отразилось в частушках. «Зимогоры-молодцы // Ни о чем не тужат». Но пользовалась успехом и «бумажная работа» (для этого и пригождалась грамота): «До Казани мы дойдем, // Мы нигде не пропадем // Мы читать-писать умеем: // В писаришки попадем». В мечтаниях молодежи представала даже Москва: «Брошу я деревню // Поеду жить в Москву». Это пели парни. Но и девушки тоже оказывались подвержены новым тенденциям: «Кто солдатиков не любит // А я стала бы лю-

бить, — // Образованные люди: // Знают, што поговорить». Тут важно, что они «образованные». Или: «Тебя любят мужики // Меня машинисты».

Новые явления в жизни крестьян проявлялись и в семейных делах. Уходил в прошлое семейный деспотизм. Многие в нравах менялось, молодежь сознавала свободу в устройении судьбы, негативно относилась к архаичным традициям проведения свадеб, сопровождаемых материальным разорением, попаданием в долги. Д.К. Зеленин приводил частушку: «Уж ты тятка, тятка мой, // Сядь, подумай-ко со мной... // Возьму милу за меня!» Сначала парень предлагает вместе с отцом поразмышлять, но в случае не согласия, если «тятка» воспротивится, со стороны сына следовала угроза: «Я не пахарь буду твой, // Не метальщик стоговой, // Не косильщик луговой».

Крестьянские девушки тоже не отставали в «эмансипации» — в случае родительского отказа на брак с «милёночком» они категорически заявляли: «Не пойду я ни жать, ни косить...» Но с «милёночком» девушка всегда готова работать: «Помогика, мой хороший, // Мне зародец дометать!» Стремление к труду заслуживало похвалы. В молодежи крепло чувство здоровой индивидуальности, тяга к созданию семьи, независимой от произвола старших. Но «вольное» поведение девушек не одобрялось: «Нынче годики худые, // Хлебы не родятся; // У нас девушки играют: // Бога не боятся!»

Новизну, входившую в деревню, отмечали учителя, статистики, этнографы. «...Чужая культура весьма часто предпочитается, в глухих местах, местной старой культуре, хотя бы последняя и была выше первой, — констатировал Зеленин. — На этой почве наша деревня сменила старинную красивую одежду на кургузые немецкие пиджаки и кофточки, старинные гусли и волынку — на гармонику, старые поэтические песни — на новые городские романсы». (Там же. С. 29).

Увлечение «городской» одеждой крестьянской молодежью в немалом зависело от приезжавших к сельской интеллигенции их детей — студентов, семинаристов, курсисток. В частушках упоминаются часы, калоши, «кофточки в оборочку», «под польку волоса». Отсюда и выбор партнера: «Черным зонтом подперлась, // С писарем стояла». Или: «Полюбила фершала, — // Свое сердце тешила: // Полюбила Фединьку // За одну конфетинку». Стремление к нарядности превозмогло стародавний обычай не работать по воскресеньям: «В воскресенье согрешила // Сарафан с оборкой шила». В записях Зеленина характерна частушка: «У Мишутки зонтик есь — // Дома нечего поесь; // На белой груди часы, — // Сееть нечем полосы».

Крестьянин В.С. Созинов, часто выступавший в местной печати, выражал озабоченность проникновением в деревенскую жизнь лотерей, усердно рекламируемых некоторыми газетами. Обещания, как приобрести ценную вещь бесплатно, или вещь в 17 руб. за 1 рубль, за еще золотую, манили определенную часть сельского населения. Спасать от нечестных посулов могла только грамота. «Умный и развитый человек, правда, никогда не займется такой спекуляцией, а мужик по своей неразвитости, невольно делается жертвой обмана». (Вят. вестн. 1905. 11 марта (№ 56). С. 3).

Молодые стали носить «спинжаки». В лексику входили новые слова: «франт», «франтик», «форсун», «фертик». Так могли быть названы и сами себя называть деревенские парни, одетые «по-городски». В этих словах, если их употребляли старшие, чувствовалась некоторая доля неодобрения и иронии. Проникали в деревенскую среду и такие слова вроде «мерси». Один из корреспондентов «Вятского вестника» отзывался о тех, кто употреблял такие выражения, что это люди с «низшим образованием», а «мерси» взято из города горничными, живущими в услужении у господ. (Там же. 15 июля (№ 153). С. 2—3).

О вятчанах отзывались не только уроженцы края. Известный историк и археограф Н.Н. Оглоблин писал в журнале «Русское судоходство»: «Если не придирается строго к «вятской простоте», то с вятчанами жить можно и сойтись с ними нетрудно: это народ добродушный, мягкий, общительный, несмотря на кажущуюся суровость, замкнутость и грубоватость». (Там же. 4 июня (№ 120). С. 3).

Интеллигенция проявляла повышенный интерес к крестьянской жизни и быту. На страницах губернской периодической печати появлялась информация о позитивных сторонах жизни в деревне. Авторами статей и заметок являлись или представители интеллигенции, работавшие в сельской местности, или грамотные крестьяне. Это были сообщения об открытии яслей для крестьянских детей, о самоотверженных поступках людей при стихийных бедствиях или пожарах, о благотворительных акциях крестьян, имевших для этого средства, о закрытии по решениям сельских или волостных собраний питейных заведений.

В.Н. Шкляев вспоминал о появлении в конце 1890-х гг. среди населения Холуницкого завода «новой фигуры». «... Эти молодцы точно объявили протест всему и всем. Они отчаянно дрались, пуская в ход даже ножи». (К отцу мемуариста, заводскому врачу, часто доставлялись жертвы таких инцидентов. Кстати, «нарушители спокойствия» не совершали краж и ограблений). Шкляев объяснял причины такого поведения: «Мне кажется, это было своеобразное проявление протеста против существовавших тогда порядков, протеста стихийного, бессозна-

тельного, темного, не направленного к ясной цели». (ЭЗВ. Т. 4. Киров, 1995. С. 270). Однако, хулиганские проявления встречали сопротивление, обиженные надеялись на вмешательство волосатых властей, что отразилось в частушке: «Парень девицу ударил, // Девушка в правленьё!».

Демократическая интеллигенция уважительно относилась к духовным запросам народа. Говоря о пользе для крестьян публикаций в «Вятской газете» сведений о ведении сельского хозяйства, промыслах, ветеринарный врач И.Л. Братчиков рассуждал: «Крестьянина интересуют не только промыслы, а многое другое. Он интересуется историей своего государства во всем его объеме, и жизнью народов, его населяющих, ему интересно также знать историю и жизнь других народов, он интересуется законами и распоряжениями правительства, которые влияют на его жизнь с разных сторон и которые он даже обязан знать, он интересуется земством которое призвано удовлетворять его местные пользы и нужды... поэтому крестьянину нужна такая газета, которая сообщила бы знания по самым разнообразным вопросам, которая заставляла бы его вдуматься в жизнь, пробуждая интерес к знаниям, развивала бы любовь к чтению, к самообразованию». (Вят. газ. 1894. 31 марта).

Однако негативные явления в общественной жизни тревожили интеллигенцию, как радикально настроенную, так и ее представителей из консервативных кругов. Возникало представление о «старых временах», когда будто бы существовала всеобщая благость. Апологию былому дал купец К.И. Клепиков: «Прежде была простота и доброта, послушание и повиновение старшим, был порядок, как в общественной, так и в семейной жизни. Семейства были большие; утром пойдут или поедут на работы или по другим делам — всегда скажут: «Батюшка, матушка, благословите». Старики скажут: «С Богом!» Этот порядок был в городах, селах и деревнях у христиан, магометан и язычников... В настоящее время в городах мальчишки и девочки с 15 лет уходят из дома, не спрашивая разрешения у отца или матери. Мать скажет: «Куда пошел?» — «Нужно, что вам? Я знаю куда, ныне не прежние порядки...». (Прил. к ВГВ. 1899. 6 мая (№ 52). С. 2—3).

Примечательны размышления А.П. Батуева о положении народа, о «четвертом сословии» — рабочих и крестьян, сделанные им в ранней юности. (Первые три сословия, по Батуеву — дворянство, духовенство и буржуазия). «Четвертое сословие» хочет «добиться равноправности не фиктивной только, но и действительной. Борьба за его права «несомненно совершится кровавым путем, если только не будут своевременно сделаны уступки». (Батуев А. Исповедь. Киров, 2000. С. 39).

Т.К. НИКОЛАЕВА

ЧАСТУШКИ 1920—1930-Х ГОДОВ

В самом начале XX века частушка заняла едва ли не ведущее место среди вновь возникавших поэтических фольклорных текстов. Она всегда была удобной для агитационной и пропагандистской работы на селе и в маленьких городах. Наряду с настоящими народными частушками, которые рождались на деревенских посиделках и народных гуляньях, стали появляться агитки «под частушку». А в 30-е годы к созданию агитационных частушек были привлечены и профессиональные, и самодеятельные поэты. Тогда они в большом количестве печатались во всех газетах по всей России.

В 1927 г. в Вятке вышел сборник «Тальянка», включивший более 200 частушек. Только несколько десятков из них были старыми деревенскими «коротенькими песнями», большинство же — частушками-агитками. Но интересно то, что некоторые из них стали жить в народе наряду с традиционными. Их записывали потом во многих районах вплоть до начала войны. Всего же, например, только в моем собрании частушек находится около 3000, так что показать сегодня мы можем только маленькую часть этого собрания. Вот небольшая подборка из сборника «Тальянка».

Не форси, форсистая,
Милашка голосистая —
Без тебя не пропаду,
Комсомолочку найду.

Если поле городить,
Надо много лесу.
Беспартийного любить
Мало интересу.

Хороша наша деревня,
Только улица грязна.
Беспартийных девок много,
Комсомолка я одна.

Не болтай, хозяин, лампу,
Не смотри на керосин —
Комсомольцы к нам не придут,
Мы недолго просидим.

В поле елочка сухая,
Хорошо ее пилить.
Моя милка в комсомоле,
Мне венчаться не велит.

Мил зовет к попу венчаться:
Пусть, мол, брак упрочится.
Жалко с милым расставаться
И к попу не хочется.

Частушки, записанные в 30-е годы.

Про меня наговорили,
Я слыхала от людей:
Она гуляет с бригадиром,
То и много трудней.

По-стахановски косила,
По-стахановски гребла,
У подруги по-стахановски
Дружка отобрала.

Лейтенанты, лейтенанты,
Эполеты носите,
Образованные люди,
А у девок просите.

Шел я лесом, видел белку,
Видел волка на суку.
Не пробить колхозны двери
Ни попу, ни кулаку.

У попов плохи дела —
полное безлюдье.
Перельем колокола
на сельхозорудия!

Парни дрались и ругались
С осени до осени.
В комсомольцы записались —
Хулиганить бросили.

Скоро, скоро снег растает,
С нашей речки лед сойдет.
Скоро, скоро по всем странам
Революция пойдет.

На горе стоит береза,
Под горой течет река,
Мы при помощи колхоза
Уничтожим кулака.

Каблуком, подружка, бей,
Мы не хуже всех людей —
Мы за лето заработали
По двести трудодней.

Наша улица большая,
Километра полтора.
Не любите, девки, Ваньку,
Он ломает трактора.

Я на тракторе работала —
Машина хороша,
Ухажера заработала,
А хлеба — ни шиша.

(Лебяжский район)

Умилился поп до слез,
Думал — ход с иконами.
Обознался: шел обоз
С хлебом и знаменами.

Я святых не признаю
И не знаюсь я с попом,
Я «святыми» прикрываю
Кринку с кислым молоком.

(Белохолуницкий район)

Комсомол — семья родная,
Как тебя не уважать?
Хоть неграмотной была я —
Стала Пушкина читать.

Коммунистов любить
Нам не годится —
Надо чисто ходить,
Богу не молиться.

(Из рукопис. журнала «Чепецкий край»)

Ты, подруженька, не пой,
Тебя не слышит милый мой,
Милый мой работой занят
На весенней посевной.

Раскудрявая рябина
Кисти свесила в реку.
Я ударника-мальчишку
Трудоднями завлеку.

(Вятскополянский район)

Я иду, а мне на встречу
Куст зеленых елочек.
В Истобенском техникуме
Учится миленочек.

(Оричевский район)

Пароход идет по речке,
Под ним вода кольцами.
Старики в соревнованиях
Вровень с комсомольцами.

Ах, подруга верная,
Не люби военного.
Я любила всей душой —
Он в солдатики ушел.

Хорошо бы посмотреть
Моего миленьчка,
Как идет ему шинель,
Как идет винтовочка.

Розу алую срывала
И садила во стакан.
Тракторист мене изменит,
Роза алая, завянь!

Боевая я девчонка,
Боевой характер мой.
Не сумеет ягодиночка
Ухаживать за мной.

Уберите из-под лавочки
Тупые топоры.
Не считай меня залеточкой
С теперешней поры.

Милка — золото витое,
Милка — жемчуг дорогой.
Кроме милочки не надо
Мне любви никакой.

Карамель-конфеточка
В кармане залежалась.
Я в девчонку не влюблялся,
Она в меня влюблялась.

Я горда, но не спесива.
Жизнь колхозная красива.
Кто не верит мне в кредит,
Пусть придет, поглядит.
(Богородский район)

Мой залеточка ушел
Только на два годика.
Все равно его дождусь —
Я еще молоденька.

Если враг войну затеет,
Мы его не пощадим.
Хоть на суше, хоть на море
Разобьем и разгромим.

(Шарангский район)

В сороковых годах несколько частушечных рукописей прислал собирателю фольклора Л.В. Дьяконову крестьянин из Кичминского (ныне Советский) района И.И. Домрачев. Собирали они их много лет практически по всей области.

На заборке есть часы —
Не стучают, не брякают.
Чудаки — его не женят
И меня не сватают.

Я нарядно снарядилась,
Я бело промылась,
Я девчонка молода
К любви торопилась.

Не форси, милок, часами,
Я тобой не дорожу.
Ты венчаться хочешь в церкви,
А я в церковь не хожу.

Много часиков набило,
А часы все чик да чик.
Я к молоденькой девчонке
Мальчишеска привык.

Я любила ягодиночку,
И он меня любил.
Фотографию карманную
Мне на память подарил.

Милый ходит в лапотках
На высоких каблуках,
Шароварина худая
И фуфаячка в дырах.

Эх, милка моя,
Роза аленькая!
Роза — аленький цветок,
А я мальчишка-василек.

В том конце огонь горит,
Подруга кофточку кроит,
Кофточка цветистая,
Подруга голосистая.

Мы сидели с баянистом
На тесовой лавочке.
Заперта наша любовь
На стальной булавочке.

Прилетает и садится
Голубок на западок.
Всю работу, мама, брошу —
Вышью милому платок.

Снегу белого надуло,
Снегу много нанесло.
Мой миленок — комсомолец,
А я гуляю весело.

Кировская лесопилочка
Пилит зеленый лес.
Милый мой, садовый яблочек
Гуляет, он не здесь.

По ту сторону реки
Автомашины бегают.
Милый, ваши серы глазки
Притяженье делают.

Получила два письма,
Смотрю — знакомая рука.
Интересно милый пишет
Девушке издалека!

Я — девчонка-ученица,
Есть ученический билет.
Из-за этого билета
У меня миленка нет.

Кировской красивой карточку
Родным не покажу.
Ночку темну нагляжусь —
День веселый я хожу.

Никогда я не гадала,
И не буду ворожить.
Какой залеточка достанется,
С таким и буду жить.

Месяц светит на рублевку
А звезда-то на пятак.
Куплю милочке ботиночки,
Сестра проходит так.

Посиди, миленок, доле
На дровах, на чурочке.
Я любила, любить буду
В хромовой тужурочке.

Белы чесанки скатали
Под галоши лаковые.
Мы с миленочком красой
Оба одинаковы.

На колхозну вечеринку
Мы сегодня не пойдем,
Мы свое весело время
Лучше дома проведем.

Где-то молния сверкает,
Где-то дождичек идет.
Где-то милочка гуляет —
Слышно песенки поет.

Ягодиночка уехал
На моторке-лодочке,
Оставил на сердце тоску
Молоденькой девчоночке.

Напишу письмо чернилам,
Запечатаю сама.
Я пошлю письмо в Кумены,
Прочитай: люблю тебя!

Паровоз пары пускает,
По дороженьке бежит.
Собирайтесь, ребята,
В Красну Армию служить.

В.А. БЕРДИНСКИХ

НА КРЕМНИСТОМ ПУТИ К ХРАМУ

(Воспоминания очевидцев)

В XX веке Россия раскрестьянилась. Ушел в прошлое огромный материк русской народной культуры, лишь сейчас осознаваемый нами как величайшая ценность. Но крестьянская цивилизация, создававшаяся в нашей стране сотни лет, имеет в лице ныне живущих стариков своих последних свидетелей. Еще живы люди, пахавшие по единоличному, межавшие день уподами, а год — постами и мясоедами, находившиеся внутри великого круговорота природы. Их рассказы о прошлом драгоценны, поскольку они видят тот, оставленный в прошлом, мир изнутри, а не снаружи, как мы...

Революция, Гражданская война, коллективизация стали рубежом, концом в многостолетней истории крестьянской цивилизации в России. Уходила в прошлое целая эпоха народной жизни, но тогда никто не предполагал, что крах её растянется до наших дней. Вакуум духовной жизни на селе, распад крестьянской этики и нравственности свидетельствуют ныне о том, что функционирующая система духовной жизни на селе колоссальная материальная ценность, поскольку без неё невозможно никакое нормально работающее производство...

А советской власти, чтобы утвердить в огромной державе новую веру, начиная с 1917 г., предстояло проделать огромную работу. Ведь русское крестьянство было не просто сословием религиозным, религия была неотъемлемой частью быта и повседневного обихода крестьянина, глубоко укоренилась в его сознании, и была до того привычна в его жизни, что просто не осознавалась как нечто отдельное от неё...

Программа религиозного социализма, богоискательства и богостроительства, разработанная русскими социал-демократами еще до революции и жестоко раскритикованная Лениным, в 1920-е гг. начала активно претворяться в жизнь. Но, чтобы водрузить своего кумира, большевикам вначале потребовалось свергнуть своего соперника по влиянию на души людей и уничтожить его земные дома — церкви и храмы, а также духовных пастырей, религиозную литературу, полностью подчинить себе подрастающие поколения, изолировав их от влияния семьи и старых традиций. Рассказов об этом очень много...

Как всегда бывает в борьбе двух вероучений — то, которое обладало машиной государственной власти, подавляло другое. Власти действовали через преданную и всецело зависимую молодежь, объединенную в кружки союза воинствующих без-

божников. Обратите внимание на слово «воинствующих» в названии союза — в соответствии с таким пониманием методов работы они и действовали. Чрезвычайная грубость, малограмотность... этих людей позволяли вести погромную антицерковную (а не антирелигиозную вообще) кампанию повсеместно — от Бреста до Камчатки.

Иван Андреевич Морозов (р. 1922, с. Верхошижемье), активист той поры с чувством неловкости рассказывает: «С начавшейся дискриминацией церковью были организованы кружки безбожников. Деятельность этих кружков, руководимых старшинами, была бездарна, оскорбительна для верующих и не встречала с их стороны понимания, сочувствия, снисходительности. Кружковцы читали антирелигиозные стихи, пели песни такого же содержания, разыгрывали сценки, выставяющие священников в оскорбительном тоне. Старшие пытались увещевать воинствующих атеистов, в сердцах называли идолами, антихристами, грозили божьими карами. Бывали случаи, когда верующие просто уходили от богохульников и, таким образом, мероприятие считалось провалившимся. Об участии в кружке дома говорить не следовало: это не могло вызвать радости, поощрения, но и отказаться от участия в антирелигиозной пропаганде тоже было нельзя: быть белой вороной всегда плохо».

Религиозные обряды пытались заменить новыми — советскими («красными») обрядами, повернуть их в духе верности новой идеологии. Вместо прежней свадьбы — комсомольская свадьба, вместо похорон — «красные похороны». Алексей Маркелович Червяков (р. 1910, Шабалин. р-н) описывает одну такую попытку: «Да, члены союза безбожников в нашем селе были. Ну, они там говорили, что бога нет, вступайте в комсомол. Мы-то что, молодежь, рады были пойти за всем новым. Отцы, правда, ругали нас за это, иногда даже ремнем «перепало». Запомнился случай «красных похорон». Жил у нас один мужик, был он верующий, ходил в церковь, потом большевики-безбожники проводить стали свою пропаганду, и он перестал верить в бога. Перед тем, как умереть, он наказал сыновьям, чтобы его хоронили «по-новому», без попа. По такому случаю из района приехал оркестр, когда покойного выносили из дому, заиграла музыка. Сестры-старухи просили не делать этого, а то душу его не допустят «до царства небесного», ведь мимо храма божьего понесут, с песнями и барабаном. Когда покойник был погребен, то все стали расходиться. Многие, особенно старики, были недовольны таким образом, говорили: «Нельзя так. Не по-божески это»...

Но все-таки главным объектом борьбы для местных властей и активистов в 1920—1930-е гг. оставалась местная церковь. Иконопочитатели превратились в яростных иконоборцев. Дея-

тельность разрушительная удавалась «воинствующим безбожникам» гораздо лучше. Закрытие церквей, уничтожение церковной утвари, расхищение ценностей, низвержение колоколов стали в анналах истории каждого села, впечатляющей и надолго запомнившейся страницей. Сопровождалось все это (как водится у нас на Руси) бездной ненужных и непонятных здравому смыслу разрушений, совершенно абсурдных действий. Во многих местах закрытие и разрушение церквей было связано с коллективизацией.

Вот как описывает такого рода событие в родном селе И.М. Морозов: «Верхошижемская церковь прекратила свое существование в 1932 г. Еще до разрушения она подверглась ограблению. Предвидя неизбежное изъятие церковных ценностей, мужчины-прихожане договорились прийти утром и унести наиболее ценные предметы богослужения, припрятать их, дожидаясь лучших дней. Но церковный староста Морозов Петр Семенович, зная об этой акции, ночью выкрал золотые подсвечники, дорогие иконы и другие ценные вещи и спрятал с корыстной целью. Утром собравшиеся миряне предстали перед оскверненным алтарем. Впоследствии тайное стало явным, но по какой-то причине уголовного преследования не было, а мирской суд не всегда страшен для людей, освобожденных от совести.

Большой любовью прихожан пользовался отец Иван. Это был истово верующий человек высокой нравственности, сеющий только добро. Человек высокой культуры и грамотности, он на своих землях выращивал богатые урожаи, притом собирал их без найма; учил прихожан ухаживать за пчелами (у него была пасека около 40 семей), был исключительно отзывчив. Под стать ему была и матушка.

После того, как ценности из церкви были похищены, отца Ивана арестовали, сведений о его дальнейшей судьбе у меня нет, а семью выслали неизвестно куда. После этого и началась позорная вакханалия разрушения церкви. Это печальная страница в жизни Верхошижемья... Первое, что решили местные атеисты, необходимо сбросить колокола. С малым и маленьким управились быстро, дело стало за большим колоколом, обладавшим чудесным звоном, по которому его узнавали, определяли, какой церкви благовест... Колокол был низвергнут. Расколотый на несколько крупных частей, сверкающий серебристыми изломами, он был раздроблен на мелкие части, и я не знаю, куда и кем они были определены»...

Не везде закрытия церквей проходили спокойно или с женским плачем. Во многих местах жители пытались оказать властям сопротивление. Александра Тимофеевна Семушина рассказывает: «В тридцатых годах повсеместно закрывали церкви. Не

минуло это и церковь села Поджорново (Зуев. р-н). Вместе с закрытием церкви взималось все ценное, что там имелось. В Поджорново приехали милиционеры, чтобы забрать ценные иконы, позолоченные, а также церковную серебряную утварь. Узнав об этом, к церкви собралась большая толпа, которая пыталась помешать милиции увезти ценности... Был убит милиционер. Начались полавальные задержания местных крестьян.»

Нельзя преуменьшать, но и не следует преувеличивать религиозность русского крестьянина... Никита Семенович Путьшев (р. 1913) на примере родного села говорит о следующем раскладе сил при закрытии церкви: «Если говорить о сходах, то в 20-е годы их не было, они появились только в 30-е годы. Одна мне запомнилась на всю жизнь. Речь шла о закрытии церкви. Собрался народ, а народ был очень сильно верующий в те времена. Все стояли без головного убора и внимательно слушали выступающих. Они выступали против религии, о том, что Бога нет. Церкви стали разрушать, сбрасывали кресты, а колокола переплавляли на пушки. Старые люди все равно верили в Бога, 80 % из них были против закрытия церкви, а 20 % — шли против религии. Бедные люди были особенно против религии, так как беднякам — есть Бог или нет, все равно он с неба не сойдет и досыта не накормит. Сильно верили в Бога богатые семьи. Раньше религия была «законом» для всех, грех считался основным законом. Он скреплял всю дисциплину, совесть. Если ты погрешил, значит попадешь после смерти в ад, если нет — в рай, поэтому раньше не было таких законов, как сейчас, и убийств и воровства было меньше, народ был темный и Бога, греха боялся».

Все 1930—1960-е гг. шла активная борьба не столько с верой, сколько с верующими. Лишь в период Великой Отечественной войны власть сделала некоторое послабление народу — открылось небольшое количество закрытых церквей, не так резко преследовали верующих.

«Во время войны некоторые церкви были открыты, появились освобожденные из мест заключения священники. Верующие потянулись искать защиты от неволи: одни справляли молебны по убиенным на войне, другие молились о здравии живущих. Это был короткий период оживления церковной деятельности. По-прежнему запрещалось содержание икон в домах, членам партии и комсомольцам не разрешалось крестить детей, справлять венчание, отпевать усопших. В 1954 году мои бабушки окрестили внука — моих детей, разумеется, без моего ведома и согласия. По предложению райкома партии за утрату деятельности и отправление религиозных обрядов на профсоюзном собрании мне был объявлен строгий выговор с предупреждением». (И.А. Морозов).

Трагичной оказалась судьба целого сословия русского общества — российского духовенства. По существу, оно было уничтожено физически — истреблено и вычеркнуто из новой жизни. Тяжкой оставалась судьба детей репрессированных церковнослужителей. Черная отметка в графе «Происхождение» — «из семьи служителей культа» закрывала им дорогу к образованию, любой должности на государственной службе. Миллионы людей внезапно оказались вне закона.

Нина Всеволодовна Попова (р. 1925) рассказывает: «В 1929 году нас выгнали из собственного дома, в нашем доме поселились коммунары, так как в селе Круглыжи (Свечин. р-н) была организована коммуна. Люди из небольших деревень вступили в коммуну и переехали в село, где им дали квартиры в нашем доме и других домах, из которых выгнали людей. У меня отец был дьяконом, работал в Круглыжской церкви, поэтому его арестовали, а нас гнали, преследовали, унижали. Отец умер в психобольнице потом. На частные квартиры крестьяне нас пускать боялись, так как мы были преследуемы советским законом. Страшно без жилья семье с детьми».

Детям из этих семей пришлось, конечно, всех тяжелее. Они официально преследовались даже на уровне школы. К.Е. Власова (р. 1928) припоминает: «Дом, в котором мы жили стоял напротив церкви. Церковь была большая, красивая, богатая. Все наши развлечения — церковные обряды: венчание, похороны — все были наши. Хорошо запомнила, как громили церковь в 1937 году. Сбрасывали колокола, дробили их, увозили по кусочкам. Народ ревел, женщины голосили. Сынишка у попа учился со мной в одном классе. Однажды всех учеников школы выстроили в круг и при всей школе публично с него содрали галстук пионерский, просто так, за то, что он был сыном попа. Мальчишка ревел, очень переживал. Остальные ребята тоже плакали, жалели его, но никто ничего не мог сделать, помочь мы ничем не могли».

Вера в коммунистические идеи, в торжество мировой революции существенно отличалась от религии еще тем, что не давала утешения, успокоения измученной человеческой душе. В годы войны это было еще заметней. «За время войны верующих стало меньше», — это правительственное сообщение. Я уверен, что это не так. Напротив, верующих стало больше, так как гибель многих отцов и сыновей, горе и отчаяние — все это вело людей в церковь, где они утешали свою боль по погибшим. Это было для них единственным святилищем, где они чувствовали себя в безопасности, все горести и обиды при входе в Храм оставались за порогом. Домой люди шли уже умиротворенные». (А.Я. Роснопов, р. 1907).

Судя по всему, определенная часть крестьянства верила новой власти. Привычка повиноваться не рассуждая, доверчи-

вость, запуганность людей, обожествление любой высшей власти — об этом много говорится в рассказах крестьян. Федор Трифонович Терюхов (р. 1916): «Людей постоянно преследовало чувство тревоги, беды, предчувствие худшего. Наши деды, бабушки и родители ходили в церковь, молодежь не заставляли. Родители крестились перед обедом, читали вечером молитву и перед началом какого-то дела, но детей не приучали, не принуждали. Когда церковь в Сезенево (Зуев. р-н) прикрыли, тогда особенно спал интерес к религии. Родители наши верили власти, не думали, что религия — народная ценность, народная культура, и не выступали против разрушения церкви. Церковь пытались разрушить, увозили иконы, утварь, но люди считали, что так и должно быть».

Построить мировоззрение людей в России, строй их мыслей путем механического уничтожения прежнего идейного комплекса религиозных верований — эта задача решалась советской властью очень грубыми, насильственными методами. Но полностью решить её так и не удалось (растоптанная и униженная церковь, совершенно лояльная режиму, продолжала свое существование).

В.Г. ШУМИХИН

КНИГА В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ

Выдающийся интерес в плане изучения вятским земством своего читателя, обеспеченности его книгой представляют «Материалы по статистике Вятской губернии» (М.; Вятка, 1885—1895). В частности, в так называемых «Подворных описях» земские статистики сумели собрать уникальный материал, характеризующий «книжность» уезда по волостям, селам и деревням, крестьянским дворам.

Разумеется, количественные данные по уездам не совпадают, хотя бы по тому, что плотность населения южных уездов была гораздо выше северных. И все же усредненные показатели по тем местностям, где обследование прошло одновременно, оказываются почти тождественными. Например, на сотню грамотных приходилось книг немногим более ста (106—113).

К сожалению, лишь по одному (Орловскому) уезду земцам удалось дать обстоятельный анализ добытых сведений, показать, что конкретно стояло за ними. Однако, не будет грубой ошибкой экстраполировать данные этого анализа на всю губернию, так как больших различий в социально-бытовом укладе ее крестьянского населения по уездам не было.

Аналитический очерк «Что читают крестьяне Орловского уезда» (Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1887. Т. 3. Ч. 2. Орловский уезд. С. 97—119) составлен известным вятским статистиком и журналистом Осипом (Иосифом) Михайловичем Жирновым (1860—1918), другом В.Г. Короленко. Руководил работой заведующий статистическим бюро губернского земства Евгений Семенович Филимонов (1857 — ок. 1900), автор ряда работ по теории статистических исследований, участник «Вятской незабудки» Ф.Ф. Павленкова, почитатель творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В ходе подворной описи на предмет книги и чтения было обследовано 2828 населенных пунктов или 33815 дворов.

Оказалось, что на 198243 души всего населения, живущего в 27 волостях уезда, приходилось 20787 грамотных или 10,5 %. Среди этого грамотного населения обращалось 17133 экз. книг. Эти книги, в сущности, являлись одной общественной крестьянской библиотекой, потому что, как пишет О.М. Жирнов: «...все книги, имеющиеся у того или иного домохозяина, не составляют чего-то недоступного для других, так как они обыкновенно берутся соседями... Все книги, принадлежащие одному домохозяину, обходят почти всех грамотных... Иногда любимые книги крестьянами увозятся в соседние селения, где с ними повторяется та же самая история, как в первом».

Все книги распределялись в 5788 дворах (17,1 % от общего числа) и в 1737 селениях (59,8 % от общего числа).

Интересным оказалось распределение книг по районам и конкретным волостям уезда. (Термин «район» употреблялся О.М. Жирновым в значении части уезда). Например, в северном районе, включавшем 9 волостей, самой богатой книгами была Подрельская. В ней имелось всех книг 1094 экз., в 75 селениях (из 91), 390 дворах (из 1413; на 100 грамотных приходилось 82 книги). Такое «обилие» объяснялось тем, что эта волость была расположена ближе к городу. Крестьяне, больше бывая в городе, имели и большую возможность покупать книги.

На втором месте по числу книг на 100 грамотных стояла волость Пинюжанская, расположенная, наоборот, в наиболее глухой части уезда.

Еще в 1883 г. эта особенность волости отмечалась «Вятскими губернскими ведомостями (№ 6 за 22 янв.) в статье «Раскол Пинюжанской волости Орловского уезда»: «Почти все здешние раскольники умеют читать и писать. На воспитание детей и их образование обращается несравненно большее внимание, чем в среде православной... Мальчик учится под руководством отца, матери или наставника, какого-нибудь почтенного седовласого старика, который уже бросил землю, сдал ее общине или до-

машним и посвятил остаток своих сил обучению детей грамоте и закону. Главные предметы обучения: «Часослов», «Псалтырь» и письмо. В последнее время стали учить «цифири» и книгам гражданской печати». Всего в этой волости имелось 414 экз. в 84 селениях (из 151), в 228 дворах (из 1028); на 100 грамотных — 72 книги.

Во всех 9 волостях северного района книги распределялись между домохозяевами более или менее равномерно. Очень редко в одном дворе насчитывалось более 20 экземпляров. Типичным числом являлось 1—10 книг. Лишь в деревне Сизовской Подрельской волости один крестьянин имел 49 книг.

В среднем районе уезда, включавших 12 волостей из 1239 селений и 15478 дворов, книги общим числом 10737 экз. имелись только в 854 селениях и 3043 дворах. Иначе говоря, в этом районе 31,1 % селений и 80,3 % дворов не имели книг. Однако, на 100 грамотных число книг здесь выше — 106 экз. Распределение их между дворами оказалось неравномерным. Рядом с волостью, изобилующей книгами, встречались волости даже с меньшим количеством книг, чем в северном районе. Довольно часто встречались дворы с 15—28 экз. Если крестьянских библиотек в северном районе насчитывалось всего одна (11), то в среднем их оказалось 14, в которых насчитывалось 767 экз. Наиболее богатыми были отмечены библиотеки: крестьянина Захара Мошкина, из починка Мошкина Мельница Шалеговской волости (120 экз.), крестьян села Истобенского Михаила Ковязина (96 экз.), Якова Ожогова (81 экз.) и Павла Савиных (64 экз.). Во всех остальных библиотеках (из 14) число книг колебалось от 37 до 50.

Как правило библиотеки имелись у крестьян более и менее зажиточных, развитых. «Их библиотеки всегда открыты для своих соседей и, следовательно, их можно назвать, без всякой натяжки, крестьянскими библиотеками».

В 6 волостях южного района было зарегистрировано 1379 экз. в 161 селении (из 369), в 500 дворах (из 5244); на 100 грамотных — 64 экз. книг. По обеспеченности книгами этот район занимал, таким образом, второе место после среднего.

В распределении книг часто прослеживалась такая закономерность: книг больше там, где волости ближе к городу или больше старообрядцев.

Выдающееся значение исследования О.М. Жирнова и Е.С. Филимонова для последующего развития земского книжного дела заключалось в том, что из огромного массива обследованных крестьянских хозяйств им со своими помощниками удалось раскрыть содержание книжного фонда, указать конкретно, какие книги его составляли.

В газете «Северные вести» (1886. № 10. С. 59) Е.С. Филимонов писал, что кроме статистиков-специалистов к подворным описям широко привлекались учителя, «при многочисленности учителей в Вятской губернии со средним образованием не составляет для нас почти никакого труда ежегодно организовывать в летние месяцы отряд из 10—15 учителей и вполне пригодных для этих целей людей, которые, обладают при этом вполне незаменимым качеством — знанием местных условий и быта населения, происходя нередко сами из того же крестьянского сословия. Немало было у нас случаев производства подворной описи регистраторами-учителями в тех местностях, где они проучительствовали по несколько лет или даже родились и выросли!!!».

В «Каталоге книг, находящихся у крестьян Орловского уезда», приложенном к очерку в «Материалах по статистике Вятской губернии», содержание их 17133 экз. раскрывалось в 15 отделах...

У крестьян преобладали религиозно-нравственные книги. Эту особенность автор правильно объяснял тем, что «грамотность пришла в Россию вместе с христианством. Первыми учителями были лица духовного звания..., которые дело обучения вели по книгам религиозно-нравственным. Да и теперь в тех местах, куда не успела проникнуть земская школа, книгами после азбуки являются «Псалтырь» и «Часослов».

Из книг этого раздела наиболее распространенными были «Жития святых» (12,14 %), так как они доступней по содержанию и, главное, по цене. Почти каждый грамотный крестьянин старался приобрести «Житие» «своего» святого, т.е. того, чье имя он носит. Больше других в Орловском уезде распространено «Житие св. Николая Чудотворца» (186 экз.), так как в селе Великорешском имелась чудотворная икона этого святого. На поклонение ей стекались люди из самых разных уголков губернии...

Житейская литература была, вообще, популярна в силу своей доступности. Она интересна, сюжетна. Чрезвычайно важной причиной этой популярности являлось то, что автор «Житий» вносил «в создаваемый им образ человека (государственного или церковного деятеля, святого) свои представления о том, каким должен быть этот человек, и эти свои представления о должном отождествлял с сущим... Идеализация оставалась в «Житиях» святых и не могла в них полностью исчезнуть в силу тех специфических, чисто церковных требований, которые предъявлялись к этому жанру». (Лихачёв Д. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. С. 104).

После «Житий» по распространенности стояло «Евангелие» (2786 экз. или 19,1 % религ. кн.). Здесь, по словам О.М. Жирнова, «обнаружилось влияние новой, преимущественно земс-

кой школы, где толковое и осмысленное чтение «Евангелия» входит в круг обязательных предметов преподавания». Важное значение имело постановление уездного земского собрания (12 окт. 1882 г.), по которому всем ученикам, окончившим школу, выдавалось «Евангелие» на русском языке.

Особой популярностью пользовались так называемые «Святцы» (1835 экз. или 12,56 % религ. кн.). Дело в том, что они для крестьянина имели чисто практическое значение справочной книги. В них находились сведения о том, память какого святого чтит церковь в тот или иной день. Деревенский грамотей по «Святцам» мог указать неграмотному соседу день его именин и тому подобное. Почти во всех «Святцах» сообщалось, например, о фазах Луны, а на основании этих данных грамотные старики могли прогнозировать состояние погоды.

Почти каждый крестьянин, отдавший ребенка в школу стремился приобрести «Молитвослов» (10,83 %) и «Псалтырь» (7,64 % религ. кн.). «Псалтырь» издавна служила после азбуки второй книгой для чтения. Она имела и практическое значение. Книгу читали над умершими. «Если нет в семье псалтыри, — отмечал Жирнов, — то в случае смерти кого-либо из членов семьи приходится нанимать читальщика... и потому каждому крестьянину, имеющему грамотея, выгодно иметь свою псалтырь, так как этим устраниваются расходы на наем читальщиков, а в некоторых случаях приобретает даже заработок. Во многих местностях... псалтырь употребляется как средство для гадания». Больше всего она распространена в волостях, где основное население — старообрядцы.

Анализируя состав религиозных книг, автор обратил внимание на то, что хотя «Библия» менее распространена (74 экз. или 0,51 % всех книг), она пользуется самым большим уважением. «Она всегда хранится в переднем углу под образами; каждый грамотей, прежде, чем приступить к чтению ее, считает своей неременной обязанностью перекреститься; чтение «Библии» составляет какое-то священнодействие. «Библию», говорят одни крестьяне Истобенской волости, нужно читать с толком, нужно понимать прочитанное, и раз вы стали понимать..., то можете предсказать будущее; другие утверждают, что всякий, прочитавший всю «Библию», непременно с ума сойдет. Наоборот, крестьяне Шишкинской и Казаковской волостей убеждены в том, что каждому прочитавшему «Библию» три раза, «прощается сорок грехов». Незначительное распространение «Библии» зависит исключительно от ее дороговизны. Встречалась она преимущественно у состоятельных домохозяев...

Среди религиозных книг обращают внимание «Сочинения» иеромонаха Стефана (в миру Семен Петрович Куртеев — 20 на-

званий (770 экз.), спрос на которые исключительно зависел от личности самого автора. С.П. Куртеев — крестьянин. Учился в Вятской гимназии, после окончания которой отправился в Петербург для поступления в Медико-хирургическую академию. Но под впечатлением прочитанных там «Писем» Святогорца (С.А. Веснин) вернулся в Вятку, близ своей деревни около села Филейки (сейчас черта города) построил пещеру и начал иноческую жизнь. В зимнее время начал заниматься с детьми. Своим трудом понравился местным крестьянам так, что они составили общественный приговор об открытии земского училища и о назначении в нем учителя С.П. Куртеева. В первый же год набиралось 170 учащихся. Однако, скоро Куртеева местное духовенство «взяло» в монастырь. Там он и начал писать книжки для народа религиозно-нравственного характера. Раздавал их бесплатно людям, приходившим чуть ли не со всей губернии послушать его поучения, спросить совета. (См. также Петряев Е. Записки книголюба. Киров, 1978. С. 71—74).

Анализ «светских» разделов «Каталога книг, находящихся у крестьян Орловского уезда» показывает, что книг в них было очень мало — в общей сложности 15,1 % от общего числа. Например, так называемый «Патриотический отдел» составлял всего 74 экз. книг преимущественно монархического содержания, посвященных, главным образом, событиям, связанным с покушениями на царя 1 марта 1881 г. и 15 мая 1883 г.

«Странные и непонятные» результаты показал «Исторический отдел». Вопреки ожиданиям книг исторического содержания оказалось очень мало — 183 экз. или 1,11 % общего числа. Больше всех распространены «История России» (24 экз.), «Русская история» (17 экз.), «Петр Великий» (15 экз.), «Двадцатилетие царствования государя-императора Александра Николаевича» Плетнева (9 экз.), «Отечественная история» С. Рождественского (6 экз.), «Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири» (5 экз.).

Еще меньше книг по географии. В 15 волостях — 64 экз. или 0,37 %. Больше их оказалось в Истобенской и Шалеговской. Это объясняется отчасти влиянием бурлачества, которое здесь было развито. В Истобенской волости бурлаки давали 93,8 % всех занимающихся отхожими промыслами, а в Шалеговской — 95,8 %. Чаще всего встречаются «Краткая всеобщая география» А.Г. Ободовского (6 экз.), «Всеобщая география» (5 экз.) и «Волга от Твери до Астрахани» (5 экз.).

Самым скудным оказался экономический отдел. Во всем уезде выявилось только 9 экз. книг экономического содержания, среди которых самой популярной оказалась книга Н.Ф. «Где и как дешево добыть денег» (4 экз.).

Значительно больше было книг юридического содержания (67 экз.). Они встречались в 16 волостях, из которых самой

богатой опять же стала Истобенская (2,65 %). Чаше всего встречались «Устав о воинской повинности» (23 экз.), «Инструкция волостным и сельским должностным лицам при взимании податей» (8 экз.), «Извлечение из судебных уставов 20 ноября 1884 года» (5 экз.) и «Общее положение о крестьянах 19 февраля 1861 г.» (13 экз.). «Устав о воинской повинности» ходил преимущественно среди молодежи, «Инструкция волостным и сельским должностным лицам» встречалась исключительно у бывших старшин, заседателей, сборщиков податей.

Так же мало книг выявилось и по сельскому хозяйству. Всего 18 экз. или 0,10 % общего числа и не во всех волостях, а всего лишь в 6. И снова наиболее богатой оказалась Истобенская. Примечательно, что все книги по огородничеству встречаются только в этой волости, т.к. здесь огородничество всегда было развито и приносило значительный доход населению, особенно знаменитые на всю Россию истобенские огурцы.

Книг естественно-научного содержания оказалось гораздо больше (65 экз.): Чаше других встречались книги «Беседы о земле и тварях на ней» А.Н. Бекетова (6 экз.) и «Зоология» А. Емелянова (5 экз.), книги, знакомящие с такими явлениями природы, как гром и молния, кометы. По отзывам народных учителей, естественно-научные книги стали распространяться лишь в последнее время. Читала их молодежь, старики относились недоверчиво.

Книги по медицине встретились в 14 волостях, это — «Как помогать во внезапных случаях, угрожающих жизни» (7 экз.), «Лечебник» (6 экз.), «Верное и скорое лечение всех глазных болезней» доктора Соломона (6 экз.). Причем последняя, по признанию крестьян, покупалась ими и у книготорговцев вместе со склянкой лекарства, приготовленного будто бы самим доктором.

На втором месте по распространению после религиозных книг стояли повести, рассказы, стихотворения. Практически они встречались во всех волостях, но истобенцы и здесь по-прежнему оказались впереди. Снова сказывалась большая развитость населения (развиты отхожие промыслы) и выгодность местонахождения (по р. Вятке). По распространенности во всем уезде «лидируют» знаменитые «Битва русских с кабардинцами» (29 экз.), «История о храбром рыцаре Венециане» (21 экз.), «Английский милорд» (15 экз.), «Как солдат спас Петра Великого» (13 экз.), «Повесть о том, как львица воспитала царского сына» (11 экз.).

Далее следовали книжки, посвященные последней русско-турецкой войне и описанию подвигов ее героев. Изредка попадались произведения знаменитых писателей, таких, как например, Л.Н. Толстого «Война и мир», сочинения А.Н. Островского, Н.А. Некрасова. Немало выявилось и переводов, в ча-

стности, сочинений Поль де Кока. Но все они встречаются «исключительно у тех домохозяев, из семьи которых кто-нибудь жил в услужении». «Во всяком случае, — замечает автор очерка, — подобные книги — явление случайное, не имеющее под собой никакой почвы, так как все герои, рисуемые в них, совершенно чужды нашему крестьянину».

Не менее популярны сказки, песенники, сонники, оракулы и анекдоты. Сказки обращались преимущественно среди молодого поколения. Старики считали чтение их «пустой забавой». Наибольшей популярностью пользовались «Бова Королевич» (49 экз.), «Еруслан Лазаревич» (33 экз.), «Сказки об Илье Муромце и Соловье-разбойнике» (15 экз.). Сказки известных писателей, за исключением В.А. Жуковского («Сказка о сером волке и Иване-царевиче») и А.С. Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане») не встречались. Песенники читались исключительно молодежью и особенно той ее частью, которой чаще приходилось сталкиваться с городской жизнью. Сонники и оракулы служили для гадания и снотолкования. Анекдоты (преимущественно «О шуте Балакиреве») составляли любимое чтение бывших солдат.

В 15 волостях встретились периодические издания (187 экз.). Распространены «Душеполезные размышления», «Троицкие листки», «Христианское чтение», «Странник». За ними следуют «Сельский вестник», «Вестник Красного креста», «Грамотей». Случайно встречались так называемые «толстые журналы»: отдельные книжки «Отечественных записок», «Современника», «Нови». Наибольшей распространенностью пользовалась газета «Сельский вестник», что объяснялось ее дешевизной...

Исследование О.М. Жирнова показало действительное положение с книгой, которая пришла в крестьянскую среду исключительно самостоятельно, без специальных усилий со стороны властей, самого земства. Качество этой книги еще раз подтвердило, как много предстоит сделать по доставлению народу настоящего чтения.

Земское библиотечное дело

Мысль об организации библиотек как главного средства внешкольного образования, как дополнения и продолжения школы, возникла в земстве с самого начала его учреждения в губернии. Уже первая сессия губернского собрания (1867 г.) признала важность устройства библиотек, в которых должны находиться книги, знакомящие с бытом крестьянина, его общественным положением, книги о природе и человеке, дающие сведения о различных преобразованиях, улучшениях, законах, исторических событиях...

Первые две сельские библиотеки были открыты лишь в 1888 г. Орловским земством при Великорецком и Верхошижемском земских училищах... Деятельность этих библиотек в течение 9 месяцев показала, что потребность в чтении у народа велика, особенно у молодежи. Заведующие ими — местные учителя, в своих отчетах отметили, что число подписчиков в Великорецкой библиотеке достигло 142 (22), из них 135 — крестьяне, 119 из которых окончили начальное училище, а в Верхошижемской — до 330... К 1894 г. в Орловском уезде действовало уже 12 библиотек, открылись библиотеки в Вятском, Слободском, Уржумском уездах...

К 1895 г. число народных земских библиотек составляло всего 65, что для населения губернии (почти 3 млн. человек), проживающего на огромной территории, было, конечно, ничтожно. Складывалось противоречие: наряду с ростом сети земских школ, с ростом грамотности населения, поддержать ее было нечем. Передовые представители земской интеллигенции хорошо понимали это....

Важнейшим событием в деле распространения книги среди населения стало постановление губернского собрания 1894 года об открытии в каждом сельском обществе 3000 небольших библиотек. Автором этого проекта был председатель губернской управы А.П. Батуев (1863—1896). По его мысли каждая такая библиотека, предназначенная служить распространению знаний в крестьянской среде, укреплению нравственных основ и поддержанию грамотности, должна включать в себя до 100 книг на сумму до 5 рублей, в том числе: книги религиозно-нравственного характера, книги справочного характера, краткие учебники по различным отраслям наук, составленные применительно к пониманию крестьян, образцовые произведения научного и беллетристического содержания, книги по сельскому хозяйству и по различным отраслям техники. Книги для библиотек должны отбираться из числа книг, одобренных для употребления в народных читальнях. Пользование книгами должно быть бесплатным, они выдаются только для чтения на дом...

Процесс организации «пятирублевых» библиотек продолжался в течение трех лет, то есть они были открыты почти одновременно и к 1 января 1898 г. их функционировало уже 2837... Работа над «Списком книг» для них стоила А.П. Батуеву огромного труда. 90 книжек вошли в 7 разделов этого списка... Книги на самом деле стоили не 5 рублей, точнее 4 рубля 83 копейки. Батуеву пришлось как от имени управы, так и лично обращаться к авторам и издателям с просьбами возможно дешевле уступить их книги. Действительно, многие авторы и издатели уступили свои издания губернскому земству с огромными скидками.

Так, Н. Дружинин уступил 1000 экз. своей книги «Познание законов», стоившей 1 рубль, со скидкой 95 %, Вольное

экономическое общество 3000 экз. книги «Как водить пчел» — по заготовительной стоимости, что составило уступку около 72 %, Библейское общество — 3000 экз. книг «Новый завет» и «Псалтырь» со скидкой 1/3 стоимости, И.Д. Сытин — 40 %, Харьковское общество распространения в народе грамотности — 30 % и т.д.

По предложению управы некоторые авторы и издатели выпустили свои книги новыми удешевленными изданиями. Ф.Ф. Павленков напечатал книгу «Свет божий», назначив ей цену 18 коп. вместо 30 коп. Полковник Висковский издал книгу «Как отбывать воинскую повинность» и назначил ей цену вместо 75 коп. — 15 коп. Д.И. Тихомиров предпринял новое удешевленное издание книги «Из истории родной земли» по цене 45 коп. вместо 90 коп. ...

В 1901 г., идя навстречу крестьянам, губернское земское собрание постановило с 1903 г. давать на «пятирублевые» библиотеки сверх ежегодных 3000 рублей (т.е. по 1 рублю на каждую) еще ежегодную субсидию в размере той суммы, которая будет назначена для этой цели сельскими обществами или уездными земствами. Постановление 1901 г. еще больше способствовало проявлению местной инициативы. В 1904 г. местные ассигнования достигли 1250 рублей, соответственно на столько же увеличилась губернская смета. К 1905-1906 гг. стоимость «пятирублевых» библиотек во много раз превысила первоначальную. Они превращались в большие народные библиотеки. Первое обследование земских библиотек проводилось по обширной программе, заключенной в опросную анкету (ГАКО. Ф. 616. Оп. 5. Д. 35—45, 94).

Библиотекарями этих 3-х тысяч библиотек были крестьяне. Большинство из них приняли библиотеку с радостью и к делу относились с шепетильной требовательностью. На первых порах крестьяне-библиотекари, получая книги, не получали никаких инструкций по ведению дела. И тем не менее, дело это организовали сами, и насколько широко поняли свои задачи, видно из их ответов. Некоторые не только рекомендовали книги, соответственно возрасту и развитию читателя, но даже развозили книжки по деревням. Во многих библиотеках оказался образцовый порядок (аккуратная запись книг, хранение в особом шкафу)... Обследование библиотек еще раз доказало, какой огромный интерес к книге, знанию проявляет народ. Благодарность его за книгу постоянно слышалась со страниц «Вятской газеты», из многочисленных крестьянских корреспонденций.

Вот отклик на открытие библиотеки — письмо крестьянина Уржумского уезда. «Теперь я навалился на книги. Я их искал столько лет, и, наконец, нашел, когда мне исполнилось 45 лет и без очков читать уже не вижу... По открытии библиотеки первую книгу я взял «Антон Горемыку», вторую — «Анну Ка-

ренину», третью — «Девятый вал», четвертую — «Сожженную Москву» и в настоящее время читаю 5 том сочинений Гоголя. Поверите ли, я теперь на седьмом небе! Этих книг я добивался всю жизнь... Теперь же книжная благодать дома. Отчего этого не случилось ранее лет на двадцать?» (Вят. газ. 1895. 12 окт. С. 9).

С 1908 г. эти библиотеки передаются целиком в ведение уездных земств, а губернское по особым ходатайствам оказывает им лишь небольшое пособие. С этого времени и вплоть до 1917 г. положение «пятирублевых» библиотек в уездах и сельских общинах представляло пеструю картину...

В 1896 г. губернское земское собрание приняло постановление открыть в г. Вятке и в уездах библиотеки имени А.П. Батуева. Инициатива организации этих библиотек исходила от служащих губернской управы... Дело об открытии больших библиотек-читален имени Батуева после многочисленных ходатайств долго «изучалось» в Министерстве внутренних дел и лишь в 1902 г. было разрешено полностью. На 11 библиотек (по числу уездов) ассигновалось 2750 рублей, по 150 единовременно и по 100 ежегодно на каждую.

Однако открыть библиотеку в самой Вятке так и не решились. По мысли инициаторов, основные средства на нее должны быть общественными, т.е. собранными по подписке. Губернское же земство ассигнует 1500 рублей единовременно и 300 ежегодно. Именно проявление ярко выраженной общественной инициативы стало причиной отказа, хотя, разумеется, в мотивах отказа она не упоминалась. Объявление о сборе пожертвований в пользу библиотеки им. Батуева в Вятке нашло горячий отклик в губернии и за ее пределами. Список жертвователей красноречивей всего говорил о популярности Батуева среди демократических слоев населения.

В 1910 г. Вятское земство организует еще 11 больших библиотек имени первого председателя губернской управы Матвея Матвеевича Синцова (1835—1910). Заслуги Синцова перед Вятским краем бесспорны. Он один из первых среди земских деятелей выдвинул вопрос о просвещении народа, подъеме его благосостояния. Врач по образованию, воспитанный в духе идеологии революционной демократии, Синцов стремился претворить свои идеи в жизнь...

Решение земского собрания об увековечивании памяти человека, в свое время изгнанного из губернии высочайшим повелением как «осуждавшего, гнавшего и уничтожавшего все от правительства и дворянства» было в известном смысле дерзостью. Размер ежегодного пособия на библиотеку имени Синцова устанавливался в 200 рублей в два раза больше, чем на библиотеку имени Батуева.

Чрезвычайно важным подспорьем земскому библиотечному делу в губернии стало завешание Ф.Ф. Павленковым 100 тысяч рублей на открытие 2000 народных библиотек в наиболее бедных и глухих селениях России. Душеприказчики Павленкова обратились к ряду уездных управ Вятской губернии с предложением взять на себя реализацию завещанных сумм по 50 рублей на каждую библиотеку с условием, что земство со своей стороны ассигнует еще не менее 50 рублей и «позаботится о приискании помещений и наблюдении за деятельностью библиотек».

Желание открыть библиотеки им. Ф.Ф. Павленкова уже в 1901 г., т.е. так, как и предполагали душеприказчики, выразили: Глазовское земство (в с. Светицком), Елабужское (в с. Танайке), Котельничское (в с. Окачевском, д. Пишнурской и Синцовской), Малмыжское (в с. Китяке, Пореке, Старых Зятцах, в д. Березине и Чакане), Нолинское (в с. Татаурове), Сарапульское (5 б-к), Уржумское (10 б-к), Яранское (10 б-к).

Интерес вятских земцев к предложению душеприказчиков Павленкова был вызван не только солидностью предлагавшейся суммы, но еще и возможностью получить на 50 рублей книги с маркой издателя, зарекомендовавшего себя в глазах демократического читателя как просветителя в самом лучшем смысле этого слова. Поэтому не случайно, что наибольшее количество «павленковских» библиотек было открыто именно в Вятской губернии. (В 1916 г. таких б-к насчитывалось более 200. Душеприказчики Павленкова продолжали поддерживать их, выделяли средства, пополняли новыми книгами)...

К концу первого десятилетия 1900-х гг. земские народные библиотеки стали самым распространенным типом библиотек. По состоянию на 1912 г. их насчитывалось 573 с книжным фондом от 800 до 1500 экз. томов.

Шумихин В.Г. Для жизни настоящей и будущей. Киров, 1996. С. 12—32.

В.Д. СЕРГЕЕВ

«ВЯТСКАЯ ГАЗЕТА» ДАЕТ ОТРАДУ НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ»

«Много в этой газете поучительного... Живем надеждою на нее»; «Советы «Вятской газеты» приняли всей деревней по травосеянию...»; «Я сам беру примеры газеты и устроил толчею фосфоритов. Крашу анилиновой краской... Устраиваю кузницу. Еще нужным нахожу привод для молотилки»; «Устроил борону по рис. 1. Действует хорошо. Смотря на меня, еще устроили трое

и многим нравится...»; «Здесь один путь для неподготовленного крестьянина, именно: путь наглядного — с различными машинами и орудиями, улучшенными семенами, улучшенными производителями скота и т.п.»; «Крестьянам понравились разные истории, повести и известия по сельскому хозяйству о косулях и боронах. Прежде мучились пахать и боронить, а нынче свет увидели и травосеяние стали вести успешно и прочие ремесла...»; «Газета идет нарасхват. Хорошо, если бы в некоторые сельские библиотеки высылали по 2 экземпляра»; «Вятская газета» — она только и дает отраду нашей деревне, населенной почти сряду темными безграмотными людьми. Очень благодарят за объяснения в ней, т.е. в газете, о войне и жизни губернии»; «Я даю хороший отзыв за статьи, печатаемые в «Вятской газете», потому, что вижу в них истинную действительность нашей жизни. Прошу и в будущих номерах печатать подобные же статьи».

Так крестьяне благодарили «Вятскую газету», которая выходила в Вятке с марта 1894 по май 1907 г., отражая сельскохозяйственную и кустарно-промышленную тематику, занимаясь просвещением крестьянства.

Газета издавалась по инициативе земцев и, прежде всего, А.П. Батуева (1863—1896), возглавлявшего Вятское земство в 1890-е гг. Батуев, выходец из купеческой семьи, стал одним из самых известных земских деятелей во всероссийском масштабе. Он занял пост председателя Вятской губернской земской управы в 1891 г. При Батуеве земство создавало сельскохозяйственные образцовые фермы, учебные мастерские, книжный склад, кустарный склад с филиалами в уездах.

«Зная и деревню и город не понаслышке, а по личному опыту, — писал о А.П. Батуеве книгоиздатель И.Д. Сытин, — он понял, что главное усилие земства должно быть направлено в сторону народного образования и легко, быстро добился того, что Вятская губерния заняла в этом отношении одно из первых мест в России. В.Г. Короленко оценил значение недолгой, но подвижнической деятельности Авксентия Петровича, сказав, что она составляет одну из самых блестящих страниц не только вятского, но и русского земского дела вообще».

Сначала издание называлось «Вятской газетой, сельскохозяйственной и промышленной». В феврале 1895 г. она получила разрешение ежегодно выпускать по четыре приложения. С 1901 г. газета имела длинный подзаголовок — «Еженедельник издания Вятского губернского земства с специальными приложениями по сельскому хозяйству, пчеловодству и ремеслам», а в 1905 г. было добавлено «и страховому делу».

Статистик Александр Александрович Гурьев размышлял в «Вятской газете» в 1905 г. о причинах бедности крестьянства: «Бед-

ность от того, что народ наш всегда держался в невежестве. Громадное большинство нашего народа живет землепашеством. А чтобы хорошо жить на земле, надо уметь ее обрабатывать так, чтобы она хороший урожай давала, а для этого надо иметь хозяину образование, знать, как следует землю обрабатывать... Бедность еще от того, что народ наш всегда жил в бесправии и полном подчинении у начальства — тоже необразованного...».

Первыми редакторами «Вятской газеты» стали А.П. Батуев и губернский агроном А. Новиков. Затем ее редактировали В.А. Шиллегодский, Л.В. Юмашев, В.К. Ключарев, А.А. Зонов (дед историка и археолога И.И. Стефановой), А.А. Лопатин (племянник народника Н.А. Чарушина).

В 1901—1906 гг. газета выходила по 52 номера в год. К ней выпускались приложения — брошюры, руководства, сборники статей по сельскохозяйственным и ветеринарным делам, по ремеслам. В 1906 г. приложением вышел «Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 36 лет (1867—1902)» объемом в 276 с. Губернская власть ополчалась на «Вятскую газету» за демократичность и 31 мая 1907 г. прервала ее существование.

«Вятская газета» стала первым в России периодическим изданием, ориентированным прежде всего на крестьянского читателя. Ее программа предполагала печатать правительственные распоряжения по сельскому хозяйству, освещать деятельность земства, давать специальные статьи по земледелию, животноводству, публиковать справочный отдел, где были бы указаны цены на семена, сельскохозяйственные орудия, скот, кустарные изделия, помещать обзоры книг, отвечать на вопросы читателей, большей частью из сельских жителей.

Газета делилась с подписчиками опытом о нововведениях в сельском хозяйстве, знакомила читателя с травосеянием, с усовершенствованными земледельческими орудиями, со свойствами удобрений и т.п., о состоянии мастерских Вятского земства, где практиковались различные ремесла — ткацкое, гончарное, ложкарное.

Газета сплотила преданных делу людей. Сергей Прокофьевич Дремцов, агроном, политический ссыльный, талантливый переводчик поэзии Тараса Шевченко; Михаил Павлович Бородин, участник народнического движения, прошедший ссылку в Якутии, ведавший земским кустарным складом; Александр Николаевич Баранов, публицист и литератор; Осип Михайлович Жирнов, журналист и статистик; Иван Лаврентьевич Братчиков, ветеринар; Дмитрий Петрович Бирюков, инженер-технолог; Петр Александрович Голубев, публицист и статистик... (Некоторые из них сотрудничали в голубевском «Вятском крае», а также в чарушинских газетах).

Подписчикам рассылался специальный вопросник для изучения пожеланий читателей. На него пришло более 500 ответов. Читатели предлагали давать в газете иллюстрации, помещать календарь, карты Вятской губернии. Газета учитывала интересы подписчиков. Им бесплатно разослали «Русский календарь» на 1901 г., «Русский сельский календарь» на 1906 г. издательства «Посредник», которым руководил писатель и педагог И.И. Горбунов-Пасадов.

Газета стала связующим звеном между крестьянами и земством. Она сообщала о рассылке во все сельскохозяйственные школы и фермы коллекции семян медоносных растений, большей частью таких, которые имеют еще и лекарственное значение. («Многие из них не культивировались на севере, и предпринят посев их ради опыта»). Газета извещала о просьбе Орловской уездной земской управы выслать ей 1500 саженцев тополя «для бесплатной раздачи крестьянскому населению для обсадки прогалов», или передавала просьбу земцев из Нолинска к губернской земской управе «ходатайствовать о назначении 300 голов лошадей из числа купленных на средства правительства для раздачи в ссуду населению Нолинского уезда».

Ценные советы крестьяне получали из статей «Как помочь крестьянскому хозяйству в Малмыжском уезде», «Беседы по огородничеству» и т.д. С 1896 г. приложением выходили сборники по вопросам сельского хозяйства. Газета отвечала на письма подписчиков по самым разнообразным проблемам. Например, где приобрести льномялку, гидропульт, купить свиней йоркширской или другой хорошей породы, семена, саженцы, как бороться с насекомыми-вредителями. Читатели спрашивали рекомендации по мыловарению, интересовались лучшим устройством ветряной мельницы, «чтобы при малейшем движении ветра она могла хорошо работать». Они просили совета, как «записаться на вакансию, лично или по заявлению», или жаждали узнать, где купить книгу, «по которой можно правильно писать прошение и узнать порядок разных дел», или интересовались, как устроить кредитное товарищество. «Вятская газета» отвечала на вопросы сразу или в следующем номере.

Примечательна активность читателей. 143 корреспонденции и 14 очерков лишь в 1903 г. написали сами крестьяне. Вот лишь два имени крестьян-корреспондентов — поэт-самоучка Андрей Платонович Грудцын из с. Лопьял Уржумского уезда и Кирилл Михайлович Дробинин из Дурыманской волости Сарапульского уезда, бывший солдат, земский гласный в уездном, а позднее в губернском земском собраниях, автор интереснейших бытовых очерков «В волостном суде». (Библиограф В.Г. Шумихин в одном из выпусков краеведческого сборника «Вятка»

(Киров 1975. С. 89—100) впервые за много лет привел сведения о Дробинине и поместил несколько его очерков).

Газета поднимала вопросы о народном образовании, круге чтения крестьян, о здравоохранении. Названия статей говорят сами за себя — «Сельские библиотеки», «Народная читальня», «Учебники К.Д. Ушинского», «Школа и книга в деревне», «О сохранении здоровья и о болезнях», «Причины заразных болезней»... В газете помещались популярные статьи по истории — «Русские славяне до принятия христианства», «Александр Невский», «Очерки о Норвегии», «О Германии». Интересны были для читателя очерки по географии, о путешественниках прошлых веков, вроде Колумба и Магеллана, и настоящего времени, например, о Фритьофе Нансене. (Великий норвежец положительно отзывался об успехах Вятского земства, о «самоуправлении без руководства высших классов» в книге «Путешествие в страну будущего», изданной в переводе на русский язык в 1915 г.).

«Вятская газета» освещала события в мире, в частности, англо-бурскую войну, с явной симпатией к героическим защитникам южноафриканских республик Трансвааль и Оранжевая. Недаром, тогда по всей России звучала щемящая душу песня: «Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» К 200-летию российской печати газета поместила статью об этом важном событии, изложила историю периодики в России, а помимо того дала факсимильное воспроизведение первого номера петровских «Ведомостей».

На страницах «Вятской газеты» крестьяне могли прочесть произведения отечественных и иностранных писателей — Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Короленко, М. Горького, Диккенса, Гейне. Газета интересовалась суждениями читателей-крестьян о прочитанном. Публикации сказок «Бедный волк», «Коняга», «Самоотверженный заяц», «Ворон-челобитник», «Карась-идеалист», фрагменты из «Истории одного города» и др. произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина сопровождалась пожеланиями редакции узнать впечатления от них. Откликов на прочтение щедринских сказок от деревенских читателей поступало много.

Библиографический отдел знакомил подписчиков с выходившими книгами. Иногда кратко пересказывалось содержание популярных книг по истории, географии, биологии. Газета извещала о новинках литературы, например, о продаже с книжного склада Вятского земства книг историка русской литературы В.Е. Чешихина-Ветринского (за участие в народнических кружках отбывал в 1896-1899 гг. ссылку в г. Глазове Вятской губернии) — «Жизнь и повести А.В. Кольцова», «Жизнь и стихотворения И.С. Никитина», «Тарас Шевченко, украинский поэт»,

«Иван Сергеевич Тургенев: Биограф. очерк», «Н.В. Гоголь и его произведения».

Газета предлагала бесплатную выдачу книг населению губернии. В смете 1899 г. на это предусматривалось 3 тыс. рублей. В этот юбилейный Пушкинский год земство разослало по народным школам в уезды 11 тыс. книг избранных сочинений поэта. «Вятская газета» сообщала подписчикам: «Портрет А.С. Пушкина, отпечатанный в Санкт-Петербурге по гравюре Райта 1837 г. будет разослан ... к дню рождения Пушкина». На страницах газеты публиковались тогда стихотворения «Зимний вечер», «Пророк», пролог из «Руслана и Людмилы», отрывок из Бориса Годунова», фрагмент «Медного всадника», отрывки «Евгения Онегина».

Крестьяне полюбили «Вятскую газету». Грамотные читали ее в семейном кругу. Кроме того, устраивались общие чтения при любых скоплениях людей. Газета постоянно писала о пользе образования: «Необходимо знание, наука, необходимо, иначе сказать, народное образование. Как можно больше народных школ, как можно больше хороших, полезных, дешевых книг и газет».

Внимание крестьян к газете усилилось в годы войны с Японией. Много места на ее страницах уделялось сообщениям о военных действиях, помещались письма вятчан с Дальнего Востока, суждения о войне, вроде такого: «Я состою сельскохозяйственным корреспондентом, за что и получаю «Вятскую газету», в которой есть много разного рода сообщений насчет нынешней русско-японской войне, есть списки убитых и раненых уроженцев Вятской губернии, и моя небольшая крестьянская изба во время чтения газет и писем с театра войны бывает переполнена слушателями...».

С газетой сотрудничал талантливый знаток кооперации, выходец из крестьян Котельничского уезда Павел Александрович Садырин, ставший депутатом I Государственной Думы от конституционно-демократической партии. Он прислал в редакцию газеты «Письма о работе Государственной Думы». (Садырин — автор талантливых работ о кооперации. После революции был председателем правления сельских кооперативов, работал во Всероссийском комитете помощи голодающим, стал членом ЦИК СССР. В 1931 г. вместе с экономистами А.Я. Чаяновым и Н.Д. Кондратьевым подвергся аресту по делу Трудовой крестьянской партии, в 1934 г. освобожден, но в 1938 г. «за восстановление прежних связей» его вновь арестовали и расстреляли в день вынесения приговора).

Газета по тому времени набирала немалый тираж. В 1894 г. он составил 6000 экз., при том 4500 расходились бесплатно, в 1905-м соответственно 9000 и 8100. «Вятская газета» обрела из-

вестность далеко за пределами губернии. Максим Горький по достоинству оценил ее: «Нужно воздать должное руководителям газеты, все в ней излагается серьезно, толково, без поделки под мужицкий язык, с твердой уверенностью, что если деревенский читатель захочет понять — он поймет. К газете ежемесячно прилагаются «сельскохозяйственные тетрадки», в которых текстом и рисунками учат мужика, как делать ложки, ульи, строить печь для топки торфом, печатают сведения об устройстве Вселенной, — все это, взятое вместе, производит впечатление работы дружной, продуманной, вызванной ясным сознанием той огромной возможности, которую имеет для мужика всякое прикладное и теоретическое знание. И вятский мужик понимает и ценит труд интеллигента».

В 1899 г. Комиссия императорского вольного экономического общества присудила Вятскому губернскому земству Большую золотую медаль «за просветительскую и энергичную деятельность по изданию в 1894—1899 гг. «Вятской газеты» и за широкое ее распространение среди народа». К сожалению, это замечательное издание постигла судьба многих газет демократического направления, ставших жертвой консерваторов.

О газете помнили много лет спустя после ее закрытия. В какой-то степени мотивы «Вятской газеты» возрождались в «Крестьянской газете», вышедшей в трагическом 1917 г. Она сообщала о земельных захватах, о превратном понимании слов «свобода и право», о том, как крестьяне разгромили помещичье имение в Яранском уезде, на лошадях целой деревней вывезли решетку от сада, двери, вырезали стекла... Это у помещика. Но у захудалого мужичка в Орловском уезде распахали «душевку» (душевой надел) на четыре части, а один из четырех, забравших «душевку», оказался ... членом волостного исполнительного комитета, таким же мужиком, однако из нового начальства. Вот тебе и «народ-богоносец»!

Тревогой веяло от заголовков газеты — «Поимка дезертира», «Не губите леса»... «Крестьянскую газету», как и ее предшественницу «Вятскую газету» знали далеко за пределами губернии. (На некоторых ее экземплярах в краеведческом отделе Герценовской библиотеки сохранились ярлычки, свидетельствующие о том, что газету посылали даже в ... Якутию, в редакцию газеты «Якутское хозяйство», откуда экземпляры позднее возвратили обратно в Вятку).

«Крестьянская газета» поместила письмо двух ратников Ивана и Федора Лимоновых Чепецкому исполнительному комитету: «Посеяно у нас или нет? Да и кто будет сеять? Остались малые дети — 10-летние мальчишки». Вот о чем болела душа у крестьян, одетых в солдатские шинели.

Вятское крестьянство пребывало в тревоге и ожиданиях, как и вся Россия. «Крестьянская газета» сообщала, что в д. Стробыкиной Уржумского уезда молодежь помимо организации спектаклей, чтения, выступлений с рефератами, выписки газет, создала небольшую «Социалистическую библиотеку»... Само ее название символично. Это ли не «знамение времени»? В том же номере крестьянин Иван Дедюхин из Котельничского уезда с благодарностью вспоминал о «бывшей Вятской земской газете, закрытой девять лет тому назад губернатором»: «Я в то время получал «Вятскую газету» и из нее узнал, как тиранили царские насильники русский народ». Здесь же (1917. 3 окт.) напечатано стихотворение со словами: «Здравствуй, матушка-свобода...» По представлению крестьян время «тиранства» ушло навсегда, вековые чаяния земли и воли захватывали деревню. До прихода большевиков к власти оставалось три недели...

Исследователь «Вятской газеты», библиограф Гали Федоровна Чудова (1904—1999) отмечала ее значение: «Путь «Вятской газеты» представляет собою очень интересный, своеобразный этап истории общественной и культурной жизни губернии. Это — повесть о горестях и надеждах вятского крестьянина и о попытках передовой вятской интеллигенции облегчить участь народа ... при помощи средств, которые были ей посильны».

Р.Я. ЛАПТЕВА

ШКОЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Для школ обычно использовались помещения дореволюционных построек. Ведь до 1917 года, где село — там и церковь, где церковь — там и школа. И учительницами начальных классов еще работали дочери сельских священников, кончавшие Вятское Епархиальное училище. Появилась и молодая поросль — горожанки с аттестатами техникумов и ускоренных курсов. Полистаем странички воспоминаний учителей и учеников.

Алексей Иванович Новиков:

«Я родился в 1924 г. в Немском районе, деревня Средняя, колхоз Средневский потом был. Школа наша находилась в селе Ильинском, где церковь действовала. Осенью сколь-то пешком ходили, потом на квартире стояли. У каждой деревни было свое общежитие, своя техничка и большой самовар. Кусков накрошим, солью посыпем — вся еда. Дома-то без коровки не жили, так подкрепление привозили. Учительница первая как-то не больно хорошо запомнилась. Потом их много было. Да я не шибко хорошо учился. Но читать любил. С 4-го класса немецкий язык

пошел. А что, его легко читать, переводить-то труднее. Писали мы деревянными ручками с перышком. Еще такое интересное было, с бобырышками. Кляксы-то ставил. С бумагой как-то трудновато было, по одно время даже на книжках писали. Начерно сосчитать арифметику на книжном листе, потом в тетрадку переписываешь. В войну я уже не учился. Бригадиром был, в поле всю работу делал».

Нина Николаевна Суханова (Падерина):

«В 1932 г. состоялся ускоренный выпуск в Вятском педтехникуме, и меня направили учителем начальных классов в Фаленский район. Сначала я преподавала в деревне Яремы. И, как любой сельский учитель, вела всё: основные предметы, и пение, и физкультуру. Но через год меня перевели в Раменцы: не набрали полный комплект, 4 класса по 30 человек. Там мне был рай — работать с Елизаветой Павловной Поповой. Удивительный человек и педагог, ее весь район знал. У нее было чему поучиться. Елизавета Павловна занималась с 3-4 классами, а у меня был 1 и 2 класс. Младшие сидели за партами напротив доски. Они же еще маленькие, слабенькие, а второклассники — за общим столом. Мне ребятишки сельские очень нравились. Простодушные, старательные. Вопрос о дисциплине никогда не стоял. Жили мы при школе, в бывшем кулацком доме. И в дальнейшем проблем с квартирой не было. Пускали охотно, потому что колхоз давал учителям пуд муки и керосин. Сельсовет платил хозяевам. У колхоза бывали какие-то закупы на продукты, и нам доставался ситец или что другое. В Леванах однажды решили по курице.

Семьи рядовых колхозников жили плохо, особенно многодетные. На своем хлебе до Нового года не дотягивали. В муку чего только не подмешивалось: куколь какой-то, песты, картошка. Всех заставляли подписываться на заем, учителей — тоже. Однажды приходят ко мне маленькая старушка и крошечный «мужичок». «Паря, ты возьми его, я лонись приводила, шти неча». Взяла недоросточка-сиротку, все-таки в школе сыт будет. А местный диалект мне потом объяснили».

Нина Федоровна Ложкина (Кассина):

«Я родилась в 1921 г. в деревне Плишки Слободского района. Меня учила в Бобинской начальной школе Татьяна Александровна Бушуева (по мужу). Какая учителька была! Немного сто лет не выжила. Всех тут переучила. Мы, деревенские, ведь неподготовленные пришли. Скромно долго буквы изучали, арифметику. Я любила больно рисовать и вообще училась не на последнем месте. Только ли не во втором классе случился пожар в школе. А вверху жили учительницы, общежитие было. Стали мужики вещи выбрасывать. Сколько еще разговору было, что у

Татьяны Александровны нашли иконку. Но ничего, обошлось, с работы не сняли. Каждое утро санитары нас проверяли на чистоту. Увидят у кого на шее крестик, снимают и в туалет бросают. А вот Таня Трефилова (она и сейчас жива) не хотела крестик снять. Отнимали силой, пальцы-то до крови гайтанчиком (шнурочком — Р.Л.) подрезали, а все равно не отдала. Я до поры сниму и куда-нибудь упрячу. Так и сохранила. Они ведь только на шее смотрели. Я всего четыре класса кончила. Дальше надо было в Митино ходить. Где уж, эка семья — восемь ребенков. А я первая. Мне и водиться не приходилось. За старшую держали. Терпенья нет — работать надо!».

Ирина Александровна Шмелева (Овчинникова):

«Я окончила Слободской педагогический техникум в 1934 году. Первое время работала в городе, а потом с мужем Владимиром Шмелевым по комсомольскому призыву поехала на село культуру поднимать. Оказались в Закаринье, где дед мой до революции священником служил. В его бывшем доме и поселились. До войны по молодости все хорошо казалось. С детьми и концерты, и спектакли ставили. Ходили по деревням ликвидировать неграмотность. Лекции, пленумы, конференции, культработа — все на учителях было. А потом... страшно и вспомнить.

Мужа почти сразу взяли на фронт. У меня двое маленьких, пришлось перевозить мать и отчима из Слободского. Колхоз школе не помогал. Сами колхозники еле живы были. Выручал земельный участок. С него и детей кормили. Супы какие-то с травой варили, каши жиденькие. Пекли иногда лепешки, хлеба то не было. Сидит какой-нибудь ребенок на уроке и вдруг падает. Оказывается, на папку похоронка пришла и есть нечего. Как в 20-е годы, чернила делали из саж и свекольного сока. Сидели с коптёшками (маленький фитилек), писали на газетах и старых книгах, но все равно учились.

А еще собирали теплые вещи для фронта и работали на колхоз. Учителя считались летом в отпуске, но вместе с детьми привлекались на сенокос, уборку льна и овощей. Взглянешь на сельских ребятишек — в чем душа держится? На девочке балдахончик портяной с опоясочкой, под ним — ничего. У мальчишки штаны приспущенные на одной пуговке, вечно «магазинчик» раскрыт. Они, не задумываясь могли и выругаться, но не со зла. Им скажешь: «Это нельзя говорить». В ответ услышишь: «А чо лязя?». Дальше деревни ничего не видели, всему верили. Как-то, уже после войны, принесла на урок музыки патефон, так для них это было чудо! Все трогали, везде заглядывали. Матери потом при встрече спрашивали: «Лександровна, дак чо это ты в класс принесла? И говорит, и играет, и песни поет, а никого нет».

Послесловие. Ирина Александровна Шмелева, закончила в 1948 г. заочно учительский институт. Работала как географ-биолог в 5-7 классах, вела пришкольный участок. Там ставились опыты, выращивались различные сельскохозяйственные культуры. Даже кукуруза росла. На каждую учительскую конференцию корзинами возили образцы. И.А. Шмелева — отличник сельского хозяйства, награждена медалью «За доблестный труд». В сельской школе проработала сорок лет.

Ремесло за плечами не висит...

Едет в плетеном тарантасе расфуфыра-барыня. В руках у нее корзинка с едой, а в ногах сундучок стоит. Тоже плетеный. От соснового корня дух идет на всю улицу. Пусть себе едет, а мы остановимся в селе Бобино у дома, где в прошлом веке мастера жили. А сейчас у дома прославленных кустарей нас ждут...

В селе Бобино плетение из соснового корня родилось давно. Здесь, у дома потомственных кустарей Бушуевых, — нас ждут Владимир Михайлович Бушуев, преподаватель Кировской лесошколы, и Раиса Васильевна Ложкина, учитель краеведения Бобинской средней школы.

Р.В. Ложкина: «Наша земля неплодородная, урожаи низкие. Поэтому испокон века население занималось извозом и промыслами. Целыми деревнями работали на кожевенников Вахрушевых и Лаптевых, на основателя спичфабрики Сапожникова. Более ста промыслов процветало в Бобинской волости — пимокатное, скорняжное, кузнечное, вязальное и другие. Плетение из соснового корня — это само собой, ведь сосны вокруг — сколько хочешь. И лиственных пород деревьев не перечесать».

В.М. Бушуев: «Еще прадед мой Гаврила Федорович занимался плетением. От него остался пестерь из бересты для сбора грибов и ягод. Тяжеловат несколько, но удобен. Грибы не ломает. А вот сундук, в котором крестьяне хранили одежду, дед мой Алексей Гаврилович сплел из соснового корня. Прочно и красиво».

Р.В. Ложкина: «Сосновый корень заготавливали осенью. Разрезали на две или четыре части, вымачивали. Потом плели изделия, начиная каждое с донышка. Корзинки, чаруши, корбушки изготавливали в основном женщины, а крупные вещи — чемоданы, ширмы, сундуки — мужчины. Плетение — работа трудоемкая и штучная. Нужны терпение и усидчивость. Но и фантазию свою проявить можно, и вкус».

В.М. Бушуев: «У меня и тетки, и дядья плели, и бабушка моя любимая, Анна Васильевна. Я маленько-то от них нахватался, но мастерства такого нет. Еще только мечтаю вернуться к родовому ремеслу. Вот бабушкину корзину починил, перевязало новое сделал, но уж, конечно, не так, как было».

Р.В. Ложкина: «А вот стельки из бересты Владимир Михайлович вырезал для себя и других поломников, когда ходил в Великорецкий крестный ход. И обувь не промокала. К 400-летию села Бобино он изготовил бурачки из бересты с гербом и видами поселка. Вручали гостям как сувениры. Научил меня делать бусы из бересты, а я — школьников. Вот и получились замечательные подарки на женский день».

В.М. Бушуев: «В начале XX века плели не только корзины и сундуки, но даже тарантасы. Понятно для богатых. Крестьяне на таких не ездили».

Р.В. Ложкина: «Через Бобино проходил Ношульский тракт на Архангельск. Крестьяне могли продавать свои изделия проезжающим купцам или скупщикам. Недалеко и город Вятка был. Сдавали их там на кустарный склад. А то и на ярмарки везли. Это сейчас ремесло не в почете, а раньше такая пословица ходила: «Ремесло за плечами не висит, а хлебом кормит». Поэтому бобинские мастера никогда не бедствовали и жили в достатке».

С АРХИВНОЙ ПОЛКИ

ПЕРВЫЙ КРАЕВОЙ КОЛХОЗНЫЙ ТЕАТР

Первый краевой колхозный театр был создан в 1934 г. в соответствии с постановлением Наркомпроса РСФСР от 15 марта 1934 г. «О развертывании сети колхозно-совхозных театров». В состав труппы театра вошли артисты Ижевского самодеятельного театра «Ритм» и театра рабочей молодежи Горьковского автозавода. Художественное руководство осуществлял Государственный театр имени Евг. Вахтангова. Репертуар составляли пьесы советских драматургов: «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Пядь серебряная» Н. Погодина, «Дальняя дорога» А. Арбузова, «Беспокойная старость» Л. Рахманова, «Как закалялась сталь» по роману Н. Островского и другие, а также пьесы великих русских писателей и зарубежных классиков А. Островского, М. Горького, Л. Толстого, А. Пушкина, В. Шекспира, Ф. Шиллера, Ж.Б. Мольера. Театр был передвижным, выступления проходили в районных центрах, селах, поселках, на полевых станах.

В апреле 1935 г. Первый колхозный театр Кировского края принимал участие во Всероссийском смотре совхозно-колхозных театров. Московскому зрителю была показана пьеса А. Корнейчука «Платон Кречет». К смотру были подведены итоги театра: за год дано 126 спектаклей, обслужено ими 1134 колхоза и свыше 50 тыс. колхозных зрителей.

Театр работал с 1934 по 1948 г., сначала в Шабалино, затем последовательно в Слободском, Советске и Котельниче. Закрыт решением облисполкома от 19 марта 1948 г.

Культурное строительство в Киров. обл. Киров, 1987. С. 352.

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПЕРВОГО КОЛХОЗНОГО ТЕАТРА КИРОВСКОГО КРАЯ

15—31 августа 1935 г.

15 августа 1935 г.

Ключевский с/с [Шабалин. р-н]

...Выезд в поле, к колхозникам с малыми формами¹. Встреча дружелюбная. После концерта так разошлись, что танцевали на скошенном поле босыми ногами, вместе с артистами. Класс в танцах показала самая старая среди присутствующих колхозниц. В заключение всех зрителей сняли и прокатили на машине. Ехали с песнями и улыбающимися лицами. Многие на грузовике ехали впервые. Если зритель отдохнул, если зарядка на дальнейшую работу дана, значит, мы приехали не зря, значит, мы достигли своей цели.

17 августа 1935 г.

Журавлевский с/с [Шабалин. р-н]

...До спектакля был выезд в поле с малыми формами к колхозникам колхоза «Новый свет». Старушки опять отличились — только заиграл баян, бабка в синей кофточке лихо пустилась в пляс. Обслужено 70 ч[еловек]. Выезд закончили массовыми танцами. Выпустили газету «За высокий урожай», куда вошла викторина с премиями, по [пьесе] «Бедность не порок», вызвавшая большое оживление среди кол[хоз-ник]ов.

23 августа 1935 г.

Семеновский с/с [Шабалин. р-н]

Днем выезд в поле с малыми формами. Дергаем лен вместе с колхозниками и горох самостоятельно, с 100 % выполнением. Концерт идет оживленно — старушки опять «подставляют ножку» молодежи. Особенно одна бабка, которая ухитрилась в танце сморкаться под музыку и очень всех развеселила.

26 августа [1935 г.]

[станция] «Свеча»

Комсомольская помощь колхозам по погрузке хлеба срывается второй день то по нехватке бензина, то еще по каким-то причинам такого же порядка и совершенно не зависящим от нас причинам. А комсомольцы рвутся в бой.

27 августа 1935 г.]

[станция] «Свеча»

Вечером спектакль срывается. Сидим в ожидании зрителя в костюмах и гриме час, сидим два. Обидно, подготовившись работать, — уйти ни с чем. Упорно ждем зрителя. В 12 часов ночи скорбно разгруппировываемся и грузимся в машину в обратный путь!

28 августа 1935 г.

[станция] «Свеча»

...после спектакля Вилли² проводит затейничество, в котором принимает участие почти весь зал. Колхозник в лаптях лихо отплясывает в паре с Вилли «барыню» и получает за это премию — черную собаку из фланели, «чтоб не страшно было идти домой» напутствует его Вилли под дружные аплодисменты зала.

30 августа [1935 г.]

[станция] «Свеча»

В три часа дня комсомольцы выезжают на погрузку хлеба. А комсомольцы у нас все как один: здоровы, сильны, крепки, энергичны. Едут в Юмский с/с [Свечин. р-н]. Амбар с рожью. Ребята насыпают рожь в мешки и ташат их до машины. Гармонист играет марш из «Веселых ребят» и другие вещи. Алеша делает фотосъемки. Работа кипит. 21 мешок с рожью погружен на машину. Желание всемерно помочь колхозам, быть полезными, чем можем, чем умеем — заставляет нас быть универсальными. Подарок крайисполкома³, в свою очередь, помогает нам — эберечь время, энергию и подметки. Сколько было бы уже сношенных сапог! Километр туда и обратно 3 раза в день!

31 августа 1935 г.]

[станция] «Свеча»

Свертываем поездку по колхозам и едем в районный центр — Котельнич. Все воспрянули духом: можно поправить пьесу, разболтанную на маленьких площадках, восстановить потерянные места, получить зарядку от зрителя, от большой сцены, от электрического света, который мы видели один только раз за все 20 дней. Это не ошибка, не бегство из колхоза — это скромное пополнение культурного багажа, это боязнь застыть на точке замерзания. Работая в колхозах, мы сами должны культурно расти, воспитываться, пополнять свой культурный багаж. Иначе через несколько лет мы будем не нужны тем же колхозникам, для которых играем сейчас.

ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 798. Л. 217—220.

¹ «Малые формы» — литературные монтажи, интермедии, сценки, одноактные пьесы.

² Фамилия не установлена.

³ Имеется ввиду грузовик, выделенный крайисполкомом театру.

С. ТЕЛИЦЫНА

ВТОРОЙ ОБЛАСТНОЙ КОЛХОЗНЫЙ ТЕАТР

1999 г.

Возникновение второго областного колхозного театра началось в Москве, в театре имени Евгения Вахтангова, где участники театральной студии — молодые рабочие столичных предприятий в начале 1935 г. дружно готовили будущий репертуар никому из них не известного театра. Первые шаги юного театрального коллектива прежде всего были связаны с Михаилом Петровичем Троянским, который появился на уржумской земле летом 1935 г. ...

В основном появление театра в Уржуме было вызвано желанием создать живой памятник его великому уроженцу — Сергею Мироновичу Кирову. И вообще этот маленький городок на берегу речки Уржумки словно притягивал к себе театралов, люди в нем любили искусство, ведь не зря город прослыл театральным.

1935 год. Начало творческой работы. Первый руководитель, оставившийся в Доме крестьянина, сразу же принимается за устройство своих дел, решения многих практических вопросов. Михаил Петрович Троянский — первый директор и художественный руководитель Уржумского 2-го областного колхозного театра. Он имел дар «легкой руки», талант организатора и провидца.

Создание самого коллектива происходило как-то само собой. Очень многие люди пришли поработать в театр. Так, случайно оказалась в театре Ольга Григорьевна Рассохина, что стала театральной гримершей. М.П. Троянский совершенно случайно услышал, что она умеет шить, и пригласил в театр. Другая театральная костюмерша — Любовь Степановна Страбыкина пришла в театр молодой шестнадцатилетней девчонкой и проработала там 10 лет. Также «переметнулись»: Борис Александрович Курочкин, Евгений Петрович Замятин, Борис Федорович Прохоров, Василий Семенович Ашихмин, Анатолий Константинович Логинов, Александр Николаевич Тренин, Елена Константиновна Шимойко, Лидия Александровна Самочерпова и другие. Коллектив театра сложился очень дружный, для каждого из них было важно сохранение традиций театра.

Здание колхозного театра располагалось на улице Советской. Это очень красивое кирпичное здание. Сначала была одна сцена, со временем появилась и новая, крутящаяся. Было две гримуборные, специальные комнаты для актеров; прекрасное фойе; две ложи. Актеры жили почти все вместе, в коммунальной квартире на ул. Кирова, напротив школы № 3.

Первая премьера — «Афродита» (по пьесе Н. Богданова) была хорошо встречена зрителями. В первом сезоне был такой репертуар: «Слава» (В. Гусева), «Трус» (А. Крона), «Шестеро любимых» (А. Арбузова), «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Не всё коту масленица» (А. Островского). Успехом пользовался спектакль по пьесе Виктора Гусева «Слава». В нем звучали отличные стихи, афоризмы, диалоги, чувствовалась радостная приподнятость.

Со временем коллектив театра стал делиться на труппы и выезжать в деревни. Организовывали сельские художественные коллективы, помогая им творчески. Порой очень трудно приходилось добираться, особенно в довоенный период. В основном ездили на лошадях, с остановками. «Когда ехали, например, в Нолинск, им приходилось останавливаться в Петропавловском, менять лошадей, и только потом продолжать путь. Через год существования театра им выделили машину — «полуторку», но она вскоре разбилась вместе с администратором театра», — вспоминает А.Ф. Кукшина. Но несмотря на все трудности, продолжались выезды театра в колхозы. По приезду в любую деревню необходимо было найти зеленую лужайку, на которой очень быстро скалывался помост. Актеры гримировались в ближайшей избе. Во многих деревнях зрители впервые сталкивались с театром. Эти встречи имели большое значение, ведь в то время не было даже телевизоров. Разъезды по деревням благотворно воздействовали на многие самодеятельные коллективы.

Многие постановки театра были настолько хороши, что соперничали с работами театров областного центра. Один из таких спектак-

лей — «Борис Годунов». Спектакль выполнялся с большим энтузиазмом, каждый человек вносил наибольший вклад. Под конец репетиций текст уже знал весь технический персонал театра. Также большое внимание уделялось оформлению. Владимир Яковлевич Рейнбах — художник театра, хорошо знал свое дело. Его декорации всегда были очень красивы. В результате «Борис Годунов» стал «звездой» второго сезона. Спектакль шел 5 часов, но ни один зритель не ушел, не досмотрев его до конца.

21 июля 1937 г. произошла смена руководителей. Директором и художественным руководителем стал Александр Афанасьевич Сурушкин. Его первая режиссерская работа — «Беспокойная старость» Л. Рахманова — отличалась той слаженностью всех элементов спектакля, которая характерна для лучших работ театра. Значительным событием 3-го сезона была постановка инсценировки Рафаловича «Как закалялась сталь», подготовленная Романом Михайловичем Романовским, будущим директором и художественным руководителем Уржумского театра.

В театре ставились классические произведения и пьесы современных авторов. Все спектакли требовали большого труда. Бывало так, что репертуар менялся каждый день. Актеры буквально жили театром. Целый день репетировали, потом премьера, а ночью обсуждали спектакль, даже спать было некогда. С частой сменой спектаклей происходила и частая смена декораций.

Одним из художников был Евгений Петрович Замятин. Он приехал в Уржум в 1932 г. и работал радиомонтером районной конторы связи. В театр попал случайно и о театре не знал ничего. Из монтера стал художником. Была у него «подпольная типография», печатавшая афиши к каждому спектаклю. Он же писал и обычную рекламу. При его участии появились в театре два самостоятельных кружка — «Литературная суббота» и художественная студия. По субботам собиралась пишущая, в прочие дни — рисующая братия. Они издавали сборник стихов, отпечатанный в семи экземплярах на машинке, с обложкой и титульным листом, выгравированным на липовой доске. Евгений Петрович рисовал не только декорации. После него осталось много портретов коллег.

В годы Великой Отечественной войны положение в театре было очень сложным. Всю войну коллективу пришлось решать практические задачи — ведение подсобного хозяйства, заготовка дров и т.п. Незаменимой помощницей в этих делах была кобыла серой масти по кличке Пчела. Театр делился на группы и гастролировал, выступал перед эвакуированными москвичами, ленинградцами, жителями прибалтийских республик. Все эти годы зрительный зал заполнялся до отказа. «Финист Ясный Сокол», поставленный А. Сурушкиным, горячо воспринимался не только детьми, но и взрослыми. Царь Картаус — носитель зла, был чрезвычайно похож на Гитлера, а герой сказки Финист представлял с пятиконечной звездой на груди. А. Сурушкин вспоминал, как во время спектакля «Нашествие», когда русского солдата пытали немецкий офицер и генерал, «один фронтовик в зале не выдержал и выбежал на сцену, ударил немецкого офицера (артист Разумов) по щеке. Зрители бурно аплодировали, считая, что это режиссерский замысел. А. Поляков, игравший генерала, залез под стол. Занавес закрыли, а взволнованного зрителя увели со сцены».

Уржумский театр на протяжении многих лет был верен своей традиции служить народу. Шефство над коллективами сельской художественной самодеятельности, выступления перед колхозниками в период сельскохозяйственных работ, подготовка праздничных программ, художественное обслуживание военных госпиталей — вот черты театра-общественника.

За 17 лет существования театр сменил много руководителей. Наиболее знаменитыми были М.П. Троянский, А.А. Сурушкин, Р.М. Романовский. Каждый из них обладал своим почерком, вкусом, умением вести дела, вдохновить актеров творческой задачей. Менялись и актеры. И состав постоянно обновлялся, но сложился и костяк: Е.К. Шимойко, С.В. Канн, Л.А. Самочерпова, А.К. Логинов, И.С. Кулигин, В.С. Ашихмин, Б.А. Курочкин, А.Я. Касперсен, А.А. Бенедиктов, Т.Л. Клышейко (Мальцева), Б.П. Гусаков, Г.Я. Глебов. В 1952 г. театр закрыли. Многие актеры сразу же уехали. Но уже в 1954 г. оставшийся коллектив едет в Москву и показывает оперу «Иван Сусанин» на Всесоюзном фестивале художественной самодеятельности, где награждается дипломом.

За 17 лет существования Уржумский областной колхозный театр поставил 150 пьес, было сыграно около 4-тысяч спектаклей. Группы театра много гастролировали, и не только по своему району и области, но были и в соседних республиках: Удмуртской и Марийской, даже выступали в Вятке перед обслуживающим персоналом. В тяжелые дни Великой Отечественной войны театр морально поддерживал людей. Зрители находились в зале, чувствовали плечо соседа и уже не были одиноки в своем горе.

Театр внес большой вклад в жизнь г. Уржума. Это был действительно профессиональный театр. Пусть к нам приехали вахтанговцы и актеры из других городов, но основная часть коллектива были уржумцы. Значит, были у нас в городе талантливые люди.

(ГАКО. Ф. Р-3010. Оп. 2. Д. 100. Л. 7—20).

О. ВОТИНЦЕВА

САМОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ СЕЛО

1997 г.

Первое письменное упоминание о любительских спектаклях в с. Богородском относится к 3 января 1916 года. В этот день был дан любительский спектакль «Семья Галкиных». Инициатором постановки и распорядителем был некто Ф.Я. Пантелеев. Участие в спектакле приняли учащиеся средних учебных заведений, приехавшие на каникулы, и местная интеллигенция. По свидетельству автора статьи в газете «Вятская речь», этим спектаклем Ф.Я. Пантелеев хотел дать толчок к постановке в нашем селе народного дома. Народный дом необходим был, чтобы дать народу «пищу духовную и разумное развлечение, чтобы отвлечь его от страсти к картежной игре и опьянению ханжой».

Во время революции 1917 года постановка спектаклей прекратилась, а с 1918 года начинается новый этап деятельности любительского

театра на сцене с. Богородского. А все началось с того, что во время гражданской войны прибывшие в село демобилизованные солдаты, сельская интеллигенция и крестьяне решили время отдыха проводить культурно. Несколько дней ими решался вопрос о выборе искусства. Остановились на сценическом. Первый спектакль был поставлен в апреле 1918 г. в зале волисполкома. Спектакль понравился публике, молодежь стала охотно принимать участие в работе кружка. Ставились пьесы Островского «Не так живи, как хочется», «Не в свои сани не садись», «Без вины виноватые» и другие.

В скором времени кружок стал известен в других селах, деревнях, граничащих с нашей волостью. Зрителей на спектакли съезжалось много, так что публика не всегда вмещалась в зале. Со временем драматический кружок переехал в более удобный дом бывшего священника С.А. Сергеева, именовав его «народным домом». Репертуар кружка расширился, на сцене появились пьесы Чехова, инсценировки из произведений Гоголя «Ревизор» и «Женитьба», Фонвизина «Недоросль», Горького «На дне» и другие.

В начале 1919 г. драматический кружок народного дома обслуживал солдат Красной Армии, выезжал с постановками в дивизионы, расположенные в деревнях. Драматическим кружком ставились спектакли систематически 2-3 раза в месяц. Бессменным руководителем этого кружка со дня его организации до 1925 г. был Михаил Викентьевич Утробин.

В 30—40-е гг. спектакли в селе стали редкостью. Но драматический кружок существовал, руководил им Иван Михайлович Колупаев. Коллективом был поставлен спектакль «Сады цветут», основными участниками которого были учителя. Последний спектакль перед войной был поставлен 1 мая 1941 г. и назывался он «Жизнь зовет». В годы войны, вероятно, спектакли не ставились в связи с тяжелым положением как в стране, так и в нашем селе.

В послевоенные годы сценическая деятельность возобновилась. В 1946 г. в районе работало 13 драматических кружков. Их силами было поставлено 190 спектаклей и обслужено 4300 человек. В с. Богородском драматический коллектив был организован 1 ноября 1946 г. Под руководством организатора кружка Нины Семеновны Шабалиной была поставлена пьеса Анушкина «Солдатская клятва». В 1947—1948 гг. сценическое искусство достигло большой популярности. В 1948 г. в районе был уже 21 драматический кружок. Основным составом кружка была сельская интеллигенция (агрономы, учителя, медицинские работники) и колхозная молодежь. Основным репертуаром кружков художественной самодеятельности были пьесы советских драматургов. В нашем селе драматический кружок работал при Доме культуры. За 1948 г. им было поставлено 8 пьес, за 1949 — 17 концертов и спектаклей. В 1950 г. Богородский драматический театр насчитывал 19 человек.

(ГАКО. Ф. Р-3010. Оп. 2. Д. 96. Л. 6—7).

Р.В. ЛОЖКИНА

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

(По воспоминаниям жителей Бобинской волости)

РОЖДЕСТВО. В Рождество с утра народ собирался в село Бобино к обедне и, как обычно в большой праздник, шла торговля на базарной площади. После обедни священники сразу ехали по деревням своего прихода «славить Христа». Заходя в дом, они читали молитвы и подготовленную хозяином памятку о здравии и за упокой предков, брали со стола деньги и переходили в другой дом. За день надо было «отславить» домов 150—200. После молитвы в доме начинался праздник, торжество всех поколений. Молодежь в дни Рождества вечерами собиралась на игрища. Обычно откупали у какой-либо вдовы избу, плясали «Бобинскую кадрили» (в 6 или 12 колен), играли в «испорченный телефон», пели песни «По Муромской дороге», «Потеряла я колечко» и др.

В конце Рождества Меркурий Николаевич Ложкин привозил из города сотни две булок. У него собирались крестьяне ближайших деревень и играли сутками на булки, а потом на деньги. Игра на булки проводилась и в деревне Овсянники у Васи Савина, и в других деревнях. Хозяин всегда имел доход.

Подростки, дети заводили свои игры, присущие только Рождеству. Вот бабушка или дед приносят из чулана котомку с «ладышками». На столе ребята делят их поровну, складывают их по несколько штук. Первый кидает пригоршнями на стол врассыпную, и щелчком надо как можно больше набить. Играли во «жмаканцы»: одному завязывают глаза платком, его похлопывают по спине, рукам, а он должен поймать кого-либо.

С Рождества до Крещения были «страшные» вечера. «Черти и бесы» бегали до первых петухов, «вводили в грех» православный народ. Сколько бытовало о них страшных и курьезных рассказов. Но вот приходит Крещение, после обедни священнослужители освящают воду в бассейне, старушки черпают «святую воду» в бураки и несут домой, кропят ею во всех углах, изгоняют «нечистую силу» с наговорами молитвы «свят, свят, свят, да избави нас от лукавого». Этим и кончались «страшные» вечера, особенно для ребят.

Особенно причудами и разными приметами на Рождество выделялся «НОВЫЙ ГОД». Расчетливый хозяин до поры клал в «кубышку» мелкие монеты, а в новогодний вечер считал их, чтобы в доме водились деньги.

Парень-жених запирает замком ведра, а ключ клал под подушку. Суженая пойдет по воде и зайдет во сне к нему за ключом. Девушки-невесты слушали под Новый год в подворот-

не звон колокольчиков. Если услышит звон, значит выйдет в этом году замуж. Старики морозили в ложках воду, если застынет бугорком, значит год проживут.

Канун Крещения был Сочельник. С раннего утра пекли сочни на весь день. Девушка-невеста брала сочень в зубы и бежала по деревне. Встретив незнакомого мужчину, не вынимая изо рта сочня, должна спросить, как его зовут. Так же будут звать ее суженого.

Вечер на Крещение посвящался только девичьим гаданиям о своей судьбе на год и на жизнь. Крещением кончалось Рождество и школьные каникулы. Крещенские, а через две недели афанасьевские морозы считались самыми «лютыми».

2 февраля (ст. стиль) — праздник «Сретенье Христа», морозы пошли уже на убыль. Зима подходит к концу, готовятся к Масленице.

МАСЛЕНИЦА. Проводы зимы. Всю неделю пекли блины, жарили на масле (мясо есть пока было нельзя). С четверга зятя ехали к теще в гости, дарили подарки (одежду, домашнюю утварь). За неделю до праздника молодежь готовила горки: морозили катушку, прогребали бег. Катушка украшалась елками, вечером вешали фонарики. Катались на салазках, на мороженных «деригах», ловкие подростки просто на ногах. Всю неделю у каталки народ, пляски.

В субботу-воскресенье за бором проходил смотр молодухек, что вышли замуж в этот Мясоед (с Рождества до Масленицы). Собирались сотни людей, ехали на лошадях в лучшей упряжке с галунами. Молодежь ездила по всей волости. Плясали перед домами молодоженов.

Масленица заканчивалась Чистым понедельником. Начиная «великий пост» — 40 дней. Священнослужители ходили по домам с постной молитвой. За каждое посещение они брали плату. Хозяин заранее клал деньги на стол, кто сколько пожелает. В чистый понедельник под вечер на катушку собиралась вся деревня. Катались все, кто на чем, жгли «обмолотки» — кукол. Наконец, к полуночи домали катушку. Катались и с гор Лопатиной или Чугунной на санях, на лыжах. Собиралась молодежь из других деревень волости. Катались и плясали.

Великий пост — это весенняя мартовская погода. Всю зиму женщины до полуночи пряли куделю, сейчас подошло время ткать холсты и белить их. Десяток новин по двадцать аршин соткет хозяйка за весну. Надо всей семье наткать на белье, скатерти, полотенца, мешки, половики, полога, подготовить дочерям приданое.

Праздники этого периода: «Евдокия плюшиха» и «Василий капельщик» (1 марта, ст. стиль) — первая весенняя капель, «сорок святых» (40 птичек прилетает в этот день с юга).

17 марта — «Алексеев день». (Алексей — божий человек, приходил в гости к святому Николаю). Из села Совье в Бобино носили иконы.

25 марта — «Благовещение». В этот день работать — страшный «грех». Поехал в «Благовещение» Матвей, сын Зиновия (с. Бобино) за дровами. Вперед ехал по насту, обратно дорога раскисла, не поднимает ни лошадь, ни самого. Замаялся парень насмерть — «наказал господь за работу в праздник».

1 апреля — «никому не верь». Сколько народного юмора, острот и смекалки было в этот день. Балагуры, шутники загодя готовили шуточные каверзы над простаками.

«Вербное воскресенье» — последнее перед Пасхой. Старушки несут от обедни вербы с цветами для украшения жилищ (цветы бумажные, а вербы уже распутившиеся — весна).

«Страстная неделя» — последняя неделя поста перед Пасхой. Всю неделю в церкви идут службы, неделя покаяния грешников. В течение великого поста все взрослые и подростки должны были сходить на исповедь. Человек сутки ничего не ест, потом кается в грехах за весь прожитый год. На все вопросы священнослужителя полагалось отвечать только одно «грешен». Уклоняющихся от исповеди, особенно политически неблагонадежных, вызывали повесткой через стражника. Например, вызывали Алексея Иотича (д. Лопатина гора) или Ефима Стрелкова (д. Стрелковы).

«Великий четверг» — день «содома и гоморры». Рано утром (еще до солнышка) вся деревня Брагины на ногах. Надо успеть прочистить от сажки кожухи, сбегать в разливы (снежные лужи) искупаться, умыться с серебра. Покликать в печную трубу жениха дочерям, надеть на огородный кол горшок (закрывать коршуну глаза от кур), сбегать взаимно (сосед к соседу) — наведать о сохранности скота. Подбегают к окну и спрашивают: «Хозяин, дома ли скотина?». «Дома, дома», — отвечают из избы. Это значит весь год скотина будет сохранена. Эти и другие причуды и суеверия надо исполнить до солнышка. Солнце взошло, все в деревне стихло.

ПАСХА СВЕТЛАЯ. Всю пасхальную ночь в церкви идет служба. Народу много-много. Ровно в полночь начинается крестный ход вокруг церкви, торжественное пение церковного хора, «красный» пасхальный звон.

Хозяйки всю ночь стряпают, пекут, варят для праздничного стола, ждут от обедни своих с просфорами и новостями. Пасха — сплошная неделя без постных дней. Сварены красные яйца, испечены сладкие пироги, у ребят текут слюнки, ждут разговенья после поста.

Рано утром священнослужители ходят по домам с молитвой «Христос воскрес». Погода — самая распутица (если ранняя

Пасха), их на саях от деревни к деревне везут на себе мужики.

Молодые мужья с женами с кулечками идут к родным на праздник. Парни ставят в деревне качели, у которых всю неделю идут игры, пляски, песни, шутки. У ребят — школьные каникулы, для них в каждом доме есть маленькие качели.

Всю неделю в Бобино торжественный звон (на всю округу). Церковный колокол был большой — 147 пудов, колокольная 18 сажень. Лазали звонить любители: кто потешиться, кто постоять под колоколом, чтобы не бояться грома во время грозы.

Конец Пасхи — воскресенье «отдание пасхи», а через день во вторник родительский поминальный день «радуница». Бабушка угощает ребят яичницей-омлетом, тонкими блинами и кануном (вареный рис с медом). Пожилые ходят на могилы к своим предкам. На кладбище (по заказу) священнослужители служат панихиды.

После Пасхи крестьяне ждут праздники — «Еремея запрыгальщика» (пора сеять яровые) и «Егорьева дня» (пора выпускать скотину в поле). И вот первая борозда, первый сев яровых. Хозяин надевает белую рубаху и идет в поле с ситивом, у полосы перекрестится на восток и начнет сеять. Настала горячая пора, работа от зари до зари. Приедет отец с поля, за столом в руках ложка дрожит. Тяжелая работа, надо торопиться: «весенний день — год кормит».

Ребята собирают пестики в поле (вкусна была пестовница с яичком), кисленку, гигли, в лесу ищут земляные почки с прохладным соком, целят березовицу, скребут сосновый сок — соскучились по витаминам. Женщины ходят за луговым луком для похлебки с квасом.

9 мая (ст. стиль) — «Весенний Никольдень». Конец сева. В селе Бобино — первый летний базар. После сева мужики шли заготавливать дрова на год. Женщины драли кору дуба для продажи.

21 мая (6 июня) — «Великорецкая». Дня за два на «сборный пункт» села Бобино начинают подходить трудники-богомольцы. Они идут за многие сотни верст поклониться чудотворной иконе Николая угодника, принять участие в Великорецком крестном ходе до реки Великой. В селе и близлежащих деревнях они отдыхают в избах, на сеновалах и просто на улице, натирая ноги крапивой. За дешёвую плату хозяйка поит их чаем. Раньше в Бобино их кормили за счет церковной казны.

Тысячи людей сопровождают шествие икон. На Великую реку ходили многие бобинцы, некоторые около десятка раз. Сколько приносили оттуда «священных реликвий»: богоподобных камушков, иконок и т.д., сколько рассказов о чудесных пророческих явлениях, о прорицаниях юродивых, об исцелениях немощных.

Молодежь в эту пору устраивали «ссыпки» — массовые собрания, иногда с угощениями за счет складчины, пляски, хороводы, разные игры. Например, «погорелки» на быстроту бега. У подростков свои летние игры: игра в бабки, плитки, городки, шар-палку, чиж-палку, мяч с наговором, гуси-лебеди. Ходили на ключ ловить рыбу гольцов, краснопериков или рыбачить к Студеному и Черному озерам, бегали купаться в митинский пруд.

Ребята поменьше летом открывали ворота проезжающим по деревне в церковь за гостинцы: пряники и семечки. Полевые ворота тогда были в каждой деревне, запирались житные поля от скота.

«СВИСТУНЬЯ». Конец четвертой недели после Пасхи. Все женщины шли в город Вятку покупать «дешевку» — уцененные обрезки ситца ребятам на рубашки и другие вещи домашнего обихода. Уценка залежалых товаров ежегодно приурочивалась к «свистунье». Но это и большая ярмарка детских игрушек, в т.ч. дымковских глиняных: кукол-барынь, петушков, коней, свистушек и т.д. Свист, пиликанье детских гармошек, шелканье деревянных ружей идет по всему городу. Сколько радости было у детей в этот день.

Через неделю в Слободском проводился такой же базар под названием «семик».

Женщины посадили все в огородах, мужики, починив изгороди вокруг полей и проселочные дороги, отправлялись в ближайший извоз, занимались ремеслами.

ТРОИЦА. Через 50 дней после Пасхи — самый веселый летний праздник. Расцвет природы. Весенние работы закончились, сенокос еще не начался, самое свободное время для гулянья и отдыха. Накануне Троицы бывает поминальный родительский день — «троицкая суббота». На другой день Троицы — «духов день» — не рабочий день, «нельзя ни пахать, ни копать, ни бить-колотить землю-матушку» — «Земля-мати имениница».

В с. Бобино в Троицу массовый сбор, большой базар. Торговля идет в лавках, балаганах, на площади с угощениями: для ребят лимонадом, кислыми щами, резными пряниками, японскими орехами.

По деревням проходят молодежные собрания, хороводы, пляска Бобинской кадрили из шести колен с подобранной музыкой для каждого колена (от резвого трепака до нежной мелодии «светит месяц»).

Плясали дуэтом «барыню» (парень с девушкой), плясали «камаринского», «казачка», «яблочко». Сколько ловкости, красоты, грации можно было показать молодому человеку на этих

собраниях. Из деревни в деревню ходила молодежь под музыку — «бобинская прохожая» (походный марш). «Бобинская прохожая», «бобинская кадриль» славились в соседних уездах.

Через неделю после Троицы был праздник «Яичное заговенье». С этого дня начинался «Петровский пост» до Петрова дня. Служители церкви в пост собирали ругу маслом и яйцами по своим приходам. Со своих прихожан набирали кадки масла и короба яиц.

В «яичное заговенье» проводился смотр молодухек, что поженились после Пасхи. Собирались перед домом молодоженов. С утра хозяин отворяет ворота для встречи гостей. Подходят соседи, родственники, поздравляют молодоженов, угощаются пивом, вином. Собирается народ из соседних деревень, молодежь приходит с гармошкой, иногда по несколько сот человек. Поют, пляшут, играют в «солоно мясо», катают красные яйца. Смех и шутки на всю деревню.

На девятой неделе от Пасхи крестный ход 10-ти икон от десяти пригородных сел. Из Бобино носили икону св. Николая (любитель путешествий), из с. Медянка — икону Дмитрия убиенного и т.д. Собирались сначала иконы в вятском соборе, а потом обходили крестным ходом по всем этим селам с молебствами на полях об урожае. Добровольцев носить иконы было мало — назначали сельскими обществами.

17 июня — праздник «Боголюбской Божьей матери». Несколько икон во главе с Богородицею крестным ходом с молебствами носили сначала вокруг с. Бобино, потом через деревни Лучиных, Пашковых, Селезней и обратно через Косолаповых в с. Бобино. Крестный ход был против градобития хлебов (в те времена град выпадал часто), по обету прихожан этих деревень.

В эту пору пашут пары, запахивают навоз, идут «наземные возки». Это тяжелая веселая артельная работа. Мужики показывают силу, заворачивая навоз пятипудовыми пластами. Женщины в поле на разгребке навоза надрываются, разворачивая эти пласты, шутки и смех на этой тяжелой работе. Навоз возили в отвозку сосед к соседу. Привезут в один двор пять хозяйств и вывезут за день весь навоз. Время жаркое, в перерывах молодежь обливают друг друга водой. Сколько визга, беготни, ловкости. Ребята «возят назем», не зевай, а то обгонят, осмеют, не задевай осями за углы, не попадай в «поскребни» (кто везет последним) — «защиплют» другие ребята. Хозяйка дома готовит обед, показывает свое искусство в угощении работников.

25 июня — «Иванов день». Летний солнцеворот, начало сенокоса. Косить начинали сначала домашние лога. Под ивановскую росу мужики сеяли репу, которая поспевала к осени. «Репу да горох сеяли на воров», — говорили в народе. Воровали про-

сто для лакомства свои же ребята-подростки. На «Иванов день» девушки ходили ворожить-гадать в густую рожь. Сапожнятские мужики варили в поле кашу, артелью ели за чаркою спиртного. Кашу хлебали из общего большого котла в знак дружбы всей общины.

Самая короткая ночь, заря с зарей сходится, а в траве ночью блещут ивановские светлячки. С «Иванова дня» начинались уборочные «страдные работы».

29 июня (ст. стиль) — престольный праздник «Петров день» — «День Петра и Павла». В бору, у часовни, на площади массовый сбор со всей округи. Выездная торговля в балаганах. В пруду идет купание лошадей. Храбрецы заезжали в пруд прямо в упряжке. Священнослужители в часовне служили молебен «Петру и Павлу». Молодежь устраивала пляски, гуляла по бору.

С «Петрова дня» был массовый выезд в дальние луга, Ложкинцы — к Студеному озеру. По берегу речушки (исток озера) каждый у своей полосы ставил свой шалаш для жития дней десять в период сенокоса.

После трудового жаркого дня вечером все собирались у костра погутарить, пошутить. Молодежь на заре под гармошку пела песни. Заядлые рыбаки наметами ловили рыбу. Для ребят в лугах лучшая пора лета: купание в озере, рыбалка на удочку. Днем езда на лошади, возка копен, вечером — рассказы у костра.

20 июля — «Ильин день». Конец сенокоса, начало страдной поры — уборка урожая.

В с. Бобино большой сбор, базар. Домовитые хозяева привозили баранов для освящения на резку в пищу семье. Побогаче мужики привозили, кроме того, по барашку в подарок служителям церкви. Навезут баранов целый загон. Приносили по котомке зеленого гороха тоже для освящения. Ребятам с «Ильина дня» разрешалось щипать и есть горох. До этого в горохе была «ступа» — пугало для малышей.

Заметно убыл день, прибыла ночь. В народе говорили: «За ночь стал конь наедаться, молодец высыпаться». Ночи стали холоднее. «Медведь лапу в воду обмочил».

В «Ильин день» и около этого дня часто случались грозовые дожди, «ильинская погода», поэтому, видимо, и приписывалось Илье-пророку ведение летних осадков. Праздники приурочивались к погоде (дожди, морозы): «ивановская», «петровская», «прокопьевская», «ильинская» погоды.

1 августа — Первый «Спасов день». Страда в разгаре, уже добыты семена ржи, хозяева несут котомки ржи в церковь на освящение, после чего начинается сев озимых. С 1 по 15 августа небольшой осенний пост, не ели молочное.

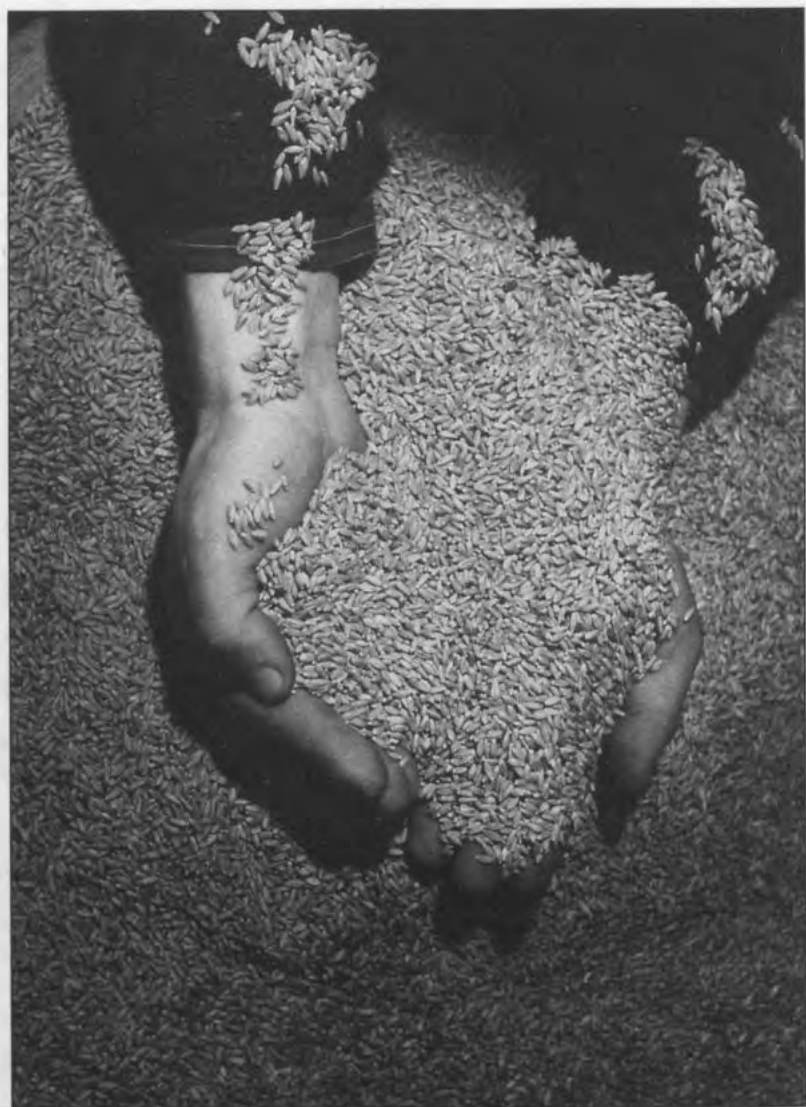
Анатолий СКУРИХИН

Сеяльщик.

Колос наливаются.

Рожь-матушка.

Бабки.

Мужицкие надежды.

«Про нас пишут».

Вести с войны.

И пахарь, и жнец, и севец.

*Дважды Герой
Социалистического Труда
П. А. Прозоров
со дня создания
и более сорока лет был
председателем колхоза
«Красный Октябрь».*

*Комбайны в поле.
Колхоз «Красный Октябрь».*

Охрана урожая.

Заправские работники.

Победители.

Леонид ШИШКИН

Колхозный дом отдыха.

*В колхозный дом отдыха.
«Красный Октябрь» Вожгальского района.*

Бильярдная.

*Шел войне — второй, парнишке — десятый!..
Колхоз «День трактора» Свечинского района. 1942.*

Тракторист Николай Зубарев и плугарь Аркаша Жолобов
(Оричевская МТС). В 1943 г. первыми в районе закончили весновспашку.

*За управление сельхозтехникой брались молодые женщины
(колхоз им. Кирова Оричевского района).*

*Обоз с хлебом.
Колхоз им. 18 марта Свечинского района.*

Встреча демобилизованных на ст. Киров в 1945 г.

Академик Николай Васильевич Рудницкий. 1939.

Азумагор.

6 августа — Второй «Спасов день», День преображения Христа. Страда и сев в полном разгаре. Отстающим с жатвой мало дня, жнут по ночам укрادкой от соседей.

16 августа — Третий «Спасов день». Конец сева.

Молодежь в эту пору гуляет по помочам. Богатые мужики или бедные вдовы созывали обычно по субботам и воскресеньям из родни и соседних девушек жать жито. День жнут, а вечер после ужина пляшут, иногда далеко за полночь. Парни на помочь собирались из разных деревень. Помочи продолжались до глубокой осени (молотьба, уборка льна, копка картофеля).

Осень — это канун призыва в армию, призывники месяца два гуляют. На помочах парни по старой традиции сводили счёты через драку. Подростки участвовали в ночных походах, служили в «разведке», готовили оборону — колья и т.д. Спортм раньше не занимались, не знали и никто не руководил. Но в этих походах молодежь физически закалялась.

Заядлый драчун Семен Воробьев в 1943 г. на фронте во время атаки заскочил в немецкий блиндаж, на него сразу напали трое фашистов. Семен ловко перевернул одного, другого, а третий побежал, он пустил вдогонку пулю. Пригодилась старая практика.

1 (14) сентября — «Семенов день». Начало «бабьего лета». Жатва закончена, сейчас надо убирать, приводить в дело лен, убирать картофель, овощи, готовить в школу детей.

В г. Вятке в этот день большая ярмарка. Торговля, мена лошадей. Цыгане, татары, меновщики, коновалы — герои этой ярмарки. Сколько уезжало счастливых покупателей с добрыми конями. Коней для продажи приводили из Нолинского и других южных уездов, где их специально для этого растили. Много, конечно, уезжало и обманутых ловкими мошенниками неудачников подобно «деду Щекарю» из «Поднятой целины» М. Шолохова.

8 сентября — «Богородская». Убирай из огорода. Начинаются осенние заморозки.

В Бобино в этот праздник овощной базар. С капустой приезжали из деревень: Заборяна, Чарушины. Богородская — престольный день в Загарье, где несколько дней проводилась большая сельская ярмарка. Приезжали с товарами купцы из Вятки и Слободского. Закупщики скупали в селеньях горы कुдели, волокна и холстов, кожи, пушнины, меда, хлеба и т.п.

Сентябрь идет к концу, пошли первые пристылки, первая пороша — снежная крупа. Все полевые работы закончены, «хлеб в амбаре, корм на сеновале» — можно отмечать и день урожая.

26 сентября — «Богослов», День урожая.

1 октября — «Покров». Последняя суббота перед праздником — «покровская». Массовые поминки родителей, последние в году. Эти поминальные дни сохранились до сих пор.

За свежим урожаем в эту пору священнослужители ездили по деревням собирать ругу зерном — с хозяйства по мере каждого жита (ржи, овса и др.).

В конце октября начинался уже санный путь. Мужики подвозили из леса дрова, а в ноябре ехали уже за сеном в дальние лога. Сено возили артелью, в отвозку друг другу. Подберется человек пять-шесть и сразу забирают стог сена, везут хозяину. Куда везти сено, там и договорятся.

Женщины в это время работают со льном: ломают, треплют, чешут на куделю. Прибыло работы и со скотом, надо кормить. Закончив сенные возки, мужики снова едут за осиной, за камнем, отправляются в другой извоз. Мастеровые садятся за ремесло каждый по своей специальности.

Праздники этого периода больше местного характера. В каждом приходе свои: День Кузьмы и Демьяна, Михайлов день, Екатеринин день и др.

6 декабря — «Зимний Никольдень» (с. Бобино). Это было самое спокойное время года, когда все основные работы закончены, в хозяйствах еще не оскудели запасы хлеба и корма. Это был массовый праздник для сбора близкой родни, для задушевных семейных бесед и угощений.

Календарный год подходит к концу.

25 декабря (н. ст.) — рождение нового солнечного года. С древнейших времен язычества человек празднует Рождество.

Особенность прежних праздников в том, что они сочетались с трудовой деятельностью крестьянина. Репертуар праздничных обрядов обеспечивал участие в них всех возрастов от «мала до стара».

Б.В. САДЫРИН
ФОТОЛЕТОПИСЕЦ ДЕРЕВНИ
(А.В. Шишкин)

Вятская фотография в своем становлении и развитии шла всегда рядом с деревней и населяющим её народом. Наши мастера светописы, фотографы-художники и документалисты сами вырастали в мире крестьян. С чувством большого уважения и любви, по-крестьянски основательно и добротнo показали их в своем творчестве. Крестьянская тема стала едва ли не ведущей в жизни «Вятской фотографической школы».

Так, если Сергей Александрович Лобовиков показал лёгкую жизнь и быт вятских крестьян, их богатый внутренний опыт — всё, что формировалось веками, то продолжателем его традиций Аркадий Васильевич Шишкин (1899—1985, родом из слободы Кукарка Вятской губернии ныне г. Советск) пошел дальше.

Властно жизнью влекомый, он увидел и отразил её в своих фотографиях-документах. И некоторые из них явились по-настоящему художественными произведениями. Произошло так называемое взаимопроникновение двух начал: документализма и художественности.

За десятилетия творческой работы он создал фотолетопись советской деревни. Признанный в СССР и за рубежом, он в 1967 г. в Кирове открыл свою персональную фотовыставку «Пятьдесят лет советской деревни». Работала она и в Перми, и в Москве, и в Тамбове.

Многие тысячи зрителей увидели документально-художественные фотографии А.В. Шишкина и поразились его способности так глубоко проникать в характер и суть человека, вятского крестьянина. Их нужно назвать: «Сеятель И.Е. Окунев. Деревня Харино Яранского уезда Вятской губернии. 1924», «Единоличник. Деревня Печёнкино Яранского уезда Вятской губернии. 1923», «Сушка зерна в печи» (там же), «Бедный и зажиточный. Вятская губерния. 1928», «Выступать или не выступать?» (1929), «Первая колхозная весна. 1929», «Мечтатели» и многие другие.

Менялась единоличная деревня, властью велась в сторону коллективизации. И появились новые шишкинские работы: «В деревню пришел первый трактор» (1929), «Где бы подучиться» (1930), «Первые трактористки» (1930), «Теперь заживём» (1935) и другие.

Не отпускала А.В. Шишкина от себя крестьянская тема и в годы Великой Отечественной войны, которые он прошел до самой победы, сначала солдатом, а с 1943 г. — фотографом при политотделе штаба 174-й стрелковой дивизии. Он создал серии «Колхозники — Герои Советского Союза», «Колхозники — защитники Родины», «Сельские попелища».

И после войны деревня и её труженики — в центре творчества фотомастера. Только деревня эта была другая и колхозники тоже другие. Новые, грамотные, владеющие современной сельскохозяйственной техникой. И словно символическое выражение этой новизны — его снимок «На этом поле в 1924 году сеял из лукошка И.Е. Окунёв. Деревня Харино Кировской области. 1966».

«ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!»

П.Е. КОЗЛОВ

ХЛЕБ ПОБЕДЫ

Хлеб, выращенный вашим трудом на полях, — это тоже оружие, и сила этого оружия велика.

Маршал К.К. Рокоссовский

Я, Козлов Петр Ефимович, родился 27 июня 1922 г. в глухой вятской деревне Рыжаково Яранского района, в 150 км от железнодорожной станции Котельнич и 20 км западнее Яранска. Родился в семье крестьян-середняков Ефима Антоновича и Евдокии Ивановны. Произошло это в сенокосную пору. Мама родила меня на лугах, а брата Ваню — часом позже, уже дома. Наверное, поэтому у меня на глубоком генном уровне унаследовано необыкновенное чувство любви к земле, природе.

В семье было трое детей — я и сестры Афанасия и Анна (Ваня умер в младенчестве). Родители ни дня не учились в школе и могли еле-еле читать и писать. Отец научился этому на Гражданской войне, а мать — в кружке ликбеза. Детство на всю жизнь оставило в моем сердце любовь к труду, русской песне и стихам.

Деревня была большая, девяносто дворов. Односельчане любили землю и дорожили ею. Трудились, не покладая рук. Берегли каждый колосок. Родители своим примером и строгим спросом приучали детей с малых лет к тяжелому крестьянскому труду. Помню, как пяти-шести лет бежал по пашне или стерне сжатого поля, нес в узелке обед отцу. Он пахал. В награду давал мне в руки возжи, разрешал пройти несколько кругов по свежей, влажной земле. С семи лет умел жать серпом, завязывать снопы, ставить их в суслоны, бабки или кучи. Помогал отцу — подавал снопы на воз. В 10 лет умел управлять конем. Когда подрос — работал со взрослыми, пахал землю и косил травы, возил сено, мешки с зерном. Вместе с отцом сушил зерно в овине, молотил. Любил разнообразный крестьянский труд.

С малых лет неравнодушен к природе, её красоте. Не отрывая глаз, смотрел и не мог наглядеться на ржаное поле, которое

под ветром волнами ходило, как море. Приходил в восторг, глядя на бескрайние льяные поля. Казалось, что синее поле слилось с синим небом. Любил лес и речку. Закаты и восходы, дожди и метели, прилет и отлет птиц — все оставляло свой след в душе.

Наш край песенный. Жили бедно, а песня сопровождала все события жизни крестьян. С ней ехали на работу и с работы. Она звучала на игрищах, гуляниях, вечеринках. Деревенский труд, природа и песни формировали в нас трепетное чувство любви к малой Родине, к России.

Мужская линия Козловых была солдатская. Дед Антон Алифантьевич был участником Русско-японской войны 1904-1905 гг., получил тяжелое ранение. В 1914 г. взяли на войну и отца. Он семь лет провел на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, пять раз ранен, контужен, тонул в Березине, травлен газом, имел кресты святого Георгия. Судьба отца досталась и мне.

22 июня 1941 г. мы с отцом, Ефимом Антоновичем, были в Яранске, на базаре. Когда узнали, что началась война, он померк. Бросив базарные дела, поехали домой, казалось, что земля почернела от известия о беде. Отец долго молчал, а потом сказал: «Моя судьба, видимо, достанется и тебе, мой сын. Только подрос — и вот опять война. Она будет долгой, её хватит и на тебя». Он учил, как вести себя в обороне и наступлении, рыть окопы. Создалось впечатление, что он, участник боев за власть Советов, передавал мне, довоенному подростку, своё умение, а я принял.

Когда приехали домой, увидели, что у часовни собрались вернувшиеся с сенокоса взволнованные мужчины. Весть о войне принес в правление колхоза нарочный из сельсовета, а туда звонили из райисполкома. Собрался стихийный митинг. Собравшиеся не знали, когда начнется мобилизация и каких возрастов она коснется, но никто не сомневался, что завтра-послезавтра принесут повестки из военкомата. И, действительно, уже 23 июня военнообязанные сельчане начали уезжать в Яранск, на сборный пункт, оттуда — в приписные и запасные части, в военные учебные заведения.

Во многих хозяйствах области 22 и 23 июня прошли митинги и собрания. Сергей Зотович Махнев — председатель колхоза «Вперед» (Тужин. р-н) сказал на митинге: «Я ходил добровольцем на Гражданскую войну, бил белогвардейских генералов и иностранных захватчиков. Сейчас пойду бить фашистов, отнес в военкомат заявление о добровольном зачислении меня в Красную Армию. Отдам все силы, а если потребуется, то и жизнь, ради защиты нашей Родины». (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 45. Л. 42).

Член колхоза «Путь социализма» (Нем. р-н), комсомолец Николай Родыгин выступил на колхозном собрании: «Я иду защищать нашу Родину. Глубоко уверен в победе над фашистской Германией. Буду сражаться, не жалея сил. Вас, товарищи колхозники, призываю хорошей работой крепить тыл, оказать помощь Красной Армии». (Там же. Д. 45. Л. 134). И в других селах и деревнях на митингах выступающие призывали собравшихся ответить на агрессию врага конкретными делами по укреплению могущества страны.

С первых дней войны в военкоматы, райкомы партии и комсомола поступали заявления о желании идти на фронт добровольцами. Председатель колхоза «Веха Ленина» (Тужин. р-н) Василий Фролович Дербенев писал в заявлении: «Настоящим убедительно прошу послать меня в ряды защитников Советской Родины вместе с моими двумя сыновьями. Мне 46 лет, возраст мой пока не подлежит мобилизации. Но я не могу ожидать призыва своего года рождения, хочу безотлагательно вступить в бой с врагами своей Родины. Прошу послать меня в часть, где служит танкистом мой третий сын. 23 июня 1941 года». (Архив Киров. облвоенкомата. Инв. № 2. Д. 3. Т. 2. Л. 276).

Заявления несли люди всех возрастов. В Мурашинский райвоенкомат пришел Егор Ильич Дружков из д. Крысы Завыдринского сельсовета. Ему было 65 лет, но настойчиво требовал зачислить в Красную Армию. Он — хороший шорник, а поэтому доказывал, что будет полезен в хозвзводе любой воинской части. (Там же. Л. 87). Пантелей Иванович Шмаков из д. Никуличи Архиповского сельсовета (Даров. р-н) писал в райвоенкомат: «Мне 64 года, но я чувствую себя бодро и желаю идти на защиту Родины». (Там же. Л. 222). В донесении военкома Шабалинского района от 27 июня облвоенкомату говорится: «В военкомат поступило 50 заявлений, в том числе десять от подростков 1924-1925 годов рождения». (Там же. Л. 253). Все заявления добровольцев проникнуты горячей любовью к Родине и ненавистью к врагу. Их нельзя читать без волнения.

23 июня 1941 года было объявлено первым днем мобилизации. К 8 часам утра все сборные и сдаточные пункты были созданы и открыты. Мобилизованные направлялись в приписные части и в 14-й запасной стрелковый полк, дислоцировавшийся в г. Слободском. Основной призыв военнообязанных вернулся в области в июне-августе и последующие месяцы. Шло формирование крупных воинских соединений и частей: 311-й (июль, г. Киров), 355-й (окт., г. Киров), 117-й (дек., ст. Зуевка), 131-й (дек., г. Киров), 135-й (дек., г. Слободской), 24-й (дек., ст. Луза) стрелковых дивизий и 86-й (нояб.-дек., г. Киров), 169-й (нояб.-дек., г. Котельнич) стрелковых, 61-й (нояб., п. Кирс) и

62-й (дек., п. Шлаковая) морских стрелковых, 1-й маневренной воздушно-десантной (дек., ст. Зуевка), 11-й, 12-й и 13-й воздушно-десантных (дек., Свечин. и Котельнич. р-ны) бригад и др. Только за первый год войны на территории области было сформировано 42 соединения и части.

Многие военнообязанные, получив повестку, прямо с сенокоса, не заходя домой, шли на призывные пункты. Вместе с ними приходили и добровольцы. При отправке в часть многие говорили: «Поедем бить Гитлера!», «Будем пить чай в Берлине». Г.Я. Репин (Пижан. р-н) заявил: «Я иду в армию с большим желанием. Считаю счастьем быть защитником Родины. Мы скорее умрем, чем позволим Гитлеру отнять нашу землю». (Архив Киров. облвоенкомата. Инв. № 7. Д. 4. Т. 1. Л. 145).

И.Я. Ковин, колхозник (Даров. р-н), сказал: «Я — участник боев у озера Хасан и с белофиннами. В настоящее время снова иду бить врагов нашей Родины. Буду сражаться с фашистами до последней капли крови». (Там же).

Некоторые райкомы партии (Кичмин., Яран. и др.) в информациях в обком ВКП(б) сообщали, что в целом настроение населения хорошее, но встречаются лица, которые считают, что немецкая армия сильнее нашей и победить её будет трудно. (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 45. Л. 150). В последующие дни обнаружилось и более негативные явления. В огромной области, как и в стране, нашлись люди, которые стремились уклониться от воинской службы. Так, за июль 1941 г. по области было 10 случаев дезертирства. (Архив Киров. облвоенкомата. Инв. № 7. Д. 4. Л. 145). Органы местного военного управления развернули борьбу с дезертирством. На 2 марта 1942 г. было задержано и возвращено в воинские части 78 человек. (Там же. Л. 152).

Теперь мы привыкли ощущать память о войне несколько отстраненно: слишком далеки от нас и фронтовые условия, и тот быт, и та жизнь. На самом же деле — уйти из дома, от матери и отца, от жены и детей на смерть — не просто. Люди уходили на тяжкий смертельный труд, надо было преодолеть себя. Изю дня в день один за другим крепкие и здоровые мужчины уезжали из деревень на фронт. Уезжали чаще молча, с суровыми лицами, неизвестно, как обернется судьба.

Когда Родина в опасности, когда она зовет спасти от врагов, мужчины идут на войну. В этом их высокое предназначение, в этом их достоинство и честь. Так было всегда. Так стало и в Великую Отечественную. Народ поднимался на защиту Отечества. Как живой свидетель тех дней, могу сказать: даже в начале войны у людей не было растерянности и страха, войну они встретили с твердой верой в Победу. Всю ответственность за судьбу страны взяла на себя Коммунистическая партия: поднимала

народ на борьбу, объединяла, координировала и направляла работу военных, государственных и других органов. В годы войны проводились массовые и персональные партийные и комсомольские мобилизации в Вооруженные Силы. По ним ушли в ряды Красной Армии многие отличные комсомольцы, которых я хорошо знал: Анатолий Рыжаков из моей родной д. Рыжаково; Алексей Кожин из соседней д. Денисово; Люба Серкова из д. Соколово и многие другие. На фронте мобилизованные были образцом дисциплины, примером храбрости и отваги.

Кроме мобилизации военнообязанных запаса, в годы войны проведены очередные призывы в РККА юношей 1922-1927 годов рождения. В начале 1942 г. из Яранского военкомата пришла повестка и мне, ученику 10-го класса. Родители глубоко переживали, но мама, прощаясь, сказала: «Нет на свете любви больше материнской. Нет слез жгучее материнских. Нет ненависти грознее материнской. Ты у меня один сын. Мне тяжело отпускать тебя из дому. Но я благославляю тебя на войну. Знай, что всеми мыслями своими, всеми чувствами буду с тобой рядом. Буду молиться за спасение тебя. Иди». Перекрестила, прижала мою голову к своему сердцу и горько заплакала. Отец уже давно ждал с запряженной в сани лошадкой, чтобы проводить до райвоенкомата.

Всего с призывниками во время войны в Вооруженных Силах служили военнообязанные почти сорока возрастов. В 1941-1945 гг. в области мобилизовано и призвано 584.812 человек. За это время воинские части укомплектованы автомобилями (1174), лошадьми (46.693), повозками (10.405). Учитывая, что многие встретили войну в кадровой армии, можно сказать, что в Вооруженных Силах страны находилось свыше 600 тыс. кировчан — каждый третий-четвертый гражданин области, тогда как по стране в армии находился каждый шестой. В числе мобилизованных кировчан большинство были крестьяне. Многие рабочие «бронировались», т.е. оставались работать на оборонных предприятиях.

*...Прочитания, песни и речи.
Выходные надев пиджаки,
Вещмешки нацепили на плечи
И ушли на войну мужики.
Овидий Любовиков*

Провожая на фронт мужей и сыновей в начале войны, женщины тихо плакали. Провожали чаще по-русскому обычаю: перекрестив, говорили: «Пусть Бог бережет тебя в пути и бою с проклятым врагом». У каждой теплилась надежда на счастливую встречу. Но после похоронных известий, посылавшихся с фронта в июле-

августе 41-го года, у многих надежда на встречу ослабла, провожавшие уже не сдерживали слез и причитаний, а иногда, рыдали так, как рыдают на похоронах. С первых дней войны установилась традиция провожать призывников и мобилизованных из запаса всей деревней. Провожали до заветного бугра, до опушки леса, чтобы уезжавшие могли еще раз, а чаще последний раз взглянуть на родной дом, поля, поклониться им. До этого места шли пешком, с музыкой, песнями. А здесь все останавливались. Эти места были свидетелями последних напутствий, взглядов, объятий и рукопожатий. Сколько горьких слез пролито здесь. Сколько сказано заветных слов, успокаивающих и тревожных. Расставались не только люди — расставались сердца. Потом подводы с мобилизованными скрывались за поворотом. А если местом расставания были высотки, то пока будущий солдат не таял вдали, односельчане смотрели ему вслед, махали руками.

Проводив родного на войну, в семьях устанавливалось томительное ожидание. Оно вошло почти в каждый дом. Надолго ли? Кто знает. В отдельных семьях этот непрощенный гость — ожидание — будет молча существовать все длинные годы одинокой материнской старости, до последнего вздоха. Самых крепких мужчин и парней проводили из всех сел и деревень, а вернулось менее половины. Вот несколько примеров.

Из моей родной д. Рыжаково (Яран. р-н) ушли на фронт 61 человек, 43 из них погибли. Из д. Шеламова (Котельн. р-н) ушли 53 человека, вернулись с войны только 22. Деревня Клесты (Кумен. р-н). Ушли на войну все взрослые и здоровые мужчины, каждый второй погиб. Деревушка Горюй (Сун. р-н). 17 молодых сильных мужчин ушли на фронт, 10 из них отдали свою жизнь на алтарь Победы. Деревня Бурлакины (Халтурин. р-н) имела два десятка домов. Все до одного ушедшие в армию сложили свои головы в схватке с врагом. Из колхоза «Гонец» (23 дома, Фален. р-н) на защиту Родины ушли 28 молодых мужчин, живыми остались лишь 9. В д. Косолаповы (Шестаков., ныне Слобод. р-н) до войны было 24 дома, из каждого мужчины ушли на фронт, 22 из них погибли. В д. С. Веретя (Опарин. р-н) до войны было 20 дворов, на фронт ушли 25 мужчин и парней, 13 из них сложили головы в боях. 30 похоронок пришли в дома небольшой д. Шихали (Белохолун. р-н). Из д. Матвеевской (Афанасьев. р-н) ушли на фронт 35 человек, остались живыми лишь 15. Из маленькой д. Большой Груздовник (Яран. р-н) не вернулось 28 человек. 24 дома насчитывалось в д. Понизовье (Кумен. р-н). 22 человека из деревни одели солдатские шинели, чтобы защитить Родину от врага. Половине из них не суждено было увидеть мирное небо. В числе погибших три брата Кобелевых: Андрей Матвеевич, Иван Матвеевич и Сергей Матвеевич.

Из некоторых домов были призваны в Вооруженные Силы по несколько человек. Из д. Кушаны (Белохолун. р-н) ушли на защиту страны от врагов 5 братьев Стерляговых. Вернулся с войны один — Михаил Семенович, остальные погибли.

Ушли на фронт из д. Новики (Чернов., ныне Даров. р-н) четыре брата Хитриных. Не вернулись домой двое братьев — Степан Яковлевич и Николай Яковлевич. В д. Забалуи (Оричев. р-н) погибли три брата Смирновых — Александр Андреевич, Виктор Андреевич, Леонид Андреевич.

Самым желанным в домах селян в годы войны был почтальон. Письма с фронта... В незаклеенных треугольниках со штампом «Проверено военной цензурой», у которых обратный адрес был: Действующая Армия или полевая почта. Солдаты просили родных не печалиться, обещали вернуться с победой, посылали карточки: военная форма всем шла, а глаза смотрели печально, задумчиво. В письмах в основном говорилось про войну и про любовь. Ибо война — это не только гибель. Это еще любовь, стократно увеличенная от расставаний без надежды встретиться, от тревоги за жизнь дорогих людей, от смертельной тоски, от опасности утраты и недолговечности человеческой жизни.

С тяжестью в сердце покидали свои родные дома и поля крестьяне, уходившие на фронт. Но мобилизация была не только военной, а еще и трудовой. Сотни тысяч крестьянских девчонки и парней, мечтавших остаться около матерей, угодили в школы ФЗО, ремесленные училища и оказались на заводах Урала и Сибири, на кировских номерных «ящиках». На их плечи легло изготовление оружия и боеприпасов, обмундирования, танков, самолетов, пушек, винтовок и автоматов. Они трудились наравне с опытными оружейниками, постигая их мастерство. Работали, как взрослые, а жили впроголодь на скудном карточном пайке. Нет точных цифр, сколько их погибло от недоедания, холода и болезней в продуваемых заводских бараках. Все они мечтали о возвращении в деревню, о долгожданной Победе.

Самоотверженность

Там, вдали, шла война, лилась кровь, а битвой крестьян была работа в поле, на лугах и молотильном току. Основная тяжесть труда лежала на женщинах, стариках и подростках. Первые полгода войны я тоже работал в колхозе.

Кончился июнь сорок первого. Отстучали по селениям торопливые подводы, увозившие мужчин на войну. Шел сенокос. Все оставшиеся в деревнях двинулись на луга и лесные поляны. Пришлось взять в руки косы и нам, подросткам. Матери учили нас косить, а мы, мокрые от пота и загорелые до черноты, старались не отстать от них. Только свалили сенокос, нака-

тила жатва. Все поля были затоплены хлебом. Зайдешь и уто-
нешь — не видно головы.

Вставал вопрос: по нашим ли силам удача такая? Часть техники взята на нужды фронта. Из 18 тыс. механизаторов области осталось 4 тыс., половина из них женщины. Ушли на фронт 70 проц. руководящих работников села. Число трудоспособного населения в области уменьшилось в два раза (с 776,4 тыс. чел. в 1939 до 386,6 тыс. в 1944). Кроме того, ежегодно свыше 200 тыс. человек из колхозов в порядке мобилизации привлекались к трудгужповинности. На одну треть сократилось в колхозах количество рабочих лошадей. Для нужд армии из сельского хозяйства было изъято свыше 40 % тракторов и почти 80 % автомобилей. (ГАКО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 749; Ф. 1290. Оп. 10. Д. 39-а. Л. 6).

Комбайновая уборка в области составляла только 3 %. Вместо тракторов и комбайнов на полях трещали лобогрейки и жатки, объезжая круг за кругом ржаные поля. Женщины укладывали рожь охапками, перевязывали в снопы и ставили в бабки. Где хлеба полегли от дождя и ветра, там сверкали серпы. Чтобы не допустить потерь урожая, крестьяне работали, не покладая рук. В поле шли и стар, и млад. Основные площади зерновых убирались вручную.

Не дожидаясь осени и зимы, начали молотить хлеба. Вскоре пошли дожди, но выручали гумна с теплыми овинами. Влажные снопы ставили на овин и сушили, прежде, чем молотить. Берегли каждое зернышко. Зерно прямо с гумна отвозили на склады «Заготзерно» в счет государственных поставок. Затем оставляли на семена. А о себе колхозники как бы забывали. К любому делу относились очень ответственно, работали «от темна до темна».

25 сентября обком партии и исполком облсовета на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение о введении с 26 сентября по 15 октября 1941 г. обязательной трудовой повинности всего трудоспособного населения городов и рабочих поселков для уборки урожая сельскохозяйственных культур в хозяйствах области. К трудовой повинности привлекались в первую очередь лица, нигде не работающие, домашние хозяйки, служащие и рабочие, не в ущерб работе государственных учреждений и предприятий. Учитывая активное участие учащихся и студентов, 26 ноября было принято постановление об обучении сельхозработам учащихся школ и техникумов, студентов вузов и служащих городов и рабочих поселков. Чтобы поднять роль промышленных предприятий в решении задач сельского хозяйства, 24 декабря решением облисполкома и обкома партии, помимо государственных планов по выпуску основной продукции, даны задания на изготовление запасных частей к тракторам и сельхозмашинам.

Урожай первого военного года был убран в срок. Труженники сельского хозяйства области засыпали в закрома Родины 356 тыс. тонн зерна, сдали государству 72 тыс. тонн картофеля, 19 тыс. тонн мяса, 73,1 тыс. тонн молока и много другой сельскохозяйственной продукции. (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 1. Л. 2).

Село должно было снабжать армию продуктами питания, давать промышленности необходимое сырье, кормить тружеников тыла и размещенных в области 227 тыс. эвакуированных.

Осенью пришло время пахать и сеять озимые. Женщины с пудовой осиновкой целыми днями ходили по свежевспаханному полю, разбивали комья. Трудоспособного населения в деревнях становилось все меньше. За управление сложной сельхозтехники брались молодые женщины. На краткосрочных курсах при МТС было подготовлено по области 3900 трактористов и 633 комбайнера.

Зима заснежила в тот год раньше обычного и морозно. Скот пришлось перевести на стойловое содержание рано, это потребовало больше кормов. Кроме того, из прифронтовых районов в область поступило 14 тыс. лошадей, 253 тыс. коров и быков, 117 тыс. овец. (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 17. Л. 245). Нелегко было разместить и обеспечить кормами огромную массу животных. Всякая неорганизованность грозила падежом скота. К чести руководителей всех звеньев, колхозников и рабочих совхозов скот был обеспечен кормами и зимовка прошла благополучно.

С наступлением зимы девчата и часть подростков уехали на лесозаготовки, выполняя трудгужповинность. Все работы в лесу велись вручную. Они валили деревья, стлывые еловые, сосновые и березовые хлысты грузили на сани, отвозили на склады. Работа была чрезвычайно тяжелой. С 15 лет на лесозаготовки ездила каждую зиму моя младшая сестра Анна. Она рассказывает, что спали на полу в крестьянской избе, хлеб брали из дому и хранили его в снегу, придя из лесу, рубили караваи топором и разогревали в печке. Многие подростки на лесозаготовках, в том числе и сестра, подорвали здоровье.

Немало девушек, молодых женщин ушло по мобилизации на военные заводы и на строительство оборонительных сооружений. На строительство их была мобилизована моя старшая сестра Афанасия. 23-24 ноября 1941 г. 15250 кировчанок выехали в Вологодскую область, почти все из сельской местности. Они были направлены в распоряжение 2-й саперной армии для строительства Восточного оборонительного рубежа, который проходил от п. Константиновские Ворота до п. Конево (р. Ковжа). Мобилизованные помогали в работе саперным батальонам армии между Онежским и Белым озерами, строили лесные завалы, провололочные заграж-

дения, доты, дзоты и другие противотанковые и противопехотные препятствия, окопы и землянки. В феврале 1942 г. строительство Восточного рубежа было завершено, 2-я саперная армия была расформирована, большинство батальонов выбыли в Действующую Армию, часть направлена на лесозаготовки в Архангельскую область. Мобилизованные женщины отпущены по домам и частично направлены на лесозаготовки. (Центр. архив Мин. обороны (ЦАМО). Ф. 2СА. Оп. 4238-4239).

Всю зиму в деревнях женщины, не разгибаясь, мяти и трепали лен. Пыль гуляла над головой, а трепало гуляло до полуночи на коленях. Тяжелые керби волокна отправлялись в порядке госпоставок на склады «Заготлен» для текстильных фабрик.

Длинными зимними вечерами женщины в деревнях под свет лучины или небольших керосиновых коптилок, а иногда и луны пряли лен, вязали шерстяные варежки, шарфы для фронта. Часто собирались для этих целей на беседки, где, работая, обменивались новостями, пили чай с рябиной. Зимой же стирали и ремонтировали привезенное с фронта солдатское обмундирование. Они шили и вышивали полотенца, кисеты и носовые платки, сушили в печах желтыми кусочками картошку, рябину и отправляли на фронт. Когда узнали о призыве собирать для Красной Армии теплые вещи, стали сдавать овчины, полушубки, шапки-ушанки, теплое белье, холстину, шерстяные портянки.

И хотя в Вятском крае не слышно было боев, но, как осколки, посыпались похоронки. Женщины ревели и причитали по-вдовьи безутешно. Их сокровенные слова о муже, о своем горе, об осиротевших детях трогали сердца всех людей на селе. Женщины склонялись перед каждой женой и матерью, получившей известие о смерти мужа или сына, сжавшись в общей скорби, оплакивая каждого погибшего солдата. Деревни посуровели.

Приближалась весна. Хлеб в деревнях кончался. Все, что произвели за лето, отдали фронту. Заскребали последние деревенские запасы. Голод застучался в дома. Из семенной картошки вырезали «глазки» для будущей посадки, остальное шло на еду. Деревня жила ожиданием весны, когда на лугах появится щавель, а на полях выскочат пестики. К весне почти во всех дворах кончались корма для скота. Женщины и ребятя ездили с санками и собирали остатки сена с остожьев и солому, в лес за еловыми ветками — надо было не уронить от бескормицы коров и продержаться до первой травы.

За зиму отправили всех лучших лошадей. Телеги без колес, упряжь изорвана, хомуты разбиты. Покупать — нет денег.

В кузницах нет кузнецов. Весна ожидалась тяжелой. Под-

нимала у людей настроение весть, что немца отшвырнули от Москвы. Радио в большинстве деревень нашей области не было. Вести с фронта узнавали из газет.

До войны в сельских районах области проживало около 300 тыс. трудоспособных мужчин. В 1942 г. их осталось 49 тыс., большинство из них были непригодны к военной службе — больные и хромые. Женщинам пришлось заменить ушедших на фронт на производстве, поддерживать свое приусадебное хозяйство и воспитывать детей. Они с достоинством несли это бремя. Чуть рассвет — они на ногах и до поздней ночи, передышки не знали, с топором, с сохой, упряжкой, в поле, на ферме, ждала работа и дома, не забывали о детях.

В апреле 1942 г. было принято постановление о повышении обязательного минимума трудодней в колхозах. Не вырабатывало минимум трудодней только 2 % трудоспособного населения. Средняя выработка по стране в год равнялась 280 трудодням, в Кировской области составляла 360 трудодней, (4-е место в стране после Костромской, Ярославской и Ивановской).

Трудодень... Раньше содержание его было показателем развития колхоза, роста благосостояния. С увеличением недельных фондов рос и трудодень. Теперь он стал мерилем личных усилий во имя победы. Колхозники жертвовали всем, зачастую пекли хлеб с добавками лебеды и клевера, но делились выданным по трудодням хлебом с детьми, вывезенными из блокадного Ленинграда, с теми, кто залечивал раны в госпиталях, с эвакуированными, с жителями освобожденных районов.

Трудными были сельские будни. Но каждый считал, что здесь, в Вятском крае, где не рвутся снаряды и всегда есть крыша над головой, так и должно быть, там же, на фронте, во сто крат труднее. И крестьяне работали, даже престарелые и больные вырабатывали в среднем за год 135 трудодней. 90 % подростков 14—15 лет выполняли минимум трудодней. (Кировчане в Великой Отечественной войне. Киров, 1976. С. 246—247).

В военные годы широко использовался принцип материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда. Еще до войны была введена дополнительная оплата труда за высокую урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 февраля 1941 г. о дополнительной оплате по Кировской области было принято после детального изучения системы оплаты труда в сельском хозяйстве области. В условиях военного времени принцип материальной заинтересованности получил дальнейшее развитие. В 1942 г. новая система была распространена на труд трактористов и прицепщиков, что благоприятно отразилось на их работе.

В колхозе «Криушенский» (Арбаж. р-н) в 1942 г. урожай зерновых с площади 532 га был получен по 14 ц га. При таком урожае дополнительная оплата составила 134 ц зерна. Звено Я.Г. Домнина из колхоза «Новый быт» того же района получило по 5,8 ц льносемян с га на площади 7,5 га при плане 3,6 ц. Дополнительно к основной оплате звену выплатили более 23 тыс. руб.

Животноводы также были заинтересованы в результатах своего труда. В колхозе им. Ленина (Верховин., ныне Юрьян. р-н) за сохранение молодняка доярки получили дополнительно по 75 литров молока помимо надбавок за высокие удои. Колхоз в условиях войны повысил удои молока на корову по сравнению с 1940 г., успешно выполнял планы развития животноводства, досрочно рассчитался с государством.

Проблема трудовых ресурсов состояла не только в том, что в деревне осталось мало работников. Появилась острая нужда в организаторах и специалистах сельского хозяйства. Женщина — командир сельскохозяйственного производства. Это становилось повсеместным явлением. Еще вчера на женских собраниях шла речь о замене ушедших на фронт мужчин в труде на полях, а сегодня рядовая колхозница или домашняя хозяйка занимала командные посты. Женщина — председатель или бригадир — с самого рассвета была уже на ногах или в седле. Ей то сюда, то туда надо, то на конный двор и ферму, то в поле, то на луга, то в сельсовет, то в район, а с вечера до поздней ночи — в конторе.

Быстро мужали в военное время юные жители села — подростки. В суровую пору они были пахарями, боронили, косили, жали, водили машины, пасли скот и даже назначались бригадирами. Вот как помнятся военные годы Николаю Алексеевичу Колеватову, живущему тогда в д. Усковы (Халтурин., ныне Орлов. р-н):

— У школьников тогда трудовое лето начиналось с конца мая и кончалось 30 сентября. Работать приходилось от зари до зари на сенокосе, вывозке навоза, уборке урожая. Основной вид работ — уборка трав. Косили косой-горбушей. Целый день с силой махать ею в наклонку было тяжело. Лопатить косы многие из нас не умели. Для этих целей колхоз выделял нам Евдокию Григорьевну Малькову. Удивляюсь, как она успевала лопатить косы десяти подросткам. По норме надо было в день выкосить горбушей 35 соток, а сгрести граблями сена — 1 га. Подносить сено к стогу тоже было нелегким делом. Особенно трудно его было выносить из елхов и низин, заполненных ржавой водой. Обувь — лапти, они-то и спасали наши ноги и при кошении травы и подтаскивании сена к стогам. Метали сено в стога женщины, но иногда эту работу поручали подросткам. При завер-

шении сенокосных работ, как правило, из подростков и школьников создавали молодежные бригады. Возглавлял бригаду всегда взрослый человек. Давали еще одну женщину-старушку стоять на стогах. Нам, детям, эту работу не доверяли. Мы были очень рады, что на сенокосе колхоз организовывал трехразовое питание. Это ободряло нас и поддерживало силы.

Вместе с женщинами подростки убирали зерновые культуры. И рожь, и яровые жали серпами, не было ни тракторов, ни комбайнов. И удивительно: успевали убрать весь урожай: под снег ничего не уходило. Несмотря на усталость, с сенокоса и полевых работ шли веселые, удовлетворенные, с песнями.

Трудно давалась уборка картофеля. Копали вручную, деревянной лопаткой (после распахки гребней плугом). Школьники, как и взрослые, работали целый день и, конечно же, уставали. Каждые лето и осень мы, дети и подростки, собирали колоски и горошины после уборки с полей, пололи и теребили лен. И тоже вручную. Участвовали в молотье и других крестьянских работах. Во всем колхозном труде особым трудолюбием отличались подростки Виктор и Леонид, Валентина и Тамара Колеватовы, Валентина, Тамара и Владимир Мальковы, Алексей и Владимир Усковы.

Несмотря на трудные условия жизни, в деревне была развита детская художественная самодеятельность. Руководителями её были Валентина и Александра Колеватовы. Под их руководством для населения организовывались концерты, ставились спектакли по пьесам А.Н. Островского — «Свои люди — сочтемся», «Бесприданница» и др. С большим интересом смотрели наши концерты родители... Проводились и вечера отдыха — вечеринки. Они проходили поочередно во всех домах. Гармонистами были Владимир Усков, Виктор и Леонид Колеватовы. Словом, в те нелегкие годы жители деревни Усковы — и взрослые и подростки — умели хорошо трудиться и отдыхать». (Халтурин. правда. 1991. 22 июня).

О труде подростков приведу еще одно воспоминание. Житель д. Тырышки (Верхошижем. р-н) С. Семенищев рассказывает: «В первые месяцы войны из нашей деревушки ушло 13 мужчин, а мы, четверо подростков, остались главной силой. Да еще три деда: Андрей Данилович Замятин, Яков Иванович Елкин и Алексей Осипович Семенищев. Одного вскоре мобилизовали на катку валенок, другого — на плотничьи дела. Дед Андрей — участник Русско-японской войны — взял под свою опеку конный двор... Рано утром мы, подростки, отправлялись в поездку. Везли хлеб за 60 километров до ст. Оричи. 12 ц зерна за рейс сдавали мы в закрома Родины. А таких поездок было много». (Киров. правда. 1985. 9 мая).

В сельском хозяйстве так же, как и в промышленности, развернулось соревнование. Организатором его были районные комитеты партии и политотделы МТС. Соревнование начали механизаторы Салобелякской МТС. 26 декабря 1941 г. бюро обкома партии одобрило обращение коллектива МТС ко всем работникам машинно-тракторных станций области включиться в соревнование за досрочное и высококачественное проведение ремонта тракторов и образцовую подготовку к весеннему севу. В соревнование включилось 77 МТС, 6,5 тыс. колхозов, 8 тыс. колхозных и 300 тракторных бригад. В колхозах возникли фронтовые бригады. Сев провели успешно. (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 18. Л. 395; Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. С. 314).

Первенства добились бригады А.И. Станьковой и А.А. Танибековой из Вятскополянской МТС. Бригада А.А. Ефремовой, выполнившая план посевных работ на 134 %, стала победителем в соревновании молодежных бригад. Ей было вручено Красное знамя обкома комсомола.

В соревновании были отмечены успехи многих трактористок. 123 из них наградили Почетными грамотами облисполкома, а 16 лучших — нагрудными значками Наркомата земледелия.

В напряженной борьбе проходило соревнование между районами области. Победителями стали Вятскополянский, Бисеровский (ныне Афанасьев.) и Пижанский районы.

По-боевому была организована работа в Пижанском районе, который не только перевыполнил план сева, но и засеял 450 га в Фонд обороны. Соревнование в районе возглавлял орденоносный колхоз «16 лет Октября», где председателем был Петр Дмитриевич Конев. Коллектив хозяйства провел весенний сев за 12 дней. Сверх плана засеяли 48 га. Район завоевал переходящее Красное знамя обкома партии и облисполкома.

В колхозе «15-я годовщина Октября» (Кикнур. р-н) на полевых работах в 1941 г. участвовало 106 взрослых колхозников и 32 подростка, а в 1942 г. — 72 трудоспособных колхозника и 23 подростка. Они успешно справились с заданиями. Самоотверженно трудились колхозники Александр Петрович Веряков, Иван Дмитриевич Чайкин, Василий Николаевич Демаков. Каждый из них выработал более 600 трудодней.

В дни, когда враг рвался к Москве, более 100 человек из колхоза «Клим Ворошилов» (Верховин. р-н) ушли на фронт. Работая за двоих, за троих, оставшиеся колхозники добились высоких результатов. В 1942 г. на два месяца раньше, чем в 1941 г., закончили молотьбу. Колхоз выполнил все обязательства, к 12 октября рассчитался по поставкам хлеба с государством и за работу МТС. Во всем этом была немалая заслуга председателя колхоза В. Козлова. Своим трудом особое уважение колхоз-

ников заслужили А.В. Старикова, У.А. Слаутина, А.А. Чудиновских.

Еще до войны за пределами области был известен колхоз «Красный Октябрь» (Вожгал., ныне Кумен. р-н) с его бессменным председателем П.А. Прозоровым. Передовое хозяйство выдержало испытания военных лет и осталось образцом хорошо налаженного производства. Колхоз в 1942 г. с превышением выполнил намеченные планы, досрочно рассчитался с государством по всем видам продукции. Колхозники «Красного Октября» шли впереди в патриотических начинаниях.

Мастером высоких урожаев была в колхозе А.К. Рылова. «В войну было нелегко крестьянам, но все жили одной думой — о победе над врагом, — вспоминает Анна Константиновна. — Мы старались дать фронту как можно больше хлеба, мяса, овощей, одежды. А ведь приходилось надеяться только на свою силу. Недосыпали, недоедали. Сами впрягались в телеги и сани. Выполняли, казалось, непосильное. Но все выдержали. Поля обильно удобряли навозом. Вовремя проводили обработку почвы, сев, уход за посевами, уборку — и получали высокие урожаи. С площади 80 га мое звено собрало по 25 ц ржи. (Золотарев В. (г. Североуральск). Письмо от 2 мая 1991 г. Личный архив).

С середины войны начали возвращаться домой фронтовики (раненые и контуженные). Тяжело было появляться дома инвалидом. Слепой, с одной рукой вернулся с войны в д. Большая Люя (Кикнур. р-н) Александр Журавлев. В госпитале он получил письмо от жены: «Какой бы ни был, приезжай. Очень ждем тебя. Пишу «ждем», потому что у нас родился сын». Александр Алексеевич и Клавдия Ивановна прожили все послевоенные годы душа в душу. Вырастили троих детей.

Я тоже боялся возвращаться домой из госпиталя. Боялся девичьих глаз, как они будут смотреть на меня, инвалида. Но любовь к родителям, сестрам, одноклассникам, тоска по дому, по всей яранской стороне взяла верх. Дорога домой из госпиталя г. Аша Челябинской области была длинная. Ехал через Рузаевку, Зеленодольск и Йошкар-Олу. Было о чем подумать и глядя окрест. Почти не отрываясь, смотрел из вагонного окошка на нивы и луга, реки в разливе и с восторгом думал: «Моя Родина!» Иногда она — Родина — становилась до предела коротким и точным понятием: то автоматом, который я при бомбардировке, когда живым засыпало землей и потерял сознание, не выпускал из рук (рассказывали курсанты, откопавшие меня); то лейтенантом, которому в госпитале отдал свою кровь; то капитаном Стриженко, которого в бою закрыл своим телом и спас от вражеского снаряда...

От г. Йошкар-Ола до родной деревни шел пешком. Грудь

распирало от счастья и избытка сил. Не шел, а, не чуя ног, летел. Над головой, в голубом просторе пролетали журавли (был апрель 43-го). Думалось: «Они встречают меня». Птицы что-то кричали, отвечал им: «Привет! Я возвращаюсь домой! Вместе с вами. Будем жить!» Словно не было фронта и дальней дороги, родной дом все ближе и ближе. Весь путь домой был благоговением и благодарностью за то, что остался жив, что могу увидеть свою малую родину. Казалось, что и деревья, и небо светились счастьем. Возвращался домой по ранению. Получалось, что рубцы на моем теле были вроде высшего ордена.

Показалась моя деревня. Еще в поле, с бугра, увидел родной дом. Застучало сердце... Позади тысячи километров, впереди несколько сот шагов. Неповторимое ощущение жизни, словно все, что знал и любил прежде, открылось разом в подлиннике. Здравствуй, отчий дом! Как тосковал по тебе в дали. Остановился. Перевёл дух. Встал на колени и поцеловал родную землю, снова зашагал, но ноги стали, казалось, чужими, ватными.

Дома велика была радость для родных и меня! Радость и слезы. Мама, увидев пустой рукав бушлата, упала в обморок. Моментально собралась вся деревня, чтобы посмотреть на первого солдата, пришедшего с войны, и спросить: «Не видел ли там моего?» Правду говорят, что солдат провожают и встречают всем миром. Солдатские жены и матери плакали. А моя радость дома омрачалась грустными мыслями: мне девятнадцать, а я — инвалид. Трагедия состояла не только в этом. До войны не успел получить никакой специальности, а чему научился на фронте — в мирной жизни не требовалось.

Работал в поле — боронил, возил мешки, косил — заменял здоровых колхозников, но неважно получалось одной левой рукой. Запрячь в телегу лошадь — и то проблема. Разрывалось сердце, злился. Мама на коленях просила председателя колхоза Григория Яковлевича Рыжакова взять меня кладовщиком, а он сказал: «Не могу. Как будет Петро одной рукой запирает и отпирает замки амбарные? Могу поставить только пастухом».

Работая в колхозе, насмотрелся, как живут крестьяне, и сам вдоволь хлебнул этой жизни. Крестьянские семьи держались только коровьим молоком. А тут, чтобы не сгинуть без тягла, своих тощих буренок колхозники приучали к труду: возили на них снопы, мешки, запрягали в соху. В колхозе не хватало тягла, пришлось прятаться в соху женщинам и подросткам с лицами, окаменевшими от муки, пахать на себе. Как больно было смотреть на них. Смотреть не мог и обойти не мог. Вставал вместе с ними. Надрываясь из последних сил, поднимали пашню. Сейчас на ум приходят стихи Б. Краснова:

*Встал коренным, хотя и без узды,
В струистом зное замирали дали.
И плакали солдатские медали
Над рыхлым гребнем первой борозды.
Плуг застревал и допались постромки,
И каторга тянулась дотемна.*

Очень хотелось найти свое место в жизни с пользой для общества. Хотелось учиться, но учеба, жизнь в городе были не по карману. В колхозе родители почти ничего не получали. Пенсия 15 рублей. Безделье было невыносимо. Время после войны порой казалось пугающее военного. Многие фронтовики-инвалиды в такой ситуации спивались. Я — коммунист, офицер, помнил, что люди смотрят на меня особыми глазами. Я перед ними как на ладони, со всех сторон открытый. Они близко к сердцу принимают каждое мое слово и действия.

Однажды я пришел в райком партии. Попал к секретарю Мосевнину. Попросил его:

— Пожалуйста, разрешите мне в своей и соседних деревнях проводить работу, подобную комиссарской. Не могу быть без дела.

— Уполномоченным райкома по вашему сельсовету согласны?

— Согласен!

Целое лето ходил по деревням и тракторным бригадам, читал газеты, проводил беседы, выпускал стенгазеты, проводил собрания, организовывал концерты участников художественной самодеятельности, непосредственно участвовал в том, крестьянском труде, который был мне под силу. На меня обратили внимание, хвалили на районных собраниях партийного и хозяйственного актива. Председатель исполкома райсовета Андрей Иванович Козлов взял на работу заведующим спецчастью, а вскоре избрали секретарем Яранского райкома комсомола. Началась трудовая деятельность. К ней был готов: полон сил и вполне сформировался как гражданин Великой Страны Советов.

Большую часть времени проводил в колхозах. Рассказывал крестьянам о Сталинградской битве, в которой участвовал с первого её дня и почти до последнего, о положении на фронте. Война подсознательно жила во мне. Она, как крест, который пришлось нести всю жизнь. Инвалидов, прибывавших с фронта, стремился вовлечь в комсомольскую работу. Большое внимание уделял развитию художественной самодеятельности и сам активно участвовал в ней. Особенно любил и ценил драматический коллектив районного Дома культуры. На некоторые постановки ходил несколько раз и организовывал просмотр их сельской молодежи.

1943 год для тружеников сельского хозяйства оказался очень тяжелым. Часть оккупированной врагом территории уже была освобождена, но сельское хозяйство там было полностью разрушено. Вся ответственность за снабжение армии и населения продовольствием по-прежнему лежала на тыловых районах. Эта задача решалась в весьма сложных условиях. Те трудности, которые накапливались здесь в течение первых лет войны, теперь, в самый разгар ее, давали себя знать с особой силой.

В этот год крестьяне трудились с неослабевающим напряжением. В колхозе им. 8 Марта (Санчур. р-н) долгое время работала дояркой Анна Павловна Бородина. Затем заведовала фермой и отличной работой добилась права на участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. В годы войны колхозники избрали её председателем и не ошиблись. Под руководством А.П. Бородиной колхоз неизменно добивался высоких урожаев зерновых. В 1943 г. было получено по 18 ц ячменя с га. Урожай пшеницы достигал 14 ц.

При высоких результатах, достигнутых передовыми колхозами, в целом 1943 г. был неурожайным, трудным по климатическим условиям. В результате суровой зимы в области погибло 250 тыс. га озимых посевов. Пересеять их яровыми культурами удалось лишь на площади 14 тыс. га. Сельскохозяйственное производство в области резко сократилось. Если посевные площади под урожай 1940 г. принять за исходные для сравнения, то они под урожай 1941 г. увеличились на 12 тыс. га, или на 6 %. Посевные площади под урожай 1942 г. сократились на 19,2 тыс. га, или на 1 %. В 1942 г. обрабатываемые и засеваемые площади сократились на 142,2 тыс. га, или на 7 %. В годы войны снизилась и урожайность полей, особенно в 1943 г., табл. 1.

Таблица 1

**Урожайность сельхозкультур
(в центнерах с га)**

Культуры	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	В 1943, в % к 1940
Все зерновые	12,2	10,3	9,6	6,8	55
Лен — волокно	2,5	4,1	2,5	1,6	64
Лен — семя	2,6	2,0	2,5	1,6	61
Картофель	108	102,5	54	97	90

Снижение урожайности обусловлено рядом обстоятельств и в первую очередь уменьшением тягловой и рабочей силы в колхозах, ухудшением работы МТС, снижением уровня агро-

техники, удлинением сроков проведения сельхозработ и увеличением потерь урожая при уборке. Конкретизирую некоторые причины.

Численность рабочей силы в колхозах, как уже отмечалось, уменьшилось в два раза. Количество лошадей сократилось с 205.843 до 129.748 (на 1 мая 1944 г.), т.е. на 37 %. Из имеющихся лошадей только треть имела достаточную упитанность; пятая часть их была настолько истощена, что нельзя было использовать на работе. Лошади висели на веревках — если им лечь, то они не могли подняться на ноги. Приходилось пахать на коровах. Колхозники с тягловой силой постоянно отвлекались на нужды промышленности и строительства, торфоразработки, лесозаготовки, вывозку зерна из глубинки, строительство дорог. В 1943 г. на эти цели отвлекались, табл. 2:

Таблица 2

I квартал		II квартал		III квартал		IV квартал	
люди	лошади	люди	лошади	люди	лошади	люди	лошади
98720	54260	47160	27020	38420	15860	89890	66550

Об ухудшении работы МТС говорят следующие цифры. Выполнено тракторами МТС в переводе на мягкую пахоту в 1943 г. 734,5 тыс. га при нагрузке на 1 трактор 127 га, тогда как в 1940 г. выполнено тракторами 2140,8 тыс. га при нагрузке на 1 трактор 344 га.

В результате сокращения посевных площадей и снижения урожайности валовой сбор по зерновым культурам составил 50 % валового сбора 1940 г. В 1943 г. хлеба заготовлено на 75,7 тыс. тонн меньше, чем в 1942 г. План хлебозаготовок выполнили только 11 районов из 55. По области в целом, разумеется, не выполнен. По картофелю план также не выполнен. Правда, план поставки картофеля Карельскому фронту выполнен (13 тыс. тонн). Почти 22 тыс. тонн картофеля кировчане поставили Ленинградскому фронту. (ГАКО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 749. Лл. 4—10; ГАСПИКО. Ф. 1260. Оп. 10. Д. 37. Лл. 15—23).

Борьба за выполнение плана хлебозаготовок в 1943 г. сопровождалась применением чрезвычайных мер к лицам, допустившим «разбазаривание» или «воровство» зерна. От этих мер пострадали в первую очередь председатели колхозов, не выполнившие план государственных поставок.

Председатель колхоза «Колос» (Татауров., ныне Шабалин. р-н) Семен Васильевич Ворожцов весной 1943 г. раздал колхозникам ночью 45 ц ржи, чтобы не передавать ее другому колхозу в порядке помощи. За это он попал под суд (в колхозе были выпол-

нены хлебозаготовки и засыпаны семена). Не выдержав страха и позора быть осужденным, он перед судом покончил с собой.

В июле того же года за «разбазаривание» зерна (распределение его на трудодни колхозникам) говорится в одной из докладных записок органов НКВД В.В. Лукьянову (первый секретарь обкома партии), осуждены 12 председателей колхозов: А.В. Глазырин (колхоз «Каменка» Совет. р-на), И.Г. Путинцев (колхоз «Сеятель» Лебяж. р-на), П.М. Тактаев (колхоз «Швецово» Яран. р-на), В.Д. Бородин (колхоз «Имени 2-го районного съезда колхозов» Кикнур. р-на), Г.П. Семенищев (колхоз «Молодой ударник» Сун. р-на), С.И. Щелчков (колхоз «Токташи» Тужин. р-на). (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 32. Лл. 27, 61).

Названные колхозы не выполнили план хлебозаготовок, но их председатели «разбазарили» крохи. А.В. Глазырин (колхоз «Каменка») распределил между голодающими колхозниками всего 2 ц зерна и 140 снопов; П.М. Токтаев (колхоз «Швецово») — 2 ц зерна; Ф.Ф. Щелчков (колхоз «Земледелец») — 4 ц зерна, П.А. Валдышев (колхоз «Бронь» Кырчан., ныне Нолин. р-на) — 317 кг. Однако, все они были арестованы, преданы суду Военного трибунала и приговорены к лишению свободы сроком на 5 лет и выше. (Там же. Лл. 67, 70, 73). В августе 1943 г. за «разбазаривание» хлеба были осуждены еще 24 председателя колхоза. (Там же. Лл. 68).

Нередко людей судили за стрижку колосьев с колхозных полей, за унос нескольких горстей зерна с молотильного тока. В июле-августе за такое «хищение» зерна осуждено 950 человек. Все они были приговорены к лишению свободы сроком от 1 до 3 лет. Многие из осужденных имели малолетних детей, отцы которых были на фронте.

За весь период уборки урожая 43-го года, прокуратурой области переданы суду за «хищение» хлеба 1818 человек, в т.ч. районных руководящих работников 10 чел., председателей колхозов — 145, членов правления, кладовщиков, бригадиров — 109. Остальные — рядовые колхозники.

Основной формой «хищения» была раздача части урожая на трудодни голодающим колхозникам, в то время, как план сдачи хлеба государству был еще не выполнен. Имели место случаи, когда председатели, бригады, кладовщики часть хлеба скрывали от учета при обложении хлебозаготовками и за это несли наказание. (Там же. Лл. 81-88).

Колхозницы сельхозартели «Свет жизни» (Кикнур. р-н) Прасковья Андреевна Шалагинова и Федора Клементьевна Христолюбова похитили с поля несколько снопов, обмолотили их в бане, намолоченное зерно, чтобы его не могли найти, закопали в землю и частично спрятали в воде, и при удобном случае

достали его, сварили кашу и накормили детей. Обе женщины были арестованы и приговорены к лишению свободы, хотя у них без присмотра остались дети. (Там же. Л. 90).

После уборки урожая, в период хлебозаготовок, волна репрессий против крестьян еще более усилилась. На 5 декабря 1943 г. прокуратурой области передано суду 3056 человек, в том числе: председателей колхозов — 278, членов правления, бригадиров и других активистов — 259, колхозников — 2488, председателей сельсоветов — 7, руководящих районных работников — 24. Мера наказания виновников — лишение свободы от 1 года до 10 лет. (Там же. Лл. 99—100).

Меры борьбы с хищениями применялись и в 1941 и 1942 гг., но в 1943-м они были особенно суровыми. В свою очередь и председатели колхозов становились более жестокими к лицам, которые допускали небольшие хищения хлеба. Так, председатель колхоза «Заря» (Мурашин. р-н) М.Ф. Рычков, подозревая колхозницу У. Рычкову в хищении хлеба с поля, связал ей руки, отвел в лес, посадил на муравейник и привязал к дереву. В таком положении она просидела целую ночь, а у нее было два сына на фронте. (Там же. Л. 50).

В 1943 г. сократилось поголовье скота. К уровню 1940 г. оно составило по рабочему скоту 67,2 %, по крупному рогатому скоту — 97,2 %, по свиньям — 69 %. Упала и продуктивность скота. Область сдала государству мяса в два раза больше, чем в 1940 г., за счет сокращения поголовья. Но план поставок государству продуктов животноводства не был выполнен. Так, по мясу он был выполнен только на 79 %, молоку — 71,8 %, яйцу — 63,2 %.

К концу 1943 г. в области сократился удельный вес валовой продукции сельского хозяйства. В 1940 г. он равнялся 32,4 %, а в 1943 г. только 10,3 %. В денежном выражении валовая продукция сельского хозяйства области (в неизменных ценах 1926/27 г.) соответственно упала с 352,6 млн. руб. до 214,9 млн. руб. (ГАКО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 149. Лл. 4—10; ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 37. Лл. 15—23).

В годы войны многие колхозы оставались без семян. Правда, государство оказывало им помощь. В 1943 г. области выделено 37 тыс. тонн семян, что позволило почти все колхозы обеспечить посевным материалом. Не менее 10 тыс. тонн зерна из государственного хранилища в колхозные склады перенесли крестьяне за десятки километров на своих плечах. Хочется отметить их исключительную честность: они падали в обморок от голода, но не позволяли себе взять даже горсть зерен, которые несли за плечами. Семенные ссуды колхозам отпускались и в последующие годы, но с условием возратить их из нового урожая с начислением 10 ц на каждые 100 ц выданной суммы.

После решающих побед на фронтах, обеспечивших завершение коренного перелома в ходе войны, улучшилось снабжение сельского хозяйства техникой, запасными частями и горючим.

Сложные задачи стояли перед тружениками сельского хозяйства в 1944 г. Необходимо было в первую очередь повысить урожайность и валовой сбор сельхозкультур, увеличить поголовье и повысить продуктивность животноводства. Помимо поставки продовольствия Вооруженным Силам и тыловым промышленным районам, требовалось обеспечить снабжение населения освобожденных районов, территория которых непрерывно расширялась. Между тем нехватка рабочей силы, тракторов и живого тягла в сельском хозяйстве восточных районов становилась все более острой.

1 марта обком партии призвал райкомы и первичные парторганизации развернуть соревнование коллективов предприятий по организации помощи сельскому хозяйству. Рабочие ведущих предприятий области взяли шефство над 31 МТС. Они организовали производство и реставрацию запасных частей. В МТС передавались станки, электромоторы, инструмент. На постоянную работу в сельскую местность уехали около 80 рабочих и инженерно-технических работников, 120 человек командированы в колхозы на период сева. Тракторный парк был подготовлен к посевной. Из 4573 тракторов сумели отремонтировать 4038. На поля заблаговременно вывезли горючее. (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 15. Л. 69; Оп. 12. Д. 82. Л. 14).

26 июля 1944 г. оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о работе Кировского обкома партии, которое нацелило областную парторганизацию на улучшение руководства сельским хозяйством. За этим постановлением последовал ряд решений СНК СССР, СНК РСФСР, а также приказ наркома земледелия «О помощи МТС Кировской области в проведении уборки урожая 1944 года», которыми предусматривалось создание при Белохолуницком машиностроительном заводе цеха по производству сельхозмашин, изготовление деталей к ним на Песковском заводе, выпуск веялок на древкомбинатах №№ 1 и 2, оказание помощи области кредитами, минеральными удобрениями, проведение других конкретных мер. (Центр. парт. архив Ин-та марксизма-ленинизма. Ф. 17. Оп. 44. Д. 681. Л. 69).

10—11 августа пленум обкома партии, обсудив постановление ЦК ВКП(б), принял решение направить в колхозы и МТС 830 руководящих, инженерно-технических и счетных работников, открыть постоянно действующие 4-месячные курсы председателей колхозов в г. Кирове (на 200 чел.), Яранске и Уржуме (на 100 чел.), с осени 1944 г. организовать при Кировском зоо-

ветинституте агрономический факультет, в Кирове, Яранске, Котельниче и Уржуме на специальных курсах подготовить 600 шоферов для областной конторы «Союззаготтранс». Пленум обязал парторганизации промышленных предприятий рассматривать помощь колхозам как свой важнейший долг. (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 7. Лл. 6—24; Киров. правда. 1944. 13 авг.).

В результате выполнения намеченных мер и упорного труда крестьянства положение в сельском хозяйстве области улучшилось. Расширились посевные площади, упрочилась животноводческая база. Машинно-тракторные станции перевыполнили план весновспашки. Колхозы успешно провели весенний сев и уборку урожая. Хорошо работали механизаторы Салобеляжской, Бельской, Арбажской и других МТС. Самоотверженно трудились на полях 5 тыс. женщин-трактористок. Однако средний урожай зерновых по области составил в 1944 г. всего 6 ц с гектара, а до войны равнялся 10—12 ц.

Испытания военных лет показали, насколько богата наша деревня замечательными людьми. Колхоз «Большевик» (Вятско-полян. р-н) в 1941—1942 гг. был отстающим в районе. На одном из колхозных собраний председателем правления избрали комсомолку Клавдию Колесникову. Большие трудности встали перед ней. Семян колхоз имел наполовину потребности, хлеба не хватало. Из 72 лошадей 26 были не пригодны к работе. Имелась большая задолженность перед государством. Колесникова не растерялась, опираясь на актив, настойчивой организаторской работой подняла хозяйство до уровня передовых.

В колхозе «Большевик» (Нагор. р-н) председателем правления была избрана девятнадцатилетняя Христина Кочкина. Она быстро освоилась с колхозным производством. Колхоз все годы войны был передовым. Христина неоднократно награждалась грамотами обкома и облисполкома.

Председателем колхоза им. Калинина (Верховин., ныне Юрьян. р-н) в годы войны была С. Усольцева. Крестьяне не только сумели удержать колхоз на прежнем уровне, но и умножили его славу. Немало трудовых подвигов совершили женщины. Они пустили по новому руслу реку Великую, построили на ней плотину, воздвигли электростанцию, провели электричество в колхозные избы, на фермы, в конюшни. Женщины стали электротехниками, механиками, машинистами.

Мать двух фронтовиков Степанида Ефимовна Лютина, которой в то время шел шестой десяток, отлично работала на сеялке. По ней равнялись другие колхозницы. Она руководила полеводческой бригадой. С семенных участков бригада собрала в 1944 г. стопудовый урожай. Колхоз выполнил план зернопоставок досрочно, сдал сверх плана 2 тыс. пудов хлеба.

В 1944 г. область перевыполнила план хлебопоставок. По состоянию на 10 января 1945 г. она сдала государству 25.855 тыс. пудов зерна, что составило 100,7 % к плану — это на 8070 тыс. пудов больше 1943 и на 964 тыс. пудов больше 1940. Однако государственный план развития животноводства 1944 г. крестьяне не выполнили. План поставок животноводческих продуктов область тоже не выполнила.

Среди районов области лучших результатов добился Лальский (ныне Лузский), где урожай зерновых составил в среднем 13 ц с га. Ему было присуждено Красное знамя Государственного Комитета Оборона (ГКО). Лальский район дал государству сверх плана более 2 тыс. тонн зерна. За большую работу по проведению хлебозаготовок более 100 руководящих работников области были награждены орденами Отечественной войны.

С большим подъемом проходили полевые работы весной 1945 г. В 1941—1945 гг. на самоотверженный труд крестьян вдохновляли фронтовики-односельчане, их героические подвиги в борьбе с фашизмом.

Яркий пример — Александр Андреевич Калинин, который сражался в составе 311-й стрелковой дивизии, сформированной из кировчан. Родился в д. Калиновской (Шабалин. р-н) в 1910 г. Детство его было очень тяжелым, оставшись без родителей, батрачил, потом уехал в Ленинград. В 1933 г. комсомолец Калинин вернулся в родной район. Колхозники единодушно избрали его членом правления, потом председателем колхоза «Магистраль». В армию он был призван в июле 1941 г. Вскоре А.А. Калинин показал себя мужественным разведчиком. Он двадцать раз переходил линию фронта, провел в тылу врага 107 дней, исходил сотни километров и лично истребил свыше 115 гитлеровцев. Храбрый разведчик был также одним из зачинателей снайперского движения на Ленинградском фронте. 6 февраля 1942 г. ему, первому в дивизии, присвоено звание Героя Советского Союза.

8 января 1942 г. из утреннего сообщения Советского информбюро вся страна узнала о бессмертном подвиге. В нем говорилось: «В одном из боев наша рота (Калининский фронт) попала под сильный огонь одного из вражеских дзотов. Герой-красноармеец тов. Падерин подкрался к дзоту и своим телом закрыл амбразуру. Пулемет умолк. Рота перешла в атаку и разгромила врага». Яков Николаевич Падерин родился в 1901 г. в д. Падерино Слободского уезда (ныне Верхнекам. р-н). Работал в своем хозяйстве, в 1920—1922 гг. служил в рядах РККА. Вернувшись из армии, принимает участие в организации колхоза, вступает в партию. С 1930 г. по сентябрь 1941 г. — председатель сельсовета. Звание Героя Советского Союза присвоено 5 мая 1942 г. В спис-

ке героев, совершивших такой подвиг, его имя написано четвертым. Поэт В. Гусев посвятил подвигу Я. Падерина стихотворение «Такой народ не будет побежден!» (ЭЗВ. Т. 3. С. 191—192).

Борис Федорович Банников родился в 1923 г. в д. Таранки (Богород. р-н) в большой крестьянской семье. В самом начале войны ушли на фронт его отец — Федор Николаевич и брат Иван. Все заботы по хозяйству легли на плечи юного Бориса. Работал в колхозе. Призван в армию в 1943 г. Рядовой стрелкового полка 193-й дивизии 65 армии Центрального фронта Б.Ф. Банников 15 сентября 1943 г. при форсировании Днепра у г. Лоев (Гомелев. обл.) закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 30 октября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза, он навечно занесен в списки своей воинской части.

При освобождении Белоруссии отличился уроженец д. Костерята (Яран. р-н) Семен Костерин. Родился в 1924 г. Окончил Малошалайскую начальную школу, работал в колхозе. В августе 1942 г. призван в Красную Армию. После окончания школы сержантского состава был командиром орудийного расчета артиллерийского полка. Участвовал в боях на Калининском, Западном, Первом Белорусском фронтах. В бою под Слуцком на орудие Костерина вышло 8 танков противника в сопровождении автоматчиков. Расчет, оставшийся без поддержки пехоты, принял бой. Стреляя прямой наводкой, он подбил 4 танка, уничтожил 60 автоматчиков. Остальные не выдержав, ушли обратно. 24 июля 1944 г. под д. Вильяново (Брест. обл.) С.П. Костерин оказался в окружении. На его орудие шло 18 фашистских танков. Лично подбил три танка. Когда врагам удалось подбить орудие, раненый командир со связкой гранат бросился под идущий танк и погиб. Имя Героя Советского Союза навечно занесено в списки воинской части.

Из починка Михоньки (Юрьян. р-н), где родился Герой Советского Союза Михаил Поликарпович Хвостанцев ушли на фронт пять его родственников, в т.ч. его брат Сергей. Четверо из них погибли. А всего из колхоза «Путь к коммунизму», в который входит деревня, были на фронте 293 чел., живыми остались только 38. В 1942 г. крестьяне из своих сбережений собрали 100 тыс. руб. на строительство самолетов «Кировский колхозник», 200 тыс. руб. — танковой колонны «Кировский комсомолец». За годы войны хозяйство, кроме полного выполнения обязательных поставок государству, сдало в Фонд Красной Армии 42,5 тыс. пудов хлеба, 15 тыс. пудов картофеля, 2,5 тыс. пудов мяса и 16 тонн молока. Кроме того, колхозники сдали немало продуктов из своих личных запасов. (Киров. правда. 1990. 10 марта).

Многие-многие уроженцы сел и деревень Кировской области удостоены звания Героя Советского Союза, награжде-

ны орденами и медалями за свой героический подвиг в борьбе за свободу Родины. Солдаты Великой Отечественной никогда не будут забыты.

В 1941—1945 гг. колхозное поле чем-то напоминало фронт. Правда, здесь не свистели пули и осколки. Тут ковалась победа. Людям досталось сполна.

*В этом поле не найдешь патрона,
Пробитой каски, ржавого штыка,
Но здесь стояла насмерть оборона
Четыре года долгих, как века...*

В годы войны в жизни крестьян, кроме самоотверженности, была еще одна сторона — жуткая бедность. Люди ели лебеду, солому, липовый лист. Этот суррогат смешивали с картошкой, мукой, жмыхом и пекли хлеб. Во многих деревнях из колхозных амбаров «под метелку» выметался весь хлеб, сдавался государству, а крестьяне жили за счет приусадебных участков, с которых помогали еще колхозу рассчитываться с государством, засыпать семена. Личное хозяйство крестьян подрывалось высоким налогом. Он так исчислялся, что платить приходилось за каждую посаженную луковичку. Облагались налогом сенокосы, посевы зерновых культур, картофель, огороды, сады, ягодники, ульи пчел и т.п. Крестьяне южных районов области вырубали сады, распахали ягодники и засевали их ячменем, с которого налог был ниже. Налогом облагался и скот, каждая его голова. В частности, в нашей области сельхозналог взимался в размере с каждой коровы 1800—2000 руб., овцы, козы — 200 руб., свиньи — 800 руб., лошади — 1000 руб., быка, вола — 500 руб. (ГАКО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 756. Лл. 53—66).

Кроме того, крестьяне платили военный налог (с 18 лет) в размере от 150 до 600 руб. в год с каждого члена хозяйства и налог с холостяков. Тяжело сказывался на бюджете крестьян госзаем. Особенно непомерным он был для солдаток, которым нечем было засеять приусадебный участок. Сколько отчаяния, слез было при каждой подписной кампании.

Ярким проявлением любви к Родине, веры в победу были многочисленные патриотические движения народа, направленные на укрепление обороноспособности государства. Активное участие в них принимало крестьянство.

Одно из наиболее массовых движений трудящихся — создание Фонда обороны страны. В первые же дни войны на собраниях рабочих, колхозников, служащих поднимался вопрос о создании этого Фонда. Участники собраний принимали решения о ежемесячном отчислении в Фонд обороны части своего

заработка. Важнейшим источником пополнения Фонда стали собственные сбережения граждан. Фонд обороны пополнялся не только деньгами, драгоценными металлами, но и облигациями государственных займов, сборами денежно-вещевых лотерей. За годы войны трудящиеся области из своих личных сбережений собрали и передали в Фонд обороны 40 млн. 913 тыс. руб. деньгами, 29 млн. 494 тыс. руб. облигациями госзаймов, 717,2 грамма золота, 31 кг 481,4 грамма серебра.

Крестьяне передавали в Фонд обороны, главным образом, хлеб, мясо, овощи, хотя сами нуждались в продовольствии. Осенью 1941 г. только в одном Мари-Малмыжском сельсовете было передано в этот фонд 200 ц зерна и 4 ц мяса. Инициативу малмыжан подхватили во всех районах области. Колхозы организовали и торжественно отправили на сборные пункты обозы с хлебом. К декабрю 1941 г. крестьяне сдали в Фонд обороны 1770 ц зерна, 1720 ц мяса и много других продуктов. Сдача хлеба из личных запасов продолжалась на протяжении всей войны. Многие колхозы засеивали сверх плана «гектары обороны», весь урожай с которых шел на нужды фронта. В ряде колхозов распространилось движение за отчисления в Фонд обороны трудодней, так поступали те, у кого нечего было отдать, так поступали крестьяне, уходившие на фронт. Поэт В. Соловьев писал: «Мы налегке шагаем из колхоза, все трудодни в Фонд обороны сдав».

В октябре 1941 г. в стране родилось новое движение — движение за создание Фонда Красной Армии. Средства этого фонда шли на строительство боевой техники. Инициаторами этого движения в нашей области выступили комсомольцы Слободской меховой фабрики «Белка». Они решили внести однодневный заработок и отработать два воскресника для создания танковой колонны «Кировский комсомолец», призвав всех комсомольцев области последовать их примеру. 28 октября 1941 г. бюро обкома партии одобрило инициативу слобожан. За короткий срок было собрано более двух миллионов рублей.

В сборе средств активное участие приняли крестьяне. Трудящиеся сельхозартели им. 8 Марта (Свечин. р-н) внесли на строительство боевых машин 130 тыс. руб. «Пусть эти грозные танки, — заявили они, — громят и уничтожают вражескую нечисть. Мы будем гордиться, что наши сбережения, нажитые честным трудом, помогут Красной Армии поскорее очистить родную землю от немецких захватчиков». В Советском районе вся сельская молодежь — более двух тысяч человек — вышла на воскресник и заработала 3200 трудодней и 500 руб. деньгами. Заработок внесен на строительство танков. (ТАКО. Ф. 2046. Оп. 2. Д. 32. Л. 144; Д. 16. Л. 13).

На постройку третьей танковой колонны «Кировский ком-

сомолец» было собрано 5 млн. 400 тыс. руб. В день 25-й годовщины Красной Армии — 23 февраля 1943 г. — боевые машины были переданы фронту. Впоследствии фронту была передана и четвертая танковая колонна «Кировский комсомолец». Почти каждый район области построил танк. Они так и назывались «Фаленский комсомолец», «Куменский комсомолец» и т.д. На средства крестьян Подосиновского района построен и передан 2-му Украинскому фронту, которым командовал их земляк дважды Герой Советского Союза маршал Конев И.С., танк «Подосиновский колхозник».

Помимо этого на пожертвования крестьян в годы войны построены танковые колонны «С.М. Киров», «Кировский колхозник». О судьбе последней колонны поведал нам Г. Городецкий, бывший командир танковой роты «Кировский колхозник» генерал-лейтенант запаса:

— В феврале 1943 г. в районе Харькова немцы нанесли сильный контрудар нашим войскам, фашистам снова удалось овладеть городом и окружить часть наших сил. На направлении главного удара немцев и была поставлена танковая рота «Кировский колхозник», которая в течение двух суток отбивала превосходящие силы врага. Она уничтожила 26 немецких танков и до батальона пехоты. Над боевыми порядками роты с утра до вечера висели самолеты противника, было несколько прямых попаданий бомб в танки. За двое суток из 16 танков рота потеряла 13. Когда поступил приказ на отход, оставшиеся три танка оказались в глубоком окружении. К ним присоединились два орудия и 20 человек пехоты. Этой группой мы с боями пробивались от Барвенкова на Изюм, подбили еще два танка, одно орудие, уничтожили 6 автомашин с пехотой и 2 мотоцикла, но и рота потеряла остальные боевые машины.

Личный состав роты «Кировский колхозник» проявил истинный героизм. Из боя вернулось всего 6 человек. Я, лейтенант Золотарев, заместитель по техчасти — и 4 человека из состава экипажей. (Киров. правда. 1985. 8 мая).

Вторая рота этой колонны в количестве десяти танков в составе 56-го танкового полка участвовала в боевых действиях под Орлом, позднее в составе 4-й танковой армии — в Львовско-Сандомирской, Сандомирско-Силезской и Берлинско-Празской наступательных операциях. (Киров. правда. 1989. 27 мая).

Осенью 1942 г. по инициативе крестьян моей родной д. Рыжаково и др. сельхозартелей Яранского района начался сбор средств на постройку эскадрильи самолетов «Кировский колхозник». В Яранском районе 15 сельхозартелей решили построить по самолету. Колхоз «Тарасовский» внес для этого 235 тыс. руб. (ГАКО. Ф. 2046. Оп. 2. Д. 17. Л. 39).

Почин яранских колхозников распространился по всей области. Впереди по сбору средств на строительство самолетов были Верхошижемский, трудящиеся которого внесли более 3 млн. руб.; Санчурский — 2 млн. 800 тыс.; Вятскополянский — 1 млн. 205 тыс.; Богородский — 1 млн. 159 тыс.; Пижанский — 1 млн. 786 тыс.; Даровской — 1 млн. 71 тыс. руб. Немало средств было собрано на строительство самолетов в Уржумском и Свечинском районах. Трудящиеся этих районов внесли по 918 тыс. руб. По 800 тыс. руб. поступило в отделения Госбанка от Советского, Лальского, Немского и др. районов. (ГАКО. Ф. 2046. Оп. 2. Д. 32 Л. 64; Д. 27. Л. 190).

Всей стране стало известно имя саратовского колхозника Феропонта Головатого. Он отдал свои сбережения — 100 тыс. руб. на постройку истребителя. У патриота нашлись последователи и в Кировской области. Председатель колхоза «Красный Октябрь» (ныне Кумен. р-н) П.А. Прозоров внес на постройку боевых самолетов 70 тыс. руб., по 25 тыс. — крестьянка сельхозартели «Стахановец» этого же района П.И. Сырчина, комбайнерка Куменской МТС А.И. Городчикова и бригадир тракторной бригады Кырчанской МТС А.И. Ардышева, 15 тыс. — 63-летний крестьянин колхоза «Новый мир» (Кырчан., ныне Нолин., р-н) Ф.И. Тукмачев. Каждый колхозник сельхозартели «Пятилетка» (Кикнур. р-на) внес по тысяче руб. К концу 1943 г. в областное отделение Госбанка СССР поступило на строительство эскадрилий боевых самолетов «Кировский колхозник» 72 млн. рублей. (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 32. Л. 112).

В 1943 г. фронт получил эскадрилью самолетов «С.М. Киров», в сборе средств на которую активно участвовали сельхозартели области. На летном поле одного из аэродромов Курской области делегация трудящихся Кировской области вручила свои подарки — грозные истребители Ла-5 летчикам 1-й эскадрильи 437 ИАП. Принимая дар, командир эскадрильи капитан Иван Карокоценко от имени товарищей дал клятву, что они будут еще крепче громить врага и не подведут кировчан.

Клятву свою летчики сдержали. Козырев, Пушкеля, Норин, Волков, Исаченко, Синюкаев, Власов, Володин сбили в августе 1943 г. 24 вражеские машины. Девять было на счету отважного комэска И. Карокоценко... Фронт отодвигался на запад, самолеты с надписью «С.М. Киров» продолжали громить врага. На самолете, подаренном трудящимися области, комэск И. Карокоценко совершил 395 боевых вылетов, сбил 19 самолетов противника. Успешно громили врага и другие летчики его эскадрильи. (Киров. правда. 1984. 10 июня).

30 декабря 1942 г. митрополит Московский и Коломенский Сергей обратился к духовенству и всем верующим с при-

званием собрать средства на танковую колонну им. Дмитрия Донского. В короткие сроки было собрано свыше 8 млн. рублей и большое количество золотых и серебряных предметов. В сборе пожертвований на строительство танков приняли участие православные верующие, преимущественно крестьяне Кировской области. Они собрали 230 тыс. рублей.

На деньги верующих построена авиаэскадрилья им. Александра Невского. И на этот раз прихожане-крестьяне области приняли участие в сборе средств.

Новый патриотический почин возник в колхозах Куменского района. В феврале 1942 г. крестьяне направили в г. Киров красный обоз с продуктами для рабочих оборонных предприятий. На головной подводе алел лозунг: «Отдадим все силы на поддержку фронта, на разгром врага!» В городе состоялся многотысячный митинг, продемонстрировавший союз рабочих и крестьян. Колхозников Куменского района поддержали работники сельского хозяйства Оричевского, Медянского (ныне Юрьянского), Фаленского, Халтуринского (ныне Орловский), Вожгальского (ныне Куменский), Кировского (ныне Кирово-Чепецкий) и других районов области.

Члены сельхозартелей им. Чапаева, им. Калинина и «Светлый путь» (Богород. р-н) взяли шефство над госпиталями. Они выращивали зерно на площадях, засеянных сверх плана, организовали дополнительный скотооткорм для улучшения питания раненых. Почин богородцев нашел повсеместную поддержку. Много других патриотических дел совершили крестьяне нашей области в годы войны.

С первых дней войны в Кировскую область стали прибывать эвакуированные из прифронтовых районов люди. К весне 1942 г. их количество достигло 227 тыс. 12 ноября 1941 г. бюро обкома партии приняло постановление о работе по обслуживанию эвакуированного населения. Ставилась задача обеспечить внимательное отношение к их нуждам и запросам: создать нормальные бытовые условия, обеспечить жильем, топливом, работой.

Кировчане встречали эвакуированных по-братски. Многие из них были размещены в сельской местности. Еще до прибытия эшелонов отделы по устройству эвакуированных определяли пункты расселения людей, готовили жилые помещения. На железнодорожные станции к приходу поездов колхозы направляли подводы для транспортировки прибывших. В пунктах расселения эвакуированных поселяли в служебные помещения, строили для них временное жилье. Кировчане открывали для них двери своих домов и квартир. Семьи эвакуированных были не только накормлены, но и одеты и обуты, обеспечены топли-

вом. Поправив здоровье, многие из них овладевали специальностью тракториста, механика, счетовода, бухгалтера, избирались председателями колхозов, назначались бригадирами, выдвигались на ответственные посты в сельсоветах.

Особую заботу кировчане проявили о ленинградцах, испытывавших тяжесть блокады. Зимой 1942 г. мне приходилось, будучи призванным в армию, на ст. Котельнич на руках выносить из вагонов на ожидавшие подводы исхудавших людей, похожих на скелеты. Казалось, жизнью светились только их страдальческие глаза. Истощенные и ослабевшие от голода и холода, они нуждались в усиленном питании, заботливом уходе и лечении. Многим были предоставлены койки в больницах. У моих родителей, к примеру, жили две ленинградки — Франг, жена генерала, и Наташа, жена капитана. Мать и отец отвели им горницу в избе и кормили их тем же, что ели сами, не брали никакой платы. Мои родители не были исключением. Во многих семьях крестьян нашли приют люди, сорванные с обжитых мест вихрем войны.

Забываясь об эвакуированном населении, кировчане особую теплоту и сердечность проявили к детям-сиротам, окружили их материнской заботой. В годы войны в область было эвакуировано из прифронтовых и оккупированных врагом районов 70 тыс. детей, оставшихся без родителей и вынужденных разлучиться с ними. Большая часть их размещалась в селах и деревнях. В основном дети прибывали с учреждениями — детскими садами, яслями, детскими домами, интернатами. Для размещения их были отданы 40 лучших школьных зданий. Узнав о прибытии детей, женщины мыли помещения, готовили обеды, топили бани, делали все, чтобы дети могли отдохнуть после длительной и изнурительной дороги.

«Наш эшелон прибыл на станцию Фаленки. Здесь нас посадили на подводы и привезли в село Катаи. Когда нас довезли до правления колхоза, женщины, по-видимому, ждавшие нашего приезда, запричитали, заохали и стали разбирать нас. Мы жили у тети Дуни, которая очень заботилась о нас, сразу же накормила и уложила спать. На другой день был создан детдом в Катаях. Женщины делали все, чтобы мы не чувствовали отсутствия материнской ласки, окружили нас заботой и любовью», — писал В. Кокин. (Киров. правда. 1967. 8 дек.).

Чтобы лучше помочь детям, облегчить их страдания крестьянки стирали их белье, ремонтировали одежду, подвозили топливо. Уржумские женщины сшили для детей 500 пар белья. В с. Селезенево (Шестаков., ныне Слобод. р-н), где находился интернат, с помощью колхоза были заготовлены топливо и овощи, построена прачечная, организована починка и изготовление обуви. Дети были частыми гостями семей крестьян.

Колхозники с. Березовка (Верховин., ныне Юрьян. р-н) полностью оборудовали детский интернат, заготовили дрова, носили ребятам молоко, овощи, ягоды, сделали им санки, игрушки, помогли интернату создать свое подсобное хозяйство.

В ряде мест был организован сбор одежды и обуви для детей. К 1 апреля 1942 г. в районах области было собрано 20 тыс. детских пальто, джемперов, много валенок, шапок, варежек и чулок. Каждое эвакуированное детское учреждение имело своего шефа в лице конкретного колхоза. Шефы выделяли для детских интернатов, домов и садов муку, мясо, овощи, молоко и др. продукты. Одной из форм помощи эвакуированным детям стали массовые воскресники, средства от которых шли на оборудование детских учреждений. Постепенно, общими усилиями, жизнь и быт в детских домах налаживались. Санчурский райком партии докладывал в область: «...в районе детские дома обеспечены продуктами, имеют запасы овощей, содержат скотину. Дровами снабжаются без перебоя. Дети здоровы, бодры, веселы». (Киров. правда. 1990. 15 апр.).

Большое внимание уделялось воспитанию эвакуированных детей. Приехавшие из Ленинграда и других мест дети были напуганными и сердитыми, не слушались воспитателей, учителей, не хотели ничего делать. Окруженные заботой, чувствуя доброжелательность, детские души постепенно «оттаяли». Чаше стали появляться улыбки на лицах, дети стали дружнее. Малыши полюбили воспитателей, которые заменили им матерей.

В детских учреждениях серьезное внимание уделялось трудовому воспитанию. Дети многое делали сами. Старшеклассники пилили и кололи дрова, чинили и гладили белье, следили за чистотой в помещениях, помогали на кухне, заботились о малышах. Воспитанники оказывали помощь колхозам в уборке урожая, работали на подсобных участках.

В июне 1941 г. в с. Арбаж из Ленинграда были эвакуированы 400 мальчиков-воспитанников детской хоровой капеллы. Разместили их в здании средней школы. Мальчики здесь не только жили, но и учились, получали музыкальное образование. Часто выступали в Арбажском Доме культуры и в деревнях. Зрители дарили им кулечки семечек, лепешки из гороховой муки с молоком, конфеты из сахарной свеклы с брусникой. Когда исполнялась песня «Священная война», залы оглашались рыданиями. Крестьяне приглашали ребят к себе в гости. Фронтовики были спокойны за своих детей.

В июне 1944 г. 800 детей вернулись в Ленинград. На Московском вокзале ребят встречали родители, родственники, друзья. Когда двери вагонов открылись, и толпа детей, поздоровевших, шумных, веселых, высыпала на перрон, все встречаю-

щие, заполнявшие привокзальную площадь, встали перед кировчанами на колени. Это была благодарность героического города за спасенных детей.

Неисчислимые бедствия принесла война людям. Фашисты разрушили 1710 наших городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, подорвали 98 тыс. км железных дорог, взорвали и вывезли 16 тыс. паровозов и 428 тыс. вагонов. Там, где прошла война — все лежало в руинах.

Уже с первыми победами Красной Армии возникло патристическое движение по оказанию помощи районам, пострадавшим от оккупации. В конце 1941 г. колхозники Шурминского (ныне Уржумский) района узнали о тяжелых бедствиях д. Непрасино Московской области, разоренной и сожженной фашистами. В марте 1942 г. крестьяне выделили для пострадавших колхозов Подмосквья более 300 голов скота, 1000 пудов хлеба, 1400 пудов картофеля, 2 тыс. руб. деньгами, а также засеяли сверх плана 33 гектара зерновых, урожай с которых передали им же. Колхозы области выделили в Фонд помощи колхозам Подмосквья большое количество зерна, скота, леса, денег, инструментов, запасных частей к тракторам и сельхозмашинам.

День ото дня движение помощи освобожденным районам крепло и ширилось. На 20-й день после разгрома фашистских войск под Сталинградом комсомольцы г. Кирова взяли шефство над восстановлением города-героя. В эту работу включилась вся область. За короткий срок было собрано свыше 1 млн. руб., 400 ц зерна, 160 ц картофеля, 12 ц мяса, 10 ц лука, 100 кур, 360 поросят, 520 телят, 800 овец. Мои родители сдали телку Сталинграду, где в Гражданскую воевал отец, а я — в Отечественную.

25 февраля 1943 г. бюро обкома партии приняло постановление о шефстве над восстановлением Ворошиловского района Сталинграда и двух сельских районов области. В шефскую работу включились почти все промышленные предприятия, колхозы и сотни школ нашей области. Так, крестьяне Подосиновского района внесли в Фонд помощи 40 тыс. рублей, 83 головы коров и телят, 71 овцу, 140 плугов, 732 пуда зерна, более 100 пудов картофеля. Опаринские колхозники выделили для сталинградцев 19 тыс. рублей, 63 головы крупного рогатого скота, 205 овец, 106 плугов и сеялок. (Киров. обл. парт. орг. в годы Вел. Отеч. войны. Киров, 1961. С. 301—306).

Кировчане возвратили колхозам и совхозам Киевской, Смоленской, Ленинградской и Мурманской областей ранее эвакуированный и сохраненный скот (20 тыс. коров и 10.600 овец). Кроме того, колхозы нашей области закупили часть скота, что-

бы в порядке помощи направить в освобожденные районы. Так, в 1944—1945 гг. область направила в Гомельскую область 25.889 голов крупного рогатого скота, 9.879 овец и 4.035 свиней. (ГАС-ПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 350. Л. 4).

Всего с 1942 по 1945 г. в освобожденные районы страны из Кировской области отправлено более 50 тыс. крупного рогатого скота, большое количество семян и других материалов. Восстановление экономики на освобожденной земле — всенародное дело.

Великая Отечественная война закончилась Победой! Фронтовики возвращались домой. 19 июля 1945 г. в областной центр пришел первый эшелон с демобилизованными воинами. К 1 октября в область прибыло 25 тыс. воинов-победителей, в т.ч. 5 тыс. женщин. На 1 февраля 1946 г. число демобилизованных бойцов, сержантов и офицеров составило 62 тыс. Большая часть из них была трудоустроена, многие вернулись на прежние места. Свыше 40 тыс. стали работать в колхозах и совхозах. Но не все солдаты вернулись к родным очагам. И это было самым тяжелым последствием войны. Горе пришло почти в каждый дом. В войне погибло более 272 тыс. кировчан.

Возвращались с войны победители: возмужавшие деревенские сыны и дочери, стосковавшиеся по ниве и лугу, крестьянской работе отцы. Хотелось поскорее скинуть шинель и гимнастерку, взяться за рукоятки плуга, пройти косою по росистой луговине. Подорванная непосильными поборами, измученная изнурительным трудом деревня встречала долгожданных фронтовиков со слезной радостью. Замечали они горький подсчет родных, друзей, соседей. Кто-то умер от голода и непосильной работы, кого-то поглотил город, забрав на оборонные заводы.

Парнишки — маленькие сельские мужички и рано познавшие тяжелый труд, дочки работали и рассуждали по-взрослому: куда денешься, коли надо фронту. Многие из них награждены были медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Она, наверное, была вровень с воинскими орденами. Недаром поэт Алексей Недогонов, высоко ценя тыловый героизм, сказал: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Некоторые из бывших подростков успели побывать и на войне, так что заслужили и тыловые и боевые награды.

Однако полной безоблачной радости Победа не принесла вятской деревне. И не только потому, что родина встречала их травяными оляпышами, рванными гужами. Тяжелыми неурожайными оказались 1946, 1947 и 1948 годы. Впору вновь собирать лебеду да щавель на травяные лепешки. Немало бывших фрон-

товиков, удрученных картинами бедности, подалось в города и леспромхозы, на стройки. Но те, кто не потерял веру в землю и крестьянское дело, остались, приняли на свои плечи всю беспроектную тяжесть восстановления подорванных войной колхозов и совхозов. Но о них особый разговор. Это новая эпопея в жизни деревни.

С.Н. ПАНЬКОВА

ФОТОЛИРИК А.В. СКУРИХИН

«Образцом патриотической лирики» назвал С. Морозов в книге «Советская художественная фотография» широко известный теперь снимок А.В. Скурихина «Родина» — неоглядные русские дали сквозь стволы белых берез. Еще до войны, эту фотографию Анатолий Васильевич подарил Константину Симонову. В 1942 году Совинформбюро выпустило ее в виде открытки. На обороте открытки можно было прочитать симоновские строчки:

*Ты помнишь не страну большую,
Какую ты извездил и узнал,
Ты вспомнишь Родину такую,
Какой ее ты в детстве увидал...*

Важным этапом в творчестве Анатолия Васильевича Скурихина был период Великой Отечественной войны.

В тяжелые дни 1941 г. по заданию газеты «Известия» и Главпура РККА фотокорреспондент А.В. Скурихин снимал деятельность труженников тыла в Котельничском районе Кировской области.

«Тыл — фронту!», «Урал кует Победу!» — так назывались его репортажи, публиковавшиеся уже в самом начале войны. Он запечатлевал эвакуацию из западных районов на восток ценного имущества заводов, МТС, совхозов и колхозов, налаживание производства военной продукции на Урале и в Сибири. Фотоинформация Анатолия Скурихина о работе тыла несла в себе многозначное содержание. Она делалась для современников, показывала мужество и героизм тыла, вселяла уверенность в солдат, звала народ к новым победам. Теперь она часть нашей истории.

«Это они, советские труженники, — писал в своих корреспонденциях А. Скурихин, — дают в руки советских воинов первоклассное оружие, одежду, продовольствие, снаряжение. Это они плавят сталь, добывают уголь, делают танки, снаряды, шьют

полушубки, валяют валенки, выращивают хлеб. Они — богатая опора фронту!»

«...Великая Отечественная война! Неподвижно стояли трактора, сеялки, комбайны: горючее, бензин — все отдано фронту. По-старинному из лукошек сеяли на полях старики, пахали на себе женщины. Убирали хлеб вручную, серпами. Много хлеба нужно было фронту ...

С любовью и лаской встречали в тылу эвакуированных детей. Окружали заботой раненых бойцов в госпиталях, лечили их, возвращали к жизни. Тыл дал все, чтобы помочь разбить врага... Отправляли на фронт посылки, подарки, письма ... Мои снимки печатались на страницах «Известий». Совинформбюро посылало их во фронтовые газеты. Сотни моих фотографий ... были напечатаны советским посольством в Лондоне в еженедельнике «Советские военные новости». (А. Скурихин).

ТРУД, РАВНЫЙ ПОДВИГУ В БОЮ (Котельничский район)

С.Н. ПАНЬКОВА

РАБОТАЛИ НА ПОБЕДУ!

«Всё для фронта, всё для Победы», — этот броский, но довольно краткий лозунг в военную пору можно было увидеть везде. Он не просто напоминал, а даже призывал к действию. Самоотверженный труд людей тыла был равноценен подвигу в бою.

В августе 1941 г. бюро Котельничского райкома партии «обязало председателей колхозов установить начало работы с 4 часов утра, а конец — с наступлением темноты. Организовать выход на уборку всей рабочей силы. Уборку яровых и озимых провести в сжатые сроки, уборочные машины использовать не менее 20 часов в сутки. Весь скошенный за день хлеб связать в снопы и составить в суслоны». Образцовая уборка урожая, проведение осеннего сева в сжатые сроки, досрочное выполнение зернопоставок являлись первоочередными задачами военного времени, обращалось внимание на пропаганду военных знаний среди населения, усиление работы с призывниками. (ГАСПИ-КО. Ф. 1688. Оп. 4. Д. 1. Л. 197).

Труженики деревни не ждали приказов. Выходили все от мала до велика. В 1941 г. окончил семь классов Зайцевской школы Сергей Сысуев. С начала войны работал в колхозе «Красный

Октябрь» Биртяевского с/с. Пахал, боронил, сеял, метал сено вручную. Ночью возили мальчишки сдавать хлеб государству, а утром с 5 часов снова были в поле. В 1943 г. Сергея призвали в армию, воевал, награжден двумя медалями «За отвагу» (одна медаль, через неделю — другая). Его матери в д. Филичи пришло благодарственное письмо за воспитание сына. За несколько дней до Победы был тяжело ранен под Берлином, в 19 лет стал инвалидом. В 1954 г. его подвиг был отмечен орденом Славы III степени, тридцать лет спустя вручили медаль «За взятие Берлина». Все годы до выхода на пенсию работал в колхозе «Искра». (Сысуев С. Воспоминания. Архив музея истории крестьянства).

Более двенадцати лет возглавлял колхоз «Искра» Федор Степанович Глушков. Это он принес страшную весть о начале войны на заливные покосы труженикам артели. Прискакал на лошади черной масти по кличке Ласка, хотя до этого никогда не ездил верхом. Свалился с лошади, еле вымолвил «Война». В октябре 1942 г. был мобилизован в угольную промышленность, работал крепильщиком на шахте в г. Губаха Пермской области. В колхозе «Искра» председателем была избрана Анна Николаевна Шабалина. Ее дочь, И.А. Шабалина вспоминает:

— Отец 3 мая 1941 г. скончался от туберкулеза легких. В возрасте 35 лет мать осталась с четырьмя детьми: старшей было — 14, младшей 8 лет. А в июне началась война. В деревне было много молодых мужчин, много подростков, много детей (в каждом доме 4-5 детей). В первые же месяцы войны почти все мужчины ушли на фронт. Мать назначили бригадиром. Я тогда училась в седьмом классе и помогала делать обмеры площадей и расчёты, заполнять трудовые книжки, ведомости на оплату труда. Работы велись в основном вручную, из машин в бригаде был один трактор, который часто ломался и не работал из-за недостатка горючего. Урожаи получали хорошие, т.к. поля удобряли навозом и сразу запахивали. Школьники, которые работали в летние месяцы, зарабатывали по 240—260 руб. в год.

На тяжелых почвах разбивали комки вручную, пололи посевы, особенно много труда требовал лён. Его пололи и теребили целыми семьями. Работали не только подростки, но и учащиеся младших классов. Они также собирали после жатвы колоски на полях. Дважды перепаживали картофельные поля, собирали все до последней мелочи. Работали с раннего утра до позднего вечера. План сдачи всех продуктов колхоз выполнял неоднократно: за колхоз, за район, за область. На трудовень колхозники получали не менее 0,5—1 кг. В 1943 г. мать была избрана председателем колхоза, проработала до 1946 г., награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

В годы войны была бригадиром и председателем колхоза «Стахановец» Отешевского с/с Н.Н. Кирпикова. Своим ударным трудом колхозники оправдывали его название. Каждый год войны приносил все более устойчивые урожаи. В 1944 г. с площади посева 43 га получили средний урожай зерновых культур 18,9 ц/га, пшеница яровая и озимая рожь дали по 20,6 ц/га. Труд Надежды Никаноровны отмечен грамотами. В июле 1945 г. Наркомзем СССР наградил её значком «Отличник социалистического сельского хозяйства». (Архив музея истории крестьянства).

В августе 1942 г. райком партии организовал на страницах котельничской газеты «Ударник» Красную доску почёта передовиков сельского хозяйства. Первыми были занесены колхозы Биртяевского с/с: «Коммунист», «Красный Октябрь», «Мелиоратор», «Трактор» и др. На областной Доске Почёта за окончание хлебопоставок всех видов и обмолота хлебов был представлен среди других хозяйств колхоз «Заря» этого сельсовета.

В районе был создан Фонд обороны. Коммунисты Гостевской парторганизации 7 авг. 1941 г. постановили ежемесячно вносить однодневный заработок до окончания войны. Развернулось патриотическое движение — добровольное внесение сбережений в Фонд обороны страны. Трудящиеся района внесли около 6 млн. руб. деньгами, 24 млн. облигациями государственных займов, сдали 188 золотых и серебряных предметов. Спаская средняя школа по итогам соревнования вторично получила первую премию РСФСР 15 тыс. руб. и была отмечена как передовая школа в Советском Союзе по оказанию помощи фронту. Денежные премии школы были переданы в Фонд обороны. (Книга Памяти. Т. 5. Киров, 1994. С. 275).

«Многое весенним ручейком ушло из памяти на трудном жизненном пути, многое забылось. Но никогда не уйдут из сердца дети того времени голодные, холодные. Мало того, ещё в 1942 г. ввели в школах уроки военного дела, начиная с 3-го класса. Ребята сами готовили материальную базу для уроков: макеты винтовок, саперные лапатки, гранаты и многое другое. Упражнялись с винтовкой, ползали в снегу, окапывались, метали гранаты. Военруками в основном работали девушки. А как-то было, когда с них спрашивали по законам военного времени? Дети, закончив учёбу, уходили работать на поля. Наравне со взрослыми находились в поле от зари до зари. Делали всё, лишь бы жила наша огромная Родина-мать.

И по сей день часто задумываюсь над тем, из какого родника черпали силы милые русские женщины? Придешь с работы — а в доме хозяйничает бабушка — поморозня. На печке жмутся голодные дети. Дрова, которые привезла на санках из леса, не пилены. Выбегает старший сынишка, берется за другой

конец пилы. Пилишь, а из глаз капают слезы и стынут жемчужом на чурбаках. Обогрела детей, накормила немудреным ужином. Спят на печке, посапывая носиками. А матери надо что-то приготовить для завтрашней квашни, постирать, залатать. Одолевают думы о муже, который бьётся с врагом на фронте.

Где взять денег, чтобы расплатиться с налогами? Было их немало: подоходный, военный, еще и заем и т.д. Немножко заснула, а в окно тянется синяя лента рассвета. На молотильном току как маяк в непогоду светится глазок фонаря. Призывно стучит конная молотилка. И идешь в лапотешках, прокладывая первую тропу. Трудно, трудно всем. Но надо! Хлеб нужен фронту, как снаряды». (Из воспоминаний учительницы М. Ведерниковой, с. Красногорье).

Во главе многих добрых починов стояли труженики колхоза «Коммунист» (Биртяев, с/с). В 1942 г. они первыми в районе начали сбор средств на вооружение. На собранные деньги просили построить танк с именем колхоза. В этом же году они обратились с призывом ко всем колхозникам района оказать помощь освобожденным от фашистов районам. Они отправили 12 голов КРС, 2 свиноматки, 18 лучших лошадей, хотя самим приходилось пахать на себе, на быках и изможденных от работы лошадях. Из воспоминаний П.В. Митяшиной (колхоз «Мансуровский» Отёшев. с/с): «В колхозы отправляли раненых лошадей, здесь их выхаживали и поднимали на ноги». Работали комиссии по приёму лошадей для Красной Армии, выбракованных оставляли в колхозе.

В 1943 г. на общем собрании члены колхоза «Коммунист» решили помочь Сталинграду и направить 1 лошадь, 3 головы КРС, 1 косилку, 3 плуга, 3 бороны. Взять шефство над домом матери и ребенка и оказывать помощь. (Архив г. Котельнича. Ф. 273. Оп. 1. Д. 41. Л. 2). Почин в районе поддержали. Члены колхоза обратились ко всей молодежи и колхозницам района и области, чтобы колхозы брали на полное обеспечение сирот фронтовиков. «Мы считаем, что каждый колхоз может взять на своё полное обеспечение несколько сирот. Одеть, накормить и окружить их подлинно материнской заботой. Мы решили организовать в своём колхозе детский интернат на 5 человек, выделим необходимые продукты, организуем сбор одежды, подготовим инвентарь. Приложим все усилия, чтобы дети сироты не чувствовали себя несчастными, а были как в родном доме. Этим самым мы внесём свой вклад в общее дело борьбы против ненавистного врага». (Ударник. Котельнич, 1943. 15 авг.).

Не без гордости вспоминали крестьяне дни уборки 1944 г. Впервые в истории хозяйства они получили урожай по 22 ц/га, 132 пуда. За четыре года колхоз «Коммунист» сдал государству

11 тыс. пудов зерна, на государственный закуп 930 пудов. Сверх плана в фонд Красной Армии было сдано 1500 пудов хлеба. И это без мужской силы! Помощь фронту не ограничивалась лишь сдачей хлеба. Развитое животноводство позволяло колхозу с каждым годом увеличивать государственные поставки мяса и молока. За время войны по поставкам сдали государству свыше 60 тыс. литров молока, 98 тыс. литров было продано Котельничской молочной кухне для усиленного питания детей фронтовиков. В течение 3-х лет хозяйство сдало государству 600 пудов мяса. Большое количество молока, мяса и яиц по решению колхозного собрания отправлено на усиление питания раненых бойцов и офицеров, находящихся на излечении в госпитале. За 4 года колхоз сдал в банк 175 тыс. руб. в счёт различных платежей. Подписка на заём и реализация денежно-вещевой лотереи составила 140 тыс. руб. 4 ноября 1944 г. целая газетная полоса «Кировской правды» была посвящена этому передовому колхозу в области. Закончилась война. Труженики колхоза «Коммунист» вновь обратились ко всем котельничанам с обращением включиться в соревнование и сдать сверх плана в фонд Победы 2280 пудов хлеба и 540 пудов картофеля. (ГАСПИКО. Ф. 1688. Оп. 5. Д. 143. Л. 16).

Помощь семьям военнослужащих, усыновление детей-сирот фронтовиков, организация детских домов и другие добрые начинания были присущи котельничанам.

«1 сентября 1941 г. я начала работать в Гостевской школе в начальных классах. Война — годы тяжелых испытаний для всего народа. Деревенские женщины теплотой и заботой окружили детишек, вывезенных из блокадного Ленинграда. Около ста их приехало в село Гостево Котельничского района. Война разлучила их с родителями. Какую сердечную встречу устроили им женщины. Помогли подготовить помещения под жильё. Все прибрали, промыли. Расставили кровати, разобрали бельё, приласкали малышей. Помогали чем могли. Собрали тёплую одежду, вязали шерстяные рукавички, носочки. Приносили молоко, творог, овощи. Правление колхоза «Страна советов» выделило двух коров, лошадь. Большую помощь оказали Н.П. Лобанова, А.А. Суханова. А.Г. Калинина пошла к ним работать. Доила коров, ездила в город за продуктами.

В 1943 г. ко мне в первый класс пришли 18 ленинградских ребят. Все они были послушные и прилежные, хорошие ученики. Я часто заходила к ним в интернат. Как радовались дети моему появлению! Окружат, обнимут. Многие знали, что их родители погибли в блокадном городе. И эта печаль постоянно просвечивала на их не по-детски задумчивых лицах. Забудутся в игре, а чуть отвлекутся, сядут в уголок пригорюнятся. Хоть са-

мой плачь. Но надо было сдерживаться. После прорыва блокады некоторым родителям удалось приехать в Гостев, повидаться со своими детьми. После окончания войны детишки поехали в Ленинград. С нами они прощались, как с родными». (Из воспоминаний Л. Юферевой, учителя Гостевской школы. Архив музея истории крестьянства).

Трудящиеся области поддерживали тесную связь с Балтийским флотом. Вагоны подарков отправлялись с Вятской земли. В сентябре 1942 г. члены колхоза им. Кирова (Гостев. с/с) обратились к колхозникам района организовать подарки бойцам-балтийцам. Балтфлоту было отправлено два вагона подарков. За годы войны котельничане собрали и бесплатно отправили Красной Армии 1036 полушубков, 625 фуражек, 1248 пар валенок, 1500 пар тёплых носков, 3600 пар рукавиц, 2800 комплектов нательного белья, 1941 шапку, 1151 свитер. Кроме того, собрано было на приобретение тёплых вещей свыше 135 тыс. руб. деньгами. (Книга памяти. Т. 5. Киров, 1995. С. 275).

Несмотря на все трудности, деревня помогала в сборе средств на строительство военной техники. Колхозники «Путь к социализму» собрали 41 тыс. рублей на строительство самолёта «Кировский колхозник». В составе делегации от Кировской области для передачи фронтовикам-летчикам эскадрильи боевых самолётов им. С.М. Кирова была М.П. Шабалина (колхоз «Коммунист»). Участвуя в сборе средств на танк «Котельничский комсомолец» только колхозы «Путь к социализму» и «Мелиоратор» собрали 68 тыс. рублей, за что получили благодарность И.В. Сталина. (За коммунизм. 1977. 17 марта). Интересно, что танкист А.Г. Бледных, уроженец д. Липичи, воевал на танке, построенном на гонорар, пожертвованный писателем Алексеем Толстым.

Только на постройку эскадрильи самолётов для 5-й Орловской стрелковой дивизии, сформированной в Кировской области, было собрано 896784 руб. С дивизией была налажена коллективная переписка. Письма командира дивизии П.Т. Михалицына, уроженца котельничской земли, обсуждались в хозяйствах, печатались листовки.

«Товарищи рабочие, колхозники, интеллигенция Кировской области! Нашими победами на фронте мы обязаны Вашему героическому труду в тылу и Вашей заботой и помощью, оказываемой и нам как защитникам Родины. Фронт крепко нашим тылом. Больше трудитесь, больше помогайте Красной Армии — в этом единстве фронта и тыла залог нашей скорой и окончательной победы над ненавистным врагом — германским фашизмом. Просим Вас держать с нами тесную связь, писать нам о Ваших победах на трудовом фронте. Да здравствует нерушимая связь фронта и тыла!» (Письмо П.Т. Михалицына секретарю

обкома партии В.В. Лукьянову. 1944. 17 марта. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 49. Лл. 112, 113).

В ответных письмах в дивизию секретаря обкома партии В.В. Лукьянова сообщалось о делах тружеников области и района.

— «Котельничский район, знамя которого вы пронесли победно в период летнего наступления 1943 года, в ответ на ваши боевые дела успешно справляется с уборкой урожая 1943 года. На приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза т. Сталина от 5 августа с.г. колхозники Котельничского района ответили организацией Красных обозов с хлебом на государственные склады. Инициатор этого движения колхоз «Коммунист» Биртеевского сельсовета на 25 августа полностью рассчитался с государством.

Самоотверженно работают семьи фронтовиков, значительно улучшилась помощь семьям воинов, сражающихся на фронтах. На ряду с выплатой пособий, широко развернута работа по созданию денежных и продовольственных фондов для семей фронтовиков. Колхозами оказывается помощь семьям фронтовиков в приобретении скота в личное пользование. Большинство семей было обеспечено огородами и сейчас снимают богатый урожай. Большая работа проводится по трудоустройству семей фронтовиков». (Из письма В.В. Лукьянова П.Т. Михалицыну. 1943. 10 сент. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 170. Лл. 122, 122 об.).

В далёком от фронта Котельничском районе шла война за хлеб, за урожай, война с голодом, холодом, неутешным горем. Выручали взаимопомощь, трудовой энтузиазм, заботливая любовь к земле-кормилице.

Из воспоминаний Нины Степановны Басмановой: «После Советского педучилища в 1939 г. я была направлена на работу в Зайцевскую (ныне Спицынскую) школу, которая начала работать первый год как семилетняя. Большинство учителей ходили на работу пешком каждый день из города и обратно. Ни автобусов, ни машин тогда не было...

Печи в школе топили ночью. Приходила я обычно в половине восьмого, а там уже много ребятишек, все сидят или стоят около печей. Приходили они издалека, от Бычонков, Пестовых, от Шабалиных, Городка, Омеличей, Клепиковых, с каблучной фабрики, от Наймушиных, Ерохичей, озябшие, на ногах у многих обмотаны портянки, привязаны галоши, старые растрепанные валенки, лапотцы. Одежка плохая в заплатках. Сумки холщевые, сшитые из домотканых полотенец.

Учились с керосиновыми лампами, со свечками, учебник был 1—2 на класс, делили по деревням, писали кто на чем, но учились прилежно. На переменах не бегали, а ходили хоро-

водом вдоль коридора, разучивали песни, тут же проводили политинформации. Ребята приносили письма с фронта от отцов, братьев, сестер и гордились этим перед всеми. Ребята сидят на уроках, а лошади стоят у школы: мальчишки должны ехать за сеном, соломой, дровами. В конце войны лошадей не было. Пахали на быках или сами женщины в плуг впрягались. Хлеб ели с куколем, собирали хвощ на полях и сушили. Отпусков у учителей не было, работали на полях, покосе вместе с женщинами, подростками, работали женщины не жалея себя, лишь бы прокормить семью и помочь фронту. Вставали в 4 часа утра, ехали за Вятку доить коров, а в 5 часов уже были в поле. Хлеб пекли ночью, убирали все вручную. Работали дотемна, пока что-то видно, и мы, учителя, тоже возвращались в 10 часов вечера.

В школе устраивали вечера художественной самодеятельности с докладами, беседами о событиях на фронте, о помощи фронту. Собирали теплые вещи, писали письма (многие женщины были неграмотны или малограмотны), сдавали сверх плана хлеб, шерсть, масло, яйца. На вечера в школу собиралось очень много людей, коридор не вмещал всех желающих, открывали боковые классы. Ставили спектакли по Чехову, Островскому, были участниками районного смотра. С пьесой «Воловьи лужки» ездили в Киров на областной смотр и привезли грамоту. Я приносила костюмы старинные (дворянские и купеческие) из Дома культуры г. Котельнича, давали бесплатно. Бороды, усы, косы делали из кудели; портяных портов и рубак было вдоволь у крестьян. Онучи, лапти, ботинки тоже приносили кто мог. Много было курьёзов (у кого борода отклеится, онучи развяжутся). Женщины послушают, поплачут, посмеются и с настроением поздно вечером возвращаются домой. А сколько доброты было в людях тех лет...

Помню первый день Победы 9 мая. Шел хлопьями снег. Я жила в городе. Каждый день ходила пешком в школу и обратно. Утром рано соседка застучала к нам в дверь и громко сообщила «войне конец». Я быстро схватила портфель и бегом в школу. У меня одна мысль: «Скорее, скорее надо всем в деревнях сказать об этом». Добежала до Наймушиных, повстречались Виктор и Клава Наймушины: «Кричите, стучите в дома, скажите, что кончилась война». Сама бегом, добегаю до пожарной вышки, что у дороги на фабрику, дежурному кричу: «Стучи в железяку, война кончилась!» Сама бегу дальше до деревни Комиссары, на конюшне дежурила Анисья, «стучи в железку, война кончилась!» Сама дальше до Зайцевых, там было правление колхоза. Бегу и кричу. Стучу в ворота: «Война кончилась!», и так до школы. Разбудила директора школы Раису Васильевну Кардакову,

мы с ней в школу стучимся, потому что в кухне жила семья технички, стали собираться дети из деревень, занятий не было. Ребятам сказали: «Бегите скорей в деревни, скажите, что кончилась война». На обратном пути домой — народ уже на улицах: кто плачет, кто пляшет, кто песни поет, обнимаются, целуются». (Архив музея истории крестьянства).

Б.В. САДЫРИН

ЖИЛА-БЫЛА СЕМЬЯ

Я, городской житель, волею судьбы становлюсь рассказчиком об истории родной деревни моего отца — Садырины. Писал о ней и родственниках во второй книге «Села. Деревни» первого тома ЭЗВ (2002 г.). Писал о ней как об одной из так называемых «исчезнувших деревень» Котельничского района. Придумал же кто-то это словосочетание «исчезнувшие деревни», с налетом какой-то безликости и таинственности явления!..

А сейчас хочу вспомнить о деревне в военные годы. Может быть, даже несколько раньше. И начну с родных.

Жила в деревне большая трудовая семья Садыриных. У моих бабушки Марии Алексеевны и деда Александра Григорьевича было восемь детей: шесть сыновей и две дочери — Евдокия и Антонина. Среди них Василий, мой отец, был старшим, родился в 1904 г. Вся семья жила сначала в маленькой избушке, а позднее в воздвигнутом рядом со старым дом. Подворье деда сгорело при пожаре еще до прихода бабушки в семью Садыриных.

Где-то в 30-е гг. мой отец — работал тогда в Захаровском сельском совете — построил новый большой дом, пятистенок, с зимней избой и летней чистой горницей. С хозяйственными строениями: клетью, погребом, амбаром, хлевом и сеновалом. Ограда была крытой немного тесом, а в основном соломой. Сруб сделан был основательно из добротного леса, который сплавляли по Моломе откуда-то из даровских лесов, из-под Кобры. Старые постройки, конюшню, амбар продали в соседнюю деревню Олешины, произведя предварительный раздел недвижимого имущества. Боялись, что могут раскулачить. Видимо, крестьянский расчет был на долгую жизнь. Жила же маленькая деревушка на 8 домов два с половиной века, отчего бы и дольше не быть ей на земле?

К началу Великой Отечественной войны в деревне нашей было 10 домов-хозяйств с более чем сорока жителями. Совсем неплохо, если вспомнить, что в конце XIX в. в деревне было всего восемь дворов, а жителей — 52 человека.

Запомнилось мне с малолетства значительное событие в нашей деревенской родне. Отец и мама — зимой это было — поехали из города в деревню, на свадьбу дяди Михаила (брат отца) и Анфисы, девушки из деревни Крысовщина. Анфиса Матвеевна в октябре нынешнего года вспоминала в разговоре со мной, что свадьба была в конце февраля 1937 г. Так вот родители взяли и меня с собой. Мне в то время шел уже пятый год. Помню теплую полутемную избу, горячую русскую печь. Сумерки. А в соседней горнице много света от лампы-молнии, богатое застолье, красивые жених и невеста и безудержное веселье: собрались родные и близкие.

Мне было все любопытно. И не хотелось уходить из этого светлого шумного царства. Но меня отправили спать, и бабушка повела меня к полатам. И вдруг, вижу, открывается в избу дверь, и в клубах ворвавшегося в тепло холодного воздуха появляется фигура какого-то очень большого человека, активного, громогласного. Оказалось, приехал с опозданием из п. Ленинское (Шабалин. р-н) Георгий Алексеевич Сентебов, муж тети Дуси, сестры отца. Он был участником Гражданской войны, сражался в дивизии Котовского, работал юристом, являясь членом коллегии защитников. Все продолжалось без меня. И обо всем этом я узнал через много-много лет. Не знаю, почему детская память сохранила этот кусочек из жизни. Не знаю. Но скоро после этого события, и об этом я узнал значительно позднее, по доносу Г.А. Сентебов был арестован и в феврале 1938 г. расстрелян как «враг народа». Реабилитирован только в 1989 г. ...

Видимо, родители из Котельнича привозили меня в деревню неоднократно. Вспоминается летнее светлое утро. За столом собрались бабушкины сынки, здоровые и веселые люди. Приехали из города Сергей, Виктор и Александр. Первый уповод уже отработали. На столе в большом глиняном блюде ароматный суп с мясом, на чистом полотенце хлеб — ломти ржаного каравай и ярушников. Сытые коровы идут неспеша по деревенской улице и с ними бык-забияка и драчун. Поэтому на его упрямом рогатом лбу доска — своего рода защита, средство против свирепого нрава рогатого. А он идет, муравкает, скребет сухую землю копытом. Комки и пыль летят во все стороны. Дядья высовываются из открытых окон (благо, они высоко) и дразнят быка. Он устремляется к нашему дому, кося голову, начинает рогами ударять в зауголок избы. Удары весьма ощутимы, избу потряхивает. Утробное мычание, мужской хохот. Смешно и страшно, по крайней мере мне. И так продолжается до тех пор, пока не подходит пастух и не врзает кнутом по могучему туловищу животного. Бык уходит. Но еще долго недовольно ревет на всю улицу.

Жили наша деревня и все ее жители по фамилии Садырины, Глушковы, Елсуковы, Безденежных в труде и сытно. Тетя Анфиса и сегодня вспоминает, что со времени переезда ее в нашу деревню, за четыре года до войны в деревне жилось и работалось хорошо. Две деревушки — Садырины да Заводовы составляли колхоз имени Фурманова...

В 1940 г. отец отвел меня в первый класс школы имени Горького, что находилась в здании на углу улиц Советской и Урицкого. Школа встретила нас по-доброму, на перемене всем давали какие-то вкусные сдобные булочки. Называли их почему-то «французскими».

Первые свои летние каникулы проводил в деревне. Там и узнал о начале войны. Сразу все изменилось. Проводив мужиков на фронт плачем и песнями, деревня замерла в тревожном ожидании. Из нашей семьи ушли воевать отец и 4 его брата: Сергей, Михаил, Виктор, Павел. Последний проживал и работал в Ленинграде на заводе имени Жданова. Ушел на фронт добровольцем. Самый младший Александр, начав до войны учиться в Свердловском горном институте, в начале 1942 г. был переведен на учебу в военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского. Она в это время базировалась в Свердловске.

Отец в своих письмах с фронта настойчиво советовал маме отправлять меня на каникулы в деревню, чтобы я жил там и помогал бабушке с Анфисой, занимался делом, а не бил баклуши. Все военные лета я проводил в деревне, вдали от своих городских сверстников.

В деревне приходилось заниматься самыми разными делами. Караулил коров, работал понемногу на осырке и в домашнем огороде. На задах осырка, на участке, где когда-то рос небольшой, принадлежащий семье еще в доколхозные времена лесок, корчевал пни. Бабушка многое умела и многому учила меня. На завтрак мне, «трудовому человеку» пекла такие блины и подавала со свежей сметаной из погреба с ледника, что до сих пор помнятся. Надо сказать, что в добротню сделанных отцом большущих сусеках амбара были некоторые запасы — остатки ржаной, яровой и пшеничной муки, которые иссякли уже в 1942 г. Думаю, что и у деревенцев картина с хлебом была такая же. Во всех хозяйствах были коровы, овцы, кое у кого свиньи и везде куры с непременно петухом.

Деревня работала на фронт, платила денежный и натуральный налоги. Кроме домашних работ скоро начал познавать и коллективный труд. Тетя Анфиса, за которой постоянно была занаряжена лошадь, худущее существо по имени Зебра, научила меня ходить за плугом и бороной на поле. Я вместе с деревенскими сверстниками-мальчишками, а то и ребятами постар-

ше, пахал и боронил на поле, примыкавшем к Осиновской (так назывался близлежащий лесной массив). Запомнились и осенние работы на гумне, на току. Четыре лошади ходят по кругу в приводе, и мы за ними — погоняем, понужаем: работает конная молотилка. Чуть поодаль женщины крутят ручки веялок. Раствут горки мешков с зерном.

Работа эта иногда продолжалась и в первые зимние месяцы. К зиме ток закрывали по сторонам соломой, чтобы теплее было. Молотили иногда подолгу, до нового года. Всяко бывало, как удастся. Я не помню, где подсушивали зерно обмолоченное, большую часть которого сдавали государству. В колхозном амбаре его оставалось немного — для выдачи на трудодни да семенной материал.

В памяти осталась поездка в г. Котельнич на телеге с зерном. Анфиса взяла меня с собой в качестве помощника. Одолев 17 км, прибыли на приемный пункт-склад, что находился на «втором» Котельниче. Долго стояли в очереди. И все оказалось зря: зерно было не досушено и его не приняли. И потащила наша бедная Зebra тяжелую телегу с мешками обратно в деревню. С трудом преодолели Галяминскую гору, а на Минской застряли. Пошел дождь. Темно, холодно. Нет уже сил у лошади подняться на глиняную гору. Сколько не понужали — не идет и все тут. Пришлось часть мешков сгружать, а потом на себе таскать в гору.

Сколько же у Анфисы и ее 25—26-летних подруг было таких поездок в военные годы, никто сейчас и не скажет. Да и сама она забыла. Рассказывала о том, что много раз ездили, возили в Котельнич то хлеб, то картошку. Мешки с картошкой были тяжелее хлебных. И даром все это не прошло: ходит она сейчас по комнате и разогнуться уже не может. По молодости вроде бы все сходило — поболит и перестанет. А в старости они, женщины-труженицы военных лет как памятники тем суровым временам. Что сделаешь. Одним словом, война. На фронте сражаются с проклятым врагом сыновья и мужья, отцы и братья. Бабушка Мария Алексеевна подолгу молилась богу перед мерцающей лампадкой у икон, стояла на коленях и клала поклонь низкие, чтобы спас он ее сынков. Вымолила жизнь, да не всем: погибли Василий и Павел.

Деревня Садырины работала не жалея сил, плакала громко, криком кричала при получении так называемых «похоронок». На войне, по сведениям «Книги Памяти», были убиты жители деревни Садырины: красноармеец-стрелок Алексей Дмитриевич Безденежных (р. 1922), Валентин Иванович Садырин, Иван Егорович Садырин, Александр Семенович Глушков.

Деревня оплакивала погибших и работала, работала. Работала на Победу.

А.В. КОСЫХ

СПАСАЛ ОСЫРОК

Как река начинается с ручейка, так и жизнь начинается с детства. Мое детство прошло в маленькой из пяти дворов деревеньке Сильята (Котельнич. р-н), расположенной на крутом берегу р. Моломы в 16 км от г. Котельнича. Небольшой лес, располагавшийся прямо под окнами, кормил нас грибами, ягодами малины, черники, земляники. Молома предоставляла возможность наслаждаться ловлей не только пескарей, но и более крупной рыбы: шук, лещей, судаков. По реке весной сплавляли лес в больших плотах, ходили пароходы, которые при подходе к деревне давали гудки. На заливных лугах по левому берегу росли высокие травы, было много мелких озерков, называемых «бакалды», в которых после спада воды оставалось много рыбы, в основном шурят. Их мы ловили прямо руками, взболтав воду. Летом река мелела.

На том же берегу, выше по течению, в 3 км по реке расположено с. Юрьево с церковью, колокольный звон которой был слышен в нашей деревне. Прямо через луга в 8—10 км по прямой виднелось село Истобенск, всем известное своими огурцами. Там тоже есть церковь, в лучах заходящего солнца она ярко светилась.

Весной над нашей деревней проходили караваны гусей.

Они поднимались с лугов, и поскольку берег был крутой, то над деревней они пролетали, не успев набрать высоту. И Илья Петрович, заядлый рыбак и охотник, срезал по ним из окна своего дома. Кстати, у него была пасека и он приглашал деревенских ребятишек отведать меда нового сбора.

Денег в деревне не было, появлялись только от продажи на рынке г. Котельнича молока, масла, яиц. Покупали в основном одежду, носили лапти (самая удобная обувь на сенокосе). Выданный рубль был самой большой радостью для детей. Перед войной за р. Моломой в летнее время после спада воды появлялся маленький деревянный магазинчик. Ребятишки, привязав к головам свою скромную одежку, переплывали в более узком месте реку (плавать я научился в пять лет) и покупали печенье, пряники.

Местом разного рода игр был конный двор, разделенный на две части: в одной находились коровы, в другой — лошади. Особенная тяга была к лошадям, до сих пор помню клички: Скворец, Майка, Кривой, Умник.

*Я жизнь свою в деревне встретил
Среди ее простых людей,
Но больше всех на белом свете
Любил мальчишкой лошадей.*

М. Дудин

Эти поэтические слова полностью относятся ко мне.

И вот все перевернула война. Совсем близко она вошла в душу, когда ушел на фронт отец и другие мужики. Помню, в августе 1941 г. из Халтурина (ныне Орлов) шел конный обоз, сделал привал около деревни. Мы, ребятишки, впервые прикоснувшись к холодному металлу настоящих пушек, почувствовали что-то страшное. Октябрь разлучил меня с мамой, ее мобилизовали рыть окопы ближе к фронту и она 6 месяцев пробыла на оборонительном рубеже где-то к востоку от Москвы. А потом, когда совсем изнемогла от холода и недоедания, была отпущена и более 400 км шла пешком. Сесть на какой-нибудь поезд было невозможно. Подобных ей считали даже за дезертиров. Здоровье ее было подорвано, что сократило на много лет ее жизнь. Я в этот период жил с бабушкой и дедушкой.

Война изменила весь уклад жизни в деревне. Уже осенью пришли первые похоронки. С открытым ртом до полуночи мы слушали рассказы возвратившихся раненых односельчан. Война отняла не только людей, но и лошадей, основную тяговую силу. Вспоминаю, как нам, детям, было предложено бригадиром прокатиться верхом до ветеринарного пункта в с. Юрьево. Мы не осознавали, что обратно некоторые уже ехали на лошадях, принадлежавших другому хозяйству.

И сейчас, спустя много лет трудно представить, что руководило женщинами, стариками, подростками, которые трудились в тылу, не задумываясь об оплате, на трудовни (осенью делили солому, мякину и отчасти зерно). До войны в колхозе, который объединял три деревни (Сильята, Корытовы, Олешины) было 30 дворов, на один трудовень давали 4—5 кг зерна. Основным источником существования был приусадебный участок (осырок). Сеяли и садили ячмень, картофель, капусту, лук, огурцы, свеклу. Кормилицей была корова. У нас на коровах не пахали — жалели, плуг при вспашке тянули 6 женщин и управлял плугом старый дед, в шутку приговаривая: «Ну пошла, родимая».

Наши сенокосы были за рекой Молодой, где строили шалаши, большинство колхозников там и ночевали. Уходили на ночь домой лишь женщины, чтобы испечь хлеб. Одевались на сенокос в самые лучшие, яркие платья, было организовано горячее питание. Всегда был суп, повариха Александра Ульяновна так умела делить мясо, что всем доставалось одинаково. На второе запомнилась каша, называлась «повалиха». На завтрак, обед вывешивали флаг и бригада с рабочим инвентарем (косы, грабли, вилы) на плечах шла весело, со звонкими песнями. А вечером сидели у костра, появлялась гармонь — лихо плясали. Для нас, малых, сенокос был весельем. Это было время отдыха от

школы, это было время трудовой закалки. Мы наравне со взрослыми сгребали сено, возили копны к стогам, которых за рабочий день делали 2—3, вес их был до 60—70 центнеров. Это определял бригадир, измеряя веревкой высоту и объем по периметру стога, а потом по какой-то неизвестной для нас формуле определял вес.

Моя мать вернулась летом 1942 г., почти не работала, болела (плеврит). На другой год косила одна, я ей помогал выполнить норму. С бригадой она не могла, там, как говорили, «вели красиво» — косцы шли один за другим, отставать было нельзя. Только через год она уже метала стога.

Родился я в августе, мать жала рожь в поле, отец повез ее в Котельнич, но не довез, родился я на Галяминской горе, поэтому называли меня «подсулонником». Суслон — это 18 снопов, поставленных вертикально вместе, и сверху 2 снопа — крыша. В суслонах рожь дозревала, сохла и на ток (гумно) возили ее уже сухую. Скадывали в копны, обмолот шел до Нового года. После уроков мы помогали: гоняли лошадей в приводе при молотье, крутили веялки для очистки зерна. В 10 лет я помогал матери серпом жать рожь, бригадир проверял: не остался ли где-нибудь хоть один колосок. Работа была тяжелая.

Август — время начала сдачи хлеба государству, шли первые обозы с новым урожаем. Мы — мальчишки (12—14 лет) — возили зерно на быках на хлебоприемный пункт на станцию Котельнич-2. В мешок грузили 30—40 кг, чтобы вдвоем могли поднять и погрузить мешок на телегу. Помню, однажды после обеда наш обоз в пять подвод выехал в Котельнич. Ехали медленно, т.к. быкам трудно идти по твердой дороге (можно разбить копыта). На приемный пункт приехали только в 11 часов вечера. Взяли анализ зерна, все обошлось хорошо. Разгрузились, съели, что было в узелках, сразу же поехали домой. Щадя быков, ехали по обочине дороги, по зеленой траве. Быки шипали траву и медленно двигались вперед. Только в 9 часов утра мы были дома, немного отдохнули и после обеда были направлены на другую работу. А бригадир Петр Яковлевич объявил нам благодарность за то, что сохранили быков.

Наконец, наступил сентябрь — очень хотелось учиться. С начала войны в школе появились новые ученики, которых мы не знали. Моя первая учительница Устинья Павловна Старостина в с. Юрьево в 1941 г. посадила ко мне новенькую, очень приятную девочку. Образ ее до сих пор сохранился в моей памяти. Звали ее Неля Жугра. Она была эвакуирована из г. Харькова вместе с бабушкой и дедушкой, звали его Доменик Павлович, работал фельдшером в с. Юрьево. Неля была интеллигентной, воспитанной, красиво писала. Года через два это семейство возвра-

тилось обратно на Украину. В феврале 1943 г. после полного освобождения Сталинграда (я учился во втором классе) на митинге завуч школы Николай Васильевич Зырин повторил исторические слова: «Враг будет разбит, Победа будет за нами!» Победа пришла чуть позднее.

МАСШТАБЫ НЕБЫВАЛОГО НАПРЯЖЕНИЯ

(Подосиновский район)

А.П. ПЕТУХОВ

СДАВАЛИ ХЛЕБ ИЗ ЛИЧНЫХ ЗАПАСОВ

С первых дней войны 113 колхозам района и их руководителям нужно было решать большие и сложные задачи по снабжению армии и населения промышленных центров хлебом, картофелем, продуктами животноводства, различным сельскохозяйственным сырьем. Призыв «Все для фронта, все для победы!» стал боевым девизом всех, оставшихся в тылу. Каждый стремился работать за двоих-троих. Если, например, днем шла уборка зерновых, то в ночь приходилось организовывать молотьбу, развозить зерно для сушки по печам колхозников, чтобы через пару дней сдать его государству. И все эти работы проводились почти при полном отсутствии техники, на лошадях, быках, коровах или вручную.

В деревнях, когда большинство трудоспособных мужчин ушло на фронт, основное бремя тягот военных лет легло на плечи женщин, подростков, стариков. И каждый своим ударным трудом старался оказать максимально посильную помощь защитникам Родины.

Много славных трудовых свершений записали на свой счет наши земляки-колхозники! Широкий размах приняло патриотическое движение молодежи и женщин заменить мужчин, ушедших на фронт. В газете «Знамя колхоза» (Подосиновец) от 20 июля 1941 г. читаем: «Мы, молодежь Георгиевского сельсовета, призывники 1922 года рождения, девушки-колхозницы, комсомольцы и комсомолки в количестве 50 человек, со всей настойчивостью и серьезностью будем овладевать техникой вождения тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин, чтобы с успехом заменить ушедших в Красную Армию братьев и провести уборку быстро и без потерь». А чуть позже, в августе 1941 г. газета сообщает: «Колхозница артели «Дружные

ребята» (Октябр. с/с) М.П. Ильинская села на косилку и скашивает до 4,5 га при норме 3,5. К.В. Борисова из колхоза «Свобода» заменила тракториста. Дневную норму выполняет на 125 %».

В это же время председатель колхоза «Верный путь» (Утманов. с/с) В.П. Раменский занял место в ратном строю. Вместо мобилизованного колхозники единогласно избрали председателем его жену Августу Ивановну Раменскую — знатную свинарку артели, участницу Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1940 года. На собрании, поблагодарив сельчан за доверие, она сказала: «Мы, колхозники, обязаны и будем работать с удвоенной энергией за себя и своих мужей, ушедших на фронт. Своевременно и без потерь уберем богатый урожай и сразу после косовицы начнем обмолот и сдачу зерна государству». Примеров поистине героического труда просто не счесть.

Поскольку необъятно объять невозможно, ограничимся несколькими сообщениями.

Четырнадцатилетний подросток из колхоза «Красная звезда» (Б.Романов. с/с) Бронислав Бурков убрал конной косилкой за время страды зерновые на площади 120 гектаров. «Работать от зари до темна», — таково правило колхоза «Передовик» (Шолг. с/с). Пример всем юношам и девушкам колхоза «Комсомолец» показала комсорг Александра Бучнева. На косьбе трав она перевыполняла нормы выработки в полтора и два раза. Высокой производительности труда на сельхозработах добился ученик Подосиновской средней школы Александр Тарасовский. Он после занятий ежедневно помогал колхозу и за один выходной день, перевыполнив норму, заработал 8,6 трудодня. Это было в мае 1942 г. Самоотверженно трудилась весной 1943 г. в Щеткинской МТС женская тракторная бригада Кати Груздевой. План весенних полевых работ она выполнила на 140 %. Трактористка этой бригады Лидия Мергасова вспахала 66 га при плане 35. Она была награждена грамотой обкома комсомола.

Добрые трудовые традиции накопил в довоенные и военные годы коллектив колхоза «Свобода» (Октябр. с/с), которым длительное время руководил опытный хозяйственник Илья Егорович Гмызин. В годы войны труженики этого хозяйства вели активную переписку со своим земляком воином-чекистом Павлом Семеновичем Борисовым. Два письма колхозников были опубликованы в 1943 г. на страницах военной газеты «Чекист на страже». В них авторы сообщали своему земляку о том, как они выполняют задачи военного времени, сколько провизии поставляют для нужд фронта и выдают колхозникам на трудодень. В одном из писем есть такие строки: «Наш колхоз в 1943 г. являлся передовым по району и за успешное выполнение сельскохозяйственных работ был дважды занесен на районную Доску почета.

По призыву партии с первых дней войны мы стали работать по-военному... Большинство из нас — женщины и подростки. Но женщины работают как мужчины, а подростки как взрослые». В этих словах отражены яркие грани трудового подвига, который проявили наши сельчане в годы военного лихолетья.

О своих повседневных делах и их результатах руководители района от имени всех трудящихся периодически информировали Верховного Главнокомандующего, обком партии и облисполком, своего знатного земляка Ивана Степановича Конева. Например, накануне 26-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота И.С. Коневу, в то время командовавшему 1-м Украинским фронтом, была послана телеграмма, в которой сообщалось: «В прошлом (1943. — Прим. авт.) колхозы района успешно провели все сельскохозяйственные работы, досрочно выполнили план хлебозаготовок, сдали сверх плана и продали государству в порядке госзакупа свыше 80 тыс. пудов хлеба, 6 тыс. пудов картофеля, выполнили государственные планы по маслу — 106 %, по казеину — 130 %, по мясу на 100 %».

Из приведенных выше примеров можно сделать следующий вывод: исключительно самоотверженный труд оставшихся в тылу позволил труженикам деревни ежегодно поставлять для армии и промышленных центров значительное количество сельскохозяйственной продукции. О весомости вклада в великое всенародное дело Победы над фашизмом, об утратах и приобретениях за годы войны подробно говорится в материалах 30 сессии Подосиновского районного Совета, проходившей летом 1947 г. (Архив райадминистрации. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 46).

В отчетном докладе райисполкома отмечается, что по сравнению с довоенным периодом посевные площади под зерновые возросли на 3448 га, под картофель — на 498 га, но под многолетними травами и льном уменьшились на 44 %. В 1945 г. урожайность зерновых в амбарном весе получена 9,3 ц с га, картофеля — 67 ц, льноволокна — 1,7 ц. Если сбор колосовых по сравнению с 1940 г. увеличился на 0,5 ц, то по другим культурам уменьшился. Наиболее высокие урожаи получили колхозы Подосиновского сельсовета, отстающими по столь важному показателю были сельхозартели Пинюгского и Октябрьского сельсоветов. За 1941—1945 гг. валовой сбор зерна в районе составил 813 тыс. ц в амбарном весе. Такое количество продукции позволило продать государству 220,8 тыс. ц хлеба, иметь собственные семена в полной потребности, выдавать колхозникам от 1 до 1,9 кг на трудодень ежегодно, пополнять фуражные и страховые фонды.

Наибольшее количество хлеба от подосиновских колхозников государство получило в 1944 г. Тогда на хлебоприемные пунк-

ты отправили 61,2 тыс. ц зерна, или почти в 2,4 раза больше, чем в 1940 г. За успешное выполнение плана хлебозаготовок Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 февраля 1945 г. были награждены орденом Отечественной войны I степени первый секретарь райкома партии А.В. Агалаков, председатель райисполкома Ф.Н. Чебыкин, уполномоченный наркомата заготовок И.А. Нагаев. Этим актом подвиг трудовой был приравнен к боевому, а в лице награжденных дана высокая оценка усилий всех наших земледельцев, титаническим трудом поставлявших для страны тысячи центнеров сверхплановой продукции.

Несмотря на трудное военное время, не ослаблялось внимание и к выращиванию льна. И хотя посевные площади этой трудоемкой культуры снизились, она в общей структуре посевных площадей по-прежнему занимала значительный удельный вес. Несмотря на все трудности, связанные с выращиванием льна, снижением производственных показателей, за годы войны было поставлено государству 9,5 тыс. ц льноволокна и 3,1 тыс. ц льносемян.

В 1945 г. колхозы района выращивали картофель на площади 1115 га. Урожай был низкий и имел тенденцию к снижению. Если в 1941 г. каждый гектар картофеля дал 89,3 ц клубней, то в 1945 г. его продуктивность уменьшилась до 67 ц. Но рост картофельных площадей позволял увеличивать валовой сбор и поставлять значительное количество картофеля для нужд армии и страны. За военное время его было отправлено из района 84,3 тыс. центнеров.

В общем объеме заготовок продукции полеводства значительную долю занимали сенопоставки. Наличие в то время специальной организации «Заготсено» уже говорит о важности такой работы. И это объяснимо. Составной частью вооруженных сил в годы войны являлись кавалерийские части, широко использовались лошади как тягловая сила. Сколько же сена сдавал государству наш район? Надо сказать — немало. Всего за военную пятилетку его отправлено было 97,6 тыс. ц. На сенопоставки уходило около 10—12 % от общего количества заготавливаемых в районе кормов.

Уровень развития животноводства в годы войны, равно как и в довоенное время, был невысок. В сельскохозяйственных артелях по сравнению с 1940 г. поголовье всех видов скота, за исключением овец, уменьшилось. На конец 1945 г. лошадей стало меньше на 2372, на 2952 головы крупного рогатого скота, в т.ч. коров на 1327, свиней на 827 голов. В отчетном докладе райисполкома 30 сессии райсовета говорится, что в 1944 г. мы оказали большую помощь освобожденным районам, направив туда более 2300 голов крупного рогатого скота. За годы войны для нужд Красной Армии было отправлено 1100 лошадей. Плюс к этому, в связи с

плохими погодными условиями в период уборки 1945 г., план накопления грубых кормов был выполнен только на 80 %, не удалось обеспечить задание по закладке силоса. Отсутствие достаточной кормовой базы, падеж животных, гибель от хищного зверя — все это привело к значительному сокращению стада.

Невысока была и продуктивность скота. В пример ставились доярки, которые получали за год по 1100—1200 кг молока на корову. А в колхозах средний показатель за 1945 г. составил 833 кг, или на 133 кг больше довоенного 1940. Скот на мясо сдавали низковесный — от 100 до 130 кг. Настриг шерсти снизился с 1,5 кг до 900 граммов. Яйценоскость кур равнялась в среднем 35 штук в год. Сокращение поголовья скота, невысокий уровень его продуктивности соответственно влиял на валовое производство и заготовки сельхозпродукции. Но и при этих обстоятельствах объемы продаж ее были относительно высоки. За годы войны государство получило от района 115,2 тыс. ц молока, 25,3 тыс. ц мяса, 325,3 ц шерсти, 198 ц брынзы, почти 1,5 млн. штук яиц, 23,3 тыс. различных кож и 10,9 тыс. овчин.

В ноябре 1943 г. райком партии одобрил патриотический почин председателя колхоза «Свобода» (Октябр. с/с) И.Е. Гмызина, сдавшего в фонд Красной Армии из личных запасов 6 пудов хлеба. Инициатива была широко подхвачена. Об этом постоянно писала районная газета. Например, «Секретарь комсомольской организации при колхозе «Свет» Ленинского сельсовета Галина Ивановна Шишкина сдала в фонд Красной Армии из личных запасов два пуда хлеба и 30 кг картофеля». (Знамя колхоза. 1943. 23 нояб.).

Чтобы перевезти сельхозпродукцию, сданную государству колхозами и индивидуальными сдатчиками района, потребовалось бы 1200 железнодорожных вагонов, каждый грузоподъемностью 50 тонн. Кроме этого, наши земляки активно участвовали в создании Фонда обороны страны за счет подписки на государственные займы, покупки билетов денежно-вещевой лотереи, вносили личные сбережения на строительство танков, самолетов, занимались сбором и посылкой теплых вещей и праздничных посылок. Немало внимания колхозы и колхозники уделяли помощи детскому дому, школам и дошкольным учреждениям, госпиталям, семьям фронтовиков и эвакуированных. Определенный вклад внесли наши труженики села в строительство оборонительных укреплений и восстановлении народного хозяйства освобожденных от врага районах.

Оценивая результаты небывалого напряжения тружеников села, необходимо подчеркнуть: их усилия были важным и нужным звеном в достижении Победы над врагом в годы Великой Отечественной войны.

Ф. АНШУКОВ

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Обеспечить наших доблестных воинов на фронте теплой одеждой и обувью — священный долг каждого патриота социалистической Родины.

Правильно оценивая исключительно важное значение этого дела для государства и фронта, хорошо организовала свою работу возглавляемая т. Нагаевой А.С. Щеткинская сельская комиссия. Умело руководя работой комиссии по сбору теплых вещей при колхозах и проведя массовую разъяснительную работу, она добилась на сегодняшний день значительных результатов. По сельхозартелям этого сельсовета собрано 207 овчин, 164 штуки будут выделаны к 25 августа, и из них предполагается сшить 32 полушубка. Собрано и перерабатывается в валенки, в добротные теплые носки и рукавицы большое количество овечьей шерсти.

Лучше всех работает комиссия по сбору теплых вещей в сельхозартели «Стрела», где председателем тов. Шутихин А.И. Она собрала и сдала в выделку 30 овчин на 6 полушубков. Из собранной шерсти изготовлено 12 пар валенок. Сдано также на склад райкомиссии 5 теплых рубашек, 3 пары кальсон, 5 шапок-ушанок и ряд других вещей.

Неплохо работает и комиссия при колхозе «Борец за пятилетку» (Яхренг. с/с), где председателем т. Пасхин З.П. Ею собрано и доставлено на склад райкомиссии 2 пары валенок, 2 фуфайки, ватные брюки, несколько пар шерстяных рукавиц и носков, другие вещи. Комиссия при колхозе «Заря» (Шолг. с/с), председатель тов. Лобанов П.А., 8 августа сдала на районный склад полушубок, 2 пары валенок, двое ватных брюк и прочее. Много теплых вещей собрано также в колхозе «Знамя труда» (Ленин. с/с). Не успокаиваясь на достигнутом, все упомянутые комиссии энергично продолжают свою работу.

Однако не везде еще в районе работа идет так организованно. Плохо поставлена массово-политическая работа по сбору теплых вещей в колхозах Георгиевского, Октябрьского и Лермонтовского сельсоветов... Долг... каждого сельсовета оживить работу всех колхозных комиссий и организовать ее так, чтобы не было ни одного трудящегося, не принявшего участия в сборе теплых вещей для Красной Армии.

Знамя колхоза. Подосиновец,
1942. 20 авг. С. 2.

Г.К. КРОПАЧЕВ

РАБОТАЛИ, КАК ВЗРОСЛЫЕ

Уже к началу июля 1941 г. деревни практически обезлюдели: все трудоспособные мужчины ушли на фронт, остались только старики, женщины, подростки и дети. Вся тяжесть крестьянской жизни легла на них.

Работали мы, дети, все эти долгие четыре года с мая по сентябрь, пять месяцев на колхозной работе. За каждым из нас закреплялись рабочие лошади, на которых мы работали, ухаживали за ними и кормили. За мной был закреплен жеребец светло-серой масти по кличке Синько. Опишу цикл работ на лошадях:

Май-июнь. Развозили навоз на двухколесной тележке (таратайке) на пары под озимую рожь. Проводили боронование паров и вспашку их.

Июль. Основная работа на сенокосе. Женщины загребали сено и метали копны, наша задача была подвозить эти копны к зародам. Возили сено на санях. Жара, оводы, слепни, мошкара — лошади не стоят. Разгружаешь сено с саней, сам потный, летит сенная труха. Работали с раннего утра до захода солнца.

Август. Возка снопов из суслонов по кладням. Возили снопы ржи, ячменя, овса, пшеницы на специальных телегах (одрах). Каждый сноп надо было подать укладывальщику наверх на кладнях на высоту двух-трех метров. Укладывали кладни в основном старики, подавать снопы надо было правильно, если неправильно подашь, старики ругали, иногда снопы летели обратно. Особенно тяжело было подавать ржаные снопы. Далее возка льна на гумна, где околачивались снопы льна. Эту работу делали вручную женщины. Потом эти снопы отвозили снова на стлища, где они растилались.

Сентябрь. Возка картофеля с полей в хранилища и снова возка вылежанных снопов льна и укладка их в кладни. Работали без выходных, только в дождливые дни было побольше передышек.

Голода в нашей деревне во время войны не было. Обед мы возили с собой: пол-литра молока, 1—2 яйца и домашние пироги, ватрушки. Трудодни оплачивались зерном, которого хватало каждому деревенскому двору для семян и содержать скотину. Все эти годы у нас были корова, поросяток, куры, картофель, овощи.

Перечислю своих сверстников, с которыми работали вместе и делили все радости и горести. Это однофамильцы Шехиревы: Валерий, Константин, Геннадий, Афанасий, Алексей, Александр, Николай. В школу ходили за четыре километра каждый

день. В школе и дома зимой было холодно, не хватало дров. В нашей д. Тиньково (Подосинов. р-н, Яхренг. с/с) не было радио, электричества, телефона. Все это появилось после войны. Радостью в нашем детстве было чтение книг, газеты «Пионерская правда», приезд раз в полмесяца кинопередвижки.

Но особенно тяжело в годы войны было женщинам. У моей матери, Марии Михайловны, было трое детей, я — самый старший. Всю войну она работала свинаркой, да еще свое подворье скота, стирка, уборка, заготовка дров. На отца уже зимой 1942 г. пришло известие «пропал без вести» под Старой Руссой. На войну ушло из Тиньково 20 мужчин, вернулось только двое. Еще мне запомнилось, что 22 июня 1941 г. был дождливый день, к вечеру вся деревня плакала, т.к. были привезены повестки для явки в военкомат, всем мужчинам, в каждый дом. А 9 мая 1945 г. был теплый, ясный, солнечный день, из школы нас отпустили, в деревне был праздник.

Трудовая закалка в детстве позволила мне пройти большой жизненный путь в родном Подосиновском районе. Коротко о себе: три года работал первым секретарем райкома комсомола, десять лет — председателем колхоза, двенадцать лет — управляющим сельхозтехникой, одиннадцать лет — начальником райсельхозуправления. Выйдя на пенсию в 1992 г., более десяти лет работаю директором хлебокомбината. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Имею звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации», Почетный гражданин Подосиновского района, в последнее время — депутат районной Думы.

Ф.Н. ШУБИНА

СЕЯЛИ ИЗ ЛУКОШКА

Мой отец, Николай Яковлевич Ларионовский, уроженец д. Коняхиха (Подосинов. р-н, Шолг. с/с) прожил трудную, но интересную жизнь. Он прожил 83 года (1888—1971), с 1911-го служил в царской армии, в уланском кавалерийском полку. В родную деревню вернулся тридцатилетним, женился на моей маме Марии Федоровне, с которой прожил ровно 50 лет. В семье было 10 детей, шесть дочек и четыре сына.

С малых лет, с 6—7, мы начинали работать в колхозе «Пахарь», в него входило пять деревень: Коняхиха, Бортино, Слободка, Фомино, Пуртово. Вначале сидели у ворот, чтобы не зашел скот на поле, пока взрослые возят навоз, потом выполняли работы посложнее.

Председатель колхоза Алексей Афанасьевич Момонов, мужчина 55—60 лет (в народе называли Сиюшко), часто приходил в нашу деревню, почти всегда пешком, проверял, как идут работы. Заходил в наш дом, т.к. отец был бригадиром (около тридцати лет), а во время войны ухаживал еще и за конями. Коней было мало, поэтому сельскохозяйственные работы выполняли на коровах и быках. У нас была корова, на ней отец пахал, бороновал нашу усадьбу. В годы войны в деревне остался только один мужчина — наш отец. Все поля он засеивал сам, один, исходил сотни километров с большим лукошком, бросал зерно в землю горсточкой, изнашивал по две пары «уледей» — так называлась обувь (тапочки), которую сам шил из свиной кожи.

Мы, малые дети всей деревни, подростки тоже работали, помогали женщинам: вывозили навоз на поля, бороновали посе́вы, пололи, во время сенокоса косили ручную горбушами траву, загребали сено в копны, которые возили к зародам. Во время уборки урожая — страды — наступала пора более трудной работы, когда наравне со взрослыми жали серпами зерновые, не оставляя ни одного колоска, вязали снопы, ставили их в суслоны, возили их на тока, складывали в скирды. Зимой начинался обмолот, молотили конными молотилками, веяли, сортировали. Мы с удовольствием погоняли лошадей в упряжке. Это было время школьных зимних каникул, это был труд как игра и отдых от учебы.

*Среди лугов, полей и пашен
Стоит обычное село.
Оно мое, твое и наше,
В нем нам родиться повезло.*

*Нет названия красивой,
Чем Коняева гора,
А за нею Петухово,
Там подружка у меня.*

Колхозники были круглый год заняты работой с утра до вечера, без выходных и праздников. Рабочий день ненормированный. За работу начисляли трудодни, на которые в конце года выдавали зерно, смотря какой урожай был выращен. А урожай с гектара были разные: 6—7 ц, а иногда 11—12 ц. Давали по 300—500 г на трудодень или 1 кг. Интересной работой для нас была ночная пастыба коней. За каждым хозяйством на лето закрепляли лошадь для работы в поле. У нас был конь Кавько. Я ухаживала за ним, пасла вместе с ребятами по ночам, днем работала на нем на разных работах. Зимой коней отдавали конюху, который за ними ухаживал.

Электричества в Шолге не было, свет проведен только в 1954 г. Вечером освещали свои избы керосиновыми семилилейными или меньше лампами. У кого были такие лампы, считались зажиточными. Я пошла в школу в 1942 г., керосина не было, уроки делали при лучине. Моя мама была совсем неграмотная, умела только расписываться, папа окончил четыре класса. Трудились наши родители и нас заставляли учиться и работать на совесть. Порядок в колхозе в те годы был строгий, все работы выполнялись вовремя, народ был очень трудолюбивым и дисциплинированным.

М.Ф. ВЕДЕРНИКОВ

А ЕЩЕ ОБУЧАЛИСЬ РУЖЕЙНЫМ ПРИЕМАМ

(Санчурский район)

В довоенное время Санчурский район был крупным производителем зерна, льна, животноводческих продуктов. В районе имелись две машинно-тракторные станции, свыше 150 колхозов, два льнозавода, маслозавод, промартель «Комбинат», пивоваренный завод, швейная и железоскобяная мастерские.

Колхозы в то время получали высокие урожаи зерновых культур и льна. Сельское хозяйство переводилось на рельсы механизации. В МТС и колхозах имелись хорошие кадры руководителей, специалистов, механизаторов, животноводов. В Санчурске находились педагогический техникум, медицинское училище, районная школа колхозных кадров. На всю область была известна больница, в которой работали замечательные врачи-хирурги П.В. Крюков и А.И. Прохоров. Именно в те годы свинарка колхоза «Пионер» В.Л. Софонова была награждена орденом Ленина. Санчурск славился богатыми базарами.

Но мирную жизнь советских людей нарушило вероломное нападение на нашу страну гитлеровской Германии. Война меня застала в городе Йошкар-Оле на юбилее Марийской АССР. Услышав сообщение о начале войны, я немедленно вернулся в Санчурск и приступил к выполнению мобилизационного плана. Во все сельские Советы были направлены представители райкома партии. Они провели собрания граждан, на которых разъясняли сообщение о нападении фашистов на Советский Союз. Перед трудящимися были поставлены задачи о работе в условиях военного времени. Оказана помощь райвоенкомату и сельсоветам в проведении мобилизационных мероприятий. В МТС и

колхозах провели проверку готовности к отправке на фронт техники, лошадей, конных повозок, сбруи.

В начале войны в Санчурске был сформирован отряд народного ополчения. Началось его обучение военному делу. Остальное население обучалось противовоздушной и противохимической обороне. Эту работу возглавил ОСОАВИАХИМ.

С первых дней войны почти ежедневно отправлялись на фронт люди, техника, лошади, транспортный инвентарь. Замечу, эта работа проводилась в условиях, когда начались сенокос, уборка хлеба, заготовка продуктов полеводства и животноводства. Люди работали с полной отдачей сил.

В то время приходилось решать многие социальные вопросы, связанные с приемом и расквартированием граждан, прибывших из западных областей страны, Ленинграда, Москвы. Всех их надо было обеспечить жильем, питанием, работой. Из блокадного Ленинграда в с. Матвинур эвакуировали детский дом. Сельское население сделало немало для того, чтобы окружить больных детей заботой и вниманием.

Осенью 1941 г. промартель «Комбинат» была переведена на выпуск лыж, саней, бричек для армии. Пришлось заниматься организацией лесозаготовок, вывозкой древесины. Вся эта работа легла на плечи стариков, женщин, подростков. Наш район шефствовал над военно-воздушной академией, оказывал ей помощь продуктами питания, проводился обмен делегациями.

В первые месяцы войны ушли на фронт многие коммунисты, особенно из партийного актива: М. Калинин, Т. Александров, А. Букатин, В. Козлов, Ф. Костромитинов, М. Сучков, П. Охотников, С. Попов, Ф. Коробейников и другие. Из сельхозартелей ушло в армию большое количество председателей колхозов, бригадиров, заведующих фермами. Требовалось в кратчайшие сроки заменить ушедших на фронт. Ставку сделали на женщин. Замечательными организаторами колхозного производства показали себя председатели колхозов А.И. Бородина, В.М. Шибеева, В.Л. Софонова, А.Г. Метелева, Н.С. Смирнова и другие. Много сил и энергии вкладывали в дело оказания помощи фронту председатели колхозов «Красная звезда» И.Д. Костерин, имени Кирова — И.М. Максенко. Приходилось поражаться, откуда берутся у них силы, чтобы справляться с такими нелегкими заботами, которые выпали на долю людей в годы войны!

Наш район был в числе передовых в области по выполнению планов по сдаче хлеба, продуктов животноводства, сена. Колхозы ежегодно славали по 12—14 тыс. тонн зерна и обеспечивали себя семенами, кормами, выдавали хлеб на трудодни. В хозяйствах была организована подготовка ржаных сухарей, су-

шили картофель, овощи и поставляли фронту и блокадному Ленинграду...

Особо следует сказать о работе девушек-трактористок. В бригаде, возглавляемой Н. Ржавиной, было восемь девушек, работали они на колесных тракторах, сами их ремонтировали, помогая друг другу. Эта бригада держала первенство в соревновании. Перевыполнение плана было массовым.

Примеров высокого патриотизма в то время было много. Колхозники сельхозартели «Красная звезда» собрали из своих личных сбережений 168 тыс. рублей на строительство боевого самолета. Их примеру последовали труженики колхозов имени Кирова, имени 8 Марта, «Аврора». Всего по району было собрано 2.800.000 рублей на строительство самолетов. Сельские труженики сдали в Фонд обороны значительное количество хлеба, мяса, молока, шерсти, овчин, теплых вещей — полушубков, валенок, носков, варежек.

С первых дней войны была перестроена работа райкома партии, районного Совета и других организаций. Особое внимание уделялось повышению ответственности руководителей за выполнение планов и заданий для фронта. Партийно-советский аппарат действовал четко, оперативно. Мы старались довести до каждого человека сводки Информбюро, патриотические начинания колхозов, колхозников, рабочих и служащих. В этом большую помощь нам оказывал коллектив журналистов районной газеты, местного радиовещания. В 1943 г. мы широко обсуждали в трудовых коллективах письмо, адресованное ЦК партии. В нем трудящиеся поклялись отдать все свои силы для победы над ненавистными врагами. Это письмо подписывал лично каждый участник собрания или митинга.

Мы часто получали с фронта теплые патриотические письма. Помню, бывший инструктор райкома партии А.В. Букатин писал о мужестве защитников Москвы. Он обращался к трудящимся района сделать все возможное для оказания помощи фронту. Батальонный комиссар С.А. Полозов, бывший секретарь райкома партии, сообщил, что находится в партизанском отряде, что народные мстители наносят сокрушительные удары по врагу.

...Отгремели залпы минувшей войны. Сейчас самая главная наша забота — сохранить мир на планете.

Красная заря. Санчурск, 1985.

23 мая. С. 2.

А.А. СТУПНИКОВ

В ТЫЛОВОЙ ДЕРЕВНЕ

(Свечинский район)

В первые дни войны из Ступников ушли все, кто отслужил действительную в тридцатых годах. С ними же в одно почти время и парни призывного возраста. Станция Свеча в эти дни была как остановившийся табор. Все деревни, весь район: на всех улицах лошади, телеги, люди. Быстро работает фотография. Снимаются семьями. Очередь в военкомат. Забитая народом чайная. Плач, песни, гармошки, отрывистые короткие пляски. Задушевные прощальные слова...

Из Ступников на войну в первые дни войны и в последующие месяцы и годы ушли пятьдесят четыре человека, из них три девушки... Также почти из каждой семьи уходили на войну из Кузьменок, в основном потомки Кузьмы Филипповича Ступникова, основателя починка на реке Шимонихе в 1796 г., старшего сына Филиппа Григорьевича — моего прямого предка в восьмом нисходящем колене и одного из основателей починка Ступниковского на реке Юме...

По железной дороге катились и катились эшелоны с войсками и военной техникой на запад, навстречу им — с ранеными, эвакуированными, с оборудованием заводов и фабрик. В Ступниках поселилось одиннадцать семей, эвакуированных из Белоруссии, Эстонии, Ленинграда. Особенно жалели ленинградцев. Помню, как моя мать, давая наряд ехать на станцию за эвакуированными, тут же назначала старух топить баню для них, готовить обед. Заранее решали, в чьих домах их селить. На питание, помимо пайка по 8 кг зерна на человека в месяц от сельсовета, колхоз выделял им масло, яйца, молоко, мясо. Всем. Не только ленинградцам.

Эвакуированные крепко подружились со ступниковцами, постепенно втянулись в крестьянскую работу. Даже ленинградцы, придя в себя после голода, стали работать в колхозе. Екатерина Николаевна Жигарева, вывезенная из блокадного города в страшной дистрофии, отлежав в Свече в больнице около четырех месяцев, исподволь включилась в работу на ступниковских полях и потом уже на сенокосе смогла даже метать стога, ближе к осени молотить в ночную. Она и сестра её Полина Николаевна Старостина со времен эвакуации сохранили дружбу со ступниковскими женщинами, ездят в гости друг к другу, переписываются.

Все полевые, животноводческие и другие работы, на которых в мирное время были заняты крепкие сильные мужики,

остались теперь на женщинах, подростках, мальчиках и девочках, стариках. Не убавилось ни сотки пашни и сенокоса, план лесозаготовок намного увеличился. Паровозы по Северной и Горьковской дорогам стали ходить на дровах, таскать полные тендеры метровых чурбаков и поленьев. Тряслись по дороге Котельнич — Свеча редкие генераторные грузовики. Они передвигались на чурке, дымя и грохоча.

Уже в сорок первом из ребятишек семи — двенадцати лет были организованы два звена. Одно под началом Екатерины Алфеевны, другое — Пелагеи Никифоровны. Состав их менялся в зависимости от характера наряда, который давал бригадир. Звенья пропалывали поля, сено косили, вязали в снопы ячмень, пшеницу, рожь, собирали колосья после уборки урожая. Звеньевые наши были замечательные начальники, удивительные. Всем нам еще до войны были выкованы небольшие косы-горбуши, сделаны аккуратные косовища, легкие грабли. Точили нам косы звеньевые, сами они, полные старухи в широких юбках, не косили. А натачивали остро, коса проскакивала легко. Но как они здорово угадывали момент усталости, когда их армия могла выйти из повиновения!

— Ну, сбегайте, купнитесь. Смотрите, недолго!

— Ура-а!

После купания снова прокос за прокосом, снова друг за дружкой. До следующего наката усталости.

Залога [короткий перерыв во время работы]! Порыбачьте маленько. Недолго!

Рыбачили мы на Юме в Репище, под берегами Середовины, на Семеновке. В середине лета Семеновка пересыхала, представляя вдоль русла довольно глубокие, наполненные водой ямы. В этих ямах было так много угрей и шурыт, что ловили мы их во взбаламученной воде простыми ивовыми корзинками.

Не очень-то приятная работа — прополка. Мы двигались шеренгой по полю. Вырывали осот и молочай голыми руками. Никто рукавиц или холщовых подерезек не надевал. Кто забывал, кто не догадывался, кто из солидарности, а кто не хотел услышать насмешливое «интелего!». Рукавицы, перчатки, обвязки на руки прощались только эвакуированным и учителям Юмской школы, которые иногда приходили к нам на помощь. Да и неудобно вырывать тот же осот неголыми руками, надо ведь не просто оторвать стебель, а с корнем, хотя бы частично, выковырять его. Не лучше этой работы была вязка снопов ячменя, сбрасываемого с платформы лобогрейки парнями постарше. Иглы ячменя — ость — лезли всюду. Как и от осота, ячменя руки по локоть постоянно исколоты и исцарапаны. Но мы уже в сорок первом к этому привыкли.

Сколько велось разговоров о втором фронте!

— Плохая на них надежда! Долго еще будут выжидать, — говаривал дед Павел Илларионович. — Рузвельт, тот еще ничего, а вот Черчилль...

— Надежда на наши области и Сибирь, — отвечали ему.

Главной мальчишеской мечтой нашей стало выспаться после войны. Никогда не было выходных. Четыре месяца подряд без единого дня отдыха каждый год. Если бы не довоенные отцовские запасы хлеба — что бы мы делали?! Поднимали с трех утра. На завтрак — в семь — удавалось немного поспать. А на обеде — тут уж на реку. На Павликову купальню. Шла купаться, переговариваясь, споря, крича, горлая, главная рабочая сила деревни — с июня по сентябрь во все годы войны. Сказалась сила больших семей. Военная сила и сила тыла. Сразу две силы давала большая семья. Более тридцати мальчишек-подростков. Девчонок наших возрастов — они тоже ходили купаться, на омутки чуть выше Порозихи — около сорока...

Мы ныряли и плавали долго. Тех, кто поменьше, в Павликову купальню не пускали. Они купались в омутке у начала Верхней пожни. Девочки скоро убегали с реки и умудрялись еще поспать на «галдарее». На этой «галдарее» бригадир читал сводки Совинформбюро. У жнецов обед продолжался один час: лошади в жнейках и лобогрейках ходили сменные.

После обеда до заката солнца, часто до густой темноты — клюшить, долить. Кто постарше — пахать. На залогах лошадей подкармливали клевером, конюхи приносили его в плетях. В каждой бригаде работали два звена пахарей, два звена бороныльщиков, две пароконные сеялки. Начинаясь посевная с двух флангов поля, чтобы не мешать, и еле видны были разные звенья. И не докричаться. Постепенно группы звеньев сближались. В течение нескольких дней. Встреча означала конец сева. Озимых или яровых...

Лошади — наши верные товарищи по работе, — отмахиваясь хвостами от мух и слепней, терпеливо ждали, когда же потащат плуги, бороны, сеялки в деревню, а их отпустят на луга, если круглыши (стога) уже огорожены, или на конский выгон. Но всего лишь на ночь... Мы отводили лошадей на луга (лишь жеребцы оставались в конюшне). Неторопливо шли домой... Теплая тихая ночь легла на землю. Нигде ни огонька, затемнение введено и в нашей местности, сравнительно недалеко Горький бомбили. Только на железной дороге иногда выскочат искры из трубы паровоза, раздастся его гудок. Еще недавно багровый за домами Большого Содомы, запад уже темный, как и все небо. Тихая тревожная ночь в тылу. Ночь покрыла и тыловые города и деревни, и фронтовые штабы, землянки, око-

пы наших отцов. «Родина в опасности!» «Все для фронта, все для победы!» Лозунги эти стали для нас не просто призывом, мы их понимали буквально, они стали сутью нашего отношения к работе, к недосыпанию...

Ступники сдавали зерна больше всех. Выгрузка же была самым тяжелым, самым страшным этапом во всей процедуре сдачи зерна. Въезжали в распахнутые ворота, подтягивались к огромным весам, укладывали на них полные, под завязку, большие, для взрослых мужчин, мешки.

— На второй этаж! — кричит кладовщик. — Второй загружаем сегодня!

Почему-то второй этаж всегда доставался нам... И еще ненавидели мы довольно крутой трап с редкими для нас, мальчишек, перекладинами для ног. Никакой механизации, никаких транспортеров там не было. Ну что стоило тому же кладовщику увеличить число перекладин вдвое, хотя бы на период войны? Что стоило нашим матерям наполнять мешки рожью наполовину, на треть, а не под завязку? Никто не догадался!

Как ни удивительно, неимоверная усталость эта проходила быстро. И по традиции мы отправлялись на перрон, оставив у конюязи с лошадьми обычно старшую.

— Колхознички! — узнавали нас красноармейцы из эшелонов, пробегающие с кипятком.

— Рожь-то выжали?

— Выжали! Государству сдаем!

— Молодцы! Мешки-то тяжелы, небось?

— Справляемся!

— Не роняйте колхозы! — уже из отходящих вагонов кричали нам.

И отцы наши, и парни в написанных между боями письмах — тоже о колхозе, о доме, о погоде для сенокоса, о выдаче хлеба на трудовень...

По возвращении со станции мы не отпускали лошадей на луга. Их кормили часа два, и до ночи мы возили снопы с поля к току, поближе к сложной молотилке. А ее ставили так, чтобы, на случай дождя, зерно напрямую попадало под крышу на четырех рядах столбов, где стояли веялки. А затем нас ждала молотьба в ночную. За ночь надо было успеть намолотить ржи на утренний обоз в Свечу. Молотить начинали около одиннадцати ночи... Домой мы шли в такой пыли на лицах и одежде, что не узнавали друг друга. В печи стоял чугунок с теплой водой, ею смывали пыль и тут же засыпали в клетки или сенях под пологом. Утром снова в Заготзерно.

За четыре месяца мы так выматывались, так надрывались, что уже не помогала никакая «правка пупков» Игнатьевной или

Марией Никоновной. Спасала школа. На учебу мы смотрели как на отдых. Домашняя работа с дровами, с расчисткой снега, с ноской воды корове и в дом была наша работа. Детство наше пришлось на войну. Куда денешься от детства, оно изловчается брать свое, когда оно не в неволе, а среди своего народа... В войну в Кузьменках работала четырехклассная начальная школа. С пятого класса кузьменские ребята в Юмскую школу на лошадах ездили с нами. Но это — в морозы, а так — пешком. Часто по утрам с факелом по занесенной или полужанесенной снегом дороге. О школе и даже о нашем коротком детстве можно рассказывать бесконечно...

Деревня вместе со всей страной напрягалась в этой тяжелой войне. Колхоз Ступниковский вовремя выполнял план хлебопоставок, молокопоставок, мясопоставок. Давали второй такой же план — осиливал и его. Потом дополнительно сдавал хлеб, картофель, сено, мясо, молоко в Фонд обороны. Участвовал в обеспечении дровами свечинской пекарни, госпиталя, размещенного в зданиях Свечинской средней школы, переведенной в войну в Юму, районных учреждений. Периодически сдавали полушубки, валенки, рукавицы. Валенки брали больших размеров, отцовские, для солдат. Отправляли подарки Красной Армии: мясо, масло, мед, овощи.

В 1942 г. колхозники Ступниковской артели внесли на текущий счет Госбанка 35 тыс. руб. на постройку эскадрильи «Кировский колхозник». Затем — на танковую колонну «Свечинский колхозник». В 1944 г. из личных запасов колхозники артели продали в госзакуп 300 пудов зерна и 300 пудов картофеля. Сполна платили все налоги с личного хозяйства: мясо по тридцать килограммов с каждого двора, молока по двести пятьдесят-триста и более литров (в зависимости от жирности), шерсти овечьей по одному килограмму, яиц по шесть десятков и по четыре-ста рублей за осырок, приусадебный участок.

Откуда все бралось? Вернее, как на все всего хватало? И как все это выдержали ступниковские колхозники? Объясняется это, на мой взгляд, такими главными факторами.

Первый — это сложившийся деятельный лад в деревне и довоенный еще запас хлеба в домах колхозников. Он позволил идти на выполнение повторных планов хлебопоставок, на сдачу хлеба в Фонд обороны, не дал голоду вторгнуться в деревню и физически ослабить ее жителей. И тот же лад деревни не оставил ни одну семью без коровы в случае несчастья с животными: волк ли задерет, вынужденная ли прирезка. Корову выдавал колхоз за полученные хозяином деньги по страховке или от продажи мяса.

Второй — умение хранить полученную с полей продукцию. Амбары тщательно ремонтировали, чистили, пол и стены

промывали настоянной на золе водой, «щелоком», затем стены белили известью. В амбарах, благодаря отсутствию потолка, был достаточный воздухообмен, зерно семенное и фуражное за зиму по несколько раз перелопачивали (но трудодни колхозникам выдавали сразу осенью). Крыс не водилось. Основную массу картофеля, а семенной полностью, засыпали на хранение в подполья домов колхозников и конторы. Зимой хозяйка и дети многократно перебирали его. В подполье конторы — по наряду бригадира. За сохранение картофеля начислялись трудодни. Вернуть весной в колхоз требовалось 90 % засыпанного. Картофелехранилища в поле предназначались для фуражного картофеля. Строились они в песчаном слое земли с крышей и вентиляционными трубами. Небольшие. Скармливать картошку свиньям и коровам начинали и зимой, и ранней весной — после отелов. Причем вывозили сразу столько, сколько поместится в объемистый отсек кормокухни, чтобы оставшуюся часть тут же укрыть от холода до следующего вывоза.

Третий фактор — бережливость. Повседневная и естественная. И беспощадная. Пренебрежение ею не прощалось. Пример тому. После ухода Прокопа Романовича на фронт в 1942 г. председателем колхоза был выбран Василий Андреевич, вернувшийся домой в Ступники после ранения молодой холостой парень. Так вот, зимой 1943—1944 гг., поддавшись нашим, подростков, угловорам, он пригласил выступить в Ступниках один из маленьких «бродячих» ансамблей, концерт которого в Юмской школе нам понравился. Пригласил, а концерт прошел неважно, заплатил за концерт свининой, не согласовав с правлением. Правление наказало его сурово за отданную халтурщикам свинину: пригласило председателем колхоза своего же земляка Ивана Григорьевича (до войны он уже был председателем, а теперь после фронтового ранения работал в Ацвеже в госпитале завхозом). Общее собрание колхозников поддержало решение правления.

Четвертый фактор — огромное трудолюбие и глубоко честное отношение к работе, к своему гражданскому долгу. Я помню, нас искренне удивляли прогуливающиеся по селу Юма среди рабочего дня молодые здоровые эвакуированные женщины, подростки, девушки, дети юмских учителей. (А режим рабочего дня в колхозе имени 18 Марта и Ступниковском, да и по всем колхозам Юмского сельсовета, соблюдался такой: начало работы в три часа утра, окончание в десять вечера. Этот режим оставался до конца 1945 года)... Мы им не завидовали. У нас уже рождалось гордое чувство людей, которые сами зарабатывают свой хлеб. Новое сокровенное чувство.

А вот женщины-химики из Ленинграда организовали в Свече варку мыла из отходов убоя и трупов животных, чем креп-

ко помогли жителям района, а колхозникам, не получавшим никаких карточек и талонов, — особенно. Некоторые раненые, в основном деревенские, после свечинского госпиталя сели на трактора. Запомнился белорус Иван Иванович, у которого я был плугарем и учился управлять колесником — ХТЗ.

Во время председательства Ивана Григорьевича колхоз избавился от волков в своих лесах. Волки с западных областей и республик постепенно мигрировали от войны в глубь страны. Летом 1944 г. не проходило дня, чтобы волки не задрали телку или корову, или сразу несколько овец. Ближе к осени и осенью они особенно часто нападали на конский молодняк. Дошло до того, что лошадей хоть не выпускай на ночь. Днем волки нападали на овец и телят. Как для озорства губили их. И на коров нападали. Пастухами колхозного стада ходили те же доярки, по очереди, уже осипшие от крика на подбирающихся к стаду волков. Без ружья: потаскай-ка его весь день...

В сумерках шеренгой длиною километров в шесть «выстроились» у леса лицом к югу жители девяти деревень: Сороки, Акиненки, Сухари, — это селения соседнего колхоза, — Кузьменки, Бажгала, Бибари, Ступники, Галаши, Маленький Содомчик. Уговорились, что бажгалинцы и бибаревцы присоединятся, когда шеренга достигнет их полей; дома остались старухи, дети да почти столетний Капит (Капитон Ефимович). Вооружились ружьями, печными заслонками, старыми тазами, ведрами и палками. Степа Захаров взял хромку, решили — он пойдет по Кашинской дороге. Остальные будут продвигаться по всем имеющимся дорожкам, тропам, логам и лощинам. До Талицы и до кашинского поля. Жители Маленького Содомчика по своему правому берегу Юмы — до Холмов (в войну стоял там один дом лесника).

По команде ружейного залпа тишину леса взорвала какофония этого огромного оркестра. До Талицы за три часа небыстрого, хотя и азартного хода мы не оставили, кажется, ни одного закоулка в лесу. Уставшие, и на обратном пути нет-нет да «дойн-донн» в тронду. Степина гармонь нет-нет да зальется, и взлетит песня в ночное небо. На многие годы положили конец пиршеству хищников в наших урочищах, прогнали их куда-то за Сарапул, к Пижме...

Ступниковцы воевали на всех фронтах Великой Отечественной. Каждый третий не вернулся с войны. С осени сорок первого то в одну, то в другую семью начали приходить похоронки или почтальон переставал приносить фронтовые треугольники. «Смерть страшна потому, что отзовется болью в сердцах любимых», — этими словами охарактеризовал Экзюпери долгий след смерти родного, близкого человека. Отсутствие писем с фронта оставляло надеж-

ду, что вот они возобновятся из госпиталя или опять же с передовой, и боль не была такой острой, как при получении похоронки. Была она тяжелой и гнетущей.

Во всех деревнях, селах, городах оплакивал народ миллионы сыновей и дочерей, отдавших свои жизни за сохранение страны и всего мира от гибели под пятой фашизма. Победа завоевана невероятно большими потерями прежде всего людей. Смерть каждого из двадцати миллионов оставила боль на земле. Глубокое горе, скорбь, кровь по колено — все это встало рядом с ликующей радостью разгрома невиданного по силе и жестокости врага.

Шестьдесят девять членов Ступниковского колхоза, особенно женщины, достойно заняли место среди четырех тысяч тружеников Свечинского района, награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Звезда. 1989. № 2. С. 183—196.

В.А. БЕРДИНСКИХ

ВОЮЮЩАЯ РОССИЯ

(Советский район)

В истории России не было войны более беспощадной, более разрушительной и более смертоносной. Эта война потребовала огромного напряжения сил всей нации. Она коснулась напрямую каждого и поставила весь народ под ружье. Не важно, в тылу или на фронте... Воевал и 12-летний малец за станком и его 40-летний отец в окопе. Воевала женщина-крестьянка, таща по весеннему полю свой плуг, и её мать-старуха, собиравшая травы и ими да корешками спасавшая детей от голодной смерти, спасавшая будущее страны.

Нелеп сам по себе вопрос: где было труднее — на фронте или в тылу... Страна воевала, трудно было везде, хотя большая часть населения страны воевала в тылу. Что хотите со мной делайте, но я буду стоять на своем убеждении, что более страшная тяжесть войны легла не на армию, а на тыл. А в тылу, пожалуй, тяжелее всего пришлось деревне. Деревне обезмужиченной, обескровленной, оставленной без хлеба, машин и лошадей. Деревне, где бабы пахали на себе, где с голоду умирали дети, где работали всю войну с раннего утра и до позднего вечера, живя в постоянном страхе перед очередными похоронками и непосильными налогами.

Женщины-крестьянки военной поры, не меньше, чем солдатам на фронте, мы вам обязаны всем!

Пройдет еще 10 лет и очевидцев не останется. Надо успеть собрать дневники, письма того времени — часто окровавленные сгустки эпохи. Вот чудом сохранившееся письмо матери сыну-солдату на фронт.

«Здравствуй, дорогой мой сын Саша.

С наилучшими пожеланиями к тебе твоя мама. Сашенька, долго от тебя нет весточки. Я переживать уже стала. Всё ли ладненько с тобой? Не случилось ли чего? Ты, я знаю, даже если что случится, никогда не сообщишь. Знаю, что жалеешь меня, дорогой мой Сашек. Но только чаще пиши мне. Ладно? Жду я от тебя хоть два словечка, не ленись, напиши мне.

Страшно у вас там, небось, на фронте-то, ведь стреляют. Береги себя, родной! Ведь один ты у меня остался (отец и старший брат адресата погибли в первые дни войны — В.Б.). Вчера тётё Клаве Шутовой похоронка на дядю Борю — мужа ее — пришла. Поревели мы все бабы-то. Каждая про своё горе слезы лила. А на всех-то у нас и получился бабий солёный водопад.

Ты уж береги себя, не лезь под пули-то! И шибко-то меня не волнуй. Постарела я, сынок, очень, совсем старуха стала. Очень по тебе соскучилась. Непутёво я написала. Ты уж не сердись.

Пиши мне. Твоя мама».

Мать, у которой остался единственный сын, живет в постоянном страхе за него. Что может быть горше пытки страхом? А ведь её пережили все матери нашей Родины. И пытка эта длилась долгих 4 года. А сколько пропавших без вести сыновей ждали до конца своих дней их матери?

Врезался мне в память рассказ одного старика, организатора хлебозаготовок у нас в области в те годы: «Что было? Да море нищеты было. Хлеб из лебеды пекли. Жена положит в дорогу кусок хлеба, настоящего. Остановишься ночевать в деревне, не знаешь, как этот кусок вытащить. Ребятишки голодные так посмотрят — что не проглотить. Вот иной раз провозишь его в кармане, да и голодным домой привезешь».

Народные воспоминания о войне — это истинная мера времени и мера человека той поры. Противоречивые и сбивчивые, но честные и безыскусные, они нужны нам сегодня. Без них мы обнищаем духом. Но понять их можно лишь имея реальное представление о довоенной, послевоенной жизни нашей деревни.

Расспрашивая своих родственников, переживших войну, я обратил внимание на ту неохоту, с которой они говорят о своей жизни в то время, словно преодолевая какой-то барьер. Вот типичные рассуждения разных людей об этом: «Я не люблю вспоминать военные годы, не люблю рассказывать о войне, потому что нельзя передать на словах то, что довелось пере-

жить!» «Вспоминать про то не хочется. А иногда вспомнишь — душа вон!»; «Очувствовать не могу еще, что они прошли... эти годы...» Война, которую они преодолели, не просто врезалась в их сознание, память, изменила жизнь — она их выковала.

Война — это великая панорама души народной, эпоха великого просветления духа. Не случайно большинство опрошенных считают, что отношения между людьми стали хуже, сожалеют о прошлом, именно о свободных и лёгких взаимоотношениях людей, уникальных по доброте, взаимовыручке. Это не слова, что горе и радость делили на всех. Вероятно, это эффект коллективного сопереживания. Горе при этом смягчалось, радость увеличивалась. Отчаяния действительно не было. Коллектив деревни включал человека в систему своей эмоциональной защиты.

Вот типичное рассуждение об этом: «В войну и после войны тяжело было, голодно, нечего одеть, всё разрушено — а с интересом жилось! Весело, спокойнее темп жизни был. Сейчас быстро всё идет — не по человеку, не по человеческим возможностям: и тусклая жизнь стала, неинтересная...»

Великий мир человечности, умение остаться людьми в эпоху страшных испытаний и потрясений основ человеческих ценностей (фашизм, геноцид), когда, казалось, цена отдельной человеческой жизни упала до минимума, а на карту была поставлена судьба целых народов — это важнейший источник нашей победы в войне. Тут есть настоящая мудрость и подлинно народная философия. Есть сожаление, что радости они не увидели из-за войны и понимание, что их жизнь состоялась. Вместо молодости была работа: тяжкая, непосильная, до полусмерти, а иногда и до смерти. Люди смотрят на прошедшие годы не только как на события случившиеся, которые нельзя перерешить, но часто рассматривают их в своей незавершенности. Они несут войну в себе все эти годы. Время в чем-то притупило остроту горя, но не снизило его значимости для внутреннего мира человека. Россия для этих людей осталась воюющей страной.

«Как люди могли день и ночь работать?»

Анна Ивановна Лежнина, родилась в 1930 г. в с. Муша, крестьянка.

— Как началась война — не помню. Помню только, как провожали брата Николая на фронт. Собралась вся деревня, молодежь играла в гармошку, пели песни, а утром увезли на лошади в Советск. А в ноябре пришла повестка и тятю. Уж не было гармошки, не было и песен. Все ревело. В семье осталось пять человек: мама, старшая сестра, брат, я да еще младшая сестра.

Хлеба не было, корова была, да ее пришлось продать, а на вырученные деньги купили хлеба да козу. Питались мы плохо. Весной копали прошлогоднюю картошку, такую гнилую и ели. С картошкой варили крапиву. Любили очень песты, из них делали лепешки, сушили и толкли. Летом ели кисленку. Серпом жали ее, а когда высушивали — колотили. Потом мололи на мельнице и тоже пекли лепешки.

На трудодни давали хлеба очень мало, какие-то граммы, ели подсолнечные корни. Их тоже рубили и на мельнице мололи. Мука получалась белая, но невкусная. Когда хлеба нисколько не осталось, ходили с ребятишками на мельницу, там по горсточке всем давали, а кто и не даст, всякие люди были. Помню, ходили с подругами собирать (нищенствовали — В.Б.) в другую деревню. Зашли в один дом, там как закричат — без оглядки домой прибежала. И с тех пор больше не ходила.

Летом ходили по ягоды, по грибы. На обед что-нибудь сварить, пойдешь в лес — вот тебе и опять ужин готов. Народ с голоду опухал. Животы надуваются, а ребенки как рахиты.

Одевания тоже никакого не было. Ходили в лаптях, а если издерутся, обшивали кожей. Оболочки (верхняя одежда — В.Б.) были портяные, все самотканые, сами пряли, ткали.

Матрац, подушка — соломенные. Посуды было мало. Чашки были глиняные, горшки тоже, ложки деревянные. В избе стояли лавки от стены до стены, да стол был еще самодельный. Камод тятя до войны смастерил.

Приходилось спать больно мало. С утра до вечера работали. В Октябрьскую, Новый год, Пасху, Троицу, Луговое заговенье, в Петров день, 1 Мая — вот тогда и не работали. Иногда и в эти дни не отдыхали: как сев, как погода. Праздники ждали очень радостно, не как сейчас. Собирались на вечеринки, танцевали под гармошку. Любили «чижика», «барабушку», «рабочую», пели частушки. Эти вечерки проходили в избах, где надо было хозяйину помочь, пол вымыть или дров наколоть. Ходили на посиделки, где пряли, вязали и за работой любили петь. Соберется нас человек 12 — песни поем, а парни в карты играют.

У нас были свои вечерки маленькие, но иногда ходили и ко взрослым. Ходили летом в соседние деревни, тоже на вечерки, а те к нам ходили. Девоч было много, а парней-то не хватало. Маленьких, что не взяли на войну, вот их было много. Света тогда не было (электрического — В.Б.). На вечер напеваем лучины целое полено, а иногда солому. Дыму-то сколько! А ничего, сидели.

Летом тракторы стерегли и горячее ночью, а то горячее больно таскали, а у трактора могли и части утащить, вот ночью и стерегли. А днем мы воду заливали. Трактористы раз по борозде проедут — и опять заливать. Больно тракторы плохие были,

да и трактористами были вдовы и девки, мужиков-то не было.

Зерно возили из глубинки для государства с каждого колхоза. И я возила на быке. В жару бык устанет, ляжет и лежит. Немного полежит, встанет и идет шагом. А вот домой шел быстрее. Еще и картошку возила в Советск, от нас до Советска было 30 км. Больно уж крута гора там. Едешь, едешь — свету белого не видишь, и объехать-то нигде нельзя. Когда и поревешь. Грязи тоже хватало. Хотя в дождь, хоть в снег — все равно приходилось ездить. А лошаденка была трехногая.

У ней нога «выпадала». Идет и нога вихляется. Каких только лошадей не было. Но если б не они, совсем бы плохо пришлось. Сейчас удивляемся, как люди могли день и ночь работать, а тогда с песнями, с шутками со всеми делами справлялись.

Помню, война кончилась, а с войны тятя долго не возвращался. Когда рожь цвела, все ждала, если цветок расцветет, то тятя вернется, цветок расцвел, а тяти все нет. Несколько раз так гадали. Вот один раз побежали на поле гадать, а там солдат идет, вся грудь в орденах. Такой звон от них стоял. На все поле, как колокольный. Пригляделись... так ведь это наш тятя пришел с фронта! Как обрадовались ему, что живой пришел! Из деревни вернулось 12 человек, 16 было убито. Больше половины убило, ведь и молодые совсем.

До войны кончила два класса, а в войну уж не училась. Уж после за парту села. Писать было не на чем, писали на книгах, делали самодельные чернила. Сумки были портяные, а у кого портфели — радости-то сколько!

Деревни Шамшурята, в которой я родилась, сейчас уже нет. А какая деревня раньше была! Чистая, улицы широкие, речка близко, лес близко. Ну как не жить? Да вот разъехались все. Сейчас там ровное поле. Как начну вспоминать: вот здесь то было, здесь это, так и сердце замирает. Самые лучшие годы провела там.

Как-то ездила я к себе на родину. Осталось еще крылечко от нашего дома, да дерево стоит, в котором мы прятаться любили. Щель в нем здоровая, было очень удобно сидеть-то.

А вообще-то я войну не очень люблю вспоминать, а вот во сне снится. И когда проснусь, то сначала кажется, что опять война. Нет, войны не надо, и так сколько намучились, сколько всего пережили. Пусть мир будет.

«Работала с женщинами вместо лошадей»

Анна Борисовна Лошакова, родилась в 1909 г. в селе Муша, крестьянка.

— Мы работали в поле. Видим, мужики на лошади едут. Кто песни поет, а кто и ревет. Думаем, что же это такое случи-

лось? А когда нам сказали, что война началась, то и сами заревели. Вскоре забрали мужа. Два письма от него всего получила. А 22 декабря пришла похоронка. Долго мне ее не вручали. Многие знали, да не говорили. Пореву, пореву, да делать нечего, опять иду работать. Приеду в сельсовет и спрашиваю о мужике, а меня успокаивают, что нет похоронки, чтоб я не переживала. Если б, говорят, была, то как же не сказали. А одним днем захожу в избу, а там народ сидит, и мать мужа ревет. Поняла я, что похоронка пришла, ревела, ревела, да что делать-то, детей надо поднимать. Их у меня было четверо. Маленький Коля умер. Питание было плохое, заболел и умер.

А так раньше дети почему-то мало болели, крепкие были. Но помню, как-то раз сын Анатолий заболел воспалением легких. Врач приходил, а что толку. Все равно никаких лекарств не было. Сама горчичники накладывала, сама так и вылечила. Еще помню, однажды потеряла сына Михаила. Это уже позже было. Как раз гроза началась, а его нигде нет. Послала дочь в лес, может, думаю, грибы ушел собирать. Везде обыскались, а его нигде нет. Ну чего делать? Зашла в клеть и давай реветь. Ревела, ревела — смотрю на кровать, а он в пологу лежит. Подошла и спрашиваю, почему, мол, молчишь, мы тебя обыскались. А он говорит, что отвечать и то не может, вот как ослаб. И верно, питание совсем скудное было. Хлеба мне иногда совсем не давали. Если, говорят, будет записка из сельсовета, тогда дадим. Неправда, что, мол, хлеба у тебя нет. А в семье иногда и сухарика в доме не было.

У меня была простая деревенская изба. Кругом переборки, стульев не было. А все одни лавки. Диван, правда, был. Из железа делали миски, чугунов-то и то не было. Вот так вот и жили.

Праздников никаких не отмечали. У нас в деревне Малые Муравьи до войны больно весело было, а в войну какое уж веселье. Иногда соберемся вместе, поговорим, поревем, вот и весь праздник. Да и одеванья не было, в чем ходить-то. Носить нечего было, даже лаптей иногда не было. В тепло дак босиком бегали, пятки так изобьешь, что ходить трудно. Жали дак босиком, это уж обязательно.

Прямо удивительно: ели плохо, а работали как! Иногда и без обеда. Кто сейчас эти поля будет обрабатывать? Все это уж забыто. Никому нет теперь до этого дела. Работала с женщинами вместо лошадей. Пахали на себе. Нас было четыре бабы, вот и менялись. И боронить боронили, сколько земли прошли. Косила, таскала мешки на себе. Работала и на ферме. Со скотиной и то горе было. Ни дров, ни сена.

Помню, одна корова чуть меня не зашибла. Кто-то привез немного сена. Вот я и решила им дать. Может, думаю, встанут.

Одна корова больно слаба была. Дала я ей сена, а она на задние ноги вскочила, а на передние встать так и не смогла. Рухнула на меня. Долго я после того болела, а все-таки отошла. Да где только ни работала. Да ведь не только я одна, все женщины работали.

Еще я помню, как-то ходили в Колянур (село поблизости — В.Б.) в лаптях, а уж весна была. Иду по льду, то тут вода, то там. Еле-еле по реке дошла до берега. На берегу больно много снега-то, я как прыгну, да вся в снег ушла. Ноги-то в воде, чуть лапти не оставила. Давай санки к берегу тянуть. Хорошо, что веревка длинная была.

Молодая-то больно быстрая была на ноги-то, хоть куда бегала. Вот бы вернуть годы молодые, мужа бы повидать. Да ничего не сделаешь. Пореву, пореву, да дальше живу. Вот на внуков гляжу и радуюсь, посмотрел бы на них муж, вот бы порадовался, да ничего не вернешь. Во всем виновата война, будь она проклята.

«Вернуть бы молодость...»

Клавдия Михайловна Лежнина, родилась в 1921 г. в селе Муша, крестьянка.

— Все ходили пешком, в любые морозы. Одежда была плохая, часто обмороживались. Везде на работах побывала: в Кирове, в Йошкар-Оле. Помню, в Йошкар-Оле валили деревья. Деревья не обхватишь, вот сколько здоровы они были. Силы-то никакой не было, плохо кормили. Хлеба давали по 500 г, да и то сырого. На квартиру придешь и поешь нечего, что из дома привез, то и ладно. Из дома взяла сушеных картошек, да вода, вот и все питание. Как-то летом набрали ночью грибов, а каких, хороших или плохих — разве видно. Утром у всех животы болели.

В избе были лавки, один шкаф хороший. Подушка, матрац — все соломенное. А спала когда на ферме, так на голом полу. В Кичму ездили за горючим, а обратно на себе. Нас было десятеро, бочку горючего ташили. Да, сколько мы на себе всего перетаскали, страх божий, лошадей-то не было.

Снопы на себе таскали, день и ночь работали. Днем косили, ночью сено подбирали. Кормов-то не было, лошади гибли. Из 30 осталась одна, на ней воду возили.

В праздники некогда было веселиться. До войны-то веселились. Да я и всю хорошую одежду променяла на хлеб.

Налогами обложили. Помню, пришла домой, а дом заколочен. Из печки, из сундука — все собрали. С мамки последнюю юбку сняли. По воду идти — ведер нет.

Вот во сне иногда увижу войну, проснусь — так дрожь берет. Как работали в войну, сейчас так не работают. Спали боль-

но мало. Я спала в лаптях. Солнце только встанет, опять идти. Руки опухли, не могу захватить ничего. Жала на коленках. Хлеба кусок да луковицу проглотишь — и опять работать. Зимой возили на лошади хлеб, тоже хоть какая погода. Мешки таскали на себе до складов. По лестнице ходили, одной рукой держишься за поручни, а другой мешок придерживаешь.

Если вспоминать, то больно много всего перенесла. Много уж и забыла, время-то идет. Многие подружки и умерли.

* * *

Народные воспоминания о войне... Это мера человека той эпохи, его мерило наших дней. Присмотримся к судьбам этих людей. Каждая судьба неповторима по-своему, хотя и не каждый может рассказать о ней. Но порой в самом обыкновенном рассказе, где все уже хорошо знакомо по другим воспоминаниям, внезапно блеснут неожиданностью и возьмут за душу две-три строчки. Может, в них-то ярче всего и проявилось то, что отличает жизнь этого человека, его взгляд на мир.

С АРХИВНОЙ ПОЛКИ

А. СТАРОВЕРОВ

ЖИЗНЬ СЕЛА КУГУШЕРГИ В ГОДЫ ВОЙНЫ (Яранский район)

1998 г.

Не рвались на нашей Вятской земле бомбы и снаряды, не занимались страшными пожарами деревни и села, не топтали железными гусеницами хлебные поля грозные фашистские танки, не ходили по улицам отряды карателей. Но была здесь своя собственная война! И в ней тоже надо было выстоять, выжить и победить!

Во время войны в районе были открыты курсы трактористок. От Кугушерги послали Любовь Герасимовну Сазанову, Зою Филипповну Епифанову, Галину Васильевну Русинову, Пелагею Игнатьевну Ваганову и Зою Федоровну Севрюгину. «Девки были сноровистые, понятливые, — вспоминает старожил села Николай Ильич Староверов, — в школе хорошо учились и эту премудрость быстро одолели. Еще в школе этим девушкам прочили будущее учительниц или врачей, но война распорядилась по-своему. И они стали трактористками. Всю войну, на протяжении долгих четырех лет, они пахали, бороили, сеяли».

«Во время войны работали очень много. По двое-трое суток не выходили из-за руля. Спали прямо в тракторе или в борозде. Работать

было очень тяжело, особенно когда ремонтируешь или заправляешь трактор. Очень берегли горючее и поэтому для заправки его привозили на себе на поле. Бороны привязывали к трактору лыковыми веревками. Едешь, бывало, по полю, веревка перетрется, а сразу и не заметишь! Вот и приходилось потом борону на себе тащить. Тащишь с километр к трактору. Боже упаси повернуть обратно, берегли каждую каплю горючего. Плугарили у нас мальчишки и девчонки, а ведь работали круглосуточно. Уснут, бывало, за плугом и вытаскиваешь их сонных», — делится своими воспоминаниями Зоя Федоровна Севрюгина. Что и говорить! Хватило этим женщинам на их долюшку.

Во имя Победы недосыпали и недоедали матери, бросали игры дети, шли ранним утром в поле. Во имя Победы суровыми холодными зимами тыловики отправлялись на нераскорчеванные лесные делянки для заготовки топлива и бревен для домов. Вот что вспоминает Емилия Ильинична Смирнова: «Раз председатель сказал, что дров нет, что надо бы в лес съездить. Бабы заругались, говорят: «Иди-ка сам попили тупой пилой-то. В прошлый раз вон как намаялись». А я видела, как пилы точат. Сколь раз видела, как отец точил, потом муж. Взяла свою пилу, наточила да подправила, потом сказала председателю, а он и говорит: «Ну-ка, давай попробуем». Мы тут прямо у конторы чурку-то и отпилили. Он и сказал, что пила острая. Я и другим бабам пилы подправила. Так в один день одной семье дров напилили, в другой день — другим. Так артелью и напилили дров и вывезли».

В тылу в годы войны отдавала все силы для Победы и сельская интеллигенция. В нашем селе в основном это были эвакуированные из Прибалтики, Брянска, Ленинграда, Орла, Курска. Как ни вспомнить добрым словом учителей: Ксению Васильевну Свечникову, Павла Григорьевича Куклина и Петра Константиновича Маруду, которые в годы войны обучали детей при керосиновой лампе, при острой нехватке учебников и тетрадей и умудрялись давать им при этом крепкие знания. Ксения Васильевна Свечникова вспоминает: «Сегодня зашла в класс, ребят мало. Спрашиваю: «Где остальные?» А мне говорят: «У них валежок нет». Пришлось по домам идти, задание разъяснять. А что я ещё могу для них сделать?»

Какой мерой измерить вклад в Победу фельдшера Валентины Петровны Митрофановой, которая, практически не имея лекарств, поднимала на ноги вымотанных работой женщин? «Тяжело сейчас нашим женщинам, ой, тяжело! Многие спинами маются, а до медпункта дойти некогда. Так я сама по домам хожу», — говорит она.

А это воспоминания библиотекаря, работавшего в годы войны: «Как гляжу на женщин — реветь хочется, отчаялись совсем. Соберу газеты — да к ним. Читаю только хорошее: там наши фашистский самолёт сбили, там поезд под откос пустили. Гляжу — у них лица светлее становятся, глаза светлеют. А что могу для них ещё сделать?»

Представление о женщине военного тыла у нас чаще ассоциируется с такими понятиями, как женщина-труженица, женщина-вдова. Но к этим двум образам необходимо добавить и третий — женщина-мать. О матерях, которые в суровое лихолетье смогли сохранить маленькие человеческие жизни, нужно говорить особо. Своими воспоминаниями делится

Тамара Ивановна Голчина: «Нас у матери шестеро было. Всё думаю, как мы тогда выжили? Соберем, бывало, лебеду, матери отнесём, а она с картошкой перемешает, горсть муки бросит — хлеб испечёт, нас накормит. А сама... Я даже не помню, когда она за столом сидела, чем держалась, не знаю. Всё до последней капли нам отдавала».

А Нина Павловна Староверова вспоминает следующее: «Когда мне шел четырнадцатый год, началась война. Семья у нас была семь человек. В деревне было много детей, но никто дальше не учился, потому что надо было работать. Меня и других девчонок заставляли водиться с маленькими ребенками в деревне. Их сносили со всей деревни в один дом. Ребенки были до года. У меня было шесть ребенков. Их надо было кормить и нянчить. Кормили пареной галанкой. Её чистили, варили, делали пюре. Наложим в тряпочку, завяжем, сделаем как соску и даём ребенку в рот. Поили молоком из коровьего рога. Нянчились с раннего утра до позднего вечера...».

Война — это не только герои, но и дезертиры, не только труженники, но и мошеники. Разные люди были и в то время. Вот что об этом рассказывает Леонид Алексеевич Староверов: «Около деревни начинался лес на десятки километров. И каждый вечер в лесу в нескольких местах шел дым. Говорили, что это живут в землянках беглые дезертиры с войны. Несколько раз приезжала милиция и прочесывала лес. Родители нас в тот лес не пускали. После войны действительно находили в лесу землянки из бревен и старые кострища, железные старые котелки и разные другие вещи».

Александр Максимович Севрюгин вспоминает: «В деревне всё отдавали в виде налога государству: мясо, молоко, яйца, шерсть. Потому для своей семьи ничего не оставалось почти. Мы собирали пестики хвойные, из них делали начинку для пирожков и для запеканки. Потом шли ягоды: земляника, черника, малина. Это лакомство для всей семьи и целый обед. А когда появлялись грибы — это было счастье! Еда была скудная. Выручали, конечно, еще картошка и овощи, которых хватало до весны. Весной — самое тяжелое время. Уже всё съедено, а нового ничего нет. Каждый день мы ели приблизительно следующее: утром — картофельные лепешки, днем — постные щи, вечером — лапша или каша-завариха. Весной ели одну траву. Пекли хлеб с макушками клевера, он получался чёрный, потрескавшийся».

Война запомнилась также работой с утра до вечера, работой без выходных, без отпусков, без зарплаты. «Матери из поля приходили по потемочкам. С ребенками водились летом, а зимой ходили на разные работы. Возили с девками и парнями навоз на лошадях. Пахали на лошадях. Норму выполняли до трех гектаров в день. Работали за кусок хлеба. Начисляли трудовни, а трудовни, можно сказать, были пустые. Люди называли — за палочки работаем. Но вот проработаем пять дней и выдают за пятнадцатку два килограмма муки. Пекли лепешки с клевером, куколом, пестовиком. Соли не было... В колхозе урожаи были плохие. Все сдавали государству, люди жили за счет своих участков. Копали лужок лопатой, соток 20—30, сеяли ячмень. Вырастет ячмень, по ночам жнем при месяце, вяжем снопы. Колотили снопы молотилом. Провеем зерно на ветру и промелем на жерновах. Делали крупу. На мельни-

цу возить жалели — много в пыль уйдет», — рассказывает Нина Павловна Староверова.

А как помнит Леонид Алексеевич Староверов, «летом день делился на три рабочих уповода: солнце только всходит — и уже в поле и работали до девяти часов, завтракали и опять работали до обеда, вечером — до захода солнца».

В годы войны колхоз «Кугушерский» и жители села чем могли помогали фронту. Это мы узнаем из газеты, выходившей в то время в Яранском районе, она называлась «Яранский колхозник»:

5 октября 1941 г. «Колхозники Кугушерского с/Совета сдают в Фонд обороны облигации займа на сумму 1275 рублей».

21 апреля 1942 г. «Свежие яйца, брусничное вино, мед, много носовых платков и бритвенных приборов сдали на склад потребсоюза для дорогих защитников Родины работники Кугушерской МТС».

6 января 1944 г. Колхоз «Кугушерский» принял участие в сдаче мяса для Родины.

Сколько женщин в нашем селе за годы войны стали вдовами, трудно назвать их поименно. Лишь только каждый пятый дом встретил отца или мужа.

«Люди в годы войны были ближе друг другу. Вместе были и в горе и в радости, знали друг о друге всё, делились, чем могли. Долгими зимними и осенними вечерами приходили друг к другу посумерничать. Сейчас каждая семья живет своим миром, сидит у телевизора и не знает своих соседей. Самое большое — здороваются по утрам. Вот в этом смысле мы что-то потеряли», — считает Александр Максимович Севрюгин.

Оглянемся вокруг. Война продолжает будоражить умы и сердца людей, переживших её. И сколько иногда душевных сил тратится на тяжелое воспоминание или раздумье о дне сегодняшнем, что появляется желание выговориться, раскрыть душу до дна, окинуть взглядом, словно с большой высоты, всю свою жизнь, и этим прояснить свой смутный дух. И успокоиться, наконец, восстановить свое душевное равновесие.

ГАКО. Ф. Р-3010. Оп. 2. Д. 52. Лл. 1—15.

ТАТЬЯНА КАШНЕВА

ЗЕМНАЯ КОРОТКА НАША ПАМЯТЬ...

(Фрагменты документальной повести)

Таллин, 1993

...В Котельниче мы узнаем: началась война.

Несколько сот потерянных истомленных женщин заперли в здании старой городской школы. Пустые классы производили удивительно удручающее впечатление. Остальных наших попутниц увезли неизвестно куда. Все с неохотой расстались с обжитыми теплушками и уже кое-как, лишь бы прилечь, уст-

раивались на ночлег. Теперь мы увидели всех. Здесь были и жены министров и банкиров, и жены эстонских офицеров, но гораздо больше обыкновенных женщин — учительниц, врачей, портних, женщин всех профессий и просто домашних хозяек. Были растерянные, были злые, были трагические лица. Но были и улыбки.

— Идите с детьми сюда, здесь вам будет лучше, — и, уступая маме место, они заводили разговоры о детях, о себе.

Потом... нас запихали в трюм пароходика — нидохнуть, ни повернуться. Он дымил и не торопясь шел по Вятке, таща за собой баржу. Там, в клетке, плотно, один к другому, стояли заключенные, которых тоже куда-то перевозили. Мама, с уже измученным лицом, сидела всю ночь на чемодане, прижимая к себе Ириночку. Женя спал у меня и у Аленушки на коленях. Многие дети бредили во сне и вскрикивали. Их личики от долгого пути и духоты посерели. Женечка часто просыпался...

В Лебяжье, в холодное, дождливое утро, мы стряхнули с себя кошмар тяжелой ночи и втроем — мама, Аленушка и я — бодро потащили детей, вещи на высокий обрывистый берег. Здесь конец пути. Глушь. От железной дороги больше двухсот километров. А пароходик ходит только осенью и ранним утром. Здесь нас распределяют: молодежь — работать в совхоз, женщин с детьми и старух — в колхозы. Так мы расстаемся с Аленушкой. Еще пятнадцать километров пути — и мы в деревне Фоминых. Ну что ж, работать в поле не страшно. Болит с непривычки спина, когда выпаываешь весь день сорняки на полях, немеют руки, когда собираешь под рано выпавшим снегом картошку, на ногах и на шее гнойники от недоедания, — страшно другое: думы по ночам, неизвестность. Что будет с детьми? С мамой?

* * *

...Прошло лето. Первое лето ссылки. Два раза в месяц мы все должны были лично являться в районный центр на регистрацию. Но, в конце концов, на это смотрели формально, и кто-нибудь один забирал наши удостоверения и шагал с ними за пятнадцать километров отмечаться. Там мы старались узнать хоть что-нибудь о наших мужьях — где они, что с ними. Но перед нами была глухая стена. «Работают так же, как и вы. Вот кончится война — приедут».

Мы копали глину для маленького кирпичного заводика, месили ее с песком, работали в поле, сил было еще много, а в бессрочную ссылку никто не верил. Меняли вещи на молоко, на картошку, но с каждым днем жить становилось все труднее и труднее. Осенью по вечерам мама выходила за деревню. Она медленно шла по бурому голому картофельному полю, держа

за руку маленькую Ириночку, Женя плелся позади. Он всегда отставал, шел сосредоточенно и медленно и не откликался, когда его звали. Он думал о своем. Ириночка лънула к бабушке, это была ее защита, ее верная крепость. Мама шла прямая, как всегда, и, несмотря на холодный осенний ветер, — без платка. Над ее головой сияли венцом белые волосы. Палочкой разгребая землю и откидывая коричневую полусгнившую ботву, мама искала невыкопанную в спешке картошку. Дети подбирали — одна, еще одна, еще... Уже совсем темно, и картофелин не видно, но корзинка почти полна, и мама возвращается, так же легко ступая, подтянутая, как в городе, даже ветер не испортил ее прическу.

Но хлеб не заменишь картошкой. Самой вкусной на свете еды — хлеба — не хватает. Не скоро еще я получу на трудодни зерно, а сейчас мне дали авансом немного овсяной муки, можно печь хлеб. Овсяный хлеб рассыпается, часто он непропеченный. Высокий в печи, когда я его вынимаю, оказывается плоской лепешкой. Его надо разделить так, чтобы хватило на неделю.

...Ночь. Деревня спит. Удивительная тишина. Собаки не лают. Их здесь почему-то нет. В небе темно — и на земле темно. Я лежу, хочу и не могу заснуть. Просыпается голод. Тают воспоминания о Париже. Я начинаю думать о том, где достать муку. Освободили бы дня на два от работы, я пошла бы в одну деревню, она от нас километров за десять, там есть хлеб. Еще осталось лиловое платье. Может быть, дадут за него немного муки. А за Женины брюки хорошо бы получить топленого масла или свинину. Ведь жиры необходимы. На ногах у нас нарывы, а Ириночка очень слаба, она ничего не ест. Только бы пережить зиму, а там все будет хорошо. Мы не знали тогда, что с весной придет настоящий голод. Зерно за трудодни съедено. Ждать уже нечего. Колхозники будут собирать под растаявшим снегом колосья и, несмотря на строгий запрет — это яд — растирать и есть. Будут есть перезимовавшую в земле черную гнилую картошку. Горький хлеб с травой будет сладок. Истощенные коровы не дадут молока. По всей русской земле пройдет великое бедствие — голод.

Мама тоже не спит. Она еще вспоминает свою молодость — деревню Николаевку, Одессу, Петербург, всех навсегда ушедших близких. Но завтра — я знаю — мама встанет бодрая, скажет, что погода дивная — вот-вот выглянет солнце, и совсем тепло. Она оденет малышей — надо гулять, может быть, нарвать рябины, из нее чудесный чай. И она выйдет на деревенскую улицу, хорошо причесанная, прямая, и так вот, с гордо поднятой головой, она пройдет все предназначенные нам страданные пути — тюрьмы, болезни, голод.

...Хорошо идти летом с поля домой. Далеко, за деревней, весь бесконечно длинный день мы выпалывали сорняки, которыми заросли кое-как пропаханные поля. Хорошо разогнуть спину и так вот медленно шагать, отдыхая от солнца, дыша вечерним запахом полей. Возвращаясь, пылит стадо.

...В деревне Фоминых мы пережили первую долгую зиму ссылки с непривычными для нас сорокаградусными морозами. Казалось, мы были навсегда отрезаны от всего, что когда-то было нашей жизнью. Но не только для нас мир был ограничен этой деревней — для всех, родившихся здесь, дальше лежала неведомая страна, и лишь вот этот знакомый кусочек земли с ее полями, овражками и ухабистой дорогой, вдоль которой растянулись трехконные темные избы, люди здесь называли словом «родина».

В деревне остались одни женщины. Все они были молоды, старух было мало, зато детишек полно в каждой избе. Письма с фронта приходили редко, радио не было вовсе, и только раз в неделю в колхозную контору привозили районную газету — отступаем, отступаем.

Уже красавице Ане пришла «похоронная». Председатель ушел на фронт. Плакала по ночам молодая наша хозяйка Дуня — давно не было писем от мужа. Черноволосая бездетная Нюра тоже проводила своего Мишеньку в армию. Она часто подзывала моих детей и поила их молоком, отказываясь взять что-либо взамен: — «У меня ведь некупленное». Меня уже приглашали на «помочь» копать картошку, за работу угощали вкусной кашей. Ели все деревянными ложками из одной миски. Женщины уже не стояли часами в дверях, молча и с любопытством рассматривая нас, никто уже не шупал материю на наших платьях — к нам привыкли.

Кроме нас в деревушке жило еще несколько ссыльных эстонок — почти все с детьми, бездетных отправили в совхоз. О мужьях никто из нас ничего не знал. Ходили разные слухи. Называли лагеря, в которых будто бы кто-то их видел. Мы писали по всем адресам, во все лагерные управления — тщетно. И вдруг из Свердловской области я первая получила крохотный серый треугольник. О, как тревожно забилося сердце! И хотя на этом клочке бумаги было всего несколько слов, сразу стало легче и жить, и работать — ведь я еще не видела безразличных и помертвевших глаз оттуда, я только знала, что Женя жив, и радовалась. Одна в поле я могла разговаривать с ним — тихо, тихо, но он, я знаю, меня слышал, и мои слова помогали ему.

А жизнь шла своим чередом. Здесь она была связана с землей, и древний закон ее — «в поте лица своего добывай хлеб

свой» — гасил в нас все думы, все тревоги о будущем. Вечером, усталые, пропеченные солнцем, мы засыпали здоровым сном, чтоб с первыми его лучами вновь отправиться в поле. Лето, прекрасное, жаркое, утешительное лето, утверждало жизнь на земле и приносило людям радость, даже в эти тяжелые годы.

Настала чудесная пора — сенокос. Весело перекликаясь, собираются женщины у колхозных конюшен. Бригадир распределяет кого куда. И вот уже длинная цепочка, шетинясь косами и граблями, потянулась за телегой к далеким приречным лугам. На всех светлые платья, новые лапти, а в холщовой котомке обед — круглый хлебец, луковое перо и запеченное в золе яйцо, все готовы к радостной и спорой работе. Все выше и выше поднимается солнце. Луга уже не серебрятся росой. Травы поникли, и аромат их стал суше. Сегодня мне досталась совсем легкая работа — ворошить сено. Косить я так и не научилась, не то что Анна Курвиц — у той все спорится, коса ее летает и звенит, работает она рьяно и весело, за ней не угонишься. «Ах, до чего хороша здесь земля, а у меня на родине одни камни, — говорит она, — но люди там умеют работать. Я ведь родилась в деревне, отец был батраком у немца-помещика, — всего я добилась сама. И здесь не пропаду». В Таллине она преподавала математику в коммерческом училище.

Легко и ловко поднимает ни вилах огромную копну сена худая загорелая эстонка. Она здесь совсем одна, не говорит по-русски, у нее решительно ничего нет, даже смены белья — она не поняла, что ее увозят. Но сейчас, в разгаре работы, забыла о своем горе и бедности.

С важным достоинством ходит по полю жена эстонского епископа — любительница искусств и художница. Тихонько, чтобы не утомлять себя, она перебирает сено, но даже на ее всегда растерянном и обиженном лице сегодня улыбка. А епископская сестра, маленькая, добрая и педантичная старушка, не отстаёт от других. «Все в руках Божьих, — говорит она, — примем без ропота все, что он нам послал, будем стараться делать наше маленькое дело на земле как можно лучше».

И только одна безмолвная молодая женщина с обреченными глазами остается равнодушной в этот сияющий, насыщенный запахом сена день. Здесь, на чужой для нее земле, суждено ей будет умереть от туберкулеза — одинокой и непримиренной.

В полдень, утомленные жарой, мы спускаемся к прозрачному ручью, стоит прильнуть к нему губами — проходит вся усталость. Потом на опушке леса набираем полные горсти земляники и, лежа в примятой траве, едим ее с хлебом. Хорошо! Жарко светит солнце. Тени деревьев лежат неподвижно. Воздух

вдали трепещет и переливается, кажется, он звенит, нет, это звенят миллионы маленьких жизней в густой траве. Все тише и тише звучит летний оркестр, и вот выплывают из дремы далекие картины.

* * *

...С маминым зеркалом теперь навсегда ушел большой кусок жизни. В ссылке со мной только маленькое овальное, ручное. Его гладкая когда-то поверхность потемнела от сырости и покрылась мелкими черными точками. Я очень внимательно рассматривала каждую морщинку на поглубевшем от загара лице. Кожа еще чистая, ресницы и брови не выгорели, но до чего мне не идут прямые волосы. Если бы они были пышными, как у мамы, или хоть прическа, а то висят короткие космы — смотреть не хочется. И еще беда — портятся зубы. Они шатаются от недоедания и понемногу разрушаются. Наверху сбоку одного зуба уже нет, и я боюсь улыбаться.

Говорят, в Уржуме есть пожилой парикмахер, прямо колдун. Он сам изобрел состав, сам все приспособил. С накрученных на шпильки волос, прямо к самовару протянуты резиновые трубки. Вода в самоваре кипит, и получается великолепная паровая завивка. В Уржуме есть и зубной врач. Может быть, он мне вставит зуб. Только как мне туда попасть? Мы не имели права уходить даже за деревню. Но наше начальство в райцентре на многое смотрело сквозь пальцы. «Хочется навестить подругу», — придумала я нелепую причину. «Ладно уж, иди, — сказали мне, — только чтоб сразу обратно».

И вот я в пути. Ничего, что шагать далеко — сорок километров, я почти бегу от радости. Наконец-то я свободна, стоит ли думать, что всего лишь на несколько дней. Тепла и ласкова под босыми ногами земля. На полях еще пустынно. Скоро вереницы женщин выйдут жать ручную — хлеб уже созрел. Я тру колосок ржи, и зерна сыплются в ладони, согретые солнцем, живые. Наугад я сокращаю дорогу, иду по стежкам от деревни к деревне, и всюду тишина и безлюдье. Лишь любопытные старухи, прижав лицо к маленькому окошку избы, долго и неотрывно смотрят мне вслед, да иногда выскакивают на дорогу и замирают чумазые ребятишки. А за деревней опять поля, поля и овражки. Только раз я сажусь отдохнуть. Как первобытно тихо в этих краях. Здесь ни один самолет не прострочит небо, вдали не зашумит паровоз, и грузовик далеко объедет эти проселочные дороги. Где-то над нашей землей такое же небо полыхает огнем, но гул войны не доходит до этих бедных деревенок. Здесь война — это «похоронные», это детишки без отцов, одинокая женская доля и голод.

В ручье я смываю пыль с босых ног, потом отламываю кусок хлеба — до чего он вкусен, даже если в нем трава, до чего он вкусен с солью и луковым пером, особенно когда его ешь, сидя в тени большого вяза у обочины дороги. Ну, теперь с новыми силами в путь.

Все чаще встречаются марийские деревни и села. Вот, покачивая широченной белой юбкой, стянутая на талии искусно сотканным кушаком, идет смуглая плосколицая девушка. Загорелые маленькие руки в кольцах, на шее позванивает серебряное монисто — царские монетки. Она красива, только узкие глаза ее странно слезятся. Вот шаркает, ощупью угадывая дорогу, старуха, похожая на колдунью. Она тоже в белом, на голове высокая, остроконечная, расшитая цветными нитками и блестящими шапка. А там мальчишка в вышитой рубашке без порток, смуглое личико его изуродовано гноящимися глазами, он ведет слепого старика. «Ты не гляди, что баско разодеты, — говорили мне о них фоминские, — живут они бедно». Пройдешь мимо — уже последняя избенка скрылась за поворотом — обернешься: да не за сотни ли лет, не за тысячи ли километров лежат эти безвестные деревни с их нищетой и трахомой?

Наконец я выхожу на широкий и скучный тракт. Уже пожелтело на западе небо, солнце стало больше. Вот и предместье Уржума — речка, спиртовой завод. Город встречает меня сонной тишиной. Боковые его улочки поросли травой, там гуляют козы, поросята. На главной улице в вечерней золотистой пыли притихли двухэтажные домишки. В верхних окнах большого краснокирпичного здания больницы еще пламенеет солнце. Скоро оно зайдет. В этом маленьком городе тоже много высланных из Таллина женщин. Те, что уже получают письма из лагерей, чего-то ждут, на что-то надеются. «Главное, не поддаваться, всем сейчас тяжело», — говорят они. Но есть женщины с потухшими растерянными глазами, им все равно, они не ждут своих мужей и ни на что не надеются. Вот идет мне навстречу высокая, с мертвенно-бледным, несмотря на летнее солнце, лицом худая женщина. Ее длинная фигура закутана в старую вязаную кофту, в руках у нее маленькая скамеечка — сидя на ней, она полола совхозные огороды. Нагибаться ей трудно — болит спина. Что же делать, без работы не проживешь, она ведь одинока, как перст. «А вы хорошо выглядите, Таня», — как будто с упрёком говорит она мне. Я с трудом узнаю ее. Это жена бывшего царского генерала Васильковского, расстрелянного в сороковом году. Когда-то она была очень красива.

Наконец, я нахожу дом, в котором живет наша хорошая таллинская знакомая — Мария Сергеевна Лузгина, дочь известного профессора Острогорского. Стучу. Тишина. Стучу еще раз, потом толкаю дверь — она открыта, и вхожу. В полуподвальной

комнате темно и сыро. Мария Сергеевна лежит на деревянной койке, она еле поворачивает голову в мою сторону и очень равнодушно здоровается. Что с ней? Это была такая живая, немножко даже дерзкая женщина, некрасивая, элегантная и остроумная, она пользовалась большим успехом. Теперь она лежит с пустыми глазами, ее ярко-рыжие волосы коротко острижены, шея забинтована, опухшее лицо посерело. И она жалуется, жалуется... От Сережи нет ни одного письма. Милый, красивый Сережа Лузгин. Он умер в лагере. Женя мне о нем потом рассказывал. Сережа был уже очень слаб, он еле держался на ногах. Только огромные черные молдаванские глаза его светились на изможденном лице... И почему-то он никому не рассказывал о том, что он сводный младший брат Сергея Лазо, что росли они в Бессарабии вместе, и в университетские годы в Петербурге были вместе, только Лазо заканчивал, а Сережа Лузгин поступал на первый курс. Он не хотел спасать себя именем брата, да, вероятно, это и не спасло бы его.

Мне было стыдно за свое хорошее настроение — я, счастливая, уже получала редкие письма из лагеря, короткие, ничего не говорящие, но я читала между строк, и боль, и ласковые слова, и мама, наша бодрая, сильная духом мама была со мной, и дети, загорелые, пробежав целый день на солнце, засыпали, ласково обнимая меня за шею.

Бедная Мария Сергеевна, я не стала рассказывать, что привело меня в Уржум. Но наутро все-таки побежала делать записку.

— Только, пожалуйста, чтоб не мелкие кудряшки, а крупными волнами, и чтоб без укладки держались красиво, вот так, назад.

— Не беспокойтесь, мадам, все будет так, как вы желаете.

И действительно, какая чудесная вышла завивка — крупными кольцами, пышная. Я почувствовала себя почти красивой. Вот если бы еще зуб. Но зуб можно было только вырвать — один, или сколько хочешь, но никак не вставить. Я с облегчением, торопясь избавиться от чужого горя, попрощалась с Марией Сергеевной — она и не взглянула на мою прическу и под проливным дождем отправилась домой. В такую погоду сорок километров не пустяк. Я скротжу босиком по глинястой дороге, шлепаю по лужам-озерам. С моих пышных волос текут холодные ручьи, они стекают струйками за шиворот и холодят спину. Равнодушная ко всему на свете, я машинально передвигаю ноги, только бы к ночи быть дома. А сверху, с бледно-серого безнадежного неба все льет и льет. Теперь я знаю, что такое промокнуть до нитки. К вечеру, голодная и продрогшая, я подхожу к пустынной, черной от дождя деревеньке в десяти километрах от

нашей. Дальше идти нет сил. Я вхожу в чужую избу. Незнакомые бабы, причитая, стягивают с меня прилипшее к телу платье, дают чистую посконную рубаху, смешную длинную клетчатокоричневую юбку, черную нелепую кофту и на голову темный платок. Напив кипятком, меня сажают на телегу — это счетовод нашего колхоза был здесь и возвращается домой в Фоминых. А дождь все льет и льет. Я зарываюсь в сырое душистое сено и немного согреваюсь. Мама меня уже не ждала.

— Вы к хозяйке? — спросила она.

— Да что ты, мамочка!

Она с недоумением посмотрела мне в лицо.

— Надо быть сумасшедшей, чтобы в такую погоду... — Но, глядя на мой маскарад, она уже перестает сердиться.

— Ну, знаешь, тебя никто бы не узнал. И что это на тебе? Снимай все и скорей, скорей в постель.

Дети уже спят. Хозяйка приносит полстакана бережно хранимого самогона.

— Пей, Борисовна, не бойся, простыть недолго, а вот как простуда в кости бросится, ничем ее не возьмешь.

Даже не успев посмотреть в зеркало на свои кудри, я забираюсь под согретое детьми одеяло и засыпаю мертвым сном.

И все же от простуды или, может быть, от недоедания пошли чирьи, сперва на шее, потом на голове. Я ходила обмотанная, и мелкая пыль от молотыбы забиралась повсюду, раздражая и вызывая снова гноение. Голова покрылась коростой, уже волосы нельзя было расчесать, гнойную коросту я сдирала, выстригая клоками волосы, пока не выстригла все. Теперь я старалась не думать о зеркале. Пусть оно чернеет от сырости, зачем оно мне? Но забыть о нем очень трудно — это почти то же, что забыть о себе. И когда самые тяжелые годы будут уже позади, кончится война и вот-вот должен будет вернуться Женя, я, конечно, вспомню о моем маленьком ручном зеркале, и мне опять захочется быть хоть немного красивее.

Почему бы снова не сходить в Уржум к парикмахеру?

Стояли теплые и длинные дни, вновь легка была под ногами весенняя земля и радовала дальняя дорога. Но Марии Сергеевны в Уржуме уже не было. Всех ссыльных угнали работать, как нам сказали, в бывшие лагеря для военнопленных и расселили в бараках. Объявили, что везут домой, и все с радостью побросали у кого что было — кто козу, кто картошку. В Уржуме никого из ссыльных не осталось. Больше мне с Марией Сергеевной не пришлось встретиться. На письма она мне не отвечала, не ответила и Жене, когда он, вернувшись из лагеря, написал ей о последних Сережиных днях. Парикмахера тоже не было, его взяли в армию, и он не вернулся. Ну что ж, я прошла еще

семнадцать километров на какие-то верфи, — там, я узнала, был тоже чудо-мастер, — и все же сделала себе завивку. На этот раз ее уже не пришлось состригать. Пусть мне не стереть с лица тень этих прожитых лет, но в глазах тех, кто меня любит, я хочу отражаться такой, какой была в далекие годы. Вот, как прежде, войдет Женя. — «Ну как? — спрошу я, — мне идет такая прическа?» — И я вновь хочу услышать в ответ: «Ты у меня самая красивая».

* * *

...— Мама, мама, Аленушка едет, — радостно закричал Женя. Он, готовый в путь, уже давно караулил ее на деревенской улице. Хорошо, что теперь мы снова будем все вместе. Только доедем ли на этой дохлой лошаденке. Мы торопимся уложить вещи на розвальни. Аленушка берется за вожжи, и вот по запыленной первым снегом дороге выезжаем наконец за околицу в поле. Прощай, деревня Фоминых.

И вдруг беда — ломается оглобля. Надо бежать в колхоз за помощью.

— Плохая примета, лучше уж езжайте завтра спозаранку, — говорит старик кузнец, ставя другую оглоблю. Но мы в приметы не верим, да и лошадь должна быть к ночи в совхозе.

— Боюсь, не потянет, — качает он головой.

— Да ведь мы с сестрой не сядем, мы — рядом, пешком.

— Нет, облегчить надо. Ты, Борисовна, останься, завтра на окуневскую мельницу зерно повезем молотить — тебя да и кое-что из вещичек прихватим.

И я остаюсь. Но так тоскливо одной, так на сердце неспокойно, будто я уже знаю: страшен будет их недалекий путь.

Дорога из деревни Фоминых в село Окунево шла полями, и только последние пять километров, от глухого заброшенного хуторка — лесом. Поле еще чуть белело, но в лесу ранняя зимняя ночь уже стерла все очертания. Еле виднелась дорога. Вдруг испуганная чем-то лошаденка дернулась и задрожала. Волчий вой был слышен давно, а теперь мама и Аля увидели среди черных молчаливых елей огоньки голодных глаз. Сколько их — не разберешь. Лошадь понесла. Мама придерживала детей, их мотало и швыряло из стороны в сторону. Чувствуя опасность, они вцепились в вещи — только бы не упасть. А вещи подскакивали на ухабах — вот-вот сорвутся. Никто не заметил, как перестали биться и звенеть привязанные к шесту чайник и детский горшочек, они так и остались навсегда где-то на лесной дороге. А огоньки все ближе и ближе — скорей бы деревня. Уже видны заснеженные крыши избушек. Аленушка, сокращая дорогу, с остервенением гонит прямо к речке. Вдруг некрепкий еще лед

ломается. Войдя в ледяную воду, Аля вытаскивает на берег под уздцы взмыленную дрожащую лошаденку. Хорошо, что здесь неглубоко. Мама и дети промокли только наполовину, но вода залила все вещи — где их теперь ночью сушить.

Все в ту зиму сложилось совсем не так, как мы ожидали. Нас встретили метели. Деревенька за рекой близ совхоза лежала похороненная в снегу, далекая всему миру. В избе, в которой мы поселились, было холодно. За перегородкой нашей длинной темной комнаты не смолкали крикливая ругань хозяйки и плач ее детей. Аленушка уже не работала в совхозной столовой — кому-то она мешала там своей честностью, и теперь ее посылали опять на «разные». Она вставала ночью, одевалась в темноте, дрожа от холода, и, выпив горячего кипятку с хлебом, если он был, убегала, чтобы успеть с возами в далекие совхозные уголья за кормами.

— Ну, до вечера. — Она целовала маму и улыбалась нам, скрывая, что ей нелегко. В светлом, очень юном лице ее было уже что-то надломленное, может быть, просто усталость, а может быть, след утрат и разочарований. О себе Аленушка всегда молчала, что было у нее на сердце в эти тяжелые годы, угадывала только одна мама и тоже без слов старалась помочь ей.

Обозы возвращались поздно. Не раз, волнуясь, выходила мама за ограду, вглядываясь в морозную ночь. А потом мы разжигали огонь в маленьком подтопке, пили кипяток с хлебом, Аленушка сушила свою оледеневшую одежду, но лапти так до утра и не просыхали. Тяжела была эта зима. Война забрала уже всех мужчин, рабочих рук в совхозе, как и везде, не хватало, хотя туда привезли и ссыльных, и людей, отпущенных по болезни из лагерей, голодных, изможденных — какие это работники, и даже умалишенных, — ободренные и страшные, они ютились в отдельном бараке. Если бы еще была еда! Но в столовой один только суп — вода с турнепсом или заквашенной кормовой свеклой, а перед окошечком ларька длинная хмурая очередь за мокрым и непропеченным хлебом. Но — «сегодня хлеба не будет, завтра отоварим», и люди молча расходились.

Все реже улыбалась наша мама, она подолгу молчала, глядя в окно на белые сугробы. Ее изнурял странный недуг — иногда после озноба температура поднималась до сорока и на следующий день падала. Прижавшись к ней, терпеливая и тихая, сидела Ириночка. Она не жаловалась, хотя на животе у нее гноился огромный чирей. Только Женечка не унывал. Он часами любовно составлял на полу какие-то бесконечно сложные рисунки из наструганных бабушкой лучинок и долго любовался — «посмотрите, какая красота». Метель, метель...

В одну из метельных ночей, блуждая и кружа, по засне-

женным дорогам подкрадется к нашему порогу смерть. Постоит и уйдет...

За окном ничего не видать, сугробы закрывают улицу, небо. А метели мы с мамой не слышим. Мы слушаем только Женино дыхание, прерывистое, с хрипом. У мамы строгое сосредоточенное лицо, но она спокойна. Мама всегда спокойна, когда случается беда. На маленьком подтопке закипает чайник. Мы льем горячую воду на раскаленные кирпичи, и под навесом из простыней горячо и парно. Женино маленькое тело содрогается от редких тяжелых вздохов. Тишина — вздох. А время тянется. Сестра убежала с запиской в совхоз, я не знаю, что там написано, догадываюсь. Фельдшер сказал — дифтерия. Сыворок нет, до больницы пятнадцать километров. А на улице метет и метет. Дадут ли нам лошадей? Лошадей почти нет, те, что остались, истощены, они еле передвигают ноги. Как долго, — Боже, как долго ждать! За стеной завывла хозяйка, она воет и причитает над своим маленьким сыном — он заболел вчера, — слышно, как он тихо стонет во сне.

Страшно смотреть на Женино личико, по нему проходит судорога, оно синее, веки его дергаются. Ах, мама, мамочка, ты все можешь — отгони смерть, не впускай ее сюда. У меня дрожат руки, а твои слабые руки так сильны в трудные минуты. Мама приподнимает Женю, встряхивает, ложкой раздвигает его стиснутые зубы и, пальцами пытаюсь открыть горло, держит над паром. И вот опять вздох. В холодные сени распахивается дверь.

— Скорей, скорей, — кричит Аленушка. — Лошадь дали, собирайтесь.

На развалнях лежат тулупы, мы закутываем с головой маленькое тельце и несем.

— До свидания, мамочка.

Мама как будто спокойна.

— До свидания, торопитесь.

— Анна, неси скорей сына.

— Чтоб я отдала его в больницу!? — кричит она. — Везите издыхать своего, ироды проклятые, а — мой лучше уж пусть дома помирает.

Никакие уговоры не помогают. Мы трогаемся. Нам вслед несутся ругань и крики.

Впереди пятнадцать километров. «Гоните, гоните скорей», — прошу я.

— Лошадь не идет, — говорит возница, — вишь, какие заносы. Бог милостив, к утру доберемся.

Теперь я слышу, как гудит ветер. Но под тулупом тишина. Мне делается вдруг очень страшно. Я приподнимаю край тулупа, просовываю голову — жарко, парно, пахнет овчиной. Нет,

это не тишина. Это тихое и ровное дыхание сына. Я прижимаю его, теплого, к себе, я верю, он будет жить.

Темным утром мы в больнице. Женю обрили, его густые сросшиеся брови стали еще темнее, и переодели почему-то в девочкино голубенькое платье. Укол сыворотки. Он попросил пить и заснул крепким хорошим сном.

Днем мы сидели в большой палате со всеми больными — детского отделения здесь не было — и грелись у горящей печи. Женщины радовались, смотря на Женьку, — «хорош парень» — и рассказывали мне о своих горестях и болезнях. Только у стены на койке молчала молодая ленинградка. Ее слишком поздно привезли из голодного города. Она умирала от туберкулеза и дистрофии. Сейчас, быть может, она думала о своем сыне, которого оставила где-то здесь у чужих людей, далеко от родного Ленинграда, о семье, которая погибла во время блокады, о муже, пропавшем без вести. Она просила поднести к ней Женю и долго смотрела на него.

— А мой уже постарше, все понимает. — И отвернулась.

После обеда, не выдержав неизвестности, приехала на попутных Аленушка. Она увидела Женю — он сидел серьезный и спокойный в чужом ярко-голубом платьице — и заулыбалась в дверях, — в палату ее не пустили.

— Ну, целуй маму, Иришу. Как у вас там?

— Мама очень волнуется, конечно, и вообще плохо, малыш у хозяйки на рассвете умер. — Аленушка торопится, назад придется идти пешком, лошади ушли с грузом, надо дойти до темноты.

— А знаешь, что было в записке, которую дал фельдшер: «Дайте лошадь везти в больницу умирающего ребенка».

В больнице по утрам топят печи. Женечка сидит у меня на коленях. Сырые дрова всегда долго трещат и не разгораются. Мы отрезаны от остального мира — будто за стеной больницы ничего нет. Вот принесли кипяток, хлеб и сахар. Теперь будем ждать, когда принесут жидкий суп на обед, а потом ужин, может быть, даже немного каши. В этом ожидании еды проходит у всех день. Вот санитарка приносит мне тоже тарелку лапши.

— Ешь, что ли, — говорит она, — все равно остается, ведь все кто-нибудь у нас умирает. — До чего же вкусно!

Я с удовольствием ем сама и еще добавляю Жене. Здесь его все любят и балуют. Вот он получил утром свой паек — почему-то сахара больше, чем у других, но он ни за что не съест, делит — это бабушке, это — Ирине, а это тебе, мама, и Аленушке.

С какой гордостью привезет он этот сахар домой. Ничего, что из больницы, от больного дифтерией, все-таки сахар, а мы его давно не видели.

Вечер. Женечка заснул. Я тоже скоро примощусь рядом с ним. А пока мы ведем тихую беседу с моей соседкой по койке. И разговор этот большой, предсмертный. Есть ли Бог?

— Вот я работала в госпитале, пока меня не эвакуировали, и вот молодой солдат знает, что умрет, и как он, Танечка, кричит, какими словами ругается. Страшно умирали, ни во что не верили. А мне вот попалась книжонка старая, там о святых, как они умирали. Мучили их, а они боли не чувствовали, вера у них большая была. Я вот тоже не боюсь смерти, только сына так жалко, так жалко... Расскажите мне о Христе, — просит она тихо, — как его распяли и он воскрес.

Кажется, все, все забыто — огни свечей, блеск риз, преображенные лица... «От Матфея святого Евангелие чтение» — склоняются благоговейно головы, раскрывается тяжелая серебряная книга, зажигаются сотни маленьких огней, плывут торжественные, вечные и страшные слова, трепещет душа и ждет чуда — воскресения. Теперь все ушло. Мы отказались от чуда. Мы остались без Бога — одни.

— Хоть бы Евангелие почитать, — шепчет она, — я ведь ничего, ничего не знаю об этом. Комсомолка я.

Она умерла тихо, никто не заметил. Утром ее унесли. Когда Женя проснулся, койка была пуста. «Мама, — спросил он, — тетя уже домой уехала? Да?»

К Новому году нас выписали. Хорошо возвращаться домой. Короток сияющий зимний день. Уже опустился вечерний морозный туман, скоро растает в нем красный шар. Возница погоняет лошадь. Женя, закутанный в платки поверх шапки, нетерпеливо высовывает нос — когда же, наконец, доедем. Он везет драгоценный подарок — коробочку с сахаром. Ничего, что нас ждет темная комната, за стеной крики одержимой хозяйки, жизнь впроголодь. Главное, мы опять будем вместе, — смерть лишь заглянула и отошла от нашего порога.

Дома нас встретили мама, Аля, Ириночка и несколько слов от Жени — маленький треугольничек, который так редко приходит.

* * *

...Будь у нас карта военных действий, мы бы увидели, как в пересекающие Россию от Ладожского озера до Черного моря темные стрелы немецких армий вклинились теперь красные стрелы. Но, конечно, карт у нас не было, как не было газет и радио. Из случайно попавшего нам в руки районного листка узнали мы в эту метельную зиму о Сталинградской битве. Потом вместо краткого «наши войска оставили...» докатится до нас слово «наступаем». Сперва глухо, потом станет звучать оно

громче, и чаще станут приходить в нашу погребенную под снегом деревеньку «похоронные». Но дела, определяющие ход истории, вершатся далеко, у нас же здесь хватает своих горестей и забот. И главной заботой были хлеб и дрова. Я продала за два мешка ржи и пальто мужа, и свое, — мы ходили в стеганых ватниках, — и у нас оставался еще целый мешок немолотого зерна. А с дровами беда, дрова кончились. Получить на целый день лошадь — большая удача, в совхозе коней мало, лучших забрали, а для оставшихся не хватает корма, они падают. Хорошо, что у нас знакомство — совхозный конюх, поляк, один из тех, которых освободили из лагеря и прислали сюда работать, пока не сформируется польский батальон. Он немного забавен, этот поляк с бритой головой в старом ободранном ватнике. Он галантно целует маме руку, коверкая русский язык, рассказывает о родном Львове и о своей любви к красавице жене, что не мешает ему покорять сердца одиноких колхозниц. Все они заывают его к себе жить и наперебой откармливают, кто шанежками, а кто и сметанкой. Дал он нам лошадь, наверное, без ведома директора, зная, что я только-только привезла маленького Женю из больницы, что Ириночка лежит с огромным нарывом на животе и комнату нашу в эту выюжную зиму продувает насквозь. Теперь мы будем с дровами. Один воз мы свезли в обед и сразу поехали опять. Это недалеко, километров пять полем.

Страшен в сумерки лес, занесенный снегом. Ни единой тропки, ни единого человеческого следа на снегу. Неподвижны черно-белые ели. Спит лес, и белый сон его точно смерть. Шаг за шагом, проваливаясь по пояс, перелезая через сугробы, хватаясь за огромные еловые лапы, с которых на нас осыпается снег, бредем мы все глубже и глубже в чащу.

— Сюда, — кричит Аленка, — тут хорошая сухая ель, а рядом еще одна.

Она берет топор и делает надсечку. Мы пилим и пилим, надо торопиться, зимний день короток. Потом в мертвой тишине леса звонко раздаются удары топора. Здорово Аля научилась это делать. И снова мы пилим, стоя в глубоком снегу. Правильно ли дерево упадет или зацепится за другие и застрянет, не до конца поваленное, как уже не раз случалось? Но вот оно начинает медленно клониться и вдруг рушится, сбросив прямо на нас снежную свою шубу. Остается обрубить ветки и распилить. Все. Даже жарко стало. Но в какую же сторону теперь идти, где осталась наша лошаденка? Может быть, мы уходим все дальше вглубь? Опять бредем мы через сугробы, стараясь отыскать следы, а под ногой нет и нет дороги.

— Сюда, — кричу я, — лошадь здесь.

Заиндевелая, мохнатая, она стоит под большой елью. Быстро темнеет. А надо еще перетащить все бревна. Наконец, мы туго связываем воз и трогаемся — только бы лошадь потянула. В лесу мы не заметили, что снова налетел буран, и только теперь услышали, как шумят верхушки деревьев. Мы выехали из леса, но лошадь, сделав несколько шагов, остановилась — дорога исчезла. Где-то должны быть вежи, но их занесло, впереди ничего, за нами пока еще виден темный лес. Мы боимся волков, они подходят ночью к самой деревне. Аленушка берет лошадь под уздцы, я толкаю воз. Вот-вот под ногой укатанный снег, но дальше опять заносы, лошадь не идет, видно, сбилась с пути. Мы по очереди ее тащим, шагая то в одну, то в другую сторону, и только проваливаемся все глубже и глубже. Теперь мы уже совсем потеряли направление, лес за стеной падающего снега пропал, в какой стороне деревня, не угадать. А дома нас ждут мама, дети, они лежат там под всеми одеялами, в нетопленной комнате, с утра ничего не ели.

Мы не знаем, сколько времени мы плутаем, проваливаясь в снег. Ветер бьет в лицо, черную мглу прорезают густо и косо летящие белые хлопья, руки и ноги одеревенели, трудно шевелить обледенелыми губами, но мы все-таки кричим. И вдруг совсем с неожиданной стороны далекое — э-эй! Пять возов. Лошади медленно переступают, белые, как привидения, вожжи опущены, и привидениями движутся за ними люди. Они помогают нам выбраться на дорогу, мы от нее всего в двух шагах.

— Конь умный, он сам дойдет, — говорят нам. Теперь мы не одни.

— Но, но! — Наша лошаденка плетется последняя в обозе, и сани скользят по проторенной уже колее. Нас пугает тонкий далекий звук — это не ветер, кони прядают ушами и напрягают последние силы, чтобы скорее уйти от смерти, крадущейся по пятам. Страшно и коню, и человеку в поле в такую вот метельную черно-белую ночь.

Мы приехали в полночь. Мама, закутанная, стояла у ворот.

— Ну что ты волнуешься, мамочка, что могло с нами случиться? — Мы бодро улыбаемся, и, правда, все кажется уже забавным: знакомое поле, сразу за деревней, и вдруг заблудилась. Теперь скорее распилить, наколоть хотя бы охапку дров, и будет кипяток, и можно будет испечь ржаные сочни.

Вот уже в печурке затрещали оттаявшие сучья, и жар опалил обветренные наши лица. От всех мятущихся белых призраков за окном оградил нас священный огонь очага. Мы с детьми забираемся с ногами на большой топчан, на котором спим все в ряд, — как хорошо!

— Мама, ну, пожалуйста, расскажи опять что-нибудь о своей жизни, — просим мы. Эти рассказы мы могли слушать без конца...

* * *

...Наконец-то метели утихли. Днем уже пригревало солнце, на крышах повисла бахрома хрустальных сосулек — с них звонко и весело капает — кап-кап-кап, поля заблестели серебром подтаявшего снега, ночью его схватывал мороз, и легко стало ходить по крепкому насту, дальний лес почернел — по вечерам он четко вырисовывался на бледном зеленоватом небе. Все предвещало буйную и радостную весну...

Все живое радовалось наступающей весне. Меня так и тянуло на улицу — за порогом избы слепило глаза солнце, дурманил голову запах талого снега. Бедные мои дети должны были сидеть дома — обуви у них не было никакой. От этого сидения в избе, от недоедания даже Женины всегда розовые щеки побледнели, а Ириночка стала худенькой и вялой. Трудной и голодной была эта вторая весна нашей ссылки. От Жени пришло письмо, всего несколько строчек на клочке бумажонки, по ним я поняла, что он болен. «Я уже не лежу, — писал он, — но доктор меня на работу пока не отпускает. Спасибо за сухари, они спасли меня, если можешь — пошли еще». А у нас уже ничего не было. Картошка, заработанная в колхозе, съедена, давно снесла я на мельницу последнее зерно, и теперь мы пекли сочни из остатков муки. Как жить дальше? Идти работать в совхоз? Но там заработанных денег хватит только на выкуп хлебной карточки, оттуда все ссыльные мечтают удрать. А это непросто — сумели, кто получил справку о болезни. Одни устроились в колхозах в надежде заработать горох или зерно на трудодни, другие сидели по углам в чужих избах, шили или вязали из принесенной шерсти красивые кофточки — на это эстонки были большие мастерицы, и колхозницы платили им чем могли.

А сестру мою из совхоза не отпускали — она по-прежнему работала на лошадях. По пояс в снегу разгребая в поле непроторенные дороги, она добиралась до занесенных скирд и возвращалась домой уже в полной темноте, продрогшая и голодная. А в конце марта, когда под снегом потекли талые воды, проезжая речку, она провалилась с лошастью в полынью. Ее вытащили. Лошадь не поднялась — там ее и оставили. Двенадцать километров шла Аленушка домой по бесконечной белой дороге. Она простудила почки и у нее болели уши. Теперь она лежит, обернутая в компрессы, которые мама ей ставит. По ночам она мечется от боли. Приложив губы к ее уху, мама дыханием согре-

вает его, и тогда, прижавшись к ней, как в детстве, Аля, измученная, засыпает. Иногда она стонет во сне...

Снега стали бурно таять, побежали мутные ручьи, и запало в полях навозом. Скоро солнце просушит и согреет тропки. Днем они будут совсем теплыми, и деревенские рябятишки будут бегать по ним босиком. Скоро конец бездорожья. Но вечера пока еще прозрачно холодны. За окошком долго потухает заря. Аленушка, выздоравливающая, лежит, глядя на зеленоватое небо — вот-вот появится первая звезда. Детишки залезают к ней на топчан, и мы, забыв обо всем, что окружает нас, даже о голоде, сидим тихо-тихо, а в нашу темнеющую комнату по маминому зову входят тени прошлого, и вот уже опять перед нами разворачивается совсем иная, непохожая на нашу, жизнь.

* * *

...Я иду за телегой мягким осенним днем. Ни о чем не думая, с одним желанием — скорей, скорей дойти. А тощая лошадь едва плетется. На телеге лежат, покрытые старым ватным одеялом, две молодые девушки — наша Аленушка и Вайке — эстонка, золотоволосая и красивая. Может быть, тиф.

В районной больнице нет мест, и нам дали направление в глухое далекое село за двадцать километров от совхоза.

А еще весной нам казалось, жизнь чуть-чуть наладилась и все плохое позади. Когда сошли воды и дороги просохли, мы переехали в совхозный барак. Правда, там было очень неуютно, грязно и тесно, с нами в большой комнате ютилось еще несколько эстонских женщин, но встретили они нас приветливо, и здесь маму не пугали дикие Анины крики и угрозы. К тому же нам обещали перегородить отдельную комнатку. А летом мы почти не бывали дома — сестра после болезни работала на приемном пункте — с утра до позднего вечера ей приносили сдавать ягоды и грибы — такого жаркого урожайного лета давно не бывало, и Аленушка опять чуть лукаво и обаятельно улыбалась, не все ли равно кому — она была еще так молода, а кругом было не очень много радости. А мама, наша мама, которая всю жизнь вставала поздно, вдруг полюбила подниматься на заре, ей хотелось скорей-скорей на огород — нам выделили пару грядок — посмотреть, нет ли опять под большими росистыми листьями прохладных огурцов, а потом в лес, чтобы к вечеру принести полную корзинку крупной малины или оранжевых крепких рыжиков. Женя и Ириночка были со мной — я работала на детской площадке. По утрам матери приводили мне на целый день детишек со всего совхоза. Выходных не было, я была одна, и дел было по горло. Мы уже не голодали, как зимой, жили,

радуясь тому, что дает нам щедрое лето, не задумываясь о завтрашнем дне. Неизбежная осень казалась нам еще далекой. И вдруг пришла беда.

Ах, как медленно плетется лошадь. Нескончаема дорога. Кругом поля и поля. Солнце еще греет, но уже по-осеннему печальна тишина этих пустынных, затянутых серебряной паутиной полей.

Аленушка открывает глаза. Она смотрит на меня с тоской и молчит. А у Вайке на каждом ухабе голова мотается из стороны в сторону, глаза приоткрыты, но уже ничего не видят. На пустынной дороге мы встречаем путника, худого и оборванного. Он подходит, снимает свою смешную кепочку с бритой головы и молча кланяется. Это журналист из Риги, до войны он много разъезжал по свету, говорит на многих европейских языках. Теперь он рабочий совхоза, «сактированный», как говорят, по болезни из лагеря.

— Я, знаете, этого никогда не забуду, — эту встречу здесь в поле. — Он стоит на обочине и долго смотрит нам вслед грустными еврейскими глазами.

В больнице нас никто не встретил. Я бегала то к врачу, которая жила тут же, то к завхозу, умоляя принять сестру и Вайке — ведь у нас направление, не везти же умирающих обратно. Но завхозу надо было кормить свиней, а врач к себе не пустила:

— Если старшая сестра согласится, пусть принимает, а у меня выходной.

Старшая сестра нас, наконец, приняла. Уходя, — ночевать мне здесь было негде, — я увидела уже остриженные головы — на подушке лежала голова Вайке с чужим бессмысленным лицом и Аленушкина маленькая головка с большими испуганными глазами. Их положили без осмотра и диагноза в палату сыпного тифа, позже выяснилось, что у них брюшной.

Через неделю я добилась разрешения привезти маму. Мне показалось — без нее Аленка умрет. И опять, теперь уже с мамой, мы тряслись по ухабам и впереди бесконечно тянулись сжатые побуревшие поля. А вдруг поздно? Нас встретила сиделка.

— Ничего, не померла еще, хорошо, что ты мать привезла, нам-то возиться некогда, вишь сколько больных, всех не накормишь.

* * *

...Наконец-то мы все опять дома. Аличка стала поправляться, но мама была страшно худа. Тела у нее как бы и не было вовсе, ноги, как две палочки, торчали прямо из таза, и она так ослабла, что не могла ими передвигать. Всю долгую зиму лежа-

ла она, совсем маленькая, непохожая на прежнюю, в нашем холодном совхозном бараке, лежала, не жалуясь, ничего не прося и стараясь никому не быть в тягость.

А зима вновь отрезала нас морозами и выюгами от остального мира. Казалось, ничего больше не было за снежным пространством — мы одни остались в этом забытом краю. И те вести, что доходили до нас о далеких боях, о сметенных городах, о гибели людей, были лишь отзвуком давно отшумевших где-то событий.

Эту совхозную зиму нам скрашивали милые русские женщины, которых война забросила сюда из Ленинграда. Они очень полюбили маму, часто ее навещали, вспоминали Ленинград, делились своими невзгодами. У Ефросиньи Афанасьевны, директора эвакуированного из Ленинграда интерната, медленно умирала шестнадцатилетняя дочь. В темной избе, под шелковым стеганым одеялом, на всегда белоснежных простынях лежала она с восковым лицом, на котором светились большие скорбные все понимающие глаза. Она знала, что домой не вернется. «Мама, ты должна ехать с детьми, ты не плачь, что меня нельзя везти, я очень скоро умру, ты меня здесь похорони и поезжай», — сказала она матери за несколько дней до вызова интерната в освобожденный город. И мать, сберегая столько детских жизней, не сможет вырвать у смерти свою единственную дочь. Она похоронит ее в день отъезда.

Забегала к нам живая, энергичная завхоз интерната Елена Михайловна. Она никогда не унывала и работала не покладая рук. «Я уже ничего не могу понять, — говорила она мне. — Почему забрали мою племянницу Нинель, почему она в лагере, ведь ей всего восемнадцать лет, она была в оккупированной зоне, писала, что наши уже освободили их, и она скоро придет ко мне? За что же ее арестовали, как вы думаете, Евгения Павловна?» Что мама могла сказать? Нас самих всегда спрашивали — за что вы высланы? За что? Этот вопрос задавали миллионы людей, и ответить на него было невозможно.

Заходила к нам молодая красивая ленинградка, которая нашла здесь, в интернате, свою дочурку и приехала к ней. Она работала на почте и всегда с тревогой ждала писем с фронта от мужа. Наши войска наступали, но впереди были еще тысячи трудных дорог и боев. Потом, незадолго до победы, узнав о гибели мужа, безразличная ко всему, не притрагиваясь к еде, не отгоняя прилипчивых мух, долго будет лежать она в каморке за почтовой конторой с распухшими, как колоды, ногами, опустив желтые веки на красивые свои глаза. Уже уедут ленинградцы домой, когда она, одинокая, умрет в весну победы, оставив навсегда здесь, в детдоме, свою осиротевшую девочку.

Для этих ленинградонок мы не были ссыльными, мы были такими же, как они, одинокими женщинами. Нас всех объединяла оторванность от родных мест и горе. Их мужья умирали на фронте, наши — в лагерях. Мы одинаково боролись здесь с нищетой, голодом и смертью. Я почувствовала себя счастливее от их теплых улыбок и добрых слов — «вы нам так нужны, Татьяна Борисовна», и это были не только слова. Ефросинья Афанасьевна выхлопотала мне в МГБ разрешение работать у них в интернате, и уже в декабре — это была третья зима нашей ссылки — я ставила ребятам к Новому году танцы и пьески, которых у нас не было и которые приходилось сочинять самим.

А в марте меня вдруг послали в Паутово. Там организовали детский дом для осиротевших и беспризорных детей. «Там нужны люди, — сказали мне в районо, — и ваши дети будут на питании». Сестре предложили быть там бухгалтером, но ее отъезд пришлось отложить — у нее был жар, и то ли от простуды, то ли от недоедания распухли и кровоточили десны, она не могла ни есть, ни разговаривать. Мама оставалась с ней, а я, погрузив ребят и вещи на розвальни и попрощавшись с дорогими ленинградскими друзьями, отправилась в новый путь.

Деревня Паутово угадывалась по вечерним и утренним дымкам да по верхушкам нескольких тополей. С дороги ее не было видно — она открывалась за оврагом, поросшим густыми темными елями. Среди приземистых, в три окна, бедных избенок высились два пустых двухэтажных дома. Было что-то обреченное в их облупленных стенах, их разбитые окна глядели невесело. Станут ли когда-нибудь эти унылые дома приветливыми и родными для новых маленьких жильцов?

В Паутово никого из ссыльных, кроме нас, не было. «Вот скоро кончится война, — говорили нам, — увидите с мужьями, уедете». Но многие высланные семьи остались уже без мужей и отцов, и каждый новый день мог быть последним для тех, кто пока еще жив. А я все ждала и верила — Женя вернется. По-прежнему мы ходили в Лебяжье за двенадцать километров «отмечаться».

Хорошо побыть целый день одной. Идешь, не торопишься, можно смотреть в небо, можно прикрыть глаза и слушать ветер, можно заглянуть в себя — накопилось ли что-нибудь в душе или все растеряно и пусто. Мне всегда легко шагало по земле. По солнечным слепящим мартовским дорогам, когда ступаешь по крепкому насту — под ним уже вода, — земля просыпается, дышит, вокруг еще белые поля, а поднимешь голову — на тебя опрокидывается синее небо. А еще лучше дороги в майские дни. По мягкой земле идешь, как невесомая, и такая радость от красоты, что сжимается сердце. В зеленой дымке рощи пушисты и ласковы

ветки ольхи, прозрачны березы. Ликует земля. А позже, когда цветет черемуха, большие деревья, как белые острова, светятся среди зеленого моря, далеко разносится ее аромат, и радость уже оборачивается грустью — почему недолговечно прекрасное? И чтобы продолжить чудо, я срываю большие нежные ветки и несу их домой. Ночью их запах воскресит прошедшее.

В Паутово время шло быстро. Растаяли снега, отивела и черемуха. Работы было у нас много. Каждый день из Кировского детприемника привозили детей с шершавой от голода кожей, вздувшимися животами, тоскливыми недетскими глазами. Были дети из освобожденных от оккупации далеких краев, были из здешних мест, дети без крова, без родителей, отвыкшие от ласки. Хватит ли у нас тепла для них? Раскроются ли когда-нибудь их замкнутые недоверчивые сердца? Сколько искалеченных жизнью детей!..

Сейчас у нас здесь одна забота — отмыть, накормить, уложить. Мест не хватает, спят по двое — и где только раздобыли такие! — на койках и на полу. Одежд мало. Простыней нет, а главное, не хватает хлеба. Обедая, дети прячут хлеб, чтобы унести с собой и съесть, наслаждаясь потихоньку, когда никто не видит. А на обед каждый день заваруха. Иногда она очень горькая, попадаетесь полынь, и все же со всех сторон — прибавку можно? — и от этой прибавки веселеют глаза и розовеют щеки. Неутомима самая молоденькая воспитательница Лида, она моет, обшивает оборванных малышей, пашет землю, копает картошку, учит первый класс. Она ухаживает за ребятами, когда они болеют корью, которая унесла ее младшего братишку. Три ее сестры слушаются ее как маму, ведь она у них одна...

Всю весну в Паутово мы с мамой, Аленушкой и детьми ютились где придется, и как же были рады, когда неожиданно обрели целый дом. Кособокий, пустой, заколоченный, почти вросший в землю, он стоял на самом краю деревни.

— Хозяйка в тюрьме, — сказал председатель колхоза, — может, и не вернется вовсе. Живите пока летом, а там видно будет. В затхлой темной избе неуютно, в углу куча хлама, окна забиты досками, закопченная печь развалилась. Но можно жить в клету, там прохладно, в вырубленное в стене отверстие виднеются поля и синяя полоска леса. Когда мы с Аленушкой все выскребли, вымыли и привели маму и детишек, у нас было хорошо, как на даче, — на топчанах мешки с душистым сеном, на табурете — букет полевых цветов.

— Ну и чудесно, — улыбнулась мама. — Вот увидите, здесь я быстро поправлюсь.

Была одна беда: если ночью дождь, мы путешествовали с одного места на другое, переносили спящих детей и не находили

ни одного уголка, где бы на нас не капало. Но в ясные ночи на нас в щели глядели звезды, а по утрам на стене играли золотые лучики. Двор порос густой высокой травой. Здесь Ириночка шаг за шагом учила свою бабушку вновь ходить, и обе радовались теплу и солнцу. А в середине лета мама ходила уже без палочки и даже ухаживала за огородом, который мы тут же вскопали. Была она еще очень худа, но по-прежнему красива, с белыми, пышно вьющимися после тифа волосами. И держалась прямо, как всегда, — ничто в жизни не могло ее согнуть.

Время шло и приносило все новые и новые события. Один за другим освобождались от врагов города нашей земли. Эти большие события определяли судьбы многих маленьких людей, завтрашний день которых был предрешен не ими. Еще дымные зори вставали над Таллином, но небо уже не сеяло смерть. Жизнь начиналась вновь. Нам никто не писал, может быть, боялись, да и не знали, где мы. Аленушка все же написала в редакцию «Советской Эстонии», которая вернулась в Таллин из Челябинска, и неожиданно получила вызов. Теперь надо было действовать быстро. С этим вызовом на авось она решается ехать в Киров. Мы прощаемся, быть может, надолго.

Теперь мы остаемся вчетвером. Уже по утрам серебрятся крыши и земля звенит под ногами, надо перекочевывать в избу, хотя и там тянет холодом из разбитых окон, а развалившуюся печь нельзя топить.

Ночью мы лежим на сдвинутых топчанах, согревая друг друга. Как долго тянутся эти ночи. Я не сплю, у меня болят зубы. Что это за шорох? Крысы? Я срываю с головы старую вязаную кофту, теперь я хорошо слышу — кто-то шарит в сенах, потом дергает дверь.

— Кто там? — шепотом спрашиваю я. Кричать страшно.

— Ну чего еще там замкнулись, отмыкай, не бойсь, хозяйка я.

— Сейчас, сейчас. — Я зажигаю коптилку, из темных сеней юркает закутанная в тряпье, похожая на высохшую крысу старушонка.

— Зябко на улице. А вы-то, поди, думали, я не приду, ан вот и я. Залезли тоже. Гнать теперь вас буду. — Она задувает коптилку и вдруг, встав посреди избы на колени, в темноте стукаясь лбом, шепчет слова странной и страшной молитвы: «Господи владыко, пошли им муки мученические, пусть горят они, не сгорают на вечном огне, а дети их пойдут по миру и стгнут во чужой земле». Хриплым шепотом она просит Бога послать еще и еще на каких-то обидевших ее людей болезни и язвы, и голод. Наконец, она ложится в углу на свой хлам, который мы чуть было не выбросили, и долго еще жует сухарь, ворочается.

Наутро заболела Ириночка. Она кашляла, ее сильно знобило. Еще одну ночь ночевали мы со старухой. Опять бессонная, вставала она, шарила в темноте, потом бухалась на колени и, кладя поклоны, жаловалась своему страшному богу, призывая кару на врагов своих.

Ириночка лежала в жару. Надо было во что бы то ни стало уходить. Нас приютит у себя детдомовский конюх, литовец, в подвальной каморке кирпичного дома.

— У вас детишки, а здесь тепло. Я ничего, я не помешаю, на родину скоро уеду — обещали. — Он приходил поздно, на цыпочках, чтобы нас не разбудить, укладывался на полу у самой двери, а утром мы его уже не видели. В начале зимы он куда-то пропал. Исчезла из деревни и старуха, неожиданно, как и пришла...

К нам в каморку, занимая почти все пространство, выходила из соседнего помещения, которое называли пекарней, огромная печь, ее топили два раза в неделю, когда пекли для детдома хлеб... Здесь, на этой печи, Ириночка пролежит, не вставая, всю долгую зиму — воспаление легких, потом корь, потом опять воспаление легких. Будут приходить колхозницы, сокрушенно причитать и хоронить ее. «Уж прибрал бы господь поскорее, чего ей маяться». А мама будет неусыпно сидеть рядом, охраняя ее от смерти, любовью и лаской поддерживая в ее маленьком истощенном тельце еле теплящийся огонек. Здесь, в этой подвальной каморке, доживем мы до весны, до долгожданной весны, которую слишком многим уже не суждено будет встретить.

* * *

...Зимними вечерами собираются детдомовские девочки в своей большой холодной комнате. Держась за спинки коек и подоконники, в пальто, в валенках, они приседают под скрип старой граммофонной пластинки.

— И-раз, и-два, да поднимайте же выше пятку.

— Не можем, Татьяна Борисовна, в валенках.

— Ну, разогрелись ноги, снимайте валенки. Батманы по пятой позиции, тяните, тяните носок. А колено куда?

Кроме упражнений мы разучиваем к Новому году танцы. Хорошо еще, что у нас есть патефон. Эти милые девочки без усталости готовы заниматься — все это для них необыкновенно и празднично. Готовим мы еще и спектакль. Сами инсценировали неумирающую «Золушку», у нас красивый принц, нежная Сандрильона, смешные злые и сварливые сестры. И самая большая награда для нас — слезы в глазах пожилой ленинградки, председателя комиссии, захавшей к Новому году в нашу белую глушь. А после спектакля мы все, конечно, танцуем вокруг елки, и дети

уносят с собой, даже не решаясь раскрыть — такая это драгоценность, — крохотные кулечки с конфетами и белой булочкой. Для многих девочек и мальчиков это первая в их жизни елка.

* * *

...Маленькое окошко нашей каморки в полуподвале каменного холодного паутовского дома в эту зиму совсем запорошило снегом. Войдешь — и с белого морозного дня ничего не видно. На огромной печи — чело ее выходит в соседнюю комнату — вот уже три месяца лежит моя Иринка. Теперь ее не мучают больше компрессами и жара у нее уже нет, но она не поправляется. Она лежит очень маленькая и покорная, и эта покорность пугает больше всего. Ничего ее теперь не радует и не огорчает. Она так слаба, что не может сидеть, и почти не разговаривает. Головка ее качается на тоненькой шейке, и страдание отметило ее лицо скорбными морщинками у рта, по две с каждой стороны. Мама от нее не отходит. Она кормит ее с ложечки, рассказывает удивительные истории о своем и нашем детстве...

А доктор из детского эвакуированного санатория, в четырех километрах от нас, приходит к нам через день, шагая через почти непроходимые сугробы. Она спасала и вывозила из голодного и блокированного Ленинграда больных детей, теперь она спешит на помощь к каждому, кто в ней нуждается, — что ей мороз и выюги! «Ну, веселей, — говорит она, — вот мы достали сульфидин, и теперь нам ничего не страшно». А потом она вынимает из бумажки несколько драгоценных кусочков сахара. «Поправляйся, Ириночка, скоро Новый год, у тебя, наверно, будет елка и Дед Мороз принесет подарки».

Елка! Конечно, она была у нее, как и во все годы ссылки. Маленькая, очень пушистая и густая елка, которую я нашла в лесу и срубила. На ней висели смешные бумажные куколки и горели свечи, самодельные, восковые, и Ириночка с Женей, как и все дети в детдоме, получили кулечки, — они были очень некрасивые, склеенные из старых газет, но в них было несколько конфет и булочка из белой муки. И еще Ириночка получила куклу. Правда, я сшила ее из тряпок, но у нее были ноги, руки и голова и нарисованные рот и глаза. И, как и каждый год, был у нас праздничный стол — хлеб с медом, ржаной пирог со свеклой, кофе из овса. Только на этот раз не было с нами Аленушки. Ириночка, свесив головку, смотрела со своей печки на елку. Если бы могли эти маленькие свечи зажечь радостные огоньки в ее равнодушных глазах. Все же она улыбнулась и елке, и кукле, и конфетам. Потом, усталая, положила опять голову на подушку. Быть может, в эту ночь она увидит себя во сне здоровой и веселой у нарядно украшенной елки, вот точно такой, какая

была у нас в Таллине, когда ей не было еще года, и она, как и Женечка, тянулась с папиных рук к увиденным впервые живым и трепетным огонькам.

* * *

...Весной, солнечной, с голубым снегом в оврагах, с веселым перезвоном капли, к усталым людям пришла надежда. Скоро конец войне. Но пока жить еще очень трудно. Нет зерна ни в колхозе, ни у нас в детдоме. Если не дадут в райцентре на посев, нас всех опять ждет голод.

Ранним утром мы выходим в Лебяжье. Нас десять женщин. Мы все обуты в лапти, на салазках у нас порожние мешки. Мы шагаем по крепкому насту — еще нет весеннего бездорожья. Вот где-то впереди такая же цепочка женщин, впряженных в салазки, а там еще и еще. Значит, везде так — сдали осенью зерно, не оставив на посев. Надо торопиться, не так уж длинен мартовский день, а идти нам туда и обратно двадцать четыре километра. По светлеющему небу уже угадывается утренняя зоря, от высокого берега Вятки на нашу падает тень, а за рекой, на том отлогом берегу, в морозном тумане леса и леса. Скоро ослепительно засверкает снег, полоса леса станет синей, солнце расплавит местами лед на реке.

Обратный путь нам не кажется трудным — дорога уже утоптана, только изредка нога проваливается в мокрую кашку, горит лицо от мартовского солнца, дышится легко — нас радует груз на салазках — наш будущий хлеб. Еще только один подъем с реки, а дальше, за единственной на пути деревней, — все полями и полями. Вот уже полосу вечерней красноватой зари прострочили вдали тонкие дымки — к ночи морозно, и в некоторых избах затопили подтопки. Тропинка спускается в темный, поросший елями овраг — снова поднимаемся, и мы дома.

Мой грустный дом, и все-таки дом, где меня любят и ждут. «Бабушка, а скоро мама придет?» И, наверное, уже сварили картошку, и есть кипяток, и есть хлеб. А может быть — с этой мыслью я всегда возвращаюсь домой — может быть, меня ждет письмо. Давным-давно не получала я этих странных по содержанию, коротких писем из лагеря: «жив, получил от тебя сухари, гороховую муку, большое спасибо, пришли, если можешь, еще. Целую вас всех, твой Женя». Вот и все. И все же от этих слов на душе становится тепло и спокойно. Жив. Будет жив. Увидит меня и детей. Скоро, теперь уже скоро.

Но письма не было, а дети, конечно, еще не спали. Мама ставит на стол глиняную миску с картошкой, — ах, как она вкусна — потом мы завариваем чай из сушеной малины.

— Можно мне тоже к вам вниз, — просит Ириночка. С

печки мы еще боялись ее спускать — нашу каморку солнце не прогревало, и внизу было холодно, как в погребе. Укутав в одеяло, мама берет Ириночку на колени, от горячей картошки чуть розовеет ее прозрачное лицо. Но очень скоро она устает, и пушистая головка ее склоняется на мамино плечо.

— Пойдем спать, Ириша.

Я залезаю с детьми на огромную нашу печь, мама спит внизу, как бы холодно ни было, и после долгого пути на морозе засыпаю без мысли, с одним чудесным ощущением дома, тепла и сытости.

Скоро весеннее распутие отрезало нас от всего мира. Детдомовские дети уже не ходили в соседнее село в школу — дорога шла через реку, лед покрылся водой и трещал под ногами. Но вести доходили до нас без дорог, и были они тревожно-радостны — победа была близка. Уже наши войска подходили к Берлину — к «логову фашистского зверя», как писали в газетах, и городу, который столько лет посылал смерть и разрушение во все концы Европы, суждено было пасть. Но в этот далекий край, не сожженный пожарами, не залитый кровью, в эти заброшенные деревни и села победа пришла не ликованием освобожденной земли, а только тихой надеждой на лучшую жизнь, на встречу с любимыми. Да у многих женщин не было и этой надежды — они больше никого не ждали.

Наконец-то, думали мы, вернутся из лагеря мужья, и нас, конечно, отпустят домой — ведь победа должна принести радость всем живущим на нашей многострадальной земле. Разве можно было поверить, что мы здесь навечно. На нашем ссыльном удостоверении стояло «спецпереселенцы» — что такое это таинственное «спец», мы не знали. Называли нас и «административно высланные». Это уже звучало лучше, но тоже ничего не объясняло. Известно было одно: мы высланы бессрочно — это значит, на всю жизнь, даже дети наши отсюда не выедут. Мы этому не верили, но дни проходили за днями, а вестей ни об амнистии заключенных, ни о нашем освобождении не было.

Настали по-летнему теплые дни. Ириночка уже выходила. Она сидела с бабушкой на завалинке перед домом, не играла, только смотрела, как хорошеет с каждым днем мир. Была она еще очень слаба — как-то дунул, казалось, такой нежный, веселый ветерок — и вечером у нее опять поднялась температура. Неужели третий раз воспаление легких? Не было больше дорогого нашего доктора — детский санаторий уже уехал в Ленинград. Надо было везти Ириночку в районную больницу.

Дорога шла бескрайними полями. Совсем недавно шагали мы здесь, таща за собой салазки с зерном, и белый снег слепил нам глаза. Теперь нежно и прозрачно зеленела даль, грело солн-

це. Уплыли куда-то все связывающие меня детдомовские заботы и обязанности. В этих полях мы остались вдвоем с моей девочкой, это бывало так редко, а ей, маленькой и беспомощной, нужны были не только врачи и лекарство, но и моя любовь.

В больнице, той же, где лежал когда-то больной дифтеритом Женечка, мы опять были среди взрослых и тяжело больных. Мы спали на одной койке, и днем Ириночка не отпускала меня от себя. «Мама, посиди рядом, расскажи что-нибудь. Или нарисуй мне домик и речку, и еще цветы». Глаза ее с каждым днем смотрели веселее — она поправлялась. В открытые окна палаты улыбалось солнце, по синему небу плыли совсем уже летние облака. Мы выходили в сад, смотрели на распутившиеся деревья, на полноводную мутную Вятку. «Мама, видишь, пароходик плывет. Вот на таком пароходике скоро придет к нам папа, правда?» В эти дни мы были с ней очень близки. С годами все реже и реже открывалось мне ее сердце, а потом — но это случится еще нескоро — оно замкнется навсегда.

Из больницы мы вернулись к большим сборам — наш детдом переводили в Окунево. Из окуневского интерната, в котором я так недолго работала, уже увезли детей в Ленинград, чтобы отдать их матерям и отцам. Увезли не всех. Те, у которых погибли родители, навсегда остались здесь, в детдоме.

* * *

...Вероятно, это был первый спектакль в далеком районном селе. Солнечным зимним днем прикатили мы на розвальнях с гурьбой взволнованных детдомовских ребят в тот самый недостроенный деревянный клуб, в который пять лет тому назад нас, усталых и растерянных, высланных из Эстонии женщин, привезли и заперли. Тогда в дверях, не выпуская никого, дежурил милиционер, а с утра приехали вызванные сюда за рабочей силой председатели колхозов и директора совхозов.

— На кой шут нам нужны такие работники, — и они смотрели с жалостью и презрением на девушек в модных измятых платьях, на бледнолицых молодых женщин с детьми, на испуганных, измученных дорогой бабушек.

Теперь все было иначе. Бегал директор клуба, стараясь угодить, заранее пришли, предлагая помощь, учителя и работники роно. А вот и знакомые лица — Анна Курвиц, с которой мы в начале ссылки копали глину и работали в поле в деревне Фоминых. Теперь она здесь, в Лебяжье, преподает в средней школе. Портреты вождей, украшающие фойе клуба, написаны рукой жены епископа Рахамяги, она, кажется, тоже пришла. А вот еще эстонка — врач из детдома. Я спрашиваю о других. Да, не всем повезло, многих увезли куда-то дальше, некоторые по-прежнему работают в каких-то колхозах.

У нас почти все готово. Декораций нет, лишь яркие и веселые витые колонны из картона обрамляют сцену, которую недолго превратить в царский терем, поставив вместо мужицких лавок — трон, или в — пустынный берег — заменив этот трон картонным камнем. Зал гудит ребячьими голосами. Пора начинать. Но только открыли занавес, погас на сцене свет — тока нет. Не беда — вот из всех соседних домов уже несут керосиновые лампы-молнии. Ну, теперь, кажется, все. «Начинайте, начинайте!»

Сколько бессонных ночей, сколько волнений. С каким увлечением мы писали с мамой сценарий чудесной сказки «Конек-Горбунок». Уже не тянулись, как раньше, зимние недели, месяцы, они летели, и каждый день приносил новое. Мы репетировали. С большим трудом мастерили костюмы. Выпросили в районе красный ситец. В больнице нам дали марли, красили ее оранжевым стрептоцидом, луковой шелухой, а бумагу — этот драгоценный дар мы получили в роно — желтым акрихином. Вырезанный из нее орнамент клеили на красный кумач — чем плох шитый золотом боярский кафтан!

...Вот идет четвертая картина — в красной рубаше, крадучись, выходит Иванушка, он притаился, сейчас-сейчас поймает он жар-птицу. А стайка птиц, шелестя оранжевыми бумажными крыльями, танцует на освещенной керосиновыми лампами поляне. Вот одна из них, самая красивая, подошла к корыту с зерном. «Не зевай, — кричат из зала, — хватай ее, хватай!» Иванушка подползает и — р-раз! — у него в руках трепещет пойманная жар-птица.

В зале после напряженной тишины шум: кто радуется — молодец! — кричат, но многие жалеют красивую птицу. Где-то там, на невидимой площади, кипят котлы. Царь — он уже давно вызывает неприязнь и насмешки — в нетерпении отталкивая Царь-девицу, спешит полюбоваться Иванушкиной казнью. Но почему за сценой радостные крики? К ним уже присоединяются взволнованные голоса зрителей: входит Иванушка — да какой красавец! И ликование уже беспредельно, когда кто-то выбегает с вестью: «Царь сварился!»

Конеч. Кричат: «Давай еще!» Требуют продолжения.

* * *

...За селом поднялось длинное облако пыли — видно, там прошли машины. И вот, наконец, освещенный сзади утренним солнцем, темным силуэтом на дороге человек. Он кажется очень высоким, может быть, от худобы. Идет он тяжело, медленно, странно прихрамывая на обе ноги. Я не бегу ему навстречу. Стою и жду. Вот он приближается, весь серый, в коротком сером ватнике, в рваных запыленных обутках на деревянной подошве, с

серым мешком за плечами, к которому привязана какая-то жестянка, с серым, странно серым лицом. Женя, Женя, неужели это ты?

Дети встретили его дома. Они не знали, кто этот чужой человек. Наверное, в их представлении папа был совсем другой. Они, чуть стесняясь, подошли поцеловать его, и я увидела, как он отвернулся. Он кашлял. На грязной тряпочке, которую он поднес к губам, расплылось яркое пятно — кровь.

Каким чудом доехал он сюда, уже совершенно больной... Билет ему выписали до Кирова, дальше до места ссылки по Вятке, но река обмелела, и пароходы к нам ходили только из Котельнича. А как туда добраться? Раз нет направления, в кассе билет не продадут, нечего даже и разговаривать. Что ж, остается вскочить на подножку уходящего в Котельнич поезда. Рядом, держась за поручни, тряся еще какой-то бродяга или лагерник, кто его знает. Дождь хлестал по лицу, мелькали шпалы, кружилась голова, тело боролось с ветром, ооченевшие руки слились с железом. Оторваться от поручней — смерть. В Котельниче за последний Женин кусок хлеба безбилетный сосед-оборванец угостил его глотком водки.

— Хотя я и провалялся больной еще три дня на пристани в ожидании парохода, эта водка спасла меня, — говорит Женя.

Теперь он дома. Светит солнце, топится деревенская банька. На столе огурцы, горячая картошка, хлеб, молоко. Он ест осторожно, бережно сгребая со стола в ладонь все оставшиеся крошки. Широко и нелепо болтается на нем черный костюм — единственный, который я ему сохранила. Весь день он странно неразговорчив, и помутневшие глаза его смотрят устало и отчужденно. Ночью с его худого лица стекают струйки пота. Я глажу его волосы — когда-то блестящие, темные и гладкие, они стали тусклыми и нелепо торчат на недавно бритой голове. Даже когда мы остаемся одни, Женя молчит. Но это лучше, потому что чужим стал его голос, глухой и тихий, и совсем хрипло и страшно звучит теперь его когда-то легкомысленно-картавое «р». Туберкулез легких и горла. Это началось давно, там, в лагере. Но он держался. Он прошел, как во мгле, еле передвигая больные от холода ноги-палки, шаг за шагом весь свой страдный путь. Съеденные голодом мускулы на ногах уже никогда не нальются силой, останутся и другие знаки... «Но я не хотел, не мог умереть, я думал о тебе, о детях, во что бы то ни стало я должен был вернуться домой к вам»... Всю зиму Женя пролежал в нашей маленькой комнатухе, отвернувшись к стене.

Мы хлопочем. Пишем — ах, уже столько раз писали! — в Москву, во все высшие инстанции, шлем характеристики, справки, бумаги, бумаги... Мы верим и ждем. И все же неожи-

данным, невероятным чудом кажется повестка, которую нам приносят в метельный февраль день 1947 года, — нас вызывают в районный центр, наша семья освобождена от ссылки.

На рассвете с попутным обозом отправляемся мы с Женей в Лебяжье получать удостоверения. Обратное, пятнадцать километров, идем пешком. В поле на свободе носятся снежные вихри, ветер крутит их и завивает, они рассыпаются и, взвиваясь вновь, летят нам навстречу, залепляя порошей глаза. Как линия укрепления, которую надо преодолеть, пересекают нам дорогу высоченные сугробы. Ну и намело! Снег забился в валенки, я еле переступаю и только иногда оборачиваюсь — как Женя? Не упал ли?

— Не останавливайся, иди, — тихо говорит он. — Я ступаю по твоим следам.

Дома он сказал, что один никогда не дошел бы.

Вот и конец ссылки. Сборы у нас недолгие. Уже люди приходят прощаться, говорят душевные слова — «как мы теперь будем без вас, Татьяна Борисовна, кто будет ставить детям спектакли, танцы. Может, останетесь?» Приносят нам на дорогу кто масло, кто шанежки. В детдоме выписывают на неделю хлеб, горох, даже немного сахара. «Неужели вы, правда, от нас уедете?» — спрашивают детдомовские ребяташки. Да, для них тут дом, и меня они считали своей...

Навсегда расстаемся мы с тихими просторами полей, с неприхотливыми людьми, привыкшими к тяжелому труду, и потом... мы уже редко будем вспоминать этот бедный край, uteшавший нас когда-то лесными душистыми тропами, бескрайними полями, тихими зорями и весенним запахом пробуждающейся земли. Ну, все готово, пора. В путь, путь...

Е.А. ДЬЯКОНОВА

КОРКА ХЛЕБА

Я в войну не стала сиротою,
Надо мной не рвали в клочья небо.
Мне на память брошена войною
Корка хлеба...
С отрубями, черная, мякинная,
Слаще всех пирожных — всех сортов!
Искушение горькое, невинное
Для глотавших слюнки детских ртов.
Я бралась за книжки, за игрушки,
Чтобы удержаться, не «куснуть».

Прятала до ночи под подушку,
Знала: не поевши, не уснуть.
...Сколько лет, а мне все корка помнится,
Снова вижу — расступилась мгла:
Детство. Ночь. Голодная бессонница:
Корку в этот день не сберегла.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕТИ

В войну здесь жили дети Ленинграда.
В тот черный год наш край их приютил.
Ребят, спасая от кольца блокады,
Под бомбами везли в глубокий тыл.

Нет, это было наяву, не в книжках.
Я помню незнакомый раньше страх,
Когда несли ровесника-мальчишку
В крест-накрест окровавленных бинтах.

А с парохода в предвечернем свете
Шли сквозь испуг толпы и тишину
Сурово, молча — дети,

дети, дети,
Которые у в и д е л и в о й н у.

Надолго разучились улыбаться.
В глазах — навечно 41-й год...
Как надо было бережно касаться
Израненных ребячьих душ сирот!

Они росли под нашим тихим небом,
И домом стал для каждого детдом:
Делились вятским небогатым хлебом,
Отогревались сердцем — не теплом.

Ушла война. И разлетелись дети
Из временного тесного гнезда.
Мы их теперь и не узнаем, встретив,
Не возвращаться больше им сюда.

В душе — рубцы военных испытаний.
И внукам, что родились в мирный день,
Наказывают не забыть названий
Тех вятских городов и деревень.

В.С. БАКИН

ДЕТДОМОВСКИЕ СОРОКОВЫЕ

Сиротство, детдомовщина не обязательно являются следствием войны, но война непременно приводит к сиротству. Здесь связь прямая. В свое время, просматривая архивные материалы, я сделал такую выписку из отчета сектора детских домов Кировского областного отдела народного образования (облоно) за 1945 год: «В 1940 году в области было 24 детских дома. В 1941—1942 годах из Ленинграда и Ленинградской области эвакуировано 43 детских дома (5917 детей) и 173 интерната (20 488 детей). По данным на 1 января 1945 года, в области 208 детских учреждений. Кроме того, имелось 10 ведомственных интернатов (655 детей) и 30 инициативных колхозных детдомов (1407 детей). Из общего числа детдомов — 5 специального назначения: два детдома для латвийских детей, два — для польских, один — для литовских, а также одиннадцать детских домов для детей, родители которых погибли при обороне Ленинграда...»

...В маленькой деревушке, в крупном районном центре — мне повсюду рассказывали о том, что в войну располагался здесь детский дом или эвакуированный школьный интернат. И как много было вокруг сирот.

«...Сироты. Вот, помню, ночью я уж спать собралась, а тут слышу: кто-то в дверь толкается. Потом слабый девчоночий голос разобрала: «Пусти, тетенька, переночевать. Я одна, никого больше нет...» Девчушка та — у нее и отца, и мать убили — все проела, одна простынь и осталась на руках еще для обмена на продукты. Три деревни до нашей обошла она — нигде ничего не дают, не пускают на ночлег... У меня у самой ничего лишнего нет, но как ребенку откажешь — сколько-то хлеба дала, сколько-то картохи. Пусть немного, но все же есть что на зуб положить...» (Александра Васильевна Кочкина, жительница с. Мулино Нагорского района, солдатская вдова).

Ленинградские малыши. Московские, смоленские, белорусские, прибалтийские... Да разве назовешь всех, кого приютила, обогрела в то тяжелое время родина моя — земля вятская. Разве подберешь слова, которые хотя бы отчасти характеризовали то, что сделали во имя спасения сирот вятские горожанки и крестьянки. Не все можно выразить словами. Вот и ленинградские матери, встречая после снятия блокады возвращающихся из эвакуации детей, много не говорили. Перед сопровождающими эшелон кировчанками они опустили на колени.

«...Обидно. Я уже пожилой человек, но не знаю ни своего года рождения, ни места рождения. Не знаю, как звали моих

отца с матерью... Да, я пишу во всех документах, что я белоруска, что отчество — Ивановна. Так и живу: с выдуманной национальностью, с выдуманным отчеством... Да, мы в детском доме были и одеты, и накормлены, нас учили грамоте, музыке. И все же, все же... Я сейчас нередко думаю: кем бы я стала, если бы война не забрала мое детство...» (Надежда Ивановна Малявка, Винницкая область).

Война, голод и слезы. Как хочется все это забыть, да не забывается. Обжигает память. Нельзя и нам, послевоенному поколению, забывать о том, что было. На то мы и люди.

...С середины 80-х хранится у меня повесть Идилии Овчинниковой «Дорога в детство». Как попала она в руки, по какой счастливой случайности, точно не скажу, но с той поры имя автора в памяти осталось...

«...Нина достала полиэтиленовый пакетик из сумочки и осторожно вынула посеревший и пожелтевший от времени лоскут с вылинявшим, расплывшимся текстом: «Люди добрые Помогите сиротки Нины Огородниковой 10 год. Добраца до Кировской обл сел Шестакова Ленинградский интернат...»

Вот с таким потрясающим, пришитым накрепко к рукаву шубы путеводителем добиралась десятилетняя девочка до своего интерната... Это лишь маленький отрывок из повести. И таких эпизодов — как добирались до интерната, как нелегкую свою жизнь строили — у автора много. Но, пожалуй, даже не это заставляло вчитываться в каждое предложение, в каждую страницу. Главное для меня заключалось в том, что о Кировской области шел рассказ, о моих земляках — вятских крестьянках и горожанках, об их незаметной героической работе по спасению сирот. Мог ли я предполагать, что пройдет какое-то время, и встретимся мы с Идилией Ганеевой Овчинниковой. И не просто посидим, поговорим в тиши редакционного кабинета, но и предпримем попытку добраться до села, где находился эвакуированный интернат.

...А дорога такая: размытая многодневной непогодой — дождь-то вон не прекращается, разбитая мощными тракторами, что не езда по ней — мучение одно. А деревни Конкино нет уже, да и в Башарове едва ли кто живет, если одна-две семьи только, остальные подались на центральную усадьбу совхоза. И домов целых, считай, не осталось: одни развалились, о других лишь поросший травой фундамент напоминает. Что вспомнишь там, что узнаешь? Так отсоветовали, отговаривали, да разве причины это, чтоб остановиться, обратно повернуть, когда позади тысяча километров: далек город Ленинград от Кировской области, а осталось едва ли километров тридцать. Да и когда еще такая возможность выпадет, чтоб от работы свободна и

болезни в сторону отошли. Что бы ни случилось, что бы ни стало препятствием, а надеялась Идилия Ганеевна: доберемся, увидим те места, куда эвакуированы были ленинградские дети, где находился их интернат, называвшийся сначала Башаровским, а потом с переводом в Конкино — Конкинским, где прошли три памятных года.

Так и ехали от районного центра — города Слободского: дождик поругивая да колею глубокую на дороге кляня. Добрались до села Совье, дальше узик нам уже не в помощь: хоть и сильная машина, а и для нее не все пути посильны. Дальше только трактором. Можно было, конечно, и пешком — семь километров остаточек, только это по асфальту немного или по накатанной грунтовке, а когда грязь по колено, тут и молодому нелегко.

Трактор нам совхозное руководство обещало. Пока же становились у Федора Андреевича Долгих. Жена его, Татьяна Яковлевна, в военную пору привечала ленинградских ребятшек, поила молоком. Если что у ребят было, какая надобность, тоже к ней шли. Как говорят: ждать и догонять — самое трудное. Вот пока трактор ждали, чтобы как-то время занять, разговорились Идилия Ганеевна и Татьяна Яковлевна, вспомнили то время. Больше, пожалуй, Овчинникова вспоминала: девять лет ей было, когда привезли сюда из сражающегося Ленинграда, а что в детстве видел, пережил — на всю жизнь память. Вот ее рассказы.

Колина фамилия

Со станции Лычково мы уезжали с последним эшелон.

Перед этим разбомбили состав, в котором находились дети Дзержинского района Ленинграда, уцелело всего несколько десятков малышей... Бомбили часто, когда же в эшелон стали грузиться мы, немцы с самолета выбросили десант. Что тут началось, словами не передать. Крики, паника, беженцы устремляются к составу, бросают вещи, которые успели захватить из дома. А видя, что в вагонах мест нет, молили об одном — увезите детей.

Рядом с нашим вагоном лежала убитая молодая женщина, около нее присела на корточки и кричала девочка лет трех. Когда поезд тронулся, Коля Таранов выпрыгнул, схватил девочку и подал нам. Несколько дней пути девочка молчала. И только около Вологды сказала свое имя — Линна. Была она из Прибалтики и речь нашу не понимала. Видела только, что Коля ее оберегает. Заботится о ней, как старший брат. Всю дорогу она от него не отходила. Когда в Кирове девочку от нас отделяли —

ее направляли в дошкольный детдом, — Коля сказал: «Ее зовут Линна. А фамилия... Запишите ее на мою фамилию — Таранова. Война кончится, я ее разыщу...» Где та девочка с Колиной фамилией, жива ли? А Коли уже нет — в 1946 году он погиб от рук бендеровцев.

Вставочка

Проезжали через поселок Вахруши, а там почта. Обрадовались, конечно: можно домой написать, что живы-невредимы, что приехали в Киров, сейчас последуем в Слободской, куда дальше — пока не знаем. Попрыгали с телег и всей ватагой, человек тридцать пять, давай к зданию бежать. А денег ни у кого нет. Мне мама давала немного, рассчитывала, что буду мороженое покупать, деньги в сумочке лежали, а я ее обронила. Да что там скрывать, просто бросила в болоте, когда выходили из окружения к железнодорожной станции.

На почте работала пожилая тетя. Выслушала она наши сбивчивые рассказы, выдала каждому линованный листочек, показала, как треугольники делать. И наказала, чтобы писали с одной стороны, на другой адрес будет, выдала еще химические карандаши. Карандашей всего несколько штук, всем не хватило, стали их друг у дружки вырывать — каждому написать хочется, а времени мало. А Эдик Гром подходит к женщине и говорит: «Дайте мне, пожалуйста, вставочку». Та понять не может, что мальчик просит. А «вставочка» — это обычное ленинградское выражение, так ручку называют, в которую вставляется перо. Наконец, поняла женщина, дает ручку, чернила и говорит: «Это, мальчик, ручка». А Эдик все на своем: «Нет, вставочка...»

Написали мы письма, треугольником свернули, и по доброте душевной тетя на каждое марку приклеила. Можно было, конечно, и без марки отправить, доплатным, но нам обязательно хотелось с маркой. Написали адрес. Взглянула женщина на адреса, удивилась — одинаковые они у всех: «Ленинград, улица Калинина, рабочий городок...» «Зачем же, — говорит, — вы все писали? Написал бы кто-то один, и достаточно». Нет, нам всем хотелось написать. И малы были, а понимали, как волнуются за нас родные, как это первое письмо ждут.

Дедушка Яша

Переночевали в Слободском, в училище. Девочки в классе русского языка и литературы, где разнокалиберные кровати стояли, мальчишки на матах в физкультурном зале. Утром к входу подогнали с десятков подвод, стали грузить на них ведра, бутылки, мешки с крупой, хлеб. Нам, чтобы как-то в дороге за-

нять, выдали маленькие черненькие мячики. Сборы были недолгие, скоро тронулись. С возницей нашим, добрым суетливым старичком, познакомились сразу. Я ему о Ленинграде рассказываю, он свои места живописует, нахваливает: и речка здесь хорошая, много грибов и ягод. Жбанчик кваса достал, огурцы — сидим, хрумкаем. А тут дорога в гору пошла, дедушка Яша командует: «А ну, слазь с подводы. Ноги у лошадки не казенные...» «Вот тебе и добрый старичок», — думаю. Ладно. Села вновь на подводу, как на взгорку поднялись, молчу. Глаза в небо вытаращила. Потом заявляю: «Когда у вас тут бомбят? В полдень или к вечеру ближе?..» Испугался старичок, замахал руками: «Свят, свят... Не приведи...» Так и ехали.

Когда на месте обустроиваться стали, дедушка Яша очень нам помог. Пришел на следующий день после приезда, кое-какой инструмент принес: «Надо топчаны ладить. Спать-то как думаете?» Показал старшим мальчикам, как это делается, а потом сам за главного работника... Подошло время матрасы набивать, снарядились мы за сеном, даже копешку присмотрели. Снова дедушка Яша с советом: «Сено вы, ребята, не трожьте, негоже оно для такого дела, все себе протрете. Пойдемте покажу, где можно соломку взять...»

Святое дело

Вообще-то, что братья Тарановы из интерната на фронт бежать собираются, я давно догадывалась. Еще когда ехали, приметила: чаще других они оглядываются, словно дорогу запоминают. С Веркой Колобовой о чем-то подозрительно шепчутся. Вот Верка потом мне о подготовке к побегу и сказала. Нужен был ребятам запас продуктов, котелок, а из интернатского пайка разве скопишь. Я же подружилась с местной девчонкой Лидой Седых: она из дома по штучке огурцы таскала, репу, брюкву, мясо носила и хлеб. Однажды даже большой кусок соленой свинины принесла. Котелка у них в доме не оказалось, заменили его ковшом.

День побега братьями был заранее назначен, я же о нем не знала. Хотя и доверяли мне, но, видимо, конспирировались. До конца не открывались — мало ли что. И когда ночью стали меня тормошить — «вставай», — не могла в толк взять, что случилось... Спали мы тогда все в одной комнате, вповалку, группировались по принципу: ты с моего дома, ложись рядом... Так вот. Чтобы кого-то из непосвященных не разбудить, собирались осторожно. Тихонько я открыла окно, какое-то время около него для отвода глаз постояла — все тихо, никто не проснулся. Тогда Коля и Ваня из окна вылезли, мы с Веркой пере-

кинули им узелок с едой, сами выбрались проводить. Вера с Колей-то не просто друзьями были, пожалуй, уж и любили друг друга, хоть и было им всего по 13—14 лет... Скоро попрощались. Пошли мальчишки по дороге, за поворотом повернули — больше мы их не видели.

На следующее утро о побеге говорил весь интернат. Директор собрала общее собрание и заявила: «Считаю Тарановых дезертирами, потому что они покинули трудовой фронт...» Я не выдержала тут и возразила: «Какие же они дезертиры? Они из тыла на передовую пошли, на фронт отправились, а это дело святое...» Проговорилась, словом. Поняла директор, что о побеге я раньше знала, и за то, что молчала, мне здорово попало. Позднее из писем мы узнали, что Ваня и Коля до фронта все же добрались, стали сынами полков.

Лидка Берлин

Фамилию себе человек не выбирает. Нравится или не нравится — ничего не поделаешь. Какая есть, такая и есть. Была среди нас девочка, фамилия ее Берлин. Много она из-за нее натерпелась: и насмешки слышала, и грубости видела. Не упускали ребята случая, чтобы ее как-то обидеть. Ведь Берлин — это что? Столица фашистского государства, которое на нашу страну напало.

Наше горе, слезы, смерть близких — это ведь оттуда. От извергов этих — фашистов, от главного их начальника Гитлера. Слова «Берлин» и «Гитлер» в нашем понимании отождествлялись. И хотя не бывала никогда Лида в Германии и национальности не немецкой, а скоро ее никто иначе как Лидка Гитлер и не звал. Мы из Ленинграда выехали в начале июля 1941-го, а где-то к осени, когда родной город был окружен, потеряли с ним всякую связь. Даже письма от родителей приходило перестали. Молчание это длилось долго, до апреля 42-го года. А в апреле приходит к нам почтальон и приносит многим ребятам целые пачки писем. Видимо, где-то в Ленинграде скопились, и как возможность представилась, отправили их адресатам все сразу. Так вот, Лидке пришло сразу пять писем. Прочитала она одно, второе, третье, помеченные сентябрем и октябрем, заулыбалась: мама пишет, что все у них хорошо, чтобы за них не волновалась, берегла себя.

Потом последнее письмо в руки взяла, декабрьское, увидела сразу — почерк незнакомый. Стала его читать: пишет соседка, что у Лиды сначала умерла от голода старшая сестра, через день мама, а вскоре и бабушка. Словом, никого больше у нее из родных нет... Не дочитала Лида письмо до конца, выпало из рук. Заплакала, закричала. Мы от своих писем оторвались, удивляемся:

надо же, Лидка, которой столько от нас доставалось и которая все наши выходки сносила без слез, вдруг плачет. Кто-то попробовал даже ей что-то обидное сказать. Тут встал Борька Лугин, письмо поднял, прочел и сразу оскорблявшему по губам шлепнул. Потом громко, чтобы все слышали, заявил: «Если я еще раз услышу, что кто-то Лиду обижает, фашистским Гитлером обзывает, уши тому пакостнику выдерну и назад не поставлю...» С того дня мы Лиду и не обижали. И хотя Борька такой: если что скажет — обязательно выполнит, — причина была не в нем.

Последняя служба Тихони

Раньше она была черной, или, как о лошадях говорят, вороной, а сейчас, к старости, вся седая: и на хребтине, и на боках плешинки. Может, когда-то и отличалась она резвостью, но это в прошлом, а тут ходила едва-едва, словно задумавшись, ноги тяжело переставляла. Но всегда была в работе, в действии.

Мы с ней встретились впервые, когда совершали переезд от Совья до Башарова, затем возили на ней навоз, золу из печи, а еще соломку. Когда в поле работали: снопы навяжем, нагрузим телегу, заберемся в нее, готовые в путь, директор наша пугалась: «Куда же вы поедете, дороги не зная?..» А ее местные бабы успокаивали: «Не тревожься, Петровна. Ребятишки не знают, так Тихоня-то умная...» И точно: управлять Тихоней не нужно, она сама до места довезет, где снопы сгружать предстоит. Тихо так шла — не сбивалась...

Очень ее пауты донимали. Так мы с телеги спрыгивали, шли рядом, паутов веточками отгоняли. Хотелось нам чем-то ее угостить, но ведь ни хлеба, ни сахара нет, сами частенько голодные. Так мы ей соли даем: она аккуратно ее с ладони слизывает, а мы в это время ее гладим.

Первого мая 1942 года, известно, день праздничный. И настроение приподнятое, хоть и война... Пришли в столовую, а нам — виданное ли дело — котлеты подают. Обрадовались, конечно, сколько уже мяса не кушали, но все же у каждого вопрос: откуда? А повариха остановилась у раздачи и говорит: «Кушайте, дети, котлеты. Последнюю службу сослужила вам Тихонечка. Кушайте котлетки и помните ее...» После этих слов у меня разом аппетит отшибло, отказалась наотрез. И котлетку мою Борька съел...

Миленьки вы, миленьки...

Начальная наша школа находилась в другой деревне, в Обухове. Идти до нее два километра лесом. Это для взрослого человека два километра пустяк, а для ребенка — очень даже

большое расстояние. К тому же война, мы голодные, мороз частенько под сорок, а одежда худенькая: старенькое какое-нибудь пальтецо (позднее шубки появились), шапки навроде солдатских (мальчишки завязывали их так, на затылке, а мы — на подбородке) и ботиночки на толстой подошве. А на ногах лишь тоненькие хлопчатобумажные чулочки...

Женщины местные очень нас жалели: «Миленьки вы, миленьки. И как это вы только ходите?..» Случалось, давали кому-нибудь из наших валенки, но это нечасто: у них у самих ничего лишнего, все, что было, старались на фронт отправить. Да, так вот, чтоб хоть как-то ноги уберечь, обертывали их поверх чулок газетами. А еще байковое одеяло полосовали — получались портянки. Хоть одеяло и казенное имущество, жалко, да что поделаешь: холод — не тетка...

Учился с нами один мальчик, Толя Федоров. Вот ему в мороз хуже всех приходилось: как ни исхитрялся, что только на обмотки ни пускал, все без толку — застывали ноги. И вот придет он в школу и просит учительницу: «Евдокия Ивановна, оторвите мне ноги от ботинок. Опять пристыли...» Ну а как отрывать, у него на ногах и так кожа содрана. Порой помучаются — помучаются и бросят. И пока первый урок идет, сидит Толя на печке — ноги отогревает...

Елка

Узнали о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Вот это событие, радости-то сколько было. Думали и верили очень: раз из-под столицы фашистов турнули, значит, и от Ленинграда скоро погонят. Чуть-чуть еще подождем и домой поедем. В таком приподнятом настроении и Новый год встретили. Елку устроили замечательную. Вместо настоящих игрушек — в деревне их откуда взять? — развесили маленькие репки, морковку, лучок. Знали взрослые, что очень любим мы леденцы. Когда сахар был, сами их готовили. Наберем маленькую ложку сахара — и на «буржуйку». Сахар на печке плавится, потом, когда остынет, выбиваем его из ложки — чем не конфета...

Но леденцов найти не смогли, не было и сахара. Тогда наш повар стушила белую кормовую свеклу, растолкла, посыпала клюквой. Изумительное праздничное блюдо вышло. Шутили, смеялись много, встречая тот 1942 год. Надеялись, скоро войне конец. А она, проклятая, вон еще сколько длилась...

* * *

...В тот вечер трактора мы так и не дождались. Пришел товарищ из совхозной конторы, сказал: «Застрял трактор, сегодня уже не вытащить...» Следующий день ждать стали, на луч-

шее надеялись. К утру вытащили трактор, только вот колесо оторвали, теперь для движения он не пригоден.

Семь километров до Башарова оставалось, всего только семь, а так и не смогли мы их преодолеть. Так и не увидела в этот раз Идилия Ганеевна те места, где был расположен интернат, не посидела, как загадывала, на его фундаменте (от дома-то только фундамент и остался). Лишь с людьми, что знали ее в пору военную, встретилась, поговорила. Да повспоминала с ними: для воспоминаний бездорожья нет...

Однажды в детдом временно поместили маленькую немую девочку. Она всех сторонилась, безучастно сидела в уголке, не привлекали ее нарядные куклы, другие игрушки. Даже от ласковой руки воспитательницы девочка отворачивалась. Не просто было достучаться до ее захлопнутого сердца. Но в один из дней воспитательница смастерила тряпичную куклу, разрисовала карандашом ей лицо и протянула девочке: «Это будет твоя кукла...» И малышка впервые улыбнулась, прижала куклу и больше уже никогда с ней не расставалась. Прошло еще несколько дней, и случилось чудо: девочка заговорила. А скоро ее уже невозможно было отличить от других детей...

...Спасибо сыновнее, поклон низкий тем людям, кто в военную годину заменил сиротам отцов и матерей. За человечность их и милосердие. За слезы жалости, за боль сердца!..

Дорожите друг другом...

Остался дом — главный детдомовский корпус — и деревянная одноэтажная спальная, и покосившийся, почерневший от времени склад, и сад, когда-то ухоженный, по весне белый от яблоневого цвета, а сейчас посохший, поломанный, заросший крапивой, кустарником да тонкостволом неприхотливой рябины, а еще цветник у забора, пусть и не такой, как прежде. И могучие, ширококronные растут тополя со всех четырех сторон площадки, где стоял когда-то флагшток, куда собирал всех на утреннюю линейку горн: Татьяна Александровна Селивановская, директор, или кто-то из воспитателей зачитывали дневной распорядок. И разбегались отсюда ребята: у каждого своя задача — дежурить по столовой, копать на подсобном участке грядки или еще что-нибудь выполнять; тянулись от площадки во все направления тропинки-лучики. Сейчас уж и не сыщешь их, позарастили: что сделаешь, годы прошли. Долгие годы!..

Сюда, на территорию бывшего детдома, теплым августовским вечером пришли мы с Евгением Андреевичем Балезиным, «тихим, но вредным мальчиком», как когда-то было на-

писано в детдомовской характеристике, а сейчас инженером-механиком Магнитогорского металлургического комбината. Постояли молча около главного корпуса и около сада; единственное, что сказал Балезин, думая о чем или что вспоминая: «Какое все маленькое: и этот дом, и сад, и отгороженная от улицы невысоким забором дворовая площадка. А тогда нам все казалась большим...» Помолчал снова, а потом заключил: «Наверное, все так потому, что выросли мы...»

Они действительно выросли, эти бывшие воспитанники, да и как иначе, когда столько лет прошло со времени приезда сюда, в Ильинский детский дом № 73 Кырчанского (ныне Нолинского) района Кировской области, открытый в тяжелом сорок третьем для смоленских рябятишек, а потом пополнявшийся эвакуированными ленинградцами да осиротевшими местными детьми... И сейчас, собравшись на очередную встречу, порой не сразу и узнавали друг друга и говорили не только о своей работе, о детях — считали уже, кто сколько раз бабушка или дедушка.

Подъезжали по одному, по два человека — из Москвы, Ульяновска, Херсона, Новокузнецка, из многих районов Кировской области, — устраивались наскоро в классах пустующей из-за каникул средней школы и сразу к товарищам — повспоминать; а потом, вечером, в физкультурном зале, единственном помещении, способном вместить всех, был накрыт стол, почетными гостями за которым стали Т.А. Селивановская, воспитатель М.Ф. Широких, другие бывшие работники детдома. Им говорили слова благодарности, им вручали цветы и подарки; прижимая к груди небольшие свертки, женщины плакали.

И отвечали сквозь слезы, что не надо бы всего этого, что главный и самый дорогой подарок — это вы, милые мальчики и девочки, то, кем вы стали, то, что вы нужны стране. Что помните о доме, где прошли детские годы, смогли выкроить время и приехать сюда поклониться этой земле. Помним и мы каждого из вас, и когда сходимся вместе, все перетрясем: какие беды пережили, какие нерадости перешагали.

Вспоминает Мария Филипповна Широких:

— В Кырчанский район я как эвакуированная попала, один ребенок на руках, другой — цепляется за подол. Пошла работать в детдом: он тогда только организовывался, и почти ничего не было. Ждали, что здесь разместятся дошкольники, потому прислали соответствующего размера одежду, а прибыли ребята уже старшенькие. И рубашки, и штанишки, и платица — все им мало. Так мы что делали: ходили по деревням. Подайку просить все же как-то неудобно, поэтому ребята рассказывали, что им пришлось пережить под немцем.

Вот мальчик один, он из машины вырвался — душегубкой, по-моему, эта машина называется — и на голове у него волосы были вырваны прямо с кожей. Или вот девочка, совсем еще крошка, а лицо сморщенное, старческое. И плакала очень часто, и учиться почти не могла...

Напуганы были ребятишки так, что мочились постоянно, мы уж и не знали, как и где сушить простыни... Так вот, малыши рассказывают, как на их глазах расстреливали родителей, как голодные мотались они по лесам; женщины деревенские — чувствительный народ, глядишь, несут уже мне то мыло, то отрез материи или еще что-нибудь из одежды или покушать...

В селе, в закрытой церкви зерно хранилось. Иногда мальчики, кто посмелее, туда лазили, набирали полные чулки. Однажды узнали мы об этом, выстроили всех, говорим: «Ребята, это же государственное зерно, а вы его крадете...» А парнишка один отвечает: «Ну а что же делать? Это вот курить вредно и необязательно, а кушать — желудок ведь просит...» Что нам было на эти слова ответить, какие аргументы привести...

Тогда, в войну, не только с едой и одеждой проблема была, мыла — и того не достанешь. Так мы, когда ребятишек помоем в бане, запечатывали обмылок и клали в канцелярии на «почетное» место, чтобы не затерялся. В помещениях холодно: вот тарелку супа нечаянно на столе разольешь, так разлитое прямо на глазах замерзает. Чтобы как-то поправить положение, снаряжали походы за сушняком: выстроятся ребята цепочкой, и каждый тянет сухую елочку. И плуг так же тянули, когда приходила пора пахать. Лошадь-то у нас была слабенькая: пойдет, пойдет, а потом ляжет и долго так встать не может...

А сад как сажали: малыши кто ведром, кто баночкой землю черноземную носили, потом землю — поливать... Словом, всякий труд, всякую крестьянскую работу наши воспитанники переработали. Трудно, тяжело, конечно, поначалу пришлось. Это уже потом обжились, обустроились, с питанием наладилось, открылись столярная, швейная мастерские. И все же никогда, ни при каких обстоятельствах не забывали о песнях, к праздникам обязательно готовили концерты. Октябрьские, например, прошли — ребята уже заглядывают в календарь, что там на очереди, какое торжество...

Где-то после войны, сорок пятый год шел или сорок шестой, точно не скажу, повезла я группу смоленских детей, кто постарше, на родину. И такое там увидела: ни одного дома целого нет, все сожжены, а около одной деревни сложена была страшная пирамида из костей человеческих — рук, ног, черепов... Уцелевшие люди вырыли в земле временки: идешь, землянок и не видно почти, разве что по тянувшимся к небу дымкам угадаешь...

Рассказывает Геннадий Ефимович Вепрев, рабочий, живет в Кирове:

— Когда я приехал в Ильинский детдом, много здесь было ленинградцев и смоленцев. Последние все какие-то желтые: это оттого, что немцы их поили бензином... Один братишка с сестрой постоянно сидели около печки: им все холодно, никак согреться не могли.

Помню, мы все больше находились в группах: на улицу-то выйти не в чем. Я, когда прибыл, был одет в девичье платье, потому что ни рубашек, ни костюмов не было. Да что там рубашки: американские калоши — и тех лишь одна пара на десять человек. И не только я, много других ребят в платьях ходило. Стыдно, конечно, было, но куда денешься...

Нам в группы техслужащая, дежурные и покушать приносили: завариху или еще что-нибудь. Конечно, досыта не наедались, часто болели, на ногах твердо стоять не могли. Я вот в первый класс пошел лишь в 9 лет: упал как-то от слабости с лестницы и надолго потерял дар речи. Да и когда учиться начал, никакая учеба в голову не шла — одни колы поначалу хватал. Это уже потом, к классу четвертому, выправил успеваемость.

Что еще помню, так это военнопленных немецких солдат, как их ведут с работы по сельской улице. По обочинам женщины стоят и все смотрят на них, смотрят и молчат. Лишь одна бабка какая-нибудь не выдержит порой: заплачет, бросит в их адрес какое недоброе слово. Наша же детдомовская ребятня, особенно смоленские, выскочит во двор, наберет камешков, обломков кирпичей или палки и давай в них бросать. Чаше недобрасывали, не попадали — слабенькие ведь, едва держались на ногах. Воспитатели малышей в таких случаях старались с улицы увести и как-то молча это делали, очень не ругали — понимали, сколько горя ребятам из-за этих вояк пришлось увидеть, сколько близких они потеряли...

Чем дальше от войны уходили годы, тем лучше становилось в детском доме. Мы уж и играли, каких только игр ни придумывали: прятки, борьба за флаг, «сопка». Ну и, конечно, кататься любили с гор: тут даже определенное соревнование шло, у кого дощечка-катушка дальше везет...

Вспоминает Леонель Абрамович Вольтер, учитель, живет в городе Новокузнецке Кемеровской области:

— Еще перед войной, в 1939 году, я попал в Пушкинский детский дом № 84 Ленинградской области. Потом нас эвакуировали в Кировскую область: жил в детдомах села Ухтым и села Хороши Богородского района. Сюда же, в Ильинское, попал в сорок девятом...

Что помню из прошлого? Как нас везли на эшелонах под бомбежками на восток, как на остановках собирали гильзы и хвалились: у кого больше. Как организованно носили из пекарни свежий хлеб, и каждый боролся с желанием немного, хоть крошечку, отщипнуть. Как спали на нарах голышом: ни трусиков, ни кальсон тогда нам не шили. И вот, бывало, зайдет в спальню молоденькая воспитательница, скомандует подъем, а мы не встаем, завозимся только под одеялом — штаны натягиваем...

Помню праздничные концерты в сопровождении самодеятельного ансамбля народных инструментов. А «народные инструменты», знаете, какие были: липовые деревянные ложки да частые расчески-гребешки с наложенной на них папиросной бумагой...

Рассказывает Николай Семенович Мешин, рабочий, живет в Котельничском районе Кировской области:

— Мне шестой год шел, когда забрали на фронт отца. Хоть мал я был, все же помню, как он возил нас, детей, на тарантасе, как ухаживал, лелеял свой небольшой домашний садик... Похоронку на него принесли маме летом сорок второго. Нас осталось у нее пятеро: старший — с 1934 года, младший — с 1941-го. Мама все плакала, плакала и ослепла... Жили в то время в деревнях туго, голодали: мой младший брат пошел из-за этого лишь на пятом году, а до этого только ползал...

Тогда райцентром было село Кырчаны, и вот здесь устраивали летом месячные лагеря, собирали со всего района голодающих ребят или круглых сирот, шатающихся по окрестностям, чтобы хоть немного подкормить. А то ведь за кусок хлеба нам весь день приходилось пастушить или еще что-то делать. Словом, хлеб легко не доставался...

Когда я вместе с двумя сестрами попал в детдом, выдали мне штаны и рубашку. Увидели ребята, что новенький к ним поступил, обступили меня. Один говорит: «Это моя рубашка, снимай», другой говорит: «А это мои штаны...» Проверяли, словом, не трусливый ли я, могу ли за себя постоять. Пришлось одного высокого паренька укладывать на лопатки. «Ну, — говорят тогда ребята, — свой пацан. Пошли за горохом». И мы пошли за горохом на колхозное поле, а там нас «застукал» председатель и гнал до самого кладбища. Да разве нас, детдомовских, шустроногих и отчаянных, кто догонит...

Вспоминают Евгений Андреевич Балезин и его сестра Лидия Андреевна Пенкина, педагог, живет в Яранском районе Кировской области:

— Отец на фронте, мама умерла, остались мы со старшим братом. Какое-то время он еще нас тянул: корова тут спа-

сала, ели крапиву с молоком. Ну, а настала зима, тут уж все, не прокормиться. Завернул тогда нас Толя в тулуп, привез в детский дом, сдал, поплакал... Что-то такое особенное из той жизни сейчас уже плохо помнится, разве что мальчишеские шалости. На это ребята были большие мастера. Наберут, например, грачиных яиц, накладывают девчонкам в карманы, а потом по ним хлопают. Или яблони обтрясут, оборвут на огородах огурцы, которые и выросли всего с мизинчик. В клуб, когда новый фильм привезут, через форточку лазили, в церковь... Иногда, хотя и не очень часто, играли в войну: делились на «наших» и «не наших». Немцам же быть никто не соглашался...

* * *

...Вернулось словно то давнее время, как не было долгих лет, отделяющих их от детства: вновь сидели вместе за общим столом Алеши, Гали, Павлики, Гены. Вспоминали, как в голод с холщовыми сумками бегали за крапивой: замешкаешься, опоздаешь — не достанется, без тебя все вырвут... Как Лидочка Тюлькина, едва отвернется учитель, сосала пальчик. И чтобы хоть как-то отучить ее от этого, пальчик постоянно мазали чернилами... Как по просьбе колхоза выращивали цыплят: отвели в детском доме специальную комнатенку, подогревали ее как могли... Как поношенные, расплзающиеся валенки обматывали проволокой и еще долго так носили... Как из матерчатых бросовых лоскутков, из использованных медицинских ампул и всякого иного подручного материала делали новогодние игрушки, бережно хранимые в кладовке...

Как худенький Гена Вепрев никак не мог выговорить слово «макарены» — говорил «матароны», а Паша Лукашук пел так, что все женщины плакали. Сейчас Павел Корнилович Лукашук, рабочий одного из кировских заводов, тоже пел, потому что не было ни проигрывателя, ни магнитофона, а всем очень хотелось танцевать. И под его «Севастопольский вальс» кружились по залу пары. Вечером был костер с печеной картошкой, а на следующее утро вновь пришли все на территорию бывшего детского дома. И на площадке, обсаженной тополями, выстроились, как когда-то, на линейку: с одной стороны уже поседевшие женщины, с другой — полысевшие мужчины. И Мария Филипповна Широких, оглядев всех, улыбнулась, а потом сказала: «Милые мои! Дорожите друг другом. Ведь родные вы все — братья и сестры!..»

Р.М. ПРЕСНЕЦОВ

АРБАЖСКИЕ ТРИ ГОДА

Три года жили и учились в самые трудные военные годы в Арбаже ребята из детской хоровой школы при Ленинградской государственной академической капелле имени М.И. Глинки. Эти годы остались в памяти всех, и те из них, кто теперь стал известным среди музыкантов: Юрия Петрова — народного артиста СССР, главного хормейстера дважды Краснознаменного ансамбля песни и пляски имени А.В. Александрова, Ростислава Бойко — композитора, заслуженного деятеля искусств РСФСР, Владимира Минина — народного артиста СССР, профессора, лауреата Государственной премии СССР, Александра Флярковского — композитора, автора опер, оперетт, кантат, песен, музыки к кинофильмам.

Передо мной воспоминания заведующей учебной частью хоровой школы Зои Дмитриевны КОЗЫРЕВОЙ. Она написала их по моей просьбе в 1982 году.

5 июля 1941 года с Варшавского вокзала отправился на юго-запад наш эшелон товарных вагонов. Вместе с учениками школы, с их маленькими братишками и сестренками поехали и некоторые педагоги. Самой яркой фигурой был Палладий Андреевич Богданов — директор и преподаватель хорового класса.

На третий день прибыли мы на станцию Лычково под Старой Руссой. Должны были отправиться дальше на юг, в район Молтовицы. Но в этот день категорически отказались ехать, так как дети были голодными и усталыми, боялись их не довезти до места. На станции Лычково удалось договориться с железнодорожным буфетом о питании. Багаж оставили на территории станции под присмотром старших ребят, а на ночь разместились в школе на полу.

Рано утром 9 июля мы быстро разместились в пассажирских вагонах. Еще до отъезда со станции Лычково ночью была слышна бомбежка...

Наш эшелон пошел на восток. Маршрут неизвестен. Поговаривали о Рыбинске и Кирове. Дорога была очень беспокойная. Немногочисленные проводники нашего состава во время сигнала тревоги убегали и прятались подальше от путей, а мы, все пассажиры, оставались и ждали, что будет. Особенно запомнилась остановка на станции Муры, где с одной стороны наших вагонов стоял состав с бензиновыми цистернами, с другой — платформы с авиационными бомбами в деревянных реечных упаковках. Вдруг без предупреждения об отправке наш состав стал быстро набирать ход и буквально умчался со станции. Ми-

нут через пятнадцать над районом станции Муры запылало зарево пожара, стали слышны взрывы... Как потом мы узнали, наш состав спас молодой машинист.

За шесть дней пути только один раз удалось покормить ребят горячей пищей. Наконец мы прибыли на станцию Котельнич. Невозможно вспомнить без слез ласку и приветливость встретивших нас людей. Котельничане отправили нас по реке Вятке до пристани Сорвижи в деревню Петухи, откуда мы вскоре переехали в районный центр Арбаж.

Итак, Арбаж! Два уютных двухэтажных дома (бывшие кельи женского монастыря) с широкими коридорами, где так удобно было проводить пионерские линейки. Между домами стояла поместительная изба — для столовой и кухни. И, главное, в одном из домов можно было проводить репетиции хора, струнного ансамбля. Там мы поставили привезенный позже рояль.

Ленинградские дети активно участвовали в сельскохозяйственных работах. В начале сентября встал вопрос о заготовке дров на предстоящую зиму. Дело для учеников капеллы мудреное. Решить эту проблему помог специалист-лесник. Он даже провел с ребятами занятие по технике безопасности. Раздобыли пилы, топоры, получили делянку. В первый день ребята заготовили только два кубометра дров. Дней через десять наловчились, дело пошло на лад.

Правда, работая с 8 утра до 5—6 вечера, ребята стали сдавать. Ведь они перед уходом в лес получали всего-навсего тарелку заварихи из ржаной муки и 150 граммов хлеба. И вот мы, взрослые, узнали, что ребята стали добывать пропитание на огородах местных жителей: морковку, брюкву-голландку... Бурно прошло комсомольское собрание, подключились и местные власти, помогли. Ребятам-лесорубам стали выдавать с собой на работу хлеба, иногда по яйцу, моркови, так сказать, честно заработанной. С тех пор каждый день каждая группа заготавливала до 6 кубометров дров.

Из воспоминаний Ростислава БОЙКО.

Зимы в Арбаже были лютые... Мы с мамой (она поехала с нами) жили на чердаке школы, там была под крышей как бы маленькая светелка.

И при всей нашей неустроенности были самозабвенные занятия музыкой с Палладием Андреевичем. Он один вел у нас все музыкальные дисциплины с 9 часов утра до 9 вечера. Просто уму непостижимо, как много этот человек сумел дать своим ученикам. Многие из «арбажцев» стали сейчас большими музыкантами. Несмотря на невзгоды, я тогда всем своим существом любил музыку, и она любила меня, то есть я делал заметные успехи.

И снова из воспоминаний Зои Дмитриевны КОЗЫРЕВОЙ.

Как-то летом 1942 года П.А. Богданов по вызову капеллы уехал на гастроли в город Молотов (так тогда назывался Пермь). Ребята, воспользовавшись его отъездом, решили по образу старинных бродячих музыкантов отправиться на собственные гастролы в ближайшую деревню Кисляки с небольшим концертом. В программу входила игра на скрипке, декламация стихотворений и басен. Роли распределили на пять учеников. Зрители окружили артистов тесным кругом. После выступления их долго не отпускали, одарили крендельками из гороховой муки с молоком и конфетами из белой сахарной свеклы с сушеной брусникой.

Уроки по музыкальным дисциплинам велись в общешкольной. Запомнился мне случай на уроке хорового пения. Исполнялась песня композитора А. Новикова «Любимый город Ленинград». Неожиданно послышалось чье-то всхлипывание: в дверях стоял сельский почтальон и плакал. Ребята спросили: «Почему вы плачете?». Он ответил: «О, сколь баско вы поете, за сердце берет! Спасибо вам, хорошие мои ребятки!»

По существу, детская хоровая школа была в Арбаже для населения своеобразным музыкальным университетом. П.А. Богданов писал в газете «Колхозная стройка» (Арбаж) 9 мая 1942 года. «За 1941/42 учебный год хоровая школа подготовила ряд музыкальных произведений, сложных по построению. Например, осуществлена партитура кантаты С. Прокофьева «Александр Невский».

Из воспоминаний Александра ФЛЯРКОВСКОГО.

Это было в канун 1943 года. Мы даем концерт для работающих в МТС. Поем много, разную музыку: классику, русские народные песни, новые песни — песни войны. В «зале» (скорее всего, это амбар) холодно, но мы в своей ленинградской форме: в брючках и суконных рубашках с отложными морскими воротничками. Слушают нас одни женщины и дети. Одеты они в зипуны и ватники. Мужчин нет — все на фронте. Когда раздаются слова бессмертной «Священной войны», зал оглашается рыданиями... «Сильно баско поете», — говорили наши слушатели. После концерта каждому из нас был вручен маленький подарок — кулечек семечек. Арбажские женщины позаботились о нас, подумали, чем порадовать. Позднее, став композитором, в память о тех женщинах я написал на слова А. Кравцова и Ю. Козловского песню «Матерям России».

Большая дружба у ленинградских мальчишек была с местными ребятами. Вместе трудились на полях и токах, вместе отдыхали. Старшеклассники снабжали хоровую школу конопляным маслом и кусочками чистых тряпочек для устройства не-

больших светильников, которые были необходимы при подготовке вечерами домашних заданий.

23 марта 1943 года по вызову народного артиста СССР А.В. Свешникова хоровая капелла в составе семидесяти пяти учащихся с преподавателями выехала из гостеприимного Арбажа в Москву, на Большую Грузинскую улицу, где в то время находилось хоровое училище.

Киров. правда. 1990. 25 авг.

С.П. КОКУРИНА, Н. БЕНЦА

«У МЕНЯ ТРИ РОДИНЫ: ЛЕНИНГРАД, СОРВИЖИ, КИЕВ»

2003 г.

Кирилл Юрьевич Лавров — народный артист СССР, художественный руководитель Санкт-Петербургского Большого драматического театра им. Г.А. Товстоногова, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий — выпускник Сорвижской школы Арбажского района.

Осенью 1941 года в село Сорвижи из осадного Ленинграда прибыло около трех десятков ленинградских подростков — тихих, с грустными глазами, худощавых. Среди них был невысокий паренёк, скуластый, курносый, с широко посаженными глазами и с пышной шапкой волос. Друзья, а позднее и сельские мальчишки звали его Киром.

Ленинградский интернат был организован объединением Малого оперного театра и театра Ленинградской эстрады. Возглавила интернат актриса театра эстрады О.И. Гудим-Левкович (мать К.Ю. Лаврова).

Сорвижцы отдали эвакуированным лучшее в селе здание — двухэтажную полукаменную школу. Самых маленьких ребят разобрали по своим домам, многих увезли в село Шараница, а кто постарше, жили и учились в отведенной им школе вместе с сельскими детьми. Школьники из Ленинграда учили уроки за общим большим столом при керосиновой лампе, случалось, и при копилке. Первая зима была трудной. Одеты были не по зимнему, но постепенно их обеспечили теплой одеждой, приобрели валенки. Некоторым ребятам сумели прислать теплые вещи в посылках.

Летом 1942 г. школьники были на сельхозработах, а в сентябре убирали картофель. Жили в крестьянских семьях. В октябре интернат перевели в бывшее здание лесхоза. Там имелись три жилые комнаты, в каждой была голландская печь. Но с заготовкой дров, отоплением помещений были трудности.

Жизнь в интернате налаживалась, появилось свое хозяйство: небольшой участок земли, заведена корова. О здоровье детей заботились. В 1942 г. двоих детей отправили в специальный детский санаторий в Трёхречье, лучших учеников школы премировали путевками в здравницу в Коньп. Жители села помогали детям, чем могли.

Особенно запомнились селянам спектакли и концерты, которые устраивали им ленинградские дети. В то голодное и холодное время они согревали души людей, устраивали им праздники. Первой работой детинтерната была сказка «Снегурочка», следующей — «Золушка». Эта постановка заслужила самой высокой похвалы (костюмы и реквизиты ребята делали сами).

И именно в селе Сорвижи, на маленькой сцене Дома культуры сыграл свою первую роль в водевиле Ф. Соллогуба «Спичка меж двух огней» известный теперь актер театра и кино К.Ю. Лавров. Он выделялся игрой на сцене, уже тогда был уверен, что станет актером. А в Сорвижах был грузчиком, таскал мешки с зерном, помощником машиниста зерносушилки. Время было трудное, надо было кормить маленькую сестренку и бабушку, приехавших из Ленинграда. Жили они в доме, выделенном сельской администрацией.

«После окончания школы К. Лавров устроился на работу в Арбажский районный отдел Министерства заготовок СССР. Он часто приезжал в Сорвижи на довоенном громадном велосипеде с опущенным до рамы сиденьем (велосипед был явно не по росту), в фуфайке-стеганке, кирзовых сапогах, в черной форменной фуражке с зеленым околышком и кокардой, с офицерской сумкой-планшетом на боку, из которой торчала поллитровая бутылка с молоком, заткнутая пробкой из газеты, и находились документы «уполминзага». Велосипед часто ломался, и он чинил его, останавливаясь у здания школы.

В 1943 г. К. Лавров по вызову отца (народного артиста СССР) уехал в город Новосибирск, учился в ФЗО и работал на оборонном заводе, затем ушел в армию. В 70-х гг. Центральное телевидение передавало вечер-встречу с К.Ю. Лавровым. Он рассказывал о своей школьной юности, вспоминал об удивительной сердечности и отзывчивости сорвижан. А затем закрыл глаза и тихо сказал: «Эх, как хочется побывать на реке своей юности — Вятке, хочется походить по песку босиком, хочется руки окунуть в речные вятские воды!» (Ю. Долгополов. Киров. правда. 1988. 10 дек.).

В год 50-летия Великой Победы, в июне 1995 г., артисты Большого драматического театра им. Г.А. Товстоногова приехали в г. Киров, чтобы встретиться и низко поклониться кировчанам за то, что они приютили театр в суровые военные годы, и

были поражены и взволнованы тем, что память о гастролях театра сохранилась и сохраняется до сегодняшнего дня.

К.Ю. Лавров второй раз в своей жизни побывал в Сорвижах. Встреча была назначена на стадионе, но дождь внес коррективы в планы. Укрыла всех крыша старенького Дома культуры. Но маленький зал вместить всех не сумел: люди стояли в проходах и коридоре. Зал стоя аплодировал знаменитому артисту.

— Я никогда так не волновался, спасибо! — Лавров поднял руки, успокаивая публику. — Здесь вот, на этой самой сцене я сделал свои первые шаги как артист, сыграл свою первую роль в водевиле Соллогуба «Спичка меж двух огней». Помню, что сцена казалась тогда огромной, как в Большом театре, а она, оказывается, совсем махонькая.

К.Ю. прошел по улицам села, побывал у дома, где жил, у конторы бывшего «Заготзерна», где начиналась его трудовая биография.

— Время было тяжелое, надо было чем-то кормиться, ведь со мной была сестренка двух лет, да приехали мама и бабушка из Ленинграда... Был грузчиком... помощником машиниста зерносушилки.

Был он и агентом по закупке яиц, ходил по близким деревням с портфелем, где были бланки договоров, и старался уговорить крестьян, чтоб продавали яйца в инкубатор. Но дело плохо продвигалось: время было голодное.

— А закончилась моя карьера так, — смеется К. Лавров. — Поехал на старенькой лошадке в Верхошижемье, а ночью она возьми и слохни. Возвращался пешком, в распутицу. Устал, как собака, но добрел. Помню, завалился на печку и проспал целые сутки.

Кирилл Лавров прожил тогда в Сорвижах совсем немного — полтора года. Но военное детство навсегда врезалось в память. По его словам, у него такое ощущение, что он вернулся на родину.

— Были в моей жизни места, в которых я дольше прожил, но запомнились Сорвижи и Киев... Поэтому я считаю, что у меня три родины: Ленинград, Киев и Сорвижи. И я никогда не забуду, как и мои товарищи, которые приехали из Ленинграда голодные, раздетые, как внимательно, как ласково отнеслись к нам здесь, в этом замечательном селе, которое навсегда осталось для нас родным. Я еще раз убедился, что Россия, Русь — вот она где. Она не в Москве, не в Петербурге, она — здесь, настоящая, корневая Россия.

По материалам дипломной работы слушателя
областной очно-заочной краеведческой школы.

Г.А. ГАВРИЛОВ

СПАСЕННОЕ ДЕТСТВО

Знакомясь с архивными материалами Управления ФСБ, я обратил внимание на ряд документов, которые, на первый взгляд, не имеют никакого отношения к чекистской деятельности. В них не упоминалось о хитроумных оперативных комбинациях или о подвигах разведчиков в тылу врага, не говорилось о коварных замыслах шпионов и диверсантов, они вообще не содержали ничего необыкновенного, сверхтайного, что могло бы вызвать хотя бы небольшую сенсацию среди читателей. И тем не менее для вдумчивого исследователя эти материалы могут быть полезны, ибо в них содержатся сведения о детях войны. Точнее, об их реальной жизни в глубоко тыловой области, о детских домах и о семьях фронтовиков, о детской беспризорной вольнице и трудностях быта военных лет.

Вскоре после начала войны в Кировскую область было эвакуировано более 23 тыс. ленинградских детей. Кроме того, прибыло много детей с семьями работников заводов и учреждений, эвакуированных из западных районов, а также с семьями беженцев из оккупированных фашистами территорий. К лету 1942 г. в области насчитывалось около 250 детских домов и интернатов, а также сотни детских яслей, садов, санаторий.

О трудной, неустроенной, голодной детдомовской жизни опубликовано множество документов, писем, воспоминаний, но для историка важен каждый новый штрих, характерная деталь, чтобы глубже понять психологию людей военного времени, мотивы их поступков. Архивные документы позволяют более реально представить положение в детских учреждениях области.

«В Ильинском детском доме Слободского района помещение к зиме не подготовлено, — печи не отремонтированы, стекла и рамы разбиты — в результате в помещении очень холодно. При топке печей дым расходуется по всему помещению. На 5—6 человек приходится одно полотно, в результате чего имеют место заболевания трахомой, завшивленность». (Архив ФСБ по Киров. обл. Д. 9-698 от 25.02.1943 г. Л. 25).

«В Немском детском доме помещение содержится в антисанитарном состоянии. Врачи в детдоме по несколько месяцев не бывают. Одеждой, обувью и бельем дети не обеспечены, ходят босиком и в рваной одежде. На 118 воспитанников имеется 27 чашек и 15 ложек. Утром и вечером дети получают только чай». (Там же. Д. 0/256 от 22.06. 1945 г. Л.15).

Архивные документы характеризуют крайне тяжелое, почти катастрофическое положение детей в семьях фронтовиков,

особенно проживающих в сельской местности. Не имея практически никаких средств существования, они владели полуголодную жизнь, побираясь по деревням или занимаясь мелким воровством. Беспризорные дети, бродяжничая по области, нередко гибли от голода, холода, болезней или совершали преступления. Сохранились документы о фактах людоедства, причем жертвами обезумевших от голода людей становились дети, но соображения морального характера не позволяют мне их процитировать.

К середине войны в области стали создаваться, наряду с государственными, колхозные детские дома, в которых дети наиболее нуждающихся семей фронтовиков могли бы находиться под наблюдением, быть в тепле и получать пищу. Но как свидетельствуют документы, эти благие намерения далеко не всегда приводили к добру.

«В детском доме п. Павлово Пижанского района размещены дети марийцев, родители которых погибли на фронте. Дети по 2—4 дня сидят совершенно голодными, не получая даже хлеба. Помещение холодное и отапливается только тогда, когда производится выпечка хлеба. Большинство детей не имеют одежды и обуви, сидят на голом полу, в бане не бывают месяца по два и более, все завшивели, доведены до крайнего истощения и еле передвигаются». (Там же. Д. 9/7548 от 12.12. 1944 г. Л. 48).

Впрочем, имеющиеся в архиве документы интересны не только тем, что подробно, во всех деталях описывают реальное положение в детских домах, но в первую очередь тем, что в них предпринимаются попытки определить причины неблагоприятной обстановки. В документах подчеркивается отсутствие внимания к спасению детей работников партийных и советских органов, приводятся конкретные факты безответственности, халатности, разгильдяйства, злоупотреблений чиновников различных рангов.

Так, «...по халатности председателя Косинского сельпо Зуевского района Кошеева дети Блиновского интерната 3 дня совершенно не получают хлеба»; «...председатель Фаленского райпотребсоюза Рылов на обращение работников интерната заявил — если будете жаловаться на плохое снабжение, то вообще ничего не получите». (Там же. Д. 9/698 от 25.02. 1943 г. Л. 74).

«В Подосиновском районе по частным запискам председателя райпотребсоюза значительное количество сахара, мяса, масла выдано райсовпартактиву и в то же время большое количество продовольственных товаров недодано детским и лечебным учреждениям. Подобные факты наблюдались в Пижанском, Молотовском (ныне Нолинский), Кильмезском и других районах». (Там же. Д. 01/404 от 30.11.1945 г. Л. 37).

Прикрываясь лозунгом «Все для фронта, все для победы», некоторые руководители и во время войны не забывали свой карман, не стеснясь отобрать последнее у сирот.

Были вскрыты факты преступного разбазаривания продуктов, выделенных для детских домов руководителями Кировского молокозавода и Слободского мясокомбината. Но особенно кощунственно выглядят преступные действия сотрудников детских учреждений, по роду своей работы обязанных проявлять заботу о воспитанниках детских домов.

«Заведующая детским интернатом в с. Курино Макарьевского (ныне Котельничский) района Андреева А.И. вместе со счетоводом и завхозом систематически расхищали имущество, принадлежащее интернату, а также продукты питания, получаемые для кормления детей. Реализуя их на рынке в гор. Кирове, она на вырученные деньги приобретала для себя ценные вещи и одежду». (Там же. Д. 9/5750 от 14.09.1944 г. Л. 19).

При ознакомлении с указанными архивными материалами невольно задаешься вопросом, насколько они объективны? Не отразилось ли умение следователей НКВД фальсифицировать уголовные дела и на подготовке информации в партийные органы? Анализ документов позволяет сделать вывод, что оснований не доверять им нет.

Во всех документах отражены детали, которые нельзя выдумать, перечисляются конкретные лица, четко определены время и место события. Документы не являются отчетами о проделанной работе чекистов, информация, заложенная в ней, не подлежит специальному отчету, а следовательно, и не требует никакого приукрашивания или выпячивания отрицательных сторон. Наконец, имеется множество документов о положении в детских домах, подготовленных работниками народного образования, здравоохранения, представителями партийных органов, которые описывают аналогичные факты в других детских учреждениях.

При детальном изучении архивных материалов выявилась еще одна примечательная деталь, не имеющая прямого отношения к детям. Просматривается прямая зависимость принятия решений бюро ОК ВКП(б) от характера и сроков направления информации Управлением госбезопасности. Так, докладная записка о неблагополучной обстановке в детских домах области подготовлена чекистами в конце февраля 1943 г., а уже в начале апреля принято специальное развернутое партийное решение «О положении с питанием в детских учреждениях».

В мае 1943 г. направляется докладная о беспризорниках, а в начале июня бюро ОК вновь принимает специальное решение «О положении в детских учреждениях и борьбе с детской бес-

призорностью и безнадзорностью». Подобные параллели просматриваются и при направлении других информации.

Конечно, было бы наивно полагать, что только чекисты проявляли постоянную заботу о детях. В бывшем партийном архиве (ГАСПИ КО) имеется большое количество писем, докладных записок, заявлений о крайне тяжелой обстановке в детских интернатах и домах, направленных в обком партии сотрудниками различных учреждений, представителями партийных комитетов, общественных организаций. Но только информация чекистов являлась как бы толчком, катализатором для срочного принятия специального решения высшим органом власти, каковым было в то время бюро ОК ВКП(б). А исполнение этих решений было обязательно для всех структур власти, всех предприятий и организаций, независимо от их подчиненности. Это в какой-то мере подтверждает давно известную истину о том, что органы госбезопасности в тот период занимали особое положение в системе управления государством.

Сотрудников госбезопасности боялись все, в том числе и партийные работники, ибо 1937 год еще не стерся из памяти. Поэтому и информацию их воспринимали не только как особо важную, но и как обязательную для принятия решения, для организации необходимых мероприятий. С другой стороны, в сложившейся в начале войны неразберихе, неорганизованности, панике только органы госбезопасности продолжали четко организованно исполнять свои функции, получая самую подробную, точную и своевременную информацию о социальных процессах, происходящих в области.

Нельзя исключить, что отдельные докладные записки готовились по просьбе руководства области, стремившихся получить достоверную, проверенную информацию о реальном положении дел в детских учреждениях. Впрочем, как бы то ни было, информация чекистов сыграла свою положительную роль и помогла спасти жизни сотен, а возможно, и тысяч сирот, лишенных родительского крова. В громадной работе, проведенной жителями области по спасению детства, есть толика участия сотрудников Кировского Управления НКВД, КГБ.

Война в памяти народной.
Киров, 1995. С. 36—39.

Р.С. ШИЛЯЕВА, С. ПОПОВА

ЭВАКОГОСПИТАЛИ ОРИЧЕВСКОГО РАЙОНА

В Оричевском районе во время Великой Отечественной войны размещалось несколько эвакогоспиталей.

Госпиталь № 3160 был развернут в поселке Оричи на базе районной больницы 10 августа 1941 года. Первых раненых на станции принимали через неделю, их встречали со слезами, как встречают родных и близких. Здесь был сортировочный корпус, отсюда раненых развозили на подводах в соседние районы — Верхошижемский и Халтуринский, которые не имели железных дорог. Шел эшелон за эшелонами, мест не хватало, госпиталь испытывал недостаток в оборудовании, медикаментах, предметах ухода, питании. У населения небольшого поселка брали все, что люди могли дать, собрали сотни стаканов, чашек, ложек, одеяла, кровати, стулья, в зимнее время — теплую одежду. Госпиталь по профилю был хирургический, сюда поступали с ранениями головы и конечностей, прошедшие первичную обработку. Эшелоны прибывали в основном вечером и ночью, выгружать раненых помогали комсомольцы.

Когда в Оричи прибыл эвакогоспиталь № 1952, сформированный перед войной на Украине, в г. Ромны Сумской области, местный госпиталь объединили с ним. Медперсонал прибывшего госпиталя испытал и ужас работы в прифронтовой полосе, и долгую эвакуацию в тыл, когда «эшелонами в товарных вагонах вывозили раненых, продукты, белье, инвентарь, медицинское оборудование, технику, сами работники госпиталя грузили на платформы, крепили, стараясь ничего не оставить врагу. Людей вывозили на машинах, кто мог — шел пешком. На дорогах поднималась такая пыль, что даже днем не было видно солнца, вокруг все горело: поля, деревни, города, леса, торф на болоте...», — вспоминает медсестра госпиталя Анна Исаковна Русанова. Со ст. Шебекино Курской области, где планировалось развернуть госпиталь, выехали последним эшелонами, за ним взорвали железную дорогу. Начальник госпиталя Илья Прокопьевич Марченко и его заместители по хозяйственной части оставались в Шебекино, чтобы сжечь оставшееся имущество, а потом пешком и попутными машинами догоняли госпиталь.

Объединенному госпиталю присвоили номер вновь прибывшего. Эвакогоспиталь № 1952, по направлению хирургический, на 850 коек, занимал пять зданий, разбросанных по всему поселку: два школьных, райисполком, детские ясли и еще одно, на углу улиц Свободы и Советской. Райком партии назначил из партийного актива группу лекторов, райком комсомола — чтецов для проведения лекций. Старшеклассники стирали и скручивали бинты, носили книги, газеты, ставили концерты, писали по просьбе раненых письма. Большую помощь оказывали близлежащие колхозы, фермы.

Трудное было время — мужчины тяжелые, да гипса на них немало, в баню их переправляли на первый этаж, летом выносили на улицу. Санитарка Наталья Ивановна Русанова готовила по 50—60 ведер воды, носила дрова, грела в котле воду и купала каждый день по 25—30 человек. За чуткость и доброту прозвали её госпитальной мамой.

Позднее пришлось работникам госпиталя испытать еще одну трудность — на лечение стали поступать немцы-военнопленные. Лечили их немецкие врачи, они же делали операции под контролем наших врачей. Военнопленные работали: делали, что заставляли, сажали деревья. Посаженные ими березы растут в поселке и по сей день. И мало кто знает, чьими руками посажены эти деревья-великаны.

Медперсонал госпиталя, прибывший из г. Ромны, проработал здесь всю войну, многие остались здесь жить. Антонина Борисовна Ишутинова, Мария Васильевна Казаринова, Анна Исаковна Русанова живут в Оричах по сей день.

Госпиталь был расформирован в 1946 г. За период существования в части возвращено примерно 70 % лечившихся. Умерло 24 человека, они захоронены в братской могиле в селе Спасо-Талица в 3 км от п. Оричи.

Эвакогоспиталь № 1773 появился на оричевской земле в конце марта 1942 г. До этого он почти год провел в основном на колесах. Сначала продвигался на запад, к месту дислокации в Полтаве, с наступлением врага переместился в Харьковскую область, затем эшелоны с людьми и оборудованием прибыли в Восточную Сибирь, город Искытым Новосибирской области. А через пару месяцев, пережив сначала объединение с другим госпиталем, снова был выделен в самостоятельный на 200 коек с хирургическим профилем и отправлен в Кировскую область, поближе к фронту. Было решено разместить госпиталь на ст. Быстряги Оричевского района, объединить его с госпиталем № 3947 на 400 коек и номер после объединения оставить прежний, 1773. Начальником госпиталя был назначен Василий Иванович Забродский.

Госпиталь разместили в деревне Тарасовы, в двухэтажном здании школы и колхозном клубе. Требованиям лечебного заведения хирургического(!) профиля здания не отвечали абсолютно: отсутствовало электричество, помещение освещали керосиновыми лампами, не было канализации. Все это очень осложняло работу медперсонала, делало ее просто невозможной, а потому — героической. Подъездные пути не замощены, весна, распутица, лошади не могут пройти, а от станции до деревни километр пути. Как носили раненых, увязая в снегу, в воде, глине, когда невозможно вытащить ногу из грязи? Воду вручную доставали из колодцев. Штаб, склады, аптека размещались в зданиях колхоза «Победа», пищеблок был в колхозном сарае, прачечная — в водоканчке на другом конце деревни.

Состав госпиталя не был полностью укомплектован, не хватало хирургов, сестер. Условия были невозможные, но люди работали сутками, не покладая рук: лечили, мыли, бинтовали, стирали, кормили — неодолимая сила помогала преодолевать горечь потерь, поражений, сохранить в себе чувство уверенности в неизбежности нашей победы. Проработали в таком темпе 9 месяцев. За это время было принято 633

человека, в основном с ранениями конечностей и обморожениями. Всего проведено 108 операций, 29 переливаний крови. Выбыло в часть 15 % лечившихся. Умерли двое: один — от столбняка, другой — от дистрофии.

С конца января 1943 г. госпиталь № 1773 приказом высшего руководства был реорганизован на лечение военнопленных. В феврале 1943 г. открылась другая страница в истории госпиталя, она продолжалась по август 1947 г., до его ликвидации. Работа по существу оставалась прежней — работой медицинского учреждения, но объем и объект — враги (!) изменили все.

Сменился профиль госпиталя — из хирургического стал инфекционным. Госпиталь был рассчитан на 600 человек, общая площадь — 661 кв. м. Раненые военнопленные начали поступать с 15 февраля — 126 человек, 3 марта — 90, 6 марта — 314, 12 марта — 571, 15 марта — 258, 19 марта — 197. Невероятная скученность, перегрузка, недостаток ресурсов, большое количество туберкулезных больных, вшивость — все это подготовило почву для вспышек инфекционных заболеваний. Было 37 случаев заболевания сыпным тифом. Большинство из поступавших были в тяжелом состоянии, некоторые в состоянии агонии. Лежали на двухъярусных нарах. Из-за недостаточного количества врачей не было возможности для своевременного, хотя бы беглого осмотра больных.

Но как могли лечить, и хотя лечили врагов, старались помочь, недосыпали. Проводили профилизацию палат по характеру и тяжести заболеваний. Для больных туберкулезом открытой формы были отдельные палаты, более тщательная уборка помещений, санитарная обработка, улучшенное питание, уход. Применяли лекарства, недостаток витаминов пополняли настоем хвои и шиповника, сырыми овощами, протертой сырой картошкой. Делали для них — врагов — все необходимое. Проводили операции — в основном ампутация обмороженных конечностей, при дистрофии — переливание крови (а ее было недостаточно для наших бойцов!), лечебную физкультуру и гимнастику. Широко использовали трудотерапию: заготовка дров, снабжение водой, плотнические, столярные, сапожные работы.

Госпиталь не был для солдат армии Паулюса военным концентрационным лагерем. Обращение было гуманным, был переводчик, им ежедневно сообщались сводки Информбюро. За пять лет существования госпиталя в него поступило 5319 чел., умерло 857, большинство в 1943 г. Умерших хоронили близ деревни в лесу.

Умерших из числа персонала во время эпидемии сыпного тифа врача, медсестру, трагически погибшего русского солдата из охраны военнопленных, а также начальника госпиталя майора Довгелло, умершего в 1946 г., схоронили на кладбище с. Шелегово.

По материалам дипломной работы слушателя областной очно-заочной краеведческой школы. (ГАКО. Ф. Р-3010. Оп. 2, Д. 42. Л. 6—11).

**Выписка из Протокола заседания правления колхоза
«Краснофлотец» Лекомского с/с Шестаковского района
от 12 августа 1942 года**

Повестка дня:

1) Подарки для раненых бойцов Шестаковского военного госпиталя

По первому вопросу заслушав доклад представителя от Шестаковского военного госпиталя Перминовой Клавдии Григорьевны, которая говорила, что нужно помочь военным госпиталям для выздоровления раненым бойцам

Правление Постановило:

Оказать помощь, пожертвовать от колхоза из общего фонда одну овцу живую, молока 50 литров и картофеля 2 сотки га и объяснить всем колхозникам сделать индивидуальный сбор средств пожертвования и сделать выезд с подарком в выходной день в воскресенье 16 августа 1942 года

Пред. правления И. Бердников
Счетовод

ГАСПИКО. Ф.1134. Оп.1. Д.37. Л.66.

**Колхозникам и колхозницам подшефных госпиталя
№2074 колхозов «Стрела», «Знамя Победы», «Путь Ильича»
Щеткинського сельсовета.**

Мы, красноармейцы, командиры и политработники, находящиеся на излечении в госпитале, благодарим вас, дорогие товарищи, за вашу теплую заботу, за врученные нам подарки: сдобу, яички, молоко...

Уже близок день, когда окончательно измотанный и разбитый враг будет выброшен из пределов нашей Родины.

Мы призываем вас, дорогие колхозники, не щадить своих сил, старательно провести весеннюю кампанию, не оставлять ни одного клочка земли не засеянным, вырастить хороший урожай и своевременно его собрать, этим обеспечить героической Красной Армии победу над озверелым немецким фашизмом.

Как только восстановим свое здоровье, мы опять возвратимся в боевые полки действующей Красной Армии и навсегда освободим нашу Родину от фашистской нечести.

По поручению общего собрания раненых бойцов, комиссаров и политработников:

Начальник эвакогоспиталя 2074
в/врач Берман

Военный комиссар госпиталя
2074-ст. политрук Абов

С подлинным верно:

зав. делопроизводством госпиталя Павленко

(Подлинник хранится в фондах Дома-музея И.С. Конева
в д. Лодейно Подосиновского района)

Р.С. ШИЛЯЕВА

В ПОМОЩЬ ОСВОБОЖДЕННЫМ РАЙОНАМ

«В прошедшем 1944 году проведена большая работа по закупке, отбору и отправке продуктивного скота в районы, освобожденные от немецкой оккупации. Всего было закуплено 27 тыс. голов крупскота, 11,5 тыс. овец и 3,5 тыс. свиней. Отправлено в освобожденные районы крупскота 22145 голов и 13219 голов овец. Причем из этого количества гоном отправлено крупскота 19496 голов». Что кроется за несколькими строками годового отчета Кировской областной конторы «Заготскот», по-настоящему известно только участникам этой операции шестидесятилетней давности. Каждый из них вписал свою страницу в эту историю. А общую картину событий нарисовал управляющий конторой В.В. Сахновский в многостраничном «Отчете по выполнению государственного плана закупки, транспортировки и передачи скота в районы, освобожденные от немецкой оккупации», сохранившемся в Государственном архиве Кировской области.

Постановлением СНК Союза ССР от 15 декабря 1943 г. было дано задание заготовительным организациям закупить в краях, областях и республиках СССР и переправить в освобожденные от врага районы около 2 млн. голов скота, чтобы наладить разрушенное колхозное хозяйство. Государственный план закупки скота у колхозов и колхозников Кировской области был один из самых больших: 27 тыс. голов крупного рогатого скота, из них коров — 3 тыс., а также 10 тыс. овец и 5 тыс. свиней. Позднее план закупки свиней был сокращен до 3,5 тыс. и одновременно увеличен по овцам до 11,5 тыс.

Специально созданные комиссии из представителей райисполкомов, зоотехническо-ветеринарных работников и работников райконтор «Заготскот» отбирали скот не только годный для воспроизводства, но и способный перенести дальнюю дорогу. На закупленный скот оформляли договоры, составляли описи, ставили номера (выжигали на рогах или копытах) или прикрепляли специально изготовленные бирки, формировали (пока на бумаге) гурты и оставляли на месте в ожидании отправки. Вся операция продолжалась несколько месяцев, за это время в ряде районов в отдельных хозяйствах закупленные свиньи пали, в некоторых хозяйствах к концу стойлового содержания из-за недостатка кормов коровы и овцы были сильно истощены. Часть скота пришлось закупать заново, остальным обеспечить усиленную подкормку сеном и на пастбище.

В освобожденные районы крупный рогатый скот и овец планировали перевезти по железной дороге до станций Вязьма, Гжатск, Рудня, Лязно и лишь оттуда доставить к месту назначения гоном, т.е. своим ходом. Поэтому вся работа была направлена на отгрузку скота по железной дороге. Были подготовлены кадры, скотобазы, погрузочные площадки, инвентарь, оборудование, разработаны трассы перегона, подвезены корма и даже начат сбор и концентрация скота на пристанционных базах, т.к. было получено сообщение о выделении вагонов на апрель и май.

Закупка скота была закончена к 1 апреля 1944 г. В том же месяце началась отгрузка первой партии овец. Всего по железной дороге (350

вагонов) было отгружено освобожденным районам Ленинградской области 14149 овец — это было лучшее поголовье, отобранное в колхозах области, и в дороге сохранили почти всех.

Одновременно в апреле, еще по зимней дороге, за 70—100 и более км к пристанционным пунктам на санях, а далее гоним к железнодорожным станциям доставили, отгрузили в адрес свиновхоза «10 лет Октября» (Москов. обл.) и полностью доставили к месту назначения 2577 свиней (97 вагонов).

В Киевскую область по заданию Правительства должно было быть отправлено 8000 голов крупного рогатого скота. Готовили гурт в количестве 150—200 голов, назначали старшего проводника, укомплектовывали проводниками и гонщиками, снабжали повозками, тягловой силой (обычно рабочими волами), необходимым таборным имуществом, бочками для засолки мяса вынужденного забоя, солью. Полностью подготовленный гурт отгружался по железной дороге до станции Алексеевка Воронежской области, а далее следовал гоним до пункта приема. Сумели отправить железной дорогой только 2000 голов скота.

В целом отправка скота по железной дороге прошла вполне удовлетворительно, хотя чрезвычайно большие трудности вызвала несвоевременная подача вагонов. Каждый месяц железнодорожные вагоны удавалось получить с большим трудом и в количестве в общей сложности втрое меньшем, чем требовалось. К примеру, в апреле — 22 вагона из 452 по плану, в мае — 81 вагон из 139 и т.д. Крупный скот и овец приходилось месяцами держать на пристанционных базах, тратить корма, средства, лишнюю рабочую силу.

В конце мая Наркомат мясной и молочной промышленности СССР и Главное управление заготовок скота Центра предложили из Кировской области весь крупный рогатый скот отправить гоним. Предстояло перегнать в освобожденные районы Смоленской области и Белорусскую ССР 27 тыс. голов скота. Скот должен был следовать по государственному трассам № 3 и № 5. Разрешение на выход гуртов из Кировской области на трассу № 3 было дано с 10 июля, на трассу № 5 — с 15 июля. На подготовку оставалось чуть больше месяца. Облисполком, рассмотрев вопрос, принял решение, что реально направить в освобожденные районы гоним только 15340 голов скота. Остальной скот можно вывести только по железной дороге, т.к. почти половина закупленного скота находилась в северных районах области, откуда прогон был крайне затруднен из-за лесистой и болотистой местности (вагоны для перевозки так и не будут поданы железной дорогой).

Вся проделанная огромная работа оказалась ненужной. Пришлось срочно перестраивать всю подготовку, менять внутриобластные трассы, устанавливать пункты в точках выхода из области, заготавливать повозки, подготавливать лошадей, а если в райконторе лошадей нет, подготавливать и приучать к упряжке рабочих волов и даже коров, заготавливать таборное имущество и заново подбирать и готовить старших проводников и гонщиков скота. Меньше чем за две недели было заготовлено 105 повозок и двухколесок, столько же полных комплектов сбруи, отобрано 125 рабочих волов и крепких коров, из которых больше трети было вновь приучено к ходьбе в упряжи с телегой, заготовле-

Алексей ПЕРЕВОЩИКОВ

*В инее.
Съемка с красным фильтром.*

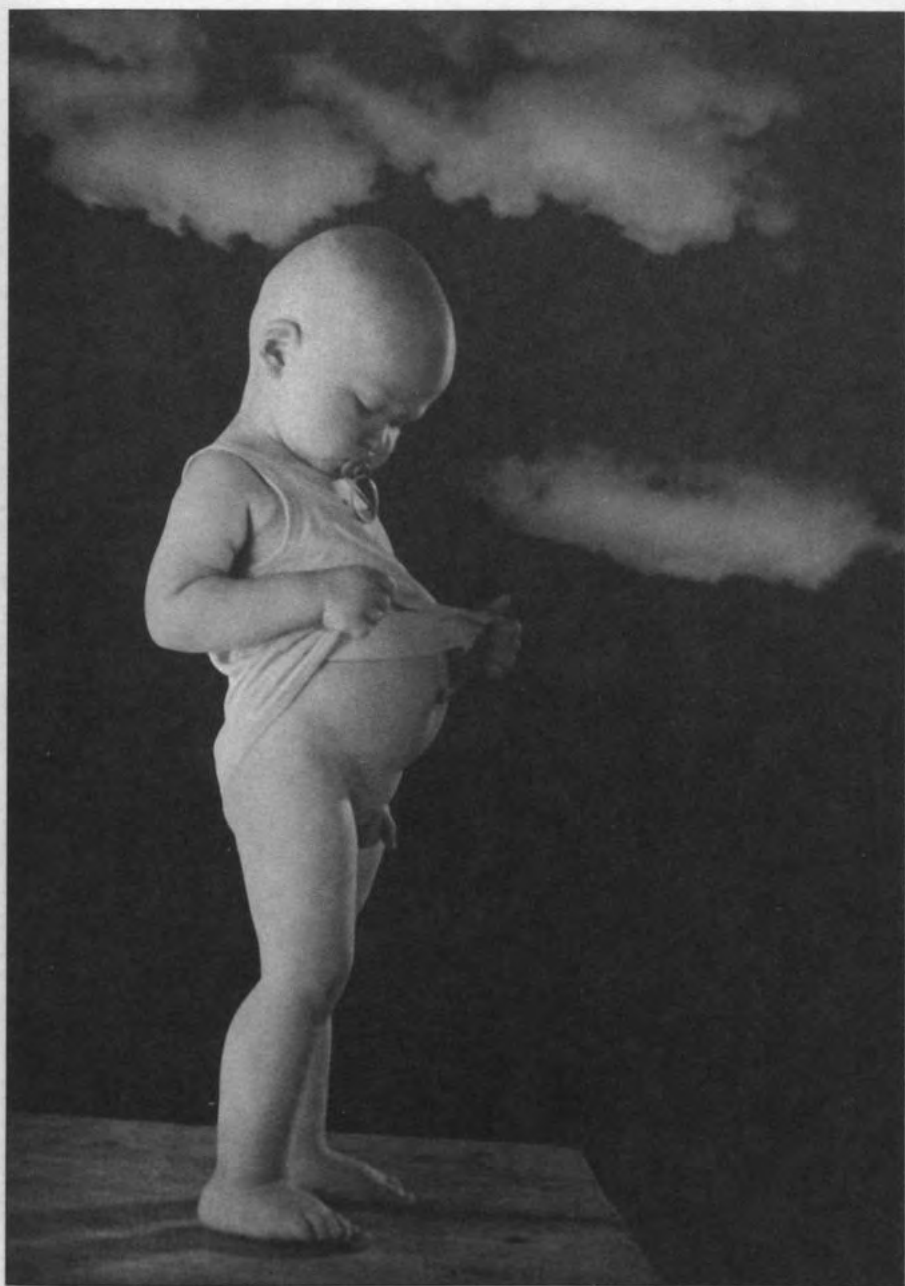
Поздняя осень.

Жена внука.

Груо.

Детство.
Фотомонтаж.

Плотник.
Сепия.

Урожай.

Николай ШИЛОВ

За околицей.

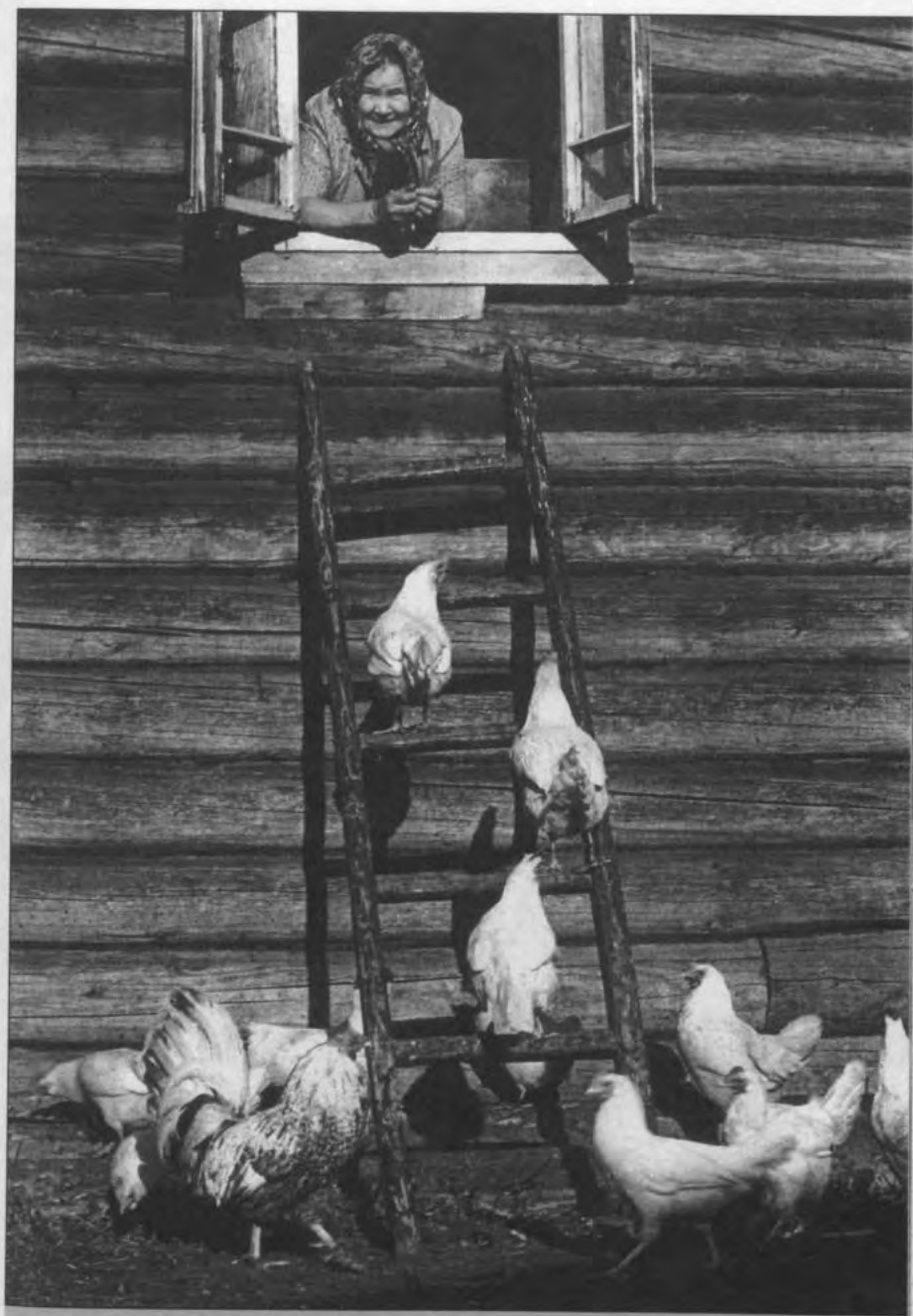
День начинается.

Молодой тракторист.

Хлебушко.

Бабушкины заботы.

Дороги сельские.

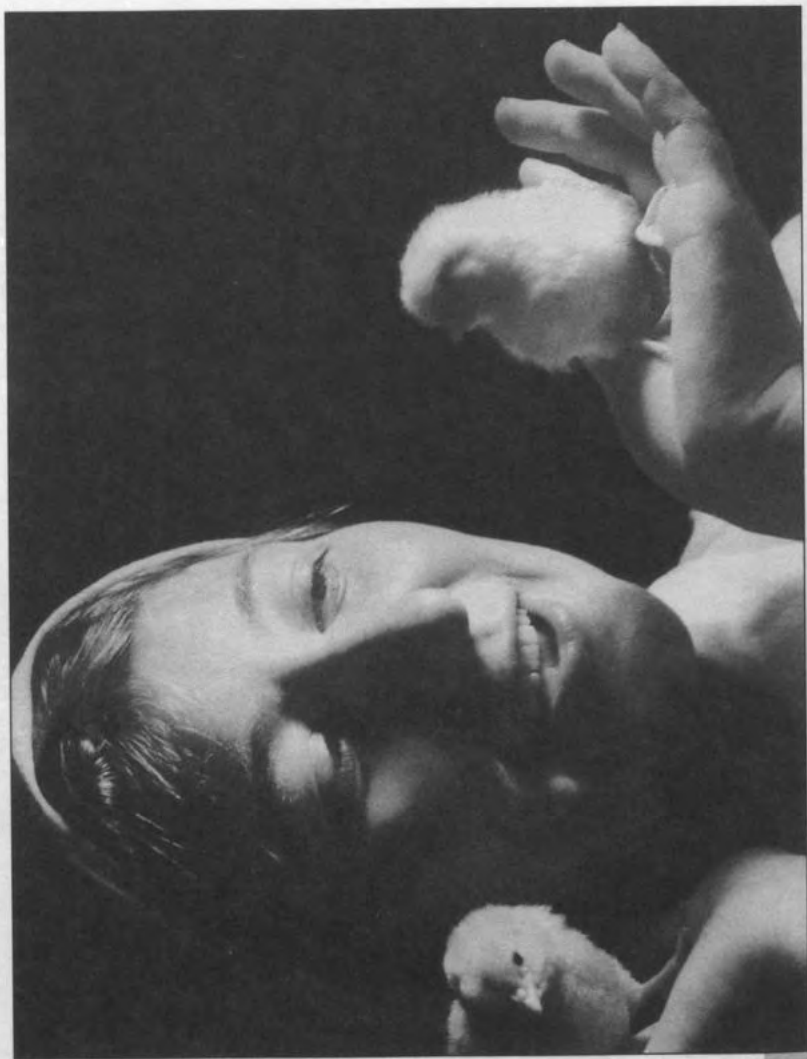
На льняном поле.

Колхоз «Путь Ленина» Котельничского района.

Слева — председатель колхоза А. Д. Червяков.

На земле возле Вятки-реки.

Первое знакомство.

Художник С. Н. МЕЗЕНЦЕВ

С. Н. Мезенцев за работой над картиной «Свинарки». 1963 г.

С. Мезенцев. Герои колхоза «Красный Октябрь» Куменского района Кировской области. 1980–1982 гг.

но 150 железных лопат, 120 топоров, 100 походных палаток, бочки, котелки, кружки, железные ведра и пр. Спешили, зная, что уходит лучшее время для перегона скота, что каждый лишний день задержки может отразиться на результатах.

Гурты комплектовали так, чтобы в каждом было определенное количество дойных коров, а это было непросто, т.к. в отдельных районах закупку коров совсем не производили, поэтому приходилось этим райконторам выделять коров из других районов. Несомненно, наспех проводимая работа вызвала некоторые организационные неполадки, отдельные конторы направили частично некондиционный скот, были посланы неопытные, непроверенные гуртоправы и т.п.

Но к 1 июля подготовка была в основном закончена: гурты по районам укомплектованы, каждому присвоен свой номер. Местом выхода из области были определены с. Русские Краи на юге и ст. Шабалино на севере области. В соответствии с распоряжением Наркомата на каждую трассу допускалось не более трех гуртов в сутки, поэтому был разработан специальный график движения гуртов, в котором указывались трассы прогона скота, среднесуточная скорость движения, время выгона из районной конторы и время вхождения гурта на каждую государственную трассу. Ждали сопровождающих.

По Постановлению СНК сопровождать гурты должны были ответственные уполномоченные облисполкомов, а также гуртоправы, колхозники-гонщики и доярки из тех областей, куда направлялся скот. К началу июля приехали только колхозники-проводники из Смоленской области (200 чел.), которых тут же отправили с вышедшими гуртами скота. Всего в Смоленскую область ушло 22 гурта на четыре с лишним тысячи голов крупного рогатого скота.

Для отправки в Белоруссию было подготовлено 14200 голов крупного рогатого скота в составе 80 гуртов. Проводники-гонщики из Белоруссии начали прибывать с 18 июля, когда сроки выхода первых гуртов уже прошли, а последние из 473 колхозников приехали только в начале августа. Оказалось к тому же, что они были предупреждены о сопровождении скота только по железной дороге, были легко, по-летнему, одеты, снабжены деньгами и продовольствием на две недели. В результате отдельные партии прибывших гонщиков первоначально категорически отказались от выхода в путь со скотом гоном, их приходилось уговаривать, а некоторые из белорусских колхозников хоть и вышли с гуртами, но по дороге разбежались.

Поскольку прибытие проводников из Белоруссии сильно задержалось, часть гуртов была отправлена с проводниками из районных заготовительных контор области или с проводниками-колхозниками, выделенными при содействии обкома партии и облисполкома из колхозов области. Всего было отправлено своих гонщиков скота 207 человек, в т.ч. выделенных колхозами области — 185, часть из них заменили на пути следования догнавшие гурты белорусские проводники, остальные проследовали со своими подопечными до конечного пункта маршрута.

Несвоевременное прибытие из освобожденных районов гонщиков, вспыхнувшая в Горьковской и Ивановской областях эпизоотия еще более задержали отгон скота. Основная масса вышла во второй по-

ловине июля и августе с опозданием против сроков нормального отгона на 1,5—2 месяца. Опоздание с выходом сказалось на условиях прогона скота. Путников захватили осеннее бездорожье, холода, снег. Скот шел по избитой трассе, недостаточно был снабжен кормами и, естественно, слабел в пути и отставал. В результате всех этих причин отдельные гурты проходили по трассе не более 12—15 км в сутки.

Приходилось принимать экстренные меры. В конце сентября на специально организованные участки обслуживания по обеим трассам были направлены ответственные уполномоченные из числа областной и районных контор «Заготскот». Это усилило контроль за продвижением гуртов, помогало обеспечить нормальное кормление, а в случае необходимости и подкормку скота грубыми кормами, своевременное выделение слабого скота, тормозящего движение гурта, снабжение проводников продуктами питания и спецодеждой, сбор оставленного на трассах слабого скота и передачу его местным конторам «Заготскот» или мясокомбинатам. В конце ноября ко всем отставшим гуртам дополнительно были посланы ответственные работники, а к особо отставшим командированы лучшие гуртоправы и гонщики скота.

Всего в ходе операции по транспортировке гуртов гоним от немецкой оккупации районы было сдано в Смоленскую область 30 гуртов крупного рогатого скота в количестве 4226 голов, в Белоруссию (Витеб., Гомельс. и Могилев. обл.) — 56 гуртов в количестве 7942 головы, в Брянской области сданы 3 гурта на 417 голов. Более десятка гуртов из-за запоздания с прогоном в конце ноября были застигнуты похолоданием и бездорожьем и оставлены на зимовку в Московской области.

Потери в пути составили 4,5 тыс. голов, из них подавляющее большинство сдано больных. Действительные потери составили 1,9 %: часть скота пала, пропала или была вынужденно прирезана, а еще 41 животное подорвалось на минах или было разорвано волками. Несмотря на все трудности, в отдельных гуртах скот дошел до места с большими привесами, до 5—7 тонн живого веса.

Так, в ходе беспрецедентной кампании в военное время в тяжелых условиях по железной дороге и своим ходом в освобожденные районы страны, находящиеся от Кировской области на расстоянии до 1700 км, было доставлено около 15 тыс. овец, более 2,5 тыс. свиней и почти 15 тыс. голов крупного рогатого скота.

Н.В. МАРИНИН

МОЛОДОСТЬ БРАЛА СВОЕ

Годы войны памятны для старшего поколения не только трудом на полях и фермах, лесозаготовках. Как бы ни было трудно, но молодость брала свое. В деревнях по-прежнему, как и в довоенные годы, в зимнее время молодежь собиралась на так называемые «вечерки».

Откупалась изба по преимуществу у одинокой старушки, куда собиралась молодежь по вечерам. Девушки сначала вышивали или вяза-

ли кружева, парни, в основном подростки, играли в разные игры, подшучивали над девушками. Потом водили хороводы, плясали. Гармонистов в деревнях почти не осталось и основным музыкальным инструментом была балалайка, на которой играли чаще девушки.

В летнее время в каждой деревне по определенному порядку проходили каждое воскресенье гулянья. Собиралась молодежь со всех окрестных деревень. Такие гулянья проходили и в более крупном плане. Так, например, на Сосновском угоре, что находится на дороге Подосиновец — Пинюг, в Петров день 12 июля собиралась молодежь из нескольких сельсоветов — Октябрьского, Щеткинського, Мальского и Георгиевского.

Культурная жизнь не затихала. В Щеткинском сельском Совете работали два клуба, построенные в предвоенные годы, две избы-читальни, радиоузел.

Вспоминает Евгения Алексеевна Чебыкина: «Когда началась война, мне было 16 лет, я работала на сортоиспытательном участке. В колхозе «Стрела» силами молодежи в 1938 г. был построен клуб на 150 мест. При клубе была изба-читальня. Заведовала клубом и избой-читальней Нина Андреевна Злобина. В колхозе была большая комсомольская организация, возглавлял которую всю войну Василий Степанович Злобин. За успешное выполнение плана хлебозаготовок в военные годы организация была награждена памятным Красным знаменем ЦК ВЛКСМ и в полном составе в 1945 г. приглашена в областной центр. В г. Кирове каждый комсомолец был отмечен памятным подарком, а организации подарили баян. Вечерами, особенно в зимнее время, мы собирались в клубе, ставили спектакли, концерты, которые показывали в деревнях, ездили в с. Щеткино. Наша комсомольская организация шефствовала над военным госпиталем п. Пинюг, возили раненым бойцам подарки. Собирали теплые вещи для бойцов на фронт.

В годы войны также работали клуб и изба-читальня при Щеткинской МТС. Со дня открытия клуба в 1939 г. заведующей клубом была Софья Павловна Рожкина, самой активной помощницей её была Валя Шевчук, эвакуированная из Ленинграда, в 1943—1945 гг. заведовала избой-читальней. При клубе работали кружки художественной самодеятельности: художественного чтения, хорового пения, драматический, русских народных инструментов. Участниками художественной самодеятельности были: работники МТС — Нюра Логиновская, Полина Островская, Василий Дорофеев; сотрудники сельсовета — Валя Шубина, Неля Голохвастова; учителя и учащиеся Щеткинской семилетней школы. Активное участие в кружках самодеятельности принимали эвакуированные из Ленинграда. Концерты и спектакли ставились к праздникам, выезжали в колхозы зоны, которую обслуживала МТС».

В.А. СИТНИКОВ

ФОТОХРОНИКА ТРУДОВОГО ТЫЛА

(Л.А. Шишкин)

Чтобы отраженная в снимках повседневность стала историей, надо прожить немало запыленных и серых будней и в них отыскать крупницы того, что явится очень выразительным, значимым, памятным. В 1930 г. пришел Леонид Шишкин в газету «Вятская правда» и в течение 35 лет день за днем создавал фотохронику местных событий, галерею тружеников города и деревни, славных земляков: художников, писателей, артистов, ученых.

В командировках приходилось ходить пешком, ездить в санях, на лошадке. Для зимы в раздевалке редакции газеты «Кировская правда» имелся казенный тулуп. Высокий человек с «лейкой» на груди в этом тулупе, сшитом под Шишкина, не по одному разу побывал в каждом из 60 районов нашей области, во многих селах и деревнях. Коллективизация, новостройки деревни, электрификация — все находило отражение в его снимках.

Началась Великая Отечественная война. Из-за скрытой формы туберкулеза Леонида Александровича не взяли на фронт. Он старался как можно больше делать в тылу, поднимать дух людей, показывая трудовой героизм своих земляков. Он запечатлевал на фотоснимках заводские бригады, завоевывавшие высокое звание фронтовых, девушек-трактористок Кировской МТС (с. Бахта), детдомовцев из блокадного Ленинграда, испытателей танков, лесорубов и плотогонов, льноводов, женщин-грузчиц с речных пристаней, медиков в госпиталях, где лечились раненые воины.

Это сейчас нам понятно, что Леонид Александрович создал уникальнейшую фотолетопись героизма тыла в дни войны, а тогда это была обычная работа. Полуголодные люди в любую погоду, в любых условиях трудились, добывая Победу.

Вот фотография, сделанная в 1942 г. в Орической МТС. На ней — тракторист Н. Зубарев и плугарь Аркаша Жолобов. Передовики посевной, а Аркадию было всего 12 лет. Совсем мальчишка, а трудился, как взрослый, недосыпая и недоедая.

В свое время мне с братом Леонида Шишкина Юрием Александровичем — корреспондентом «Кировской правды», тоже фотографом-летописцем — удалось найти героинь трудового фронта — трактористок Кировской МТС, которые в шестнадцать лет приняли на свои плечи тяжелую мужскую механизаторскую работу.

Написал нам тогда письмо Н.Ф. Скопин: «На переднем плане я узнал Раису Прохоровну Зубкову-Захарищеву. Она и

другие парни и девчата, а их было 30 в возрасте 16—17 лет, в 1942-м закончили курсы трактористов. В нашей тракторной бригаде, которая трудилась на территории Ямновского и Шалаевского сельсоветов, Раиса Прохоровна работала на единственном оставшемся тракторе ЧТЗ. В 1942 г., когда меня призвали в армию, на мой ХТЗ сели девушки, работавшие плугарями, и сменщица Лидия Михайловна Каткова».

Лошадей и тракторов не хватало, а фронту нужен был хлеб. Пахали на быках и коровах. Леонид Шишкин оставил редкий кадр, сделанный в колхозе им. Кирова (Оричев, р-н). Старик и женщины пахут ниву на быке. Сеяли порой, вспомнив старину из лукошка, вручную.

Отцы воевали на фронте, матери и сестры трудились на полях, а сельские подростки, мобилизованные в школы ФЗО, трудились в цехах военных заводов. Взгляните в биографии Кировских рабочих-ветеранов. Большинство из них — выходцы из деревень. Это особая страница помощи нашей деревни стране в борьбе за Победу.

Редкостный неповторимый снимок оставил нам Леонид Шишкин. Это групповая фотография: 11 (из 19) Героев Социалистического Труда вожгальской коммуны-колхоза «Красный Октябрь» (ныне Кумен. р-н). Такие фотографии удается сделать только в дни торжеств, которые собирают людей из разных мест по большому поводу. В центре — сравнительно молодой председатель коммуны Петр Прозоров, легендарная Екатерина Лалетина и многие из тех, кто был славой вятского крестьянства, добывавшего Победу в тылу на колхозных нивах: полеводы, животноводы, бригадиры. Конечно, это послевоенный снимок.

Вятские льноводы — особая страница в творчестве братьев-фотографов Леонида и Юрия Шишкиных. Леонид запечатлел довоенных льноводов — участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В дни войны славилась льновод Н. Куклина, работавшая в находящемся тогда в составе Кировской области Шарангском районе. Это она в составе кировской делегации выезжала в блокадный Ленинград с подарками от кировчан. Ее фотопортрет сохранился в архиве корреспондента.

А вот снимок: подростки везут мешки на телегах. Над одной плакат: «Хлеб фронту, Родине!» Он сделан в дни войны в колхозе имени 18 марта (Свечин. р-н). Теперь уже не узнать, кто эти парни и девчата, везущие зерно на хлебоприемный пункт.

«Всё для фронта!» — и шли обозы с хлебом из колхозов. «Всё для фронта!» — и двигались из заводских ворот танки. В свободное время, зимой, готовили крестьяне для фронта продовольственные посылки, фронтовикам теплые вещи. Запечат-

лел фотообъектив Л.А. Шишкина и такой момент в Нолинском районе.

Великую силу духа и героизм проявили вятские крестьяне в дни войны. Они не только пахали, сеяли, жали, растили хлеб, картофель, лен, сдавали государству молоко, мясо, масло, они воспитывали новую смену крестьян — своих детей, питаясь порой травой да лепешками-оляпишами, но и проявили материнскую заботу о ленинградских эвакуированных ребятишках, детских домах, приехавших из западных районов страны. Помогали они и раненым в госпиталях, разместившихся в школьных зданиях в районах нашей области.

Голод, холод, нужда, непосильный труд 1418 дней и ночей войны, а сколько голодных дней послевоенных?!

В войну в большом ходу были слова: «Будет и на нашей улице праздник». Люди повторяли их, свято веря в Победу. В 1943 г., когда наши войска разгромили фашистов под Сталинградом, на Курской дуге, форсировали Днепр и освободили Киев, кировчане, оторвав от себя вовсе не лишнее, отправляли в освобожденные районы семена, инструменты, сами ехали на восстановление разрушенных городов и сел. Леонид Шишкин запечатлел и эти события.

Фотокорреспондент «Кировской правды» Л.А. Шишкин (1910—1965) стремился поспеть за бегущим днем и отразить в своих снимках как можно больше событий из жизни родной области. Из-за спешной корреспондентской работы не находилось у него времени взглянуть на свои фотографии, сделанные во время войны. А работа совершена поистине титаническая. Сотни документальных кадров, повествующих о героическом труде крестьян в тяжкие дни войны.

Прожил он мало. Всего 55 лет. Умер, вернувшись из дальней трудной командировки. Я не видел на похоронах столько людей, сколько пришлось проститься с Леонидом Александровичем. Вся улица перед редакцией была запружена народом. Это были его друзья, знакомые, герои его снимков.

Л.А. Шишкина искренне, от души любили кировчане.

ТРУДНЫЙ ПОДЪЕМ

Т.П. КОКУРИН

НА РАБОТУ СЛАВНУЮ

Закончилась война и перед работниками сельского хозяйства встала задача в кратчайшие сроки восстановить довоенный уровень сельскохозяйственного производства и обеспечить дальнейшее увеличение валовых сборов зерна, картофеля, овощей и животноводческой продукции.

В первые послевоенные годы не хватало рабочих рук, техники, капиталовложений. Серьезный урон нанесла экономике колхозов и совхозов область засуха 1946 г. Но своевременная помощь государства семенной ссудой, денежными кредитами, техникой позволила уже на следующий год собрать неплохой урожай, а в 1948 г. расширить посевные площади и повысить продуктивность животноводства. Правительство высоко оценило работу колхозников в эти трудные годы. В 1948 г. за успехи в развитии сельского хозяйства 21 передовику области присвоено звание Героя Социалистического Труда, 524 колхозникам, специалистам и работникам МТС вручены ордена и медали.

В 1950 г. было осуществлено организационно-хозяйственное мероприятие — укрупнение мелких колхозов. Из 9882 сельскохозяйственных артелей области создано 2488, со средним земледельством пашни на одно хозяйство — 1200 га. К 1955 г. число колхозов сократилось до 1217. Были восстановлены посевные площади и численность скота до уровня 1940 г., а техническая оснащенность превысила довоенную. Улучшилась агротехника. Валовой сбор зерна по сравнению с 1945 г. увеличился на 30 %, картофеля — на 25 %, льноволокна — в два раза. Возросло производство молока и мяса.

Однако темпы развития сельского хозяйства отставали от растущих потребностей трудящихся в продуктах питания, а легкой и пищевой промышленности в сырье. За послевоенные годы возросла реальная заработная плата рабочих и служащих, поднялась их покупательская способность. Увеличилось население городов и рабочих поселков области. Колхозы и совхозы не справлялись с возрастающими заказами на поставку сельскохозяйственных продуктов. Seriously сдерживали развитие сельской экономики недостаточное количество техники, капиталовложений, чрезмерная централизация управления. Слаба была мотивация

зация крестьянского труда: из-за низких закупочных цен на сельхозпродукцию и высокого процента подоходного и сельскохозяйственного налогов хозяйства не могли поднять уровень оплаты труда.

В 1953 г. правительством принята развернутая программа подъема сельскохозяйственного производства в стране. Увеличились капиталовложения в эту отрасль, возросли производство и поставка техники, повышены заготовительные и закупочные цены на мясо, молоко, картофель, овощи. Снижен подоходный налог с колхозов, а сельскохозяйственный налог с членов сельхозартелей уменьшен в два с половиной раза, они были освобождены от обязательных поставок государству, все их недоимки аннулированы.

Проведена работа по изменению и дополнению примерных уставов сельскохозяйственных предприятий; стали применяться расчеты по оплате труда в зависимости от количества полученной продукции. 242 колхоза перешли на денежную оплату труда с месячным авансированием. Экономически слабым хозяйствам списано и отсрочено погашение больших сумм платежей по денежным и натуральным ссудам. Проведено укрепление руководящих кадров села. В Кировской области 4745 специалистов из городов и рабочих поселков направлено в сельское хозяйство, часть из них рекомендована председателями колхозов. В эти годы областью получено 5 тыс. тракторов и 3 тыс. комбайнов.

Осуществление всех этих мер не замедлило сказаться на развитии сельского хозяйства. Борьба за увеличение валового сбора зерна, как важнейшего условия подъема других отраслей сельского хозяйства, была в основе колхозного производства. Один из лучших колхозов области, «Красный Октябрь» (пред. Герой Соц. Труда П.А. Прозоров, Вожгал., ныне Кумен. р-н), в 1955 г. получил урожай озимой ржи по 20 ц/га на площади 1200 га (при среднем областном урожае 9,7 ц/га). Отдельные бригады этого колхоза имели ещё более высокие урожаи. Бригадир А.Н. Прозорова вырастила по 26 ц ржи с гектара, Е.Г. Лалетина — по 29 ц ржи, по 16 ц ячменя, по 5 ц льносемян и 8 ц льноволокна с каждого гектара посева.

Малмыжская ордена «Знак Почета» МТС обеспечивала получение валового сбора зерновых в обслуживаемой зоне в полтора раза выше среднеобластного уровня. Высоких урожаев зерновых культур и картофеля добивались колхозы, обслуживаемые Пижанской, Уржумской, Татауровской и Зуевской МТС. Так, колхоз имени Калинина (пред. П.И. Лоншаков, Малмыж. р-н) добился значительного увеличения урожайности всех сельскохозяйственных культур и в 1958 г. выплатил на каждый трудо-

день по 2,3 кг зерна и по 4 руб. 70 коп. денег. Доярка А.Ф. Шебухова этого же колхоза от закрепленных за ней 12 коров получила по 3347 кг молока.

Значительных успехов в увеличении производства зерна, картофеля, льна, мяса и молока добились колхозы: «Искра» (пред. А.М. Ронжин, Котельнич. р-н), имени Ленина (пред. В.Е. Мамаев, Зуев. р-н), «Ленинская искра» (пред. Б.Ф. Князев, Арбаж. р-н) и другие.

В колхозе имени Кирова (пред. А.И. Рухлядева, Просниц., ныне Кирово-Чепец. р-н) выращивалась новая для условий области культура — кукуруза. Средний урожай её зеленой массы в 1955 г. по колхозу составил почти 300 ц, а на участке в 3,5 га по 700 ц/га.

Колхоз «Поляковский» (пред. Н.Д. Скурихин, Халтурин., ныне Орлов. р-н) в 1953 г. получил удой молока по 2788 кг от коровы, в 1954 г. — 3920 кг, в 1955 г. — 4164 кг. Хороших результатов в развитии животноводства добились колхозы имени Молотова (Оричев. р-н), имени Свердлова (Уржум. р-н), «Труд», имени Ленина (Слобод. р-н), «Заветы Ильича» (Котельнич. р-н), совхоз «Мухинский» (Зуев. р-н) и многие другие.

За период с 1953 по 1958 г. продажа молока государству сельхозпредприятиями области увеличилась в 3,5 раза, мяса — в 2 раза. Колхозы области получили более 3 тыс. тракторов, 2,5 тыс. комбайнов, много другой техники. Государство выделило для сельского хозяйства области 500 млн. рублей капвложений. Кроме того, хозяйства сумели вложить своих средств 1,2 млрд. рублей. Большая помощь оказана колхозам по линии списания долгов и отсрочки платежей по денежным и натуральным ссудам. Если в 1953 г. на трудодни колхозникам выдано 65,5 млн. руб., то в 1959 г. — 475 млн. руб.

В апреле 1958 г. 1500 работников сельского хозяйства награждены орденами и медалями. В том числе дважды Герой Соц. Труда П.А. Прозоров; Герой Соц. Труда А.М. Ронжин; председатель колхоза «Труд» (Слобод. р-н) А.Д. Овечкин; директор совхоза «Мухинский» В.Ф. Шушканов; доярка колхоза «Ударник» (Нолин. р-н) Е.М. Рубцова; доярка совхоза «Соколовка» (Зуев. р-н) А.М. Кошечева; звеньевая колхоза «Память Куйбышева» (Шабалин. р-н) М.А. Василькова.

В январе 1959 г. в стране был принят семилетний план развития народного хозяйства на 1959—1965 гг. В агропромышленном комплексе намечено обеспечить рост сельскохозяйственного производства, который позволил бы удовлетворить потребности населения в важнейших продуктах питания в широком ассортименте и высокого качества, а также нужды перерабатывающей промышленности в сырье.

По Кировской области было предусмотрено увеличить за 1959—1965 гг. валовой сбор зерна в два раза, производство мяса — в два раза, молока — на 87 %, яиц — на 80 %, шерсти — на 40 %. В первый же год семилетки сельхозпредприятия области успешно выполнили свои обязательства. Государственный план продажи зерна, мяса, молока и яиц завершен к 30 сентября 1959 г. Продано больше, чем в 1958 г.: мяса — в два раза, молока — на 21 %, яиц — на 9 %, шерсти — на 4 %.

Таблица 1

**Объемы закупок сельскохозяйственных продуктов
по Кировской области**

Продукция	Годы				
	1953	1958	1959	1960	1959, в % к 1953
Зерно, тыс. т.	317,5	315,0	305,2	173,1	96,1
Мясо в живом весе, в тыс. т.	18,3	47,7	98,4	93,3	537,7
Молоко, тыс. т.	93,2	205,7	247,9	265,7	266,0
Яйца, млн. штук	21,4	33,2	36,3	43,4	170,0
Шерсть, тонн	773,0	826,0	858,0	207,0	111,0

По итогам 1959 г. Кировская область отмечена высшей наградой СССР — орденом Ленина.

Но в последующие годы сельское хозяйство области, по существу, опять стало топтаться на месте. К 1965 г. сократилось производство и поставки государству сельскохозяйственной продукции, уменьшились посевные площади и поголовье свиней, овец, птицы. Валовая продукция сельского хозяйства снизилась на 10 %. Основными причинами отставания сельской экономики явились: нарушение экономических законов развития производства, принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъеме общественного хозяйства, правильного сочетания общественных и личных интересов.

В значительной мере сказался также субъективизм в руководстве, что привело к ошибкам в планировании, финансировании и кредитовании сельского хозяйства, в политике цен. Зональные закупочные цены на зерно, мясо, молоко отстали от роста цен на продукцию промышленности и энергоносителей. Причинами, сдерживающими дальнейшее развитие сельского хозяйства, явились также серьезные ошибки, допущенные в проведении организационной перестройки, и субъективизме в руководстве этой отраслью.

В 1958 г. были реорганизованы машинно-тракторные станции. Их техника передана колхозам и совхозам. Предполагалось сосредоточить в одних руках все средства производства — землю, технику и рабочую силу. Однако на деле получилось так, что из новых, хорошо отстроенных мастерских МТС всю технику вытолкнули к колхозной кузнице. Передача техники привела к значительному снижению уровня её эксплуатационных возможностей. Многие инженерно-технические кадры и механизаторы ушли в город, подались на заводы и в лесную промышленность. В колхозах значительно выросли текущие производственные затраты на содержание техники и организацию её ремонта. Большой ущерб экономике колхозов нанесло необоснованное решение о сокращении сроков выплаты сумм за приобретенную у МТС технику.

В 1956—1960 гг. в области вновь проведено массовое укрупнение хозяйств. К 1961 г. вместо 1217 колхозов и совхозов, имевшихся в 1956 г., было создано 335 крупных сельскохозяйственных предприятий. В среднем на одно хозяйство приходилось по 37 населенных пунктов, 11 тыс. га сельхозугодий, в т.ч. 7 тыс. га пашни. В условиях бездорожья, разбросанности на значительные расстояния деревень, недостатка квалифицированных кадров и техники, большие размеры хозяйств явились одной из причин ухудшения их экономики.

Существовавшая система заготовок сельхозпродуктов не позволяла колхозам правильно планировать свое производство. Закупки устанавливались только на один год, часто с большим опозданием. В ходе выполнения они неоднократно менялись, завершившим основное задание давалось дополнительное. Устанавливаемые государством планы поставок сельхозпродукции зачастую были завышены и не соответствовали реальным условиям хозяйствования. Если же план не выполнялся, то колхозу записывался долг, который из года в год нарастал из-за нерéalности планов сдачи продукции. При недостатке семян коллективные хозяйства вынуждены были брать у государства ссуды для покупки своего же зерна.

С 1955 г. в области стала внедряться кукуруза. К 1962 г. площади под этой теплолюбивой и трудоёмкой культурой достигли 320 тыс. га. Отдельные хозяйства, подобрав лучшие сорта и плодородные участки земли для её посева, получили неплохие урожаи зеленой массы. Но большинство колхозов, не имея опыта выращивания этой южной культуры, не справилось с её освоением в условиях северного земледелия. Резко были увеличены посевы сахарной свеклы, завезены южные сорта гороха, возделывание которых также не дало ожидаемых результатов. В то же время площади под многолетними травами — основной

кормовой культурой области — сократились. В некоторых колхозах были преданы забвению севообороты, сокращены пары, перестали заниматься луговодством.

Проводилась линия на ограничение подсобного хозяйства сельского населения, сокращены размеры приусадебных участков и количество скота в личной собственности. Следует отметить, что на протяжении десятилетий роль личных подсобных хозяйств недооценивалась и они развивались в основном в зависимости от указаний руководящих органов «сверху». И только минимальный уровень производства в ЛПХ определялся, независимо от указаний, необходимостью удовлетворения самых насущных потребностей сельского населения в продуктах питания.

В 1961—1964 гг. сложились неблагоприятные метеорологические условия. Из-за сильнейшей засухи урожай зерновых в 1961 г. был получен всего 2,9 ц с га, в 1964 г. зерна было собрано по 4,6 ц с га. Неурожаи этих лет тяжело отразились на экономическом состоянии колхозов и совхозов. Планы заготовок зерна и др. продуктов не были выполнены. Сократилось поголовье общественного скота, снизилась его продуктивность, уменьшились денежные доходы хозяйств. Область вынуждена была взять у государства большие семенную и продовольственную ссуды. При денежном доходе 112,0 млн. руб. задолженность колхозов перед Госбанком СССР и другими кредиторами в 1964 г. составляла 156,5 млн. руб.

Многие колхозы и совхозы области, оставшись один на один со своими проблемами, лишившись финансовых и материальных ресурсов, стали стремительно приходить в упадок. Они лишились возможности обновлять и расширять свои производственные и социальные фонды, что сдерживало развитие их экономики и, прежде всего, её самой больной — социально-культурной и оздоровительной части. Из села массовым потоком стала уходить молодежь. Таким образом, сложившаяся обстановка требовала принятия срочных и неотложных мер по подъему сельского хозяйства.

В марте 1965 г. прошел пленум ЦК партии, рассмотревший состояние сельскохозяйственного производства в стране. Было отмечено неудовлетворительное положение с развитием экономики этой отрасли и принята широкая программа подъема сельского хозяйства. Важнейшее место в ней занимали совершенствование закупочных цен и системы планирования и заготовок сельхозпродуктов, укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов, усиление экономических методов руководства сельскохозяйственным производством, повышения роли науки, ответственности специалистов и использо-

вания материального стимулирования тружеников села, расширение хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов.

В соответствии с постановлением правительства с Кировской области была списана и отсрочена значительная сумма задолженности сельхозпредприятий, увеличились поставки техники и фондовых материалов. Землепользование хозяйств приведено в соответствие с производственными возможностями и природно-экономическими условиями. Улучшилась структура пахотных земель. Отделенные от основных земельных массивов мелкие, заросшие лесом участки исключены из сельскохозяйственного оборота. Большинство колхозов получило почвенные карты. Часть колхозов разукрупнилась и преобразовалась в совхозы. Больше стало вноситься органических, минеральных и известковых удобрений.

Заметно усилилась механизация сельского хозяйства. Только за 1965—1966 гг. хозяйства области получили 4140 тракторов, более 1000 грузовых автомашин, много другой техники. В десять раз возросли площади, возделываемые силами механизированных звеньев, специализированных на производстве отдельных культур. Возросли государственные и колхозные капиталовложения в сельскохозяйственное производство, увеличились объемы строительства, приобретения материально-технических средств. Повысились темпы электрификации. Колхозники стали получать гарантированную оплату труда на уровне совхозных расценок: в среднем по области 2 руб. 14 коп. за выработанный человекодень против 1 руб. 53 коп. в 1964 г. Трактористам-машинистам введена надбавка за стаж.

Улучшен руководящий состав работников колхозов и совхозов. Если в 1964 г. в области насчитывалось 275 председателей хозяйств с высшим и средним специальным образованием, то в 1967 г. их стало 348. На работу в село было направлено около 1000 выпускников сельскохозяйственного института и техникумов. В среднем на колхоз приходилось в то время по 6, а на совхоз — по 13 специалистов.

Усилилось внимание к дальнейшему развитию системы «Сельхозтехника». Ремонтная база объединения значительно расширена и специализирована, в её состав вошли 8 ремонтных заводов, 67 мастерских, 7 торговых баз, 5 межрайонных механизированных пунктов по завозу удобрений. Создано 60 отрядов по мелиорации земель, 30 станций технического обслуживания животноводческих ферм. «Райсельхозтехниками» области принято для проведения ремонта более 440 колхозов и совхозов. В 36 районах области построены станции централизованного технического обслуживания автомобилей. В экономически слабых хозяйствах объединение «Сельхозтехника» начала про-

водить новую форму производственных взаимоотношений — частичное техническое обслуживание. При этом за отделением «Райсельхозтехники», на договорных началах с колхозом, закреплялись определенные поля и севообороты, на которых весь комплекс работ по возделыванию и уборке зерновых культур выполнялся механизаторами районного объединения. Оплата осуществлялась за конечный результат. В 1977 г. на такую форму обслуживания перешло 115 хозяйств области. Впоследствии в ряде экономически крепких хозяйств стало осуществляться уже полное производственное обслуживание, когда колхоз передавал в аренду районному отделению «Сельхозтехника» не отдельные поля и севообороты, а весь машинно-тракторный парк для проведения всего комплекса работ в полеводстве. Первыми такими колхозами были «Искра» и «Путь Ленина» (Котельнич. р-н), «Ленинский путь» (Совет. р-н). Всесоюзный семинар «Сельхозтехники», проведенный в 1964 г. в г. Кирове, положительно отметил работу Кировского объединения «Сельхозтехника» и рекомендовал его опыт по стране.

Значительно повысилось в сельскохозяйственном производстве области значение государственного сектора — совхозов. Если на начало 1960 г. было всего 142 совхоза, то к 1970 г. их стало 265, доля которых в производстве и продаже государству сельхозпродукции возросла до 30—35 %, а по яйцу до 60 %.

Большую помощь колхозам и совхозам области стали оказывать промышленные предприятия. Многие из них в порядке шефской помощи помогали строить и ремонтировать мастерские, животноводческие помещения, склады, жилые дома, прокладывать электролинии, изготавливали запасные части к сельхозмашинам, занимались подготовкой трактористов и комбайнёров. Тысячи рабочих и служащих принимали участие в уборке урожая.

Осуществление организационно-хозяйственных мероприятий оказало благотворное влияние на развитие сельскохозяйственного производства. Уже в 1966 г. область досрочно выполнила планы продажи государству продуктов растениеводства и животноводства. Увеличился объем закупок зерна, мяса, молока, яиц. Денежные доходы колхозов и сумма реализации совхозов возросли в полтора раза, а стоимость валовой продукции — на 12 %.

Хороших результатов добились в эти годы многие колхозы, совхозы области. Один из старейших колхозов страны «Красный Октябрь» (пред. дважды Герой Соц. Труда П.А. Прозоров, Кумен. р-н) ежегодно получал высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Средний надой молока на корову в 1966 г. составлял 2686 кг, годовой доход колхоза более 1 млн. руб. Каждый из краснооктябрьцев, выработавший трудовой минимум,

получал оплачиваемый отпуск и бесплатную путевку в колхозный дом отдыха. В центральной усадьбе колхоза в с. Вожгалы введены в действие клуб, кинотеатр, Дом культуры, баня, пекарня, магазины. Для детей построены детский сад, ясли. Колхозники живут в коммунальных квартирах с электричеством и водопроводом. Каждая вторая семья имеет телевизор и стиральную машину. В 1966 г. в различных вузах страны учились по путевкам хозяйства 12 человек. В с. Вожгалы имеется аллея Героев. Девятнадцати колхозникам-краснооктябрюцам присвоено это высокое звание трудовой славы. В 1967 г. колхоз «Красный Октябрь» награжден орденом Ленина.

Высоких стабильных урожаев добился котельничский колхоз «Искра» (пред. Герой Соц. Труда А.М. Ронжин). Опыт этого колхоза по интенсивному откорму скота внедряется во многих хозяйствах области. В 1966 г. четверо передовиков колхоза награждены орденом Ленина, двое — орденом Трудового Красного Знамени, пятеро — «Знаком Почета».

Колхоз имени Дзержинского (Зуев. р-н) занимается разведением свиней. В 1966 г. их содержалось более 5,5 тыс. голов. Колхоз продал государству свыше 550 тонн свинины. 16 колхозников и специалистов отмечены правительственными наградами.

Характерен путь колхоза «Ижевский» (Пижан. р-н). В 1958 г. он объединил несколько мелких артелей. Вместо 24 бригад было создано 11. Дойное стадо размещено в пяти бригадах, телят поместили в четырёх, овец в одной — Чекмеревской кошаре, свиней — в Тонокейском дворе. Осуществлена специализация и в полеводстве. Посадку картофеля закрепили за тремя механизированными звеньями. Выращивание льна сосредоточили в бригаде № 3. В 1960 г. колхоз произвел 3876 т зерна и 332,5 т мяса, в 1966 г. — 5359 т зерна и 487 т мяса.

Успешно работали колхозники сельхозартелей «Ударник» (Нолин. р-н), «Путь Ленина» (Котельнич. р-н), имени Кирова (Кирово-Чепец. р-н), имени Калинина (Малмыж. р-н), имени XXII партсъезда (Вятскополян. р-н). В 1966 г. они получили более 12 ц зерна с гектара. 60 колхозов и совхозов собрали урожай зерновых выше среднего уровня по области. Вятскополянский район полностью выполнил план заготовки семян и продал государству хлеба 186 % к плану.

Колхоз «Верный путь» (Шабалин. р-н) в 1966 г. вдвое увеличил посевы льна, с 900 га получил по 3,8 ц льноволокна, по 2,8 ц льносемян. Повысил рентабельность этой отрасли в два раза.

Первое место по надою молока на корову занял колхоз имени Калинина (Малмыж. р-н), надоивший в 1966 г. по 2933 кг. Свыше 3000 кг молока от коровы надоили 148 доярок области.

За два года молочная продуктивность коров в целом по всем хозяйствам увеличилась на 250 кг.

В 1965—1966 гг. промышленные предприятия области подготовили для работы в сельском хозяйстве 1480 трактористов и комбайнеров.

За успехи в развитии полеводства и животноводства 2100 передовиков области в 1966 г. были награждены орденами и медалями. Звание Героя Социалистического Труда присвоено 13 лучшим работникам сельского хозяйства. Главный Комитет Выставки достижений народного хозяйства присудил премии и медали 53 животноводам области. Во всероссийском соревновании за увеличение производства и заготовок продуктов животноводства в первом полугодии 1967 г. область завоевала первенство в Волго-Вятской зоне. Ей присуждены переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС и первая денежная премия.

В шестидесятых годах в области работал первым секретарем обкома партии кандидат экономических наук Б.Ф. Петухов. Энергичный и волевой руководитель прекрасно понимал, что на крупном механизированном предприятии значительно сокращаются и удешевляются затраты на производство продукции. При его воздействии была разработана и активно проводилась в жизнь широкая программа концентрации и специализации каждой отрасли сельского хозяйства. В 1963 г. по его инициативе проведена первая областная экономическая сельскохозяйственная конференция, которая наметила пути осуществления этой программы. Основное внимание работников сельского хозяйства в это время было сосредоточено на решении двух важнейших взаимоувязанных задач — увеличение валовых сборов зерна и производства продуктов животноводства.

Начала претворяться в жизнь специализация растениеводческих отраслей. Определены зоны выращивания товарного зерна, льна, картофеля и овощей, в которых ведутся поставки продукции в областной и республиканский продовольственные фонды.

Улучшена система семеноводства. Опытные хозяйства зонального НИИСХ Северо-Востока и учхоз Вятского сельхозинститута производят элитные семена перспективных, районированных, наиболее урожайных зерновых культур, картофеля, многолетних трав и реализуют их более 100 специализированным семеноводческим хозяйствам, которые размножают полученные элитные семена и передают колхозам и совхозам, производящим товарную продукцию. В «спецсемхозах» построены хранилища, механизированные тока и семяочистительные и сушильные линии.

Производство овощей сконцентрировано в двух совхозах — «Чепецкий» и «Красногорский», расположенных в пригородной зоне г. Кирова и г. Кирово-Чепецка. На базе их теплоцентралей построены крупные овощные комбинаты, которые производят свыше 90 % заготавливаемых в области овощей. В Котельничском районе на базе льносеющих хозяйств, льносемашниц и льнозаводов создано объединение «Агропромлен».

Проведена специализация производства плодово-ягодной продукции. На базе плодопитомников и хозяйств, имеющих садовые плантации, организован трест плодово-ягодных культур «Плодопром», объединивший 8 специализированных предприятий.

Значительные преобразования произошли в животноводстве. Во-первых, определена специализация всех 586 имевшихся в области колхозов и совхозов по направлениям товарной продукции в скотоводстве, свиноводстве, овцеводстве, птицеводстве. Во-вторых, на её основе принята программа концентрации производства животноводческих отраслей.

Для интенсивного развития молочного скотоводства выделено 186 хозяйств, расположенных вблизи городов и промышленных центров. На откорме крупного рогатого скота стали специализироваться 59 сельхозпредприятий, из них 30 совхозов вошли в трест «Скотопром». Выращивание молодняка сведено в 22 хозяйства Племяобъединения. Производство свинины организовано в 25 хозяйствах, в т.ч. 15 совхозов объединились в трест «Свинопром». Овцеводство сосредоточилось в 36 совхозах треста овцеводческих хозяйств. Птицеводство сконцентрировалось на 12 птицефабриках треста «Птицепром» и на одной колхозной птицеферме. Существовало также 3 звероводческих хозяйства в системе «Коопзверопромхозы». Наряду со специализацией сельхозпредприятий в них осуществлялась программа концентрации производства, внедрение новых, высокопродуктивных технологических процессов, их механизация.

За 1965—1980 гг. в области построено 22 молочных комплекса на 400, 600 и 800 коров. Проведенные учеными НИИСХ Северо-Востока исследования показали, что если в целом по всем колхозам и совхозам средний удой молока на корову в 1980 г. составлял 2104 кг, то на комплексах — 2470 кг, себестоимость молока соответственно — 44,6 руб и 31,5 руб. Рентабельность производства молока на комплексах была в полтора раза выше, чем в рядовых хозяйствах. Преимущество крупного производства проявлялось несомненно, особенно наглядно подтверждается этот вывод показателями работы птицефабрик.

Концентрация птицеводства началась в 1965 г. К середине 70-х гг. в области уже действовало 12 крупных птицефабрик. Если в 1965 г. во всех категориях хозяйств области содержалось 612,9

тыс. голов птицы, то в 1980 г. численность их составляла 4,2 млн. голов, или в 6,8 раза больше, в т.ч. на птицефабриках 3,8 млн. голов. Производство яиц за это время увеличилось с 59 до 410 млн. штук, или в 7 раз, в т.ч. 90 % яиц было получено на птицефабриках. Яйценоскость кур-несушек возросла в 1,6 раза, а затраты труда в птицеводстве сократились в два раза.

Значительно повысился уровень механизации трудоемких процессов на животноводческих фермах. В 1965 г. комплексная механизация на фермах крупного рогатого скота составляла к общему поголовью всего 7 %, на свинофермах — 21 %, на птицефабриках — 10 %, а в 1994 г. соответственно стала 67, 74, 99 %.

Однако принятые на мартовском (1965 г.) пленуме партии решения по подъему экономики сельского хозяйства не были выполнены до конца. Бюрократический аппарат власти продолжал политику выколачивания ресурсов из села. Механизмы этого воздействия не ослабевали, а становились все более ощутимыми. Аграрный сектор снова стал рассматриваться в качестве неиссякаемого источника для покрытия дефицита бюджета страны. Закупочные цены на сельхозпродукцию не покрывали все затраты на её производство, возросли налоги. В результате рентабельность отраслей сельского хозяйства стала снижаться. Большинство хозяйств области оказалось убыточными. Рост производства основных продуктов приостановился.

20 марта 1974 г. было принято постановление правительства «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечернозёмной зоны РСФСР». Кировская область, одна из самых крупных в зоне, получила значительную поддержку. В колхозы и совхозы поступило сотни мощных тракторов, комбайнов и автомобилей. За 1974—1977 гг. энерговооруженность возросла на 42 %. Увеличились капиталовложения в жилищное строительство в 3 раза, в производственное — в 2,8 раза, в объекты соцкультбыта — в 5,3 раза. В эти годы началось строительство поселков Юбилейный (колхоз «Путь Ленина» Котельн. р-на), Коршик (совхоз «Коршик» Оричев. р-на).

В Костино (центральная усадьба Красногорского совхоза) построены двадцать 18-квартирных панельных домов и 21 индивидуальный дом усадебного типа, средняя школа, детсад, торговый центр, столовая, Дом культуры, амбулатория, административное здание. Недалеко — молочный комплекс на 800 голов, сушильный комплекс, нефтебаза, овощехранилище, машинный двор. На 1213 гектарах проведена мелиорация земель. В совхозе имеется тепличный комбинат, который снабжает свежими овощами жителей областного центра. Сейчас он полностью компьютеризирован учеными ВятГУ, в 2005 г. пущена новая салатная линия, работа продолжается.

Однако отставание сельскохозяйственного производства нельзя было поднять этими временными мерами. Закупочные цены на продукцию села по-прежнему не покрывали затрат на их производство. Многие колхозы и совхозы были убыточными. Область не выполняла планы закупки ни по одному виду, кроме яиц. Большую озабоченность вызывал значительный выход из оборота сельскохозяйственных угодий, которые сократились на 113 тыс. га, в т.ч. на 48,6 тыс. га пашни. Аграрный сектор опять оказался в критическом состоянии.

Серьезную тревогу создавало бедственное положение социально-культурной сферы села. Вятские деревни безнадежно отставали от города по обеспеченности благоустроенным жильем, коммунальными услугами, школами, медицинскими и культурными учреждениями. Одной из самых острых нерешенных проблем продолжали оставаться дороги.

Требовались неотлагательные меры по восстановлению утраченных темпов развития сельской экономики и придания ей передовых позиций в народном хозяйстве.

В 1982 г. правительством была выработана и утверждена «Продовольственная программа», которая несколько приостановила нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве. Наряду с задачами по увеличению производства сельхозпродукции и улучшению питания населения страны в Программе предусматривался рост доходов колхозов и совхозов, а также радикальное изменение форм хозяйствования на земле. Крестьянам предоставлялись права самостоятельности, предприимчивости и инициативы. Впервые официально была признана возможность одновременного существования различных видов собственности, кооперативных и арендных коллективов.

В последующие годы внимание к сельскому хозяйству было усилено. Стало больше выделяться средств, техники, удобрений, произошли изменения в организации и оплате труда. Широко внедрялись хозрасчет, арендный подряд, механизированные отряды и звенья, во многих хозяйствах проведена аттестация рабочих мест, внедрялась сдельная оплата труда. Был продолжен курс на усиление концентрации, специализации, интенсификации производства. Восьмидесятые годы характеризуются определенным подъемом сельскохозяйственного производства. Если в 1975—1980 гг. его валовая продукция сократилась на 11 %, то в последующие две пятилетки рост составил по 9,5 %. Значительно возросли поставки сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений. Увеличились капиталовложения и выделение кредитов на производственное и социальное строительство.

Для представления объемов выполненных работ и достигнутых результатов за 1966—1990 гг. в сельском хозяйстве об-

ласти целесообразно привести несколько цифр. По сравнению с 1965 г. техническое оснащение хозяйств в 1990 г. увеличилось почти в три раза. Например, численность тракторов в АПК области возросла с 13,8 тыс. до 33,5 тыс. единиц. Значительно окрепли ремонтные мастерские объединения «Сельхозтехника». Создана сеть мелиоративных предприятий. Если в 1965 г. площадь мелиорированных земель составляла 67,5 тыс. га, то в 1990 г. — 213,5 тыс. га. За 1980—1988 гг. в мелиоративное строительство вложено 375 млн. руб.

В хозяйствах области внедряется научная организация труда. Большое распространение получают специализированные бригады, механизированные отряды по производству и внесению органических удобрений, известкованию кислых почв, мелиорации земель, выращиванию и заготовке кормов. На возделывании пропашных, технических и зерновых культур трудятся механизированные звенья.

Большую роль в подъеме сельскохозяйственного производства имеет электрификация. Потребление электроэнергии в сельском хозяйстве области на производственные цели к 1990 г. составило 1332 млн. квт/час против 89 в 1965 г. Централизованным электроснабжением обеспечены все колхозы и совхозы. Проведена передача всех внешних линий напряжением 0,4 киловатт и выше в государственную систему. Рост энерговооруженности позволил намного расширить использование электричества не только в производстве, но и в улучшении бытовых условий сельского населения.

Рост материально-технической базы сельского хозяйства позволил выдвинуть в начале восьмидесятых годов новые задачи в направлении интенсификации производства. У колхозов и совхозов появилась возможность применения повышенных доз удобрений, раздельного их внесения, средств защиты растений и известкования. Увеличение уровня механизации обеспечивало комплексность и сокращение сроков проведения полевых работ, снижало потери, значительно повышало культуру земледелия. За 1966—1990 гг. внесение органических удобрений в области возросло с 4,4 млн. тонн до 10,4 млн. тонн, минеральных удобрений — с 37,9 тыс. тонн до 232 тыс. тонн, известкование кислых почв — с 1,3 тыс. га до 232 тыс. га.

Разработанная Зональным НИИСХ Северо-Востока система интенсификации с использованием технологической колее стала активно внедряться в передовые хозяйства области. Проведенный в 1986 г. областным комитетом статистики учет использования этой прогрессивной технологии в растениеводстве показал, что из 1358 тыс. га зерновых культур по интенсивной системе посеяно 130 тыс. га. При этом урожайность ози-

мых культур была в полтора раза выше, чем при обычной технологии.

В этот период в области была выдвинута идея получения 2 млн. тонн зерна. Такая задача была осуществлена в 1990 г., когда было получено 2036,5 тыс. тонн и в 1992 г. — 2247,2 тыс. тонн в первоначальном оприходованном весе всех зерновых культур.

Год 1990-й стал переломным моментом в истории развития сельского хозяйства. Он был последним годом эпохи строительства социалистического общества и в то же время подвел итоги возможностям советского строя. Обратимся к цифрам неумолимой статистики. Производство валовой сельскохозяйственной продукции в 1990 г. по сравнению с 1965 г. возросло в полтора раза, по видам продукции это наглядно свидетельствует табл. 2.

Таблица 2

**Производство и потребление
на душу населения сельхозпродукции в области**

Показатели	Производство, тыс. тонн			Потребление на душу населения, кг	
	1965 г.	1990 г.	%	1965 г.	1990 г.
Зерно	903,0	1680,0	186,0	189	133
Мясо в уб. весе	75,8	149,3	197,0	35	73
Молоко	721,1	932,0	127,5	262	327
Яйца, тыс. шт.	205,6	516,0	251,0	103	308

Из приведенных в таблице данных следует, что рост производства сельскохозяйственной продукции, безусловно, сказался на улучшении питания населения области. При этом положительным явлением можно считать сокращение в рационах кировчан потребление хлеба и картофеля при увеличении более ценных продуктов — мяса, молока и яиц.

Повысилась рентабельность производства сельскохозяйственных продуктов, что свидетельствует об увеличении прибыли от их реализации. Колхозы и совхозы начали выходить из финансового тупика.

Если в 1980 г. в сельскохозяйственной отрасли рентабельным было производство картофеля (+9 %) и яиц (+79,82 %), то в 1990 г. вся произведенная и реализованная продукция сельхозпредприятий дала определенный доход.

Наряду с увеличением объемов реализации и поступлением прибыли сельхозпредприятий значительно выросли бюджетные средства, направленные государством на развитие ма-

териально-технической базы сельского хозяйства и социально-культурного строительства на селе. Если в 1980 г. агропромышленному комплексу области было выделено 1,5 млрд. руб. капиталовложений по всем источникам финансирования, то в 1990 г. — 2,1 млрд. руб., в т.ч. государственные средства увеличились в 2,1 раза.

Произошли сдвиги и в оплате труда сельскохозяйственных работников. И хотя ежемесячная зарплата их оставалась одной из самых низких среди других отраслей экономики области, она была повышена с 162 руб. в 1980 г. до 288 руб. в 1990 г. Обследование бюджетов семей колхозников, проведенное областуправлением, показало, что совокупный денежный доход в среднем на семью увеличился с 4111 руб. в 1980 г. до 7000 руб. в 1990 г., или на 70 %.

Жизнь села постепенно налаживалась. За всю свою историю сельское хозяйство страны никогда не было так близко к решению крестьянской, а с ней и продовольственной проблем, как в те 80-е гг. Сопоставляя показатели развития села в этот период, можно видеть, с каким запасом прочности подошло сельское хозяйство к решению этого вопроса. Конечно, имелось много недостатков в организации производства, обеспечении быта и оплаты труда, но появилась надежда на ускорение поступательного движения вперед, к светлому будущему. Однако мечтам вятского крестьянства не суждено было сбыться.

В.А. СИТНИКОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС

(Очерк)

О прошлом — в настоящем времени

От деревенского руководителя зависят не только урожайность полей, надои и привесы — все экономические показатели, но и судьбы людей, их быт, настроение, желание остаться в родных местах или укатить в поисках счастья на сторону.

Когда житель дальней деревни, отчаявшись увидеть отрадные перемены, заколачивает родимый дом и отправляется в соседнее процветающее хозяйство, где есть школа для его ребятшек, сносный магазин, медпункт, этим самым он голосует не только за удобства быта, но и за более внимательного вожака хозяйства. И если он, такой руководитель, появляется, поднимается настроение, дела круто идут в гору.

Давно мечтал я познакомиться с председателем зуевского колхоза «Заря» Василием Карповичем Семушиным. Много

был о нем наслышан. Прошел он жизнь трудную, неразрывную с землей. Воевал, был механизатором, бригадиром в МТС, в колхозе — начальником участка, и вот послали его в хозяйство, которое «лежало на боку». Благодаря своему опыту, умению убедить людей этот человек, получивший в свое время лишь незаконченное среднее образование, справился с непосильной задачей — вдохнул веру в людей, вывел хозяйство из отстающих в крепкие середняки. Любят Василия Карповича, идут к нему с бедой и радостью, знают: в лепешку разобьется, а поможет.

В самом начале работы столкнулся Семушин с таким фактом. На дойрок были свалены обязанности не только кормить и доить коров, но и пасти их.

— Моченьки нет, — жаловались те председателю.

Попытался Василий Карпович воззвать к совести мужчин. Может, возьмется кто из них пасти коров. Но не тут-то было: кабы верхом на лошади — стали бы, а так нет. А верхом пасти коров — седел не найдешь. Объездил Василий Карпович городские и сельские магазины — нет седел. В порыве отчаяния решился и написал письмо главному кавалеристу страны, Маршалу С.М. Буденному. В конце концов появились седла. Решена была проблема с пастухами.

Случай этот — вроде мелочь, но в нем и председательская дотошность, и стремление во что бы то ни стало облегчить людям труд. С тех пор большие перемены произошли в «Заре». И урожай, и привесы выросли, много построено. Центр колхоза — село Лема — так вовсе не узнать: Дом культуры, магазин, столовая появились. Специалистов в хозяйстве прибавилось, неплохо работают. А Василий Карпович — прежний. Все время в ходу да в езде. Хочется ему, чтобы лучше жили люди, чтобы больше оставалось в «Заре» молодежи. Себя председатель не жалеет. Раз в году берет он отпуск всего на неделю. Нет, не для того, чтобы в дом отдыха поехать, а дров на зиму заготовить. Помашет всласть топором, сложит поленицу и опять за привычные дела.

— А как иначе-то? — удивляется он. — Не до отдыха пока. На таких энтузиастах, как Василий Карпович, держится многое. Лучшие председатели, как правило, самоотверженные, не жалеющие себя люди, которые превыше всего ценят народное доверие.

Элита народной селекции

Во все времена — с коллективизации до наших дней — мы такими беспокойными, верными делу людьми представляем себе председателей. И тут нынешние вожаки, как родные дети дело отцов, продолжают дело первых коммунаров и кол-

лективистов. Недаром всех их называют уважительно — председательский корпус.

Колхозное движение начинали люди с церковно-приходским образованием, но это были в большинстве своем нестигаемые борцы за революционную переделку деревни. За прошедшие годы в председательском корпусе произошли существенные перемены. Посты эти заняли люди, имеющие дипломы о среднем специальном, а то и высшем образовании. Но ведь и производство усложнилось. Разве сравнить уровень механизации в довоенном колхозе, где единственной техникой были молотилка, веялка да колодезный ворот, с помощью которого деревянной бадьей тянули воду доярки, с нынешним? Но кое в чем уступают многие нынешние хозяйства довоенным и послевоенным. Главное, в урожайности полей. Больше попадало тогда навоза на поля, хотя работали на лошадях и тракторах-колесниках, еще тех, со шпорами. А в некоторых местах и обработка почвы была лучше.

Председательский корпус. Каков же он в зоне Нечерноземья, в нашей Кировской области? В 1970-х годах было 577 руководителей колхозов и совхозов. Это очень разные люди по своим биографиям, характерам, способностям, образованию. Но, несмотря на это разнообразие, можно говорить о каких-то закономерностях в их приемах работы, о типах руководителей. Среди них немало было и теперь есть умелых, умных, талантливых вожаков. Достаточно сказать, что именно в скудоземельном вятском крае появился известный не только в стране, но и за её рубежами колхоз «Красный Октябрь», которым от первого собрания коммунаров до последнего часа своей жизни руководил дважды Герой Соц. Труда Петр Алексеевич Прозоров. Рядом с ним была элита местного председательского корпуса: И.А. Кошечев, С.С. Бердников, М.М. Садырин, В.Ф. Шушканов, многие другие, о которых мы вспоминаем с уважением и благодарностью. Они возглавляли хозяйства в дни войны, в трудное послевоенное время.

К середине 60-х годов на уровень «Красного Октября» вышло немало хозяйств, которыми руководили и прежние опытные вожаки, и выдвинувшиеся вновь деятельные энергичные люди. Это А.М. Ронжин, А.И. Мациевский, А.Д. Овечкин, П.И. Лоншаков, А.Х. Кормщиков, В.Е. Мамаев, Г.И. Фоминых, П.И. Касьянов. А сейчас в списке элиты вятского председательского корпуса, помимо фамилий этих ветеранов, мы видим уже десятки новых имен: Н.А. Селюнин, Т.А. Галиахметов, А.В. Комаров, А.Д. Червяков, И.П. Серебряков, А.А. Обжечин, А.А. Новоселова, П.Н. Лоптев, В.А. Яранцев, Г.И. Самылов, И.Г. Слаутин, А.С. Звездочетов, В.П. Новоселов, М.И. Лейс.

В каждом районе могут назвать двух-трех, а то и четырех таких председателей и директоров, которые умно и умело хозяйничают на земле. Всех перечислить просто нет возможности. Ветеранов председательского корпуса отличает постоянная верность земле, своему делу.

Не перестаю восхищаться председателем слободского колхоза «Труд» Алексеем Дмитриевичем Овечкиным. Еще в 50-е годы ему было присвоено звание Героя Соц. Труда. Наверное, наивно так думать, но мне казалось, что если вожак колхоза, вообще любой человек заслужил звание Героя, то после этого начинается в его жизни совершенно ровная полоса и все ему дается легче. А у Алексея Дмитриевича основные трудности начались после этого.

Присвоили ему звание за получение высоких урожаев в сравнительно небольшом хозяйстве. Районные руководители решили, что герою нельзя ходить налегке. Вначале в два, а затем в три и четыре раза укрупнили колхоз. И показатели пополнили вниз. Стыдился Овечкин надевать свою звездочку. Считал, что не оправдывает звание. Потом произошло разукрупнение хозяйства, и появилась у Алексея Дмитриевича возможность уйти из колхоза. Годы все-таки. Но он остался. И хоть начал руководить колхозом, где были очень истощенные земли, добился своего: «Труд» вернул былую славу.

Остались еще и не гнутся, крепко держат мирный хлебопашеский фронт председатели, пришедшие к руководству хозяйствами в гимнастерках, обожженных огнем войны. Это и А.Д. Овечкин, и А.М. Ронжин, и Н.А. Селюнин, начавший свой путь руководителя вдали от родных мест, в белорусских местах, где партизанил во время войны. В Фаленском районе председатели помоложе называли Николая Андреевича Селюнина «Батей» за опыт, желание помочь советом. А у «Бати» были такие «сыночки» — замечательные самобытные вожаки, как Григорий Максимович Югрин («Победа»), Вадим Викторович Винокуров (им. Свердлова), Виктор Петрович Батальцев («Путь к коммунизму»), Александр Демидович Фоминых (им. Крупской), Борис Афанасьевич Милков («Россия») и другие.

Верность своему хлебопашескому делу отличает их. Все ветераны да еще человек пятнадцать работают на посту руководителей хозяйств свыше 20 лет. Среди таких стажистов — В.С. Старков, Д.А. Савиных, Н.И. Шуплецов, П.Е. Бурков. Кое-кому из ветеранов уже за 60, но они продолжают работать в прежнюю силу. Это бесценная часть председательского корпуса.

В свое время в литературе немало было произведений, в которых основным считался конфликт между устаревшим руководителем, не желающим признавать новых веяний, и моло-

дым, недавно выучившимся специалистом, который ведет борьбу с устаревшими представлениями и их носителями, берет верх. Я не собираюсь противопоставлять старых опытных руководителей молодым. Могу только сказать, что у таких замечательных колхозных вожаков, как А.М. Ронжин, Н.А. Селюнин, А.И. Мациевский, А.Х. Кормшиков, А.Д. Червяков и у многих других исключительно остро развито чувство нового. Они пронесли его через годы. Благодаря этой способности они, наверное, и остались у руля. Не вводя прогрессивного в производство, не совершенствуя его, не обновляя жизнь деревни, они бы не добились нынешних успехов. И тут есть чему поучиться молодежи у ветеранов председательского корпуса.

Подъем сельского хозяйства в 70—80-е гг. прошлого столетия организовали и осуществили люди, которые вошли в легенды. Председатели старшего поколения любили и почитали главу областной «Сельхозтехники» Трифона Ивановича Смирнова. Деятельный, предприимчивый, знающий человек, он носил в кулуарах председательского корпуса кличку «Трифон». «Трифон» сказал, значит, надежно. И это было так.

В одно время с ним или немного позднее работали такие корифеи-руководители областного масштаба, как Егор Андреевич Агафонов, Герман Михайлович Аристов, Александр Афанасьевич Деревков, Александр Михайлович Краев, Алексей Петрович Логинов, Петр Филиппович Налимов, Анатолий Михайлович Протопопов, Виктор Петрович Семеновых, Михаил Константинович Тугаринов — колоритнейшие личности, прекрасные организаторы, успевшие повариться в районном котле. Некоторые приобрели опыт и хватку на руководстве хозяйствами, т.е. — тоже выходцы из «председательского корпуса». Все они были ревнителями и защитниками колхозов, положили много сил на обновление и укрепление сельского хозяйства области. Честь и хвала им!

Каков он, молодой образованный?

Азбучно известной стала истина, что задачи по интенсификации можно решить с успехом только тогда, когда руководители и специалисты глубоко овладевают знанием научных основ сельскохозяйственного производства. Радует, что растет образовательный уровень председательского корпуса. Сейчас 264 руководителя хозяйств из 577 имеют высшее образование. Это и очно окончившие курс наук и заочно овладевшие им. О таких соотношениях еще несколько лет назад мы не смели мечтать. 264 руководителя хозяйств имеют специальное среднее образование и лишь 49 — практики. Приятные цифры. Они говорят о

том, что в нашей области сравнительно немало сделано для подготовки и переподготовки руководящих кадров, расширения системы очного и заочного образования.

Как же выглядит современный молодой образованный директор совхоза, председатель колхоза?

В свою родную деревню Мало-Кабаново, расположенную на стыке нескольких районов, я проезжаю обычно мимо кирово-чепецкого села Кстинино, через Просницу, Полом, Филиппово и Каринку. Все эти населенные пункты — центры хозяйств. Возглавляют их специалисты с высшим образованием. Давно слежу за успехами Н.П. Кузнецова, в последние пять лет выведшего совхоз «Кстининский» в число экономически крепких, Л.Г. Прозорова, М.И. Волкова и самого молодого из этой плеяды А.К. Мелькова. И меня каждый раз радуют новостройки этих совхозов.

В свое время возглавляла совхоз «Ардашевский» приехавшая из Эстонии Мария Ивановна Лейс. Это она сделала первую подвигу, подняв у жителей зачуханного села веру в возможность работать прибыльно, жить культурно, и много сделала для этого. Уже тогда зародилось негласное соперничество (существует и теперь) между этими хозяйствами. Если что-то новенькое появилось у опытного, знающего толк в новой технике директора совхоза «Поломский» Леонида Григорьевича Прозорова, будьте уверены, и директор совхоза «Филипповский» Михаил Ильич Волков, и директор совхоза «Ардашевский» Алексей Константинович Мельков мимо этого не пройдут, обязательно внедрят полив искусственных пастбищ, чертежи усовершенствования выпросят, новый перспективный сорт ячменя раздобудут. И Прозоров в свою очередь ревниво следит за новинками, появившимися у коллег. Хозяйства эти входят в число экономически крепких. Руководители их видят перспективу развития производства, культурного и бытового строительства.

По-юношески тонкий и быстрый, интеллигентного вида Алексей Константинович Мельков привлек мое внимание необычной начитанностью, любовью к литературе, искусству и народным промыслам. Я увидел у него редчайшую коллекцию из капокорня. Обо всем этом мы немало говорили при первой встрече. Вроде бы типичный городской человек А.К. Мельков. Так оно и оказалось. Родился в г. Кирове, долгое время работал в областном управлении сельского хозяйства. Имея за плечами два высших образования (агрономическое и экономическое), он жаждал применить в конкретном деле свои знания и кое-какой опыт.

И вот набрался человек решимости, поехал в село, променял размеренную жизнь городского служащего на полную

беспокойства, тревог и хлопот жизнь директора совхоза. И нашел тут себя. Дела в совхозе «Ардашевский» идут хорошо, показатели стабилизировались. Много сразу бросающихся в глаза отрядных перемен: вот появился животноводческий комплекс, развернуто сооружение мощного агрегата искусственной сушки травы «Аист». К радости родителей и детишек растет новая школа, расширился построенный еще прежним директором быт-комбинат, жилых домов прибавилось не на один десяток.

У Алексея Константиновича явное равнодушие к новой оргтехнике и современным методам руководства. Понравился мне продуманно оборудованный и оснащенный диспетчерский пункт, который держит связь со всеми точками хозяйства. По огромной карте совхозных земель в пору уборки сразу можно узнать, где расположена техника, и какая. Оперативно поспежала на помощь «летучка». Заместитель директора, опытный специалист руководит этой службой. Но диспетчеризация — только начало в налаживании современных методов управления. Много хороших дел и еще не осуществленных замыслов у Мелькова.

В перестроечные годы Мельков не растерялся. Хозяйство нашло прибыльные отрасли. Помимо прежних — животноводства и полеводства — занялись звероводством и коневодством, открыли торговые точки в Кирово-Чепецке. Избран был Мельков депутатом Госдумы. Я ратовал за это. А теперь думаю — зря. Не надо было ходить в депутаты Мелькову. Как депутат получает он теперь хорошую пенсию. С нее обратно в вожаки хозяйства не пойдешь. У директора совхоза зарплата в три раза ниже, чем депутатская пенсия. Так вот. А хозяйство терпит немалые трудности.

Людей с высшим образованием, сравнительно молодых, но уже хорошо проявивших себя, все больше приходит к руководству хозяйствами области. Хорошо известны дела поднимающегося совхоза «Медянский» (Юрьян. р-н), которым руководит И.М. Казаков, успехи ОПХ «Федяковское» (Кирово-Чепец. р-н), возглавляемого М.А. Карповым. Показали свое умение работать тогдашний преемник П.А. Прозорова в «Красном Октябре» В.А. Вершинин, руководители племзаводов «Косинский» и «Мухинский» В.Т. Микрюков и В.С. Козакова. Современные научные знания, растущий с каждым годом опыт позволяют этим людям хозяйствовать высокоэффективно.

В начале своей деятельности многие из нынешних известных председателей, не имея опыта, не пройдя наук, не знали, с чего начать, как поднять хозяйство. Надо было быть очень находчивым и изобретательным, чтобы добиться успеха в послевоенное трудное время. Многие из кировчан помнят, что на Центральном и Октябрьском рынках у вожжальского колхоза

«Красный Октябрь», которым руководил П.А. Прозоров, были свои магазинчики, где велась торговля избытками сельскохозяйственных продуктов. Поторговывали многие хозяйства лесом. Надо было жить, развивать производство. Государство избавило руководителей от этих хлопот. Производи побольше зерна, мяса, молока и будет достаточно денег не только на зарплату колхозникам, но и на строительство ферм, гаражей, домов культуры, магазинов, прудов. После мартовского (1965 г.) пленума партии закупочные цены на все продукты земледелия и животноводства были подняты, а за сверхплановый продукт получали хозяйства и того больше. В колхозе имени Кирова (Фален. р-н), выполнившем пятилетний план продажи мяса за 3,5 года, молока — за четыре, получившем на круг на 5150 га по 20,3 ц зерна и картофеля по 230 ц, доход составил 4,5 млн. руб., прибыль достигла полтора миллиона. Ясно, что больше имелось возможностей для хозяйственного и культурно-бытового строительства. Вроде бы используй передовой опыт и, как по канве, шей свой узор. Но далеко не у всех этот узор получается.

Выход в поиске

— Почему одни добиваются 15 центнеров зерна с гектара и четырехтысячных надоев, а другие в этих же условиях 6—7 центнеров зерна и лишь двухтысячных надоев? — говорил мне как-то мудрый человек — первый секретарь Зуевского райкома партии П.Я. Шулепов. — Причина тут в уровне руководства, в мере ответственности.

Есть у меня давний знакомый — начальник колхозного участка Алексей Алексеевич Казенин. Земли и скота у него больше, чем в ином хозяйстве. И работу приходится вести порой в объеме председателя такого колхоза, где пахотной земли около двух тысяч гектаров. В общем, этот человек знает, почему фунт лиха и что такое наука управлять. И этот начальник участка колхоза имени Кирова А.А. Казенин, где получено в 1975 г. по 24,1 ц зерна с га, заявляет о современных требованиях так:

— Чтобы прежние 7—8 центнеров хлеба с гектара получать, конечно, немного надо было делать — торопи да подгоняй. А вот чтобы взять по 25 или 30 центнеров, тут все должны быть на ноги поставлены: и механизаторы, и агрономы, и все колхозники. В общем, такую работу повернуть требуется, о какой не мыслилось. Любая мелочь должна быть учтена.

И тут речь сводится к уровню руководства.

Именно такими были руководители из Тужи: трагически погибший Аркадий Владимирович Толстоухов (колхоз «Ударник») и Лидия Васильевна Хорошавина («Победитель»).

Всегда отличался высоким уровнем руководства ордена Ленина куменский колхоз «Красный Октябрь» и при П.А. Прозорове, и при В.А. Вершинине. А теперь вот с 1977 г. возглавляет его коренной здешний человек Леонид Иванович Корякин. Помнит военную нужду, понимает людей. С прозоровских времен усвоил мудрость: хлеб любит, чтоб о нем думали загодя. И эта забота оправдывается. 40 ц зерна с гектара, более 4000 кг молока от коровы. Помнит и бережет Корякин коммунаские традиции.

В свое время соперничал Прозоров с соседом-вожаком колхоза «Вичевский» С.С. Бердниковым. Теперь Л.И. Корякин и директор совхоза «Октябрьский» (Вичевщина) Николай Николаевич Росляков не только добрые соседи, но верные друзья. Помогают друг другу. И там и там есть чему поучиться. Это в «Октябрьском» молочная ферма XXI века и много других новшеств. Талантливые руководители!

Старшины всегда на «передовой»

Как-то разговорились мы с Александром Дмитриевичем Червяковым на тему: откуда, из каких слоев и профессий приходят люди в председатели? Не будем говорить о довоенном председательском корпусе. В основном от земли: самых рачительных и самоотверженных односельчан выбирали крестьяне, пока выдвижение на председательство не стало прерогативой райкомов и даже обкомов партии.

— Я замечаю, — сказал Червяков, — что хорошие председатели вырастают из среднего руководящего звена, так сказать, из старшин. Да и из армейских старшин тоже. Григорий Иванович Фоминых был в армии старшиной, да и Леонид Иванович Корякин — тоже. Старшины-старшины всегда бывают на «передовой», и становятся генералами вятских полей. Я, кстати, тоже старшиной в погранвойсках служил.

Из старшин — бригадиров, начальников участков — пришли в председательский корпус и Алексей Алексеевич Казенин, возглавлявший после бригадирства колхоз им. Свердлова (Фален. р-н), и многие другие. Теперь вот уже много лет этим хозяйством успешно руководит Александр Павлович Шулятьев, а его однофамилец Аркадий Григорьевич Шулятьев умело ведет дела в хозяйстве «Урожайный» Немского района. Это самоотверженные люди с крепкой председательской закалкой.

Возьмите Анатолия Алексеевича Щелчкова, руководившего успешно колхозом им. Кирова (Уржум. р-н). Подростком он был масленщиком на пароходе «Энгельс». Потянуло его к земле и, наверное, с десятков лет бригадирил, был начальником

участка. Стремился всегда всё увидеть своими глазами. С заревого утра был на фермах, в полях, и только потом уже шёл в контору. С сознанием дела и распоряжения давал, и накачку устраивал нерадивым. Эта привычка всё увидеть своими глазами сохранилась, когда председателем стал. Опалит на уазике раненько все фермы, заглянет на поля, а на сенокос через речку в полевой бинокль (большой секрет для других) посмотрит, поймет, кто, что и сколько сделал. Сам работу четко представлял и других этому учил.

Привел я на память фамилии замечательных колхозных руководителей и понял, что имена многих прекрасных вожаков не назвал. К примеру, колоритнейшего человека, председателя колхоза «Россия» (Кильмез. р-н) Василия Потаповича Логинова, который стремился воссоздать крестьянский лад сельской жизни: завел пасеку, равнодушен был к коневодству. А Дмитрий Алексеевич Савиных, руководивший колхозом «Россия» (Оричев. р-н), или Геннадий Анатольевич Крылатых (колхоз им. XVII партсъезда), Евгений Ефимович Двойнишников (колхоз «Русь» Совет. р-на).

Увесистые мужики, знатоки крестьянских проблем Александр Васильевич Потапов (совхоз «Буйский» Уржум. р-на), Иван Михайлович Шубин, прославившийся крестьянской рачительностью и обстоятельностью (колхоз им. Степана Халтурина Орлов. р-на), Василий Александрович Тупицын, директор совхоза, селекционер, начавший путь в Лебяжском районе. О каждом надо писать если не поэмы, то очерки. Всех руководителей не перечислишь. Многие ушли из жизни, оставив добрую память о себе.

В Лебяжском районе в своё время чуть ли не половину территории занимал колхоз «Путь к коммунизму», которым руководил отважный умелый вожак, депутат Верховного Совета РСФСР Иван Степанович Воробьев. Сорвижцы хорошо помнят своего прекрасного руководителя Анатолия Степановича Харитонов. А в «Пути Ленина» (Яран. р-н) был интереснейший человек недюжинного ума Василий Андреевич Яранцев, тоже депутат Верховного Совета РСФСР. Шабалинцы тепло вспоминают незаурядного человека Александра Сергеевича Купцова, сумевшего много сделать для подъема экономики колхоза им. Калинина. А в колхоз «Верный путь», сеявший до тысячи га льна, говорят, привозил на учебу своих льноводов Александр Дмитриевич Червяков, только начинавший тогда эпопею со льном. Руководил колхозом «Верный путь» очень энергичный человек Олег Дмитриевич Глухих. В истории сельского хозяйства облас-

ти запечатлен ещё один любопытный факт: в 1935 г., выступая в Москве на съезде колхозников, председатель из Шабалинского района Алексей Яковлевич Лаптев закончил речь здравицей в честь товарища Сталина, которого назвал «лучшим колхозным бригадиром». Тогда ещё не разбрасывались высокими постами. Генсек-бригадир.

Тридцать лет спустя

Очерки «Председательский корпус» были опубликованы в газете «Кировская правда» в 1975—1976 гг. Теперь время это кажется почти безмятежным, потому что последние десятилетия XX века и нынешняя политика XXI-го явились для деревни непредсказуемо сложными, поставившими сельскую экономику на излом в пору грабительских рыночных отношений. Руководителей, вроде бы мечтавших в 80-е годы прошлого столетия о свободном сбыте продукции, сетовавших на жестокие госплановые ограничения, теперь выбила из колеи стихия. Если бы только стихия...

Началась критика коллективных форм собственности со стороны разномастных СМИ, новых партий и новоявленного чиновничества, вдруг воспылавших любовью к фермерству и презрением к колхозам. Многие колхозы разорились и пали в условиях жестокого диспаритета цен, но и фермерство расцвета не принесло, потому что романтики и авантюристы, вдруг решившие в три счёта накормить страну и обогатиться, вскоре поняли, что тяжёлый крестьянский труд и неблагодарен. Из тысячи с гаком фермерских хозяйств, объявившихся в пору эйфории у нас в области, теперь остались единицы. Устояли те, которые возглавляли умелые, вдумчивые, знающие.

С удовольствием езжу в фермерское хозяйство «Сановичи» Куменского района к Аркадию Рафаиловичу Сановичу, который проявил поистине рыцарское отношение к картошке. Человек аналитического ума и редкого упорства, он сумел сделать прибыльной картофелеводческую отрасль. Его фермерское хозяйство под стать крупному колхозу засаживает больше двухсот га клубнями, снабжает кировчан и близлежащие районы семенным и товарным картофелем ранних, средних и поздних сортов. Поражает продуманность, работа с заглядом. Хозяйство обеспечивает работой многих жителей посёлка Речное, оказавшихся на мели в связи с упадком торфоразработок. Об Аркадии Рафаиловиче и его сыне Олеге Аркадьевиче надо писать большой полосный очерк. К сожалению, рамки этого материала не позволяют рассказать о трудностях, тревогах, которые навеивает Сановичу грядущее рос-

сийского картофелеводства. Он не раз делился ими на страницах наших местных газет.

Самоотверженный, одержимый человек — Вера Александровна Макарова, которая вдали от людской суеты на брошенных выработанных торфяниках ведет своё фермерское хозяйство «Журавлик» в Котельничском районе, занимается свиноводством и свинооткормом по своей оригинальной методе. Она человек романтического склада, пишет стихи, а за свою искреннюю откровенную книгу «Записки фермера или лекарство от бедности» стала лауреатом премии Кировской области 2004 года. В областной научной библиотеке им. А.И. Герцена эта книга была признана самой читаемой, потому что в ней и трудная судьба фермерши, и рассказ о технологии, и раздумья о судьбе вятского да и вообще всего российского крестьянства.

К сожалению, я мало что знаю о фермерских хозяйствах Валерия Никитича Савкова (Котельнич. р-н), Александра Михайловича Овечкина (Нем. р-н), Николая Александровича Кулигина (Лебяж. р-н). Известно мне только, что в сложнейших для сельского хозяйства условиях они сумели найти свою нишу и ведут прибыльно дело. Хочется пожелать им удачи на их трудной стезе.

Не стареют душой ветераны

Из 577 хозяйств, насчитывающихся в области в 80-е годы прошлого столетия, остались на плаву единицы. Однако те колхозы и совхозы, где была в своё время создана мощная, прочная экономическая база и соцкультбыт, по-прежнему держатся, хотя «штормит» нещадно нашу сельскую экономику. Много отдал сил и творческой энергии агрофирме «Дороничи» её бывший директор Алексей Петрович Логинов, семь лет возглавлявший агропромышленный комплекс области. Теперь «Дороничи» в умелых руках Валерия Васильевича Крепостнова.

Ну а что кроме добрых похвальных слов скажешь о Почетном гражданине Кировской области Илье Филипповиче Первакове, много лет отдавшем руководству пригородного сельхозпредприятия «Кировское» (совхоз «Кировский»), или о его соседе из села Русское Алексее Ивановиче Литвинове, к сожалению, рано ушедшем из жизни. Виктор Петрович Попов живет вдали от «шума областного». Он директор птицефабрики «Нюлинская». В пору перестроечной чехарды сумел не только сохранить предприятие, но и придать ему многоотраслевость. На птицефабрике думают о людях, их быте и отдыхе. Это Виктор Петрович поддержал падающее коневодство и сохранил в районе конюшни с породными конями.

В обойму опытных, умелых, являющихся гордостью председательского корпуса области, входят люди, которые начинали свой путь вожаков при социализме, но и в нынешних условиях они не растерялись, ведут умело и прибыльно дело. Это, конечно, директор ОАО «Племзавод «Октябрьский» Николай Николаевич Росляков и его друг — глава СЛК ордена Ленина племзавода «Красный Октябрь» Леонид Иванович Корякин. Оба бок о бок много лет работают в Куменском районе. По-прежнему «держит фронт» Юрий Павлович Генералов — глава СХПК «Племзавода «Новый» (Зуев. р-н). Я бывал у него, когда Юрий Павлович только поднимал на ноги лежащее на боку хозяйство. Сейчас «Новый» не только гордость Зуевского района, но и всей области.

Новая поросль

Когда-то был школой хозяйствования колхоз «Земледелец» (Пижан. р-н), которым руководил Петр Николаевич Лоптев. Уходя на заслуженный отдых, передал он бразды правления своему сыну Владимиру Петровичу. И младший Лоптев оправдал доверие отца и односельчан.

Я часто встречаю в здании администрации Владимира Александровича Домрачева. Случилось так, что этому кипучему, энергичному человеку приходится жить на два дома, «пахать» два поля. Он глава СХПК «Утмановский» (Подосин. р-н) и председатель Агропромышленного союза Кировской области, депутат областного Законодательного собрания. Я недавно побывал в Подосиновском районе и среди лучших, прочно стоящих на ногах, мне назвали хозяйства «Утмановский», а еще СПК «Маяк», которое возглавляет Владимир Александрович Заболотских. Это знаменитая Яхреньга, поднятая А.С. Звездочетовым, удержанная на высоком уровне Николаем Владимировичем Толоконцевым. Бывая в таких хозяйствах, радуешься, что есть на вятской земле башковитые, хваткие мужики, для которых превыше всего забота о благе людей.

Традиции живы

В числе руководителей прочно стоящих на ногах хозяйств — Александр Федорович Чураков, возглавляющий СПК имени Кирова (Фален. р-н), который поднял из нищеты замечательный колхозный вожак Николай Андреевич Селюнин. Александра Федоровича Чуракова я помню еще студентом сельхозинститута, главным инженером, а потом председателем. Не уронил он славу передового хозяйства, и это очень приятно сознавать.

Подобно А.Ф. Чуракову поддерживает славу передового хозяйства депутат областного Законодательного собрания Сергей Сергеевич Гушин, возглавляющий СПК «Искра» (Котельн. р-н), которым руководил в свое время легендарный Герой Соц. Труда Андрей Миронович Ронжин.

Совхозу «Соколовка» (Зув. р-н) всегда везло на руководителей. Они пополняли районное руководящее звено. Сейчас во главе «Соколовки» стоит депутат областного Законодательного собрания Вячеслав Николаевич Ягдаров, крепкий, решительный и умный хозяйственник, с хорошим трудовым стажем на посту главного инженера.

Три руководителя с фамилией Бердниковы возглавляют хозяйства в Уржумском районе. В знаменитом колхозе имени Кирова Сергей Николаевич Бердников — сын бригадира, а потом секретаря парткома хозяйства Елизаветы Алексеевны Бердниковой. Сергей Николаевич с юных лет усвоил материнские уроки и уроки Анатолия Алексеевича Шелчкова: любой руководитель в колхозе должен видеть работу, т.е. твердо знать ближнюю и дальнюю цель в своей деятельности.

Вениамин Федорович Бердников возглавляет КФХ «Вятское». Опыта и крестьянского упорства ему не занимать. Семейная заправка такова. Родной брат его Владимир Федорович Бердников руководит колхозом «Строитель». Кем только он до этого ни был: главным инженером и директором совхоза, первым секретарем Уржумского райкома партии. Он, так сказать, видит экономику в разрезе и прекрасно представляет в цепочке взаимосвязанных отраслей, где слабое звено. Считать и представлять, почему дорожает себестоимость мяса и молока, чем можно заинтересовать молодых механизаторов, чтоб не уезжали из села Рождественское. Вроде теперь соцкультбыт не в чести. Чиновные люди торопят передать его в ведение местной администрации, но Владимир Федорович твердо знает, что не надо с этим спешить, а для молодежи надо строить жилье и воспитывать не модную сейчас любовь к родным местам. Именно это подвигнуло В.Ф. Бердникова на реставрацию храма, который теперь открыт и выполняет облагораживающую роль, на создание сельского музея, который знакомит с богатым прошлым здешних мест, давших многих знаменитых людей и прекрасных тружеников-крестьян.

Мне показались мысли Владимира Федоровича созвучными с теми, что услышал на Орловщине от губернатора Егора Семеновича Строева. Он там вплотную взялся за реализацию программы «Славянские корни». За несколько последних лет орловцы построили более семи тысяч коттеджей, за которые крестьяне расплачиваются продукцией собственных подворий

и фермерских хозяйств. Это помогает закрепить на земле крестьянских детей. В противном случае приходят на землю заезжие люди, которые начинают хозяйничать, вводить свои порядки, вызывая себе ведут себя, унижают население. С перестройкой на селе прибавилось проблем, от которых страдают коренные жители.

Интеграторы

Известны обиды руководителей хозяйств на переработчиков, которые закупают молоко и мясо по дешевой цене, а в торговлю поставляют втридорога. Основные затраты делает на производстве продукции производитель — колхоз, он же несет убытки. Сколько хозяйств разорилось из-за того, что мясо и молоко производили в убыток себе.

Департамент сельского хозяйства области предпринимает немалые усилия для того, чтобы производителя и переработчика «запрячь» в одну упряжку. Создано несколько холдинговых фирм, в составе которых переработчики — молоко- и маслозаводы, мясокомбинаты и производители — колхозы-поставщики молочной и мясной продукции.

Многие владельцы «молочных рек» имеют дело с Кировским молочным комбинатом, который возглавляет депутат областного Законодательного собрания Василий Куприянович Сураев. Благодаря его поддержке создан холдинг, в который вошли многие хозяйства области. Оживление на «молочной реке», считают специалисты, произошло во многом благодаря созданию холдингов: «Шахунья-молоко», которым руководит Анатолий Александрович Маминов; «Двуречье» и «Кирово-Чепецкий городской молочный завод», возглавляет эту фирму Виктор Борисович Плюснин. Есть фирмы и по другим видам продукции. К примеру, холдинг «Кировский» (руководитель Мурад Георгиевич Дзгоев) или холдинг «Кировпищепром» (во главе с Леонидом Сергеевичем Солодиловым), фирма «Аль-Пари» (руководитель Игорь Геннадьевич Загоскин). Это руководители новой формации, которых теперь уже в положительном звучании называют предприниматели. Предприимчивость — очень нужное, даже необходимое качество в таком деле, как переработка сельхозпродукции.

Переработчики оказывают помощь в строительстве животноводческих помещений, транспорте, улучшении кормовой базы в колхозах и других хозяйствах. В составе таких фирм работают сейчас колхозы «Новый путь», которым когда-то руководил Герой Соц. Труда Григорий Иванович Фоминых, и колхоз «Прогресс», тоже знаменитый своими успехами и руководителем Аркадием Сергеевичем Русских (Халтурин., ныне Орлов. р-н).

По количеству крепких хозяйств можно судить о том, нащупал ли «золотоносную» жилу район. И без сомнения, это можно сказать об Оричевском районе, который вот уже несколько лет поддерживает славу самого молочного района, и, конечно, о Куменском. В Оричевском районе да и в области пальма первенства принадлежит Лугоболотной опытной станции Всероссийского НИИ кормов им. В.Р. Вильямса, которую возглавляет депутат областного Законодательного собрания, доктор сельскохозяйственных наук Владимир Михайлович Косолапов.

Коня на скаку остановит

На смену старой гвардии кое-где пришли молодые, энергичные руководители-женщины. В безвыходных ситуациях народ голосует за женщин.

Находчивым энергичным вожакom показала себя депутат областного Законодательного собрания, руководитель фирмы «Гордино» (Афанасьев. р-н) Валентина Николаевна Харина. Её конек — борьба за здоровый образ жизни, тут опирается она на женщин села Гордино. Это помогает достичь хороших экономических показателей.

Когда-то взоры журналистов были прикованы к совхозу «Кировец» (Нем. р-н), где жили и работали братья Кожемякины — Петр Николаевич и Леонид Николаевич. Их звено гремело на всю область. Петр был удостоен звания Героя Соц. Труда. Теперь кожемякинскую традицию работать без охулки поддерживает руководитель ЗАО «Кировец» Ираида Ивановна Скорнякова. Седьмой год умело руководит СХПК «Зыковский» (Нолин. р-н) Валентина Александровна Зыкова, экономист по профессии.

В Вятскополянском районе с похвалой говорят о руководителе ООО «Согласие-2» Галине Анатольевне Куропаткиной, а в Оричевском районе когда-то сильное хозяйство в селе Пустоши сумела укрепить Валентина Николаевна Перминова. Благодаря традиции сохранились.

Почти в каждом районе есть женщины некрасовской решительности и стати, о которых поэт говорил: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Вот и приходится им входить в «горящий» колхоз, на скаку останавливать всякие нестандартные ситуации. В КФХ «Курчумское» (Сун. р-н) такой спасительницей деревни стала Любовь Ильинична Никулина, а в СЛК «Елгань» (Унин. р-н) — Людмила Геннадьевна Шуклина. Конечно, их больше, чем я перечислил. Многие еще набираются опыта и уверенности, потому что сложное это дело — руководить хозяйством.

Старейшина председательского корпуса

В Котельничском районе основным поставщиком молока является колхоз «Путь Ленина», которым руководит дважды Герой Социалистического Труда Александр Дмитриевич Червяков. Ежедневно две двенадцатитонные цистерны поставляют на завод высокосортное молоко.

Об Александре Дмитриевиче хочется рассказать подробнее. Ведь он теперь старейшина вятского председательского корпуса. Какие прекрасные задумки осуществил он за 50 лет председательства — все диву даются. А ведь тоже простой крестьянский сын. Раньше говорили: крестьянин сер, да ум у него волк не съел. Прежде всего разумность, продуманность восхищают в его хозяйстве.

Историческая теперь, а тогда совсем неприметная дата 8 февраля 1956 г. По-армейски подтянутый бывший старшина погранвойск, а теперь инструктор Макарьевского райкома партии двадцатипятилетний Александр Червяков был направлен в отстающий колхоз «Путь Ленина» проводить отчетно-выборное собрание. Командировка считалась нетрудной: предполагалось оставить прежнего председателя. Однако колхозники вдруг повернули ход собрания.

— Не надо нам прежнего председателя, нам тебя, Александр Дмитриевич, надо. У тебя главное есть — подход к людям.

Приехал в командировку, а пришлось остаться навсегда. В железном ящике, служившем сейфом, ничего кроме печати не оказалось. Даже на кавалерийское седло пришлось занимать деньги у колхозников. Утешил себя присловием: не боги горшки обжигают. Так-то оно так, но сколько народу, прошедшего через пекло председательства, «горшки обжигать» так и не научились.

Понял Червяков — пропала у здешних колхозников вера в то, что когда-нибудь поднимется хозяйство. Вот для возбуждения веры и старался он по первости развернуть строительство нового коровника, лагеря для откорма бычков. Лес рубил сам, вместе с колхозниками. Вроде окалотился, привык, кое-какие планы успел осуществить. И вдруг укрупнение. Пристегнули к «Пути Ленина» еще два колхоза, в т.ч. и его родную деревню Червяковы. 68 деревень без электричества, телефона, со скотными дворами-развалахами, такими же школами и клубами. Оторопь брала.

Что делать? Как быть? Извечные российские вопросы без ответа. А он хотел ответ найти. Тайком отправился в колхоз «Красный Октябрь» (Кумен. р-н) к Петру Алексеевичу Прозорову, тогда уже Герою Соц. Труда.

— Научите жить, — попросил Червяков.

— Смотри, ездй, — сказал Прозоров и дал «экскурсовода» с дрожками. Червяков — лошадиик, наездник, мог бы сам поездить, да места чужие.

С неделю объезжал да обходил, лазил по цехам и фермам Червяков. Чего только ни было в колхозе у Прозорова: электростанция, мастерская по ремонту техники, скотные дворы с автопоилками и подвесными дорожками для навозоудаления (тогда это считалось верхом механизации). А еще — теплицы, парниковое хозяйство, звероферма, общественная столовая и свой дом отдыха. А главное — урожаи зерновых за двадцать центнеров, удои, казавшиеся недостижимо высокими.

Наездившись, пришел Червяков к Петру Алексеевичу. Поговорили по душам. Положил Прозоров руку на плечо Червякова на прощание:

— Не падай духом, сынок. Главное — народ не обижай. Слушай народ! Народ слушай и землю люби!

Вроде не больно заковырист был наказ, а Червякову понравился. Народ он всегда слушал, на ус мотал. Подсказал отец и однодеревенцы: за лен надо браться. Он при тогдашних ценах деньги сулил немалые. И год на второй, собрав для подкормки голубиный помет с чердаков всех районных баз и складов, получили приличный урожай. Денег хватило, чтоб зарплату выплатить и построить первый приличный скотный двор с автопоилками. Червяков, ухватившись за лен, сумел довести его возделывание, обработку и уборку до совершенства. Сеял колхоз до перестройки по 700 га льна. Фантастика! И все к делу приводили.

Вторым звеном цепи было повышение плодородия полей. Несколько лет подряд работала у него «зеленая дивизия» — районный механизированный отряд по вывозке торфа и навоза. Занимался о них Червяков — кормил, деньги вовремя платил и сумел с их помощью заправить почву органикой. Урожаи стали уже не 4—6 ц зерна с гектара, как в 1958 г., а 16 и 17, и больше. Но ведь это не предел. Потом до 40 ц с га урожайность поднялась. А третьим звеном явился подъем молочного и мясного животноводства. С повышением урожаев появилась возможность добиться высокой продуктивности.

Считал Червяков, что в долгу он перед родными местами. В детстве с 12 лет, в военную пору взялся Шура Червяков за рукоятки плуга. Работать было некому, отцы на фронте. Женщины, старики да подростки тянули гужи: и пахали, и сеяли, и снопы молотили, и в извоз отправлялись по вечерку, чтоб на следующий день вернуться на молотьбу пораньше.

Запал в память случай, когда его с приятелями Митей и Павлушей отправили в ночь хлеб сдавать, а на обратном пути

наказали привезти горючее. С «глубинки», из Макарья, до Котельнича 34 км, добрались подростки к ночи до д. Котрешата. Надо через речку перебираться, а моста нет. Направились вброд, но ослабевшие от недоедания (недостаток кормов) и измученные работой лошади не могли взять подъем при выезде. А у ребят никаких сил не осталось перегрузить мешки на берег, чтоб выехать порожняком, а потом снова загрузить телеги. Какая сила — хлеб ели пополам с травой. Тут, у реки, и зябли парнишки сентябрьской ночью до утра. Костер было боязно разводить, чтоб не привлечь внимание лихих людей, а в избу не попросишься — мешки с зерном нельзя оставить: хлеб государственной, для фронта. Только поутру, подкормив отдохнувших лошадей, выехали на дорогу.

Конечно, вообразить тогда не мог дрожащий от холода тринадцатилетний Шура Червяков, что через годы, став председателем, отстроит с колхозниками «Пути Ленина» на этом месте белоснежный каменный поселок Юбилейный с квартирами, оснащенными городскими удобствами, Дворцом культуры, плавательным бассейном, Домом ветеранов для пожилых колхозников, музыкальной, конно-спортивной и общеобразовательной школами, детсадом, амбулаторией. И присвоит ему страна за выдающиеся успехи в сельскохозяйственном производстве дважды звание Героя Социалистического Труда.

Но сколько сил и думных бессонных ночей ушло на то, чтоб осуществить мечту, зародившуюся у А.Д. Червякова, после встречи с П.А. Прозоровым. Получилось так, что передал свой завет один дважды Герой другому.

Несмотря на труднейшие условия рыночной экономики, колхоз «Путь Ленина» и теперь не снизил свои экономические показатели, продолжает содержать и плавательный бассейн, и жилье, и магазины, и теплицы, и Дом ветеранов.

— У нас в колхозе зарплата сравнительно невысокая, а достатка добирают люди за счет дешевой квартплаты, магазинов, других удобств соцкультбыта. У нас и музыкальная школа, и школа верховой езды, и разные творческие кружки продолжают работать. И все это бесплатно. Люди понимают и ценят это.

По-прежнему едут в Юбилейный к Червякову учиться вожаки хозяйств, высокие чиновники и даже министры. Есть что перенять. Ну и, конечно, желающих приехать сюда на работу немало. Целая очередь выстроилась. Александр Дмитриевич держит руку на пульсе сельских проблем. Многое его тревожит. Он об этом и министру сельского хозяйства А.В. Гордеву говорил и на чистоту при встрече сказал президенту страны В.В. Путину:

— Надо деревню российскую спасать, а то при нынешнем отношении к ней скоро не останется крестьян на селе. А это ой как чревато для нашей в общем-то деревенской страны, в которой и достаток, и культура, и великие люди — гордость страны — выходили из села.

Может, услышат в конце концов и поймут?

Известные руководители хозяйств области (дополнение к статье)

КИРОВ, город: Лобастов Александр Евгеньевич (ФГУП «Чистые пруды»); Севрюгин Владимир Александрович (ЗАО «Заречье»)

АРБАЖСКИЙ район: Одинцов Владимир Николаевич (СХПК «Рассвет»)

БЕЛОХОЛУНИЦКИЙ район: Мордвин Николай Афанасьевич (СХПК «Восход»)

ВЕРХОШИЖЕМСКИЙ район: Пряженников Алексей Кузьмич (Учреждение ОР 215/16); Харькин Николай Викторович (Агрофирма «Среднеивкино»)

ЗУЕВСКИЙ район: Казаков Леонид Александрович (Агрофирма «Мухино»)

КУМЕНСКИЙ район: Шулаев Владимир Леонидович (СПК «Красное знамя»)

МАЛМЫЖСКИЙ район: Насипов Мансур Султанович (ОАО «Агрофирма «Калинино»); Хайруллин Зинатулла Гиниятович (Агрофирма «Савали»)

МУРАШИНСКИЙ район: Бехтерев Анатолий Георгиевич (СХПК «Новый путь»)

НОЛИНСКИЙ район: Симонов Леонид Семенович, депутат областного Законодательного собрания (СПК «Племзавод «Шварихинский»)

ОРИЧЕВСКИЙ район: Нелюбин Виктор Петрович (СХПК «Адышевский»); Ожегин Борис Анатольевич (СХПК им. Кирова); Шишкин Сергей Николаевич (СПК «Племзавод «Луговой»)

ПИЖАНСКИЙ район: Бызов Герман Афанасьевич (СПК «Племзавод «Пижанский»)

САНЧУРСКИЙ район: Гущин Юрий Иванович, депутат областного Законодательного собрания (СХПК «Правда»)

СЛОБОДСКОЙ район: Логунов Леонид Александрович, депутат областного Законодательного собрания (СХПК имени Ленина); Луппов Владимир Геннадьевич (СПК «Красная Талица»); Олюшин Владимир Александрович (СПК «Лекминский»)

СОВЕТСКИЙ район: Малков Николай Александрович (ООО «Агрофирма «Надежда»); Шарипов Марсел Салихович (СХПК «Русь»)

СУНСКИЙ район: Крысов Николай Владимирович (СПК «Сунский»); Неустроев Леонид Александрович (СПК «Большевик»)

УНИНСКИЙ район: Шулятьев Борис Аркадьевич (МУП «Малополомский»)

УРЖУМСКИЙ район: Перевалов Алексей Николаевич (КФК «Андреевское»)

ЮРЬЯНСКИЙ район: Медведев Иван Варфоломеевич (СПК «Подгорный»); Рассохин Александр Анатольевич (ТНВ «Рассохин и Ко «Новомедянское»)

ЯРАНСКИЙ район: Станислав Вячеславович Мотов (СХПК «Птицевод»)

Т.П. КОКУРИН

АКАДЕМИКИ-АГРАРИИ

Не обделена талантами и сельскохозяйственная наука вятского края. На его ниве выросли, достигли самых высоких результатов в творческой деятельности и тем самым прославили свое отечество такие выдающиеся ученые, как академик ВАСХНИЛ Н.В. Рудницкий, академик РАСХН В.А. Сысуев, член-корреспондент РАСХН И.А. Родина.

Николай Васильевич Рудницкий (1877—1953) родился в г. Яранске Вятской губернии. После окончания Вятской мужской гимназии он поступает в Казанский университет, после завершения которого преподает естествознание в Вятском реальном училище. В 1908 г. едет на учебу в Московский сельхозинститут, досрочно, за два года, сдает экзамены и начинает работать яранским уездным агрономом. В 1911 г. Н.В. Рудницкий переходит на работу в Вятское губернское земство и через два года становится директором Вятской земской сельскохозяйственной опытной станции. С тех пор до конца жизни он связывает себя с сельскохозяйственной наукой.

Сорта, созданные Николаем Васильевичем, многие годы составляли основу сортамента этих культур в стране. Он завершил селекцию сорта озимой ржи Вятка, начатую С.Н. Косаревым, вывел совместно с коллегами новый сорт Вятка-2, которые, благодаря высокой потенциальной продуктивности и непревзойденной зимостойкости, до сих пор сохраняют вудущее место в производстве зерна этой культуры в Кировской и других областях России.

Высокую оценку получили сорта, выведенные Н.В. Рудницким, озимой пшеницы Лютесцене 116, ячменя Винер, овса

Мираж, картофеля Даль и другие. Под его руководством и непосредственном участии выведено большое количество сортов зерновых культур, из которых 13 районировано. Занимался он и созданием сортов овощных культур. Это огурцы Парниковый 6 (ПИ 6) и Телеграф (достигал длины 53 см и веса 1220 граммов), томаты Кировский 1 и Кировский 2, арбуз Гибрид 4, дыня Гибрид 3, капуста Кировская, лук Кропачевский и Арзамасский улучшенный, горох Овощной, морковь Нантская улучшенная, картофель Луч.

Н.В. Рудницкий был не только выдающимся селекционером, с его именем неразрывно связано развитие всей сельскохозяйственной науки в регионе. Он организовал селекционный отдел в Вятской опытной станции — первого очага селекции на Северо-Востоке страны, принял участие в создании института земледелия Северо-Востока, под его руководством проводились исследования по широкому кругу вопросов земледелия, кормопроизводства, овощеводства, садоводства, экономики и организации сельского хозяйства. Им написано множество научных работ и статей по вопросам селекции, семеноводства и агротехники сельскохозяйственных растений. Он был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, большими золотой и серебряной медалями ВСХВ.

Одновременно с исследовательской он вел большую работу по подготовке научных кадров и воспитанию студенческой молодежи. Николай Васильевич преподавал в сельскохозяйственном техникуме, ветеринарно-зоотехническом институте, а с 1944 г. до конца своей жизни заведовал кафедрой селекции и плодородства Кировского сельхозинститута, активно участвовал в общественной жизни области.

Николай Васильевич Рудницкий — ученый-селекционер, профессор (1930), академик ВАСХНИЛ (1935), доктор сельскохозяйственных наук (1936), лауреат Сталинской премии I степени (1947) — принадлежал к поколению тех ученых, кто в первой половине XX века закладывал фундамент отечественной научной селекции растений.

Деятельность Н.В. Рудницкого высоко ценится и в настоящее время. С 1977 г. его имя носит Зональный НИИСХ Северо-Востока, в 1996 г. Россельхозакадемией учреждена золотая медаль имени Н.В. Рудницкого — за работы в области селекции и технологии сельскохозяйственных культур для условий северного земледелия. Н.В. Рудницкий похоронен на территории дендрария ЗНИИСХ Северо-Востока имени Н.В. Рудницкого. Могила его является памятником истории и культуры г. Кирова.

Василий Алексеевич Сысуев родился 14 февраля 1948 г. в д. Омеличи Котельничского района в крестьянской семье. В 1966 г. окончил школу и до сентября 1967 г. работал слесарем-монтажником ордена Октябрьской революции колхоза «Искра» Котельничского района. Вся его последующая деятельность связана с сельскохозяйственным производством. Окончив факультет механизации Кировского сельскохозяйственного института в 1972 г., он возвращается в колхоз «Искра», где работает инженером, затем главным инженером этого хозяйства.

После завершения аспирантуры работает ассистентом кафедры механизации животноводства Кировского сельхозинститута. В декабре 1979 г. ему присуждается премия комсомола Кировской области по науке и технике за исследование в области измельчения грубых кормов для животноводческих комплексов. В это же время защищает кандидатскую диссертацию по данной теме и успешно совмещает преподавательскую деятельность с научно-исследовательской работой. Вся научная деятельность молодого ученого была нацелена на решение одной из сложнейших задач в сельском хозяйстве — внедрение комплексной механизации трудоемких процессов в животноводстве.

В 1984 г. Василий Алексеевич переводится на должность заместителя заведующего отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности обкома партии. Хорошие теоретические знания, опыт практической работы и организационные способности помогли проведению в этот период ряда мероприятий по укреплению материальной базы инженерной службы сельского хозяйства области.

В январе 1988 г. он назначается заместителем генерального директора НПО «Луч» по научной работе, а с августа 1990 г. — генеральным директором НПО «Луч» и директором НИИСХ Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого, где и работает по настоящее время.

В.А. Сысуев успешно занимается разработкой и внедрением энергосберегающих технических средств и технологических линий по приготовлению и раздаче кормов в скотоводстве, разработкой методики анализа математических моделей, взаимодействия рабочих органов кормоприготовительных машин с обрабатываемыми материалами. Им разработаны принципиально новые конструкции машин для механизации транспортирования, приготовления и раздачи кормов на животноводческих фермах. Такие механизмы, как мобильный измельчитель-раздатчик рулонов кормов, машина сухой очистки корнеклубнеплодов, линии приготовления кормов с энергосберегающими технологиями и другие машины и оборудование получили вы-

сокую оценку у производителей. Под его руководством осваивается более 60 научных разработок ученых института.

Василий Алексеевич защитил докторскую диссертацию на тему «Энергосберегающие технические средства и технологические линии приготовления и раздачи кормов в скотоводстве» (1994). В феврале 1996 г. ему присвоено ученое звание профессора, с 1997 г. — он член президиума Россельхозакадемии. В 2001 г. избран действительным членом (академиком) Россельхозакадемии. В.А. Сысуев — председатель экспертной комиссии академии по присуждению золотой медали имени Н.В. Рудницкого. Он главный редактор журнала «Аграрная наука Евро-Северо-Востока» и научных сборников ЗНИИСХ Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого.

Василий Алексеевич автор более 320 научных трудов, 17 монографий и рекомендаций, более 50 статей опубликовано в зарубежных изданиях, имеет 70 авторских свидетельств и патентов Российской Федерации. Он председатель регионального диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по механизации сельскохозяйственного производства. Под его руководством успешно защищены 3 докторские и 9 кандидатских диссертаций.

Указом президента Российской Федерации от 4 июля 2003 г. академику В.А. Сысуеву присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ».

Сегодня институт является научным и координирующим центром аграрной науки не только Кировской области. На его базе в 1996 г. создан Северо-Восточный научно-методический центр Россельхозакадемии, объединяющий усилия ученых-аграрников Кировской, Костромской, Нижегородской и Пермской областей, Марийской, Мордовской, Коми, Удмуртской и Чувашской республик. В.А. Сысуев является председателем этого центра.

Институт, как стабильно работающее предприятие, решением организационного комитета «ЕС-XXI век» награжден Международным дипломом и «Парижской медалью» в номинации «Предприятие XXI века» (2002), а В.А. Сысуев удостоен международного диплома «Руководитель XXI века».

* * *

Нина Андреевна Родина после окончания в 1955 г. агрофака Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева была направлена на Фаленскую селекционную станцию, где работала до 1961 г. Поступив в аспирантуру, успешно завершила ее, защитив кандидатскую диссертацию.

Смелый экспериментатор, умелый организатор научных исследований, обладающий высокой интуицией ученого-селек-

ционер, Н.А. Родина вскоре возглавила работу в НИИ Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого по селекции ярового ячменя — добилась выдающихся успехов. Она автор 15 сортов, из которых 9 районированы, 7 патентов на селекционные достижения, 200 научных трудов.

Сорта ячменя, над которыми она работает, отличаются не только по внешним признакам, но и по производственному назначению. Первые из них создавались для интенсивного использования — высокоурожайные, отзывчивы на удобрения, неполегающие, приспособленные для суровых условий северных районов области. Такими сортами были Луч, Север I, Викинг. Затем были выведены сорта, сочетающие приобретенные свойства интенсивного типа с устойчивостью к болезням и корневым гнилям — Эколог, Дуэт, Дина, к засухе — Добрый, Джин, Новичек, со скороспелостью — Дина, Андрей, Север.

В настоящий период на первый план выдвигается задача создания сортов с высокой адаптивностью к эдафическим и биотическим стрессам: кислотовыносливости и толерантности к наиболее распространенным болезням, продолжается работа по выведению ячменя кормового и пивоваренного назначения. За последнее время переданы на госсортоиспытание новые сорта — Святогор, Лель, Меркурий.

Нина Андреевна положила начало принципиально новому направлению в селекции — созданию сортов, толерантных к эдафическому стрессу. Её лаборатория имеет большие научные связи с зарубежными коллегами.

В 1982 г. Н.А. Родиной присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ». В этот же год она защитила докторскую диссертацию. Под ее руководством завершены работы по четырем кандидатским диссертациям. 19 июня 1990 г. ей присвоено звание члена-корреспондента Российской академии сельскохозяйственных наук.

Нина Андреевна Родина награждена орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, четырьмя медалями ВДНХ, серебряным Знаком Шведской Королевской сельскохозяйственной академии, знаком «Изобретатель СССР» и другими.

Л. КОСТИН

ИСКРА АНДРЕЯ РОНЖИНА

В жизни все познается в сравнении. Представим себе типично вятскую деревеньку: 13 стареньких домишек, покосившаяся лавка, сельпо, ветхая деревянная школа. На другой кар-

тинке: поселок городского типа, добротные каменные дома, не один магазин, а торговый центр с комплексом зданий, Дом культуры на 400 мест, школа на 640 мест с двумя спальными корпусами, шикарный детский сад, ясли, баня. Словом, как небо от земли. А между тем картинки те — с натуры. Деревенька — это Спицыны, поселок-загладенье тут же рядом, и все это вместе — центральная усадьба ордена Октябрьской Революции колхоза «Искра» Котельничского района.

О достижениях этого прославленного хозяйства написано много и впрямь есть чем восхищаться. Мы же отдадим дань уважения тому, чья энергия и дала столь блестящие всходы — председателю колхоза, бесценно руководившему хозяйством на протяжении 44 лет, Герою Социалистического Труда Андрею Мироновичу Ронжину (1911—1996, участник Великой Отечественной войны, возглавлял колхоз в 1954—1987. — Сост.).

Вспоминается последняя встреча с Андреем Мироновичем где-то в середине восьмидесятых. Прибыл я в «Искру» с довольно-таки туманным заданием — выдать «многоплановый материал с достижениями искровцев». Признаюсь, я прямо-таки потерялся среди этих достижений, не бумажные ведь они были, а самые что ни на есть натуральные, огромные. Стою у корпусов спицынского животноводческого комплекса, и голова кругом идет: это надо же, считай, завод передо мной — один цех, второй, третий, переплетение труб, скрежет механизмов и десятки людей, по всему видно, работающих здесь с удовольствием. Как все это втиснуть в скупые газетные строки?

И вот я в кабинете Ронжина. Поймал-таки неутомимого «деда», так в ту пору за глаза звали Андрея Мироновича. Листаю озабоченно блокнот, придумывая лихорадочно умные вопросы, но Андрей Миронович опередил:

— Я вот, грешным делом, на экскурсиях люблю бывать. Идешь, а тебе все понятное и непонятное объясняют. Знай, мотай на ус...

Это я сейчас понимаю, что Андрей Миронович мигом уловил мои журналистские проблемы и, как говорится, играючи подсказал выход. Я так и выдал потом свой «многоплановый материал» — в виде экскурсии по колхозу. Деталь отнюдь не случайная. Все специалисты, особенно молодые, непременно в беседе оговаривались:

— С делом работать легко. Он всегда что-нибудь дельное подскажет.

— Искрометный мужик, — так о нем отзывались председатели, тоже не обделенные заслуженными наградами. И вспоминали те зажигательные речи, которые слышали от Андрея Мироновича на расширенных областных совещаниях.

Сказать, что я близко знал Андрея Мироновича, не могу. Но довелось мне буквально потрудиться с другим председателем колхоза, тоже Героем Социалистического Труда, кавалером орденов Ленина Александром Харитоновичем Кормишниковым (колхоз имени Дзержинского Зуевского района). Как мне кажется, основными чертами характера эти два председателя похожи.

Председательские будни — это не трибуна или не стол президиумов заседаний и не кресло в своем кабинете, а хвост лошадки перед лицом, отбивающийся от паутов, разбитый газик, потом узик и лишь в последние годы — салон «Волги». И километры, километры, накрученные, нахоженные. Всюду должен успеть председатель, встать утром непременно с первыми петухами, забыть обо всем личном, жить только делами колхоза. Беспросветно льет дождь, все застопорилось, и все ждут от председателя, как от бога, решения, единственно верного. Непросто иной раз на что-то решиться, но надо, и когда, казалось, наступает самый край, выход, а точнее, озарение, находится. Далеко не каждому это дается. А Ронжина судьбе так и не удалось загнать в угол. Было у Андрея Мироновича одно соображение, которое, как мне кажется, явно просматривается красной нитью — всячески развивать в людях чувство коллективизма. Тут могут возразить, что в одном из интервью Андрей Миронович как будто о коллективизме отзывался без энтузиазма. Интервью то не слышал, но конкретные дела, по-моему, красноречивее.

Примеров более чем достаточно. Крупные животноводческие комплексы откуда по области пошли? Из «Искры». А там только сплоченным коллективом можно работать. В иных местах про кадры забыли, и стояли потом железобетонные коробки полупустыми — как памятник головотяпству. Интенсивная технология откорма животных впервые тоже прописалась в «Искре». И опять грамотное ведение дел, то есть коллектив все решает. В ту пору в «Искре» не формально, а очень толково учили людей экономике. Действовали несколько школ, многочисленные кружки. И было кому учить. В свое время правлением было направлено десятки молодых людей в институты, техникумы.

Жизнь в «Искре» была ключом. Не только на центральной усадьбе можно было культурно отдохнуть: добротные дома культуры есть во всех отделениях. Потому и выплеснулись песни искровцев не только за пределы области, но и по всему миру. Прославленный народный хор искровцев побывал во всех частях света и всюду очаровывал своим мастерством...

Про спортивные достижения спортсменов колхоза «Искра» также многие наслышаны. Были здесь высококлассные

футбольная и волейбольная команды, спортсмены-штангисты, гиревики редко кому уступали первенство в Котельничском районе, да и в областных соревнованиях тоже. Две лыжные команды, мужская и женская, набрали немало наград и похвальных отзывов. И, наконец, трамплин. Кто еще может похвастать подобным спортивным сооружением? А в «Искре» такой трамплин отгрохали, что здесь проводились престижные международные соревнования.

Дружно жили при Андрее Мироновиче искровцы, это мнение рядовых колхозников. Взять хотя бы женский совет, одно время его возглавляла М.В. Суслова. До всего было дело тому совету: как тот или другой ведет себя в быту, как детей воспитывает, как трудится и в каких условиях работают женщины-колхозницы — ничего не проходило мимо внимания женщин. Где непорядок найдут, спуску не дадут, самому Андрею Мироновичу достанется. Обидишь женщину — не миновать разбирательства на товарищеском суде, в роли караса на сковородке окажешься.

До сих пор помнят искровцы вечера чествования отличившихся на работе. Проходили они, что называется, раскованно, непременно с цветами, песнями и танцами. Словом, жил колхоз большим и дружным коллективом, душой которого был Андрей Миронович Ронжин. Искра, которую он заронил в душу людей — жить коллективом, как мне кажется, не погаснет.

Век позади: Спецвыпуск газеты
«Мастерская». Киров, 1995. С. 7: ил.

А.И. СКОРНЯКОВ

ДЕЛО ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ

(Очерк)

1999 г.

Колхозная контора стоит в центре села Средние Шуни. Окна председательского кабинета выходят на улицу. Яркие лучи солнца ослепительно бьют в окна, съедают посеревший ноздреватый снег, десятки ручейков, пенясь и весело журча, подтачивают ледяную корку, устремляясь с обрыва в низину. Навалившись на спинку стула, Тагир Галиахметов долго смотрит на раскисшую апрельскую дорогу, на голубые тени от деревьев, слушает, как со звоном падают с карнизов подтаявшие сосульки и мелко дробятся о кирпичный фундамент.

В полдень на взгорбленной проталине бойко запрыгали грачи, подбирая обломленные еще осенью ветки старого топо-

ля. Громко крича, как бы радуясь весне, они весь день хлопочут возле своих гнезд, укладывая в них ветки. Тагир смотрел, как птицы выют гнезда, и сердце его защемило от тоски. Вот вчера вернулся домой на рассвете, в грязной и мокрой одежде, весь продрогший. После стакана водки лег на печь, под тулуп, чтоб отогреться. Миниса ходила по избе в слезах, причитала: «Как заступил председателем, собственный дом стал не мил, пропадешь неизвестно где... Тогда уходи совсем из дома...»

Миниса не договорила: обида жгла ее грудь, как вспомнила про недавний разговор в магазине, куда она заходила за солью. Тогда женщины окружили председателю жену — и давай судачить. На каждый роток, говорят, не накинешь платок, болтали как сороки, расстроили Минису до слез. «Ой, смотри, как бы не опутали твоего-то молодые вдовушки, — посочувствовала одна из них, — сама знаешь, сколько их война-то проклятая наделала, а мужиков-то раз-два и обчелся. Вот и будет твой Тагир один среди баб, как в малиннике — любую ягодку ешь... Хорошенько гляди за ним...»

Услышав о сплетнях, Тагир сказал жене:

— Ну, что ты, Миниса, досужих кумушек слушаешь! Мне и так тяжело, а ты...

— Тогда скажи, — не унималась жена, — что это за работа такая — целыми сутками домой глаз не кажешь!

Он помолчал, потом подошел к жене и, положив ей на плечо руку, глухо произнес:

— Понимаешь, Миниса, большая беда в колхозе случилась. Пришлось срочно выехать за реку, предупредить тебя не успел, да и волновать не хотелось.

Стихийное бедствие обрушилось неожиданно. В ночь на 9 апреля 1950 года во время ледохода произошел затор. В какой-то миг вода в Вятке против Нижних Шуней поднялась до небывалой отметки и, стремительно хлынув на луговину, затопила единственную в хозяйстве животноводческую ферму, расположенную за рекой. Ферму содержали в лугах для удобства: скот летом никуда гонять не надо, и зимой хорошо — сено под боком.

В считанные минуты под угрозой гибели оказались сто пятьдесят голов крупного рогатого скота. А вода все прибывала. Когда председатель с мужиками подъехали на лодках к ферме, то увидели, что двухэтажный домик животноводов был затоплен до карниза. Перепуганные женщины забились на чердак, а кое-кто залез уже на конек крыши. Нужно было в первую очередь спасать людей. Лавируя между льдинами, которые в любую минуту могли раздавить или опрокинуть лодки, перевозчики сумели быстро эвакуировать женщин на противоположный берег.

Всю ночь и день колхозники боролись с разбушевавшейся стихией, стараясь спасти хоть часть стада. Ледяная вода обжигала тело, судорогой сводило ноги. Эта опасная работа осложнялась еще и тем, что напор воды был очень сильным, животных вырывало течением, крутило и с ревом уносило в ночную темноту. Спасти удалось очень мало — около сорока телочек перетаскили на бугристое место, но и к нему уже подходила вода. Председателю пришлось срочно позвонить в Киров и вызвать самолет для бомбежки ледяного затора.

Узнав от мужа про несчастье, Миниса встревожилась, как-то вдруг позабыв все свои обиды.

— Как же теперь колхоз-то без скота? — осторожно спросила она, — что хоть делать-то станешь?

— Не знаю, Миниса... Общее собрание соберем, с народом посоветуемся. Думаю, корову свою придется первому на ферму отвести.

— Да ты с ума спятил, ребятишки что — пальцы твои сосать будут? — возразила Миниса. — Твои-то предшественники, небось, все в дом волокли, а ты из дома стараешься...

— Пойми, Миниса, по-другому не могу, не сердись на меня, — перебил ее Тагир и хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой и стал собираться в контору. Вдогонку неслись слова матери: «Ох, сынок, слишком большой хомут на себя одел, тяжело тебе будет...»

...Тагир снова взглянул на весело кричащих грачей и невольно подумал: «Как все просто у птиц — выют себе гнезда, живут семейными заботами... А вот тут некогда уделить жене чуточку внимания».

Внезапно в голову пришла шальная мысль: «А что, если бросить все — и в город! Печать — сейф, на столе оставить записку. В случае чего — он может сослаться на болезнь: фронтовая рана ему давно не дает покоя. Первый раз, два года назад, он не принял председательство (хотя на собрании был избран единогласно) только из-за того, что открылась рана, и ему вынуждены были сделать повторную операцию в Казанском институте восстановительной хирургии. Значит, все оставить — и в город...

Вот Миниса обрадуется — она ведь все уши прожужжала ему о прелестях городской жизни, ей только скажи. И снова заживут они, как прежде, душа в душу — в семье будет мир и покой. В конце концов, он устроится по своей прежней профессии — бухгалтером в каком-нибудь небольшом учреждении: сиди себе в тепле, стучи костяшками на счетах, никто среди ночи не разбудит, не вызовет. И не надо будет голову ломать — где брать сейчас скот, на какие средства. Ведь в колхозной кассе — ни гроша. Словом, работенка у него будет тихая, спокойная».

«Спокойная, говоришь? — как бы очнувшись от дум, сам себя спросил Тагир. — От трудностей бежать собрался? А совесть твоя что тебе скажет, а партийный долг?... А вспомни-ка, как на Ленинградском фронте ты поднимал бойцов в атаку, был ранен, но ты не струсил и не оставил поле боя, а шел вперед, чтобы победить врага. Действовал как герой. А разве сейчас не та же атака? Партия поручила тебе ответственный пост на важном участке мирного строительства. Поднять людей на борьбу с бесхозяйственностью, вывести хозяйство из отставших в число передовых — разве это не та же атака? И он вспомнил слова старика Гарафутдина, с которыми он обратился к нему на колхозном собрании: «Ведь то, что мы тебя, Тагир, ставим, это надо понять сердцем, все за тебя одну общую руку тянем, значит, доверяем, верим, что можешь с умом повести наше колхозное дело...»

Через неделю было назначено общее собрание членов артели с повесткой дня: «О мерах по восстановлению общественного стада». Собрались в клубе, зачитали президиум собрания, но почему же не занимают места избранные в президиум активисты: Якуб Ахтямов, Гариф Шарафиев, Галимзян Галимбеков и Рахматулла Гизатов? Тагир оглядел зал, пора начинать собрание, но этих товарищей в зале не было. Что же случилось, почему они опаздывают?

В эту минуту с улицы вдруг донеслось какое-то мычание, и когда председатель взглянул в окно, то увидел, как несколько колхозников во главе с Рахматуллой Гизатовым вели за собой на веревке коров. Привязав коров к забору, напротив клуба, и бросив им по охапке сена, колхозники не торопясь вошли в зал... Вся эта картина как-то тронула правленцев и присутствующего на собрании секретаря райкома партии. Особенно взволновало выступление Гарифа Шарафеева, вышедшего к трибуне первым.

— Все вы знаете, товарищи, — сказал он, поглаживая жиденькую бородку, — колхоз оказался в беде, а значит, это наша общая беда! Агитировать вас много ни к чему, вот лучше взгляните в окно, — видите, мы привели в колхоз своих последних коров... Я думаю, что и сидящие в этом зале от нас не отстанут: кто корову не сможет привести, пусть телку или овцу ведет. Колхоз перед нами в долгу не останется...

Большинство колхозников поддержало активистов. Тут же на собрании был составлен список желающих помочь колхозу в приобретении скота. В свою очередь секретарь райкома информировал собравшихся, что колхозы района в порядке солидарности приняли решение выделить для пострадавшего от наводнения хозяйства около 80 телочек.

Вскоре ферма была восстановлена. Теперь надо было построить помещение для скота. Строительных материалов в колхозе не было. Что делать? Решили разрабатывать заброшенный каменный карьер и своими силами строить коровник. Камень пошел на стены, из камня же выжигали известь, которая заменила цемент. Коровник и телятник построили за лето. Только крышу пришлось сделать на зиму временную — покрыли ржаной соломой.

Радуюсь, что колхозный скот будет зимовать в тепле, люди почтительно здоровались с Тагиром и подбадривали:

— Ничего, председатель, не вешай нос, проживем...

* * *

Первые послевоенные весны были невероятно трудными — без вспаханной с осени зяби, без собственных семян, без запасных частей к непрерывно ломающимся тракторам. Но люди работали дружно, с воодушевлением, как будто заново родились после Великой Победы. Выйдет, бывало, из строя трактор, станет на прикол — запрягают в упряжку с плугом и боронами быков. Рвется бык в разные стороны, мычит, сопротивляется, веревка до крови перетирает натруженные крестьянские руки... И все-таки люди пахали. Да и кто? В большинстве бабы да ребята-тишки.

Секретарь райкома встретился с Галиахметовым на свежеспаханном поле. Коренастый, широкоплечий, председатель шел слегка припадая на раненую ногу и, щурясь от солнца, похозяйски поглядывал по сторонам.

Приехавший обратил внимание, что по лицу Тагира крупными, величиной с горошину каплями струится пот. Они поздоровались, прошли несколько шагов. Вдруг председатель резко остановился.

— Что с вами? Плохо чувствуете себя? — спросил секретарь.

— Пустяки, вполне здоров, — вытирая платком лицо и делая попытку улыбнуться, ответил председатель. — Трудно по пахоте ходить. По твердой земле могу, а по пахоте тяжело, не научился еще, — и, помолчав, добавил: — Это к непогоде осколки в моей ноге зашевелились... Да вы не обращайте внимания!

— Зачем же по пахоте ходите, послали бы бригадира, — посоветовал секретарь.

Тагир усмехнулся:

— Какой же я председатель, если сам не буду знать, как наше поле пашется? Да и девушкам надо бы помочь. Видите, «колесник» пашет, — он указал на удаляющийся вдоль борозды трактор. — Так вот, утром он заглох. Девчонки бились, бились,

чтоб его снова в ход пустить, да видно силенок не хватило. Трактор-то после перетяжки. Приехал я на лошадке, вижу — девчата ревут. Успокоил, помог завести.

Целые дни Тагир Галиахметов проводил в разъездах по селам, которые входили в состав колхоза, в разговорах с народом.

— Станный какой-то новый председатель, — говорили про него, — все ходит да спрашивает...

А председатель все допытывался до главной причины отставания колхоза. После долгих раздумий пришел к выводу: большая часть бед — от равнодушия к людям, от халатного отношения к земле. Народу в деревнях вроде немало, а работать некому, — многие шашаничили на стороне, «гонялись за длинным рублем» по соседним районам. Галиахметов решил созвать расширенное заседание правления. Выступал на том заседании председатель коротко, но дал понять, что разгильдяйства не потерпит. Потребовал, чтобы бригадиры, заведующие фермами, агроном и зоотехник каждый вечер отчитывались о работе за день. Раздались недовольные голоса:

— Круто берешь, председатель!

Потом кое-кто демонстративно не показывался в конторе, игнорировал распоряжение Галиахметова. Тогда председатель поставил вопрос прямо: правонарушителей дисциплины с работы снять, а на их место выдвинуть достойных. Это был первый удар, который показал колхозникам: крепок председатель характером, за правду постоять умеет.

* * *

Осень уже переломилась, пошла на убыль, поля поскуцнели, но заметно стали просторнее. Там, где шумели ржаными и пшеничными разливами хлеба, черная, с фиолетовым отливом пашня тянется далеко к горизонту, а на краю поля, возле дороги, цепочкой желтеют стога.

Галиахметов смотрит на опустевшие поля и, как бы прощаясь с ними до весны, говорит:

— Люблю поля в осеннюю пору. Кажутся они в это время какими-то красивыми...

«Красивое поле». В этих словах — любовь к земле, к людям, ее обрабатывающим.

Много раз приходилось встречаться с Тагиром Галиахметовым. Случалось это и в дни весеннего сева, и в горячую уборочную страду, и поздней осенью. И каждый раз он удивлял меня умением ценить землю, стремлением заставить ее работать во всю силу.

Весна была очень трудной, затяжной, с холодными, северными ветрами и продолжительным ненастьем. Председатель каждый день был в поле: его можно было видеть то у одного, то у

другого посевного агрегата. Вот я отчетливо вижу, как Галиахметов прислушивается к привычному гулу трактора за пригорком, его радует этот шум. Он вдруг ощутил знакомое чувство волнения, которое им всегда овладевает в такие минуты. Галиахметов любит поле, ему понятна красота земли в эти утренние часы — еще голой от всходов, но уже принявшей в себя первые зерна. Он уверен, что сев будет проведен в самые лучшие сроки.

Председатель берет в руки влажный комочек земли и пальцами неторопливо разминает его на ладони.

— Как пух земля-то разделана. Хороша! Молодцы механизаторы!

Отыскивает чуть заметный след от колес сеялки, проверяет, на какую глубину ложатся зерна. Убедившись, что заделка семян нормальная, он поднимается, идет навстречу трактору. Из-за бугра появляется трехсеялочный агрегат. Тракторист Габдульбар Аскарлов останавливает машину. На кабине трактора красный вымпел.

— Ты чего, Габдульбар, такой небритый? — спрашивает председатель, — сев ведешь отлично, первенство держишь, а сам оброс...

— Ой, некогда, Тагир Ахметович, вот закончим сев, каждый день станем бриться, — шутливо отвечал тракторист.

— Нет, Габдульбар, побриться тебе необходимо, завтра фотографа пришлем. Твой портрет на Доску почета решили поместить.

Аскарлов только махнул рукой:

— Ничего я особенного, Тагир Ахметович, не сделал, чтобы меня фотографировать...

* * *

Давно не был таким безоблачным небосвод, как в тот жаркий августовский день. Еще накануне, когда небо было серым и хмурым и, казалось, ненастью не будет конца, Галиахметов объявил бригадирам, что завтра все жители деревень — от школьного возраста до пенсионеров — мобилизуются в поле для переворачивания валков на ручную косьбу ржи и вязку снопов. Вся людская сила и техника должна быть брошена на спасение урожая. Поздно ночью разъехались бригадиры поднимать народ.

А на рассвете возле окон председательского дома затарахтели мотоциклы, и Тагир, плохо спавший в эти ночи, быстро вскочил с постели. По улице, нарушая утреннюю тишину, один за другим промчались на мотоциклах комбайнеры с помощниками. Увидев в окне председателя, затормозил свой «Москвич» бригадир Нижнешунской комплексной бригады Тимирхан Фасхудинов.

— С хорошей погодкой, Тагир Ахметович, весело поприветствовал бригадир председателя. — Смотрите солнце!

Из-за холмистого склона показался багрово-красный солнечный диск. Разбуженные мотоциклами люди открывали окна и с улыбкой глядели в сторону восхода.

— Наконец-то, Тимирхан, дождались! — облегченно вздохнул председатель. — Передай мое распоряжение своим комбайнерам: пусть снимают подборщики с агрегатов и выводят машины на прямое комбайнирование. Агрегатов двенадцать на прямое пустим, остальные — на подборку валков.

Председателя в этот день я нашел в поле Среднешунской бригады. Здесь, на семидесятигектарном семенном участке сортовой ржи, делали свой первый круг четыре агрегата. Рожь стояла стеной — чистая, густая, высокая, с большевесными, тугими колосьями, и комбайны словно не шли, а плыли по хлебному морю. Поравнявшись с председателем, Гариф Муллин остановил комбайн и махнул фуражкой шоферу грузовика, ожидавшему на краю поля.

— Ну, каковы успехи?

— А что, Тагир Ахметович, на успехи не пожалуемся, — прищурив глаза, сказал комбайнер, — вот раз объехал — и полный бункер. По тридцать центнеров наверняка, а то и больше. Надо выгружаться, — и, зачерпнув полные пригоршни ржи, осторожно спустился по железной лесенке вниз.

Председатель вместе с главным агрономом Минахметом Мухаметшиным брал зернышки на зуб, растирал на ладонях, смотрел, нет ли в них зелени.

— Влажность зерна нормальная, не больше девятнадцати процентов, — определил председатель. — На току подработаем, На утро государству повезем. Ну, что ж, ребята, поздравляю вас с отличным намолотом, желаю удачи!

— Заслуга комбайнера тут невелика, Тагир Ахметович, — сказал Муллин, — а вот агронома можете поздравить.

— Нет, Гараф, — возразил председатель, — я вас поздравляю обоих! И скажу тебе, ты особенно не скромничай — твоего труда здесь вложено немало: посевную проводил, удобрения вносил. Качество уборки, скажу прямо, отличное!

Лицо комбайнера мне показалось знакомым, и я стал припоминать, где я его видел. И тут мне отчетливо припомнилась эта встреча. Два года назад, в разгар уборочной страды, в кабинет председателя, с которым я беседовал о делах, твердой походкой вошел средних лет человек в запыленном, промасленном комбинезоне. По всему чувствовалось, что он только вернулся с поля, был чем-то взволнован и расстроен. Вошедший сухо поздоровался и, не обращая внимания на нас, при-

ехавших журналистов, присел к столу председателя, заговорил требовательно, строго:

— До какого времени будут продолжаться такие безобразия? Мой комбайн вымолачивает все до зернышка. Можете проверить. А у соседа? — он назвал имя другого комбайнера и тут же стал перечислять недостатки его агрегата: цепи не подтянуты, молотильный аппарат не отрегулирован. Явные потери из-за халатности. А хлеб-то общий, наш хлеб!

Говоривший тяжело вздохнул, видимо, стараясь унять волнение, испытующе посмотрел на нас, незнакомых для него людей, и уже спокойно сказал председателю:

— Вот что, ты — хозяин. Принимай меры. Не примешь, — потребую созвать правление.

Я видел, как при слове «хозяин» председатель хитро улыбнулся. А когда комбайнер ушел, он, как бы размышляя вслух, заговорил:

— Слышали? Меня хозяином называет. А сам-то больше себя хозяином чувствует. Попробуй не прислушайся к нему, не прими меры. Не только правление, собрание соберет, но своего добьется.

* * *

В истории становления колхоза имени XXII партсъезда Вятскополянского района имя его бывшего председателя, Героя Социалистического Труда Тагира Ахметовича Галиахметова, проработавшего в этой должности тридцать шесть лет и отдавшего лучшие годы главному делу своей жизни, никогда не забудется в памяти тружеников этого хозяйства. Иногда можно слышать: скудная земля, какой с нее урожай получишь: слезы — и только. Не раз говорили так и о землях Вятскополянского района. И хоть исходило это от закоренелых пессимистов, но, как ни странно, были такие, что верили и вторили им. Подобные настроения принесли достаточно неприятностей, и главное — у людей опускались руки, притуплялась вера в свои силы, в свою землю. Это самый страшный недуг для хлебороба. Помочь здесь может только одно лекарство — беззаветная преданность своему краю, своей земле и упорный, до седьмого пота крестьянский труд.

Эти рассуждения Тагира Ахметовича Галиахметова мне довелось слышать не раз от него самого и других людей. «Нет плохой земли, — любил повторять Галиахметов, — есть нерадивые хозяева. Отсюда все беды». Много раз мне приходилось встречаться с Галиахметовым. Случалось это и в дни весеннего сева, и в уборочную страду, и поздней осенью. И каждый раз он удивлял меня умением ценить землю, стремлением заставить ее работать во всю силу.

Уже многие годы о колхозе имени XXII партъезда говорят уважительно: ведущее хозяйство. А ведь было время, когда и здесь слышалось: что получишь с этих убогих полей? И действительно, урожайность зерновых не превышала 8—10 % с гектара.

В то время председатель колхоза Галиахметов и главный агроном хозяйства Минахмет Мухаметшин считали такие суждения неверными, даже вредными. В них жила и живет глубокая вера в то, что нечерноземный гектар может рожать ничуть не хуже, чем кубанский. А для этого надо систематически повышать культуру земледелия, плодородие полей. Эта важная задача с успехом решается в колхозе, а душой этого дела является агрономическая служба. Здесь большое значение придается передовой агротехнике, срокам и качеству работ, правильному использованию семян и удобрений, интенсивной технологии.

В колхозе не жалеют ни времени, ни средств, чтобы подготовить квалифицированных специалистов. А выучился человек — пожалуйста, трудись в полную меру сил: для самостоятельной творческой работы здесь созданы все условия. Очень верно был решен в колхозе вопрос подбора и воспитания руководящих кадров. Как-то несколько лет назад в кабинет председателя зашел тракторист Нижнешунской бригады Р.Ф. Фасыхов, показывая диплом агронома, сказал:

— Можете поздравить, Тагир Ахметович. Вот закончил заочно Савальский сельскохозяйственный техникум.

Председатель от души поздравил механизатора, пожелал ему успехов в труде и сказал:

— Зачислим вас в резерв на выдвижение.

Года полтора Фасыхов работал механизатором, потом выдвинули его на должность бригадира тракторной бригады. Присматриваясь к его работе, правление все больше убеждалось, что молодой специалист показал себя хорошим организатором производства. И вот тогда правление доверило Ренату Фасыхову руководство Нижнешунской комплексной бригадой.

Мне известны руководители колхозов и совхозов, которые сидят и ждут, когда им по направлению пришлют агронома, зоотехника или инженера. В колхозе имени XXII партъезда растят свои кадры. Все специалисты в хозяйстве — выходцы из родного колхоза. Сегодня это опытные, знающие свое дело бригадиры, заведующие фермами, зоотехники, агрономы, инженеры, механики, которые плодотворно трудятся на своих местах, умножая общественное богатство.

А ведь сколько усилий пришлось приложить к тому, чтобы заставить заочно учиться в сельскохозяйственных техникумах и институтах уже немолодых людей. Убедить руководителей среднего звена получить образование помогли не только настойчивость, но и личный пример председателя Тагира Галиах-

метова. Ведь ему также пришлось заканчивать Савальский техникум уже в зрелые годы, когда работал председателем.

Едва настанет день, а бывший председатель Галиахметов уже в поле. И это не только привычка, но еще одно качество души тянет его на ниву — ответственность. Еще бы! Тридцать шесть лет руководить хозяйством! За плоды своего труда, кроме звезды Героя Социалистического Труда, Галиахметов был награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции. За эти годы каждый клочок колхозной земли стал для Галиахметова частичкой его души. Вот уже несколько лет, как он вышел на пенсию, казалось бы, пора отдыхать. На самом же деле он не мыслит себя вне гущи трудовых будней своих колхозников.

Бывший председатель спокоен за колхоз, ведь у его штурвала стоят знающие энергичные специалисты. Это — заместитель председателя Ф. Харисов, агроном Г. Мингазов, зоотехник Г. Давлятшин, инженер Л. Сафин, бухгалтер В. Нурмухаметов, экономист Н. Габдрахманов, бригадиры Р. Фасыхов, С. Шамсрахманов. Самую высокую урожайность за последние годы в районе получила Нижнешунская комплексная бригада Рената Фасыхова — 43,3 ц/га. Над повышением плодородия полей активно работают другие бригады вместе с правлением и агрономической службой. Председателем колхоза стал талантливый молодой специалист, экономист по образованию Фоат Субанов.

Л.В. ДЬЯКОНОВ

АПРЕЛЬ ПОСЛЕВОЕННЫЙ

Еще в лесу белым-бело,
Как в зимние деньки, —
кусты по пояс замело,
засыпало пеньки.

Еще в окрестных деревнях
навоз вывозят на санях.

И застоявшийся Гнедко,
ушами шевеля,
тяжелый воз везет легко
на спящие поля.

А снег неделями хранит
следы полозьев и копыт.

Но вдоль широкого двора
притихшей мастерской
стоят шеренгой трактора,
как принято весной.

(Ой, ветераны-трактора,
давно бы вас списать пора!
Но нет! Вас держат на ходу,
хоть живы вы едва,
и подымать вам борозду
еще и год и два!)

И все сильнее и горячее
потоки солнечных лучей!

И ветер с веток снег смахнул!
И с крыш ручьями льет!
И бригадир давно смекнул,
куда кого пошлет.

Он скажет сдержанно: «Пора!» —
и в поле выйдут трактора!

А.А. МАРКОВ

ДВА ПРОЗОРОВЫХ, ДВЕ СХОЖИЕ СУДЬБЫ

Алексей Федорович Прозоров, комбайнер колхоза «Аврора» (Санчур. р-н), преодолев тяжёлый недуг и овладев мастерством комбайновой уборки, повторил подвиг знатного механизатора страны Героя Социалистического Труда Прокопия Васильевича Нектова.

Свою трудовую деятельность А.Ф. Прозоров начал подростком помощника кузнеца. В 1936 г., закончив курсы, стал работать трактористом. В 1939 г. призван в армию, на фронте с 1941 г. Участвовал в битве под Москвой, Воронежем, на Курской дуге и форсировании Днепра. Командовал расчетом 45 мм орудия в батарее ИПТА. Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды и другими. В бою под г. Коростенем был тяжело ранен. В госпитале, чтобы спасти ему жизнь, ампутировали правую ногу. Вернувшись на родину, стал работать в кузнице.

Затем поступил работать в Алексеевскую МТС, работал машинистом сложной молотилки, был помощником бригадира

тракторной бригады, год проработал помощником комбайнера П. Арсибекова. Зимой окончил курсы комбайнеров, после чего дирекция Алексеевской МТС доверила ему только что полученный самоходный комбайн. С первой же жатвы Алексей Федорович доказал, что может, несмотря на свое увечье, не только работать на равных со здоровыми, но и добиваться лучших результатов. После ликвидации МТС работал в колхозе «Культурная жизнь», затем до своей смерти, в 1973 году, в колхозе «Аврора».

А.Ф. Прозоров неоднократно занимал первое место в соревновании механизаторов своего колхоза, входя в число лучших комбайнеров района. Его имя было широко известно не только в Санчурском районе, но и во всей области. Он не раз выступал инициатором соревнования на уборке урожая, внедрения передового опыта, в частности, он первым в районе приступил к уборке зерновых в ночное время. К его советам прислушивались и молодые и опытные комбайнеры. В 1955 г. в «Кировской правде» появился очерк о нем Д.А. Наумова (в 1970 г. в кн. Родиной награжденные — ст. «Встречи в пути»). Он получил широкий отклик. У него появилось немало последователей. Среди них А.Т. Прозоров из села Русские Краи Кикнурского района.

Судьба Аркадия Тимофеевича Прозорова во многом похожа на судьбу Алексея Федоровича Прозорова. Родился в 1919 г. в деревне Бересни (Кикнур. р-н). Трудиться начал рано, работая молотобойцем в кузнице. В 1939 г. призван в Красную Армию, служил в Забайкалье. С первых дней войны на фронте, сапёром-разведчиком. Делал проходы в минных полях, участвовал в вылазках за линию фронта. В последней разведке в тыл врага А.Т. Прозоров был тяжело ранен, лишился обеих ног. За воинские заслуги Аркадий Тимофеевич награжден тремя орденами Славы. Летом 1945 г. после лечения он вернулся в родные края. Сапожничал, затем, закончив курсы, 30 лет проработал кино-механиком в Русскоукраинском доме культуры. За свой труд неоднократно отмечался почетными грамотами, премиями, удостоен звания «Ударник коммунистического труда». Умер в феврале 1987 г.

В 1958 г. А.Т. Прозоров решил по примеру А.Ф. Прозорова стать механизатором. В письме к Алексею Прозорову он писал: «Нынче перед началом уборки я решил стать снова машинистом лафетной жатки. Мое желание исполнилось. С начала жатвы подкосил хлеба с 300 га. Днем работал на жатке, а вечером демонстрировал кино. Алексей Федорович, у нас одно желание, одна цель — своим трудом крепить могущество любимой Родины».

Переписывался А.Ф. Прозоров и с известным оренбургским трактористом, Героем Соц. Труда П.В. Нектовым, потерявшим на войне обе ноги, но нашедшим в себе мужество и силы

вернуться к профессии комбайнера. Оба механизатора обменивались опытом, соревновались друг с другом.

Трудовой подвиг колхозника А.Т. Прозорова отмечен орденами Ленина (1957), Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и другими наградами. На доме, где он жил, установлена мемориальная доска, учреждены две премии его имени для награждения лучших механизаторов колхоза. Земли первой комплексной бригады, на которых он работал многие годы, были названы «Поля А.Ф. Прозорова». Санчурский райком комсомола учредил приз имени А.Ф. Прозорова для лучшего молодого комбайнера. Вручали приз в день годовщины Ленинского комсомола — 29 октября. Его обладатель награждался Почетной грамотой и бесплатной туристской путевкой по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

В 1964 г. художник Виктор Кашин написал его портрет. А.Т. Прозорову посвящена поэма Фаины Столяровой «Алексеево поле»:

*За окошком осенний ветер
В дикой ярости листья швыряет.
В светлой комнате в поздний вечер
Человек не спит, вспоминает.
Нюют раны к плохой погоде —
От войны тяжелая память...*

Поэт рассказывает в стихах о трудной судьбе Алексея Федоровича, боях за Днепр, тяжелом ранении, горьких раздумьях, о возвращении в строй, о счастье хлебороба:

*Сколько прожито-пережито,
Передумано сколько раз!
Вот течет золотое жито,
Хлебороба радуя глаз.
В ширь полей, в синеву влюбленный,
В рожь густую, что встала стеной,
Загорелый и запыленный,
Он ведет свой комбайн степной.*

В.Н. БУЛЫЧЕВ

ЖИВЫМ И МЕРТВЫМ — САД ОДИН

И недалеко по теперешним понятиям эта деревня от областного центра, города Кирова: два часа на электричке. Но как только отгрохотали колеса по рельсам и смолкло все, показалось, словно в другую жизнь, тихую, замедлившую свой ход, потянулась от переезда слабо протоптанная тропинка.

Десятка полтора домов. И редко какой порадует крашеной дощатой обшивкой да резными наличниками — серые стоят дома, устало глядят на мир грустными глазами окон, подернутыми бельмами нелюди. Да и перед кем красоваться им? Давно уже остались в Леушиных и Соловьях, в той деревне, куда я держу путь, одни старики да старухи. Люди свой век доживают, а дома — свой, и не до красоты им.

Одинокая старуха около поленницы дров повернулась на скрипучие шаги по снегу, повернулась, так и не разогнув спины, и долго ждала, к какой же избе завернет незнакомец — редки они в здешних местах...

О человеке, к которому я направился, ходят по вятской земле слухи. Рассказывают люди о том, как вернувшись с войны в родную деревню, надумал один фронтовик пруд копать голыми руками возле своего дома. Долгие годы копал, а как закончил дело, принялся по берегу пруда деревья сажать. Около шестисот их уже в саду, а он все дает жизнь новым, словно хочет всю соловьевскую землю сделать садом.

По-разному толкуют люди о фронтовике: кто героем назовет его, а кто чудачком. Но слыхали о нем многие. А уж в Котельничском районе, где находится его деревня, — наверное, вовсе каждый. Вот и в электричке любопытный немолодой попутчик, разузнав, кто я и на какой остановке сойду, понимающе улыбнулся: «А ведь знаю я, по чью вы туда едете душу — к Коле Шахтарину. Точно?»

Прав попутчик. К нему еду. И именно по его душе. Ибо хочется мне понять, что за душа дана природой человеку, готовому копать пруд и растить сад, не взвешивая даже в своей увлеченности, сколько проку в таком его труде: кому будет служить его пруд и сад завтра в отжившей свое, обезлюдевшей уже сейчас деревне Соловьи?

Когда я оказался у дома Николая Григорьевича Шахтарина на краю деревни, недалеко от железной дороги, так что стук вагонных колес с трудом доносился сюда, то остановился, пораженный. Был пруд, очертания которого угадывались под снегом, не так велик, как в легендах, — метров шесть в ширину, а в длину лишь вдвое больше — тянулся он вдоль дороги до самого дома Шахтарина, и были деревья в саду — ели, сосенки, тополя, кедры — не так высоки, какими рисовала их фантазия. Но те из них, что успели уже окрепнуть, налиться силой, не просто росли. Каждое на своем стволе, как медаль на груди, несло небольшую овальную жестяную табличку с фразой, начало которой повторялось везде дословно: «Пусть растет в честь Сергея Петровича Шахтарина, 1916 года рождения, друга детства. Танкист погиб на войне в 1942 году». «Пусть растет в честь

Аркадия Андреевича Шалагинова, погиб под Москвой в 1942 году». «Пусть растет в честь Федора Андриановича Клепцова, бойца хозвзвода 2-го батальона 12-й бригады морской пехоты Северного флота...» «Пусть растет в честь...»

Таких деревьев было в саду, видимо, лишь несколько десятков, но стояли они на самом виду, по обеим сторонам дороги, и когда на ветру тонкие таблички бились о стволы, наполняя воздух своеобразным металлическим шорохом, начинало казаться, будто весь сад заговорил, будто каждое из шестисот деревьев вливает свой голос в общий этот звук и каждое дерево растет в чью-то честь.

Я ходил между тополями, не торопясь постучаться в дом, читал надписи на табличках и пытался проникнуть в замысел создателя этого необычного музея. Наверное, так и было задумано им, чтобы в его саду жили рядом деревья безымянные и окрещенные, а последние, как награды на груди, несли на своих стволах имена людей, как живых, так и мертвых, как фронтовиков — их большинство, — так и не воевавших, просто людей хороших, просто людей, но обязательно рожденных вот этой землей — Соловьями, Леушиными и другими соседними деревнями.

Деревья долговечнее людей. И мысль, что суждено им, пожалуй, пережить соловьевцев, да и их бревенчатые избы, заставляла испытывать волнение посреди тополиной аллеи. Не окраиной жизни начинал представляться этот пустынный уголок, а центром ее, и казалось несправедливым, что вдали стучат по рельсам электрички и провозят мимо людей, что не идут люди поклониться деревьям-памятникам. А может быть, и придут когда-то? Придут и постоят молча посреди вот этой аллеи, где у каждого дерева — свое имя, а если нет имени — ты можешь сам его мысленно дереву дать, вспомнив отца своего или деда...

На берегу пруда, на самом видном высоком месте, стоит трехметровый цилиндр, заостренный кверху. Если приглядеться к нему, то нет нужды читать надпись, чтобы догадаться, что это гигантский карандаш. Сквозь налет ржавчины на железе проглядывают слова, похожие на стихи:

*Карандаш в мире пишет обо всем,
Карандаш пишет ночью и днем,
А история молчит о нем,
Когда же и как он родился,
В каком столетии писать научился.
А карандаш этот пишет везде:
«Люди, храните мир на земле!».*

Я хотел отвести глаза и пройти дальше. Но потом перечитал эти строки еще раз и еще дважды. И вдруг понял с неожи-

данной силой: эти строки судьбой посылались мне, да и другим читателям как серьезное испытание. Пробьешься ли, простив их автору шесть классов образования, сквозь неуклюжесть их и непознτικότητα к истинному смыслу?

А смысл в них заключен глубокий. Нам только кажется, что бесследно для истории проходят какие-то эпизоды и проживают люди жизни. Каждое событие и каждая судьба зачтутся, словно запишутся в большую незримую книгу. А когда случаются такие потрясения, как война, то уж тут с особым усердием трудится память людская, стараясь запечатлеть все до деталей, — в урок потомкам, в назидание.

Вот и его Карандаш — аллегория памяти — безвестный, но неутомимый, пишет историю, пишет с тех пор, как окончилась последняя война на нашей земле, пишет затем, чтобы была она и вправду последней.

Пруд, сад, памятник карандашу — все здесь носило яркую, сразу различимую печать творчества. И поэтому, какие бы чудеса о шахтаринских делах ни рисовала людская молва, меркли здесь эти картины, казались выхолощенными и оттого беспомощными.

Через тополиную аллею лежит путь к дому Николая Григорьевича Шахтарина. Человека, который отдал двадцать пять лет своей жизни — так говорят люди — пруду и саду.

Мы встретились с Николаем Григорьевичем на пороге дома. Зашли в избу ненадолго, не погреться, а взять вторую пару валенок — для меня. С «экскурсоводом» ходить по саду оказалось куда интереснее. По колено в снегу мы пробирались от одного дерева к другому, и мне нравилось, как легко, как свободно ступает этот человек по своему саду, словно движется по своей памяти. Каждое дерево здесь было зарубкой ее и поэтому воскрешало в ней давние истории и людские судьбы.

Одним экспонатом своего «музея» Николай Григорьевич особенно гордился. Под металлическим колпаком помещался макет землянки, сделанный в натуральную величину. Посередине — железная бочка, а по бокам от нее два солдата прилегали на деревянные настилы.

— Это я в настоящем музее подглядел, когда летом отдыхал в санатории. Только там, понимаешь ты, офицерская землянка была, больно уж ладная, даже с кроватями. А я хотел сделать нашу, солдатскую. Вот такую бочку топили по-черному для тепла, а как станет совсем угарно, приоткрывали не на долго вход. А солдаты? Это дочка Ирка спила летом. В валенки вон, вишь, зачем ты одела. Поди, скажешь, не шибко на людей похожи? А солдаты-то неухоженные, немытые и войной битые сто раз, так оно и есть, на себя бывало не походили. Слева — это как будто я, с

телефонной трубкой. Начинал я войну во взводе связи. Второй батальон 12-й бригады морской пехоты Северного флота. А стояли мы тогда на 56-м километре от Мурманска, в обороне.

* * *

Когда из штаба бригады поступил приказ двигаться в глубь материка, они еще не знали, что такое настоящие бои — в августе 1941 года в Архангельске формировалось их подразделение, в сентябре их учили профессии морских десантников, а после два месяца держали в обороне. Немец находился кое-где в шестистах метрах, их обстреливали дважды в день, они задыхались в землянках от дыма. Кто-то не выдерживал, падал духом, и им уже казалось, что они знают, кто среди них трус, а кто — отчаянный малый. Но что такое настоящая война, они еще не знали.

А вот когда после целой ночи ходьбы они спустились в ложину, когда загорелись земля и небо и снег покраснел от крови, и снайперские пули начали казаться после артиллерийского грома не страшнее комаров, тогда они поняли, что такое война. Любой час из этих нескольких суток мог бы помутить рассудок любому из них, случись прожить его неожиданно в мирное время... Тогда он и понял вдруг, открыл для себя основную и жесточайшую закон войны: человек здесь может быть только живым или мертвым, иного состояния, иных характеристик ему не положено... Есть живые и мертвые...

* * *

Мы идем по саду, и я не первый раз замечаю, что говорит Николай Григорьевич о своих деревьях, как о людях, чьи имена они носят. Иногда поправится: вот братаново дерево. А чаще именно так: вот он братан, или друг детства, или просто земляк. И в этом нет никакой ошибки, напротив, в этом смысл его труда, для того, видно, и растит он свои деревья, чтобы, пережив столько тяжелых утрат, не чувствовать сейчас себя одиноким.

Его дерево растет тут же, в тополиной аллее, такое же, как и другие деревья — не выше их и не толще в стволе. И о нем он говорит точно так же: «Вот там я стою».

* * *

После госпиталя он вернулся в свой взвод. Их подразделение находилось на отдыхе, пополнялось солдатами. Через полмесяца получил приказ высадиться десантом в тыл врага. Шел сорок второй, война стала их профессией, и вся многотысячная бригада высадилась в порту назначения всего лишь за сорок минут без единого выстрела.

Впрочем, что касается его, то он-то не стрелял вообще — другая у него была работа. Начинался бой, и он слышал, как комбат корректирует направление ударов по телефону, установленному им, радовался не меньше артиллеристов каждому точному попаданию.

30 апреля, на второй день боев, после слякоти и мороси ударили холода, и у людей пухли руки от резкого перепада температур. Неожиданно оборвалась связь. Он, старший телефонист, посмотрел на Еникеева и Смертина, своих помощников. Смертин опустил глаза, а Еникеев забормотал: «Моя не знает, где порвалась, моя не умеет...»

В ста метрах от окопа он обнаружил кабель, порванный осколком снаряда. За окончанием работы застал его немецкий снайпер, в руку попала пуля, но концы кабеля были связаны.

Командир взвода лейтенант Морозов, человек крутого нрава, впервые не приказывал ему, а просил по телефону: «Подежурь, Шахтарин, перебило многих, обморозило, некому тебя заменить». Морозов сам перевязал пониже локтя левую раненую руку. Боль, поначалу острая, стала тупой, привычной.

Он дежурил. А когда через двое суток снова нарушилась связь, не смотрел уже на своих помощников, не выжидал многозначительной паузы — ни слова не говоря, сам пополз вдоль кабеля. И опять опоздал немец. А мог бы успеть — деревянные пальцы раненой руки еле двигались, долго, как никогда, он возился с проводом, злой на себя и на помощников, на весь белый свет.

Связь была восстановлена, когда метрах в пяти от Шахтарина, а показалось, будто под самым носом, чуть не в руках у него разорвалась мина, и кончились для него грохот и огонь.

Он приходил в сознание несколько раз по пути в Мурманск, в госпиталь. И всякий раз одна и та же мысль не давала ему покоя. Являлась она в полубреду, он не мог ее выразить словами, но сердцем чувствовал и разумом понимал, в каждой его клеточке как будто бы жила и болела.

— Как так — жестоким, холодным, острым металлом по телу человека? Ведь несовместимы они — плоть и металл. Виделось ему в полусне, как губит война людей — его, его друзей, его брата. Как режет металл податливое тело. Грубо. Противоприродно. Без разбору. По ногам, созданным, чтобы исходить землю. По рукам, созданным, чтобы сеять хлеб. По груди, созданной, чтобы дышать и носить в себе сердце. По глазам, созданным, чтобы видеть мир. Эту мысль, эту боль он носит в себе до сих пор, как осколок.

Оправившись кое-как от ранения в голову, пролежав в госпитале два месяца, Шахтарин надел матросскую форму. На

катер медико-санитарного отряда Северного флота его взяли радистом. Их катер, как и четыре других в бригаде, доставлял пехоте мины и снаряды и забирал из портов раненых — вот такой неравноценный обмен они производили в портах.

Наступил сорок пятый. И до победы оставалось лишь четыре месяца и одна неделя, когда во время выполнения боевого задания их торпедировала немецкая подводная лодка. Матрос Шахтарин случайно оказался в этот момент на палубе. Последним, что он запомнил, был советский торпедный катер рядом с их тонущим судном. Теряя сознание, он не понял, куда ранен. Знал только, что металл не разбирает.

* * *

«Пусть этот катер, на котором во время войны находился я, ходит теперь мирным по Баренцеву морю, и пусть эта ненавистная война никогда не повторится».

Колодец с высокими бетонными стенами виден с дороги. Вырыл его Николай Григорьевич в саду, чтобы поить свои деревья. Одна из стен поверх бетона покрыта большим куском жести. Вот на ней я и прочел эти слова, написанные голубой краской. Над словами — рисунок катера, по просьбе Николая Григорьевича его сделала молодая учительница, соловьевская родом.

Говорят, вода в колодце удивительная — вкусная, мягкая, «живая вода», сказал кто-то из добрых людей.

— А ну, прочитай еще вслух, а то я уж и не помню все в слово, — просит Николай Григорьевич.

Я читаю надпись вновь. А после мы стоим некоторое время молча, думая каждый о своем. Я — о том, что ... им, деревьям с именами безвременно ушедших и подорванному катеру, он дарует жизнь, им он желает покоя и мира. А Николай Григорьевич? Мне, кажется, о войне. О своем катере. О металле, кромсающем плоть.

Для всего его поколения жизнь делится ровно на два периода — войну и послевоенные годы. И первый из них столько отнял у людей сил и эмоций и столько в них сил и эмоций вложил, что несут они его в памяти своей пожизненно... Никуда от войны им не деться. С ним судьба распорядилась более жестоко, чем со многими. Его она оставила наедине с войной. Кто-то глаза закрывает и видит ее, ненавистную. Ему не надо закрывать глаза. Он слеп.

После войны он вернулся домой из госпиталя с такой справкой: «При выписке зрение правого глаза равно трем сотым при полной слепоте левого». Тогда он еще различал силуэты людей и в яркий солнечный день видел на земле тени деревьев — блеклый и безликий, какой-никакой, был мир тогда все же доступен его гла-

зам. Но прошло уже семь лет с тех пор, как мир, теряя последние свои очертания, погрузился для него в темноту.

Сейчас настало время сказать об этом. Сейчас, а не раньше... Просто поступки Шахтарина достойны того, чтобы судили о них по шкале общечеловеческой, без каких бы то ни было скидок на его слепоту. А вот чего они ему стоят при слепоте — разговор особый.

В сорок седьмом он женился. Через два года у него родился сын. Отец Николая тогда работал на ферме возчиком, и стал Николай помогать ему возить фляги с молоком на маслозавод. Однажды телега застряла возле дома Шахтариных, да и немудрено — по трясине, что была в этом низком месте, и человек еле пробирался. Вытащил Николай телегу, вытолкнул плечом и сказал отцу: «Буду поднимать дорогу».

На другой день собрал семь человек соседей, вырыли мужики небольшой котлован сбоку от дороги, а к вечеру он наполнился водой. Тогда и возникла у Николая Григорьевича идея выкопать на этом месте пруд.

Все семь лет он копал пруд один. Дорогу поднимать — дело другое, практически полезное, а вот в пруду никто из соседей особого смысла не видел. Когда потребовалось провести под дорогой сток для воды, он купил машину песку и двенадцать мешков цемента. Кто-то из добрых людей подсказал: «Попроси в сельсовете деньги». Сельсовет решил: денег Шахтарину не давать, пруд копать его никто не заставлял. Посмеялись соседи, пожимали плечами: не одну сотню уже Николай из своей пенсии, поди, угрохал, чудака-человек.

Но не будем торопиться осуждать соседей. Есть в сельском жителе такая практическая сметка, приучен он тяжелым трудом взвешивать каждый свой шаг, измерять каждый поступок полезностью. Ну представьте: кто-то ремонтирует избу или дрова заготавливает на зиму, или сено стогуется, а рядом человек, которому по его физическому состоянию положено вроде бы вообще сидеть на лавочке, роется в земле, упрямо выполняет свой замысел — удивительно все это.

Невдомек было соседям, что Шахтарин за эти семь лет словно ожил. Именно потому, что не на лавочке сидел, а справлял работу, ежедневную работу, до усталости, до ломоты во всем теле. Потому — и это самое важное, — что знал каждый день и каждый час: он не просто пруд копает, будет это пруд Памяти земляков, погибших на фронте, и будет когда-нибудь на его берегу сад в их честь. Должен он, раз уж живым остался, упомянуть их своими заботами, трудом своим.

Когда я сказал, что семь лет работал Шахтарин один, то был не совсем точен. Нашлись все же люди, в помощи которых,

правда, не так много проку, но достаточно искренности. Это дети. Каждое лето собирал Николай Григорьевич ватагу ребят-шек, ровесников сына Васьки, покупал огромный кулек конфет и объяснял условие: тем, кто в четвертом классе, четыре конфеты в час полагается, тем, кто в шестом, как Васька, — шесть, а десять минут с каждого часа — на отдых. Васька ставил на насыпь будильник, и начиналась шумная работа.

А после работы Николай Григорьевич объяснял детям, что здесь будет за пруд, рассказывал про свой катер и про то, какая война страшная — не как в кинокартинах. Думал про себя: «Сейчас они всего не понимают. Вырастут — поймут, будут пруд любить, как я. Вместе небось копали».

Детишек хватало на два дня, не больше. Его хватало на двенадцать часов ежедневного труда в течение семи лет — от ранней весны до поздней осени. Землю он грузил на самодельную тачку и вывозил ее на дорогу — весь в глине с головы до ног. Иногда он насчитывал в день до восьмидесяти тачек.

Он копал свой пруд, и порой ему начинало казаться, что никогда прежде никакие иные дела в его жизни не были так важны и значительны. Как будто раньше дремали в его душе недюжие силы, дремала фантазия, а сейчас нашлось им наконец применение, стоило лишь дать им первый толчок. Он торопился, потому что, уже копая пруд, видел на его берегу сад.

Когда появились в саду деревья, пришла к нему счастливая мысль «окрестить их». И это было настоящее открытие. Подумал он, что таким образом сможет будто бы воскресить своих земляков. Так он повесил на дереве первую табличку и сказал впервые: вот стоит такой-то человек. Именно он, а не его дерево. Потом он называл деревья в честь живых фронтовиков. А после — всех вспомнил, словно в гости созвал и усадил за стол. И сына своего, с детства бредившего рассказами отца, катерами, и ставшего-таки речным капитаном. И дочь свою, Иру, что живет в городе. И сейчас не кажется ему уже одинокой и заброшенной пустующая соловьевская земля. И сам себе не кажется он одиноким.

Был ли он счастлив за эти годы? Был, и не однажды. Всякий раз, когда кончал работу, когда появлялось в саду пополнение. Когда весной, держась за бичеву, протянутую вдоль тополиной аллеи и вдоль всех тропок, обходил сад, оглаживал молодую поросль, проверяя, насколько стали выше сосенки, кедры, дубки.

Но как-то раз случилось такое: рука не нашла, как обычно, у двух молодых сосен верхушек. Лежали они рядом на земле, сломанные. Было это накануне праздника. Гуляла деревня, веселилась. А он долго стоял неподвижно, не зная куда деться со своей обидой: не ветер тут набедокурил — крепкие были уже

саженцы, в рост его, пожалуй, — не ветер и никакая другая сила, а человек. Вот тогда он первый раз, иного не помнил с тех пор, как был ребенком, заплакал... И понял я, что силы у Шахтарина отнимала не только физическая работа, но и своеобразная борьба за саму идею его пруда и сада. Борьба, из которой он вышел победителем.

Говорят, что соловьевские уже не посмеиваются над Шахтариним. В его пруду вся деревня полощет белье — удобно! — и нахваливает Николая Григорьевича... Вот раньше, когда в Соловьях еще были детишки, они купались в пруду, и Шахтарин радовался этому. И сейчас он доволен, что практическую пользу односельчанам приносит его водоем. Не только ведь шапки снимать на его берегу.

И все-таки научит — я верю! — научит Шахтарин когда-то людей входить в свой сад простоволосыми. Да, впрочем, уже и идут к нему люди, к хранителю музея. Идут поклониться подвигам земляков, вспомнить родных...

Гостям Николай Григорьевич всегда рад. Немноголюдно, пусто в его доме, скучает он, особенно в зимнюю пору, когда сад не требует ухода и всех дел-то — протоптать тропу для «письмоноски», наколоть дров и печь истопить.

В просторной избе живет он со своей девяностопятилетней матерью. Зовет ее по-деревенски ласково «мати». В его доме давно нет хозяйки. Больше десяти лет назад ушла жена Шура, мать его детей... Дочь и сын без колебания остались с отцом. Сейчас его, а не мать каждый из них зовет жить к себе. Только куда он уедет от своих деревьев?

Каждое лето идут и едут к нему школьники — из деревень, сел и районных центров, словом, из тех мест, куда донеслась молва об этом человеке. Он показывает им свой пруд и сад, а потом ведет в дом, поит их чаем и рассказывает о своем катере, о том, какая страшная была война и о том, какими он им желает быть...

Булычев В.Н. Незримые уроки.
Киров, 1983. С. 82—94.

* * *

P.S. От составителя. В 2005 г. в Сборнике учебно-исследовательских работ учащихся (вып. 1) областной очно-заочной историко-краеведческой школы опубликована статья Екатерины Кулаковой (11 кл., СОШ № 5 г. Котельнича) «Гражданский подвиг вятского солдата».

Она пишет: «И нет уже Николая Григорьевича Шахтарина, но он оставил после себя сад Памяти в д. Соловьи... Летом 2004 г. мы совершили однодневный поход в д. Соловьи и посети-

ли детище Шахтарина». Е. Кулакова встретила с его родственниками, друзьями, односельчанами — героями сада. Впервые сделала попытку обобщить и систематизировать имеющиеся о нем материалы в местной и центральной печати, подчеркнула, что в 1986 г. Центральное телевидение сняло документальный фильм о Н.Г. Шахтарине. Екатерине удалось установить более полную и точную биографию героя.

При жизни Н.Г. Шахтарина сад Памяти был ухоженным. Но время постепенно разрушает этот исторический памятник. Деревня Соловьи опустела, некому сейчас следить за чистотой и порядком в саду. Зарастает и знаменитый пруд. Но и сегодня сюда круглый год приезжают и приходят люди самых разных возрастов. Только в 2004—2005 гг. 11 групп туристов г. Котельнича побывали в д. Соловьи. Сейчас сад Памяти больше напоминает лес, но его можно назвать лучшим памятником района.

Т.П. КОКУРИН

РАЗВИТИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ СЕЛА

В вятском крае индустриализация сельского хозяйства началась с создания машинно-тракторных пунктов. В 1922 г. их было организовано 128. Для ремонта техники имелись 22 государственных мастерские губернских земельных органов, 5 мастерских губсельмаша и 35 пунктов в первых коллективных хозяйствах. Повысилась техническая помощь селу, примитивные орудия и механизмы заменены производительными агрегатами, появились льноуборочные машины, открылись 246 пунктов по первичной обработке льна.

В 1925 г. Обуховская коммуна Вятского уезда получила первый в губернии трактор. Одновременно с увеличением тракторного парка росло количество другой высокопроизводительной техники. Первые МТС были созданы в 1930 г. — Зуевская, Вятскополянская, Котельническая, Малмыжская, Фаленская, Шабалинская и Мурашинская. В тот период государство не могло перейти на продажу сельхозартелям техники, т.к. ее было слишком мало, да и сами колхозы не имели средств для покупки и содержания сложных сельскохозяйственных машин. Концентрация в МТС передовой техники создала возможность обеспечивать колхозы необходимым количеством тракторов и прицепных машин.

Основной задачей МТС явилось развитие и совершенствование материально-технической базы сельского хозяйства в соответствии с требованиями технологии производства и организации труда, осуществление производительного использования и ремонта сельскохозяйственной техники, подготовка квалифицированных механизаторских кадров. Через МТС государство проводило единую техническую политику.

Система машинно-тракторных станций в области успешно развивалась. Если в 1932 г. в губернии работало 14 МТС, которые имели 656 тракторов и 28 комбайнов, то в предвоенном 1940 г. МТС стало 98, а число тракторов 4947. Они обслуживали 7580 хозяйств, или 89,4 % всех посевных площадей колхозов области.

В годы восстановления разрушенного войной сельского хозяйства МТС были основной механизированной силой. В 1950 г. они располагали 6492 тракторами и 1538 комбайнами, в 1960 г. соответственно 9455 и 5557. В МТС стала поступать новая, с усложненной конструкцией техника. Появились тракторы с дизельными двигателями, топливной аппаратурой, электрооборудованием, сложными узлами и агрегатами.

Рост численности сельскохозяйственной техники и усложнение ее конструкции вызывали необходимость создания в МТС собственной ремонтной базы и разделения труда механизаторов на оператора-тракториста и рабочих, занятых на поддержании машин в рабочем состоянии. Появились профессии мастеров-наладчиков, ремонтных рабочих различных специальностей и квалификации. Повысилась техническая подготовка кадров механизаторов, которые показывали образцы высокой производительности труда. В 1936 г. среди 52 передовиков сельского хозяйства области, награжденных орденами СССР, был бригадир тракторной бригады Салобелянской МТС Н. Головин.

В 1939—1940 гг. МТС были участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, где 6 из них были отмечены дипломами первой и второй степени.

Малмыжская МТС в 1940 г. была награждена орденом «Знак Почета».

В 1955 г. на областной сельскохозяйственной выставке народных достижений среди участников были представлены результаты работы 18 машинно-тракторных станций и 250 механизаторов МТС. В колхозе им. Ленина, где работали труженики Зуевской МТС, с 515 га льна получено по 3,5 ц льна семян и столько же льноволокна. Денежный доход колхоза составил 5 млн. рублей. Механизаторы Малмыжской ордена «Знак Почета» МТС в тесном содружестве с колхозниками своей зоны деятельности вывезли на поля 45 тыс. тонн органических удобрений, подкормили минеральными удобрениями 5,5 тыс. га зерно-

вых культур, обеспечили высокий урожай на площади 11,1 тыс. га. Пижанская МТС добилась в 1955 г. урожайности ржи по 13 ц/га в обслуживаемых колхозах.

МТС просуществовали до 1958 г., когда было принято постановление «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС». В нем предусматривалась продажа техники МТС колхозам и совхозам, а сами МТС реорганизовывались в ремонтно-технические станции (РТС). В задачу РТС входило обеспечение ремонта тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин, а также производственно-техническое обслуживание хозяйств, купивших технику в МТС.

Однако при практическом осуществлении закона «О реорганизации МТС» выявились крупные просчеты в его организационно-финансовом обеспечении. В большинстве своем колхозы и совхозы области не располагали типовыми мастерскими для ремонта и технического обслуживания машин. В этот период существования МТС не уделялось достаточного внимания укреплению ремонтной базы непосредственно в хозяйствах. Продажа техники колхозам, естественно, побудила их заняться строительством и оснащением собственных ремонтных мастерских. Тем более что стоимость ремонта в РТС тогда была высокой. Большая проблема возникла с кадрами механизаторов и инженерного состава, многие из которых ушли обратно на промышленные предприятия, т.к. зарплата в колхозах их не устраивала.

Значительные потери понесли колхозы в финансовом отношении. Рассчитываясь с МТС за выполненные работы, на что шла одна треть собранного урожая, колхозы по сути дела уже оплатили эту технику. Тем не менее государство обязало их выкупать ее у МТС. Приняв машинно-тракторный парк, колхозы вынуждены были искать средства на его ремонт и содержание, покупку новых машин, запчастей, оборудования, зарплату механизаторам и т.д. Большой ущерб экономике колхозов нанесло необоснованное решение «О сокращении сроков выплаты суммы за приобретенную у МТС технику». Все это поставило колхозы в крайне затруднительное положение. Резко упала выработка на машину, если в 1957 г. выработка на условный трактор достигла 950 га мягкой пахоты, то в 1965 г. она упала до 450 га, или в два с лишним раза. Снизилась качество ремонта, процент готовности и использования тракторов, комбайнов. Повысились расход горючего, себестоимость тракторных работ и т.д.

В 1961 г. правительство вновь вынуждено вернуться к вопросу об организации производственно-технического обслуживания сельского хозяйства. Было создано Всесоюзное объединение «Союзсельхозтехника», куда вошли ремонтно-технические

станции и торговые организации «Главторгмаш» по продаже колхозам автотракторной и сельскохозяйственной техники. В соответствии с этим постановлением было организовано Кировское областное объединение «Сельхозтехника». В систему ремонтного производства объединения вошло 35 мастерских, из них 24 типовые, построенные в 1954—1959 гг., и 11 приспособленных. Все мастерские были универсальные, т.е. производили капитальный и текущий ремонт тракторов различных марок, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники. Вот на такой базе начала работать ремонтная служба «Сельхозтехники». В первый год предприятия объединения отремонтировали в среднем на каждую мастерскую по 86 тракторов, 12 комбайнов, 30 автомобилей, 54 двигателя. Остальная часть техники была отремонтирована в 268 приспособленных, слабо оборудованных колхозно-совхозных мастерских и открытых площадках.

Положение с ремонтом техники имело существенные недостатки. Отсутствие четко выраженного профиля предприятий, их технологическая разобщенность вынуждали их иметь весь набор ремонтно-технического оборудования, загрузка которого в течение года обеспечивалась не полностью, нерационально использовались квалифицированные рабочие. Несовершенная организация и технология ремонта обуславливали его высокую стоимость. Поступающие машины новых марок отличались конструктивной сложностью и не могли ремонтироваться в приспособленных мастерских. Все это настоятельно требовало коренной перестройки ремонтного производства.

Преобразование ремонтных предприятий началось с Яранского, Котельничского, Зуевского, Кирово-Чепецкого и Слободского ремонтных объединений. В этот же период к руководству областным объединением «Сельхозтехника» был выдвинут талантливый организатор, высококвалифицированный инженер, впоследствии кандидат технических наук и заслуженный механизатор России Трифон Иванович Смирнов.

В мае 1964 г. исполком областного Совета депутатов трудящихся принял решение «О специализации ремонтных мастерских и заводов областного объединения «Сельхозтехника» и развитии ремонтной базы области на 1964—1970 годы». План строительства и реконструкции предприятий «Сельхозтехника» выполнен досрочно. За 1964—1970 гг. введены в действие 14 мастерских, Кировский авторемонтный завод, 10 цехов ремзаводов, 12 станций технического обслуживания автомобилей, реконструировано 28 мастерских. В 1970 г. объединение имело 8 ремонтных заводов. В 1972 г. закончено строительство Загарского завода монтажных заготовок и областной заготовной базы. К 1975 г. было введено 19 межрайонных баз минеральных удобре-

ний и химикатов. Все это дало возможность в 1970 г. отремонтировать больше, чем в 1963 г., тракторов — в 1,5 раза, комбайнов — в 2,7 раза, автомобилей — в 3 раза. Удельный вес предприятий системы «Сельхозтехника» в общем объеме ремонта машин в колхозах и совхозах составил по ремонту тракторов 84 %, комбайнов — 42 %, автомобилей — 95 %.

Большая работа в объединении была проведена по специализации ремонтных предприятий. Управление ремонтной службой стало осуществляться двумя основными звеньями: областным и районным. В районное звено вошли мастерские общего назначения, станции технического обслуживания, цехи по ремонту комбайнов, обменные пункты. Областное звено ведет 11 крупными специализированными предприятиями, где производится капитальный ремонт, а также централизованное восстановление изношенных деталей. В 1975 г. в составе «Сельхозтехники» было создано производственное объединение «Кировсельхозремонт», включавшее в себя 8 ремонтно-технических заводов. Каждый из них с учетом межзаводской кооперации был ориентирован на ремонт машин определенной марки и обслуживал свою зону районов области. Так, восстановление гусеничных тракторов, узлов и агрегатов к ним было сконцентрировано на Котельничском и Яранском заводах, колесных тракторов типа «Беларусь» и двигателей к ним — на Зуевском, автомобилях типа ЗИЛ — на Кировском, типа ГАЗ — в Пасеговской мастерской и т.д. Создано 15 специализированных участков по восстановлению изношенных деталей. Для лучшего обеспечения своих ремонтных подразделений деталями, узлами, агрегатами и запасными частями организован центральный обменный пункт, имеющий диспетчерскую связь со всеми районными отделениями «Сельхозтехники».

Подразделения «Сельхозтехники» принимали самое непосредственное участие по внедрению в хозяйствах области планово-предупредительной системы технического обслуживания машин. Для этого создана неплохая база — более 300 стационарных пунктов и постов техобслуживания. Заключены договоры с 442 хозяйствами. Например, в Котельничской райсельхозтехнике организована станция технического обслуживания: автомобилей, энергонасыщенных тракторов, животноводческих ферм, обменный пункт. В самостоятельное подразделение выделена инженерная служба по техобслуживанию хозяйств района, которая имела 3 диагностические установки, 10 агрегатов технического ухода, 24 мехзаправщика, 8 автомобилей для доставки запасных частей. 32 работника районного отделения были награждены орденами и медалями. Тракторист Н.М. Смирнов удостоен орденов Ленина и «Знак Почета».

Развернувшееся в области по инициативе объединения «Сельхозтехника» обслуживание машинно-тракторного парка колхозов и совхозов не ограничивалось только организацией ремонта техники. Жизнь подсказала необходимость оказания помощи хозяйствам и в проведении полевых работ силами райсельхозтехники. Начали с того, что в 1962 г. при нескольких районных объединениях создали механизированные отряды по вывозке и внесению органических удобрений. Эта инициатива получила широкий отклик не только в области, но и за ее пределами. Создавались также мелиоративные отряды. В 1964 г. на базе Кировской «Сельхозтехники» был проведен Всесоюзный семинар по изучению опыта работы механизированных отрядов по вывозке удобрений. Так, кировские механизаторы положили начало созданию таких отрядов в стране. За 10 лет (1960—1970) механизированные отряды области вывезли на поля органических удобрений более 30 млн. тонн, а за 1970—1980 гг. — 78 млн. тонн.

Одновременно с вывозкой удобрений районные отделения «Сельхозтехники» стали осуществлять частичное производственное обслуживание отстающих колхозов и совхозов. По договору с хозяйствами за ними закреплялась часть земли или севооборота и они занимались выращиванием зерновых культур своими силами, проводя все полевые работы: пахоту, сев и уборку урожая. В 1975 г. на такое обслуживание было принято 51 хозяйство, в 1976-м — 66, в 1977-м — 115 хозяйств.

Со временем эта форма кооперации «Сельхозтехники» с колхозами стала переходить в более сложные взаимоотношения, когда осуществляется полное производственное обслуживание. При этом на договорных началах с районным объединением хозяйства передают всю технику в аренду, а механизаторы хозяйств зачисляются в штаты объединения (оставаясь одновременно членами колхоза). Районное объединение создает на этой базе специализированное отделение, которое производит все сельскохозяйственные работы на полях подшефного хозяйства под руководством его агрономической службы. Первыми на полное производственное обслуживание перешли колхозы «Искра» и «Путь Ленина» (Котельнич. р-н), «Ленинский путь» (Совет. р-н) и др., всего 11 хозяйств.

В 1978 г. «Сельхозтехника» преобразована в Государственный комитет СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства «Госкомсельхозтехника СССР». Перед областным объединением «Сельхозтехника» были выдвинуты новые задачи по дальнейшей централизации и концентрации ремонтных работ на крупных специализированных предприятиях, укрепление и совершенствование технологического процесса обслуживания машинно-тракторного парка колхозов

и совхозов, переход от ремонта к полной замене вышедших из строя узлов, агрегатов и запасных частей, улучшение работы диспетчерской и диагностической служб, широкому использованию вычислительной техники, интенсивному развитию технического обслуживания автомобильного парка и животноводческих ферм.

В июне 1980 г. в г. Кирове проведен Всероссийский семинар-совещание, посвященный обсуждению вопросов ускорения научно-технического прогресса в системе Госкомсельхозтехники РСФСР. Участники семинара на примере предприятий Кировской «Сельхозтехники» ознакомились с прогрессивными технологиями ремонта и обслуживания сельхозпредприятий, основанных на комплексной механизации производственных процессов. Например, был показан опыт работы Котельничского райсельхозобъединения, который за механизацию молочных ферм в 1979 г. награжден почетным выпелом Госкомсельхозтехники РСФСР. Заслуженный интерес вызвал полугусеничный ход для комбайнов СК-4 и СК-5 «Нива», предложенный рационализаторами Халтуринской райсельхозтехники. Звание «Лучший рационализатор Госкомсельхозтехники» получили механизаторы Слободского реммехзавода А.А. Копысов, Слободской РСХТ В.Г. Трефилов, инженер Возгальского отделения Т.Ф. Нечаев и другие.

К 1990 г. система областного объединения «Сельхозтехника» стала одной из самых известных и мощных по техническому оснащению и производству ремонтных работ в Российской Федерации. В каждом районном объединении были созданы и реконструированы мастерские. В 23 из них построены цеха для ремонта комбайнов, 36 типовых станций технического обслуживания животноводческого оборудования. Предприятиями «Сельхозтехники» ремонтировался почти весь автопарк АПК области.

Изменения, происходившие в государственной аграрной политике, начиная с 1991 г., привели к глубокому кризису сельского хозяйства, который выражается в разрушении большей части основных фондов, почти полном прекращении строительства новых производственных объектов, а также работ по их реконструкции, сокращении уровня технической оснащенности сельскохозяйственного производства и объемов проведения капитальных и текущих ремонтов, ухудшении состояния и старения машинно-тракторного парка, снижении объемов технического сервиса на селе.

Важнейшими задачами являются сохранение созданного производственного потенциала специализированных предприятий по ремонту и техническому обслуживанию машинно-тракторного парка, выработка современной более гибкой техноло-

гии работ по восстановлению машин и оборудования, которая позволила бы быстро перепланировать производство в соответствии с изменением спроса.

В настоящий период одной из прогрессивных форм предприятий (объединений) агросервиса представляет машинно-технологическая станция как форма наиболее эффективного использования и загрузки высокопроизводительной и дорогостоящей техники. Первыми в области такие технологические станции организованы в Зуевском и Сунском районах. Всего их действует 18. Услугами таких МТС могут пользоваться любые заказчики: сельхозпредприятия, фермеры, частные лица.

В.Я. ЛОЖКИН

ИЗ ИСТОРИИ КОЛХОЗА

«КРАСНАЯ АРМИЯ»

(Слободской район)

Село Бобино стоит на древнем Ношульском тракте (из Вятки на Великий Устюг), основано в XIV веке. (См. ЭЗВ. Т.1, кн. 2. С. 440—445).

На древних песчаных косах фарватера р. Вятки вокруг села был дремучий сосновый бор. За бором в пойме реки — заливные луга, озера попеременно с болотами.

Природа определила занятия населения. Основа — это земледелие, посев зерновых. Наличие лугов и лесных пастбищ, рынка сбыта (близость города) обеспечили развитие животноводства. Наличие в лесах пушного зверя, в озерах рыбы создавали условия для охоты и рыболовства. Наличие леса дало развитие бочкарному, столярному и обозному промыслам... Позднее появились сапожное, капокорешковое, кузнечно-жестяное, шубно-овчинное и др. ремесла...

В начале 1919 г. на полях Бобинской волости проходил рубеж обороны г. Вятки. Копали окопы и блиндажи, строили несколько линий проволочных заграждений, размещались возле д. Ложино и с. Бобино расчеты полевой артиллерии. Все население было мобилизовано: кто с оружием, кто рыть окопы и строить укрепления. Домашние хозяйки из казенной шерсти вязали носки и рукавицы для армии, продотряды собирали продовольствие: хлеб, мясо для фронта и городского населения. После победы над врагом советская власть установила для крестьян твердый хлебный налог. Из 300 волостей Вятской губернии первый налог в голодном году выполнили на 100 % только две волости: Бобинская и Просницкая. Сами голодали, а план хлеба выполнили.

С 1925 г. создаются в волости первые молочные артели, машинные товарищества, а в 1929 г. первые товарищества по общественной обработке земли, в Бобино и Сапожниках — сельхозартели. В феврале 1931 г. образован первый колхоз «Красная Армия» (согласно уставу) в с. Бобино. Началась планомерная коллективизация. К 1941 г. из 48 сельхозартелей сельсовета было образовано 17 более крупных, устойчивых хозяйств, которые и вынесли все тяготы военного времени.

Свыше 600 человек молодой рабочей силы были взяты на фронт и в трудовую армию, мобилизована лучшая конская сила. Остались в колхозах только женщины, старики и подростки... В центре стоял колхоз «Красная Армия», перевыполнял все госпоставки.

Кончилась война. Победители вернулись домой — 200 человек, многие — инвалиды. 400 человек пали смертью храбрых, из них лучшие председатели колхозов: Г.Ф. Прозоров, И.Т. Прохоров, С.Я. Молюганов, Н.Г. Сапожников, Н. Стрелков. Погиб лучший учитель Н.Ф. Шихов и другие.

После войны надо поднимать разбитое хозяйство...

В январе 1946 г. по зову матери вернулся я из Бельского (ныне Фален.) района на свою родину. Сразу же поступил преподавателем в Бобинскую областную школу. Дома жили только мать и сестра. За время войны корову проели, дом приходил в ветхость, ограда развалилась, баня еле держалась... Я ушел из школы в колхоз рядовым полеводом, участвовал во всех полевых работах. Будучи более грамотным, по поручению председателя выполнял различные задания: по организации строительства электростанции на «Чарушихе», по закупке трактора, автомашины. Эта техническая оснащенность колхоза была вперые во всей округе. Дважды довелось съездить в Горький, долго жить в Слободском — по ремонту трактора.

С 1947 г. в колхозе оформилась своя парторганизация, меня избрали секретарем. Хотя обязанность эта бесплатная, но работы хватало. Я имею аттестат агротехника. В колхозе несколько лет совмещал должность агронома. На ВСХВ показал образец выращивания в теплице колхоза огурцов и помидоров. За два года личного участия восстановил колхозный сад, груды фруктов были показаны на областной выставке, два года работал на колхозной пасеке, со знанием дела ревизировал других пчеловодов. Учился на финансиста-экономиста, имею диплом ревизора.

В 1950—1951 гг. прошло дальнейшее укрупнение колхозов, из 17 создано три: «Правда», «Красная Армия» и «Заветы Ильича» (председатели: П.И. Касьянов, А.И. Прозоров, И.К. Стрелков). Наш колхоз стал довольно крупным хозяйством: 3 тыс. га сельхозугодий, 300 хозяйств. Меня избрали председате-

лем ревизионной комиссии. Председателем колхоза бессменно избирался А.И. Прозоров (1941—1958).

И снова работа, не покладая рук, с 5-ти утра до 9-ти вечера. Работа в поле, на ферме, ручной тяжелый труд, зимой на лесозаготовках за бесценок. Дневная работа в бригаде строго по звонку с перерывом на завтрак и обед по 2 часа. Опоздал утром на полчаса — не получишь работу. А надо платить налоги, содержать семью, надо каждый день работать.

Уплата колхозом госпоставок хлеба, картофея, мяса, молока, уплата с каждого колхозного двора за корову 270 кг молока, 40 кг мяса, 100 штук яиц, гарнцевый сбор, сельхозналог, подписка на заём, дорожная повинность. Лет 15 продолжалось такое сверхъестественное напряжение в колхозной жизни, и не зря началось массовое бегство из деревни. Многие не выдержали, сбежали кто куда мог. У меня по старой службе имелся паспорт и я мог уйти без задержки, но хотелось до конца испить эту чашу народного терпения, не ушел, и не жалею.

Колхоз «Красная Армия» из года в год перевыполнял планы госпоставок. В 50-е годы многократно участвовал на ВСХВ в Москве. В 1957 г. на московской выставке достижений колхоз получил премию — грузовую машину, председатель колхоза награжден большой серебряной медалью и мотоциклом. На областной сельскохозяйственной выставке из ста участников только двум колхозам были отведены особые павильоны: один — для «Красного Октября» (Вожг., ныне Кумен. р-н), другой — для «Красной Армии», остальные размещены в общем зале.

Бобинский сельсовет в течение пяти лет занимал первенство в областном соревновании. За этот подвиг 200 бобинцев были награждены орденами и медалями. В 1958 г. председатели колхозов А.И. Прозоров («Красная Армия») и П.И. Касьянов («Правда») награждены орденом Ленина. Меня наградили орденом «Знак Почета» и за участие на ВДНХ малой серебряной медалью и часами «Победа».

Ревизионная работа, это уже платная работа, сочеталась у меня с внедрением бригадного хозрасчёта — новой системы оплаты труда, по принципу: кто лучше работает — больше и получает дополнительную оплату. Этот принцип оплаты обеспечивал высокий производственный подъем и председатель колхоза энергично его поддерживал. За короткий период отстающие бригады — Овсянинская, Бушуевская, Пашковская — подтянулись к передовым. Урожай хлеба поднялся с 6 ц до 15 ц, картофея — с 70 до 150 ц/га. Быки были заменены породистыми лошадьми, построены новые скотные дворы, куплены нужные машины. В постановке организации хозрасчета колхоз занимал передовое место в области. По изучению опыта работы

колхоза «Красная Армия» ежегодно приезжали десятки делегаций из других колхозов, районов и областей. Мне часто приходилось выступать о нашей системе оплаты труда перед гостями, на районных и областных активах, выезжать в другие колхозы района по налаживанию хозрасчёта, писать статьи в районную и областные газеты.

24 декабря 1958 г. из трех колхозов сельсовета был образован один — колхоз «Заветы Ильича», в составе 720 дворов, 1295 трудоспособных крестьян. Колхоз стал иметь 14500 га земель, из них пашни — 4200 га, сенокоса — 2450 га, выгон — 550 га; скота: коров — 526, молодняка — 600, свиней — 390, овец — 602, кроликоматок — 210, пчёл — 60 ульев. Да скота столько же еще у колхозников в личном пользовании. Тягловые силы: лошадей — 340, тракторов — 26, автомашин — 20. Председателем колхоза избран П.И. Касьянов, секретарем парткома — И.К. Стрелков. Меня на собрании выбрали плановиком-экономистом, вместе с плановой работой я занимался хозрасчётом.

Дружно взялся на первых порах объединенный колхоз. В 1959 г. собрано хлеба в амбарном весе 25870 ц, из них сдано в госпоставку 9425 ц, выдано на трудодни 3893 ц, полностью засыпаны семена и фураж, картофеля поступило 46654 ц, овощей — 7682 ц, сена — 31810 ц, мяса — 2274 ц. По производству молока колхоз в те годы занимал первое место в области. Надой на корову в 1960 г. был 3239 кг, вал — 19560 ц, доярка А.М. Ефремова надоила по 5919 кг...

Первые два года в работе колхоза обозначилось некоторое повышение в развитии хозяйства, но с начала 60-х гг. начались засушливые годы. Новое руководство в колхозе не придавало значения новой системе оплаты труда, придерживалось уравниловки, не делало выводов из экономических анализов и результат скоро обнаружился: хозяйство пошло на понижение доходности, снижение фондоотдачи, что привело к упадку дисциплины. В конечном счёте — снижение былой славы. За десять лет правления новым руководством основные фонды росли на 1—2 % в год, валовая продукция даже сократилась с 1 млн. 480 тыс. до 1450 тыс. руб. Трудоспособное население сократилось до 485 человек. На снижение доходов повлияла, конечно, и практика субъективного руководства сверху: изгнание из севооборота клеверов и овса, чрезмерные планы кукурузы, сахарной свеклы, и особенно пагубно отразились гигантомания и различные перестройки в вышестоящем управлении.

Ложкин В. История колхоза «Заветы Ильича». Кн. 1. Бобино, 1979; Его же. Автобиография. 1981: Рукоп. из лич. архива Р.В. Ложкиной

Г.Г. КИСЕЛЕВА
С МОЛЬБЕРТОМ
ПО СЕЛЬСКИМ ДОРОГАМ

Известный художник Сергей Николаевич Мезенцев (1914—2000) более полувека писал пейзажи, натюрморты, портреты, тематические композиции на деревенскую тему.

С первых дней образования колхозов прошел он с деревней все основные этапы ее жизни, что стало и его судьбой, неотделимой от родины. За эти годы он объехал многие районы области, побывал в различных сельских хозяйствах, знакомился с людьми, восхищался делами их рук.

Судьба русской деревни, печали и радости ее жителей — основное содержание многочисленных произведений художника, показанных более чем на 60 художественных выставках и приобретенных Министерством культуры РСФСР, дирекцией Художественного фонда РСФСР, многими музеями России.

В своих картинах С.Н. Мезенцев прежде всего стремился передать то новое, что определяло жизнь колхозной деревни на разных этапах. Даже не видя картин, но внимательно вслушиваясь в их название, можно понять, что волновало художника: Сельская ячейка (1965—1967); Разговор о земле (1970); На строительстве сельской ГЭС (1953); Концерт в МТС (1954); Свиноводство (1964); Сельские радости и заботы (1983—1984); Призвание (1965—1967); Разговор по душам (1964); Жатва (1978—1979); Пришел солдат с фронта (1972); Фронтовые письма (1983—1984); Герои колхоза «Красный Октябрь» Куменского района.

Помимо картин писал Сергей Николаевич портреты конкретных людей: механизаторов, кузнецов, доярок, птичниц, сельских почтальонов, председателей колхозов, секретарей райкомов, председателей сельских Советов, всех, для кого сельский труд — общее дело и богатство страны.

Особая тема художника — орудия крестьянского труда, предметы домашнего обихода деревенских жителей, цветущие васильки и красная рябина — земля летом, зимой и весной, прекрасная во все времена года. Она — тема его пейзажей и одновременно среда, в которой живут сельские люди, своим трудом пробуждают ее к жизни, ласкают руками, прихорашивают и наряжают. А потому действие всех его картин происходит на земле — цветущей в пору сенокоса, желтой от тяжелых созревающих хлебов, черной и теплой в дни весенней пахоты, неласковой и неприбранной в суровые годы военных проводов сыновей.

Среди орденов, медалей, почетных грамот и дипломов, которые получил С.Н. Мезенцев за свой труд, он особенно це-

нил тот, что получил в феврале 1986 г. — когда колхоз ордена Ленина «Красный Октябрь» Куменского района вручил ему диплом премии имени дважды Героя Социалистического Труда П.А. Прозорова «за произведения, отображающие жизнь и быт колхозного крестьянства».

Колхозная деревня 1950—1960 годов — это теперь история, прошлое нашего государства. А потому с каждым годом все большую ценность приобретают работы Сергея Николаевича Мезенцева как документ эпохи, выраженный языком художественного живописного произведения.

С.Н. ПАНЬКОВА

ЕЕ ПРИЗВАНИЕ — ПЕСНЯ

В 1975 г. художественным руководителем ансамбля песни и пляски «Искорка» колхоза «Искра» (Котельнич. р-н) стала Александра Васильевна Прокошина, в 1934—1969 гг. — солистка русского народного хора им. Пятницкого.

Родилась А.В. Прокошина в 1918 г. в большой многодетной семье в певучей деревне Митинка Калужской области. В 14 лет принята в знаменитый хор им. Пятницкого. П.М. Казьмин взял ее в свою семью. При хоре она закончила студию. Руководители хора В.Г. Захаров и П.М. Казьмин вели в ней теорию музыки и композицию, эстетику и народное творчество. В апреле 1936 г. она была зачислена певицей хора им. Пятницкого Московской государственной филармонии. Её талант признали с первых концертов.

*Спой мне, спой, Прокошина,
Что луга не скошены,
Что луга не скошены,
Стежки не исхожены.*

Это о ней — стихи Михаила Исаковского. Он часто бывал на «средах» в доме Казьмина, которые обычно заканчивались песней в исполнении Прокошиной. Она спросила его как-то, почему вдруг о ней? Исаковский ответил: «Когда Вы поете, я не могу слушать равнодушно. После «сред» я ухожу взволнованный и много дней потом никак не успокаиваюсь — все вспоминаю Ваш голос».

Популярность пришла к ней с песней, написанной В.Г. Захаровым специально для нее — «Вдоль деревни». Это был 1934 г. Потом Захаров написал для Александры Васильевны песни «И кто его знает», «Дайте в руки мне гармонь» на стихи Исаковс-

кого. Здесь же, на «средах», познакомилась Прокошина с будущим мужем, он учился в академии им. Фрунзе, над которой шефствовал хор, и часто бывал в доме Казьмина. Невесте было всего 16 лет, поженились они через четыре года — в 1939 г.

В те суровые годы, когда весь хор жил на «колесах», в вагонах-теплушках разъезжал с концертами по фронтам, тыловым заводам, госпиталям, Захаров написал для Прокошиной песню «Белым снегом» (стихи Казьмина): «Белым снегом нашу сторону замело кругом. Далеко мой любимый бьется с врагом...» Генерал И.Г. Лазарев, муж Александры Васильевны, командовал танковым корпусом. Всю войну возил пластинки с записью ее песен. Черное крыло войны коснулось их семьи. Сгорел в танке сын Ивана Гавриловича. Летом 1941 г. немцы заживо сожгли в сарае женщин в деревне, среди них была мать Александры Васильевны.

В 1944 г. А.В. Прокошина стала солисткой знаменитого хора. 42 года связывали Александру Васильевну с хором им. Пятницкого. За большие заслуги в развитии музыкального искусства она награждена орденом Трудового Красного Знамени (1944), ей присвоены звания «Заслуженная артистка РСФСР» (1957), «Народная артистка РСФСР» (1961).

В 40-е гг. у А.В. Прокошиной появился первый подшефный самодеятельный коллектив. С тех пор ее творческая судьба была неотделима от судеб многих самодеятельных хоров — Подмосковья, Брянской, Липецкой, Вологодской, Пензенской областей. Их количество доходило до 60. Сказались крестьянские корни Прокошиной. Воспитанная деревенской песней, она огромное внимание уделяла развитию сельской художественной самодеятельности. В ее семейном архиве есть Почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР за активное участие в подготовке и проведении Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности в 1963—1965 гг., знак «Отличник культурного шефства над селом» (1972, 1977) и др.

А.В. Прокошина работала в хоре и преподавала вокал в музыкальном училище. В январе 1970 г., после ухода на пенсию, она — педагог-вокалист вокально-хореографической студии им. Пятницкого.

В 1975 г. она в числе других именитых деятелей искусства подписала письмо в газете «Советская культура» об оказании творческой помощи селу. «Моя дорога в деревню», — сказала себе Прокошина и сделала. Осенью она уже приехала в наш колхоз «Искра» помочь подготовить самодеятельный коллектив к зарубежной поездке на Кипр. Да так здесь и осталась на долгие годы. В её трудовой книжке появилась новая запись — 19 октября 1975 года принята в колхоз «Искра» художественным руководителем ансамбля песни и пляски «Искорка».

Большой мастер народной песни Александра Васильевна огранила народные самоцветы, придала их голосам звучание, ввела в практику ежедневные репетиции в колхозе. Ансамбль под ее руководством стал лауреатом Ленинского комсомола (1977), лауреатом всесоюзных, всероссийских смотров и международных фестивалей, выступал на сценах страны и за рубежом в 10 странах мира.

Свое творческое искусство показали искровцы в июне 1977 года в г. Воронеже на VI Всероссийском конкурсе патриотической музыки — привезли хрустальный кубок «За лучшее исполнение произвольной программы».

Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» воспроизвела запись 4-х песен ансамбля: свадебной песни «Вятка-река», частушек «А мы — искровцы», песен о родном Нечерноземье. В 1980 г. ее выпустили тиражом 10000 экз. Это были песни с Прокошиной. В 1979 г. пришла в «Котельнич» правительственная телеграмма Прокошиной с поздравлениями о присвоении звания народной артистки СССР. Звание присвоено не только за заслуги в области профессионального искусства, но и впервые за долготлетнюю плодотворную работу с художественной самодеятельностью. Она стала первой народной артисткой СССР, работающей на вятской земле.

Возрастало мастерство ансамбля под руководством А.В. Прокошиной и балетмейстера В.М. Захарова, лауреата международных фестивалей, заслуженного деятеля искусств РСФСР, ныне народного артиста России. Возникли новые яркие самобытные полотна, вокально-хореографические композиции «Вятская гармонь», «Вятская топотуха», «Вятская кадрили», «Вятский сувенир». Репертуар ансамбля стал сокровищницей вятского фольклора. Смену в ансамбль готовили с раннего возраста, работали в селе музыкальная школа и хореографическая студия, ансамбль «Искриночка», в школе преподавались уроки ритмики.

В октябре 1983 г. впервые в Кировской области состоялось выездное заседание секретариата правления Союза композиторов на тему «Советская музыка и сельский слушатель». С тревогой говорили тогда ораторы о забвении молодежью национального фольклора, а ведь русская песня — неоценимое богатство русской земли. Любовь к песне надо прививать с детства. «Работать с тружениками села, приобщать их к музыкальному богатству — огромная радость. Селу нужна профессиональная помощь мастеров искусства», — сказала в своем выступлении А.В. Прокошина и доказала это на деле. Символический эпизод произошел, когда хоровая группа ансамбля «Искорка» спела песню Александры Пахмутовой «Ветераны». Растроганная исполнением, композитор расцеловала Прокошину и вручила ей цветы. В

1983 г. А.В. Прокошина была делегатом IV съезда Всероссийского хорового общества, где делилась своим опытом работы.

В мае 1984 г. в Москве торжественно отмечалось 50-летие творческой деятельности А.В. Прокошиной. Был дан творческий отчет «Искорки». К юбилею по Всесоюзному радио прозвучала часовая передача «Песни Прокошиной». Прошли десятилетия, но если спросить людей старшего поколения: «Помнят ли они песни в ее исполнении?» — они ответят, что помнят, как только появились патефон и радио в деревне.

Кадры хроники фильма «Спой мне, спой, Прокошина...» (КГТРК «Вятка», режиссер М. Дохматская, 1983) вновь донесли до нас песни 30—40-х годов. Мы услышали вновь её знаменитые песни. После премьеры фильма по ЦТ со всех уголков Союза: Урала, Сибири, Подмосковья, с берегов Волги, Украины, стали приходить песни Прокошиной. В них благодарность за ее творчество, за то, что вновь она с деревенской молодежью, просьбы принять в ансамбль, а главное, что песни ее помнят. Письма от почитателей ее таланта хранятся в фондах Музея истории крестьянства (Котельнич. р-н).

В апреле 1987 г. впервые в г. Кирове проходил Всероссийский праздник песни и танца «Пою тебе, моя Россия». Главным дирижёром праздника был художественный руководитель Государственного академического русского народного хора им. Пятницкого, народный артист СССР Валентин Левашов, главным хормейстером — народная артистка СССР Александра Прокошина. Участники праздника поздравили ансамбль «Искорка» с 50-летием художественной самодеятельности.

Подвижничество А.В. Прокошиной на вятской земле высоко оценено. Она награждена орденами Ленина (1988), Дружбы народов (1984). «Песня — это такой чистый родник, который всю жизнь давал мне вдохновение, из которого я черпала доброту и любовь к людям. Давайте же бережно хранить и умножать это богатство, наше бесценное достояние!» — это духовное завещание А.В. Прокошиной.

Р.Я. ЛАПТЕВА

СРЕДИ ХЛЕБОВ СПЕЛЫХ, СРЕДИ ОВСОВ ЗРЕЛЫХ..

С детства Элеонору Сергеевну Денисову влекла романтика дорог и открытий. А посему после школы поехала она в 1949 г. поступать в МГУ на геологический факультет. Сдала успешно экзамены, набрала балл выше проходного, но... Она —

дочь С.П. Смирнова, экономиста, репрессированного в 1936 г. На собеседовании сказали: «На третьем курсе дело дойдет до практики. Надо будет засекречивать студентов. А с такой биографией и близко нельзя подпускать к геологоразведке». С облаков — да на землю!

В 1955 г. Э.С. Денисова окончила сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, агрономический факультет, отделение селекции.

— С третьего курса началась индивидуальная практика, — рассказала Элеонора Сергеевна, — меня послали на сортоиспытательный участок во Владимирскую область. Доверие окрылило, и все у меня получилось легко. После 4-го курса я уже поехала в Омск на станцию, где создают сорта. Участвуя в селекции новых культур, прошла богатую практику, и этих знаний хватило на всю оставшуюся жизнь.

— По распределению вы оказались в Фаленках, на селекционной станции?

— Нет, туда отправились мои однокурсники, супруги Родины. А я отработала два года в Курганской области, потом уж получила приглашение в Фаленки. Открылась вакансия в группе серых хлебов. Меня определили на овес.

— Фаленская селекционная станция всегда славилась как одно из ведущих научных учреждений. Именно там были выведены известные сорта озимой ржи и ячменя. А вас — на овес!

— Да, овес как зерновая культура в то время был в загоне, его не жаловали. А ведь эта культура неприхотливая и в хозяйстве очень нужна. В то время, когда все бросились растить кукурузу, бобы, кормовые, я стала терпеливо работать с овсом. Однажды на опытном участке мы получили шикарный урожай — 50—60 центнеров с гектара. Решили показать его на сельскохозяйственной выставке. Устроители руками замахали: «Не позорьтесь! Куда вы с овсом-то лезете?» Но я еще больше уверилась в том, что овес надо спасать, по крайней мере, для Кировской области.

Родом я — сибирячка, со стороны мамы — крестьянских корней, и упорства мне не занимать. В группе по овсу я была практически единственным научным работником. Появлялись выпускники вузов, но долго не задерживались. Опирались приходилось на лаборантов.

— Учение Лысенко и его последователей как-то сказались на Фаленской станции? Указания сверху были?

— Когда я приехала, Лысенко уже сошел со своего пьедестала, но отголоски, конечно, были. Селекцию овса по Союзу во многих местах закрыли, хотя она была результативна. Постоять там за нее, видно, было некому. А нас пронесло стороной. Глубинка. Занимались в лаборатории в основном пленча-

тым овсом, а не голозерным, потому что он давал высокие урожаи. Требовалось ведь количество, а не качество.

— Скажите, а селекцию можно назвать творчеством?

— Есть такой академик Виктор Степанович Шевелуха. Горжусь, что в академии училась с ним в одной группе. В своих трудах он писал, что селекция не столько наука, сколько искусство. В какой-то мере это так. Мы берем потомство одного семечка и размножаем его на многие тонны, идет оно даже на тысячи гектаров. Это самое лучшее по качеству семечко надо сохранить, ни с чем не перепутать, не смешать, не потерять. Далеко не каждому исследователю удастся сохранить чистоту сорта. Работа эта длительна и кропотлива и не на всякий характер ложится. Селекционером родиться надо, как говорят, иметь данные от Бога.

— Но у вас, надеюсь, все получилось?

— Я автор одиннадцати сортов овса. Самый первый назывался «Фаленский-1». Затем пошли «Скороспелый», «Кировский», «Кировец», который в Латвии районирован. «Аргамак» широко идет по югу страны и в нашей области. «Факир» хорошо прижился на Украине. Этот сорт среднеспелый, довольно высокорослый, урожайный. Есть у нас еще скороспелый «Теремок» и другие.

Опубликовано более 60 моих научных работ, я участвовала в совещаниях всесоюзного и европейского масштаба. В Кировской ВГСХА окончила заочно аспирантуру. Материал об овсе собрала на целую диссертацию! Но так ее и не защитила. Все откладывала, откладывала, главным считала создание сортов, их размножение и внедрение. В 1996 г. мне присвоили звание заслуженного агронома России. Через два года лабораторию пришлось передать в другие руки.

Моя преемница Галина Аркадьевна Баталова уже докторскую защитила, перешла в зональный НИИ сельского хозяйства Северо-Востока, но овес не бросает. Успешно продает наши сорта в страны Балтии. Там они ценятся, предпочитают друг другу. Из Китая пришло предложение о сотрудничестве. Наконец-то пищевая промышленность обратила больше внимания на эту культуру. И Галина Аркадьевна расширяет селекцию овса на пищевые цели. Взять хотя бы овсяную кашу. Англичане не начинают без нее свой день.

— А что такое хлопья «Геркулес»?

— Хлопья, как и толокно, — продукт обработки зерна. Из них можно приготовить очень питательные и вкусные блюда. Я люблю из овса все: и суп, и кашу, и кисель, и печенье.

Похоже, сейчас и медицина, и парфюмерия без овса не обойдутся. Недавно я купила туалетное мыло с нежным ароматом спелого зерна. Оно так и называется «Овсяное».

Валентина — значит, сильная

Каждое имя в переводе с латинского или греческого имеет свой смысл. Откуда вера — оттуда и имена, Анна, например, означает благодать, Клавдия — дева, Галина — тишина, спокойствие. Так зовут сестер Валентины. Ее имя означает — сильная. Больше всех ей в жизни и досталось.

Живет сейчас Валентина Ивановна Кассина в деревне Плишки (Слобод. р-н) в доме, где вырастила трех сыновей. Строил его еще прадед мужа, служивший у заводчика Долгушина. Глину за деревней брали, кирпич сами делали. Больше века стоит дом, просторный, двухэтажный, с усадьбой и огородом. Справляться с хозяйственными делами близкие помогают, внуки навешают. Сядет иногда за стол Валентина Ивановна, перебирает фотографии, вспоминает.

— Вот тут почти вся наша семья. Папа Илья Григорьевич Минин. Работал конюхом. Колхоз назывался поначалу «Первомайская сельхозартель». Мама Ольга Алексеевна управлялась по дому, растила семерых ребятишек. Из сестер я предпоследняя появилась на свет в 1925 г. в деревне Минины Котельничского района. Там и прошло мое детство. Помогала маме по дому и пестовала младших братьев и сестру, бегала на конюховку. Папа очень любил лошадей, и они его любили. Мне особенно нравился жеребец Резвый, вороной масти, со звездой на лбу. Маленькая, я, конечно, побаивалась коней. Выпущу их на водопой и убегу. Хорошие были лошади. Всех лучших потом на войну забрали.

Игрушек у нас в доме не было. Черепками играли. Или свернешь какую-нибудь тряпочку и баюкаешь. В школу я ходила в село Юрьево. Оно и сейчас существует, и храм не разорен. И школа земская, деревянная, стоит. Первую учительницу звали Устинья Павловна Старостина. Когда строгая, а когда и добрая. Семилетку я вытянула, а дальше пошла на курсы счетоводов в Котельниче.

В 1941 г. старший брат Сергей на войну был мобилизован, сестра Клавдия и папа, хоть и пожилой был, в трудармию попали. А тут и беда пришла. В 1942-м умерла мама от сыпняка. Отец в это время находился в Котельниче на пересылочном пункте, хоронить не отпустили. Вдова старшего брата этим занималась. От мамы остался сундук добра — новины из льна. Сама выращивала лен, сама и ткала, одевала семью. Все сноха разбаварила, потом замуж вышла, а я на военные годы осталась с тремя младшенькими одна. По дому все приходилось делать — мыть, стирать, огород сажать, хлебы печь.

Председатель Тимофей Филиппович Сенников, как к семье без родителей, был к нам добр. Нам выписывали зерно, я подряжала пацанов с лошадей. Смелем его на мельнице-ветре-

нице. И опять с хлебом. Я ведь еще работала в конторе счетоводом. Чтобы поросенка выкормить, младшие Галя и глухонемой брат Коля ходили на слив сыворотки в деревню Сеняковы. К тому времени, как вернулся отец из трудармии, а было это вскоре после войны, я даже корову завела.

Немного отец пожил. Запросил однажды свежей рыбы, и я ходила за 14 км на базар в Котельнич. Хлебнул он ухи пару ложек и больше не смог. А вскоре его не стало. Сестру и братьев маленьких устроили в детдом, а я в 1949 г. уехала к Клавдии в село Бобино. На вечерке у соседей судьбу свою повстречала. Плясали «первое» и «второе». А уж как топотуху заведут — задробим с частушечкой:

*Завлекать я не умею,
Это дело личное.
Я собою некрасива,
Просто симпатичная.*

В этот же день Александр Кассин пошел меня провожать. Оказалось, он добровольцем уходил в школу юнг Северного флота, плавал на боевых кораблях. Но почему-то не считался участником Великой Отечественной войны, переживал из-за этого. В 1951 г. мы поженились, муж увез меня к матери в село Плишки. Я работала в сельпо счетоводом-кассиром, муж — шофером в Сапожницкой детской колонии. Потом оба перешли в Бобинское СПТУ.

После смерти Александра Дмитриевича пришлось мне, как вдове, получить за него орден Великой Отечественной войны II степени — за признание боевых заслуг. Вот ведь как бывает. У сыновей — семьи хорошие. Мать не забывают. А мое время уже прошло: отгуляно, отплясано, отпето.

*Все цветочки-василечки,
К осени повянете.
Я уеду — не приеду,
Девушки, вспомянете!*

Сердце просит песни

Ансамбль «Рождественское село» Вятскополянского центра народного творчества более 15 лет радует своих земляков (и не только!) фольклорными концертами, праздниками, спектаклями. Откуда такой богатый репертуар? Из народного песенного родника. Рассказывают участницы коллектива от момента создания Елена Иванова (нынешний директор РДК) и Наталия Собакинских.

Народная песня — это то, что нас греет. Жить без этого не можем. И начинали мы с экспедиций в села Старый Бурец (Малмыж. р-н) и Новый Бурец (Вятскополян. р-н), откуда наши корни. Тот конец, где Наташина бабушка жила, назывался Подлужная, потому что посреди дороги — непросыхающая канава-лужа. «Ой, Нади Подлужной внучка идет», — такими словами встречали. Проехали дальше, в деревню Акпай. И первую-то песню записали у бабушки Тани. Знаете, какую?

*Я ко шкапчику подходила,
Из-за шкапа графин водки выносила,
Я кого любила — подносила,
Уж как выпей ты,
Друг мой разлюбезный...*

Уж так нам эта песня понравилась, что научились мы ставить брагу. И с этим «шкапчиком» ходили по городу и всех угощали. А старушка из Акпая пригласила нас снова приезжать с такой вот шуткой-прибауткой. «Адрес мой прежний: тру-ля-ля, дом три нуля, где пегая корова. Заходи и будь здорова. Не хворай. А смерть придет, так помирай. Смерть пришла, нас и дома не нашла, а нашла нас в кабачке с поллитровочкой в руке». Из этой деревни мы еще привезли мужскую старинную рубаху и портки, два сарафана и тканый поясок.

Бабушка Елены Николаевны из Нового Бурца Александра Ивановна Уржумцева очень много о старой жизни вспоминала. Трудно, конечно, жили в 30—50-е годы, но всегда в добре и весело. Праздник — так праздник, вот соберутся, песен напоятся и тут же наревутся. И снова можно хохотать, под частушечки плясать.

*На дубу сидит ворона,
Кормит вороненочка.
У какой-нибудь разини
Отобью миленочка.*

Направление работы ансамбля сразу определили как этнографическое. Но песен у нас еще мало было, и мы как-то ими не прониклись, так, мы играли спектакли по рассказам старожилов. Такие у нас были сценки из жизни — «На лавочке», «Вдоль деревни» и другие. Вот частушки — это нам проще.

*Не смотрите на меня,
Что я ростиком мала,
Мне бы шляпу да калошки,
Я бы во кака была.*

За десять лет мы собрали много песен, можем без перерыва часа два петь. А главное, наслушались бабушек и полюбили песню протяжную, мелодичную, длинную. До 20 куплетов, бывает, тянется. «Теть Нюра, — спросим, — почему песни-то такие длинные?» — «Житейские они, зато и длинные». Мы жили весело, ходили в лаптях, и у нас никакого горя будто не было. На работу — с песнями, с работы — с песнями. И матери наши так же жили». И затянула:

*Цыганочка молодая
Да ворожейка непростая...*

Попели мы вместе с бабушками песню «Как на дубе на зеленом». Разучили игровую песню «Пошел козел в огород».

Вот это очень важно, послушать, как в народе поют, и найти свою манеру исполнения, потому что одна и та же песня в разных деревнях по-своему звучит. У нас ведь район многонациональный. Рядом живут, общаются русские и татары, удмурты и марийцы. Происходит взаимообогащение культур. В исконно русской песне доводилось слышать татарскую интонацию. Или суровые краски старообрядческого распева. Сейчас мы нашли себя. В нашем ансамбле многоголосное пение на основе импровизации. Хочется нам своим голосом пофорсить, воспользоваться тем, что дала природа.

За эти годы мы, наверное, повзрослели. Сердце просит — и мы разучили кондак Рождества Христова. Записали у одной старушки, которая раньше пела в церкви. Разучили тайком, закрывшись в кабинете директора. Впервые исполнили на вечерке со сцены в 1991 г. И, представляете, весь зал подхватил. Теперь отмечать православные праздники концертом стало традицией.

У нашего песенного деревца появилась «Вёточка». Таким красивым старинным словом назвали детский фольклорный ансамбль, которому мы передаем песни бабушек.

Запоём, аж лес гудит!

Посмотрели друг на друга, улыбнулись. И сразу все в нас ожило, ходуном заходило. Представили, будто идем после сенокоса, все отдаемся песне. Как бабушки наши говорили: «Запоём, аж лес гудит», — так настраивала на выступление народный ансамбль «Светелка» его создатель Валентина Всеволодовна Нечаева, заведующая отделом культуры администрации Лузского района. И запели милые «Да ясно солнышко да напониш пошло», «Как за речушкой было за Невагою», «В хороводе, в хороводе были мы» и другие местные песни. Так складно да ладно, до пяточек пробрало.

— Где такие фольклорные жемчужины нашли?

— У наших бабушек, в отдаленных деревнях, — ответила Лидия Александровна Преображенская, нынешний руководитель коллектива. — В 70—80-е годы к нам ездила из Москвы профессор С.Л. Браз, записала много песен, издала сборник «Песни Лузы-реки». Им мы и пользуемся. В.В. Нечаева продолжает собирать песни. Окончила кировское училище как дирижер-хоровик. Встретившись со «Светелкой», я буквально заболела народной песней — настолько она разнолика. Опаринский и Подосиновский районы рядом, а манера исполнения разная. Нашу песню как бы проголосить надо на одном дыхании, из сердца выплеснуть.

— Кого вы радуете своим исполнением?

— По своему-то району постоянно ездим. А еще мы — лауреаты конкурсов «Как бывало в старину», «Жар-птица», участники «Скоморошины» и фестиваля «Русская зима» в Сыктывкаре. В Рязани стали дипломантами I всероссийского конкурса «Народные сказители».

— Что вам дало участие в этом конкурсе?

— Многое. Там с нами позанимались педагоги из Московской консерватории и Академии музыки им. Гнесиных.

Показали и мы свои песни — долгие, сюжетные. Кроме того, присмотрел нас там один из организаторов международного фестиваля в Воронеже, пригласив поучаствовать. В июне мы там побывали.

— Чем удивили?

— А решили попеть песни других областей, но в своей манере. Выучили белгородский свадебный причет «У ворот березушка стояла». На костюмы наши все заглядывались. Все подлинное, рученьками сделано. Сарафаны домотканые с оборками, рубахи вышитые с оберегами. Фартуки гарусом изукрашены. На голове — платки старинной выработки, на ногах — лапти с онучами. Сколько лет все пролежало в бабушкиных сундуках, а износу нет. Как новенькое! И все наряды разные, не повторяются.

— Вас там опять приглядели?

— Не без того. Жили мы в отдельных домиках рядом с голландцами. Представляют, они поют воронежские песни. Их руководитель Ирина Васильевна Распопова из Воронежа, а сейчас преподает на кафедре фольклористики города Вагенингена. В отличие от нас голландцы в пении могут где угодно взять дыхание и преподнести это не как ошибку, а как украшение мелодии. Ирина Васильевна поразила нас на мастер-классе. Как она владеет своим голосом! В день расставания она заявила, что мы ей понравились и она пригласит нас на фестиваль в Голландию.

— За этот год вы столько всего увидели, узнали...

— Да, надо ездить почаще, совершенствоваться. Нам многие советуют осовременить народную песню, создать эстрадный фон. Мы на это не пойдем, потому что песню с Лузы-реки никогда не разлюбим. Она — настоящая.

С гармошкой — веселее!

В деревню Кисели Слободского района я направилась с Раисой Васильевной Ложкиной, краеведом из с. Бобино. Хотелось посмотреть диковинку — самодельный станок для изготовления веретен. Но мастера А.С. Носкова, бригадира, тракториста из колхоза «Заветы Ильича», уже не было в живых. Дочь его, Галина Александровна, ремеслом не владеет. Но рассказать об отце, о вечерах, гуляньях послевоенного времени согласилась, пригласила к знакомству соседку Валентину Васильевну Стяжкину.

Г.А. Носкова: «Отец мой работал только по зимам. Как сядет за станок, только стружка летит. Из сосновой чурочки делал, и всё как-то легко у него получалось и красиво. Украшал палёными колечками. До сих пор женщины спрашивают: «Галинушка, не осталось ли папиного веретена?» «Осталось. И гармошка его сохранилась. Домашний мастер изготовлял». «А кто? Уж не Борис ли Сапожников?» — встрепенулась Раиса Васильевна. «А только ли не Леня из Серовых». — «Ой, Леонид Прозоров — лучший гармонист нашего края был. Ни одна свадьба без него не обходилась. Жаль, умер в 80-е годы. Он и бобинскую прохожую знал. Николай-то Ворсин из Нагорян у него перенял».

У меня долго хранилась гармонь моего деда со стороны матери Дмитрия Афанасьевича Татаурова. Сейчас в школьном музее. Она звучит как тальянка. Когда в одну сторону меха раздвигаешь, она один звук издает. Если в другую — совсем иначе звучит». «Гармонь — это целая жизнь наших родителей, — продолжила Галина Александровна, — веселье было постоянное.

Посадят всё на поле или урожай уберут — соберутся вместе большой родней, погуляют, повеселятся. Каждый праздник ходили друг к другу в гости. Душа нараспашку всегда у наших стариков! Не было ведь раньше музыки, но гармонь была. Папа как говорил? «Даже после бани приду — поиграю, порадуюсь». Вот как нравилось ему заниматься гармошкой».

«А мой отец хромку держал. Нынче племяннику отдала, — вступила в разговор Валентина Васильевна. — У нас как соберутся на праздник, сначала застолье устроят. Выпили понемножку — отец начинает играть. Первое-то песни длинные всякие. Любимая у него была «Распрягайте, хлопцы, коней». А чащушку он пел маме, я запомнила:

*Ох ты, ох ты, в белой кофте,
Подавала мене пить.
И за эту беду кофту
Зачал я тебя любить».*

«А мой папа любил в круг заходить, — подхватила Г.А. Носкова, — и поддразнить кого-нибудь такой частушкой.

*Вересок, вересок,
Вересовый кустик,
Неужели ты меня
Ночевать непустишь?»*

«Я что хочу сказать? — добавила В.В. Стяжкина. — В каждом районе своя игра в гармонь — и разная пляска получалась. Вот я это на себе испытала. Сюда приехала в 16 лет. В Заборье был клуб, и мы ходили на вечерки. Два парня выходят на середину. Девчонка — тоже с подругой. Пара на пару. Как они запоют да задробят — пыль до потолка в этом клубе. До 10 пар выйдут! Частушек много знали, заливали друг другу.

Да всё наперехват. А нынче молодежь и топнуть не может, только всё прыгает. А потом — я недалеко от Чепецка жила, 30 км. Там собирались по очереди в избе то у одного, то у другого. Плясали кадрили до 12 колен. Если у девчонки нет парня, то она может просидеть весь вечер, потому что с кем гуляли, ту и приглашали. И на чужого она не смела и глаза поднять».

— Сейчас уже и забыли про эту кадрили, — посетовала Раиса Васильевна. — Мой отец перед смертью (наверное, месяца три ему оставалось) говорил: «Никто ведь не знает, как плясать бобинскую кадрили». И показал мне четыре колена. Но в этот вечер он сильно устал. А другого раза не случилось. В кадрили и «коробочки» входили, и краковяк. На наших вечерках плясали еще «козла», «первое» и «второе». И шли на вечерку под прохожую от деревни к деревне.

*Мы по Бобину ходили,
Бураки чеканили,
Девки бубен уронили
И гармошку ранили.*

Бобинская прохожая отличалась переливами, разными выкрутасами. А помните, как справляли Троицу? Всё время ходили с гармошкой в Митино. Со всех сторон идет народ, с сапожнятской стороны, с бобинской, с подгорской, с Девятъярова. И каждая деревня — со своим игроком. Как весело было! А на второй день ходили на Медянку.

*Голубая лента вьется
Выше Бобина села.
Там, где бобинцы гуляют,
Там вечерка весела.*

Г.А. Носкова: «Мы до сих пор любим веселиться именно в Троицу, вспоминать родителей. Папа всё говорил: «Сходитесь, ходите, хоть мы и не живы будем, а ходите». Мы так и продолжаем.

*Эту бобинску игру
Больше матери люблю.
Когда буду помирать,
Прошу бобинску сыграть!*

Мастер из Подосиновца

Чем мужику на пенсии заняться, если руки не крюки и голова не худа? Самое то — вспомнить отцово ремесло, а может, и превзойти его. Главное, наработаться досыта, душу потешить.

Петр Власович Петухов (отец нашего героя) всю жизнь прожил с топором в руках. Строил дома. Сыну, Павлу Петровичу, с ним поработать не довелось — война помешала, служба в армии. А в 1949 г. он вообще из деревни ушел лучшую долю искать. Как свою половинку встретил — женился. Работал на строительстве и учился в вечерней школе. Семья, работа, дети и школа — все сразу. Толкового парня отправили на курсы прорабов в Котельнич, взяли в МСО (межколхозная строительная организация). Уходил на пенсию с должности инженера производственного отдела. Сейчас проживает в Подосиновце.

Я пришла к Петуховым, когда хозяина дома не было. Приветливая супруга Нина Александровна показала работы мужа: «Первую-то шкатулочку Павел сделал мне на 45-летие. Внутри и зеркальце, и ящички есть. Старался вырезать по-своему и тайком от меня. Он тогда вообще с деревом не занимался, некогда было. Приохотился, когда уж на пенсию вышел. Сделал резную рамку для настенного зеркала, на иконочку будто ризу надел, вон как она красиво смотрится. Сохранился один письменный прибор, остальные разобрали на подарки. Да он лучше сам все расскажет, идет уже».

Павел Петрович моему появлению не удивился. Привык, что заезжие интересуются его рукотворчеством. В подосиновском Доме ремесел, почитай, в каждой выставке участвует, от продажи тоже не уклоняется.

— А что берут?

— Да все, что сделаю. У меня теплой мастерской нет. Не

удосужился построить. Вот и получается, что летом столярничаю, а зимой на кухне вырезаю из липы, осины или плету, — начал рассказ П.П. Петухов. — Еще в начале 70-х, когда работал на промкомбинате, заинтересовался корзинами. Там мастер был. Просил я показать, секретам научить. А у него один ответ: смотри — и все тут. Пробовал я и так и эдак и освоил корзины из сосновой дранки. Они у меня в косую клетку делаются. Донышко особо прочное получается. Ведь любая хозяйка без корзины не проживет. В грибной сезон каждый день ко мне бегут. Из ивово-вой лозы тоже по-своему плету. Доннышко узкое, бока — широкие. Высота по надобности. Могу и большую бельевую корзину сделать. Осенью заготовки идут. Вицы замачиваю, в пленку оборачиваю. Как свежий лес привезут, для дранки сосну подберу, гнилую мне не надо.

— А для столярных работ где материал достаете?

— Сейчас пилюрам очень много. Отходов больше, чем надо. Меня, как старожилу, все тут знают, не отказывают. Весь мой инструмент самодельный — рубанок, фуганок, стамесочки, долота, ножички.

— Деревянную часть, понятно, сами делаете.

А металлическую?

— К рабочим-инструментальщикам хожу. У них есть рейсмусные станки. Там длинные ножи. Постепенно они стачиваются. Остатки идут в металлолом. Их-то я и собираю. Правда, кияночка (вид молотка) покупная, зять подарил. У меня и верстачок есть, и электродрель. Даже небольшой токарный станочек.

— Так какие же столярные изделия вы изготавливаете?

— Все, что просят, или самому надо. Могу двухъярусную детскую кровать, шкафчик, стулья, полочку. Санки пользовались спросом. Заказы на крупную мебель не беру. Места мало. Мастерская три на четыре метра. Вот табуреточку складную для образца принесли. Хотелось бы такую сделать, да пока березовой реечки нет. Много чего на ремонт приносят. Не отказываю.

— Ваша работа на заказ — это, конечно, подспорье к пенсии?

— Так-то так, но цели финансовой у меня нет. Сколько дадут, то и ладно. Понимаете, я без работы не могу. Потружусь — и настроение хорошее, и аппетит отменный. А главное, на душе радость, что другим угодил. Я одно время бондарничал, делал кадки для засолки. Сколько их в другие города увезли! Сейчас таким спросом пользуется письменный прибор. Работа, конечно, трудоемкая. Один раз попробовал, получилось — и дальше пошло.

Павел Петрович, конечно, не плотничал, как его отец, но дом для себя построил. Иногда сыну (он шофер) говорит: «Иди, поучись, в жизни все пригодится». А тот на деревянные заготовки

даже не смотрит. Для П.П. Петухова даже запах древесины и тот родной. Всякую вещь он делает не просто добротно — красиво. Если резбой занимается, узор будто сам собой складывается. Каждая корзина — тоже произведение искусства. Сама видела. А лапоточки миниатюрные — глаз не оторвешь. На то он и мастер.

Ремесло художественное, рукотворное

«Катись, катись, клубочек», — приговаривали герои сказок, бросая моток ниток на дорогу. И он не обманывал их, приводил в желанное царство-государство. Помогал осуществить мечту. Наверное, есть такой волшебный клубочек и у Авроры Гавриловны Махневой, потому что вся ее судьба связана с ниточкой. Она единственная у нас художник-ковровик.

«Я росла в Москве, в семье военнослужащего. Очень любила рисовать. Мама, рукодельница, научила вышивать и вязать. После 7 класса пошла в художественно-промышленное училище им. Калинина. Так уж случилось, что попала на ковровое отделение, которое окончила в 1952 г. А после защиты диплома — свадьба. С мужем Николаем отработали по направлению в Тюмени, в 1955 г. приехали в Киров.

При артели «Трикотажница» организовали производство. Николай делал первые станки, создавал эскизы ковров. Я обучала людей, налаживала технологический процесс. Так все и шло. Но в 60-е гг. в стране стало развиваться машинное ковроделие, появились крупные комбинаты, и на ручных коврах поставили крест, промкооперацию ликвидировали. Что делать?

Полина Григорьевна Мамаева, директор фабрики имени 8 Марта, пригласила к себе. «Сейчас в моде ткачество, — сказала она. — Поезжай в город Череповец, изучай». Что смогла — переняла, схватила. Люди у нас были, оборудование тоже. Стали переучиваться. А потом переманила меня Евгения Алексеевна Окишева в объединение «Умелец». Опять надо было организовывать ткацкое производство. В смысле технологии это сложнее, чем ковроделие, подножки и ремизки, и переплетения. Первое время было тяжело. Ездили с Николаем по деревням, собирали образцы крестьянского ткачества.

В 70—80-е годы «Умелец» всюду открывал свои пункты. В Юрье купили деревянный дом, чтобы создать участок по работе с соломкой. Дело это интересное. Ищешь, как преподнести материал, чтобы сохранить и рисунок изделия, и природный блеск. На маленьких настольных станках выпускали салфетки из соломки с цветными нитями, на больших — шторы. Товар сначала шел хорошо, потом стал залеживаться. Я говорила: «Что вы делаете? Вы же рубите сук, на котором сидите. Нельзя так много выпускать изделий одного ассортимента». Но у нас гнали

план. Все было согласно шаблону, штампу, документации. Если заложены в образце две перекидки — не могли третью сделать. Если расписчица провела лишний мазок — уже брак, сорт снижен.

Дотянула я до пенсии и ушла на работу в планетарий. Там и присвоили мне звание «Ветеран труда», а в «Умельце» не удосужились. В 90-е гг. потянуло меня к родному — к коврам. Сделала рамочку и попробовала скопировать репродукцию картины в ниточках, гобелен выполнить. Получилось. Потом и станок приобрела. Появилась у меня квартира в Сидоровке. Это то, что надо для художника: вдохновение рождается среди природы, в тишине. Здесь я увидела смену времен года, восходы и закаты. Это и переносу в свои работы. Совсем другие краски появились. Свои эскизы я вынашиваю в уме, потом komponую карандашом на бумаге.

Соткала коврики настенные и напольные. В каждом есть какая-то изюминка. В большом ковре оригинально соединяются две техники — ковровое плетение и тканые полосы. В гобеленах очень интересно искать оттенки цвета, замешивать разные нити. Где я нитки беру? В основном работаю на отходах. У обеих моих дочерей работа связана со льном. Одна моделирует одежду из льняного полотна, другая шьет куклы. Они меня и снабжают материалом, а я им иногда идеи подбрасываю, образцы вяжу. С крючком до сих пор не расстаюсь. Ковровое рукотворное ремесло тоже востребовано. Выучила группу безработных женщин в центре занятости. Сейчас веду кружок в Доме-музее Н.Н. Хохрякова. Что меня соединяет с учениками, с дочерьми? Ниточка. По жизни я вся в нитках».

Катись, катись, клубочек... И пусть ниточке не будет конца.

«ГОЛУБИНАЯ» ДУША

(Мастерица дымковской игрушки
З.В. Пенкина)

Глиняная барыня стоит у меня на столе. Не побелена. Не покрашена. А глаз не оторвешь от изящной фигурки в платье с оборками и фасонистой шляпе. Перевернешь — там следы от рук Зои Васильевны Пенкиной. Храню подарок как дорогой талисман. Почти 25 лет прошло, как снимала мастерицу для программы «Творчество». Трудно было оператору уследить за проворно снующими руками, из которых глина лилась, перетекала в сказочных петушков и забавных зайчиков. А мягкий голос приговаривал: «Чтобы игрушку слепить, значитца, надо успеть, усидчивость и любовь». Я про себя думаю: нужна еще душа «голубиная», незлобивая, чтобы и глина любила мастера, и игрушечка, как песня, выпевалась.

Зоя Васильевна Пенкина — из вятских вятская — родилась 25 февраля 1897 г. в деревне Тихоны Уржумского уезда Вятской губернии. В слободу Дымково попала, выйдя замуж за Василия Пенкина. Сестра его, Елизавета, игрушечку лепила. Бывавший в доме художник Алексей Деньшин советовал Зое учиться у золотых. А в 1937 г. она уже впервые в выставке участвовала. Трудно жилось в 30—40-е годы вдове с тремя детьми. Лепешки из солода за лакомство почитались. Все время в долгах. Но ребят наставляла: «Со злобой не ходи. Тебя обидят, а ты дважды уважь добром». По навету бесчестных людей пришлось и с тюрьмой познакомиться. Дом дочиста разорили. А после возвращения — снова жизнь, хлопоты по хозяйству, внуки, любимый промысел.

Вспоминает Римма Пенкина.

«Первое, что помню, за глиной на лужок ходили. Она ведро большое несет, я с боку в него вцепилась, будто помогаю. Бабушка глину копает, а я цветочки собираю, почему-то где глина — всегда васильки. Чуть постарше стала, дала мне в руки косу. Коси — кроликов зубастых кормить надо. Все поля наши были. Потом уж в школу пошла. Этакий Филиппок, портфель по земле волочит. Прихожу с занятий, а в доме — урочный час, бабушка лепит. Отщипнет мне кусок — сиди, работай. Специально не учила даже потом, когда меня приняли в мастерские, в группу Кошкиной-Пенкиной. Наука одна. Лепи по настроению, по состоянию души, как рука ведет».

Вот и родилась от сердечной доброты редкостная по красоте «дымочка». И кажется, не было предела смелой фантазии мастерицы. Если цыганочка, то все в ней пляшет. Если водоносорочка, то павой плывет. Если олень, то востепенулся перед прыжком. Вот сценки: «У колодца», «Катание с горки», «Охота на медведя». Многофигурные композиции. Завораживают — не отойдешь. «Уржумская ярмарка», «Сказка о царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «Царевна-лягушка» и другие сюжеты. Самая коронная вещь, имеющая несколько вариантов, — «Многодетная мать».

Зою Васильевну сразу заметили искусствоведы. Появились поклонники среди артистов, художников, писателей. Ведь она была мудрый и легкий в общении человек, скорый на подъем и в преклонные годы. Выезжала на выставки, на съезд художников, на запись телевизионной передачи в Москву. Ее работы видели за рубежом — в Монреале и Осаке. Не счесть дипломов и почетных грамот. Есть и звание. Она лауреат Государственной премии имени Репина. Многие из сегодняшних мастериц могут назвать себя ее ученицами.

А где можно посмотреть игрушку народного мастера? В художественном музее имени братьев В.М. и А.М. Васнецовых. Там и откроется вам «голубиная» душа Зои Васильевны Пенкиной.

Н.И. ПЕРМИНОВА

В северной деревне
Свела меня молва
К старухе самой древней
Смотреть на кружева.
Она совсем глухая,
Но — по глазам — добра.
Дрожит рука сухая,
В морщинках, как кора.
И в ней так белоснежно,
Как в инее трава,
Сплелись рисунком нежным
Девичьи кружева.
Сама плела когда-то —
Надеждами жилось,
А смотрит виновато —
Носить-то не пришлось.
Сплела судьба иначе
Свою крутую нить...
Теперь живем богаче,
Вот в клуб бы поносить.
— Намажуся сметаной,
Да в нашем-то краю
Я с эдаким приданым
Парней всех отобью!..
Беззубая смеется,
Трясется голова.
А за окошком вьется
Вся в инее трава,
Мурлычет где-то трактор,
И в белом дерева
Развесили над трактом
Девичьи кружева.

* * *

Как из глубин земли деревья,
Мы все корнями из деревни.
За что же, милую, ее
Так часто стороной обходим,
И вроде славим на народе,
А все ж родства не признаём?
Деревня, лирика, пейзаж —
Лишь откровенный отдых наш.
И нет, не нам уже дана

Искусства древнего наука
И радость вечная, и мука —
Владеть рождением зерна.
Не к нам достойно и легко
По вечерам с лугов коровы
Несут рогатые короны,
Свою любовь и молоко.
Не знаю, где оборвалась
С землей доверчивая связь...
Но знаю, чувствую и чту
Крестьян обветренные лица,
Которых нечего стыдиться
За их простую красоту.
Лишь им дано землей владеть,
Ее любить, ее жалеть.

Б.В. САДЫРИН

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ПРИРОДУ

(фотомастер Н.А. Шилов)

Вятский фотомастер Н.А. Шилов (1924—1995) был удивительным человеком. Один из газетных сослуживцев сказал так: «Николай Шилов — человек без комплексов, а это — непосредственность, звук природы».

Ученик А.В. Скурихина, он взял в руки фотоаппарат после Великой Отечественной войны. Взял по его совету. И почти до конца своей жизни не выпускал его из рук.

И не зря. Он оставил нам многие сотни, если не тысячи, снимков. На них — трудовой народ везде: в лесах, на фабриках и заводах, нефтяных месторождениях, в поле, в колхозах и совхозах, в школах и библиотеках. На них — современные город и село.

И непременно на них — родная с детства вятская красавица-природа и в дружбе с ней красивые вятские люди. Какую-то долю великолепного шиловского наследия оставили нам и будущим поколениям составители фотоальбома «Вятка — любовь моя: Фотографии Николая Шилова» (1994).

Предлагаем читателям некоторые снимки большого жизненного и художника в душе Н.А. Шилова.

«КОЛОКОЛЬЧИКА ВЯТСКОГО ЭХО»

Т.П. КОКУРИН

КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ

В апреле 1989 г. принято Постановление Совета Министров СССР № 289 «О коренной перестройке экономических отношений и управления в агропромышленном комплексе». В соответствии с этим постановлением в аграрной политике отрасли был взят курс на решительный переход к развитию агропромышленного производства на основе разнообразных форм собственности и видов хозяйствования. Наряду с колхозами и совхозами поощрялось создание комбинатов, агрофирм, различного вида объединений, арендных коллективов, крестьянских хозяйств, кооперативов, личных подсобных хозяйств граждан. Снижались необоснованные ограничения в предоставлении приусадебных и садово-огородных участков. Разрешалась организация кооперативов по оказанию помощи гражданам в производстве и сбыте продукции. Сельхозпредприятиям предоставлено право самостоятельно определять структуру производства, объемы реализации продукции, распоряжаться произведенной продукцией и хозрасчетным доходом.

Одним из основных мероприятий по преобразованию сельскохозяйственного производства стала реорганизация управления агропромышленным комплексом. Предусматривалось полное исключение командно-административных методов руководства и вмешательства сверху в хозяйственную деятельность предприятий. Вместо районных агропромышленных управлений рекомендовано создание избранных коллективами объединений, союзов, ассоциаций, призванных на кооперативных началах обеспечивать обслуживание производства. Госагропром был переименован в Государственную комиссию Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам.

Таким образом, новая аграрная политика, как одно из важнейших направлений проводимой в стране перестройки, заключалась в коренном преобразовании экономических отношений, создании объектов частной собственности, либерализации цен, прекращении государственной поддержки сельскохозяйственного производства и, под видом демократизации уп-

равления, в полной безответственности властных структур к судьбе крестьянства.

В апрельском постановлении была также намечена программа оздоровления финансового положения и укрепления низкорентабельных и убыточных хозяйств. В Кировской области такая программа составлена для 50 сельхозпредприятий. Рассмотрен вопрос о сложившейся за многие годы огромной задолженности колхозов и совхозов перед государством. По области в 1988 г. этот долг составлял более 1 млрд. руб. Предусматривалось повышение закупочных цен, дальнейшее оснащение материально-технической базы, расширение объемов механизации и химизации, улучшение научного обеспечения АПК. В области социального развития села признано целесообразным осуществить в 1989—1995 гг. специальную целевую программу его переустройства, при этом особое внимание обращено на жилищное и дорожное строительство.

Но, как со временем выяснилось, большинство из этих добрых намерений не было выполнено. Государство не располагало необходимыми средствами для поднятия низкорентабельных хозяйств и погашения задолженности колхозов и совхозов. В госбюджете страны был дефицит в 100 млрд. руб. В этой связи решение данной проблемы передано на региональный уровень, с тем, чтобы местные власти индивидуально по каждому хозяйству разбирались с их возможностями по отсрочке или списанию задолженности, с внесением впоследствии соответствующих предложений в правительство. Провалились идеи повышения закупочных цен, оснащения материально-технической базы АПК и решения социальных проблем. Колоссальный, ничем не объяснимый диспаритет цен между сельскохозяйственной и промышленной продукцией начисто ликвидировал прибыль от реализации сельхозпродукции. В результате уже в 1995 г. количество убыточных сельхозпредприятий стало 67,5 % от их общего количества против 2 % в 1990 г.

Изначально определились три направления главного удара по деревне. Была поставлена задача: во-первых, разрушить крупные аграрные производства, заменив их на мелкие крестьянские хозяйства, которые потом ничего не стоит стереть с лица земли; во-вторых, запустить адский механизм свободной купли-продажи сельскохозяйственных земель; и, в-третьих, лишить крестьян государственной поддержки, бросив их в стихийный дикий, криминальный рынок. Как теперь стало очевидным, все эти три направления настойчиво, методично проводятся в жизнь, не считаясь ни с какими потерями...

Разрушение аграрного производства началось с преобразования колхозов и совхозов, насаждения новых форм хозяйствования, введения частной собственности на землю.

В 1990 г. в области насчитывалось 312 колхозов, 4 сельскохозяйственных кооператива, 344 госхоза, в т.ч. 276 совхозов, 3 межхоза, несколько десятков аграрных цехов предприятий и организаций, 44 крестьянских (фермерских) хозяйства, 251,7 тыс. личных подсобных хозяйств населения. 97 тыс. семей были заняты в коллективном садоводстве и 192 тыс. семей содержали огородные участки. В декабре 1991 г. вышел Указ президента РФ № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы», в котором все сельскохозяйственные предприятия обязывались пройти перерегистрацию. Два года проходила в области эта работа. Первоначально многие хозяйства сохранили за собой прежний статус.

Сельское население области восприняло эти преобразования как малопонятную, проводимую в спешке очередную кампанию. По данным социологического обследования (опроса), проведенного институтом экономики (ВНИЭСХ) в июне-июле 1994 г. (Киров. правда. 1995. 31 янв.), установлено, что только 9 % жителей села Кировской области поддержало реорганизацию хозяйств, 42 % считали её преждевременной и ненужной, остальные 49 % были не согласны с тем, как она реализуется. На конец 1993 г. в области оставалось ещё 370 колхозов и 104 совхоза. Но под сильнейшим нажимом «сверху» многие хозяйства вынуждены были изменить свои названия. В соответствии с Федеральным законом № 52-ФЗ от 30 ноября 1994 г. сами определения — «колхоз» и «совхоз» как вид сельскохозяйственной деятельности — с 1 июля 1999 г. были упразднены. Основными коллективными организационно-правовыми формами стали кооперативы, акционерные общества, различные товарищества. Из существующих в настоящее время 680 сельхозпредприятий, по данным облкомстата, сохранили в своих названиях слово «колхоз» 41, а «совхоз» — 8.

Увеличилось землепользование в частной собственности — в личных подсобных хозяйствах, садоводческих и огородных обществах. В результате произошли активные процессы перераспределения производства сельскохозяйственной продукции между коллективным и индивидуальным секторами. В 1990 г. на долю хозяйств населения приходилось 22,6 % производимой в области валовой продукции сельского хозяйства в стоимостном исчислении. В 2002 г. эта доля возросла до 60 %, включая крестьянские хозяйства, а удельный вес сельхозпредприятий за это время сократился в 1,9 раза и составил 40 %.

Такой структурный сдвиг в объемах производства свидетельствует о том, что сельское хозяйство становится все более мелко-товарным, менее конкурентоспособным, все большая часть продукции производится с использованием ручного труда, прими-

тивных технологий, минимальной механизации трудоемких процессов. К тому же, заметим, что производство в этом секторе в значительной степени носит натуральный характер.

Тяжелейшие экономические условия, в которых оказались сельскохозяйственные предприятия, привели к тому, что личные подворья в большинстве хозяйств стали единственным местом приложения труда и основным источником доходов крестьян и их существования.

В то же время опыт развитых стран, да и наш российский, подтверждают примат крупного производства перед мелким. Используя научно-технический прогресс, подлинный хозрасчет, обеспечивающий мотивацию труда, крупные предприятия более интенсивно используют землю, труд, основные фонды, имеют более высокую товарность, эффективность и конкурентоспособность на внутреннем и мировом рынках продовольствия.

Большие надежды возлагались либералами в правительстве на организацию фермерского движения в России. Предполагалось на их основе обеспечить быстрый рост производства сельхозпродукции, устойчивое снабжение населения продуктами питания и повышение эффективности сельского хозяйства. В первые годы, несмотря на усиливающийся кризис в стране, фермерам были созданы определенные льготные условия по линии выделения кредитов и материально-технического снабжения. Стимулирование организации крестьянских (фермерских) хозяйств привело в начале этого процесса к существенному росту их численности. В целом по стране в 2001 г. функционировало 261 тыс. фермерских хозяйств, которые владели 15 млн. га земли.

В Кировской области крестьянские (фермерские) хозяйства стали организовываться, как и в других регионах, на волне реформирования. В 1991 г. их было 388, к концу 1995 г. фермерских хозяйств стало 1437, они располагали 95,7 тыс. га земли, в среднем по 60 га на семью. Следует отметить, что в этот период первые крестьянские хозяйства своевременно сумели использовать внимание и практику разумного государственного протекционизма. Наиболее энергичные и предприимчивые фермеры получили солидную финансовую поддержку и в кратчайшие сроки добились высокой отдачи вложенных средств.

Примером тому может служить крестьянское хозяйство В.Ф. Быкова, созданное в 1990 г. в с. Пантыл (Белохолун. р-н). Кировская областная ассоциация крестьянских хозяйств, Агропромкомитет выделили этому крестьянскому хозяйству кредит в сумме 350 тыс. рублей, оказали помощь в проведении агромероприятий, финансировали строительство до центральной усадьбы соседнего колхоза «Путь Ленина» дороги с гравийным покрытием от с. Пантыл. Хозяйство приобрело часть подер-

жанной техники в колхозе и ближайшей ПМК, купило на выделенный кредит по линии Агроснаба новую технику и засеяло в первый же год 180 га зерновыми культурами. Параллельно, с помощью наемных бригад, велось строительство животноводческих помещений, рассчитанных на 50 голов крупного рогатого скота и 100 голов свиней. По результатам первого года В.Ф. Быков смог погасить основную часть заёмных средств, а в течение следующего года полностью рассчитаться за выделенный кредит. Сейчас это одно из лучших, стабильно работающих крестьянских хозяйств области.

Но в дальнейшем процесс организации фермерских хозяйств затормозился. Обещанные льготы не выполнялись, единоличники столкнулись с суровой действительностью капиталистического рынка. В 2003 г. в области осталось 1110 фермерских хозяйств, имевших в среднем по 83 га земли.

Проведенная облстатуправлением выборочная проверка 139 фермерских хозяйств показала, что основными причинами, сдерживающими их развитие, являются: диспаритет цен, высокие процентные ставки за кредиты, трудности в реализации продукции, неуверенность в долговременном характере земельных и аграрных законов, плохое состояние дорог, связи, энергогазоснабжения, неустроенность социальной сферы, негативное отношение руководителей сельхозпредприятий и населения.

Осенью 1994 г. служба землеустройства области провела проверку использования выделенной фермерам земли. Оказалось, что около 40 % пахотных земель не были распаханы, каждое третье хозяйство не имеет никакого скота, у 44 % нет коров, у 62 % нет свиней. При этом опрошенные фермеры не видели необходимости увеличивать поголовье скота, наращивать производство, ссылаясь на низкие закупочные цены и проблемы со сбытом продукции. Немудрено, что в общих областных поставках продукции государству удельный вес фермерских хозяйств составляет менее 1 %, и только реализация зерна занимает 5 %. Сложные экономические условия, в которых оказались крестьянские (фермерские) хозяйства, не позволяют в ближайшие годы ожидать от них ощутимого влияния на насыщение продовольственного рынка области сельхозпродукцией.

Основополагающей проблемой в сельском хозяйстве является отношение к земле. В 1993 г. вышел Указ президента РФ № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России», который впервые в российском законодательстве отнес землю к недвижимости и установил право на её собственность. Вводилась частная собственность на землю. Началась выдача свидетельств владельцам сельскохозяйственных угодий.

Но процесс шел крайне медленно, и 7 марта 1996 г. был подписан новый Указ № 337 «О реализации конституционных прав граждан на землю», обязывающий органы исполнительной власти ускорить выдачу свидетельств владельцам долей и организовать заключение договоров между собственниками земельных паев и их пользователями. По состоянию на 1 марта 1998 г. отделом землеустройства управления сельского хозяйства составлена информация о выполнении данного Указа, где отмечено, что в Кировской области выявлено 211758 собственников земельных паев, за которыми закреплено 2142,1 тыс. га сельхозугодий. Выдано на эту дату 204151 свидетельство на площадь 2060,3 тыс. га, заключено договоров аренды 9535, определено местоположение земельных паев 3294 на площадь 321,1 тыс. га.

Как видно из информации, документы на владение землей выданы почти всем собственникам. Но договоры на аренду земли заключены всего с 4,5 % семей. Политика навязывания сверху частной собственности на землю не нашла социальной базы. Крестьяне, прибегнув к «оружию слабых» — саботажу — в очередной раз провели власти. Расчет на то, что загнанное в колхозы крестьянство после объявления свободы тут же заберет свои наделы, разрушит крупные коллективные производства и самостоятельно, массово акционируется — не подтвердился. Произошла формальная перерегистрация (смена вывески) хозяйств и передача им земельных паев без заключения договоров на аренду.

Вопрос о введении частной собственности на землю вызвал острую полемику в стране. Аргументам о более интенсивном её использовании индивидуальными владельцами противопоставлялись веские доводы о неразумности превращения земли в объект купли-продажи. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что введение даже самого свободного оборота земли и без каких-либо ограничений, которые существенно снижают ликвидность сельхозугодий, не оставляют надежды на скорое перераспределение земли в пользу эффективного собственника. Дело в том, что земельными паями наделялось все сельское население: медики, милиционеры, учителя, пожарные, работники культуры, служащие контор и торговой кооперации, колхозные и совхозные пенсионеры и многие др.

Следует также учесть, что среди колхозников и работников совхозов, крестьян, способных к самостоятельному эффективному ведению крупного хозяйства, не так много. Кроме того, средний возраст механизатора 58 лет, доярки — 55 лет, это значит, что землю предполагается распределить людям преимущественно предпенсионного возраста. Отсюда очевидно, что основной массе крестьянства придется продать свои участки. От-

сутствие финансовых и материальных резервов и неподготовленность к самостоятельной деятельности вынудят их ради выживания лишиться полученных наделов. Земли будут скуплены олигархами, как новыми русскими, так и иностранцами, превращены в объекты сбережения их капиталов. Большие массивы сельхозугодий будут выведены из оборота из-за отсутствия нормальных естественных, технологических и экономических условий хозяйствования, больших издержек производства и низкой конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции.

Частная собственность на землю приведет к тому, что из села будет вытеснена масса крестьян, продавших и заложивших свой земельный пай и не нашедших работу, которые будут пополнять армию безработных в городе.

И все-таки главная, основная притягательная сила собственности на землю заключается не в самой земле и не в возможности на ней работать по своему усмотрению, а в земельной ренте. Именно рента придает остроту вопросу о частной собственности, ибо она определяет монопольный (не заработанный) доход. Передавая её в частные руки, государство лишается возможности поступления средств в местные бюджеты для финансирования землеохранных мероприятий. Поэтому следует не дробить землю на мелкие участки, а концентрировать паи в государственных, муниципальных, кооперативных и акционерных предприятиях, с тем, чтобы земельная рента не поступала в карманы частных собственников, а шла на общее благо.

Есть еще целый ряд положений, свидетельствующих о нецелесообразности передачи сельхозугодий в частные владения: несогласие, а значит, масса конфликтов со многими собственниками, с качеством, размерами, конфигурацией и местоположением выделенных им участков; необходимость создания дорогостоящей инфраструктуры и многочисленного аппарата обслуживания процесса передачи; обеспечение надлежащего контроля и правопорядка в этой сфере; неизбежное расширение землеустроительных работ и т.д.

Вот как откликнулись на закон о продаже земли труженики села Кировской области в статье «Кормилицу на продажу?» (Киров. правда. 2001): «Государственная Дума в первом чтении приняла закон о продаже земель сельскохозяйственного назначения. Как восприняли весть кировчане? Пенсионер В.И. Лаптев выразил отношение одной фразой: «Все распродали власти. Одна земля осталась. Вот и она пошла в ход»... А.И. Елкина, агроном, начальник бригады СХК «Адышевское» Оричевского района: «Мы, крестьяне, естественно, земли не купим. Не на что. Не думаю, что надо продавать площади, которые нас кормят»... Т.А. Рябова, экономист Кирово-Чепецкого райсель-

хозуправления: «Продажа — это самое плохое решение. Хозяйства начнут продавать самые невыгодные участки. Дальние, неплодородные. Налетят коммерсанты, заплатят за одно, а приберут к рукам то, что им даст отдачу».

И.К. Таранов, депутат Котельничской городской Думы:

«Мое мнение, кстати, его поддерживают практически все ветераны: землю страны продавать в частную собственность никоим образом нельзя. Пусть государство сдает её в аренду и получает те же деньги в виде налогов»... В.П. Лоптев, председатель сельхозкооператива «Земледелец» Пижанского района: «Я против частной собственности на основные средства производства. Ну, раздали по сути дела предприятия ведущих отраслей промышленности и энергетики, а много ли от этого выиграл народ? Лучше не зажил. Землю надо оставить тем, кто за ней ухаживает, растит хлеб, — крестьянину, чтобы в случае не превратить его через торговлю сельхозугодьями из хозяина в батрака. Вероятность такого исхода появилась»...

Н.М. Якимова, Герой Соц. Труда, депутат Верховного Совета РСФСР 1970-х гг.: «В тяжелое время направленного разрушения сельского хозяйства в Фаленском районе все равно сохранили коллективные формы труда. Сегодня по ним бьют руками послушных депутатов, большинство которых не воспринимает на столичном асфальте, чем станет кормиться население и как вздорожают после такого шага Госдумы продукты для горожан»... В.И. Рогожкин, председатель колхоза «Заря коммунизма»: «Слугам народа» в Госдуме и родному правительству наплевать на предостережение Л. Толстого, с которым согласны все, кто живет и работает на земле. Он в свое время предупреждал Столыпина: «Продавать землю — величайшее свинство, Земля — наша мать. А матерью торговать нельзя». Земля должна быть в собственности тех, кто на ней трудится. Наш колхоз, получивший по 40 центнеров зерна с гектара в прошлом году, доказал свою жизненность».

Несколько лет тому назад в Нижегородской области попытались поделить собственность коллективных хозяйств на паи, а затем ввести практику купли-продажи этих паев. При этом высокими темпами насаждалось фермерство. И вот сейчас после шумной пропаганды «нижегородской модели» о ней стали забывать. Не поддержанный крестьянами, противоречащий их жизненному укладу нижегородский вариант распродажи земель себя дискредитировал и провалился. Не нашел своего распространения и саратовский эксперимент по продаже земли в частное владение. Массовые торги не состоялись.

Многие честные ученые-экономисты, государственные деятели России, а также стран Западной Европы, США, Канады

неоднократно предупреждали российское правительство о неэффективности мелкотоварного сельскохозяйственного производства. Однако этот глас знаний, опыта и, наконец, рассудка слушать было некому. Государственная Дума 20 сентября 2001 г. приняла Земельный кодекс страны, который создает исключительные условия, чтобы пустить землю в свободный оборот.

Есть ещё одна серьезная причина нынешнего критического положения в АПК области. Речь идет о приватизации перерабатывающих предприятий, организаций технического сервиса, хранения и реализации сельскохозяйственной продукции. В ходе приватизации в этих сферах были допущены большие ошибки. Коллективы молочных и мясоперерабатывающих предприятий контрольные пакеты акций оставили у себя, что позволило им диктовать закупочные цены на продукцию сельхозпредприятий и получить максимальную прибыль. Однако товаропроизводителей такой принцип не устраивал, и они начали создавать собственную инфраструктуру переработки. За последние годы в хозяйствах области построено 40 мини-цехов по выработке молочных продуктов, 44 — по забою скота и переработке мяса, 300 — по размолу зерна, 350 — по выпечке хлеба и производству макаронных изделий.

В результате на большие комбинаты поступает только 57% реализованного скота, 80 % молока. Но это же расточительно — в неимоверно трудных условиях отвлекать денежные и материальные ресурсы на создание второго эшелона переработки, когда первый используется наполовину. В подобном положении находится техническая база агросервисных предприятий. 70 % всех ремонтов хозяйства производят сами, а в созданных 18 машино-технологических станциях сельхозработа составляет лишь 30 % от общего объема.

Тяжелейшим ударом для агропромышленного комплекса страны обернулось резкое сокращение государственной поддержки. Если в 1990 г. на развитие сельского хозяйства расходовалось 15 % бюджета России, то в 1995 г. лишь 4 %, в 2001 г. — 2,7 %, в 2002 г. — 1,76 %, в 2003 г. — 1,5 %. В оправдание таким действиям было распространено мнение о несостоятельности этой отрасли, которая забирает средства без отдачи. Между прочим, миф о сельском хозяйстве как о неэффективной отрасли, о некой «черной дыре» в народном хозяйстве, является неверным.

Продукция, производимая в агропромышленном комплексе, не только покрывает все дотации, но и обеспечивает отчисление в государственный бюджет значительных средств. Так, в данных ЦСУ СССР (1989 г.) указывается, что топливно-энергетический комплекс получил 31,1 млрд. руб. прибыли, металлургический комплекс — 14,8 млрд., машиностроительный —

18,9 млрд., химико-лесной — 21,3 млрд., строительный комплекс — 13,4 млрд. и, наконец, агропромышленный комплекс — 75,4 млрд. руб. Из шести основных народнохозяйственных комплексов, давших 174 млрд. руб. прибыли, на долю агропромышленного комплекса приходилось 43,1 %. Именно этот комплекс дал основную массу прибыли. По данным Госкомстата, в 2002 г., несмотря на безудержный рост диспаритета цен, на 1 рубль основных фондов получено в сельском хозяйстве 5 руб. прибыли, а в промышленности — 3 руб. 60 коп. Все разговоры о том, что топливно-энергетический комплекс покрывает свои издержки, убытки сельского хозяйства и дотации населению просто беспочвенны.

Ассигнования, выделенные из консолидируемого бюджета страны на поддержку сельского хозяйства, не адекватны его вкладу в формирование валового внутреннего продукта. Удельный вес этого сектора экономики в ВВП составлял в 2002 г. около 7 %, а удельный вес бюджетных расходов на поддержку отрасли всего 1,7 %.

Переход к современной аграрной политике наряду с сохранением и ужесточением прежних финансовых рычагов получения денег из аграрного комплекса принял к действию принципиально новую технологию изъятия из сельхозпроизводства максимум средств при минимуме их возврата. Она включает в себя введение с 1991 г. «ножниц» цен, то есть низких цен на сельхозпродукцию и высоких цен на потребляемые сельским хозяйством промышленные товары, горюче-смазочные материалы, электроэнергию, а также высоких процентов за кредит, увеличение различных налогов. Немаловажную роль в сокращении господдержки сыграла передача финансирования сельского хозяйства с федерального на региональный уровень. Так, перевод в 1993 г. субсидирования продукции животноводства на областной бюджет привел к тому, что удельный вес субсидий к ценам реализации продукции этой отрасли снизился более чем в 7 раз (с 31 до 4,2 %).

В результате неконтролируемого ценообразования идет беззастенчивое изъятие у селян честно заработанной прибыли. К этому следует добавить пяти-, десятипроцентные отчисления в местные бюджеты, возросшие платежи по соцстраху, в фонд стабилизации экономики, непосильное бремя расходов на содержание учреждений соцкультбыта и коммунального хозяйства, внутрихозяйственных дорог, резкое повышение процентных ставок по банковским кредитам, штрафные санкции за невыполнение договоров контрактации, нарушение жестких экологических требований и т.п. Подсчитано, что с учетом всех вышеназванных и других издержек общая сумма допол-

нительных расходов по АПК области приближается за год к миллиарду рублей.

Естественно, что в этих условиях удельный вес агропромышленного сектора во внутреннем валовом продукте страны в 2002 г. составил 7 % против 16,4 % в 1991 г. Рентабельность по всей деятельности сельхозпредприятий определена соответственно 7,9 % против 37 %. Сравним отношение к российскому крестьянину с положением дел по оказанию государственной поддержки европейских сельхозтоваропроизводителей. В 2002 г. субсидии аграрному сектору в расчете на одного занятого в сельхозпроизводстве составляли, тыс. долларов: в Англии — 9,8; Франции — 9,7; Германии — 6,3; Финляндии — 4,1; России — 0,04. Перекрыв селу каналы централизованных поступлений финансовых и материально-технических ресурсов, отдав на откуп рынку рычаги управления трудом, заработной платой, ценообразованием и передвижением отечественных и импортных товаров, либеральные власти придавили сельское хозяйство ценовым беспределом, сделали неконкурентоспособной практически всю производимую сельхозпродукцию.

В 2003 г. на собрании аграрников в Оренбурге зам. председателя правительства, министр сельского хозяйства А.В. Гордеев сообщил: «В 2002 г. задолженность сельхозпроизводителей страны составила 340 млрд. руб., а прибыль уменьшилась до 10 млрд. руб.». Таков результат современной аграрной политики.

Труженики села надеются на более высокую степень участия государства, которое должно выражаться в слежении за состоянием почв и их мелиорацией; помощи в приобретении и внедрении новой техники и технологий; обучении специалистов, поддержке социальной сферы, в протекционистской (на данном этапе) ценовой, кредитной и налоговой политике; в содействии в урегулировании взаимоотношений с переработкой, торговлей, обеспечивающими структурами и потребителями; в налаживании бухгалтерии и менеджмента; в разумной защите от иностранных конкурентов на внутреннем рынке и в поддержке при выходе на рынок внешний; решение какой-то части проблемы диспаритета цен. Казалось бы, определенные барьеры на пути беспредела в рыночных отношениях должны были поставить принимаемые правительством нормативно-правовые акты, постановления и законы о развитии аграрного сектора, принятые за последние годы: «О либерализации цен», «О сельскохозяйственной кооперации», «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд», «О федеральной целевой программе стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации на 1996—2000 гг.», а также ежегодно при-

нимаемые постановления правительства по функционированию АПК. Но беда в том, что принятые решения не контролируются, а значит, и не выполняются. Стихия рыночных отношений поглощает уставные положения законов, сводя целесообразность развития к безумной жажде получения прибыли.

Такая разорительная аграрная политика наглядно проявляется на примере Кировской области. За последние годы АПК этого региона почти полностью лишился господдержки. Удельный вес капвложений в сельскохозяйственное производство по всем источникам финансирования в их общем объеме по области сократился с 27,5 % в 1990 г. до 10 % в 2000 г. и до 4,5 % в 2004 г. В областном бюджете доля, выделяемая сельскому хозяйству средств на его развитие, уменьшилась с 8,3 % в 2000 г. до 4,0 % в 2004 г. При этом надо иметь в виду, что цены на продукцию сельского хозяйства с 1990 по 2000 г. возросли в 5 тыс. раз, а на услуги и материалы, приобретаемые АПК в других отраслях экономики, — в 23 тыс. раз.

Проследим путь деградации сельскохозяйственного производства области по данным Кировстаткомитета за 1990—2004 гг.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. За прошедшие тринадцать лет из сельскохозяйственного оборота выведено 680 тыс. га земли, или 20 %. Вся посевная площадь сократилась на 40 %, посевы зерновых культур — на 58 %. В северных условиях неиспользованные земли быстро зарастают кустарником и молодым лесом и впоследствии потребуют значительных затрат на их восстановление.

Урожайность зерновых и картофеля за истекший период осталась на одном уровне. Этому во многом способствовал тот факт, что из оборота были выведены малопродуктивные, удаленные от основных массивов участки. Сокращение объемов и сроков полевых работ позволило вовремя провести сев и уборку, сократить потери урожая. В результате, несмотря на резкое сокращение использования удобрений, урожайность зерновых получена в 2002 г. — 14,1 ц/га, в 2003 — 14,5, в 2004 — 13 против 14,2 ц/га в 1990 г. Урожайность картофеля составила соответственно 103, 101, 118 и 99 ц/га.

Объемы внесения удобрений упали до критической черты. В 1990 г. на поля области было вывезено 10 млн. тонн органики и 231 тыс. минеральных удобрений. В 2004 г. только 1,5 млн. тонн навоза и 20 тыс. тонн минеральных.

Валовые сборы зерна, основа сельскохозяйственного производства, сократились с 1680 тыс. тонн до 607 тыс. тонн, или в 2,8 раза, картофеля остались на одном уровне — 485 тыс. тонн в 1990 г. и 530 тыс. тонн в 2004 г. В два раза меньше заготовлено грубых и сочных кормов.

ЖИВОТНОВОДСТВО. В 2004 г. численность поголовья крупного рогатого скота, коров и свиней во всех категориях хозяйств по сравнению с 1990 г. снизилась в два раза, овец и коз — в три раза, птицы — на 40 %. Причем сброска скота идет не только в сельхозпредприятиях, но и в личных подсобных хозяйствах населения. Тревожным фактором является ускорение темпов ликвидации маточного стада. За последние годы поголовье коров сократилось в 2000 г. на 6,4 %, в 2001 г. — на 7,5 %, в 2003 г. — на 10 %, в 2004 г. — на 8 %, в хозяйствах населения соответственно — на 6,2 %, 7,1 %, 9,5 %, 13 %.

Отрадным явлением в животноводстве стало увеличение среднего удоя молока на корову. В 2004 г. он составил 3550 кг против 2480 кг в 1990 г. Выше, чем в 2003 г., оказались уровни продуктивности животноводства в расчете на голову скота. Однако показатели продуктивности скота отстают от уровня 1990 г. В 2004 г. получено меньше, чем в 1990 г., телят и поросят в расчете на 100 голов молочного стада. Ниже среднесуточный привес на откорме бычков и свиней, в полтора раза выше процент падежа к обороту стада телят и поросят. Снизились объемы производства продукции животноводства. За период с 1990 по 2004 г. реализация скота и птицы на мясо в живом весе сократилась на 45 %, валовой надой молока — на 30 %, сбор яиц — на 9 %.

Падение производства сельскохозяйственной продукции, безусловно, сказалось на объемах поставок в федеральный и региональный продовольственные фонды и на уровень потребления населением области продуктов питания. См. таблицу.

Таблица
закупки сельскохозяйственных продуктов
и их потребление на душу населения в области

Вид продукции	Закупки во всех категориях хозяйств по всем каналам, в тыс. тонн			Потребление на душу населения, в кг за год		
	1990 г.	2004 г.	%	1990 г.	2004 г.	%
Зерно	307,9	211	68,5	133	132	100,0
Картофель	82,9	71,5	86,2	120	115	95,8
Овощи	38,9	24,4	62,7	67	119	177,6
Мясо	169,1	73,0	43,2	73	55	75,3
Молоко	682,5	378	55,4	327	288	88,1
Яйца, млн. шт.	433,2	427	98,6	308	248	80,5

МЕХАНИЗАЦИЯ. Seriously ослабло оснащение сельского хозяйства техникой и оборудованием. Парк тракторов с 1990 по 2004 г. уменьшился с 33,5 тыс. до 16,6 тыс. машин, или в 2 раза, зерноуборочных комбайнов — с 8,2 тыс. до 3,1 тыс. единиц, или в 3,8 раза, грузовых автомашин — в 4,4 раза. Износ техники на селе составил 70 %, сильно пострадала ремонтная база.

Некогда мощная «Сельхозтехника» распалась на мелкие самостоятельные организации: агроснабы, РТП, агропромэнерго-сервисы, транспортные предприятия, акционерные объединения и т. д. Это запутало и усложнило до невозможности систему производственно-технического обеспечения сельчан, привело к утечке инженерных кадров. Резко снизилась готовность машинно-тракторного парка, возросли простои техники. Например, готовность тракторов к весне 2002 г. по области составляла 67 %, культиваторов 64 %, сеялок 68 % к их наличию. Ежегодно на полевые работы не выводятся сотни тракторов, зерноуборочных комбайнов, грузовых автомобилей. Практически в села перестала поступать новая техника. Если в 1990 г. область закупила 3600 тракторов и 1190 комбайнов, в 2000 г. — 160 тракторов, 22 комбайна, то в 2004 г. соответственно всего 86 тракторов и 27 комбайнов. Нагрузка на трактор возросла до 120 га пашни, а на комбайн 180 га зерновых культур против 75 и 140 га в 1990 г.

С 1994 г., как одна из форм финансовой поддержки села со стороны государства, была введена лизинговая форма приобретения сельскохозяйственных машин и оборудования, включающая в себя ряд экономических льгот для сельхозпредприятий, облегчающая получение техники и расчёты за неё. За 10 лет становления рыночных отношений в аграрном секторе лизинг сыграл положительную роль в техническом оснащении за счёт бюджетных средств для более 230 колхозов и совхозов области. За этот период по федеральному и областному лизингу области получено 1800 единиц машин и оборудования на сумму более 500 млн. руб., в т.ч. 646 тракторов, 174 зерноуборочных комбайна, 41 кормоуборочный комбайн, 442 сельхозмашины, автомобилей, 200 комплектов оборудования для животноводов.

С марта 2003 г. компанией «Росагролизинг» снижены авансовые платежи за технику с 20 до 7 %, увеличен срок лизинга до 7 лет. Лизинг нужен селу, но, к сожалению, объёмы его крайне недостаточны для Кировской области.

ФИНАНСЫ. Критическим стало финансовое состояние сельских товаропроизводителей. По данным статкомитета, в 1990 г. удельный вес прибыли крупных и средних сельхозпредприятий в общей сумме по народному хозяйству области превышал 20 %. По итогам 2004 г. получены убытки в сумме 170 млн. руб. Только с 2000 по 2004 г. рентабельность сельскохозяйственного произ-

водства снизилась с +4 % до -3,5 %, а удельный вес убыточных хозяйств возрос с 57,8 до 64,7 %. Производственная себестоимость 1 тонны зерна за этот период выросла с 1299 руб. до 1564 руб., а выручка от его реализации сократилась с 2014 руб. до 1733 руб. В 2004 г. рентабельным оказалось производство зерна +28 %, молока +27 % и яиц +10 %.

Большинство сельхозпредприятий АПК области почти полностью утратило собственные оборотные средства и имеет их отрицательное значение, что, естественно, привело к крайне высокой задолженности. Суммарные долги по всем обязательствам за 2000—2004 гг. выросли с 4,7 млрд. до 5,3 млрд. руб., или на 12,8 % (в 1996 г. было 1,4 млрд. руб.), и в 6,6 раза превышают дебиторскую задолженность. Следует отметить, что из общей кредиторской задолженности 37,5 % является просроченной, и она в 9,7 раза больше дебиторской. Такого положения нет ни в одной другой отрасли экономики.

В связи со сложившимся финансовым состоянием основная масса хозяйств области не сможет принять участие в программе финансового оздоровления на условиях, установленных федеральным законом от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» и соответствующими постановлениями правительства Российской Федерации, что еще в большей степени осложнит их хозяйственную деятельность.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ. Одним из ключевых факторов, определяющих успех реформ, взлёт или падение сельскохозяйственного производства, является кадровый потенциал. На протяжении последних десятилетий в сельской местности складывается неблагоприятная демографическая ситуация. В селах и деревнях живет 29,4 % населения области, а при этом только 53 % из них относятся к категории трудоспособных. В результате длительного оттока молодежи, низкой рождаемости, обострившихся социальных проблем наметилась устойчивая тенденция резкого снижения численности и старения сельского населения.

Многие лучшие работники ушли из деревни или сменили род занятий. Вектор социально-культурной жизни, постепенно начавшийся с середины 60-х годов, снова резко пошел вниз. Если в 1990 г. работников сельского хозяйства насчитывалось 136,3 тыс. чел., то в 2000 г. их было 126,8 тыс., а в 2003 г. — 93 тыс. чел. При этом тенденция к уменьшению сельскохозяйственных рабочих не снижается. В 2001 г. их стало меньше на 6 тыс., в 2002 — на 5 тыс., в 2004 г. — на 56 тыс. человек.

В настоящее время жители пенсионного возраста на селе составляют 25 %, и этот процент в ближайшие годы будет прогрессировать. За три последних года в области сменились 267

руководителей хозяйств. Только 44 % председателей имеют высшее образование, 34 % — среднее специальное, остальные — общее среднее и незаконченное среднее. Решать же приходится сложные финансовые, экономические, юридические вопросы. Молодых руководителей до 30 лет всего 1,3 %.

Уровень оплаты труда в сельском хозяйстве остается одним из самых низких по сравнению с другими отраслями экономики. В 2004 г. среднемесячная заработная плата работающих во всех отраслях экономики области была 4596 руб., в т.ч. на промышленных предприятиях — 5320 руб., а в сельском хозяйстве — 2299 руб., при прожиточном минимуме 2275 руб. Уровень зарплаты на селе составлял 50 % к областному, 43,2 % к среднепромышленному. Что касается прожиточного минимума, то он вызывает серьезные сомнения в достоверности его расчетов.

Тенденция сокращения сельскохозяйственного производства сохраняется и в настоящее время. По данным облкомстата, в 2004 г. посеяно меньше 2003 г. яровых зерновых на 17,3 тыс. га, льна — на 2,7 тыс. га, овощей и картофеля — на 2,5 %, погибло озимых культур на площади 18,4 тыс. га. Поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 6,8 %, в т.ч. коров — на 6,5 %, свиней — на 5 %, овец — на 8 %. Меньше получено молока на 4 %, мяса — на 8,1 %. Что характерно, снижение численности скота происходит и в личных хозяйствах населения. В структуре поставщиков в федеральный и областной продовольственные фонды наибольший удельный вес по-прежнему занимают коллективные хозяйства. На их долю приходится 92,1 % проданного зерна, 99,1 % яиц, 93,2 % молока, 81,8 % скота и птицы и 79,2 % овощей.

Таковы краткие итоги проводимой в стране аграрной реформы на примере Кировской области. В начале октября 2004 г. Президиум Агропромышленного союза товаропроизводителей (работодателей) области и совет регионального отделения Аграрной партии России на совместном заседании рассмотрели вопрос «О критическом состоянии сельскохозяйственной отрасли и российского села». По результатам обсуждения принято Обращение к президенту и председателю правительства Российской Федерации. В обращении, в частности, говорится:

— Крайне низкий уровень государственной поддержки, налоговое бремя, долги прошлых лет, безудержное повышение цен на материально-технические ресурсы, допуск в Россию значительных объемов импортного продовольствия, при одновременном снижении закупочных цен на собственную отечественную сельскохозяйственную продукцию, неуклонно ведут к падению и развалу отечественного сельхозпроизводства. У большинства сельхозпредприятий почти полностью изношены основные фонды, снижается плодородие сельхозугодий. Катастрофически ускорилось сокращение поголовья скота, в первую

очередь маточного, которое приносится в жертву нерегулируемой ценовой политике.

Иссекает кадровый потенциал. Интенсивно разрушается социальная инфраструктура села, уменьшается сельское население. Продолжает увеличиваться кредиторская задолженность, вновь начался рост долгов по заработной плате. Из 365 сельхозпредприятий, вошедших в программу финансового оздоровления, 263 предупреждены о снятии с реструктуризации долгов.

От имени крестьянства Кировской области обращаемся ко всем — поверните правительство лицом к проблемам российского села, остановите процесс его уничтожения! По большому счету для этого достаточно ввести в действие механизм пресловутого диспаритета цен, остановить бесконечное удорожание энергоносителей.

Обращаемся к региональным агропромсоюзам, отделениям АПР, комитетам профсоюза работников АПК и их центральным руководящим органам; ко всем, кому небезразличны судьба российской деревни и продовольственная безопасность страны, с призывом объединиться в защиту отечественных сельхозпроизводителей и сказать решительное НЕТ их дальнейшему разорению.

Л.П. СОЗИНОВ

УМИРАЮТ ДЕРЕВНИ

Умирают деревни... Рыдают деревья,
Что беспечно смеялись под окнами изб.
Умирают деревни... Роняют деревья,
Словно жгучие слезы, желтеющий лист.

Умирают деревни, как снег, постепенно.
Остаются лишь в памяти тех, кто здесь жил.
Умирают деревни, пылинки вселенной,
Лопухом зарастают пригорки могил.

Умирают деревни в нахмуренной сини.
Им нелегкая выпала доля-судьба.
Исчезают крестьяне, кормильцы России,
Вот и я перешел на чужие хлеба.

И моя деревенька погибла безвестно.
Горевала, смеялась, трудилась, жила,
Жала в будни хлеба, пела в праздники песни,
И моя деревенька травой заросла.

С. Н. ПАНЬКОВА

МУЗЕЙ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА

Музей открыт для посетителей 4 ноября 1972 г. Своим возникновением он обязан краеведу Николаю Павловичу Борцову. Двадцать лет он назывался «Музей истории колхоза «Искра» Котельничского района». Это единственный сельский музей, дважды подтвердивший звание народного. С 1993 г. переименован в Музей истории крестьянства.

Основная часть экспозиции посвящена истории крестьянства Котельничского района. Сбереечь образ человека труда разных лет — задача музея.

Все начиналось так: 9 февраля 1930 г. состоялось собрание, посвященное организации коммуны «Искра». В нее были приняты четыре деревни с местонахождением правления в д. Зайцевы. На собрании присутствовали 63 середняка, 40 женщин. Первым председателем стал рабочий 25-тысячник П.И. Головин, посланец Нижегородского крайкома партии. 26 февраля коммуна была зарегистрирована, стала 16-м коллективным хозяйством в районе. Колхоз с годами укреплялся. В 1954 г. председателем объединенного колхоза стал А.М. Ронжин. Он сам верил в возможность успеха и мог поднять людей на неустанный труд. При Андрее Мироновиче хозяйство стремительно шло в гору. О нем узнала вся страна. В 1955 г. в «Искре» построили первую электростанцию. В 1959 г. колхоз одним из первых в области перешел на денежную оплату труда крестьян. А.М. Ронжину первому в районе присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Стремительно возводились производственные объекты, рос поселок Ленинская Искра, ставший центром колхоза. Хозяйство славилось производственными показателями, первым подхватывало новые технологии, внедряло в производство лучший в стране опыт. Разительные перемены произошли в культурной жизни. В 1960 г. на центральной усадьбе построен Дом культуры, в нем открылась первая в области сельская картинная галерея. В этом же году организован прославившийся не только в России, но и за рубежом ансамбль песни и пляски «Искорка» (с 1975 г. худож. рук. была народная артистка СССР А.В. Прокошина). В 1967 г. в колхозе построен первый в России сельский лыжный трамплин. Музыкальная школа и изостудия. Конная секция, колхозные спартакиады, новая школа-десятилетка, мощное тепличное хозяйство — это только малая часть того, что пришло в колхоз благодаря умелому руководству А.М. Ронжина, который возглавлял его до 1990 г.

Созданного потенциала хватило, чтобы выжить в самые трудные годы.

В экспозиции помещен материал о памятниках природы района: Нургушском заповеднике, береговом оползне, дубовой роще, местонахождении парейазавров.

В историческом зале музея представлены находки археологов с Ковровского городища — древнерусского поселения XIII—XIV вв. — важнейшего административного центра бассейна Средней Вятки, документы и фотографии по истории сел и деревень Котельничского уезда. Для людей старшего возраста — это живая память, для подрастающих — экскурсия в историю. Здесь можно увидеть домашнюю утварь, изготовленную местными умельцами прошлого, действующий ткацкий станок. Знакомство с предметами крестьянского быта продолжается в разделе «Занятия и ремесла крестьян». Особенностью уезда являлось обилие мельниц, подтверждением тому — пословицы. «В Котельнице три мельнич: водяница, паровича, да и ветренича».

Украшением музея являются коллекции: свадебные домотканые полотенца, коллекции художественных миниатюр Людмилы Корец, лауреата российской выставки «Вышитая картина». В фондах музея хранятся работы художника-графика А. Наговицына, участника всесоюзных и международных выставок, работы известных фотохудожников А. Скурихина, Н. Шилова. В экспозиции музея представлен материал о знатных земляках: писателях, художниках, ученых. Особо выделен раздел «Защитники Отечества», где помещены награды, документы, фронтовые реликвии участников войн.

По материалам буклета «Музей истории
крестьянства» (Киров, 1997);
Киров. правда. 2005. 25 февр. С.1.

М.П. ЧЕБЫШЕВА

ОВСЯНОЕ ПОЛЕ

Распахали деревню Оленки.
Но на поле, как чья-то вина,
ясно-ясно, как на киноплёнке,
сквозь овес проступила она.

Избы, бани, хлевы... На квадратах,
где давно не стоит ничего,
тот овес уродился богато
и темнее был поля всего.

Ничего о деревне не знаю,
но легко рассказать бы могла:
у околицы, с правого краю,
развалюха пустая была.

Остальные дома — как близнята,
без каких-то особых примет —
Приглядитесь: двенадцать квадратов
полем в темный окрашены цвет.

Скотный двор. Небольшая конюшня.
Может, кузница невдалеке.
Под горою петляет речушка,
укрываясь в густом ивняке.

А на горке, как водится, школа
(на четыре деревни одна).
И легко различимы на поле
знаки банек, сараев, гумна.

Все же поле, не пустошь. Но ветер
пахнет прежним теплом, молоком.
Нет деревни Оленки на свете...
То ль по свету ушла с посошком,

То ли сбросили перья на крыши
и позвали с собой журавли.
И не видел никто, и не слышал,
как она улетела с земли.

Где же люди, что жили в Оленке?
Где тоскуют по отчим местам?
А деревня, как на кинолентке,
сколько лет проявляется там...

1985 г.

История такова: в Нововятске, на встрече с читателями, подошел немолодой человек и рассказал эту историю. Очень жалею, что не спросила ни фамилии, ни названия деревни. Но очевидно, что это где-то рядом с Нововятском, т.к. он рассказывал о том, что видел сам, когда приехал в родные места.

РУССКИЙ СЮЖЕТ

Парни строят часовню —
Коля, Женя, Олег и Валерий —
В деревушке глухой,
Где надежды угасли давно.

У нее за спиной
Многоотрудная жизнь и потери.
Ну а что впереди —
Деревушке почти все равно.

Здесь, от мира вдали,
Все печально, спокойно и
Тихо,
Красота несказанная,
В небо глядится с тоской.

Но пришел молодец.
И прогнал одноглазое лихо.
Звонкий стук топора
Ворвался в полусонный покой.

Это русский сюжет.
Половина работы — для хлеба,
А другая — для радости,
Для красоты, для души.

А душа, словно птица,
Все рвется в высокое небо.
Что он строит? Часовню
В родной деревенской глуши.

Приезжают друзья.
Разберут топоры и лопаты.
И на диво все ладится.
Всякое дело с руки.

Знать отцовские гены;
Вполне городские ребята,
И увидишь в работе
И сразу поймешь — мужики.

Это русский сюжет.
Остается он вечный недаром;
А на нем одна только суть
Бессловесной пустой шелухи.

Строят парни часовню.
Красивые русские парни,
Под гитару поют
И друг другу читают стихи.

С.П. КОКУРИНА, Е. БУШМАКИН

ПАМЯТНИК ИСЧЕЗНУВШИМ ДЕРЕВНЯМ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ

(Глазами очевидцев)

2005 г.

Вениамин Иванович Измestьев, краевед (п. Суна):

— Стояло в деревне Шатки Сунского района в послевоенное время семь обычных крестьянских домов. Пришел черед обезлюдеть деревне, поскольку она находилась в стороне от хороших дорог...

Только одинокие огромные тополя, одичавшие сады, остатки кирпичных фундаментов говорят о местах существования старых деревень. Какой же памятник им поставить? Задумываются об этом те, для кого малая родина остается главным фундаментом и началом всей жизни...

Олег Петрович Шатков:

— Я часовню надумал строить. Как получится, не знаю, но будет она построена в память обо всех исчезнувших в XX в. сунских деревнях. Понимаю, каких трудов мне это будет стоить, но помощники в хорошем деле найдутся.

Как главе крестьянского хозяйства, ратующему за возрождение малой родины, районное руководство выделило деловую древесину. Сам валил деревья, обрубал сучья, вывозил хлысты на своем тракторе, сам рубил срубы.

В.И. Измestьев:

— Почти пять лет подвижнического труда. И какого! Сруб под баню, хлев — и то навык нужен, а если первый этаж часовни из четырех углов, то второй — из шести: для этого искусство требуется! А купол!

Из личного дневника О.П. Шаткова:

1996. 24 апреля. Что надо сделать этим летом? Построить часовню... Читал, что Комаровский починок, в дальнейшем де-

ревня Шатки, упомянут в летописных источниках еще 350 лет назад. И до сих пор живет, хотя «приказали долго жить» десятки после возникших деревень. Это неспроста. Это место Богово, и я обязан здесь жизнь сохранить. И ставлю в честь этого часовню...

1996. 31 мая. Вчера наконец приступил к часовне. Перед началом прочел молитву Иисусу и «Отче наш». И такой озноб пошел по телу, такая радость пришла... Но главное произошло чуть позже: только начал кряжить стволы, что-то заставило взглянуть на восток. Вижу: недалеко, метров четыреста от меня, в воздухе птица стоит на хвосте, крыльями трепещет, как на рисунке, когда святой дух голубем изображают... Я аж оторопел, но понял, что меня благословили...

[Олег Петрович воспринял это как знак — перенес уже начатое строительство туда, куда указала птица. И больше не сомневался, зачем строить и как строить].

1998. 5 октября. Сегодня замечательный день — поставил часовню...

Благодарен всем, кто в эти годы помогал мне. И племяннику из Кирова, поселившемуся в Шатках — своим домом. С пасекой. И пастухам, что гнали коров и без уговоров подсобили крест на верхний четверик поднять. И директору совхоза «Курчумский» Н.Н. Деветьярову — последние листья жести отдал. И руководителю Кирowo-Чепецкого предприятия «Ресурс» — снабдили материалами для купола, позволили прямо на заводе отлить колокол и доставить в деревню.

(Родной край. Суна, 2001. 14 июня. С.2).

Послесловие.

Возможно ли одним словом обозначить то, что называют любовью к родному краю, к родине предков. Возвращение к истокам у каждого происходит по-своему. Если вообще происходит. В жизни Олега Петровича Шаткова это произошло. Хотя родился он в Китае, где служили его родители, вырос на Южном Урале, в г. Кыштым, учился в Челябинске, в политехническом институте. После службы в ракетных войсках работал в одном из научно-исследовательских институтов Урала.

Там же состоялась первая проба пера — вышла первая книга прозы. Написана музыка к мюзиклам в Санкт-Петербурге и Челябинске. И все-таки приехал в «родное гнездо» его деда и отца, где никогда до этого не бывал. От «гнезда» к тому времени остались лишь три заброшенные избы-верховухи. Поменял Олег Петрович свое городское жилье на деревенское: привыкал крестьянствовать — сеял хлеб, держал скот, разводил пчел. Хотя в душе и числил себя не фермером — литератором. И даже когда

перебрался в г. Кирово-Чепецк, Шатки оставались поворотной точкой в судьбе.

Возрождение деревни началось с переезда Николая и Людмилы Шатковых сюда на постоянное жительство. Деревня ухоженная, очень чистая, чувствуется, что здесь живут заботливые хозяева. Под раскидистыми деревьями — лавочки, нигде нет сорной травы. Ближайшие заброшенные усадьбы перестроены в дачный поселок.

Свято-Троицкая часовня — это единение людей, неравнодушных к судьбе вятских деревень. И пошли люди в часовню... Здесь проходит служба в праздник Троицу. Едут и идут к часовне — свечку поставить, помолиться, постоять: подумать о несуетном.

Появление часовни привлекло внимание не только взрослых, но и детей. Школьники совершают туристические походы в д. Шатки, встречаются с О.П. Шатовым, который знакомит их с экспонатами будущего музея, который предполагается построить. Все старинные вещи были собраны в окрестных деревнях.

Через некоторое время началось восстановление в селе Ошеть (Васнецовское кольцо) Спасской церкви. В конце 2004 г. идея восстановления церквей, где служили предки знаменитых художников Васнецовых, была продолжена в восстановлении Екатерининской церкви села Курчум.

Бывший председатель колхоза «Искра» Сунского района Л.И. Зворыгин, автор исследовательских работ по истории соседнего Ошетского округа, подчеркнул:

— Безусловно, восстановлению Спасской церкви послужило подвижническое дело Олега Петровича Шаткова.

По материалам дипломной работы
слушателя областной очно-заочной краеведческой школы

А.Г. ГРЕБНЕВ

КОЛОКОЛЬЧИКА ВЯТСКОГО ЭХО

Помню детство — луга на полсвета,
Золотого июня зенит.
Сплю я в сене, и чудится — где-то
Голубой колокольчик звенит.

Сон-трава колоколилась пышно,
Иль в полях голубеющий лен?
Или ангелы пели чуть слышно
Из-за облачных белых пелен?

Помню — юность с курчавою прядкой
На прощальный ступает перрон.
И вдогонку доносится с Вятки
Сиротливый немолкнущий звон.

В нем расслышать душа была рада,
Что отрадней всего было ей:
Не бубенчики дальнего стада —
Колокольчик калитки твоей!..

Где б я ни был, куда бы ни уехал,
Но, призывно и нежно звеня,
Колокольчика вятского эхо
Настигало повсюду меня.

Голос родины с мягким укором,
Колокольчик, волнующий кровь —
Я вернусь, я нагряну — и скоро! —
И любовью воздам за любовь!

Л.М. ЛУБНИН

ПЕВЕЦ КРАСОТЫ

(А.М. Перовошиков)

Фотолюбителям, фотожурналистам и мастерам фотоискусства широко известно имя нашего земляка из города Кирово-Чепецка Алексея Михайловича Перовошикова (1905—1988, сост.). Каждая персональная выставка этого фотохудожника, где бы она ни открывалась — в родном ли городе или Ленинграде, в Риге или Минске — сразу становится крупным и ярким событием в культурной жизни, привлекает тысячи зрителей. Любители и профессионалы, люди разного культурного уровня, со своими, может быть, давно устоявшимися взглядами на искусство, всюду воспринимают выставку Перовошикова как новое и свежее слово в художественной фотографии.

Какие-то работы мастера вызывают общее восхищение, берут зрителя в плен, удивляют неожиданным открытием красоты в том, что давно знакомо каждому, иные заставляют долго стоять перед картиной в глубоком и трепетном раздумье. А что-то и будоражит порой, и рождает протест... Равнодушных и скучающих никогда не бывает!.. Все считают А. Перовошикова яркой творческой индивидуальностью, талантливым и оригинальным художником...

В юношеские годы Алексей Перовошиков, один из первых комсомольцев села Усть-Чепца (ныне г. Кирово-Чепецк), мечтал стать живописцем. Он начал учебу в Вятском художественном техникуме. Но попадает студент Перовошиков в лабораторию одного из крупнейших фотохудожников-реалистов, сыгравших исключительную роль в развитии нашей отечественной фотографии, Сергея Александровича Лобовикова, и, захваченный изобразительной силой этого художника, оставляет кисть и палитру. Оставляет решительно, не колеблясь, и берет в руки фотоаппарат навсегда, на всю жизнь.

Учеба у С.А. Лобовикова помогла юноше Алексею Перовошикову овладеть мастерством, обострила художественное чутье, но не лишила самостоятельности, не сделала его простым продолжателем дела и направления своего учителя. Годы журналистской работы в газетах и ЛенТАСС углубили его внимание к жизни, расширили кругозор. Но заявил о себе А. Перовошиков как фотограф-художник прежде всего в пейзаже. После первой выставки в Ленинграде, после нескольких публикаций в «Литературной газете», «Огоньке» и «Смене» он стал известен как интересный и своеобразный фотограф-пейзажист.

Вспоминается один из ранних пейзажей А. Перовошикова. Перед глазами — простор заснеженного поля. А вдаль над горбинкой холма, над низкой щетинкой елового леса встает, заполняя небо, тяжелая туча, почти черная в центре и разорванная, беспокойно мглистая по краям. Но неподвижен снег на поле, все мертво и покойно. И лишь далеко, там, куда надвигается тень, согнулась в вершине и уже трепещет голыми ветками одинокая березка. Это пришел и несется впереди тучи верховой ветер. Скоро туча перевалит через холм, и тогда взломается мертвый покой зимнего поля, понесутся снежные вихри, со свистом, с шипением и воем пойдет гулять на просторе выюга-метелица.

Смотришь на эту картину («Заметелит»), и думаешь: все, что показал здесь художник, знакомо тебе с детства и видно не раз. И все-таки он открывает тебе что-то новое, заставляет тебя почувствовать состояние природы гораздо острее и свежее, чем ты сам это почувствовал.

...Холодным паром курится незастывший ручей в лесу. Морозный дым окутывает кусты, стволы деревьев, они почти неразличимы, их очертания стерты, тонут в студеном тумане. А в тяжелой, черной воде плывет, купается зимнее солнце («Купание солнца»).

Это все та же наша северная природа, но в другом ее состоянии, увиденная зорким глазом и опозитизированная чувством и мастерством художника. И трудно оторвать от этой кар-

тины. Она манит зрителя, приковывает, как негромкая светлая песня о Родине, как широко открытая дверь в необыкновенную страну народной сказки.

«Купание солнца» — широко известный пейзаж Перовщикова. Он неоднократно публиковался в журналах, экспонировался на наших и международных выставках художественной фотографии. В нем с большой художественной силой выражено характерное для Перовщикова-пейзажиста поэтическое, взволнованное чувство любви к природе, к родной земле. Даже в трескучий мороз, который, казалось бы, сковал, омертвил все живое, природа все-таки жива в ее суровой мужественной борьбе. Она жива в сердце художника, жива в самом характере народа... «Купание солнца» — это обобщенное и взволнованное образное выражение не только любви к Родине, но и русского народного характера с его мужественной силой, с его богатым, добрым сердцем.

Вот стоит в холодном тумане плакучая береза. Тяжел влажный, неподвижный воздух. Устала, утомилась природа. Родившая хлеб земля давно оголена. Это уже осень. Это предзимье. На изгороди сидят нахохлившиеся птицы («Перед отлетом»). Лаколично и, кажется, предельно просто, всего с помощью нескольких главных деталей художник создает картину, полную большого содержания и глубокого чувства. Этот пейзаж обращен к сердцу зрителя.

Характерны для А.М. Перовщикова поиски контрастного, очень напряженного столкновения сил в природе. Борьба света и тьмы, ветра и упругих деревьев, уходящей при восходе солнца пелены тумана и сверкающей радуги над рекой, столкновение черных туч, искромсанных клинками молний в темном небе и спокойного луга, освещенного низким солнцем... Перовщиков решительно исключает лишние детали, смело усиливает свет и тень, контрастно выделяет главное, отбирает только то, что помогает созданию художественного образа...

То тонкий лирик, то мужественный открыватель неизданного, упрямо идущий против ветра, то певец суровой красоты северных просторов, то умудренный жизнью человек, размышляющий о родной земле, которую он любит всем сердцем — таков Перовщиков в пейзаже...

Вятка: Краевед. сб. Вып. 5.
Киров, 1981. фот.

БИБЛИОГРАФИЯ

Общие работы

Русская земля: Природа страны, население и его промыслы. Т. 4. Приуральский край / Сост. П.И. Луппов. СПб., 1896. 189 с.: ил.

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8, ч. 2. Приуральский край. СПб., 1901. 314 с.

Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга. Т. 5. Урал и Приуралье / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1914. 669 с.: ил.

Поволжье: Природа, быт, хозяйство: Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. Л., 1925. 636 с.: 154 с. ил.; 18 карт; 8 пл.

Шарапов Г.В. Советское крестьянство за 50 лет. М., 1968.

Российская Федерация. Центральная Россия. Кировская область. М., 1970. 909 с.: ил.

Аркадий Шишкин: Избранные фотографии / Сост. А.А. Фомин. М., 1979. 98 с.: ил.

Анатолий Скурихин: Фотографии / Авт. вступ. ст. А.А. Фомин. М., 1988. 183 с.: ил.

Вятка — любовь моя: Фотографии Николая Шилова / Вступ. ст. В. Шулятьева. Киров, 1994. 96 с.: ил.

Сергей Лобовиков: Рус. мастер худож. фотографии. Киров, 1996. 237 с.: ил.

Алексей Перевошиков: Фотокартины. Киров, 2005. 87 с.: ил.

Энциклопедия Земли Вятской: Откуда мы родом?: В 10 т. Киров, 1994—2002.

Очерки истории Кировской организации КПСС: В 2 ч. / Парт. архив Киров. обкома КПСС. Киров; Горький, 1965—1969.

Пятьдесят советских лет, 1917—1967: Кировская область. Киров, 1967. 240 с.: ил., карт. Юность моя, 1918—1968 / Сост. и лит. обраб. В.В. Кулябина. Киров, 1968. 239 с.: ил.

Литература о Кировской области: Текущий указатель / Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена. — Киров, 1969—2002.

Клюкин В.И. Коммуны будущей творцы: Очерки истории Киров. орг. ВЛКСМ. Киров, 1971. 360 с.: ил.

Очерки истории Кировской области / Науч. ред. А.В. Эммаусский, Е.И. Кирюхина. Киров. 1972. 455 с.: ил.

Перминова Н.И. Каповая шкатулка. Горький, 1974. 127 с.: ил.

Кирюхина Е.И. Под знаменем Октября: Кировская область за 60 лет советской власти. Киров, 1977. 208 с.: ил.

Сборник документов и материалов по истории Кировской организации ВЛКСМ. 1918—1978. 302 с.

Перминова Н.И. Дымковская расписная. Горький, 1979. 127 с.: ил.

Пересторонина В.Д. Вятские кружева. Горький, 1982. 127 с.: ил.

Культурное строительство в Кировской области, 1917—1987: Док. и материалы / Сост. Л.И. Краева, В.Д. Белобородова. Киров, 1987. 368 с.

Захаров Д.М. Серебряная Вятка: Рассказы о названиях. Киров, 1990. 207 с.

Сапожников А.Ф., Фокин В.Г. Вятская гармоника. Н. Новгород, 1991. 89 с.: ил.

200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: Стат. сб. / Киров. обл. ком. гос. статистики. Киров, 1996. 437 с.: табл.

Мусихин В.Е. Вятская деревня: История и современность: Учеб.-мет. пособие. 2-е изд., доп. Киров, 1996. 95 с.: ил.

Вятская государственная сельскохозяйственная академия / Ред. В. Лузянин; Фотохудож. С. Шаклеин. Киров, 2000. 23 с.: ил.

Вятский край на рубеже тысячелетий: История и современность: Стат. сб. Киров, 2002. 680 с.: табл.

ЭЗВ: Откуда мы родом? Т.1, кн. 2. Села. Деревни / Сост. С.П. Кокурина; В.А. Ситников. Киров, 2002. 640 с. История России: Курс лекций. Киров, 2004.

I раздел

Отчет Вятского губернского статистического комитета. Вятка, 1863—1914.

Обзор Вятской губернии: Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1871—1916.

Списки населенных мест Российской империи. Т. 10.

Вятская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859—1873 гг. СПб., 1876. 998 с.

Сборник медико-топографических сведений и санитарных сведений о Вятской губернии / Сост. А. Радаков. Вятка, 1878. 151 с.

Козаченко И.А. Сельскохозяйственные и ветеринарные сведения о Вятской губернии. Вятка, 1879. 441 с.: табл.

Романов Н.Н. Переселение крестьян Вятской губернии. 2-е изд. Вятка, 1880. 471 с.

Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. VI. Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера / Изд. Центр. стат. ком. СПб., 1885. 375 с.

Материалы по статистике Вятской губернии: В 12 т. М.; Вятка, 1886—1900.

Материалы по описанию промыслов Вятской губернии: В 5 вып. / Ред. М.П. Бородин. М.; Вятка, 1889—1893.

Новиков А.А. Очерк сельскохозяйственных мероприятий Вятского губернского земства. Вятка, 1893. 78 с.

Голубев П.А. Историко-статистический сборник сведений по

вопросам экономического и культурного развития Вятского края. Вятка, 1896. 144 с.

Голубев П.А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. 163 с.

Исследование положения начального народного образования в Вятской губернии с проектом школьной сети для введения всеобщего обучения: В 2 вып. Вятка, 1900—1902.

Кустарные промыслы Вятской губернии и деятельность вятских земств по улучшению кустарной промышленности. СПб., 1902. 98 с.: табл.

Бернацкий А. О государственных зернохранилищах: К вопросу о введении травосеяния в крестьянское хозяйство. Вятка, 1903. 16 с.

Зеленин Д.К. Песни деревенской молодежи: (Записаны в Вят. губернии). Вятка, 1903. 88 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 10. Вятская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. 267 с.

Васнецов Н.М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора / Губерн. стат. ком. Вятка, 1907. 357 с.

То же. Вятка, 1995. 357 с. Репринт. изд.

Зеленин Д.К. Русская соха, ее история и виды: Очерк из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907. 136 с.

Земская ветеринария в Вятской губернии в 1904—1905 гг.: Общий обзор по губернии и отчеты земских ветеринарных врачей. Вятка, 1908. 280 с.

Вятская епархия: Историко-геогр. и стат. описание / Сост. Н.В. Кибардин, В.И. Шабалин. Вятка, 1912. 673 с.

Подворная перепись населения и скота Вятской губернии. 1912-го года: (Таблицы). Вятка, 1914. 366 с.

Сборник постановлений Вятского губернского земства за 21 год. 1892—1913: В 8 т. Вятка, 1914.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии: (Население. Скот. Посевы). Вятка, 1916. 198 с.

Настольная книга сельского хозяина Вятской губернии. Вятка, 1922. 161 с.

Фокин А.Д. Болезни и повреждения культурных растений в Вятской губернии в 1923 г. Вятка, 1923. 28 с.

Рудницкий Н.В. Сорта сельскохозяйственных растений для Вятской губернии: Испытания и выведение их. Вятка, 1924. 25 с.

Сельскохозяйственные районы Вятской губернии. 1924. 169 с.

1905 год в Вятской губернии: Сб. статей, воспоминаний и материалов / Под ред. С.Н. Порошина. Вятка, 1925. 340 с.: ил.

Фокин А.Д., Решетников П.Т. Путеводитель по реке Вятке. Вятка, 1925. 68 с.: ил.

Вотяки: Сб. по вопросам быта, экономики и культуры вотяков. Кн. 1 / Под ред. К.П. Герда, В.П. Налимова. — М., 1926. — 82 с.

Коллективные хозяйства Вятской губернии. Вятка, 1926. 71 с.

Луппов П.Н. Обзор быта нацмен Вятской губернии. Вятка, 1926. 20 с.

Народное образование в Вятской губернии: (1916—1925 гг.). Вятка, 1926. 51 с.

Октябрь и гражданская война в Вятской губернии: Сб. статей и материалов. Вятка, 1927. 188 с.: ил.

Перепись населения, 1926 г.: Списки населенных мест Вятской губернии: В 11 вып. /Изд. Вят. губстатотдела. Вятка, 1927.

Крутиков А.А. Экономика вятской деревни. Вятка, 1929. 89 с.

Любимов Н.А. Крупный рогатый скот Вятского края. Вятка, 1929. 120 с.

Народное просвещение в Вятской губернии: По материалам школьной переписи и текущего обследования в декабре 1927 г. Вятка, 1929. 144 с.

Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов, 15-19 февраля 1933 года: Стенограф. отчет. М.-Л., 1933.

Материалы Первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников. М., 1933. 160 с.

Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников, 11-17 февраля 1936 года: Стенограф. отчет. М., 1936. 302 с.: портр.

Районы Кировской области / Киров. обл. план. комиссия. Киров, 1937. 152 с.

Шатров М.Н. Кировские кустари. Киров, 1938. 168 с.: ил.

Набоких А. Кировская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Киров, 1939. 72 с.: ил.

Кировская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 года: Сборник. Киров, 1940. 279 с.: ил.

Быстрова А.С. Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956. 115 с.

Половникова М.Н., Чудова Г.Ф. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война 1918—1920 гг. в Вятской губернии: Указатель литературы. Киров, 1957. 68 с.

Садырина Е.С. Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957. 244 с.: ил.

Установление и упрочение советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. Киров, 1957. 624 с.

Папырина А.А. Крестьянское движение в Вятской губернии в революции 1905—1907 годов. Киров, 1958. 88 с.

Кирюхина Е.И. Подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства в Нижегородском в 1928—1929 гг. Киров, 1966. (Учен. зап. КГПИ. Вып. 28, т. 2).

Данилов В.П. Создание материальных предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1967.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. 538 с.: ил.

Русские: Ист.-этногр. атлас: Из истории рус. нар. жилища и костюма. Середина XIX — начало XX в. М., 1970. 206 с.: ил.

Пленков В.Г. Вятские умельцы. Киров, 1971. 104 с.: ил.

Вятская губерния в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (март 1917—1929 гг.): Указатель литературы / Сост. В.Н. Колупаева. Киров, 1972. 82 с.

Иваницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класс. М., 1972.

Папырина А.А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905—1907 годах. Киров, 1975. 152 с.: ил.

Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. статей / Киров. гос. пед. ин-т. Киров, 1979. 168 с.

Верхотин К.В., Пленков В.Г. Мастера. Киров, 1980. 128 с.: ил.

Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородском — Горьковском крае (1927—1937): Док. и материалы / Сост. Н.И. Куприянова и З.В. Подволова. Киров, 1985. 350 с.

Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этногр. очерки. М., 1985. 309 с.: ил.

Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. 153 с.

Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. Человеч. фактор в соц. стр-ве: Итоги и уроки 30-х годов. М., 1988.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927—1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Иваницкого. М., 1989.

Русский народ: Его обычаи; обряды, предания, суеверия и поэзия: Ротопринт. воспроизвед. изд. 1860 г. М., 1989. 607 с.

Карачаров Ю.Г. Всё равно буду жить!: Док. рассказ о жертвах сталин. репрессий в Киров. обл. Киров, 1990. 192 с.: ил.

Справочник административно-территориального деления Кировской области и список населенных пунктов на 1939 год: В 2 т. / Сост. А.А. Хохлов. Киров, 1990. Машинопись.

Удмурты: Ист.-этногр. очерк / Науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск, 1993. 392 с.

Бердинских В.А. Россия и русские: (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров, 1994. 287 с.

Шумихин В.Г. Для жизни настоящей и будущей: (Книжное дело Вятского земства). Киров, 1996. 68 с.: табл.

Бердинских В.А. Россия и русские: (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Ч. 1. 2-е изд., доп. Киров, 1998. 72 с.: ил.

Тимкин Ю.Н. Смутное время на Вятке: Обществ.-полит. развитие Вятской губернии весной 1917 — осенью 1918 гг.: Учеб. пособие / Вят. гос. пед. ун-т. Киров, 1998. 93 с.

Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. 427 с.: ил.

II раздел

Известия эвакогоспиталей Кировской области. Киров, 1942. 86 с.

Калинин Д.И. Патриотизм трудящихся Кировской области в дни Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // По родному краю: Сб. ст. по краеведению: Вып. 1. Киров, 1951.

Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. / Сост.; Архив. Киров, 1961. 376 с.: ил.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. 459 с. — См. Указ. геогр. назв. 2-е изд.

Чучкалова Г.А. Во имя победы. Киров, 1967. 44 с. Звезды Славы. Киров, 1970. 88 с.: ил. Герои Советского Союза — кировчане: В 4 кн. Киров, 1973—1988.

Кировчане в Великой Отечественной войне / Сост. В.И. Клюкин. Киров, 1976. 364 с.: ил.

Корякин Л.И. Наш колхоз «Красный Октябрь» / Лит. запись В.Я. Татаренкова / Киров, 1983. 142 с.: ил. На подвиг и труд: Сб. Киров, 1983.

Загвоздкин Г.Г. Цена Победы: Социальная политика военных лет. Киров, 1990. 263 с.

Пишу тебе с фронта: Письма и дневники участников Великой Отечественной войны / Сост. В.В. Смирнов. Киров, 1990. 157 с.

Шварц Е. Живу беспокойно...: Из дневников. Л., 1990.

Книга Памяти: В 17 т. / РФ. Адм. Киров. обл. Киров, 1993—1997. Козлов П.Е. Сталинград/ Воспоминания и осмысления. Киров, 1993. — 119 с.

Война в памяти народной: Кировская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): Материалы и док. Киров, 1995. 93 с.

Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы III науч. конф., посвящ. 50-летию победы в Великой Отечественной войне: В 5 т. Т. 1 / Киров. гос. пед. ин-т. Киров, 1995. 242 с.

Козлов П.Е. Сотворение Победы: (Заключительный XVI том Книги Памяти Кировской области, воздающий славу павшим и живым участникам войны и труженикам тыла). Киров, 1995. 570 с.: ил.

Колеватов Н.А. В те суровые годы: Халтурин. р-н в Великой Отечественной войне. — Киров, 1995. — 81 с.: ил.

Смирнов В.В. Адрес подвига — вятский: Книга о кировчанах, ставших Героями Сов. Союза и Героями Рос. Федерации. Киров, 1995. 480 с. портр.

Бердинских В.А. Народ на войне. Вятка (Киров), 1996. 336 с.

Стародубцев П.И. Вблизи и вдали от войны: (Свечин. р-н). Киров, 1996. 80 с.

III раздел

Васенёв Н.Ф. Рассказ об одном колхозе [«Красный Октябрь» Вожг. р-на].

Прозоров А. И. «Красная Армия».

Гарбузова Д.А. Культура гороха в Кировской области. Киров, 1946. — 46 с.

Решетников П.Т. Выращивание кормовых корнеплодов в Кировской области. 2-е изд., испр. и доп. Киров, 1948. 42 с.: ил.

Яровая и озимая пшеница в Кировской области. Киров, 1953. 104 с.

Прозоров П.А. Колхоз «Красный Октябрь». — М.: Сельхозгиз, 1954. 29 с. (Б-ка обмена опытом передовиков с.х.).

То же / Лит. запись Я.М. Михеева. — Киров: Кн. изд-во. — 44 с.: ил.

Прозоров П.А. 30 лет колхоза «Красный Октябрь». — М.: Сельхозгиз, 1955. — 280 с.: ил. — (Перед. опыт в с.х.).

То же. — Из опыта работы колхоза «Красный Октябрь». — 2-е изд. — 1957. — 286 с.: ил. — (Колх. экон. б-чка. Вып. 12).

Прозоров П.А. Вчера и сегодня вятской деревни. — М.: Сов. Россия, 1958. — 72 с.: ил.

Першина З.Н. Истобенский скот. Киров, 1958. — 113 с.: ил.

Прозоров П.А. Колхоз и коммунизм: [Колхоз «Красный Октябрь» Кумен. р-на] / Лит. запись И.А. Цикото. — М.: Госполитиздат, 1960. — 96 с.: ил.

Рудницкий А.Н. Коллективные и приусадебные сады. Киров, 1958. 104 с.: ил.

Шабардин М.И. Пчеловодство в Кировской области. Киров, 1959. 192 с.: ил.

Прозоров П.А. Северный маяк: [Колхоз «Красный Октябрь»]. — М.: Экономиздат, 1962. — 158 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. 456 с.: ил.

Щеклеин С.Л. Эрозия почв и борьба с ней. Киров, 1963. 44 с.: ил.

Фраер С.В. Экономика в колхозах и совхозах. М., 1968.

Объедков И.Ф. Севообороты в Кировской области. Киров, 1969. 112 с.

Система ведения сельского хозяйства в Волго-Вятской зоне / Гл. ред. И.П. Макаров: В 4 т. Киров, 1969—1975.

Смирнов Т.И. Развитие и специализация ремонтного производства: Из опыта Киров. обл. об-ния «Сельхозтехника». Киров, 1971. 100 с.: ил., схем. Прочная кормовая база — основа развития животноводства: Сб. статей. Киров, 1971. 74 с.

Лубнин Л.М. Дорога в завтра: [Колхоз «Искра» Котельнич. р-на]. Киров, 1972.

Родина Н.А. Ячмень. Киров, 1975.

Герои Социалистического Труда — кировчане: Указатель литературы / Сост. С.П. Кокурина: Обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена. Киров, 1976. 32 с.

Рассказов М.Я. Организация ремонтного производства в сельском хозяйстве. М., 1978.

Тихвинский С.Ф. Производство льна. Киров, 1980.

Васенев Н.Ф. Селекционер Н.В. Рудницкий. Киров, 1982.

Блинов А.Д. Зернышко к зернышку: [НИИСХ Северо-Востока]. М., 1983. 79 с.

Конкин Ю.А. Экономика ремонта сельскохозяйственной техники. М., 1983.

Тихвинский С.Ф. Перспективные кормовые растения. Киров, 1986.

Антонов М.Ф. Колхоз «Искра». Киров, 1987. 111 с.: ил.

Ситников В.А. Сохрани и сотвори: (Раздумья о сел. жизни). — М.: Современник, 1987. 220 с.: ил.

Ситников В.А. Роду-племени крестьянского: Док. пов. [о дважды Герое Соц. Труда, пред. колхоза «Путь Ленина» Котел. р-на А.Д. Червякове]. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. 158 с.: ил. (Люди рус. нивы).

Иофиков С.А. Новое в эксплуатации машинно-тракторного парка. М., 1989.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Кировской области: В 7 т. / Киров. обл. упр. статистики. Киров, 1990. Т. 3: Сельские населенные пункты. 236 с.

Роль научных исследований в развитии сельскохозяйственного производства Кировской области: Сб. научных статей. — Киров, 1991. 113 с.

«Искорка»: К 20-летию ансамбля песни и танца «Искорка» [колхоза «Искра» Котельн. р-на] / Сост. А.Д. Вылегжанин. Котельнич, 1995. 31 с.: ил.

Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Северо-Востока имени Н.В. Рудницкого. Киров, 1995. 69 с.: ил.

Музей истории крестьянства / Авт. текста С.Н. Панькова. Киров, 1997. 1 л. слож. в 5 с.: цв. ил.

Родословная вятских сел и деревень: Списки сельских населенных мест по районам Кировской области на 1 января 1950 года / Подг. к публ. по материалам ГАКО Р.С. Шиляевой // Киров. правда. 1997. 23 янв. — 14 авг. (по четвергам).

Кировская область: Адм.-территор. устройство на 1 июня 1998 года / Адм. Киров. обл. Киров, 1998. 352 с.

Социально-экономические результаты приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий в Кировской области (1996—1998) / Ком. по упр. имуществом Киров. обл. Киров, 1998.

Яровая мягкая пшеница в Кировской области / НИИСХ Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого. Киров, 1999. 58 с.

Аграрная наука Северо-Востока Европейской части России на рубеже тысячелетий — состояние и перспективы: Сб. науч. тр. / Вят. гос. сельскохозяйств. академия. Киров, 2000. 147 с.: ил.

Баталова Г.А. Овес: Технология возделывания и селекция / НИИСХ Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого. Киров, 2000. 206 с.: ил.

Кедрова Л.И. Озимая рожь в Северо-Восточном регионе России / НИИСХ Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого. Киров, 2000. 158 с.

Червяков А.Д. Дело жизни: Юбилейные заметки: [Колхоз «Путь Ленина» Котельнич. р-на] / Лит. запись В.А. Татаренкова. Киров, 2000. 48 с.: ил.

Огарков А. С любовью к земле: Диалоги о сел. хоз-ве [рук. племен. з-дов «Мухинский», «Новый», «Соколовка» Зуев. р-на]. Киров, 2001. 64 с.: ил.

Паспорт социально-экономического развития (Арбажского — Яранского) района Кировской области: В 39 вып. Киров. обл. ком. гос. статистики. Киров, 2005.

С.П. Кокурина

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

АНШУКОВ Ф. — председатель Подосиновской райкомиссии в годы Великой Отечественной войны

БАКИН Виктор Семенович — член Союза писателей России, журналист газеты «Вятский край», лауреат областного конкурса «Лучшая книга-2004»

БАЛАБАНОВ Иван — ученик 10 класса Богородской средней школы

БЕНЦА Наталия — ученица 11 класса Арбажской средней школы

БЕРДИНСКИХ Виктор Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Вятского гуманитарного университета, лауреат областной премии

БУЛЫЧЕВ Владимир Николаевич — журналист

БУШМАКИН Евгений — ученик 9 класса МОУ СОШ № 2 п. Суна

ВЕДЕРНИКОВ М.Ф. — первый секретарь Санчурского райкома партии в годы Великой Отечественной войны

ВОТИНЦЕВА Ольга — ученица 11 класса Богородской средней школы

ГАВРИЛОВ Георгий Алексеевич — председатель совета ветеранов

ГРЕБНЕВ Анатолий Григорьевич — поэт

ДЬЯКОНОВ Леонид Владимирович (1908—1995) — писатель, фольклорист

ДЬЯКОНОВА Екатерина Авенировна — поэт

КАШНЕВА Татьяна Борисовна — писатель (Таллин)

КИСЕЛЕВА Генриэтта Георгиевна — заслуженный работник культуры России, искусствовед

КОЖЕВНИКОВА Татьяна — ученица 11 класса Филипповской средней школы Кирово-Чепецкого района

КОЗЛОВ Петр Ефимович — кандидат исторических наук, ветеран войны и труда

КОКУРИН Том Петрович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Зонального НИИСХ Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого

КОКУРИНА Светлана Петровна — библиограф Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена, председатель областного краеведческого объединения «Вятка», председатель Вятского филиала РФК, лауреат областной премии

КОСТИН Леонид Васильевич — журналист газеты «Кировская правда»

КОСЫХ Аркадий Васильевич — экономист, ветеран труда (Котельничский район)

КРОПАЧЕВ Геннадий Константинович — заслуженный работник сельского хозяйства России, Почетный гражданин Подосиновского района, депутат Подосиновской районной Думы

ЛАПТЕВА Римма Яковлевна — филолог, автор-режиссер документальных и художественных программ, очерков КГТРК «Вятка», заслуженный работник культуры России, член Союза журналистов

ЛОЖКИН Василий Яковлевич (1903 — 1988) — агроном, экономист, исследователь Бобинского сельсовета Слободского района

ЛОЖКИНА Раиса Васильевна — преподаватель краеведения Бобинской общеобразовательной школы Слободского района

ЛУБНИН Лев Михайлович (1911—1993) — писатель, педагог

МАРИНИН Николай Васильевич — директор Мемориального Дома-музея И.С. Конева в д. Лодейно Подосиновского района

МАРКОВ Андрей Алексеевич — главный библиограф Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена

НИКОЛАЕВА Тамара Константиновна — заслуженный работник культуры России, журналист, писатель

ПАНЬКОВА Светлана Николаевна — заведующая Музеем истории крестьянства (Котельничский район)

ПЕРМИНОВА Надежда Ильинична — писатель, заслуженный работник культуры России, лауреат областной премии

ПЕТУХОВ Анатолий Петрович — ветеран войны и труда, председатель Подосиновского районного Совета ветеранов войны и труда

ПОПОВА С. — ученица II класса Оричевской средней школы

ПРЕСНЕЦОВ Роман Михайлович (1927—1992) — журналист, редактор, краевед

САДЫРИН Борис Васильевич — журналист, председатель правления Вятского Шаляпинского общества

СЕРГЕЕВ Александр Валентинович — историк, преподаватель Кировского филиала Московского государственного экономического института

СЕРГЕЕВ Валентин Дмитриевич — кандидат исторических наук, профессор Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института

СИТНИКОВ Владимир Арсентьевич — писатель, Почетный гражданин Кировской области, председатель редакционной комиссии Энциклопедии Земли Вятской, лауреат премии Н. М. Карамзина, заслуженный работник культуры России

СКОРНЯКОВ Александр Иванович — писатель, поэт, член Союза писателей, художник

СОЗИНОВ Леонид Павлович — поэт

СТАРОВЕРОВ А. — ученик 10 класса Кугушеровской средней школы
СТУПНИКОВ Аркадий Александрович — биолог, заведующий лабораторией одного из НИИ г. Санкт-Петербурга

ТЕЛИЦЫНА Светлана — ученица Уржумской средней школы

ЧЕБЫШЕВА Маргарита Петровна — писатель, поэт, заслуженный работник культуры России

ЧУДИНОВСКИХ Елена Николаевна — директор Государственного архива социально-политической истории Кировской области

ШИЛЯЕВА Роза Спиридоновна — начальник отдела ИПС Государственного архива Кировской области

ШУБИНА Фаина Николаевна — ветеран труда Подосиновского района

ШУМИХИН Виктор Георгиевич (1936—1984) — библиограф, книговед, заслуженный работник культуры России

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пахарь: Стихи. О.М. Любовиков	5
Доля крестьянская... вряд ли труднее сыскать. Т.П. Кокурин	6
ДОЛЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ	
Крутой поворот. В.А. Ситников	37
«Мужицкий фотограф» — С.А. Любовиков. Б.В. Садырин	52
Первые аграрные мероприятия большевиков. В.М. Кашина	54
На первых колхозных съездах. Е.И. Кирюхина	70
Житница области	71
С архивной полки. О Комиссии по обследованию настроения и быта деревни	79
О положении крестьян Кикнурской волости	80
Из отчета об итогах и перспективах работы эстонской секции Северо-Двинского губкома [РКП(б) за 1922 год]	96
Из газеты «Юный пахарь» (1926—1928)	100
Из газеты «Комсомольское племя» (1935—1940)	101
Два письма: Стихи. Л.В. Дьяконов	103
Из истории вятской селекции. Т.П. Кокурин	105
Богородская льнодельная станция. И.Н. Балабанов	109
Вятские породы скота. Т.П. Кокурин	112
С архивной полки. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка	118
Филипповская больница: век милосердия.	
С. Кокурина, Т. Кожевникова	154
Из истории сельской культуры. А.В. Сергеев	156
Частушки 1920—1930-х гг. Т.К. Николаева	164
На кремнистом пути к храму. В.А. Бердинских	168
Книга в крестьянской среде. В.Г. Шумихин	173
«Вятская газета» дает отраду нашей деревне». В.Д. Сергеев	184
Школьные страницы. Р.Я. Лаптева	191
С архивной полки. Первый краевой колхозный театр	195
Второй областной колхозный театр. С. Телицына	197
Самое театральное село. О.Вотинцева	200
Народные праздники. Р.В. Ложкина	202
Фотолетописец деревни (А.В. Шишкин). Б.В. Садырин	210
«ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!»	
Хлеб победы. П.Е. Козлов	212
Фотолирик А.В. Скурихин. С.Н. Панькова	246
Труд, равный подвигу в бою (Котельничский район)	247

Работали на победу! С.Н. Панькова	247
Жила-была семья. Б.В. Садырин	255
Спасал осырок. А.В. Косых	259
Масштабы небывалого напряжения (Подосиновский район).	
А.П. Петухов	262
Дело государственной важности. Ф. Аншуков	267
Работали, как взрослые. Г.К. Кропачев	268
Сеяли из лукошка. Ф.Н. Шубина	269
А еще обучались ружейным приемам (Санчурский район).	
М.Ф. Ведерников	271
В тыловой деревне (Свечинский район). А.А. Ступников	274
Воюющая Россия (Советский район). В.А. Бердинских	281
С архивной полки. Жизнь села Кугушерги в годы войны	
(Яранский район). А. Староверов	288
Земная коротка наша память...: Док. повесть. Т. Кашнева	291
Корка хлеба; Ленинградские дети: Стихи. Е.А. Дьяконова	321
Детдомовские сороковые. В.С. Бакин	323
Арабские три года. Р.М. Преснецов	337
«У меня три родины: Ленинград, Сорвижи, Киев».	
С.П. Кокурина, Н. Бенца	340
Спасенное детство. Г.А. Гаврилов	343
С архивной полки. Эвакогоспитали Оричевского района.	
Р.С. Шиляева, С. Попова	347
В помощь освобожденным районам. Р.С. Шиляева	351
Молодость брала свое. Н.В. Маринин	354
Фотохроника трудового тыла (Л.А. Шишкин). В.А. Ситников	356

ТРУДНЫЙ ПОДЪЕМ

На работу славную. Т.П. Кокурин	359
Председательский корпус. В.А. Ситников	374
Академики-агрии. Т.П. Кокурин	394
Искра Андрея Ронжина. Л. Костин	398
Дело всей его жизни. А.И. Скорняков	401
Апрель послевоенный: Стихи. Л.В. Дьяконов	411
Два Прозоровых, две схожие судьбы. А.А. Марков	412
Живым и мертвым — сад один. В.Н. Булычев	414
Развитие технического обслуживания села. Т.П. Кокурин	424
Из истории колхоза «Красная Армия» (Слободской район).	
В.Я. Ложкин	431
С мольбертом по сельским дорогам. Г.Г. Киселева	435
Её призвание — песня. С.Н. Панькова	436
Среди хлебов спелых, среди овсов зрелых... Р.Я. Лаптева	439
Стихи. Н.И. Перминова	454
Влюбленный в природу (фотомастер Н.А. Шилов). Б.В. Садырин ...	455

«КОЛОКОЛЬЧИКА ВЯТСКОГО ЭХО»

Кризисная ситуация. Т.П. Кокурин	456
Умирают деревни: Стихи. Л.П. Созинов	472
Музей истории крестьянства. С. Н. Панькова	473

Овсяное поле; Русский сюжет: Стихи. М.П. Чебышева	474
Памятник исчезнувшим деревням вятской земли.	
С.П. Кокурина, Е. Бушмакин	477
Колокольчика вятского эхо: Стихи. А.Г. Гребнев	479
Певец красоты (А.М. Перовошиков). Л.М. Лубнин	480
Библиография. С.П. Кокурина	483
Авторский коллектив	491

Ответственный за выпуск *В. Ситников*
 Технический редактор *Н. Перевозникова*
 Корректоры *Л. Колесова, Т. Крючкова*

Подписано к печати 08.12.2005. Формат 84×108/32. Печать офсетная.
 Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Тираж 5000 экз. Заказ № 5406.

90р
 ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
 610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 5-85271-222-1

9 785852 712226

